ИВАН III

Николай Борисов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга посвящена великому князю Московскому, «государю всея Руси» Ивану III. Уже современники называли его Иваном Великим. Его политические достижения неоспоримы: он сплотил разобщенные русские земли в могущественное Московское государство, избавил страну от гнетущей власти Орды, вывел ее из исторического тупика. Однако до сих пор сложная и трагическая личность Ивана III, в биографии которого ярко отразился весь драматизм той переломной эпохи, остается, по существу, нераскрытой и непонятой. Углубленное прочтение сохранившихся исторических источников позволило автору книги разглядеть за привычной всем монументальной маской «государя всея Руси» подлинное лицо одного из главных деятелей отечественной истории.

- Николай Борисов
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - Часть 1
    - ГЛАВА 1 Мятеж
    - ГЛАВА 2 Вокруг колыбели
    - ГЛАВА 3 Мера зла
  - Часть 2
    - ГЛАВА 4 Исцеление
    - ГЛАВА 5 Холодная весна
  - Часть 3
    - ГЛАВА 6 Новгород
    - ГЛАВА 7 Собор
    - ГЛАВА 8 Тверь
    - ГЛАВА 9 Вятка
  - Часть 4
    - ГЛАВА 10 Казань
    - ГЛАВА 11 Большая Орда
    - ГЛАВА 12 Литва
    - ГЛАВА 13 Прибалтика
  - Часть 5
    - ГЛАВА 14 Строитель
    - ГЛАВА 15 Судья
    - ГЛАВА 16 Палач
    - ГЛАВА 17 Возмездие
    - ГЛАВА 18 Тень
  - МОСКОВСКИЙ КНЯЖЕСКИЙ ДОМ В XV ВЕКА
  - БИБЛИОГРАФИЯ

- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИВАНА ВЕЛИКОГО
- СПИСОК КАРТ
- ИЛЛЮСТРАЦИИ

- notes
  - 1

Николай Борисов
ИВАН III

ПРЕДИСЛОВИЕ

Чтобы постигнуть сущность народа, надо быть государем, а чтобы постигнуть природу государей, надо принадлежать к народу.

Никколо Макиавелли

Россия нынешняя образована Иоанном.

Н. М. Карамзин

Есть люди, жизнь которых словно воплотилась в некие вечные творенья. Так Петербург стал гигантским памятником Петру Великому, собор Василия Блаженного славит Ивана Грозного, Троице-Сергиева лавра — преподобного Сергия, а киевская София — мудрого Ярослава. Своего «духовного отца» имеет и московский Кремль. Невозможно остаться равнодушным, глядя из-за Москвы-реки на это причудливое скопление дворцов и монастырей, соборов и колоколен, стянутое могучим поясом зубчатых стен. Кажется, сама державная Россия смотрит на нас с этого берегового холма. И над всем этим евразийским великолепием, над шатрами и куполами, над пушками и колоколами, над застенками и кладовками, над молельнями и гробницами — тень великого князя Московского Ивана III, которого современники называли Иваном Великим.

Эта книга — об Иване III, создателе московского Кремля и Московского государства, одном из самых выдающихся деятелей отечественной истории. На каждое столетие приходится не более одного-двух людей такого калибра.

Мы не случайно обратились к его образу. Настоящая книга в какой-то степени является продолжением ряда исторических портретов строителей Московского государства. В серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга о первом великом князе Московском Иване Даниловиче Калите (Иван Калита. М., 1995; второе издание — М., 1997). Несколькими годами ранее увидела свет книга о преподобном Сергии Радонежского (И свеча бы не угасла… Исторический портрет Сергия Радонежского. М., 1990). И вот теперь на суд читателей выносится жизнеописание создателя единого Российского государства великого князя Ивана Васильевича. Каждый из этих трех героев отечественной истории

был яркой и неповторимой личностью, каждый делал свое великое дело. Иван Калита превратил Москву из удельного захолустья в политическую и религиозную столицу Северо-Восточной Руси. Преподобный Сергий Радонежский своим монашеским подвигом одухотворил политическое наследие Калиты и стал великим зодчим духовной культуры ранней Москвы. Иван Великий, опираясь на достигнутое, превратил пестрое сообщество русских земель и княжеств в единое и независимое государство — Россию. И словно три угла треугольника, эти три великих человека составляют в нашей истории некое неделимое целое.

В соответствии с особенностями происхождения и воспитания, с характером своего дела и обстоятельствами, среди которых им приходилось действовать, они отчеканились тремя неповторимыми профилями. Нет смысла задаваться праздным вопросом о степени величия каждого из них. Скажем лишь, что это были люди одной меры, одной несокрушимой закалки. И каждый как личность представляет сложнейшую загадку для историка.

Писать биографию Ивана III крайне сложно в силу целого ряда объективных причин. Сбивчивость и противоречивость источников, полное отсутствие документов личного характера, иной мир и иная система ценностей — обычные опасности, подстерегающие исследователя русского Средневековья. Но весь этот и без того запутанный клубок к концу XV столетия запутывается окончательно.

Основной источник наших знаний о событиях XV столетия — летописи. Они — разбитое зеркало своего времени. Разглядеть что-либо в этих потускневших осколках не так-то просто. Ранние московские летописцы коротко и лаконично сообщали о двух-трех наиболее примечательных событиях каждого года. Да и самих летописей XIV и первой половины XV столетия сохранилось очень немного. В результате всего этого, а также вследствие работы многих поколений историков, каждое известие из этого периода напоминает тщательно обглоданную кость.

Ситуация существенно изменяется в эпоху Ивана III. Политический кругозор московского двора стремительно расширяется. Количество событий, достойных упоминания, резко возрастает. Многие понимают, что являются свидетелями исторических событий, и хотят выразить свое отношение к ним. Летописные своды растут здесь и там, словно грибы после дождя. Политическое назидание оттесняет на второй план религиозно-нравственное поучение. Отделить истину от клеветы становится необычайно трудно.

Но словно сжалившись над историками, время сохранило несколько замечательных человеческих документов той эпохи — неофициальных памятников летописания. Один из них — летописный свод, составленный в церковных кругах в 80-е годы XV столетия и дошедший до нас в составе Софийской II и Львовской летописей. Неизвестный автор свода готовил свой отчет для будущего, а не для настоящего. Его взгляд на события исполнен скорби о попранных добродетелях, кто бы ни выступал в роли грешника. Конечно, он не позволяет себе открыто обличать государя за его злодеяния. (Кажется, для него это даже не вопрос смелости, а вопрос личного смирения.) Он сочувствует московскому делу и ощущает его величие. Но он умеет видеть правду побежденных и сочувствует им. Он хочет в нескольких словах назвать истинные причины событий. Его цель — истина. Он — независимый наблюдатель, взирающий на мир беспристрастно, но не равнодушно. В нашем повествовании мы будем именовать его Независимым летописцем. И пусть его негромкий голос, едва долетающий до нас сквозь гром колоколов и крики ненависти, напоминает нам о том, что даже в самые бурные времена совесть имеет все же некоторую цену.

Исторические источники при их правильном прочтении дают нам знание. Но с одним лишь знанием в истории уплывешь не дальше геркулесовых столбов ученых степеней. Для дальнего плавания в океане минувшего необходимо сочувствие. А оно возникает лишь по мере понимания. Конечно, прийти к нему будет нелегко. Но вот на что следует обратить внимание. В деяниях Ивана Великого мы узнаем тот характерный размашистый почерк, которым написаны самые яркие страницы отечественной истории. С него начинается долгий ряд наших исторических деятелей, которые одной рукой творили добро, а другой — зло. Они совершали великие преобразования, но при этом не останавливались перед непомерной ценой своих побед. Этих людей трудно любить, но трудно и не восхищаться ими. Они — словно кованые гвозди, которыми скрепляется причудливая конструкция Российского государства.

Пытаясь разгадать загадку Ивана Великого, отметим и еще одно обстоятельство. Как и любой человек, князь Иван имели свои маяки для плавания по «многомутному морю житейскому». Один из них — дела его отца, другой — Священное Писание.

Отец Ивана, великий князь московский Василий Васильевич (Василий II, или Василий Темный), прожив бурную и трагическую жизнь, умер в возрасте 47 лет в 1462 году. В 9 лет он потерял отца, в 19 — престол, в 30 лет попал в плен к татарам, а вернувшись из плена, был ослеплен своими двоюродными

братьями Дмитрием Шемякой и Иваном Можайским. Не сломленный этими ударами судьбы, Василий со временем сумел вернуть себе московский престол и в урочный час передать его старшему сыну Ивану.

Увечье дало повод для его прозвища — Темный. Однако это был лишь повод. Подлинный смысл уникального прозвища Василия II — своего рода историческая загадка. На языке того времени слова «темный» и «слепой» не были абсолютно тождественны. Они различались своим содержанием. (Этой тонкой разницы не смог уловить австрийский посол Сигизмунд Герберштейн, который в своих знаменитых «Записках о Московии» называет отца Ивана Великого «Василий Слепой») (4, 65).[1] «Слепой» — это всего лишь обозначение физического недостатка. В XV веке известно несколько князей и бояр, носивших прозвище «Слепой». Но нет ни одного, кроме Василия II, кого бы называли «Темным». Это имя звучит как проклятье. Но в нем же — отзвук жалости и прощения. (И как тут не вспомнить Гоголя, восхищавшегося точностью и выразительностью народных прозвищ!)

Историки обычно затруднялись сказать что-либо определенное о достоинствах Василия Темного. Чаще всего его представляли полным ничтожеством. Однако будем справедливы к этому вечному неудачнику и при вынесении вердикта учтем хотя бы то, что при всех своих слабостях и пороках этот человек был единственным в русской истории слепым полководцем, не проигравшим ни единого сражения; что даровитые и верные люди, которыми он окружил свой трон, едва ли были так безнравственны, чтобы служить явному негодяю или ничтожеству; что зная о жестокости некоторых расправ, учиненных Василием II, мы ничего не знаем об их причинах.

Иван с самых ранних лет был неизменно рядом с отцом, служил ему помощником и поводырем, был посвящен в самые сокровенные тайны московского двора. Бедствия, выпавшие на долю отца, лишили его беззаботного детства. Но они же дали ему раннюю и холодную опытность. Без этой суровой школы Иван никогда бы не стал первым Государем. И потому рассказ о жизни князя Ивана мы предваряем обстоятельным повествованием о делах Василия Темного. Здесь, в темных тайниках души Слепого — ключ к сложному характеру нашего героя, к его добродетелям и порокам, подвигам и преступлениям. И даже когда он искренне хотел быть милосердным — тень ослепленного отца вставала на его пути, требуя беспощадности к врагам. Память о галицком мятеже, едва не погубившем все московское дело, была не называемой, но всегда подразумеваемой парадигмой московской

политической борьбы второй половины XV столетия.

Воспоминания об отце — лишь один из маяков, светивших нашему герою. Другим была Библия с ее острым ощущением близости Бога и величавыми образами древних царей— Божьих избранников и спасителей своего народа. Иван был первым из московских князей, кто не на словах, а на деле стал царем — могущественным и независимым правителем обширной страны. Он свергнул власть ордынского «царя» и на ее развалинах построил свое царство. И где, как не в Ветхом Завете, он мог найти близкие ему по духу образы великих правителей — Моисея и Иисуса Навина, Давида и Соломона? До конца своих дней Иван искал в Библии ответы на вопросы, которые ставила перед ним жизнь. Понять дела и замыслы «государя всея Руси» можно только с Библией в руках.

Помимо отцовских заветов и библейских глаголов, у Ивана был и еще один ориентир — неписаные правила поведения государя, выработанные долгой чередой правителей, управлявших народами. Диктатура — сложное и опасное ремесло. Подобно горячей лошади, она покоряется лишь умелому наезднику. Диктатору необходимо глубокое знание противоречивой человеческой природы. Это знание дается не только собственным опытом и размышлением, но также чтением древних летописей и хроник. Постепенно каждый государь вырабатывает свою собственную негласную систему поведения. При всем многообразии этих систем в них можно увидеть немало общего. Этот универсальный механизм единоличной власти ярко изобразил в своем знаменитом трактате «Государь» младший современник нашего героя, итальянский мыслитель Никколо Макиавелли (1469–1527). Его горькие сентенции — еще один ключ к деяниям Ивана Великого.

Наш герой представляет собой невиданный ранее на Руси тип правителя — могущественного, умного и хищного диктатора, в деяниях которого благочестивая риторика и социальная демагогия соседствуют с грубым произволом. В нашем рассказе об Иване III читатель не раз повстречает слова «диктатор» и «диктатура». Слова эти звучат несколько неожиданно применительно к средневековой Руси. Однако не будем пугаться непривычного, но заглянем в суть вопроса. Как определенная форма правления, диктатура существует с глубокой древности. Она предполагает сосредоточение в руках одного лица законодательной, исполнительной и судебной власти. Самодержавие — это лишь историческое название российской диктатуры.

Сегодня понятие «диктатура» приобрело сугубо негативное,

одиозное значение. Однако опыт истории свидетельствует о том, что в некоторых случаях именно диктатура может оказаться спасительной для общества в целом. «Там, где развращенность всех достигла такой степени, что ее не в состоянии обуздать одни лишь законы, — говорил Макиавелли, — необходимо установление вместе с законами превосходящей их силы; таковой силой является царская рука, абсолютная и чрезвычайная власть которой способна обуздывать чрезмерную жадность, честолюбие и развращенность сильных мира сего» (117, 178).

То, что Макиавелли несколько туманно называет «всеобщей развращенностью», можно определить и в более строгих терминах. Обычно диктатура возникает тогда, когда общество стремится выйти из политического кризиса, сплотиться для отпора внешнему врагу или решить необычайно сложные социально-экономические задачи. В этих ситуациях максимальное сосредоточение власти в одних руках может оказаться весьма эффективным. Разумеется, диктатура никогда не бывает абсолютной. Любой диктатор, чтобы не быть свергнутым, должен считаться с интересами правящего класса, религией (или идеологией) данного общества и многими другими вещами. Он должен тонко чувствовать меру своих возможностей. Он должен учитывать и то, что произвол одного лица тяготит всех остальных. Люди инстинктивно тянутся к самостоятельности. Однако жизнь показывает, что диктатура окончательно уступает место более мягким формам власти лишь по мере роста экономического благополучия общества и ослабления внешней угрозы.

Как и любая другая форма государственного устройства, диктатура имеет свои недостатки. Один из них состоит в том, что, вступив однажды на ложный путь, диктатор (на погибель всему обществу и самому себе) может довольно долго идти по нему, прежде чем его остановит мятеж черни или заговор аристократии. Иначе говоря, при диктатуре особое значение имеет личность диктатора, его здравый смысл и чувство меры. Именно с этой точки зрения и следует оценивать любого диктатора, а в нашем случае — «государя всея Руси» Ивана III.

Глядя снизу вверх на вершины власти, мы часто забываем, что любой правитель — не бронзовый монумент, а всего лишь смертный человек. Его отличие от прочих людей заключается главным образом в масштабности целей, которые он в силу своего положения может преследовать. Но возможность действия не есть еще само действие. Как много правителей в истории России могли бы совершить великие дела, но ограничились заботой о собственном благополучии. «Героизм — это прежде всего

способность действовать», — говорил Т.Карлейль. Именно здесь мы и находим еще один критерий для оценки исторического величия любого правителя. Иван III был в полной мере наделен этой способностью. Он не только ставил перед собой масштабные цели, но и делал все возможное для их достижения.

Иван Великий — одна из самых сложных и противоречивых фигур русской истории. В его таинственном ветхозаветном величии удивительным образом соединились царь-освободитель и царь-поработитель. Таков печальный парадокс русской истории. Правитель, добившийся полной независимости страны от внешних сил, одновременно стал родоначальником крепостнического строя. Он «поставил под ружье» и аристократию с ее вечной наклонностью к мятежу, и крестьян с их неизбывной тягой к перемене мест, и погруженных в молитву лесных монахов-отшельников. Он пустил в дело и мастеровитых итальянцев, и хитроумных греков, и ученых немцев, и скучавших без дела татарских «царевичей». Вся эта пестрая смесь, переплавившись в огне московской диктатуры, стала прочным материалом для невиданной доселе евразийской монархии. Он уравнял всех в страхе перед верховной властью и воодушевил народ мечтой о государстве Божьей Правды.

Иван использовал опыт двух исчезнувших империй — Византии и Золотой Орды. Он взял от них не идею, как думали евразийцы, а прежде всего технологию абсолютной власти. Но эту технологию он адаптировал совсем к другому обществу. Здесь, на Руси, только сильная центральная власть могла решить две главные задачи: обеспечение независимости и перераспределение скудного прибавочного продукта в интересах государства.

Но, пожалуй, самое удивительное состоит в том, что свое великое дело — создание могущественного Российского государства — Иван III сумел проделать незаметно. Никто из сильных соседей не догадался помешать ему. Кажется, они просто не понимали, чем он там, в своем московском углу, занимается. А когда они это поняли — было уже поздно.

Завершая предисловие, считаем необходимым сделать две оговорки. Первая из них касается полноты рассказа, вторая — его тенденциозности.

Эпоха Ивана III по своему художественному богатству напоминает величественный собор. Здесь все, от мелких деталей до общей композиции, привлекает внимание и служит предметом дискуссий специалистов. Однако «нельзя объять необъятное». В данной книге мы не можем в равной степени уделить внимание всем аспектам деятельности нашего героя, и потому многие немаловажные проблемы истории России того времени, так или

иначе связанные с его биографией, неизбежно оказываются в тени. Мы также не имеем возможности оговаривать все противоречия историков по тому или иному сюжету. И пусть как в истории, так и в нашей книге портрет Ивана Великого останется немного недописанным.

Рассказывая о таких «знаковых» исторических фигурах как Иван III, историк сознательно или бессознательно внушает читателю свое отношение к нему. И здесь нам хотелось бы с самого начала «раскрыть карты». Наше отношение к Ивану III — создателю Московского государства и его одушевленному символу — неизбежно отражает отношение к самому этому государству, которое при всех его исторических метаморфозах, по существу, не так уж сильно изменилось за истекшие пять веков. Это государство смотрит на своих детей то строгим отцом, то заботливой матерью, но чаще всего — злой мачехой. И потому оно вызывает у нас и любовь, и ненависть одновременно. Столь же изменчив и похожий на отражение в бегущей воде образ «государя всея Руси» Ивана Васильевича. Представляя его лишь в одном из обликов — как государственного мужа, судью, полководца или жестокого тирана, — мы потеряли бы полноту жизни, вмещавшей в себя все это вместе. И потому мы не станем подгонять портрет Ивана под заранее заказанную раму. Запасшись терпением и сочувствием, мы пройдем, как смиренные пилигримы, по его зарослщм травой забвения путям. Мы будем восхищаться тем, что вызывает восхищение, и негодовать над тем, что вызывает негодование. Вглядываясь в сумрак минувшего, мы будем внимательно следить за происходящим, соотнося его с нашим сегодняшним знанием и нашей неизменной совестью. И наконец, мы не станем забывать о том, что все это происходило не где-нибудь за морями, а в нашей России, на той самой земле, на которой мы сегодня живем и частью которой, вслед за Иваном Великим, каждому из нас в свой час предстоит стать…

Итак, мы спускаемся на глубину пяти веков, к тем далеким временам, когда из надежды и отчаяния, из камня и железа, из пота и крови, из ветра и снега, из волчьего воя и колокольного звона таинственно складывалось то, что потомки станут называть Российским государством.

Часть 1
ВСАДНИКИ

ГЛАВА 1 Мятеж

Разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание.

Никколо Макиавелли

В пятницу, 22 января 1440 года, на память святого апостола Тимофея, в семье великого князя Московского Василия Васильевича произошло радостное событие: «Родися у великые княгини… сын Тимофеи, дали ему имя Иоан» (29, 150). Через несколько дней, 27 января, церковь вспоминала «перенесение мощей святителя Иоанна Златоуста». В честь этого великого святителя младенец и был наречен Иоанном. Однако не забыт был и святой Тимофей, которого Иван всю жизнь чтил как своего второго небесного покровителя.

Крещение младенца совершили игумен Троице-Сергиева монастыря Зиновий и архимандрит Чудова монастыря в московском Кремле Питирим. Оба они были выдающимися церковными деятелями своего времени и впоследствии немало сделали для того, чтобы их крестник смог унаследовать отцовский престол.

Можно думать, что после крещения младенца по традиции возложили на раку с мощами преподобного Сергия Радонежского, испрашивая для него небесного покровительства «великого старца». Потом женщины унесли младенца в отведенные им покои. Великий князь и бояре отведали скромной монастырской трапезы, сопровождавшейся чтением житий святых. Отпустив свиту, Василий Васильевич еще долго беседовал с игуменом в пропахших ладаном настоятельских покоях. В печи жарко потрескивали толстые березовые поленья. Случалось, разговор затихал, и собеседники подолгу глядели на пляшущий огонь.

А поутру, едва рассвело, княжеский возок выехал из ворот маковецкой обители. Отстоявшиеся за ночь кони перешли на крупную рысь. Сопровождаемый вереницей всадников, возок понесся навстречу ленивому зимнему солнцу на юг, к Москве. И вот уже темная неоглядная масса радонежских лесов поглотила тонкую цепочку всадников, поглотила и возок, в котором мать прижимала к груди закутанного в одеяла спящего младенца —

крошечную искру жизни среди застывшего в своем холодном величии зимнего леса…

Рождение Ивана было событием знаменательным для московского княжеского семейства. Оно совпало с кончиной его старшего брата Юрия — первого сына великого князя Василия Васильевича. Юрий родился осенью 1437 года (вероятно, около осеннего «Юрьева дня» — 26 ноября) и умер в возрасте двух лет зимой 1439/40 года. Точная дата его кончины неизвестна. Однако ясно, что в глазах всего московского народа Иван как бы пришел на место Юрия, стал утешением родителям. Должно быть, именно страх перед грозным Провидением, только что унесшим во мрак могилы их первенца, побудил родителей Ивана обратиться за помощью к троицким старцам, чья прославленная святость могла смягчить своими молитвами гнев Божий.

Радость и скорбь, скорбь и радость встретились тогда лицом к лицу на Боровицком холме. И в этом странном смешении смеха и слез таилось своего рода предзнаменование: плакавший в люльке младенец, еще не знавший даже и того, что его зовут Иваном, пришел в мир, чтобы со временем стать для множества людей — обожаемым, а для другого множества — ненавистным. Ему суждено было одной рукой сеять радость и надежду, а другой — скорбь и отчаяние.

Согласно представлениям той эпохи рождение великих правителей обязательно должно было сопровождаться какими-то чудесными знамениями и пророчествами. Принято думать, что эти пророчества составлялись «задним числом» и были плодом фантазии каких-нибудь старательных книжников. Не вступая в спор со здравым смыслом науки, заметим лишь, что доказать невозможность чуда столь же трудно, как и его возможность…

Итак, пророчества о младенце прозвучали. В Новгородской земле, в забытом людьми, но не Богом, маленьком Клопском монастыре жил тогда один странный инок по имени Михаил. Ни роду его, ни племени никто толком не знал. Презираемый всеми за крайнюю нищету и простоту, он спал на куче песка вместо постели, а убогую свою келью зимой согревал вместо дров сухим конским навозом и мусором. Но вот однажды случайно открылось, что сей блаженный инок находился в близком родстве с московскими князьями и самим великим князем Василием Дмитриевичем. С тех пор клопские монахи стали побаиваться странного собрата и прислушиваться к его бессвязным и темным словам. Сам новгородский владыка Евфимий жаловал его своим вниманием и беседой. Ему-то и поведал Михаил Клопский зимой 1440 года свое пророчество: «Днесь, отче, у великого князя на Москве радость… Родися великому князю сын… и будет

наследник отцу своему, и разорити имать обычаи нашей земли Новгородскиа, погибель граду нашему будет, и многим землям страшен будет» (19, 108).

Мир, в который пришел княжич Иван (и который ему предстояло изрядно переделать), находился в ту пору далеко не в лучшем состоянии. Уже пятнадцать лет Северо-Восточную Русь опустошало ненасытное чудовище — княжеская усобица. Одолеть это чудовище было не под силу ни одному герою-витязю, ибо гнездилось оно не в смрадной пещере, а в темных глубинах человеческого сердца.

Люди Средневековья верили, что каждый человек является на свет с какой-то сокровенной, одному Богу ведомой целью. Если это так, то борьба с чудовищем усобицы — и на широких полях сражений, и в недрах своей собственной души — и была той провиденциальной целью, для которой Иван появился на свет…

Усобица взрастала поначалу неприметно. Корни ее уходили в глубины минувшего. Отец Ивана князь Василий Васильевич унаследовал московский престол в 1425 году в возрасте десяти лет. Его отец, сын Дмитрия Донского Василий, оставил по себе добрую память как правитель твердый, но осторожный. Благодаря его мудрой предусмотрительности Москва за долгих 36 лет правления Василия I (1389–1425) не испытала никаких внутренних потрясений и лишь единожды подверглась нашествию татар. Но и тогда, в страшном 1408 году, сам город не был взят ордой коварного Едигея.

Василий I умел ладить не только с татарами, но и со своим могущественным соседом, великим князем Литовским Витовтом, на дочери которого он был женат. Следуя заветам своего великого прадеда Ивана Калиты, московский правитель воздвиг свою политику на трех китах: мир с Ордой, мир с Литвой и самые добрые отношения с митрополитом Киевским и всея Руси. А между тем вокруг Владимирской Руси гремели тогда битвы, сметавшие целые народы и государства. В 1395 году «железный хромец» Тимур разгромил Золотую Орду и стер с лица земли ее столицу Сарай — любимое детище знаменитого хана Узбека. В 1399 году ставленник Тимура Едигей нанес тяжелейшее поражение литовцам в битве на реке Ворскле. Но Литва со временем поднялась и вместе с Польшей в 1410 году наголову разгромила воинственных тевтонских рыцарей в Грюнвальдской битве. Союз Литвы и Польши, начало которому было положено Кревской унией 1385 года, был подтвержден и укреплен Городельской унией в 1413 году. Ответом на литовско-польское сближение стал грандиозный поход татар на Киев в 1416 году.

Умело избегая конфликтов с могущественными соседями, Василий Дмитриевич медленно, но верно возвышал Москву как центр всей политической системы великого княжения Владимирского. В 1392 году он присоединил к своим владениям обширное Нижегородское княжество. Отталкиваясь от Нижнего Новгорода, воеводы Василия I совершали походы в глубь «Татарской земли», на города Болгары, Жукотин, Кременчук. На севере московский князь дважды пытался отнять у Новгорода богатую пушниной Двинскую землю, но вынужден был отступить.

Василий I умел поддерживать мир и внутри московского княжества. Его родные братья — младшие сыновья Дмитрия Донского Юрий, Андрей, Петр и Константин — тихо сидели в своих уделах и в целом не выходили из-под руки старшего брата. Однако именно здесь, в области «домашних» отношений, таилась наибольшая опасность для московского дела.

Словно повинуясь злому року, все сыновья Василия Дмитриевича (Юрий, Иван, Даниил, Семен) умирали рано. Особенно тяжелым ударом стала для великого князя внезапная кончина его второго сына, Ивана. Родившийся 15 января 1396 года (19, 70) и нареченный в честь святого Иоанна Кущника, память которого праздновалась в этот день, княжич Иван Васильевич должен был со временем занять московский престол. (Первый сын Василия I Юрий прожил всего пять лет: с весны 1395 до 30 ноября 1400 года.) Отец связывал с ним все свои надежды на продолжение рода и возвышение Москвы. В воскресенье, 31 января 1417 года, «князь великый Василей Дмитриевич жени сына своего князя Ивана у князя Ивана у Пронскаго» (21, 487). Для подготовки к роли правителя Иван получил особый удел — Нижний Новгород. Ему велено было именоваться «великим князем» (31,243). Однако всего полгода спустя, 20 июля 1417 года, любимый сын, соправитель и наследник Василия I княжич Иван скончался на пути из Коломны в Москву (27, 231). Вероятно, он стал жертвой лютого «мора», гулявшего в том году по Руси. Тело его было предано земле в родовой усыпальнице Даниловичей — Архангельском соборе московского Кремля. Потомства княжич Иван оставить не успел…

Лишь пятый сын, Василий, родившийся 10 марта 1415 года, оказался «долгожителем» (31, 241). Но и ему в феврале 1425 года, когда Василий I лежал на смертном одре, не исполнилось еще и десяти лет. Такая ситуация всегда порождала смуты и усобицы. Главным соперником отрока Василия выступал его дядя, князь Юрий Дмитриевич Звенигородский и Галицкий. На его стороне было не только древнее право наследования «от брата к брату», но и прямое распоряжение Дмитрия Донского, в завещании

которого говорилось: «А по грехом, отъимет Бог сына моего, князя Василья, а хто будет под тем сын мои, ино тому сыну моему княж Васильев удел…» (6, 35). Сторонники Василия I объясняли распоряжение Донского тем, что в момент его кончины старший сын еще не был женат и не имел наследников. С тех пор все изменилось и, стало быть, данный пункт завещания утратил свою силу. Однако Юрий Звенигородский не признавал таких разъяснений и требовал дословного исполнения воли отца, то есть передачи ему московского стола по кончине Василия I. Другой брат, Константин, также открыто выражал недовольство намерением Василия завещать престол своему малолетнему сыну. Однако до войны между братьями дело никогда не доходило, и все надеялись, что время рассудит их спор.

Кончина Василия I в ночь с 27 на 28 февраля 1425 года перевела вопрос о престолонаследии из области мнений в область действий. Московские бояре и митрополит Фотий попытались уговорить 50-летнего Юрия Звенигородского явиться в Москву и присягнуть на верность Василию П. Летописи довольно сбивчиво излагают события этих тревожных дней. Юрий поначалу, кажется, готов был согласится и даже выехал в Москву. Однако какое-то дурное предчувствие (а может быть, и чье-то тайное предостережение) заставило его остановиться. Приглашение в Кремль (хотя бы и заверенное самим митрополитом) вполне могло быть приглашением на тот свет. История ранней Москвы знала немало примеров того, как доверчивых соперников заманивали на переговоры, а затем бросали в темницу. Вдова Василия I Софья, оставшаяся в роли регентши при несовершеннолетнем сыне, отличалась властным и жестким характером. От нее можно было ожидать всего. На ее стороне был и глава Церкви митрополит Фотий. Но если на Боровицком холме действительно решили избавиться от Юрия, то и маленький подмосковный Звенигород не мог послужить ему надежным убежищем…

Поразмыслив обо всем этом, Юрий свернул с проторенной московской дороги. Проселками да околицами мятежный князь повел свой отряд во вторую удельную столицу — Галич Костромской, или, как его еще называли, «Галич Мерьский» (от названия угро-финского племени меря — древних обитателей окско-волжского междуречья).

«Ледовый поход» князя Юрия Звенигородского стал началом многолетней смуты в Русской земле. Разбуженное чудовище усобицы вырвалось на свет из своих темных лабиринтов. Между разными ветвями потомства Дмитрия Донского началась братоубийственная война. То затихая, то вновь разгораясь, она

продолжалась до 1453 года.

(Московская война второй четверти XV века давно привлекала внимание историков. Тщательной проработкой всех ее обстоятельств отличается книга А. А. Зимина «Витязь на распутье. Феодальная война в России XV в.» (М., 1991). Однако и после нее остается немало противоречий как по фактической стороне дела, так и в объяснении причин, побуждавших героев Смуты к действиям.)

Юрий Звенигородский не поехал в Москву присягать племяннику. Однако и воевать с ним он был не готов. Собственный удел Юрия, состоявший из двух обособленных территорий — подмосковного Звенигорода и отдаленного Галича с округой, был слишком слабой базой для борьбы с Москвой. К тому же на стороне державного отрока Василия остались его младшие дядья — удельные князья Андрей, Петр и даже прежде опальный Константин Дмитриевичи. Мать Василия II, княгиня-вдова Софья, узнав о мятеже Юрия, послала за помощью к своему отцу — великому князю Литовскому Витовту. Имея перед собой таких противников, Юрий в случае войны был обречен на поражение. Да и легко ли ему было ввергнуть меч между братии, посягнуть на святая святых московского дома — единомыслие?..

В итоге Юрий не спешил браться за меч. Не торопились с войной и москвичи. Дядя и племянник заключили между собой перемирие до Петрова дня — 29 июня. Однако до прочного мира было еще далеко. И в Москве и в Галиче копили силы. Весной 1425 года московское войско двинулось на Галич. Тем самым москвичи нарушали только что достигнутое перемирие. Но промедление было бы на руку Юрию, который, воспользовавшись перемирием, «розосла по всей своей отчине, по всех людей своих» (32, 183). И потому в Москве решили не придавать значения своим прежним обещаниям. Плацдармом для наступления на заволжские владения Юрия стала Кострома. Отсюда вверх по реке Костроме и ее левому притоку Вексе шел торный путь на Галич.

Узнав о начале войны, Юрий не стал дожидаться, пока его недруги подступят к Галичу. Вместо этого он ушел в Нижний Новгород, где имел немало доброхотов. Вслед ему было послано большое московское войско под началом князя Андрея Дмитриевича. Однако догнать Юрия он не сумел (или не захотел). Дело кончилось тем, что московские полки вернулись в Москву, а Юрий — в Галич.

(Летописи весьма кратко сообщают о событиях этих лет и зачастую противоречат друг другу. К тому же московское летописание второй четверти XV века дошло до нас только в составе летописных сводов второй половины XV века, когда

многие события уже представали в ином свете. Наконец, мы до сих пор весьма умозрительно представляем себе принципы работы летописца, зачастую сводя их к одной «политической тенденциозности» и забывая о чувстве религиозной ответственности, которое он постоянно испытывал (77, 187). Вслед за противоречащими друг другу летописцами по-разному толкуют ход событий и историки. Не будем утомлять читателя пересказом различных мнений. Заметим лишь, что из этой цеховой шкатулки мы извлекаем то, что представляется нам наиболее убедительным.)

Одновременно с военными приготовлениями и движениями разворачивалась энергичная миротворческая деятельность главы Русской Церкви митрополита Фотия (1408–1431). В 1425 году он дважды лично ездил к Юрию в Галич. Во время визита Фотия в Галич в июле 1425 года мятежный князь пообещал прислать в Москву послов для заключения прочного мира с племянником. Однако Юрий оставил за собой право апеллировать к хану Золотой Орды, который все еще оставался высшей правовой инстанцией для русских князей.

К осени 1425 года московская усобица затихла, словно испугавшись появления на исторической сцене нового действующего лица — черной оспы. Небывалая по масштабам эпидемия этой губительной болезни гуляла в 20-е годы XIV века по русским землям, то уходя, то вновь возвращаясь. Летописные записи этих лет звучат уныло и монотонно, как погребальный звон. «Тое же осени бысть мор велик во Пьскове, и в Новгороде в Великом, и в Торжку, и во Твери, и на Волоце, и в Дмитрове, и на Москве, и во всех градех Русьских и во властех и селех» (18, 143).

Закутанная в окровавленный саван, смерть широко шагала по градам и весям. Несметные стаи ворон и крыс составляли ее зловещую свиту. Она заглядывала и в хижину бедняка, и в княжескую палату.

В Москву сильнейшая волна эпидемии пришла в самом конце весны 1425 года. «А с Троицына дни (27 мая. — *Н. Б.*) почат быти мор на Москве; а пришел от немец въ Псков, а оттоле в Новъгород, такоже доиде и до Москвы…» (19, 93). Жертвами «мора» стали почти все потомки героя Куликовской битвы князя Владимира Андреевича Серпуховского. Учитывая то, что эпидемия распространялась с севера на юг, можно предполагать, что в Твери оспа появилась раньше, чем в Москве, то есть еще весной 1425 года.

Историк первой половины XVIII века В.Н.Татищев (1686–1750), имевший в руках некоторые не дошедшие до нас летописи, приводит уникальное рассуждение об эпидемии 1425–1427 годов.

«В лето 6935 (1427) мор бысть велик во всех городех руских по всем землям, и мерли прысчем. Кому умереть, ино прысч синь и в третей день умираше; а кому живу быти, ино прысч черлен да долго лежит, дондеже выгнеет. И после того мору, как после потопа, толико лет не почали жити, но маловечнии, и худии, и счадушнии (тщедушные. — *Н. Б.*) начаша быти» (49, 234).

Известно, что сильные потрясения, испытанные в детстве или отрочестве, навсегда остаются в памяти человека. Они подспудно формируют его характер, причудливо отражаются в поступках, совершенных много лет спустя. «Трудное детство» (нехватка родительской любви и заботы, сцены жестокости, убийств и мятежей, необходимость самому отстаивать свои права) было суровой школой и для многих выдающихся правителей России: Дмитрия Донского, Ивана III, Ивана Грозного, Петра Великого. Эту школу прошел и Василий II. Самыми яркими воспоминаниями его отрочества были события 1425 года. Ночной переполох во дворце после кончины отца, перепуганные лица придворных, скачущие во все концы всадники, слухи о крадущемся к Москве войске Юрия Звенигородского. Потом — панический страх зловещего «синего прыща», щиплющий глаза дым горького можжевельника, которым прогоняли заразу. Потом — бестолковый поход на Кострому, томительное ожидание вестей о мятежном дяде, который, казалось, готов был броситься на Василия со своими лесными головорезами из-за каждого поворота дороги. Вдобавок ко всему над поступками князя-отрока довлела деспотическая воля его маг тери — старой княгини Софьи Витовтовны. Василий был ее поздним ребенком. В год его рождения ей было не менее сорока лет. Роды были трудными и едва не стоили княгине жизни (31, 241). Понятно, что отношение матери к такому ребенку было особым, соединявшим пылкую любовь с деспотической опекой и ревностью.

Эта неукротимая женщина оставила глубокий след в истории московской династии. Ее противостояние с другой сильной натурой, вдовой Дмитрия Донского Евдокией, не изображается, но угадывается в московских летописях той поры. В Москве Софью, по-видимому, не любили и считали «литвинкой». На ненависть она отвечала ненавистью. Кажется, не все было в порядке и в отношениях Софьи с мужем. Австрийский посол Сигизмунд Герберштейн, посещавший Москву в первой трети XVI века и прилежно собиравший сведения об истории правящей династии, среди прочего отмечает: «Этот Василий Димитриевич оставил единственного сына Василия, но не любил его, так как подозревал в прелюбодеянии свою жену Анастасию (Софью. — *Н. Б.*), от которой тот родился…» (4, 65).

Ранние испытания, болезненные столкновения с более сильными характерами могут закалить волю отрока, но могут и сломить или деформировать ее. И не из этих ли испытаний отрочества вынес отец нашего героя те малопривлекательные черты, которыми он отличался в зрелом возрасте: нерешительность, притворство, склонность к самоуничижению? Окруженный монахами и обязанный своим престолом властному греку митрополиту Фотию, Василий рано усвоил все правила внешнего благочестия. Но там, где речь шла о делах и о помыслах, — его отношения с Богом оставались весьма непростыми.

Здравый смысл и, быть может, своего рода благородство заставили Юрия Звенигородского на несколько лет затвориться в своей заволжской столице и не показываться на общерусской сцене. Крестник преподобного Сергия Радонежского и строитель каменного собора над его могилой, храбрый полководец, более всего гордившийся тем, что он был сыном Дмитрия Донского, Юрий Звенигородский был далеко не худшим сыном своего жестокого века. Там, где была задета его честь или ущемлены его законные права, он становился непреклонен. Однако при этом он умел прощать и забывать обиды. Порою возникает ощущение, что свою борьбу против Василия II Юрий вел без всякого энтузиазма и даже более того — с каким-то отвращением. Неохотно подчиняясь условностям своего времени и домогательствам честолюбивых сыновей, он поднимался и делал энергичный шаг, приводивший в смятение его врагов. Но скоро ему становилось скучно или даже стыдно перед самим собой. И тогда он вновь сидел в задумчивости у окна в своем высоком тереме над Галицким озером…

Вскоре после мирного договора с Юрием, заключенного летом 1425 года, москвичи принялись оскорблять князя, словно желая выманить его из лесного убежища. Очевидно, Софья Витовтовна хотела покончить с Юрием прежде, чем сойдет в могилу ее престарелый отец — могущественный великий князь Литовский Витовт. В год, когда Василий II занял престол, тому исполнилось 75 лет. Зимой 1426/27 года Софья Витовтовна вместе со своим сыном, великим князем Василием II, ездила на свидание к отцу. (Такие встречи вошли в обычай еще при Василии Дмитриевиче, который несколько побаивался грозного тестя и стремился поддерживать с ним хорошие отношения.) Помимо литовско-псковской войны, которая началась летом 1426 года и приближалась к миру благодаря посредничеству Москвы, на этой встрече с отцом Софья, конечно, заручилась его помощью на

случай войны с Юрием Звенигородским.

Вскоре новый поворот событий вывел Юрия из равновесия. 23 февраля 1428 года в возрасте 42 лет умер бездетный князь Петр Дмитриевич Дмитровский. После его кончины Юрий Звенигородский имел все основания рассчитывать на часть удела своего младшего брата. Традиция московской семьи требовала раздела выморочного удела между всеми оставшимися в живых сородичами. О том же прямо говорил и Дмитрий Донской в своем завещании: «А по грехом, которого сына моего Бог отьимет, и княгини моя поделит того уделом сынов моих. Которому что даст, то тому и есть, а дети мои из ее воли не вымуться» (6, 35). Однако вдова Дмитрия Донского княгиня Евдокия Дмитриевна умерла еще в 1407 году. И теперь в роли судьи должен был выступать князь-отрок Василий, а фактически — его мать Софья Витовтовна.

История с дмитровским наследством вновь показала, сколь мало считаются теперь в Москве с волей давно усопшего Дмитрия Донского. Василий II присоединил выморочный удел к своим владениям. Однако не желая восстановить против себя всех трех деверей, Софья пошла на переговоры с ними. Итогом этих встреч стало заключение ряда договоров. Источники упоминают о трех, но сохранился только один из них. Он был заключен 11 марта 1428 года между Василием II, Андреем и Константином Дмитриевичами, с одной стороны, и Юрием Звенигородским — с другой. Анализ этого договора (а также упоминания о двух других в Описи архива Посольского приказа 1626 года) позволяет сделать вывод о том, что Юрий Звенигородский пошел (или вынужден был пойти) на ряд серьезных уступок Василию II и признал его своим «старшим братом», то есть сеньором. Впрочем, Юрий вновь оставил за собой право апеллировать к верховному суду Орды. Однако он не спешил воспользоваться этим правом.

Но и в своем галицком изгнании Юрий Звенигородский сумел показать себя. В конце 1428 года на его лесную столицу совершили набег зимовавшие в Среднем Поволжье татары. Их вел «царевич» Махмут-Хозя. В этом набеге ярко проявилась коварная особенность Галицкой земли: развитая речная сеть края обеспечивала местному населению удобные выходы к Волге; однако эти же реки и речушки служили зимой удобными дорогами для приходивших из района Казани с целью грабежа татарских отрядов. Во время первого набега (1428 года) татары сумели скрытно подойти к Галичу. Однако взять мощную галицкую крепость, располагавшуюся на высоком холме над озером, они так и не сумели. Вероятно, Юрий находился тогда в городе и лично руководил обороной. Простояв около месяца под

стенами Галича и разграбив его окрестности, татары ушли к Костроме, а оттуда к Нижнему Новгороду.

Осенью 1430 года московский князь Василий вновь ездил на свидание с Витовтом в Литву. Вскоре после этой встречи с внуком, 27 октября 1430 года, 80-летний Витовт скончался. В Литве началась длительная усобица между братом Витовта Сигизмундом и племянником — Свидригайло Ольгердовичем.

Перемены в Литве отразились и на ситуации в Северо-Восточной Руси. Для Василия II Витовт был не только дедом, но и могущественным покровителем. Теперь его не стало. Другой доброхот юного московского князя, митрополит Фотий, зиму 1430/31 года вынужден был провести в Литве, где ему необходимо было наладить дружественные отношения с преемником Витовта — князем Свидригайло. Такая благоприятная ситуация и побудила Юрия Звенигородского напомнить о себе и о своих притязаниях. Зимой 1430/31 года он объявил о расторжении мира с Москвой. Подробности этой истории неизвестны. Однако летописи сообщают, что Юрий вновь, как и в 1425 году, «сел» в Нижнем Новгороде. Очевидно, ему помогали здесь не только громкое имя и слава победителя болгар, но и родственные связи по линии матери — княгини Евдокии Дмитриевны, дочери Дмитрия Константиновича Суздальского. Братья Евдокии — Василий Кирдяпа, Семен и Иван — к тому времени уже умерли. Однако живы были их многочисленные потомки — двоюродные братья и племянники Юрия Звенигородского.

Эти безземельные суздальские княжата надеялись при благоприятных обстоятельствах вернуть свои уделы. Юрий мог использовать их настроения для создания антимосковской коалиции.

Юрий полагал, что угроза потери Нижегородской земли и нового мятежа «суздальцев» сделает москвичей более уступчивыми. Однако из Москвы ему ответили войной. На Нижний Новгород была послана большая рать во главе с князем Константином Дмитриевичем. Кажется, это был не лучший выбор: братья явно не хотели воевать друг с другом. Юрий оставил Нижний Новгород и ушел на восток, за реку Суру. Здесь уже кончались собственно русские земли и начинались владения языческих племен «черемисы» (так называли наши летописцы предков современных марийцев) и давно принявших ислам волжских болгар. Юрий впервые познакомился с этим своеобразным миром во время своего победоносного похода на болгар в 1399 году. Местные мусульманские и языческие князьки платили дань Орде, однако во всем остальном были вполне

самостоятельны. Они готовы были поддержать любого опального русского князя и отправиться с ним в набег на русские города. Родной дядя Юрия Звенигородского (брат его матери), князь Семен Дмитриевич в 1398 году при поддержке этих лесных воителей захватил Нижний Новгород. По иронии судьбы именно Юрий Звенигородский, руководивший в 1399 году карательным походом на болгар, вынужден был теперь искать их поддержки и выступать в той самой роли, в какой выступал некогда Семен Дмитриевич, изгнанный Василием I из его нижегородских владений.

Константин Дмитриевич, дойдя с войском до Суры, постоял некоторое время на ее левом берегу, в то время как Юрий с дружиной располагался на правом. Потом Константин повернул назад и через Нижний Новгород ушел обратно в Москву. При дворе он объяснил свою сдержанность невозможностью переправиться через разлившуюся по весне Суру. После ухода московской рати Юрий вернулся в Нижний Новгород.

Желая лишить Юрия поддержки болгар, московское правительство весной 1431 года отправило в их земли карательную экспедицию под началом служилого князя Федора Давыдовича Пестрого. Отмщения требовал и набег «царевича» Махмут-Хози на русские города (Галич, Кострому, Плес и Л ух) зимой 1428/29 года, в котором, несомненно, участвовали и болгары. Вообще в этот период собственно болгары для русских летописцев начинают до неразличимости сливаться с оседавшими в Среднем Поволжье и принимавшими мусульманство татарами.

Летом 1431 года над Северо-Восточной Русью, еще не оправившейся от «великого мора» 1420-х годов, собрались новые беды. «В том же лете бысть знамение на небеси, три столпы огнены; тогда засуха велика была, болота и земля горели, и мгла стояла шесть недель, яко и солнце не видети, и рыбы в воде мерли» (18, 144). Другой источник более подробно рисует ту же апокалипсическую картину: «Того ж лета сухмень была велика и воды добре мало, а земля, и боры, и леса горяху, и дым мног вельми, иногда же друг друга не видети, и с того дыму звери, и птицы, и рыбы в водах мряху, и человеци в нужи бяху велицей и умираху» (49, 235).

Человека Средневековья окружало множество опасностей, перед которыми он был совершенно беспомощен. Ему оставалось только замирать от ужаса и молить Бога о помощи. Страх — важнейший компонент тогдашнего мироощущения. Летописи насквозь пропитаны им. Только учитывая это, можно понять, какое мужество (или какая восхитительная беспечность) требовалось в ту пору для того, чтобы не просто жить, втянув

голову в плечи., а еще и действовать, мечтать, любить, надеяться…

Итоги нижегородского похода лишили Юрия надежды отстоять свои права «домашними» средствами. Сразу же после кончины митрополита Фотия (2 июля 1431 года) он заявил о том, что настало время вынести его спор с Василием II на суд Орды. Молодой московский князь, конечно, не хотел ехать в степь. Давно минули те времена, когда Иван Калита являлся к ханскому двору едва ли не каждый второй год. Василий I за 36 лет своего великого княжения был в Орде всего лишь два раза. Сам Василий II не ездил в Орду даже по случаю своего восшествия на московский и владимирский престол. Однако дань Орде по-прежнему выплачивалась, и ссориться с ханом Василий явно не хотел. А между тем в случае отказа прибыть в Орду вместе с Юрием он рисковал навлечь на себя гнев Улу-Мухаммеда. В итоге Юрий мог получить в Орде большое войско для похода на Москву.

Как расценить решение Юрия Звенигородского обратиться к арбитражу Орды? Во всяком случае, это не было сознательным предательством интересов Руси и беспринципным низкопоклонством перед ханом. Юрий искал способа отстоять свою «правду» с наименьшими для страны потерями. И, как обычно, он находил ответ на трудные вопросы в деяниях своего великого отца. Дмитрий Донской неоднократно отстаивал свои права, апеллируя к ханскому правосудию. Так было в 1362 году, когда дед Юрия по матери Дмитрий Константинович Суздальский перехватил великое княжение Владимирское у 12-летнего Дмитрия Донского; так было в 1371 году, когда тверской князь Михаил Александрович получил в Орде ярлык на великое княжение Владимирское. В обоих случаях решения Орды в конечном счете были благоприятны для Москвы. Конечно, было бы лучше, если бы Юрий Звенигородский вообще отказался от претензий на московский трон и спокойно сидел в своем лесном Галиче. Но такое самоотречение было выше его меры…

Приняв решение о поездке в Орду, москвичи постарались первыми явиться к ханскому двору. Опыт прошлого подсказывал: тот, кто приедет раньше, имеет больше шансов на успех. Еще до окончания 40-дневного траура по митрополиту Фотию московский князь и его опекуны начали сборы и приготовления к судьбоносному путешествию.

Свой отъезд Василий II назначил на 15 августа 1431 года. В этот день был престольный праздник главного московского храма — Успение Божией Матери. Молодой князь как бы отдавал себя

под покровительство Богородицы — давней заступницы Москвы. Проводы 16-летнего отрока Василия к лютому ордынскому «царю» превратились в общенародное рыдание. «На праздник же Пречистыя Успениа князь велики, по отпущении литургиа, повеле молебен пети Пречистей Богородици и великому чюдотворцу Петру, и слезы излиа, и многу милостыню раздати повеле на вся церкви града Москвы и монастыри, и нищим всем, такоже повеле и по всем градом своим створити, и поиде ко Орде того же дне; а обедав на своем лузе противу Симонова под Перевесием, и поиде в путь свой» (19, 95).

Задержимся на этом бесхитростном описании. Оно — как бы случайно приоткрывшееся оконце в давно исчезнувшую и во многом уже непонятную для нас жизнь. Вот что говорит об этом один из великих историков: «Когда мир был на пять веков моложе, все жизненные происшествия облекались в формы, очерченные куда более резко, чем в наше время. Страдание и радость, злосчастье и удача различались гораздо более ощутимо; человеческие переживания сохраняли ту степень полноты и непосредственности, с которой и поныне воспринимает горе и радость душа ребенка. Всякое действие, всякий поступок следовал разработанному и выразительному ритуалу, возвышаясь до прочного и неизменного стиля жизни. Важные события: рождение, брак, смерть — благодаря церковным таинствам достигали блеска мистерии. Вещи не столь значительные, такие, как путешествие, работа, деловое или дружеское посещение, также сопровождались неоднократными благословениями, церемониями, присловьями и обставлялись теми или иными обрядами» (159, 7).

Довольно подробный рассказ о поездке Василия II в Орду в 1431 году, сохранившийся в некоторых летописях, был записан летописцем со слов кого-то из участников путешествия или же принадлежит перу самого участника событий. Общая тенденция рассказа — сочувствие Василию П. При этом автор не чужд патетики, причудливо переплетенной с несколько наивным реализмом. Чего стоит одно только замечание о том, что, поплакав в Кремле перед отъездом, Василий II вскоре славно отобедал «на своем лугу» возле Симонова монастыря…

Недели три спустя отправился в Орду и Юрий Звенигородский. Он также приурочил свой отъезд к одному из главных богородичных праздников — Рождеству Богородицы. 8 сентября 1431 года Юрий, отстояв обедню в соборе Рождества Богородицы Саввино-Сторожевского монастыря близ Звенигорода, выехал в Орду. Избрав этот день, он не только передал себя под покровительство Богородицы, но и лишний раз помянул отца: 8

сентября 1380 года Дмитрий Донской одержал победу на Куликовом поле.

Путешествие в Орду в это время года занимало от одного до двух месяцев. Но к этому сроку обычно прибавлялись и долгие месяцы ожидания: хан не любил спешить в такого рода делах. Просителям нужно было дать время раздать все подарки и истратить все припасенные деньги на подкуп влиятельных людей. Василий и Юрий вынуждены были остаться зимовать в степях. У каждого здесь были свои враги и свои доброхоты. Поначалу оба соискателя попали в распоряжение «московского даруги» (чиновника, ведавшего сбором ордынской дани с Московского княжества) по имени Минбулат. Он был явно на стороне Василия и не скрывал этого. «Князю же великому честь бе велика от него, а князю Юрию безсчестие и истома велика» (19, 96).

Оказавшись фактически в плену у своих врагов, Юрий обратился за помощью к некоему Тегине, принадлежавшему к знатному роду Ширинов. Тот силой отбил Юрия у Минбулата и увел его с собой зимовать в Крым. Таковы были нравы в Орде на закате ее истории…

Пока Юрий с Тегиней кочевали по Крыму, московские бояре занимались интригами при ханском дворе. Особенно искусен в этом деле оказался боярин Иван Дмитриевич Всеволожский — перешедший на московскую службу и при этом потерявший княжеский титул внук смоленского князя Александра Глебовича. Обвиняя Тегиню в стремлении подчинить себе всю Орду, а Юрия — в дружбе с Литвой, он сумел настроить против них весь двор и самого Улу-Мухаммеда. Весной, когда Тегиня явился к ханскому двору и узнал о его настроениях, судьба Юрия уже была предрешена. Опасаясь расправы, Тегиня не решился вмешиваться в тяжбу и открыто поддерживать Юрия. Последней надеждой мятежного князя оставалось его собственное красноречие на суде. Ордынские правители позволили каждому из соискателей выступить со своими аргументами. «И многа пря бысть межи их; князь велики по отчеству и по дедству искаше стола своего, князь же Юрьи летописци и старыми списки и духовною отца своего великого князя Дмитриа» (19, 96). Иначе говоря, Василий обосновывал свои права тем, что и отец его и дед получили московское княжение по прямой линии, от своих отцов. Юрий же ссылался на завещание Дмитрия Донского и приводил примеры из летописей, когда великокняжеский престол переходил к старшему в роде.

Спор князей затянулся. Но тут смиренно попросил слова боярин Всеволожский. Речь его (в передаче летописца) содержала аргументы иного порядка. Вместо бесплодных прений о том, в

чем же заключается «правда», он убедительно показал, как вся эта тяжба должна выглядеть с точки зрения интересов Орды. «Наш государь великий князь Василей ищет стола своего великого княжениа, а твоего улусу, по твоему цареву жалованию и по твоим девтерем и ярлыком, а се твое жалование пред тобою; а господин наш князь Юрий Дмитреевич хочет взяти великое княжение по мертвой грамоте отца своего, а не по твоему жалованию, волного царя; а ты волен во своем улусе, кого въсхощешь жаловати на твоей воли, а государь наш князь велики Василей Дмитреевич великое княжение дал своему сыну великому князю Василию по твоему жалованию волнаго царя; а уже, господине, которой год сидит на столе своем, а на твоем жаловании, тебе, своему государю, волному царю, правяся (подчиняясь. — *Н. Б.*), а самому тебе ведомо» (19, 96).

Полагают, что Всеволожский ссылался на какие-то подлинные документы («девтери и ярлыки»), которыми хан еще при жизни Василия I одобрил передачу престола Василию П. Однако основной смысл его мудрой речи состоял в следующем прагматическом рассуждении: зачем хану менять правителя в Москве, когда и нынешний вполне хорош для Орды? Согласившись с этим убедительным доводом, Улу-Мухаммед вынес свое окончательное решение. Притязания Юрия признавались необоснованными, а сам он в знак покорности племяннику должен был публично «конь повести под ним» (19, 96).

Выступить в роли стремянного у своего 17-летнего племянника было бы нестерпимым унижением для старого князя. Он наотрез отказался от такой формы покаяния. Дело принимало плохой оборот: за неповиновение ханской воле Юрий мог заплатить головой. Но такой исход тяжбы едва ли был выгоден московским правителям. Избавившись от Юрия руками ханского палача, Василий наверняка получил бы непримиримых врагов в лице его братьев и сыновей. Да и моральная сторона дела, кажется, еще имела некоторое значение для молодого великого князя. В итоге Василий стал просить хана отменить приговор. Другим фактором, заставившим Улу-Мухаммеда сменить гнев на милость, стала изменившаяся ситуация в степи. Против хана восстал один из Чингизидов — Кичи-Ахмед. Теперь Улу-Мухаммед не мог отталкивать от себя таких могущественных вельмож, как Тегиня. Тот, в свою очередь, приободрился и стал настойчиво требовать снисхождения для Юрия. В итоге хан отменил свое прежнее решение о покаянии Юрия и даже в качестве утешения за присужденное Василию великое княжение прибавил к уделу Юрия город Дмитров со всеми прилежащими к

нему волостями.

Летом 1432 года Василий II вернулся в Москву. Возвращаясь с победой, князья обычно приурочивали свой въезд в город к праздничному дню. Торжественность события умножалась торжественностью праздничного богослужения в городском соборе. Толпы свободных от работы горожан приветствовали своего победоносного правителя. Выехав из Москвы в Орду 15 августа 1431 года, на праздник Успения Богоматери, Василий II возвратился победителем «на Петров день» — 29 июня 1432 года. Этот день — как и первый — был избран не случайно. В московском Успенском соборе существовал придел в честь Спадения вериг с апостола Петра. Именно в этом приделе был погребен московский первосвятитель митрополит Петр. В день отъезда князь Василий обращался к святому митрополиту Петру с просьбой о помощи. Теперь, в праздник Петроверигского придела, Василий совершил здесь благодарственный молебен. Таким образом москвичи могли наглядно убедиться в том, что их князь находится под особым покровительством первого московского святого — митрополита Петра.

8 воскресенье 5 октября ордынский посол «царевич» Мансырь Улан совершил обряд возведения московского князя на великое княжение Владимирское.

Юрий, вернувшись из Орды, поехал в Звенигород, а оттуда в свое новое владение — Дмитров. Однако ему не суждено было долго наслаждаться своим приобретением. Ведь на него ополчилось само время, победить которое не смог еще ни один самый искусный полководец. Время — этот вечный двигатель истории — всегда работает на пользу молодым. Оно расчищает им путь, сгоняя в могилы стариков. В эпоху, о которой идет речь, люди начинали трудиться и воевать очень рано. Дорога жизни была обычно недлинной. Тот, кто достигал межи пятидесятилетия, считался уже стариком. И жить ему оставалось считанные годы…

9 июля 1432 года в возрасте 50 лет умер младший брат Юрия Звенигородского князь Андрей Можайский. Другой брат, Петр, скончался еще в 1428 года в возрасте 44 лет. Таким образом, из пяти сыновей Дмитрия Донского, переваливших рубеж XV столетия, в живых оставался кроме Юрия лишь Константин. Точная дата его кончины неизвестна. Но можно думать, что это произошло около 1433 года. Кончина братьев, связанных с ним не только узами крови, но и общими интересами защиты своих удельных прав, сильно ослабляла позиции Юрия. Плохие для Юрия новости пришли осенью 1432 года и из Литвы. Его «побратим» князь Свидригайло был свергнут с престола своим

соперником Сигизмундом и бежал в Полоцк. Там он собрал войско и попытался вернуть престол, но потерпел окончательное поражение в декабре 1432 года (83, 45).

Плохие новости для Юрия, напротив, придавали уверенности его врагам. Возникла реальная угроза того, что москвичи, пользуясь перевесом сил, попытаются схватить Юрия в Дмитрове или Звенигороде. Не желая стать легкой добычей для соперника, князь покинул Подмосковье и вновь забрался в свою галицкую берлогу. Опасения его, кажется, были не напрасными: уже осенью 1432 года Василий II приказал своим воеводам захватить Дмитров и арестовать находившихся там наместников Юрия.

Между тем в Москве для победителей настало время платить по векселям. Однако они к этому были явно не склонны. Глава московского посольства Иван Дмитриевич Всеволожский, столь удачно отстаивавший права Василия II в Орде, напомнил о том, что ему был обещан в случае успеха роскошный подарок: дочь боярина должна была стать невестой великого князя Василия. Но Софья и Василий ответили холодным отказом. Возможно, для отказа был найден какой-нибудь благовидный повод. Но это не меняло сути дела. Еще недавно бахвалившийся своим будущим родством с великим князем, Всеволожский стал теперь всеобщим посмешищем.

Очевидно, что многоопытный боярин был не из тех, кто верит людям на слово. Софья Витовтовна и ее сын перед отъездом в Орду дали Всеволожскому какие-то гарантии в виде клятв или обещаний при свидетелях. Поверив им, он не жалел сил и средств для достижения заветной цели. И цель была достигнута. Но, как известно, «оказанная услуга не стоит ни гроша». Исключительное возвышение Всеволожского после смерти Василия I и прежде задевало амбиции старомосковского боярства. Теперь оно могло и вовсе оттолкнуть его от престола Василия П. Кроме всего прочего, Софья не желала слишком близко подпускать этого хитрого и честолюбивого человека к своему сыну.

Страдая от унижения и сгорая жаждой мести, боярин бежал из Москвы. Он решил объединить всех потенциальных противников Василия II и подтолкнуть их к мятежу. С этой целью Всеволожский посетил Углич, где сидел на уделе младший сын Донского Константин. Боярин знал, что в 1419 году Константин имел крупную ссору со своим старшим братом, великим князем Василием I, из-за отказа присягнуть на верность 4-летнему Василию Васильевичу как будущему наследнику московского престола. Московский князь конфисковал тогда удел Константина, а сам он вынужден был некоторое время отсиживаться в Новгороде. Позднее братья помирились. Но

старые обиды — как уголья под золой…

Неизвестно, что сказал Константин Дмитриевич разъяренному Всеволожскому. Кажется, князь в это сумеречное время своей жизни уже больше думал о душе, чем о злонравии московского двора. Однако встреча с ним была важна для боярина и как простой факт, из которого можно было извлечь пользу.

Из Углича кипящий ненавистью Всеволожский через Кашин поскакал в Тверь. Там в эти годы правил энергичный и честолюбивый князь Борис Александрович. Встреча с ним прибавила Всеволожскому уверенности в успехе. Теперь он мог приступить к главной части своего замысла — возмущению Юрия Звенигородского. Кривыми февральскими дорогами мятежный боярин помчался к далекому Галичу. И разбуженные топотом копыт вековые ели лениво стряхивали вослед ему сугробы снега со своих мохнатых лап…

Главный виновник неудачи Юрия в Орде, Всеволожский не мог надеяться на хороший прием в Галиче. Явись он сюда прямо из Москвы, как обычный перебежчик, — не миновать бы ему темницы. Но теперь он прибыл к Юрию как доверенное лицо Константина Углицкого и Бориса Тверского. Вероятно, он привез какие-то грамоты от них. Судя по стремительной реакции галицкого князя, оба его потенциальных союзника сообщали либо о своем нейтралитете, либо о поддержке выступления Юрия. Имея такие козыри на руках, Всеволожскому оставалось лишь покаяться перед Юрием в своем скудоумии и раскрыть всю тайную изнанку ордынского «правосудия». После этого он мог начать свою новую игру уже за другим столом. Привезенные им вести словно встряхнули Юрия. Галицкий затворник вновь вступил в стремя…

А в далекой Москве думали тогда совсем не о войне. В эти короткие февральские дни там кипели радостные хлопоты. 17-летний великий князь Василий готовился вступить в брак с княжной Марией Ярославной — внучкой героя Куликовской битвы Владимира Андреевича Серпуховского. Эта династическая комбинация, автором которой, несомненно, была мать жениха, сулила Василию гораздо больше выгод, чем брак с дочерью Всеволожского. Удачным было уже то, что отец невесты князь Ярослав Владимирович (владевший по завещанию отца Малоярославским уделом) умер в 1426 году во время «великого мора». Таким образом, великий князь был избавлен от какого-либо нежелательного воздействия со стороны тестя. Единственный из уцелевших после «великого мора» серпуховских князей, брат невесты, юный Василий Ярославич, обрадованный

перспективой стать шурином самого великого князя, осенью 1432 года подписал с ним «докончание», фактически лишавшее его какой-либо политической самостоятельности.

По линии матери невеста принадлежала к знатнейшему московскому роду Кошкиных. (Ветви этого рода позднее дали России Романовых и Шереметевых.) Ее прадед — умерший в 1407 году боярин Федор Кошка — был свидетелем при составлении духовной грамоты Дмитрия Донского и любимцем Василия I. Дед невесты — боярин Федор Федорович по прозвищу «Голтяй» — был удостоен чести выступать одним из свидетелей духовной грамоты Василия I. Умер он около 1425 года. Дочь Федора Голтяя Марья в 1406 году вышла замуж за князя Ярослава Владимировича. Дядья невесты по линии матери ко времени свадьбы уже умерли, за исключением Андрея Федоровича Голтяева. Он верой и правдой послужил Василию II и сложил за него голову в злосчастном бою под Суздалем в 1445 году. Таким образом, невеста Василия II не была обременена длинным шлейфом алчной и спесивой родни. Но при этом она вводила в семейный круг великого князя своего брата Василия Серпуховского — важную фигуру в тогдашних политических комбинациях. Доволен был выбором Василия II и весь могущественный «Кошкин род».

В воскресенье 8 февраля 1433 года состоялась свадьба. Во время шумного и хмельного застолья произошел скандал. Один из бояр (по некоторым источникам — Захарий Иванович Кошкин, по другим — Петр Константинович Добрынский) стал вопить, что на князе Василии Косом (старшем сыне Юрия Звенигородского), который вместе с младшим братом Дмитрием Шемякой присутствовал на свадьбе, он опознал тот самый драгоценный пояс, что был некогда похищен из имущества Дмитрия Донского, а затем, пройдя через несколько рук, попал к Ивану Дмитриевичу Всеволожскому. Тот, зная историю пояса, тем не менее включил его в состав приданого, которое дал своей внучке, обрученной с Василием Косым. Последний, ни о чем не подозревая, решил щегольнуть новым богатым поясом на свадьбе Василия П.

Это невинное щегольство обернулось для него всесветным позором. Старая княгиня Софья подозвала к себе Василия Косого и собственноручно сорвала с него драгоценный пояс. Что толкнуло княгиню на этот поступок: простая алчность, хитроумный расчет или вскипевшая вдруг злоба на врагов ее сына — неизвестно. Однако последствия его оказались катастрофическими. Глубоко оскорбленные братья Юрьевичи бросились вон из дворца. На другое утро они уже мчались сквозь февральскую метель на север, в Галич. Душившая их ненависть к

Москве требовала исхода. В Ярославле они сорвали зло на ни в чем не повинных местных князьях — подручниках Василия II. По приказанию Юрьевичей их казна была разграблена. Такой же участи подверглись и богатейшие люди города.

Примчавшись в Галич, братья застали там уже почти собранное для похода на Москву войско. Юрий и сам хотел было посылать — а по некоторым сведениям, уже и послал (32, 189) — за старшими сыновьями в Москву. Младший, Дмитрий Красный, все это время находился при нем. Теперь все сыновья были в сборе. Однако Юрий медлил с началом похода, ожидая прибытия всех своих сил. Поторапливаемые Всеволожским, галицкие мятежники все же явно замешкались. Начавшаяся весенняя распутица также замедляла их продвижение. Лишь к концу апреля они подошли к Москве.

В Москве, однако, не сумели должным образом воспользоваться вынужденной медлительностью Юрия. Московские бояре словно впали в какое-то всеобщее оцепенение. О начале войны узнали в Кремле лишь тогда, когда войско Юрия уже подходило к Переяславлю-Залесскому. (В то время название города писали именно так — Переяславль, а не Переславль, как сейчас.) Отправленные навстречу мятежникам московские послы не сумели выиграть время и втянуть Юрия в переговоры. Вместо этого они насмерть переругались между собой. Во всем чувствовалось отсутствие уважаемой и сильной власти, особенно необходимой в пору военной тревоги. Искусная в дворцовых интригах, Софья Витовтовна оказалась беспомощной там, где требовались воинский опыт и героическая воля. Да и по части хитрости она теперь едва ли превосходила Юрия, советником которого был старый лис Всеволожский. Именно он велел Юрию отослать назад московских послов и не терять драгоценное время на переговоры.

Весть о неотвратимом приближении Юрия с его дикими галичанами повергла московскую знать в смятение. Многие стали говорить о том, что следует без сопротивления открыть мятежнику городские ворота и вместо слабого юноши возвести на московский престол доблестного воина. Слышны были и проклятья в адрес Софьи, которой не могли простить чрезмерного властолюбия и литовского происхождения. Единственным, кто оказался на высоте в это отчаянное время, был сам великий князь Василий. Женитьба прибавила ему мужества. Но дело заключалось не только в женитьбе. В темной и загадочной душе этого человека под коростой грехов и пороков скрывалась наследственная доблесть. Временами Василий вдруг вспоминал, что он внук двух великих воителей — Дмитрия Донского и

Витовта.

Как бы там ни было, отчаявшись договориться с Юрием и не сумев собрать приличное войско, Василий вооружил кого попало, включая дворцовую челядь, московских купцов и простолюдинов. Во главе этого воинства он выступил навстречу врагу. Непривычные к «смертной игре» горожане для поднятия боевого духа приналегли на хмельное питие…

Не доходя верст двадцати до Москвы, на берегу Клязьмы, 25 апреля 1433 года произошло столкновение галицкого войска с отрядом великого князя. Для Юрия не составило особого труда опрокинуть и обратить в бегство перепившихся москвичей. Сам Василий II, убедившись в поражении и не дожидаясь конца побоища, поворотил коня и помчался обратно в Москву. Город имел мощную каменную крепость, взять которую не смогли даже полчища Едигея в 1408 году. Но Василий II, кажется, и не помышлял об «осадном сидении». Вероятно, он не доверял своим собственным боярам и опасался, что они схватят его и выдадут галичанам. К тому же Василию просто не хватило мужества, необходимого для того, чтобы в такой ситуации остаться в Москве и возглавить оборону. Он был сломлен происшедшим на Клязьме и совершенно упал духом. Пароксизм героизма окончился. На смену ему пришел панический страх. Такую смену настроений нетрудно понять. В сущности, это был первый бой, в котором Василий II увидел смерть вблизи. Отныне непреодолимый страх перед окровавленным железом закрался в его душу и навсегда поселился в ней…

Из охваченной смятением Москвы Василий II, не медля ни минуты, бежал в Тверь. Вместе с ним отправились в изгнание его мать и жена. Учитывая состояние дорог в это время года (конец апреля), можно не сомневаться в том, что обе женщины проделали весь путь до Твери верхом. Не желая отставать от Василия, они мчались так, как только может мчаться всадник, за которым гонятся все силы Ада. Таковы были эти наши «железные леди» XV столетия.

Тверь встретила беглецов холодноватой вежливостью. Давно ушли в прошлое те времена, когда тверичи готовы были начать войну с Москвой по любому поводу. Смирившись с первенством потомков Калиты, тверские князья в XV веке строили свою политику главным образом на благоразумии и умелом лавировании между Москвой, Литвой и Новгородом. Вот и теперь князь Борис Александрович не собирался вмешиваться в московские распри и поддерживать одну из сторон. Об этом он говорил и Всеволожскому во время его приезда в Тверь; об этом

поведал теперь и поверженному великому князю Василию. Он дал понять изгнанникам, что само их пребывание здесь нежелательно.

Куда было бежать теперь бедному Василию? В Новгород? Но там он не имел друзей. В Литву? Но этим бегством он окончательно отдал бы Юрию всю Северо-Восточную Русь и стал бы добровольным изгнанником. Да и не было уже в Литве могущественного Витовта, готового вступиться за обиженного внука. Поразмыслив, беглецы приняли довольно неожиданное решение: спуститься вниз по Волге и обосноваться в Костроме. В сущности, это был очень неглупый ход. Василий II занимал удобнейшую в стратегическом отношении позицию. Из Костромы он мог пойти по Волге в Нижний Новгород и далее на юг, в Орду. В Кострому могли удобными речными путями собраться верные великому князю силы со всего московского Севера. Отсюда он мог создать прямую угрозу владениям Юрия и выманить его из Москвы. Впрочем, все это могло стать реальностью лишь при условии энергичных и смелых действий Василия П. Однако таких действий не последовало. Упав духом, он сидел в Костроме и покорно ждал своей участи.

Между тем Юрий двинулся на Кострому с войском, выслав вперед своих сыновей. Юрьевичи без особых хлопот захватили Василия II и передали его в руки подоспевшего отца. Так по воле случая дичь превратилась в охотника, а охотник — в дичь. Но теперь Юрий оказался в новом затруднении: он явно не представлял, что ему следует делать с пленным Василием II и его семейством. По некоторым сведениям, боярин Всеволожский и многие влиятельные люди из окружения Юрия настаивали на решительных мерах, с помощью которых можно было бы навсегда устранить Василия II из политической борьбы. Такими мерами могли быть либо заточение, либо ослепление, либо попросту убийство Василия каким-либо тайным или явным способом. Но заточение могло породить новые смуты и мятежи, а убиение вызвало бы всеобщее осуждение. Таким образом, оставалось ослепление — древняя византийская казнь, с помощью которой человеку оставляли жизнь, но навсегда лишали возможности вернуться к власти. Очевидно, именно к этому и склонял Юрия мстительный Всеволожский.

Однако Юрий со свойственной людям его склада самоуверенностью, по-видимому, уже не считал Василия серьезным соперником. Наряду с этим природное добродушие (а может быть, и твердо усвоенные семейные принципы) не позволяло ему решиться на крайние меры. Близкий к Юрию боярин Семен Федорович Морозов посоветовал отпустить Василия на удел, взяв с него клятву верности. О том, какой

именно удел выделить пленнику, долго думать не приходилось. С формально-правовой точки зрения (на которой и стоял Юрий с самого начала своей тяжбы с обоими Василиями), это должен был быть тот самый удел, который Дмитрий Донской завещал Василию I, за исключением, конечно, самой Москвы и великого княжения Владимирского. Таким образом, оставались волости к югу от Москвы, центром которых была Коломна. В силу огромного стратегического значения этой крепости для Московского княжества она при всех семейных разделах Даниловичей неизменно оставалась в руках того, кто занимал московский престол. Однако Юрия такие тонкости ничуть не смущали. Главное для него состояло в том, чтобы дословно исполнить волю своего покойного отца. А тот, как известно, завещал Коломну сыну Василию — отцу Василия II. Стало быть, теперь она должна перейти к прямому наследнику — Василию П. Порег шив дело таким образом (и должно быть, оставшись довольным своей рассудительностью), Юрий в торжественной обстановке (вероятно, в костромском соборе Федора Стратилата, перед чудотворной Федоровской иконой Божией Матери) принял от Василия присягу на верность, а затем на княжеском дворе дал в его честь знатный пир и одарил ценными подарками. После этого Василий был отпущен из Костромы на свой небывалый коломенский удел. Ему разрешили взять с собой не только семью, но и своих бояр.

Очень скоро новому хозяину Москвы пришлось пожалеть о своем снисхождении к костромскому пленнику. Московская знать не желала служить галицкому князю. Ее раздражало засилье худородных галичан при дворе, произвол всесильного фаворита Семена Морозова. Юрий не сумел привлечь на свою сторону старый двор и примирить его с новыми выдвиженцами. Эта задача требовала хорошего знания людей, дальновидности и, так сказать, «системного мышления» — то есть именно тех качеств, которыми Юрий не обладал. Более того, звенигородский князь был настолько уверен в своей полной победе, что принялся немедленно сводить счеты с теми, кого он считал в Москве своими врагами. «Юрий, пришед в Москву, начат многи грабити и казнити, что ему преж не помогали» (49, 238). Смущенные и напуганные таким поворотом дела, москвичи все чаще вспоминали старую поговорку: «Променяли кукушку на ястреба…»

И вот в Коломну потянулись вереницы добровольных беженцев из Москвы. Василий не только радушно принимал обиженных, но и всячески призывал к себе тех, кто готов был принять его сторону. Рассказывая об этом удивительном явлении,

летописец заключает: «И тако вси людие от князя Юрия побегоша к нему служити, от мала и до велика, и Иван Дмитриевич (Всеволожский. — *Н. Б.*) с детьми» (18, 148). (Что касается Всеволожского, то он, как видно, уповал на то, что богатство и хитроумие при любых обстоятельствах сделают его желанным гостем в том и другом стане. Однако сказано в Писании: «Кто бросает камень вверх, бросает его на свою голову» (Сирах, 27:28). Пройдет совсем немного времени — и бедный Всеволожский вспомнит эти горькие слова…)

Долгожданная власть в Москве, для достижения которой было предпринято столько усилий, оказалась для галицкого семейства бесплотным призраком, растаявшим в их неуклюжих объятиях. Люди ручьями и реками перетекали из Москвы в Коломну. Бесталанный Василий II теперь казался москвичам олицетворением порядка.

Старшие сыновья Юрия, Василий Косой и Дмитрий Шемяка, переживали неудачи отца куда тяжелее, чем он сам. Унаследовав от Юрия неукротимый темперамент и бойцовские качества, они остались обделенными его великодушием. Особой свирепостью отличался старший, Василий Косой. Озлобленный своим физическим недугом, запечатленным в его прозвище, он страдал к тому же и больным честолюбием. После вокняжения Юрия в Москве Василий Косой, как видно, уже примеривался к роли наследника московского престола. Освобождение Василия II и поселение его в Коломне развеяли эти радужные мечты. Василий Косой не смог философски отнестись к новому повороту колеса Фортуны. Виновником своих несчастий он счел отцовского любимца Семена Морозова. Подкараулив боярина в дворцовых сенях, Василий вместе с братом, Дмитрием Шемякой, набросился на него и убил. После этого, спасаясь от отцовского гнева, Юрьевичи бежали из Москвы в Кострому. Так пролилась первая кровь и была преступлена какая-то незримая черта, за которой начинает действовать неумолимый закон — «кровь за кровь»…

Здесь следует заметить, что московская усобица второй четверти XV века, при всей ее многозначности, была еще и вулканическим извержением страстей. Пережившие спокойное, но однообразное правление Василия I, чудом или милостью Божьей уцелевшие во время «великого мора» 1420-х годов, люди того времени были переполнены жаждой жизни. Они захлебывались собственными желаниями, с одинаковым упоением предаваясь то разнузданным чувственным наслаждениям, то глубокому отчаянию и мыслям о смерти. Впрочем, обстоятельства в данном случае лишь ярче высвечивали то, что уже заложено было в самой природе человека.

Непоследовательность поступков многих героев Древней Руси, зачастую ставящая в тупик историков, объясняется глубокими отличиями самого их психологического типа. «Как правило, — говорит Й. Хейзинга, — нам трудно представить чрезвычайную душевную возбудимость человека Средневековья, его безудержность и необузданность» (159, 19).

Измена москвичей, гибель боярина Морозова и бегство старших сыновей настолько потрясли Юрия, что он вдруг разом утратил всю свою энергию и волю к победе. Он «посла к великому князю Василью, да идеть на свой стол, а сам иде к Звенигороду; и умиришася с великим князем на том, что ему детей своих не приимати, ни помочи им не давати, и иде в свою вотчину в Галич» (18, 149). Договор с Василием II Юрий заключил, находясь в Звенигороде, между 25 апреля и 28 сентября 1433 года (83, 60). Согласно договору, смирившийся мятежник признавал себя «младшим братом» московского князя, обещал помогать ему во всем и не оказывать никакой помощи своим мятежным старшим сыновьям (6, 75).

К тому моменту, когда Василий II заключил этот договор с дядей, уже грянул гром над головой боярина Всеволожского. Уход Юрия из Москвы воодушевил Василия П. Он почувствовал себя победителем и мог теперь свести счеты с виновниками своих злоключений. Приезд в Коломну с повинной не спас могущественного боярина от беды. Не помогли ему и те гарантии безопасности, которыми он, несомненно, заручился, прежде чем ехать в Коломну. Возможно, Василий II узнал о том, что еще недавно он советовал Юрию решительно расправиться с племянником. Кроме того, злопамятный и склонный к интригам Всеволожский мог толкнуть Юрия на новый мятеж. В итоге и сам боярин и его сыновья были брошены в темницу, а их обширные владения конфискованы. Но самое страшное для Всеволожского было впереди. Скупой на слова летописец так сообщает об этой истории: «Князь же великий Василей Московский Ивана Дмитриевича поймал и велел его ослепити…» (21, 490). Так вслед за старшими Юрьевичами омочил руки в крови и Василий П. Придет время — и ему самому придется испить из той кровавой чаши, которую он поднес теперь Всеволожскому…

Юрий Звенигородский целовал крест на верность племяннику «по любви, в правду, без всякыя хытрости» (6, 80). Однако вынужденная верность никогда не бывает прочной. К тому же Юрий скоро затосковал в своем подмосковном Звенигороде. Его деятельная натура требовала движения и простора. Зажатый в тесном кольце валов, княжеский дворец казался ему захлопнувшейся мышеловкой. Близкая Москва постоянно

напоминала о себе болезненными уколами самолюбия. Да и с точки зрения безопасности, Звенигород был далеко не лучшим местом.

Вскоре смирившийся мятежник вновь погнал своих коней на север, в Галич. Вместе с Юрием туда отправился и его младший сын Дмитрий Красный — любимец отца, неизменно остававшийся с ним.

Раскол в беспокойном галицком семействе был выгоден москвичам. На Боровицком холме решили воспользоваться благоприятной ситуацией и бить врагов поодиночке. Едва успев утвердиться на вновь обретенном московском престоле, Василий II собрал войско и отправил его на Кострому, где находились тогда Василий Косой и Дмитрий Шемяка. Руководство походом было поручено московскому воеводе Юрию Патрикеевичу. Сын литовского князя Патрикия Наримонтовича, выехавшего в Москву в 1408 году, этот воевода был своим человеком во дворце: его жена приходилась родной сестрой Василию П.

Очевидно, Юрий Патрикеевич имел приказ во что бы то ни стало найти и разгромить Юрьевичей. Когда те отступили из Костромы вниз по левому берегу Волги — он последовал за ними. Дойдя до устья Унжи, Юрьевичи повернули и пошли вдоль речки Немды на север, в сторону Галича. Вслед за ними углубился в совершенно незнакомые ему заволжские леса и московский воевода. Ему казалось, что он вот-вот догонит и пленит мятежников. А между тем Юрьевичи получили долгожданную подмогу от вятчан — восточных соседей Галицкого княжества. Кажется, дрогнуло и связанное клятвами отцовское сердце Юрия Звенигородского: ходили слухи, что на помощь сыновьям он выслал отряд своих галичан. Теперь соотношение сил изменилось не в пользу москвичей…

28 сентября 1433 года на берегу лесной речки Кусь (правый приток Немды) мятежники неожиданно напали на московское войско и наголову разгромили его. Сам воевода был взят в плен. Вероятно, битва произошла близ устья Куси, верстах в 70-ти к юго-востоку от Галича. Юрьевичи послали к отцу с предложением объединить усилия и развить успех новым наступлением на Москву. Однако тот отказался. Идти на Москву в одиночку Юрьевичи не решились. С трофеями и пленными они вернулись обратно в Кострому. Дождавшись, когда на Волге станет лед, братья перешли на правый берег и отправились зимовать к каким-то неизвестным «Турдеевым оврагам».

В Москве известие о битве на реке Куси вызвало взрыв негодования. Виновником поражения москвичей молва (вероятно, пущенная из дворца) назвала князя Юрия, якобы тайно

помогавшего сыновьям. Смыть позор поражения на Куси и восстановить свой престиж в глазах только что поддержавшей его московской знати Василий II мог лишь немедленной местью мятежникам. Однако гоняться за Юрьевичами по заволжским лесам было делом не только бесплодным, но и весьма рискованным. Иное дело — поход на Галич. Здесь численное и материальное превосходство москвичей могло быть использовано наилучшим образом. Для оправдания разрыва отношений с Юрием весьма кстати оказалась молва о помощи, оказанной им сыновьям. Таким образом, поход на Галич, начавшийся зимой 1433/34 года, получил вид «справедливого возмездия». В нем участвовали и войска союзников Василия II — Василия Ярославича Боровского и сыновей умершего незадолго перед тем Андрея Дмитриевича Можайского, Ивана и Михаила. Вместе с москвичами ходил на Галич и отряд, который прислал рязанский князь Иван Федорович.

Узнав о приближении большого московского войска во главе с самим Василием II, Юрий по лесным дорогам ушел на север, в белозерские земли. Видимо, он хотел отвлечь от Галича часть сил союзников и прежде всего — князя Михаила Андреевича, уделом которого был Белозерский край. В этой кампании Юрий еще раз показал себя мастером стремительных переходов по незнакомой местности в зимнее время.

Для обороны Галича Юрий оставил своих старших сыновей. Им удалось отстоять галицкую крепость на вершине холма. (Летописи противоречат друг другу в этом вопросе. Есть сведения, что Василий II «город Галич взя и сожже» (32, 190).) Вся галицкая земля были подвергнута страшному опустошению. Очевидно, Василий II не рисковал затягивать осаду крепости, так как Юрий с отрядом уже вернулся из Белозерья и, спустившись вниз по Обноре, расположился в нижнем течении речки Мезы (Межи) — левого притока Костромы. Заняв этот стратегически важный район, Юрий создал угрозу тылам московского войска. Вместе с тем отсюда он мог напасть на Кострому — оплот московского присутствия в регионе. Маневры Юрия заставили Василия II снять осаду и через Переяславль вернуться в Москву.

Въехав в Галич и самолично убедившись в катастрофических последствиях московского нашествия, Юрий воспылал жаждой мести. Он принял под свои знамена всех трех сыновей и призвал на помощь своих традиционных союзников — вятчан. Собранные им силы Юрий весной 1434 года двинул на Москву. Тем самым повторялась прошлогодняя ситуация: весенний марш галицких мятежников на Москву. Обе стороны извлекли кое-какие уроки из прежней кампании. Юрий выступил пораньше, чтобы не попасть в

весеннюю распутицу. Василий II решил встретить врага подальше от собственно московских земель, дабы не допустить их разорения озлобленными зимним погромом галичанами.

20 марта 1434 года войска соперников встретились у села Никола-на-горе в Ростовской земле. Военное счастье, как и прежде, оказалось на стороне многоопытного Юрия Звенигородского. Василий II и его союзник Иван Андреевич Можайский бежали с поля боя. 19-летний великий князь вновь, как и год назад, вынужден был искать убежища неведомо где. Почему он не поскакал в Москву, где находились его мать и жена? Несомненно, здесь скрывалась та же причина, что погнала его прочь из Москвы после поражения на Клязьме весной 1433 года. Молодой великий князь не доверял москвичам и ожидал измены с их стороны. Москва легко могла стать для него западней. Последующие события показали, что у Василия были основания для подобных опасений…

Не мог Василий поехать и в Тверь, где его ожидала либо немедленная высылка, либо арест и выдача Юрию. Холодный прием, оказанный ему в Твери год назад, не оставлял сомнений на сей счет. Таким образом, выбор путей сужался до двух: в Новгород или в Орду. Последний путь был наихудшим, и Василий оставлял его на самый крайний случай. А пока он решил попытать счастья в Новгороде. Очевидно, князь отправился туда по старинной наезженной князьями дороге: от Переяславля по Нерли Волжской до Волги, затем — немного вниз по Волге до устья Мологи, далее — вверх по Мологе, в земли Бежецкой пятины Великого Новгорода.

Преодолев за десять дней непрестанной скачки не менее восьмисот верст, Василий в четверг 1 апреля прибыл на Волхов. Обычно великие князья торжественно въезжали в Новгород в воскресенье, при большом стечении народа. Но теперь торжественная встреча была неуместна…

Союзник Василия II и его товарищ по несчастью Иван Можайский не пожелал разделить с великим князем его скитания. «Просчитав» ситуацию, он решил до выяснения обстановки остановиться в Твери, у своего дальнего родича, тверского князя Бориса Александровича. Василий через посла позвал Ивана к себе в Новгород, но тот, рассыпавшись в извинениях и оправданиях, ответил отказом. Спустя немного времени расчетливый можайский князь получил приглашение от Юрия и поспешил присоединиться к победителю. Так Василий получил еще один наглядный урок человеческой низости. Из этих горьких уроков измены он постепенно и создавал для себя учебник жизни…

Между тем победители немедля устремились к Москве. По

дороге Юрий на день-два задержался у Троицы, чтобы помолиться у гробницы своего крестного отца, преподобного Сергия Радонежского. Звенигородский князь издавна имел доверительные отношения с троицкими иноками. В 1422–1423 годах при его активном участии в монастыре был выстроен первый каменный храм — Троицкий собор. Но не только камни и святыни влекли Юрия на Маковец. Здесь, в этой лесной монашеской академии, еще не забыт был тот великий подвижнический дух, который поднял Русь с колен во времена Дмитрия Донского и преподобного Сергия. Здесь, под монотонный звон монастырского колокола, незримо ткалась живая нить русской истории.

24 марта 1434 года галичане подступили к Москве и начали ее осаду. В Кремле руководил обороной боярин Роман Иванович Хромой. Впрочем, «обороны» как таковой, судя по всему, и не было. Юрий приступил к Москве в среду на Страстной неделе. Им владели навеянные посещением Троицы покаянные настроения. Последние три дня Страстной недели князь, как и подобает благочестивому христианину, провел в посте и молитве. В Великий четверг принято было исповедоваться, в пятницу — стоять на выносе плащаницы, в субботу — идти на пасхальную Всенощную. Мог ли Юрий пренебречь этими обычаями? Более того, князь великодушно позволил москвичам беспрепятственно отгулять Пасху и первые два дня Святой недели. Потрясенные таким поведением Юрия, москвичи в среду Святой недели добровольно открыли перед ним городские ворота…

Разумеется, московские летописи, отредактированные книжниками Василия II, умалчивают о том, какими способами Юрий взял Москву. Однако если бы князь достиг этого железом и кровью, летописец не преминул бы обличить его за кровопролитие в такое святое время. Молчание же в данном случае красноречивее всяких слов.

Не желая терпеть в Москве присутствие жены и матери Василия II, Юрий выслал обеих княгинь в Звенигород (32, 190). После этого он торжественно взошел на великое княжение Владимирское.

Между тем Василий II вынужден был вести жизнь бесприютного изгнанника. В Новгороде его встретили враждебно. Уже на четвертый день к его резиденции на Городище устремилась толпа вооруженных горожан, требовавших немедленного отъезда беглеца. На то были свои причины. Московская смута усилила пролитовские настроения в Новгороде. В 1434 году в городе находился литовский князь Юрий Лугвеньевич. Он не имел оснований сочувствовать Василию II:

тогдашний литовский великий князь Свидригайло был близок с Юрием Звенигородским. В итоге московский неудачник уже 26 апреля покинул берега Волхова и перебрался в Тверь. Но и там ему было отказано в убежище. Тогда, отчаявшись найти доброжелателей на Руси, Василий отправился вниз по Волге. Путь его лежал через Кострому и Нижний Новгород — в Орду.

Это решение нелегко далось Василию П. Но жалоба хану и его вмешательство оставались последней надеждой пасынка Фортуны. Впрочем, и эта надежда была очень слабой: в Орду он ехал почти без денег. Что ждало его впереди? Триумфальное возвращение в Москву на плечах косматых всадников, подобных туче саранчи? Но давно уже минули те времена, когда русские князья поднимались на залитый кровью трон по ханскому ковру. Теперь навести на Москву татар значило навсегда потерять свое гордое имя внука Дмитрия Донского. Да и решится ли хан на войну с многоопытным Юрием во имя интересов какого-то Василия? Не все ли ему равно, кто из потомков Калиты будет в урочное время присылать в Орду положенную дань? И тогда уделом несчастного Василия станут насмешки ордынских вельмож, нестерпимые унижения бедности и наконец — тот образ жизни, который вели его нижегородские родичи после захвата их владений Василием I в 1392 году. Кровавые набеги на русские земли вместе с каким-нибудь забубённым ордынским «царевичем», затем московский плен, и наконец — глухая кончина в ссылке, в захолустье…

Так или примерно так рассуждал, должно быть, Василий II, остановившись в Нижнем Новгороде, на самом краю православной земли, откуда уходила пыльная дорога во владения степного «вольного царя». Однако времени на размышления у него оставалось совсем немного. Уже седлали коней в каких-нибудь трех днях гоньбы в стольном Владимире веселые всадники, которым не терпелось схватить бедного Василия и отправить его в тот дальний путь, из которого еще никто не возвращался…

Утвердившись на московском княжении, Юрий отправил Дмитрия Шемяку и Дмитрия Красного в погоню за Василием П. Примечательно, что Василий Косой остался в Москве. Очевидно, отец по каким-то причинам хотел в этой ситуации держать его при себе.

Юрьевичи предполагали перехватить Василия II в Нижнем Новгороде. Однако они успели доехать лишь до Владимира-на-Клязьме. Здесь их догнала весть о том, что 5 июня 1434 года их отец умер.

Кончина Юрия была скоропостижной: летописец замечает, что он умер «въскоре» (29, 148). Смерть его была столь желанна для московского семейства, что невольно закрадываются разного рода подозрения. Впрочем, по меркам той эпохи 59-летний Юрий был уже глубоким стариком. Потрясения последних лет, помноженные на возраст, — вполне достаточное объяснение его неожиданной кончины. Возможно, Юрий предчувствовал недоброе и именно поэтому оставил при себе старшего сына… Как бы там ни было, его исчезновение нанесло сокрушительный удар всему галицкому мятежу. Своим импульсивным благородством, широтой натуры и обращением к идеалам времен Дмитрия Донского Юрий придавал банальной усобице некое величие и историческую перспективу. С его кончиной она окончательно приняла характер семейной дрязги, в которую оказалась поневоле втянута вся Русская земля.

За тот недолгий срок, который отпущен был Юрию как великому князю Московскому, он сумел нагнать страху на удельную мелкоту своими властными замашками. Пользуясь положением, он заключил ряд договоров, в которых возвышалось значение московского князя среди прочих правителей. Но наиболее эффектным деянием Юрия стала чеканка московской монеты с изображением его небесного покровителя — Георгия Победоносца, поражающего дракона. «Чудо Георгия о змие» (так называли эту сцену в Древней Руси) было символической парафразой борьбы Руси с Золотой Ордой. С легкой руки мятежного князя Юрия Георгий, побеждающий змия, навсегда стал символом Москвы.

И все же эти эффектные деяния Юрия не дают основания утверждать, что проживи он дольше — Москву ожидало бы небывалое благоденствие и стремительное возвышение. Правление Юрия было чревато, во-первых, продолжением усобицы с Василием II, причем на сей раз — с участием татар. Во-вторых, преклонный возраст Юрия создавал реальную перспективу скорого прихода к власти его старшего сына Василия Косого — провинциального честолюбца с узким кругозором, черствой душой и непомерными амбициями. По сравнению с ним даже неудачник Василий II был наименьшим из зол.

Отметим и еще одно обстоятельство. Только смерть Василия II, не имевшего ни братьев, ни сыновей, могла позволить галицкому семейству прочно утвердиться на московском троне. Юрий, конечно, понимал это. И тем не менее он не позволил себе расправиться с племянником даже тогда, когда тот оказался в его руках в Костроме весной 1433 года.

Прощаясь с нашим лесным генералом, почтим его память

краткой похвалой, как это делали старые летописцы.

Как и его отец Дмитрий Донской, Юрий, несомненно, был харизматической личностью. Его можно назвать прямым потомком тех былинных богатырей, которые одним своим боевым кличем обращали в бегство целые полки и отворяли ворота городов. Соратники обожали его, а враги попросту боялись. Вероятно, как все люди этого типа, он был необычен и своей внешностью: ростом, осанкой, взглядом, манерой говорить, огромной физической силой. Впрочем, никаких достоверных портретов мятежника или хотя бы замечаний о его внешности не сохранилось.

Своих сторонников Юрий набирал среди таких же, как и он, глубинных людей: галицких лесовиков-промысловиков, свободолюбивых и диких вятчан. Уверенный в своей тяжелой земной силе, он питал глубокое презрение к врагам и потому постоянно давал им обыгрывать себя в хитросплетениях политической игры. Запустив дело до полной безнадежности, он вдруг словно пробуждался и начинал буйствовать. И тут случалось чудо: судьба вновь оказывала милость своему беззаботному любимцу.

Люди, подобные Юрию Звенигородскому, могли существовать лишь в это удивительное время, когда на пути от ордынского улуса к Московскому государству Северо-Восточная Русь на какое-то краткое время (одно-два поколения!) оказалась предоставленной сама себе. Старый порядок рушился на глазах, а новый еще не сложился. В этой стихии расплавленной государственности и расцветали люди, подобные звенигородскому воителю. Опоздав на Куликово поле, он взял свое в лихом походе «в татарскую землю» в 1399 году и вбил свой гвоздь в гроб Золотой Орды.

Одни историки считали Юрия принципиальным защитником феодальной раздробленности и потому — исторически негативной личностью. Другие полагали, что у него была какая-то оригинальная «политическая программа» (83, 59). Однако ничего определенного (если не считать умозрительной схемы противостояния свободолюбивого русского Севера и холопствующего Юга) они сказать о ней не могли. Третьи лишь печально констатировали: «Нет оснований видеть в галицких князьях представителей „удельно-княжеской оппозиции“, но и об их стремлении поднять знамя Дмитрия Донского также нет свидетельств» (115, 93). При всем том историки обычно как-то упускают из виду одно простое обстоятельство. Мятеж Юрия был прежде всего делом оскорбленной чести. Среди тогдашней русской аристократии такие порывы встречали полное понимание

и сочувствие.

Как и положено харизматическому лидеру, Юрий ощущал себя избранником небес. Его отношения с Богом выходили за рамки обычного ритуального благочестия. С ранней юности пленившись тихими речами радонежских старцев, князь всю жизнь жертвовал на храмы, чтил святыни, а главное — старался елико возможно избегать греха. Как и его великий отец, Юрий знал, что копье святого Георгия может удержать не всякая рука…

Эпическая фигура Юрия Звенигородского исполнена шекспировского трагизма. Могучий разрушитель «рабского прошлого», он был обречен на гибель под колесами не менее рабского будущего. Времена благородных витязей, побеждающих дракона, но не способных победить собственную гордость, заканчивались. Приближались времена мирных холопов «государя всея Руси». И своевольный Юрий (а также и все ему подобные) неизбежно должен был быть признан «язвой общества».

Противник Юрия Звенигородского, Василий II был его полной противоположностью. Он был поздний ребенок. В год его появления на свет отцу исполнилось 44 года, а матери — немногим менее. Как все последыши, он, вероятно, был тщедушен и слабоват здоровьем. Единственный наследник, он вырос в своих московских теремах под усиленным надзором бабок и мамок, без шишек и синяков, но зато и без азартного духа потешных дворовых сражений. Сознание своей исключительности в сочетании с острым чувством физической неполноценности рано испортили его характер. В его поведении высокомерие смешивалось со склонностью к самоуничижению. Он трусил — и впадал в ярость от собственной трусости. Поэтому его героизм всегда носил несколько истерический характер.

Мать Василия, княгиня Софья, обучила его всем тонкостям придворных интриг, раскрыла перед ним все тайны восточноевропейских дворов. Ее холодная злоба порой пугала Василия не меньше, чем дикая сила звенигородского дядюшки Юрия. Ненависть к Юрию ему внушили с пеленок. В итоге он стал панически бояться его, хотя и старался скрыть страх под маской высокомерия.

Великий князь Василий Дмитриевич не смог воспитать сына героем. Во-первых, он просто не успел заняться этим, скончавшись в год, когда наследнику исполнилось десять лет. Во-вторых, он и сам был далеко не героем, этот осторожный и довольно бесцветный человек. Как личность Василий I, несомненно, уступал своей властной и честолюбивой супруге.

Однако по иронии судьбы изъяны воспитания и душевного склада Василия II оказались важными достоинствами для

правителя, призванного покончить со смутой. Во имя собственного спасения он должен был создать некую Систему, которая только и могла противостоять стихийной силе Юрия и других паладинов хаоса.

«Король умер… Да здравствует король!» — такова была суть известий, которые доставил младшим Юрьевичам во Владимир запыленный гонец из Москвы. Василий Косой извещал братьев о своем восшествии на московский престол. Однако оба Юрьевича отказались признать старшего брата своим господином и великим князем. Свой отказ они, по свидетельству летописца, объяснили брату так: «Аще не восхоте Бог да княжить отец наш, а тебе мы сами не хотим…» (18, 149). В решении Юрьевичей можно усмотреть некую принципиальность. Их отец в своей борьбе основывался на принципе престолонаследия от брата к брату, то есть «по старшинству». Теперь, после кончины Юрия Звенигородского, старшим по династическому положению среди потомков Ивана Калиты оказывался Василий Васильевич. Таким образом, сохраняя верность принципам, которые исповедовал их отец, Юрьевичи должны были уступить Москву своему недавнему сопернику.

Раскол среди Юрьевичей объяснялся, вероятно, не только принципиальными соображениями. На «личный момент» указывает и формулировка ответа младших братьев Василию Косому — «а тебя мы сами не хотим». Высокомерный тон ответа, несомненно, был зеркальным отражением надменного тона послания к братьям нового московского правителя. Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный менее всего хотели оказаться в подчинении у своего жестокого и властного брата. К делу примешивалась и острая жажда мести. Сложившаяся в момент кончины Юрия ситуация позволяла им наконец-то посчитаться с Василием Косым за давние обиды. Своего родного брата они ненавидели и боялись куда сильнее, чем двоюродного брата, Василия Васильевича. Этого последнего Юрьевичи попросту презирали. Им казалось, что при необходимости они смогут расправиться с ним так же легко, как это делал их отец. В довершение ко всему Василий Косой, кажется, был настолько упоен своим новым положением, что даже не подумал о возможной измене братьев. Воистину, никогда человек не бывает так слаб, как в минуту своего триумфа…

Решение младших Юрьевичей отложиться от Василия Косого было, по существу, первым самостоятельным выступлением на исторической сцене князя Дмитрия Шемяки. Именно он, а не его простоватый и набожный младший брат, был инициатором этого

«мятежа среди мятежников». Здесь уместны будут несколько штрихов к портрету Дмитрия Шемяки. В момент кончины отца ему было около 26 лет (169, 106). Это был коренастый крепыш (изучение костных останков князя, взятых из его гробницы в Новгороде, позволило определить его рост — около 168 см (169, 212), обладавший незаурядной физической силой. Последнее подтверждается его прозвищем. «Шемяка» (Шеемяка) — силач, способный любому «намять шею». Люди такого склада часто бывают от природы добродушны и невозмутимы. Однако если вывести их из равновесия — они действуют с яростью и силой раненого медведя…

Новый головокружительный поворот колеса Фортуны — которыми вообще так богата вся история галицкого мятежа — превратил Василия Васильевича из готового к бегству в Орду изгнанника в торжествующего победителя. Младшие Юрьевичи, еще недавно травившие его как зайца, теперь почтительно предлагали ему мир и московский престол. Приняв протянутую руку и пообещав братьям существенное увеличение их владений, Василий спустя несколько недель уже подступал к Москве во главе того самого войска, которое Юрьевичи вели на него к Нижнему Новгороду. Не имея под рукой посланного на Василия Васильевича войска и не надеясь на преданность москвичей, Василий Косой бежал из Москвы, прихватив с собой не только великокняжескую, но и городскую казну. В качестве заложницы беглец увез тещу Василия Васильевича — боярыню Марию Федоровну Голтяеву. Вслед за княжившим в Москве лишь один месяц Василием Косым из города бежали и некоторые его сторонники.

В поисках союзников для борьбы с Москвой Василий Косой отправился сначала во Ржев (откуда, вероятно, ссылался с Литвой), затем в Тверь и далее — в Новгород. Выехав из Новгорода осенью 1434 года, мятежник двинулся в Бежецкий Верх, затем в вологодские земли, а оттуда — на Кострому. Легко заметить, что он скитался теми же дорогами, которыми ходил в свое время и копивший силы для войны с Москвой Юрий Звенигородский. Целью этих рейдов было разграбление владений недругов, пополнение рядов своих сторонников, а главное — выбор удобной позиции и подходящего момента для стремительного броска на Москву.

Собравшись с силами, Василий Косой выступил из Костромы в поход на Москву. Он явно следовал по стопам своего отца. Однако прежних результатов уже не было. Ситуация круто изменилась не в пользу галичан. Да и сам Василий Косой не

обладал достоинствами Юрия Звенигородского.

6 января 1435 года, в самый праздник Богоявления, московское войско во главе с самим великим князем Василием Васильевичем разгромило полки Василия Косого в кровопролитной битве на реке Которосль, между Ярославлем и Ростовом. Летопись сообщает точное место сражения: «…у Кузмы и Демьяны на Которосли» (29, 148). (Несомненно, это современный поселок Козьмодемьянск в 15 км южнее Ярославля.) Сам Василий Косой успел ускользнуть с поля боя. Минуя Ростов, он устремился в поисках убежища в тверские земли, в Кашин.

Битва на Которосли — первое поражение галицких воителей в сражении с полками великого князя Василия Васильевича. Оно укрепило боевой дух москвичей, подорванный длинной чередой побед лесовиков. Да и сам великий князь впервые ощутил сладкий вкус победы. Кажется, он умел извлекать уроки из своих неудач. Во всяком случае, его распоряжения выглядят вполне толковыми, хотя и несколько запоздалыми. Узнав о бегстве Василия Косого, «князь великы посла за ним в погоню воевод своих…» (29, 148).

Однако великокняжеские воеводы не успели захватить Василия Косого до того, как он ушел в тверские земли и тем самым стал недосягаем для них. Тверской князь Борис Александрович принял беглеца весьма благосклонно. Продолжение московской войны было столь же выгодно Твери, как и Новгороду. Пока потомки Дмитрия Донского выясняли отношения друг с другом, их «геополитические соперники» могли спать спокойно. И потому тверской князь не только приютил побитого Юрьевича у себя в Кашине, но и помог ему собрать и вооружить сотни три бойцов. Разумеется, это была всего лишь горстка наемников. Однако для такого предприимчивого и дерзкого человека, как Василий Косой, и этого было достаточно, чтобы вновь вступить в игру. К тому же судьба, благосклонная к отчаянным, вновь дала Василию шанс поправить свои дела…

Не имея возможности преследовать врага в тверских землях, посланные для его поимки московские воеводы решили обосноваться в Вологде. Там они стояли с войском, «переимая вести про князя» (29, 148). Расчет москвичей был прост и основателен: рано или поздно Василий Юрьевич вынужден будет покинуть тверские земли и направиться в свой галицкий удел. Путь по Волге через Ярославль был надежно перекрыт московскими полками, во главе которых, вероятно, находился сам великий князь Василий Васильевич. Мятежнику оставалась лишь одна дорога домой: через лесные дебри ярославского Заволжья. На этом пути его и следовало перехватить ударом с севера, из

Вологды. Сложность заключалась лишь в том, чтобы своевременно получить весть о движении врага…

Однако Василий Косой не только разгадал замысел москвичей, но и нащупал их слабое место — полную зависимость от данных разведки. Выступив из Кашина, Юрьевич со своим небольшим отрядом, словно волчья стая, скрылся от глаз в заснеженных чащах. У этого лесного невидимки была вполне определенная цель. Преодолев по одному ему ведомым глухим дорогам около трехсот верст, Василий внезапно появился под стенами Вологды и захватил город. Оторопевшим воеводам вместе с их застигнутым врасплох воинством оставалось только сдаться на милость победителя.

Этим блестящим, с военной точки зрения, рейдом Василий Косой отомстил москвичам за свое поражение на Которосли и укрепил за собой репутацию достойного наследника непобедимого Юрия Звенигородского.

Захватив Вологду и разгромив московских воевод, Василий Косой на какое-то время стал хозяином всего заволжского Севера. Против него выступил лишь один из местных правителей — князь Федор Дмитриевич Заозерский, владения которого располагались к востоку от Кубенского озера. Он попытался внезапной атакой пленить Василия и разгромить его отряд. Однако это ему не удалось. В жестоком сражении князь Федор был разбит и сам едва успел спастись. Василий Косой захватил в плен всю его семью.

Одной из главных забот галицкого мятежника было пополнение казны. Деньги нужны были ему прежде всего для продолжения борьбы за Москву. Именно это и послужило главной причиной последовавшего за вологодским «взятием» похода Василия Косого на Великий Устюг. Князь не поленился проделать около четырехсот верст по зимним дорогам от Вологды до Устюга. Богатый торговый город, куда стекалась дань со всей «Пермской земли» и куда охотники свозили добытую в бескрайних северных лесах пушнину, находился под контролем Москвы. В церковном отношении он входил в состав ростовской епархии.

Торная дорога из Вологды в Устюг зимой проходила по замерзшей реке Сухоне. Пользуясь этим наезженным «зимником», скорый гонец мог добраться от одного города до другого дней за шесть-семь. Очевидно, что к тому времени, когда Василий Косой, повоевав в Заозерье, добрался до Устюга, здешние власти уже знали о его нападении на Вологду и о пленении им знатных московских бояр. Московский воевода князь Глеб Иванович Оболенский и находившийся тогда в Устюге представитель ростовского архиепископа («десятинник владычен») Иев Булатов

решили сделать то, что не удалось заозерскому князю Федору Дмитриевичу: пользуясь малочисленностью отряда Василия Косого, внезапно напасть на него и убить мятежника. В случае успеха заговорщиков ожидали милости великого князя и щедрая благодарность знатных пленников, которых Василий Косой возил с собой.

Приняв этот план, правители Устюга беспрепятственно впустили Василия Косого в город. Главная трудность состояла теперь в том, чтобы застать мятежника и его свиту врасплох. С этой целью заговорщикам, по-видимому, пришлось решиться на своего рода святотатство. Летописцы, стремящиеся елико возможно обелить действия московской стороны, весьма глухо излагают эту неблаговидную историю. «…И там на Устюзе хотели его (Василия Косого. — *Н. Б.*) убити, на порании Велика дни, на заутрени, и бысть ему весть; он же един перебеже межи кор (ледяных торосов. — *Н. Б.*) Сухону, на Дымкову сторону, а кто не поспел людей его за ним, и устюжане тех побили, а что были иманцы князя великого бояре, тех всех отполонили у него» (29,148).

Очевидно, расправа с галичанами была назначена на тот момент, когда князь Василий в окружении местной знати будет идти во главе процессии — крестного хода вокруг храма, которым начиналась пасхальная заутреня. Эта ситуация была самой благоприятной для внезапного нападения: князя окружали заговорщики, а его дружинники (вероятно, безоружные) шли где-то позади, растворяясь в толпе горожан. Тут-то и грянул сигнал к расправе. Наверное, им должен был стать звон соборного колокола…

Однако судьба и на сей раз была благосклонна к старшему Юрьевичу. Предупрежденный кем-то в самый последний момент, он успел вырваться из кипящей убийством толпы и, пользуясь темнотой, незамеченным добраться до берега Сухоны. Была уже середина весны (17 апреля), но, по счастью для беглеца, ледоход на реке еще не начался. (Под этим годом летописец отмечает: «а весна была велми студена» (18, 148). Ночью, карабкаясь по вздыбившимся ледяным глыбам, князь Василий сумел перебраться на другой берег. Поутру он собрал горстку своих уцелевших воинов и не мешкая двинулся на юго-восток, в издавна дружественную галицким князьям Вятскую землю. Ему предстояло преодолеть шесть или семь сотен верст по весеннему бездорожью, Бог весть как переправляясь через разлившиеся реки и подтаявшие болота. Несомненно, это был человек стального закала. Ярость и жажда мести умножали его богатырские силы.

Примерно месяц спустя Василий Косой с подоспевшими на

помощь вятчанами уже стоял в Костроме, готовясь к новому походу на Москву. Великий князь Василий Васильевич с войском подошел к Костроме и расположился возле Ипатьевского монастыря. От города его отделяло устье разлившейся по весне реки Костромы. Москвичи были настроены миролюбиво, и причиной этому было не одно только половодье. Великий князь, напуганный вологодским конфузом своих лучших воевод, побоялся вновь испытывать судьбу. Он предложил Василию Косому в обмен на мир признать не только его наследственные права согласно завещанию Юрия Звенигородского, но и прибавить к владениям мятежника богатый Дмитров, которого домогался еще его отец. Нуждаясь в передышке, Василий Косой согласился на мировую.

Перемирие между внуками Донского было шатким. Унылые затяжные дожди отзывались осенней скукой. Скука располагала к воспоминаниям, а воспоминания будили злость…

Оба кузена слишком сильно ненавидели друг друга, чтобы спать спокойно. Василию Косому, должно быть, снилась в ночных кошмарах «устюжская заутреня», рев опьяненной кровью толпы, предсмертные крики друзей, заглушаемые медным гулом пасхальных колоколов — вестников любви и мира. Гордый Юрьевич не мог забыть, как в темноте, объятый ужасом, метался он среди ледяных торосов, слыша за спиной приближавшийся шум погони. Единственным, что могло избавить его от этих наваждений, была месть. И вот осенью того же года неугомонный галичанин вновь бросает перчатку всему и вся.

В «устюжской заутрене» одним из главных заговорщиков оказался десятинник ростовского архиепископа Иев Булатов. Очевидно, и сам владыка Ефрем (1427–1454) был врагом Василия Косого. И потому свою новую войну с Москвой неугомонный Юрьевич начал с того, что на обратном пути из Дмитрова в Кострому пограбил владения ростовской епископской кафедры. Тем самым галичанин дал понять, что не считает себя связанным условиями «Ипатьевского» мирного договора. Послав соответствующие «разметные грамоты» великому князю, он решил для начала вернуть себе Галич, которым согласно завещанию Юрия Звенигородского владел Дмитрий Красный, связанный с великим князем союзническими обязательствами. Василий Косой без труда оттеснил брата и утвердился в Галиче. Благодаря своему географическому положению этот город был удобным плацдармом для наступления на самых различных направлениях. Отсюда поздней осенью 1435 года (по зимнему пути) Василий Косой отправился по замерзшим лесным рекам на север — к ненавистному для него Устюгу. Князя кроме его

собственной дружины сопровождали все те же воинственные вятчане — постоянная опора галицких князей.

В начале января 1436 года войско Василия Косого подошло к Устюгу и осадило город. Устюжане хорошо понимали, какая участь грозит многим из них в случае захвата города разъяренным Юрьевичем. Черпая силы в отчаянии, небольшой и слабо укрепленный Устюг держался до последней возможности. Он был взят галичанами только через девять недель при помощи вероломства. Василий Косой целовал крест на том, что не причинит вреда защитникам крепости в случае капитуляции (37, 86). Однако вступив в город, он учинил там свирепый погром.

Нарушение клятвы, скрепленной целованием креста, считалось в ту пору ужаснейшим из преступлений. Церковь сурово осуждала таких клятвопреступников. «Крест аще кто целуеть мал, не разумея, а преступить, 5 лет есть епитемия его. А разумеяй преступить, кровию своею токмо да искупится, юже прольеть мученическыи за Христа» (46, 483).

Месть, о которой Василий Косой мечтал почти год, была ужасной. Победитель «город взял, а князя великого воеводу Глеба Ивановича убил Оболеньского, и десятинника владычня Иева Булатова повесил, и многих устюжан, бояр и гостей, посекл и повешал, поминая им ту злобу, что хотели его самого изъимати, а людей у него много побили, а бояр князя великого отполонили» (29, 149).

Новый мятеж Василия Косого и его успешные действия в Заволжье сильно встревожили московских правителей. Казалось, что энергия и удача этого безумца способны сокрушить любые преграды. О его планах можно было лишь догадываться. Во всяком случае, следовало готовиться к отражению еще одного похода галичан на Москву. С этой целью великий князь Василий II собрал под свои знамена всех потомков Дмитрия Донского. В союзе с ним состоял и ярославский князь Александр Федорович Брюхатый. Для войны с Василием Косым москвичи наняли известного своей доблестью литовского князя Ивана Друцкого, который зимой 1435/36 года жил во Пскове.

В Москве сильно опасались того, что в случае новых успехов галичан на сторону Василия Косого может переметнуться его младший брат Дмитрий Шемяка. Кажется, эти опасения были напрасными: второй Юрьевич мирно сидел в своем Угличе и думал не о войне, а о женитьбе. Но, как известно, «пуганая ворона и куста боится». Москвичи решили заранее пресечь возможную измену. Когда Дмитрий зимой 1435/36 года явился в Москву, чтобы пригласить великого князя на свою свадьбу, тот приказал схватить его и бросить в темницу. Местом заточения была

избрана Коломна, куда в 1434 году галицкие князья сослали самого Василия II.

Узнав о вероломном пленении своего господина, весь «двор» Дмитрия Шемяки поехал служить Василию Косому. Желая сгладить неприятное впечатление от захвата Шемяки, великий князь смягчил режим его содержания в Коломне. Освобожденный от оков, Дмитрий мог теперь жить там почти вольной жизнью.

Между тем приближалось время решающих сражений. Расправившись с устюжанами и тем самым укрепив тылы, Василий Косой до начала весенней распутицы успел привести свое войско в Вологду. Здесь его ожидал приятный сюрприз в виде «двора» Дмитрия Шемяки. Около пятисот всадников во главе с воеводой Акинфом Волынским пополнили войско Василия Косого. Из Вологды мятежник (вероятно, все той же знакомой дорогой, по рекам Обноре и Костроме) спустился на юг, к Волге. Когда на Волге закончился ледоход, Василий Косой в районе Костромы переправился на правый берег и не мешкая двинулся через Нерехту в сторону Ростова. Однако московские полки, которыми командовал сам Василий II, уже успели выйти почти на те же рубежи, на которых они в январе 1435 года остановили мятежника. Источники по-разному называют место этого решающего сражения. Достоверно известно только одно: битва произошла 14 мая 1436 года где-то в окрестностях Ростова.

Здесь, среди дружественных ему ростовчан и ярославцев, великий князь Василий Васильевич чувствовал себя увереннее. На этой земле он уже испытал радость победы в битве на Которосли в январе 1435 года.

Князь Василий Юрьевич, казалось, не спешил начинать сражение. Вместо этого он прислал к великому князю парламентера — монаха соседнего Борисоглебского монастыря по имени Русан — с предложением отложить сражение на следующий день. Очевидно, посредничество духовного лица усыпило бдительность московских воевод. Василий II согласился на отсрочку и распустил свои полки по окрестностям «по кормы», то есть для поисков пропитания воинам и лошадям. Вскоре выяснилось, что «отсрочка» была лишь коварной уловкой. На вероломство Василия II по отношению к Дмитрию Шемяке его брат отплатил той же монетой. Когда москвичи и их союзники (князь Иван Андреевич Можайский, младший брат Василия Юрьевича князь Дмитрий Юрьевич Красный, литовский князь Иван Друцкий) разъехались по своим станам, мятежник попытался неожиданной атакой захватить лагерь Василия II и пленить его самого. Очевидно, это был единственный шанс Василия Юрьевича, не имевшего надежд на успех в решающем

сражении из-за малочисленности своей рати. Впрочем, галицкие князья вообще были склонны ко всякого рода дерзким и неожиданным предприятиям, которые им часто удавались…

Однако московские дозоры своевременно заметили приближавшихся врагов и срочно оповестили великого князя. На сей раз он повел себя мужественно и, не помышляя о бегстве, самолично принялся трубить тревогу. На его счастье, московские полки не успели еще разбрестись слишком далеко. Услышав сигнал, воины быстро примчались к ставке великого князя и вступили в бой с мятежниками. В итоге вероломство Василия Юрьевича обернулось против него. В пылу сражения он отделился от своего войска и, по-видимому, решил уйти незамеченным. Но один из московских воевод, Борис Тоболин, опознал беглеца и, позвав на помощь князя Ивана Друцкого, кинулся в погоню. На сей раз удача изменила галичанину. Плененный преследователями, он был приведен в стан великого князя, а оттуда отправлен под стражей в Москву.

Сражение под Ростовом произошло в понедельник 14 мая 1436 года. Накануне церковь праздновала «Неделю о слепом» и вспоминала евангельскую историю о чудесно исцеленном слепце. Для галицкого князя это совпадение оказалось зловещим предзнаменованием. Через неделю после битвы он был ослеплен в московской тюрьме по приказу Василия II (37, 86). Жестокой расправе подверглись и плененные союзники Василия Юрьевича — вятские воеводы Дятел и Семен Жадовский. Первого повесили в Москве, второго отдали на растерзание разъяренной толпе в Переяславле.

Судьба надолго отвернулась от Василия Юрьевича. Проведя десять лет во мраке слепоты и смраде московской темницы, он все же дожил до тех дней, когда его мучитель Василий II сам попал в руки врагов, был ослеплен и сослан в Вологду. Однако и тут радость галичанина была недолгой. Василий II через год вернул себе Москву и великокняжеский престол. Все эти удары судьбы сокрушили некогда могучего и непобедимого старшего Юрьевича. Под 1448 годом летописец сообщает о его кончине, не поясняя, где и при каких обстоятельствах это произошло…

Упрятав мятежника в темницу, Василий II присоединил к своим владениям его бывший удел — города Звенигород и Дмитров с округой. Средний сын Юрия Звенигородского Дмитрий Шемяка был освобожден из-под стражи в Коломне. 13 июня 1436 года он целовал крест на верность Василию II и признал себя его «младшим братом». В тот же день князья скрепили своими печатями текст «докончания». «А где всядешь сам на конь на своего недруга, и мне с тобою поитьти, — клялся Дмитрий

Шемяка великому князю. — А где мене пошлешь, и мне поитьти без ослушания. А где пошлешь своих воевод, и мне послати с ними своих воевод» (6, 90). Лишь после этого Дмитрий Шемяка смог вернуться к себе в Углич, где его уже полгода ждала невеста — княжна Софья Дмитриевна Заозерская.

Союзники великого князя в войне с Василием Косым получили награды — прибавления к владениям. Довольные, они разъехались по своим удельным гнездам. Пожар московской усобицы угас на целое десятилетие…

ГЛАВА 2 Вокруг колыбели

Как могут двое поладить, если один подозревает другого, а тот, в свою очередь, его презирает?

Никколо Макиавелли

Мятеж галичан нанес тяжелый удар по престижу Москвы как политического центра всей Северо-Восточной Руси. Однако Юрий Звенигородский и его сыновья лишь усугубили те трудности, с которыми столкнулось московское «собирание Руси» в первой трети XV века. Московские земли были опустошены нашествием Едигея в 1408 году; они вновь обезлюдели из-за «великого мора» в последние годы правления Василия I. Близкое соседство могущественной Литвы стало постоянным соблазном для всех недовольных московским первенством. Наконец, существовала проблема харизматического лидера — любимого героя Средневековья. Москве в этот период явно не хватало нового Дмитрия Донского, храброго и удачливого, умевшего где лаской, а где и плахой смирить кичливую знать, способного зажечь толпу своей кипучей энергией и несокрушимой верой. И хотя внутренние распри в Литве и Орде в 1430-е годы на время избавили Москву от угрозы новых нашествий, — необходимость «подтянуть вожжи» и укрепить авторитет великого князя Владимирского была очевидна.

Важнейшей сферой политической борьбы издавна являлась борьба вокруг митрополичьей кафедры. Сильнейшие правители Руси стремились провести на высшую ступень церковной иерархии своего человека. На избрание того или иного кандидата часто оказывали влияние Литва и Орда. Константинопольский патриарх принимал окончательное решение лишь после тщательного учета всех «плюсов» и «минусов» каждого из кандидатов.

После кончины митрополита Фотия 2 июля 1431 года москвичи, по некоторым сведениям, безуспешно пытались провести на кафедру своего кандидата — рязанского епископа Иону (44, 89). Главой Православной Церкви в Литве стал Герасим — ставленник великого князя Литовского Свидригайло, занимавший прежде смоленскую епископскую кафедру. О его приезде на Русь в 1434 году псковская летопись сообщает в следующих примечательных словах: «Того же лета Герасим владыка, на осень, приеха из Царя-града от патриярха поставлен

митрополитом на Рускую землю, и приеха в Смоленск. А на Москву не поеха, зане князи руския воюются и секутся о княжении великом на Рускои земли» (40, 42). Последнее объяснение выглядит малоубедительно: во-первых, литовские князья «воевали и секлись» в те годы ничуть не меньше, чем московские, а во-вторых, Герасим как архипастырь обязан был выступить в роли миротворца, как это обычно делал его предшественник, митрополит Фотий. Единственной веской причиной, по которой Герасим не ехал в Северо-Восточную Русь, могло быть лишь то, что в Москве его считали митрополитом Литовским, то есть раскольником, не имевшим здесь никаких канонических прав.

(Существует мнение, что в Москве в те годы мало интересовались церковными делами, не проявляли инициативы и готовы были принять любого, кого присылали из Константинополя. Даже возвращение Исидора из Италии в новом качестве митрополита-униата было встречено в Москве с полным равнодушием (115, 104–107). В основе этих представлений лежит достаточно спорная и субъективная трактовка источников.)

Карьера литовского митрополита Герасима была недолгой. Великое княжество Литовское страдало тогда от столь же губительной внутренней смуты, что и Северо-Восточная Русь. Против великого князя Свидригайло выступил его двоюродный брат Сигизмунд. Соперничество Гедиминовичей было окрашено средневековой жестокостью. Заподозрив митрополита Герасима в какой-то «измене», Свидригайло в июне 1435 года приказал сжечь его на костре. Такого еще не знала история Русской Церкви…

Главой всей Русской Церкви в Константинополе был назначен грек Исидор — ревностный сторонник соединения православной и католической церкви. Ценой церковной унии греки надеялись получить военную помощь от католических государей. Обстановка требовала срочных и чрезвычайных мер: турки-османы стояли уже у самых ворот Константинополя.

Митрополит Исидор торжественно въехал в Москву 2 апреля 1437 года — во вторник на Святой неделе. Спустя всего пять месяцев он отправился в сопровождении большой свиты из духовных лиц на церковный собор в Италию. Вернулся Исидор в Москву только 19 марта 1441 года. Но через несколько дней митрополит-униат по приказу великого князя Василия II был взят под стражу. Вскоре ему дали возможность бежать из Москвы, а затем и из русских земель. Таким образом в период с 1431 по 1448 год (когда собором русских епископов был поставлен первый автокефальный митрополит Иона) русские земли вообще не имели высшей церковной власти — важного фактора

политической стабильности. А между тем молодой великий князь Василий II, как никто другой, нуждался в мудрых советах старца-митрополита. Его собственные решения часто отмечены были печатью поспешности и недальновидности. Одним из таких решений стал закончившийся катастрофой «белевский поход» московского войска…

Примирившись с галицкими братьями Юрьевичами, Василий II на следующий год решил на деле испытать их лояльность. Поводом для этого стала война против ордынского «царя» Улу-Мухаммеда. Низложенный своим дядей и соперником ханом Сеид-Ахмедом, внук грозного Тохтамыша с небольшим отрядом осенью 1437 года обосновался в верховьях Оки. Местные «верховские» князья находились в двойной вассальной зависимости: от Литвы и от Москвы. Вторжение татар в их владения не представляло особой опасности для Москвы. Однако Василий II все же собрал большое войско и послал его против Улу-Мухаммеда. Между тем именно этот хан в 1432 году решил спор между Василием II и Юрием Звенигородским в пользу Василия. Теперь московский князь предпочитал об этом не вспоминать…

Руководство кампанией было поручено Дмитрию Шемяке и Дмитрию Красному. Трудно понять, почему великий князь доверил Юрьевичам свою армию, а сам остался дома. Возможно, он решил повторить ситуацию 1399 года, когда Василий I в ответ на враждебные действия ордынских «царевичей» на восточных границах своих владений послал Юрия Звенигородского во главе московского войска воевать земли волжских болгар. Тогда поход принес москвичам славу и богатую добычу. Но теперь все сложилось по-иному…

Летописи по-разному описывают обстоятельства военной катастрофы, получившей у современников название «Белевщины». Однако в целом московские летописцы в один голос объясняют поражение нерадивостью и самонадеянностью князей Юрьевичей. Еще по дороге к Белеву они позволяли своим воинам грабить те земли, через которые пролегал их путь. Устрашенный многочисленностью подступившей к Белеву московской рати, хан готов был признать себя вассалом Москвы и в знак покорности послать своих сыновей в заложники к Василию П. Однако Юрьевичи отвергли эти заманчивые предложения. В ответ небольшой татарский отряд рано утром 5 декабря 1437 года скрытно приблизился к русскому стану и стремительной атакой наголову разгромил московское войско. Ходил слух, что один из русских военачальников, мценский воевода Григорий Протасьев,

тайно сносился с татарами и способствовал их победе (27, 240). (Два года спустя он был пойман и по приказу Василия II ослеплен.)

«Белевщина» срезала цвет московского воинства. Источники пестрят именами знатных воинов, павших в этом побоище. Воодушевленные своей фантастической победой, татары могли теперь нагрянуть и под стены Москвы. В этой ситуации Василий II поспешил заключить договор о взаимопомощи с тверским князем Борисом Александровичем, обязуясь отказаться от каких-либо претензий на его владения.

Согласно некоторым источникам, после победы под Белевом Улу-Мухаммед пошел по Оке к Волге. Там он обосновался несколько выше устья Камы. Некоторые историки считают этот эпизод началом Казанского ханства. Другие полагают, что хан никуда не уходил из полюбившегося ему Белева. Как бы там ни было, летом 1439 года Улу-Мухаммед решил свести счеты с москвичами. Стремительным броском он привел свою орду к стенам московской крепости. 3 июля началась ее осада (37, 87).

Не рискнув вступить в сражение, Василий II оставил столицу на попечение своих воевод, а сам уехал в недоступные для татар заволжские леса. Едва ли кто-то мог прямо упрекнуть его в трусости. Ведь точно так же поступил в 1382 году сам Дмитрий Донской, бежавший от нашествия Тохтамыша, а в 1408 году — Василий I, уходивший от нашествия Едигея. Однако и воинской славы этот побег Василию II, конечно, также не прибавил…

Оборону Москвы великий князь поручил литовскому князю Юрию Патрикеевичу, сыну князя Патрикея Наримонтовича, выехавшего на московскую службу в 1408 году. Прямой потомок великого Гедимина, Юрий удостоился чести породниться с московской династией. Василий I дал ему в жены свою дочь. Василий II, по-видимому, всецело доверял своему шурину и поручил ему ответственный пост московского наместника.

Храбрый Гедиминович оказался на высоте положения.

Десять дней татары безуспешно пытались взять Москву. Однако, как и в 1408 году, при нашествии Едигея, белокаменная крепость, выстроенная еще Дмитрием Донским, осталась неприступной. Опустошив окрестности города и уведя множество пленных, орда Улу-Мухаммеда отошла на юг, в верховья Оки.

Великий князь после ухода татар вернулся из Заволжья и обосновался в Переяславле-Залесском. Сюда он вызвал на совещание своих кузенов — Дмитрия Шемяку и Дмитрия Красного. Оба они, судя по молчанию источников, не принимали участия в обороне Москвы. Желая задобрить Юрьевичей, Василий II поручил младшему из них временно управлять Москвой, «а сам

поживе в Переславли и в Ростове до зимы, бе бо посады пождьжены от татар, и люди посечены, и смрад велик от них» (29, 150). Трудно понять, чем продиктована была эта поразительная фраза: простодушным натурализмом бесстрастного свидетеля событий — или скрытым презрением к правителю, не пожелавшему вернуться в разоренную по его же вине столицу из-за смрада разлагавшихся в июльскую жару непогребенных тел?

(Сокровенное значение того или иного замечания летописца часто раскрывается лишь в контексте всего летописного текста. В данном случае следует иметь в виду, что несколькими страницами выше в той же самой Ермолинской летописи содержится описание совершенно иного поведения Дмитрия Донского в сходной ситуации. В 1382 году полчища хана Тохтамыша разорили Москву. После ухода татар Дмитрий с двоюродным братом Владимиром Серпуховским немедленно вернулся на пепелище. «По сем же прииде князь велики и князь Володимер на Москву и видеша град пожьжен, а церкви разорены, а трупиа мертвых многа суща вельми, и многы слезы излияша, и повелеша телеса мертвых погребати, и даваша от 80 мертвецов по рублю, и выиде того 300 рублев» (29, 129). Сопоставление напрашивалось само собой. Благородство Дмитрия Донского, оплакивающего общее горе и на свой счет погребающего погибших, — и брезгливое равнодушие к новой трагедии его жестокосердного внука.)

В рассказ о нашествии Улу-Мухаммеда вставлено еще одно жуткое известие: «Того же лета князь великы Григорья Протасьевича поймав, и очи вымал» (29, 150). Из этих мелочей и обмолвок в Ермолинской летописи незаметно складывается мрачный образ великого князя Василия II — жестокого и коварного правителя, чуждого воинской доблести.

Впрочем, нельзя забывать, что в целом ряде летописей той эпохи (включая и Ермолинскую) отразился взгляд на события врагов Василия II и Ивана III. Их суждения и построения могут быть не менее тенденциозными, чем славословия официальных придворных летописцев.

В сумраке монастырской кельи писалась бесконечная книга Истории. И время от времени чья-то невидимая рука переворачивала уже исписанные страницы, открывая новые, пока еще чистые… Новые люди приходили в мир, требовали себе места под солнцем, вытесняли из жизни поколения отцов и дедов, чтобы со временем разделить их участь.

Осенью 1437 года княгиня Мария Ярославна родила первенца-сына, нареченного в крещении Юрием. Теперь 22-летний Василий II должен был думать не только о том, как

сохранить власть над Русью, но и как передать ее собственному сыну. Однако маленький Юрий прожил лишь около трех лет. Смерть унесла его в январе 1440 года. В утешение Бог послал скорбящим родителям другого сына — Ивана…

Вслед за кратким сообщением о рождении у Василия II сына Ивана на странице летописи — словно выцветшее пятно засохшей крови. «Тое же весны Федко Блудов Сука Василья убил да Ивана Григорьевича Протасьева утопил. Того же лета и самого Федка, поймав, повесили на Коломне на осокори» (29, 150). Что стояло за этой чередой убийств — летописец не объясняет. Но надо же было такому мрачному сообщению оказаться рядом с благой вестью о рождении наследника престола…

Младенцу Ивану не исполнилось и года, когда московский двор был потрясен странной и жуткой кончиной младшего из галицких князей — Дмитрия Красного. Мимо этой средневековой истории не мог пройти Н. М. Карамзин, пересказавший летописи в следующих словах: «Меньший брат, Димитрий, скоро умер в Галиче, достопамятный единственно наружной красотою и странными обстоятельствами своей кончины. Он лишился слуха, вкуса и сна; хотел причаститься Святых Тайн и долго не мог, ибо кровь непрестанно лила у него из носу. Ему заткнули ноздри, чтобы дать причастие. Дмитрий успокоился, требовал пищи, вина; заснул — и казался мертвым. Бояре оплакали князя, закрыли одеялом, выпили по нескольку стаканов крепкого меду и сами легли спать на лавках в той же горнице. Вдруг мнимый мертвец скинул с себя одеяло и, не открывая глаз, начал петь стихиры. Все оцепенели от ужаса. Разнесся слух о сем чуде: дворец наполнился любопытными. Целые три дня князь пел и говорил о душеспасительных предметах, узнавал людей, но не слыхал ничего, наконец действительно умер с именем Святого: ибо — как сказывают летописцы — тело его, через 23 дня открытое для погребения в московском соборе Архангела Михаила, казалось живым, без всяких знаков тления и синеты» (89, ПО).

Помимо таинственной кончины Дмитрия Красного, первый год жизни будущего государя был отмечен для Москвы новыми военными тревогами. 20 марта 1440 года великий князь Литовский Сигизмунд был убит заговорщиками. 29 июня того же года на литовский престол вступил новый правитель — князь Казимир Ягайлович, брат польского короля Владислава. Как обычно, смена власти в Литве сопровождалась заговорами, мятежами и бегством недовольных новым режимом вельмож ко двору московского великого князя. В литовских усобицах Москва

издавна делала ставку на православную часть местной аристократии, недовольную засильем католиков. С помощью единоверцев московские князья надеялись вернуть под свою верховную власть захваченные Гедиминовичами области Западной и Юго-Западной Руси. Такого рода усилия предпринимал и Василий II в 1440 году. Однако они оказались безуспешными. Мечты о возвращении Смоленска и Северской Украины по-прежнему так и остались мечтами.

Новгород, постоянно искавший дружбы с литовскими князьями для противодействия московскому произволу, поспешил заключить договор с Казимиром. Раздосадованный чередой неудач, Василий II решил напомнить новгородцам о том, что именно он, великий князь Владимирский, является их верховным сюзереном. Только стремительный карательный поход на Новгород мог укрепить авторитет Москвы, сильно пошатнувшийся после «белевщины» и нашествия Улу-Мухаммеда. Такие походы (порой успешные, а порой и неудачные) предпринимали время от времени почти все великие князья Владимирские со времен Андрея Боголюбского. Новгородская кампания зимы 1440/41 года была организована с большим размахом. Предвидя не слишком опасное, но достаточно прибыльное дело, московскому войску прислал помощь тверской князь Борис Александрович. С запада в новгородские владения вторглась псковская рать. Опустошая новгородские волости, сжигая ни в чем не повинные деревни и погосты, Василий II приближался к озеру Ильмень. Новгородцы сначала ответили великому князю разграблением некоторых московских владений по Северной Двине. Однако после того как Василий II захватил городок Демон, игравший важную роль в обороне южных областей Новгородской земли, «золотые пояса» сбавили тон. Новгородский архиепископ Евфимий II от имени всей боярской республики заключил с москвичами мир, по условиям которого Новгород должен был уплатить победителям 15 тысяч рублей контрибуции (29, 150).

Вернувшись из новгородского похода, Василий II отпраздновал рождение еще одного сына — Юрия Младшего. Он появился на свет ровно через год после Ивана — 22 января 1441 года. Крестил младенца тот же игумен Троицкого монастыря Зиновий, который годом раньше окрестил княжича Ивана. В месяцеслове найден был и соответствующий святой, чье имя следовало дать младенцу при крещении. За две недели до дня рождения Юрия Младшего месяцеслов содержал память преподобного Георгия Хозевита — древнего палестинского отшельника. (Имя Юрий возникло от искаженного произношения

имени Георгий — «Гюрги».) Родителям явно хотелось дать младенцу имя своего умершего первенца — традиционное для князей московского дома имя Юрий. Их не смущали даже неприятные воспоминания о Юрии Звенигородском. Так у нашего героя, князя Ивана появился младший брат Юрий.

Весной и летом 1441 года Василий II был занят главным образом церковными делами. 19 марта этого года в Москву явился митрополит-униат Исидор. Его попытки убедить великого князя и русских иерархов принять Флорентийскую унию успеха не имели. Через несколько дней после приезда Исидор по приказу Василия II был посажен под стражу в Чудов монастырь.

Вопрос о принятии унии имел не только религиозный, но и политический аспект. Здесь сталкивались самые различные традиции и интересы. Василий II нуждался в поддержке церковных верхов. Дружба с митрополичьей кафедрой была одним из важнейших принципов московской политики со времен Ивана Калиты. При Василии I митрополиты-византийцы Киприан и Фотий не раз помогали Москве улаживать конфликты с Литвой. Они и сами были кровно заинтересованы в сохранении мира в регионе. Только в условиях мира им удавалось «сидеть на двух стульях»: управлять всеми православными епархиями Восточной Европы, включая и те, которые находились в Литве и Польше. И все же процесс политической консолидации в Восточной Европе неизбежно влек за собой обострение конфронтации между Москвой, Вильно и Краковом, а стало быть, и распад некогда единой Киевской митрополии на три самостоятельных образования — московскую, литовскую и польскую православные митрополии. Политическое единение Литвы и Польши в рамках Кревской унии (1385), позднее — Городельской унии (1413) создавало предпосылки для объединения православных епархий этих стран под властью одного иерарха. Но для московской митрополии в этой системе места явно не находилось.

Разрыв с православными епархиями в Юго-Западной и Западной Руси воспринимался в Москве крайне болезненно. Многие считали такой исход трагедией, предательством своих единоверцев, брошенных на произвол «латинян». Любые шаги светской власти, ведущие к расколу, могли вызвать сильное недовольство в московских церковных кругах. С этим столкнулся еще Дмитрий Донской, пытавшийся в 1378 году поставить на митрополичью кафедру своего фаворита попа Митяя, кандидатура которого была заведомо неприемлемой для «зарубежных» епархий. Наследник Донского Василий I не желал иметь те же проблемы и потому приглашал на московскую

кафедру митрополитов-византийцев (Киприана и Фотия), которые в силу своей этнической «нейтральности» и политической гибкости более или менее устраивали как Москву, так и Вильно. Вероятно, ту же роль принял бы на себя и присланный из Константинополя митрополит Исидор. Однако патриархия, во-первых, сильно запоздала с назначением Исидора, что заставило москвичей подобрать собственного кандидата на митрополию — рязанского епископа Иону; а во-вторых, — ив этом была суть проблемы — Исидор оказался униатом, «изменником православия». Принять Исидора — значило бы в дополнение к едва утихшей «феодальной войне» получить еще и «религиозную войну».

Арест митрополита-униата был едва ли не самым смелым решением осторожного Василия П. Отдав этот приказ, великий князь вступал на путь окончательного раскола издревле единой Русской митрополии и разрыва с державным Константинополем. Это был путь великого одиночества, вступив на который, Московская Русь отныне должна была во всем полагаться только на свои собственные силы. Страх и сомнения одолевали бедного Василия. Он явно не создан был для таких судьбоносных решений. Ему хотелось убедить себя и всех окружающих в том, что еще не все мосты сожжены, что можно еще как-то уладить дело с Литвой и патриархом. Он приказал дьякам сочинить почтительное письмо к патриарху Митрофану II (1440–1443) с жалобой на еретика Исидора и просьбой разрешить москвичам самим избрать церковного главу. В послании великий князь настаивал на том, что выборы митрополита на Руси отнюдь не будут означать ее разрыва с константинопольской патриархией (141, 132).

В вопросе об Исидоре Василий II постоянно прислушивался к мнению русских иерархов и даже созвал с этой целью весной 1441 года своего рода поместный собор. Позиция епископов в этом сложном деле также была довольно противоречивой. С одной стороны, каждый из них понимал неизбежность возникновения национальной, автокефальной московской митрополии. Но была и обратная сторона проблемы. Традиционная связь Русской Церкви с Константинополем, высокий статус митрополичьей кафедры помогали русским иерархам сохранять определенную независимость в отношениях со светскими властями. Да и сам великий князь, с одной стороны, желал подчинить себе митрополичью кафедру, а с другой — боялся ослабления авторитета этого общерусского института, огромные возможности которого московские князья давно научились использовать в своих интересах.

Великому князю следовало тщательно учесть все эти сложные, противоречивые настроения. Любой неосторожный шаг мог дать сильные козыри его врагам. Опаснее всего было навлечь на себя обвинения в «вероотступничестве» — самом тяжком из грехов, который стоил трона многим христианским правителям. Но нельзя было и дать основания для обвинений в нарушении церковных правил. В частности, арест и вообще насилие по отношению к епископу категорически воспрещались канонами. Митрополит Исидор, при всем его униатстве, был все же законным образом рукоположенным иерархом Русской Церкви. Содержание его под стражей, а тем более физическая расправа с ним грозили Василию II анафемой со стороны патриарха. Однако и освободить Исидора из-под стражи — значило бы косвенно снять с него обвинения в «ереси». Таким образом, сложилась ситуация, напоминавшая знаменитую двусмысленную резолюцию императора Павла I: «казнить нельзя помиловать».

Поначалу москвичи хотели заставить Исидора отречься от унии, обещая взамен честь и свободу. В случае отказа митрополиту угрожали казнью. Однако это был твердый и храбрый человек, почитавший распространение унии своим нравственным долгом. На все уговоры он отвечал отказом. Дело таким образом зашло в тупик.

В конце концов, просидев под стражей с полгода, вместе с двумя учениками, иноком Григорием и Афанасием, низложенный митрополит бежал из Москвы в Тверь. Похоже, что этот «побег» был подстроен московскими властями. Известно, что Василий II не велел преследовать беглеца. В Твери поначалу, кажется, просто не поняли сути дела. Исидор был вновь арестован по приказу князя Бориса Александровича. Теперь уже ему пришлось ломать голову над тем, как поступить с «еретиком». Проведя еще полгода в тверском заточении, Исидор не мечтал более об обращении Руси в унию. И когда тверской князь, следуя примеру Василия II, предоставил ему возможность уйти — «отпусти в Великий пост на средокрестнои недели» (41, 47) — Исидор не раздумывая уехал в Литву. Оттуда он перебрался в Рим, где был обласкан папой. Позднее Исидор дважды совершал рискованные путешествия из Рима в Константинополь по вопросу об унии. Умер этот неутомимый борец за соединение церквей в 1463 году. За заслуги перед Римом он был награжден папой саном кардинала и званием легата, а позднее даже удостоен титула «патриарха».

Благополучно избавившись от Исидора и переложив заботу о нем на плечи Бориса Тверского, Василий II поручил общее руководство церковными делами рязанскому епископу Ионе, который не имел еще официального поставления в митрополичий

сан ни от патриарха, ни от собора русских епископов. В таком двусмысленном положении он провел семь лет (1441–1448).

Усмирив Новгород и уладив дело с Исидором, Василий II решил, что настало время совершить еще один шаг — покончить с последним из мятежных Юрьевичей, князем Дмитрием Шемякой. Историки высказывают предположения, что его побудили к действию какие-то «крамольные» начинания Шемяки в ходе событий 1439–1441 годов. Однако никаких ясных сведений на сей счет источники не содержат. Известно лишь, что осенью 1441 года Василий II попытался неожиданным ударом овладеть Угличем — удельной столицей Дмитрия Шемяки. В случае успеха этой вероломной акции Дмитрий Юрьевич оказался бы московским пленником и имел все шансы повторить судьбу своего старшего брата Василия Косого.

Однако такие стремительные рейды требовали качеств, которыми обладали старшие Юрьевичи, но не обладал Василий П. Поначалу замыслы великого князя сорвал некий дьяк Кулудар Ирежский, уведомивший Дмитрия Шемяку об опасности. Тот немедля ускакал из Углича на запад, в лесные чащи Бежецкого Верха. Высланная вслед за беглецом погоня вернулась ни с чем. Кто-то выдал Василию II виновника его неудачи. Месть великого князя, как обычно, была изощренно жестокой. Он приказал забить несчастного кнутом, «по станом водя» (23, 150).

Волости Бежецкого Верха некогда принадлежали Дмитрию Юрьевичу Красному. После его кончины Василий II взял их под свою власть. Теперь Шемяка мстил великому князю, разоряя Бежецкий Верх. Оттуда он обратился к новгородцам с предложением стать их князем вместо Василия П. Однако те не желали портить отношения ни с Москвой, ни с Угличем и потому ответили Шемяке уклончиво: приезжай, если хочешь. Такое сомнительное гостеприимство князя не устроило, и на Волхов он не поехал.

Между тем войско Василия II вынуждено было вскоре покинуть углицкое княжество из-за наступления весенней распутицы. Дмитрий Шемяка вернулся в свою разоренную столицу. Сюда к нему явился другой удельный князь — Иван Андреевич Можайский. Возмущенный столь явным произволом Москвы, он объявил о своей солидарности («одиначестве») с Шемякой. Впрочем, можайский князь был не так прост. Новая вспышка усобицы позволяла ему еще раз выгодно продать свою поддержку той или другой стороне. Опасаясь создания антимосковской коалиции, Василий II поспешил переманить Ивана Можайского на свою сторону. Платой за верность стал

Суздаль, переданный Василием II в управление князю Ивану. Однако при этом пострадал литовский князь Александр Чарторижский, выехавший на московскую службу и пожалованный Суздалем несколькими годами ранее. Лишившись столь сытного «кормления», он в досаде поехал служить к Дмитрию Шемяке. Получив подкрепление, Шемяка недолго думая решил отплатить Василию II той же монетой и совершить стремительный набег на Москву. Лесными дорогами он повел свое войско из Углича к Троицкому монастырю. Отсюда до Москвы можно было добраться дня за два, а при сильном желании — и за день.

Но тут опасная затея Дмитрия Шемяки натолкнулась на сопротивление троицкого игумена Зиновия. Достойный преемник великого миротворца Сергия Радонежского, Зиновий решительно взял на себя роль посредника в княжеском споре. Запретив Шемяке «изгоном» нападать на Москву, он лично поехал с ним в столицу. Вскоре при посредничестве Зиновия между братьями был заключен мир, по условиям которого Дмитрий Шемяка сохранял за собой Углич, Галич, Ржев и подмосковную Рузу. Земли, принадлежавшие сидевшему в московской тюрьме Василию Косому (Звенигород, Дмитров и Вятка), признавались владениями Василия II. Самым неприятным для Шемяки было, вероятно, то, что согласно договору ему надлежало вернуть Василию II солидный должок по ордынской дани. «А что, брате, еще в целовании (то есть в мире. — *Н. Б.*) будучи со мною, не додал ми еси въ выходы („выход“ — название дани, которую платили русские князья ордынским ханам. — *Н. Б.*) серебра и в ординские протори, и что есмь посылал киличеев (послов. — *Н. Б.*) своих ко царем к Кичи-Маметю и к Сиди-Ахметю, а то ти мне, брате, отдати по розочту, по сему нашему докончанью», — настаивал Василий II (6, 107). Утаивание части ордынского «выхода», тайные сношения с татарами за спиной великого князя — все эти грешки Шемяки как-то не вяжутся с образом благородного рыцаря, борца за свободу, каким рисуют буйного Юрьевича некоторые историки.

Как обычно, договор был украшен заверениями во взаимной любви и верности. «Быти ти, брате, со мною, с великим князем, везде заодин, и до своего живота (то есть до конца жизни. — *Н. Б.*). А мне, великому князю, быти с тобою везде заодин, и до своего живота. А кто будет, брате, мне, великому князю, друг, то и тебе друг. А кто будет мне, великому князю, недруг, то и тебе недруг… А добра ти мне, великому князю, хотети во всем, везде. А мне, великому князю, тобе хотети везде, во всем добра» (6, 107).

Князья целовали крест и клялись в верности с таким трудом достигнутому соглашению. Потом, на пиру, они пили за здравие друг друга и желали друг другу всяческих успехов. Должно быть, каждый из них был в тот момент искренен и чист в помыслах. Но время шло — и мало-помалу накапливались новые обиды, множились долги, закипала злоба. Досада на ближнего незаметно переплавлялась в ненависть. И все эти страсти и страстишки плескались дурманящим зельем в тяжелых серебряных кубках, плясали перед отяжелевшим взором в тусклом свете догоравшей свечи…

А там, за слюдяными оконцами островерхих теремов, за хмурыми заборолами городских стен, лежала печальная снежная пустыня. До самого окоема тянулись немые леса, в которых терялись едва приметные нити дорог. Лишь кое-где чернели убогие деревеньки. Тонули в сугробах тяжелые избы, где теплилась жизнь, топилась печь, мерцала под иконой трепетная лампадка. Там, в избах, в вечном страхе и безысходной нужде копошились те, о ком молчат пожелтевшие страницы манускриптов, о ком не напомнят потомству горделивые надписи на белокаменных саркофагах. Жизнь этих людей, обычно именуемых крестьянами, была до неразличимости слита с жизнью природы. Об их несчастьях и массовой гибели монах-летописец писал с тем же эпическим спокойствием, как и о стихийных бедствиях.

В то время как обитатели дворцов корчились в муках неудовлетворенной алчности или уязвленного честолюбия, жители снежных пустынь страдали от нестерпимого голода и холода. Вся первая половина XV века выдалась на редкость тяжелой для них. Бедствия шли волна за волной: татары, мор, усобица, голод, опять татары, опять голод… И каждая уносила в океан вечности тысячи и тысячи жертв. Новая волна нахлынула в 1442–1443 годах.

Под 6950 годом от Сотворения мира (1 сентября 1441— 31 августа 1442 года) в Никоновской летописи — унылый перечень бедствий. «Та же зима бысть люта зело, и мрази велии нестерпимый, и много скотом и человеком зла сотворися. Тоя же весны быша громи велицы и млънии страшни, и ветри и вихри велицы, и бысть страх на всех человецех. Тоя же весны бысть отзимие (мороз со снегом после продолжительной оттепели. — *Н. Б.*), и паде снег велик и паки соиде, и възсташа ветри, и быша мрази мнози и ветри велици, и бысть скорбь многа в людех. Того же лета бысть жито дорого» (20, 42).

Под следующим, 6951 годом (1 сентября 1442 — 31 августа

1443 года) — новые жуткие картины этих словно проклятых Богом лет в Ермолинской летописи: «Та же зима была студена, а сено дорого, а во Тфери меженина (нехватка хлеба. — *Н. Б.*); и пришло в Можаеск голодников много, и князь велел был их кормити, они же хотели и пристава самого съести; и с тех мест почали с голоду мерети, и наклали их 3 скуделницы (общие могилы. — *Н. Б.*), да хлебника мужика сожьгли в Можаисце же с женою, а он люди ел, душ пятьдесят и малых и великих потерял» (29, 151).

Можайские нравы даже в эти жестокие времена отличались какой-то особой свирепостью. В 1443 году местный князь Иван Андреевич, известный переменчивостью своих политических пристрастий, за какое-то неизвестное преступление упрятал в темницу своего боярина Ивана Андреевича вместе с детьми, а жену его сжег на костре (29, 151).

В Новгороде горожане страдали от участившихся пожаров, вспыхивавших то тут, то там с подозрительным постоянством. В суматохе пожара лихие люди растаскивали вынесенное из горящих домов добро. Обезумевшие от горя погорельцы принялись хватать на улице всяких бродяг и бросать их в огонь, как обычно казнили поджигателей. «Тогда же от скорби тое пожаръные (то есть пострадавшие от пожаров. — *Н. Б.*) новогородцы поимаша многих людей напрасно, глаголюще: „Вы зажигаете, втайне ходяще, корысти ради своея, и таковы беды и напасти сотвористе!“ И тако многих христиан на огне сожегоша, а иных в Волхов с мосту сметаша, а иных камением побиша» (29, 42).

Жестокостью тянуло и из Степи, где одряхлевшая Золотая Орда, словно издыхающий дракон, вдруг испускала языки дыма и пламени. В 6950 году (1 сентября 1441 — 31 августа 1442 года) «приходиша татарове Болшиа Орды на рязаньскиа украйны (окраины. — *Н. Б.*) и много зла сотвориша и отъидоша с полоном» (20, 42). Пограбивший рязанские земли татарский «царевич» Мустафа, не зная, что делать с большим количеством пленников, решил продать их самим же рязанцам. «Рязанци же выкупиша своих плененных у татар» (20, 61). Однако вскоре Мустафа вновь прислал в Рязань своих людей с неожиданной просьбой: разрешить его отряду перезимовать в Рязани. «Мустафа же паки прииде в Рязань на миру, хотя зимовати въ Рязани; бе бо ему супротивно на Поли, а Поле все в осень пожаром погоре, а зима люта и велми зла, и снези велици и ветри и вихри силни. И того ради миром прииде в Рязань и хоте зимовати в Рязани нужи ради великиа». Рязанцы, поразмыслив, впустили «царевича» в город. Очевидно, они надеялись, что в будущем тот отплатит им добром

за добро.

Между тем в Москве узнали о рязанских событиях. Василий II решил воспользоваться бедственным положением татар и покончить с ними. Из Москвы на Рязань выступило войско под началом воевод князя Василия Оболенского и боярина Андрея Федоровича Голтяева. Великий князь придавал походу большое значение и потому отправил против Мустафы весь цвет своего воинства — «двор». Узнав о приближении московского войска, рязанцы велели татарам покинуть город. Отряд Мустафы встретил врага в заснеженном поле, на берегу речки Листани. Вид степного воинства был далеко не лучшим. «Татары же отнюдь охудеша и померзоша, и безконни быша, и от великаго мраза и студени великиа и ветра и вихра луки их и стрелы ни во что же быша; снези бо бяху велици зело» (20, 62). Глубокие сугробы не давали татарам возможности сражаться в конном строю. Да и самих коней у степняков почти не осталось. Неприхотливые татарские лошадки умели разрывать копытами снег и добывать мерзлую траву. Однако необычайно сильные снежные заносы оставили их без привычной пищи и обрекли на голодную смерть. А между тем сражаться в пешем строю, да еще среди сугробов, татарам никогда не приходилось.

Московские воеводы хладнокровно учли все эти обстоятельства. Поставив своих воинов на лыжи, они вооружили их дубинами, топорами и рогатинами. Вместе с регулярным московским войском в избиении татар приняли участие «мордва на ртах (лыжах. — *Н. Б.*) с сулицами (короткими копьями. — *Н. Б.*) и с рогатинами и с саблями». Подоспели и какие-то «казаки рязаньскиа такоже на ртах с сулицами и с рогатинами и с саблями» (20, 62). (Сражение на речке Листани зимой 1443/44 года — первое упоминание о казаках в исторических источниках.)

В сложившейся ситуации у татар не оставалось шансов на победу. Но это были стойкие бойцы, мужеством которых невольно восхищается и русский летописец. Как затравленные волки, люди Мустафы решили дорого продать свои жизни. «Татарове же никако же давахуся в руки, но резашася крепко» (20, 62). После ожесточенного сражения почти весь отряд во главе с самим Мустафой остался лежать на окровавленном снегу. Москвичи потеряли одного из своих воевод — Илью Ивановича Лыкова.

Расправившись с «царевичем», Василий II бросил вызов всему степному сообществу. Вскоре последовали ответные действия. Первыми поплатились те, кто помогал москвичам в сражении на Листани — рязанские пограничники-казаки и мордовские князья. В сентябре 1444 года татары напали на «рязанские украины» — южные районы рязанской земли. Той же осенью «воеваша

татарове Мордву» (20, 62). Ближе к зиме зашевелился и сам отставной «царь» Улу-Мухаммед, перебравшийся к этому времени из верховьев Оки в район Нижнего Новгорода. Хан поднялся вверх по Оке и осадил Муром.

Василий II, собрав большое войско, выступил навстречу татарам. В походе участвовали все князья московского дома: Дмитрий Шемяка, Иван Андреевич Можайский и его брат Михаил Андреевич Верейский, Василий Ярославич Серпуховской. Разумеется, Василий II извлек уроки как из белевской трагедии, так и из победы над Мустафой. Первый из них состоял в том, что нельзя доверять руководство походом кому-то из удельных князей. Второй урок — стремление обеспечить безусловное численное преимущество над коварным и стремительным в маневрах врагом. Третий — учет тех преимуществ, которые давала русским холодная и снежная зима.

Московское войско пришло во Владимир в начале января 1445 года. Отсюда лесными дорогами, утопая в сугробах, полки двинулись к Мурому. Однако «царь» Улу-Мухаммед не стал испытывать судьбу и спешно (по выражению летописца — «бегом») ушел от Мурома по Оке обратно к Нижнему Новгороду. Передовые отряды московского войска побили татар в окрестностях Мурома. Доходили они и до Гороховца, откуда было уже рукой подать до Нижнего. В ответ на эти удары оставленные «царем» в Нижнем Новгороде татары напали на близлежашую волсость Л ух.

Не решившись преследовать татар до Нижнего Новгорода, Василий II повернул назад. Вероятно, этого требовали удельные князья-союзники, получившие известие о неожиданном набеге литовцев на их владения. Да и сам великий князь не желал затягивать поход. Уже заканчивался Великий пост и приближалась Пасха. В такое время всякий человек норовил быть поближе к родному дому и приходскому храму. В «великую пятницу», 26 марта 1445 года Василий II вернулся в Москву.

Муромский поход Василия II при желании можно было представить как удачный. Однако он не принес решающего успеха в борьбе с Улу-Мухаммедом. «Царь» по-прежнему сидел в Нижнем Новгороде, обосновавшись в «старой» крепости. Великокняжеские воеводы Федор Долголдов и Юшка Драница все же сумели отстоять какую-то часть городских укреплений, но оказались там в западне. Не выдержав длительной осады, они ночью подожгли деревянные стены и башни и, воспользовавшись суматохой, бежали из города.

Скучая бездельем в своей пропахшей гарью нижегородской ставке, «царь» решил вновь развлечься войной. Весной 1445 года

он отправил в набег на московские земли сыновей — Мамутяка и Якуба. Василий II вновь вынужден был сесть на коня. 23 мая он встретил «Петрово заговение» (канун Петровского поста) в Москве, а уже на другой день выступил в поход против разбойничавших во владимирских и суздальских землях «царевичей».

Василий II никогда не умел совершать стремительных переходов. Его войско за месяц пути добралось лишь до Юрьева Польского. Здесь великий князь 29 июня 1445 года встречал праздник апостолов Петра и Павла. Сюда, к Юрьеву, подтянулись со своими отрядами и удельные князья московского дома — братья Иван и Михаил Андреевичи, Василий Ярославич Серпуховской. Однако так и не явился главный воитель — князь Дмитрий Шемяка. Замешкался где-то в пути и служивший Василию II татарский «царевич» Бердедат со своим отрядом (83, 104).

От Юрьева московское воинство двинулось к Суздалю. Во вторник 6 июля полки подошли к городу. Здесь, на просторном лугу у речки Каменки, под стенами Спасо-Евфимьева монастыря, ратники стали лагерем. Желая проверить боеготовность своих сил, князья устроили «всполох» — нечто вроде учебной тревоги и общего построения. Выяснилось, что войско их весьма немногочисленно и насчитывает лишь около полутора тысяч бойцов. (По-видимому, печальный опыт зимнего набега литовцев заставил удельных князей оставить больше сил для прикрытия собственных владений на западе и юго-западе Московского княжества.) Теперь Василию II оставалось лишь уповать на прибытие новых сил и поднимать боевой дух своей братии традиционным способом — хмельным застольем. Вечером он устроил пир для князей и воевод, затянувшийся далеко за полночь. Наутро великий князь, собравшись с силами, отстоял заутреню в походной церкви. Но вчерашний хмель все же брал свое. «И по заутреней възхоте князь великий еще поопочинути» (20, 66).

Однако поспать ему в это утро так и не пришлось. В лагерь примчался гонец с известием о том, что татары уже совсем близко и вброд переправляются через речку Нерль. Вновь, как и в памятной битве с Василием Косым под Ростовом, Василий II стал в суматохе отдавать приказы и натягивать на себя многочисленные доспехи. К счастью, московские воеводы знали свое дело. Стряхнув остатки вчерашнего хмеля, они успели до появления татар выстроить полки и приготовиться к бою. Первый натиск «поганых» был отбит. Но тут татары применили свой любимый прием — притворное отступление. Отсутствие

единоначалия и твердой дисциплины в разнородном московском войске привело к тому, что часть ратников кинулась преследовать бегущих, а другая часть осталась собирать трофеи и торжествовать победу. Между тем татары неожиданно остановились и, развернувшись, ударили на москвичей. Не ожидавшие такого поворота событий, русские воины дрогнули и обратились в бегство.

Преследуя их, «поганые» ворвались в московский лагерь. Итог сражения оказался катастрофическим: московское войско было наголову разбито. Сам Василий II вместе со своим двоюродным братом Михаилом Андреевичем Верейским попал в плен к татарам. Князья Иван Андреевич Можайский и Василий Ярославич Серпуховской, раненные в бою, «в мале дружине утекоша» (23, 188). Такой позор московскому войску никогда прежде испытывать не доводилось…

Московские летописцы (возможно, стараясь хоть как-то скрасить тягостное впечатление от поражения) указывают на подавляющее численное превосходство татар (3,5 тысячи — против 1,5 тысячи русских). Наряду с этим они рисуют картину героического поведения Василия II во время Суздальской битвы. «А на великом князе многи раны быша по главе и по рукам, а тело все бито велми, понеже бо сам мужествене добре бился бяше» (20, 65). Хочется верить в личное мужество первого воина тогдашней Руси. (О его достоинствах как полководца и организатора в этой ситуации говорить, конечно, не приходится.) Но как часто придворные льстецы всех времен переписывали историю во славу своего Хозяина! Впрочем, как бы ни вел себя московский князь в это июльское утро — суть дела от этого не менялась. Суздальское похмелье оказалось тяжким. «Царевичи» безнаказанно разграбили Суздаль и всю Владимирскую землю. Не решившись штурмовать Владимир, они простояли три дня под его стенами, а затем ушли в сторону Мурома. Оттуда «поганые» с огромной добычей и множеством пленных вернулись в Нижний Новгород.

Плененный татарами, Василий II подвергся унизительной процедуре. С него сняли нательные кресты. Некий «татарин Ачисан» отвез их в Москву и передал жене и матери великого князя. Этот зловещий «подарок» привел в ужас весь двор. Весть о случившемся мгновенно распространилась и по городу. Началась паника, порожденная слухами о скором приходе татар. Город наполнился беженцами, надеявшимися пережить нашествие под защитой белокаменных стен. В довершение всего на столицу обрушилась новая беда — страшный пожар, вспыхнувший чуть ли не в самый день приезда татарина. «Того же месяца июля в 14 день, в среду, загореся град Москва внутри города в нощи и

выгоре весь, яко ни единому древеси на граде остатися, но и церкви каменые распадошася и стены градные каменые падоша во многих местех; а людей многое множество изгоре, священноиноков, и священников, и иноков, и инокинь, мужей, и жен и детей, понеже бо отселе огнь, а из заградия татар бояхуся; казны же многи выгореша и безъсчислено товара всякого, от многих бо градов множество людей бяху тогда ту в осаде» (19, 113). Одних только задохнувшихся в дыму насчитали 1500 человек (37, 87).

Поврежденные пожаром московские стены уже не могли служить надежной защитой. Жена Василия II, княгиня Мария Ярославна вместе с детьми, боярами и свекровью, княгиней Софьей Витовтовной бежали из города и отправились в Ростов. Оттуда в случае опасности они могли быстро выйти к Волге и скрыться от татар в дремучих заволжских лесах.

(Запомнил ли пятилетний княжич Иван эти страшные дни? Сохранил ли в памяти искаженные страхом лица матери и бабки Софьи, треск огня и дикий вой горящих заживо людей? Кто знает… Но ясно одно: эти памятные июльские дни стали первым звеном в той длинной череде ужасов и страданий, которые с раннего детства обступили Ивана. В этом адском горниле постепенно выплавлялся его характер, выковывалась личность, ставшая шедевром русского Средневековья.)

В июле 1445 года в Москве повторилось то, что она уже пережила в августе 1382 года при нашествии Тохтамыша. Не привыкшая к татарским набегам, да к тому же и оставшаяся вдруг без правителя, столица оказалась во власти паники. Страх перед татарами и обезумевшей толпой заставил знать бежать из города. Теперь его защита перешла в руки охваченного яростью отчаяния простонародья. Горожане, которым некуда и не на чем было бежать, стали спешно приводить в порядок поврежденные огнем городские стены. Даже уцелевшие от пожара дома превращались в своего рода укрепления. Люди готовы были до конца защищать свое родное пепелище.

К счастью, страхи москвичей оказались напрасными. «Царевичи» и не думали идти на Москву. Кажется, они и сами порядком перетрусили, ненароком пленив Василия II. Обычный грабительский набег оборачивался чем-то гораздо более серьезным. На выручку великому князю Московскому должна была прийти вся боевая сила Северо-Восточной Руси. Опасаясь погони, Мамутяк и Ягуп со своей невиданной добычей — великим князем Московским — поспешили вернуться в Нижний Новгород к своему отцу Улу-Мухаммеду.

«Вольный царь» также решил, что теперь на него ополчится

вся Северо-Восточная Русь. На всякий случай он в конце августа 1445 года перебрался из Нижнего Новгорода в Курмыш. Только там, на юго-восточной окраине нижегородских владений, рядом с родной степью, хан почувствовал себя в безопасности. Теперь он мог не спеша обдумать сложившуюся ситуацию.

Не вполне понимая характер отношений между внуками Дмитрия Донского, хан решил для начала выяснить позицию Дмитрия Шемяки. Он отправил к нему в Углич своего посла Бигича. Враждебный Юрьевичам московский летописец так описывает этот эпизод. «Он же (Дмитрий Шемяка. — *Н. Б.*) рад бысть, и многу честь подасть ему (ханскому послу. — *Н. Б.*), желаше бо великого княжениа; и отпусти его со всем лихом на великого князя, а с ним послал своего посла Феодора диака Дубенского, чтобы князю великому не выйти на великое княжение» (19, 113).

Неизменно лаконичные летописцы показывают лишь авансцену истории. То, что происходило за кулисами, скрыто мраком неизвестности. И все же мы едва ли ошибемся, если предположим, что в эту тревожную осень 1445 года, когда в Степи вновь решалась судьба Василия II, московская знать «подставила плечо» своему незадачливому князю. Практически каждый из «сильных людей» в Москве имел свои собственные, сберегаемые на крайний случай «выходы» на ордынских вельмож. Эти связи часто носили семейный, родовой характер и передавались по наследству как ценнейшее достояние. Теперь настало время привести в действие все эти сокровенные механизмы власти. Приход властного и дерзкого Дмитрия Шемяки на московский престол грозил разрушить складывавшийся десятилетиями баланс сил и интересов при московском дворе. Осознав общую опасность, московские бояре на время забыли о своих распрях и объединили усилия с целью вернуть Василия II на трон. Одновременно с этим была приведена в действие вся система московской секретной службы, издавна отслеживавшая ситуацию не только в Орде, Литве или Новгороде, но также при дворах великих и удельных князей.

Только учитывая работу этих могущественных, но невидимых миру сил, можно правильно понять весь дальнейший ход событий.

Разумеется, о посольстве Бигича к Дмитрию Шемяке в Москве вскоре узнали. По замыслу Улу-Мухаммеда, миссия Бигича, кроме переговоров с Шемякой, должна была припугнуть Василия II и московскую знать перспективой возвышения ненавистного им Галичанина, заставить москвичей быть более сговорчивыми.

Ханский посол добрался от Нижнего Новгорода до Углича

недели за две-три. Там он провел не менее недели, ожидая, пока Дмитрий Шемяка обдумает ситуацию и снарядит свое собственное посольство к хану во главе с дьяком Федором Дубенским. Наконец, обратный путь из Углича в Курмыш по осенней распутице должен был занять не менее трех недель. Таким образом, хан мог ожидать возвращения своего посольства где-то в середине октября 1445 года. Однако уже 1 октября великий князь Василий II, его двоюродный брат Михаил Андреевич Верейский и все находившиеся при них спутники были отпущены на Русь. Их сопровождали многочисленные татарские вельможи, посланные ханом для контроля за исполнением взятых москвичами обязательств. Главное из них — выплата огромного выкупа, относительно размеров которого ходили самые противоречивые и фантастические слухи. Помимо денежной суммы князь Василий, по-видимому, обещал отдать некоторые города «в кормление» ханским приближенным.

Главный успех москвичей состоял в том, что хан не только отпустил Василия II из плена, но и признал его великим князем. Кроме того, дело решилось прежде, чем в борьбу за трон успел вступить Дмитрий Шемяка. Несомненно, он также предлагал хану какие-то весьма заманчивые условия. В летописях есть сведения, что решение в пользу Василия II было принято после того, как Улу-Мухаммеду сообщили, что Дмитрий Шемяка якобы убил его посла Бигича. Возможно, такой слух действительно был пущен сторонниками Василия П. Однако приведенный выше подсчет времени показывает: хан вполне мог ждать возвращения своего посла еще две-три недели. И все же он принял московские условия, даже не поинтересовавшись тем, что предлагал ему Шемяка. Очевидно, для Улу-Мухаммеда как в 1432 году (когда он был на престоле Золотой Орды), так и в 1445 году (когда он вел жизнь бесправного изгнанника) предпочтительнее было иметь на московском престоле более легитимного Василия II, на стороне которого были симпатии основной части аристократии. Поддержав галичан, хан мог вызвать новую вспышку московской усобицы. Это сулило ему некоторые временные преимущества: возможность безнаказанно грабить пограничные волости, захватывать целые города. Однако в перспективе хану гораздо выгоднее было получить поддержку и дань со всей системы великого княжения Владимирского. А для этого требовалась устойчивая, легитимная власть, а не сумятица бесконечной усобицы.

Едва успев выехать из Курмыша, Василий II был окружен своими доброхотами. Один из них, нижегородский воевода Юшка Драница, поначалу даже готовил побег великого князя из ханской

ставки. Теперь, когда тот оказался на свободе, верный воевода «паде на ногу его, плача от радости» (29, 152). Он предложил князю сесть на заранее припасенные суда и тайком уйти от сопровождавших его татарских «послов». Однако Василий II отказался от этого заманчивого предложения. Обмануть хана — значило начать с ним новую войну. К этому московский князь был вовсе не готов. Более того, поддержка Улу-Мухаммеда нужна была ему для того, чтобы утвердить свой пошатнувшийся авторитет и пресечь козни своих удельных соперников и в первую очередь — Дмитрия Шемяки.

Приняв решение поддержать Василия II, хан утратил всякий интерес к переговорам с Шемякой. А между тем посольство Бигича и Федора Дубенского уже пустилось в обратный путь из Углича в Курмыш. Судьба вела этих несчастных прямо в руки их московских врагов…

Через два дня после отъезда из ханской ставки Василий II отправил в Москву гонца с вестью о своем возвращении. Летопись сохранила имя посланца — Андрей Плещеев. Он помчался в Москву торной дорогой: вдоль Волги до Нижнего Новгорода, а оттуда вверх по Оке — до Мурома. От Мурома дорога шла лесами до Владимира, а дальше, через Юрьев Польской, на Переяславль-Залесский, Троицкий монастырь, Радонеж — к Москве. (Именно этим путем возвращался домой сам Василий II спустя несколько недель.) Впрочем, Плещеев мог избрать и иной путь: от Мурома вверх по Оке до Рязани и Коломны, а оттуда — в Москву. Но так или иначе, путь его лежал через Муром, перешедший под власть Москвы еще в конце XIV столетия.

Город стоял на высоком, изрезанном оврагами левом берегу Оки, угрюмо поглядывая бойницами своих черных стен в хмурую заречную даль. Внизу катила свои темные воды вспухшая от осенних дождей река. Захлебывались в грязи расползавшиеся по косогорам дороги. Сеяло дождем низкое тусклое небо. Одиноко клинькала монастырская колокольня, созывая на молитву озябших иноков…

Шемякино посольство вместе с ханским послом Бигичем отправилось из Мурома вниз по Оке на судах. Коней погнали табуном вдоль берега. Где-то на полпути между Муромом и Нижним Новгородом великокняжеский гонец Андрей Плещеев столкнулся с этим отрядом и разговорился с главным табунщиком — неким Плищкой Образцовым. Гонец поведал угличанам о том, что Василий II отпущен на Русь и скоро займет свой законный престол. Те кинулись к берегу и передали весть всему каравану. Дьяк Федор Дубенский — возможно, не без тайного умысла — убедил татарина Бигича вернуться в Муром и

там дожидаться прибытия Василия II. Между тем в Муроме уже узнали от того же Андрея Плещеева о возвращении великого князя. Местный воевода Василий Иванович Оболенский распорядился схватить вернувшегося в город Бигича и бросить в темницу. На этом обрывает свой рассказ официальная московская летопись времен Ивана III. Однако на деле все было несколько иначе и куда драматичнее…

Отец Ивана III был поистине странным человеком. В его характере угадывалось нечто женское, тревожное и непредсказуемое. Холодноватая кровь флегматичного Василия I причудливо смешалась в его жилах с неистовым темпераментом Софьи Витовтовны. Кажется, что этот человек вечно сражался с самим собой, противопоставляя своей бездарности и неудачливости то безумную отвагу, то изощренное коварство, то почти детскую беспечность. Вот и теперь, возвращаясь из татарского плена, он совершил поступок, который в равной мере свидетельствует как о его беспечной храбрости, так и о холодном коварстве.

Хорошо осведомленная в подробностях событий, Ермолинская летопись рисует более детальную и во многом иную, нежели другие летописи, картину расправы Василия II с ханским послом Бигичем. Когда великому князю донесли об идущем навстречу отряде Бигича, он решил любыми средствами перехватить его. Вероятно, Василий опасался переменчивости ханских симпатий. При помощи Бигича Дмитрий Шемяка мог склонить хана на свою сторону какими-то заманчивыми обещаниями. Да и сам факт прямых контактов удельного князя с Ордой был явным нарушением тех обязательств, которые Галичанин брал на себя в недавнем договоре с Василием П.

Однако прямое сражение с отрядом Бигича и Шемякиными послами было слишком рискованным: хан мог разгневаться, узнав о нападении на его посла. Да и татары, сопровождавшие Василия II, могли броситься на помощь своим соплеменникам. Наконец, и самих боевых сил для сражения с Шемякиным посольством у возвращавшегося из плена Василия II было маловато.

В этой ситуации великий князь решил прибегнуть к хитрости и избавиться от опасных послов без лишнего шума…

Вскоре московские разведчики сообщили о том, что плывущие на судах послы решили сойти на берег для ночлега. Великий князь со своей русской свитой оторвался от татарской части каравана и вплотную приблизился к спящему лагерю. В эту ночь сон татар был непробудно крепким: услужливые муромские наместники на прощанье выслали Бигичу «меду много». Упившийся хмельным «медом», ханский посол стал легкой

добычей для воинов Василия II. Они вывезли его из спящего лагеря и доставили в Муром. Из летописного рассказа можно понять, что таинственное исчезновение Бигича его спутники обнаружили только наутро. Вероятно, дьяк Федор Дубенский был подкуплен москвичами и стал соучастником похитителей.

Выведав у Бигича все, что смогли, муромские воеводы, исполняя приказ Василия II, утопили татарина в Оке. Все было сделано тайно, без огласки. Великий князь, вероятно, заявил о своей полной непричастности к исчезновению ханского посла. (Возможно, он даже возложил ответственность за происшедшее на Дмитрия Шемяку.) Доказать его вину было трудно. Известно, что убийство посла татары считали самым тяжким преступлением. И если бы проделка Василия II стала известна хану — князь навсегда потерял бы всякий кредит в Орде. Но как бы там ни было, цель москвичей была достигнута: прямые контакты Дмитрия Шемяки с Улу-Мухаммедом оборвались в самом начале.

Весть о возвращении Василия II и неудаче миссии Бигича застала Дмитрия Шемяку на пути в Курмыш. По-видимому, он выехал туда вслед за своими послами и надеялся лично получить от хана ярлык на великое княжение. Князь хотел добиться ханского суда над Василием II и с этой целью посылал Улу-Мухаммеду какие-то документы. Теперь все оказалось напрасным. Колесо Фортуны сделало новый неожиданный поворот. Обманутому в своих надеждах князю Дмитрию приходилось думать не столько о торжественном вступлении на московский престол, сколько о спасении от мести Василия П. Прежде всего следовало укрыться за какими-то надежными стенами. Именно так он и поступил. «А князь Дмитрей, слышав то, бежа к Углечю» (20, 66).

Столь стремительное крушение всех надежд могло сломить кого угодно, но только не Дмитрия Шемяку. Удары судьбы легко отскакивали от этой крепкой, прикрытой железным шлемом головы. Свое отступление он умел превращать в неожиданное для врага контрнаступление. Однако для открытого мятежа время еще не настало. Вся Москва радовалась возвращению великого князя. На стороне Василия II было и ханское благоволение. Никто еще толком не знал об унизительных условиях, на которых хан отпустил своего пленника. И князь Дмитрий, едва успев затворить за собой ворота Углича, принялся через своих людей разъяснять простодушно радовавшемуся народу, в какую долговую яму посадил всю Русскую землю его незадачливый кузен, целовавший крест на верность «поганой» Орде.

«И тако не улучи мысли своей злодей Шемяка (то есть, не получив великого княжения. — *Н. Б.*), но почя крамолу

воздвизати и всеми людьми мясти (возмущать. — *Н. Б.*), глаголюще, яко „князь велики всю землю свою царю процеловал и нас, свою братью“» (20, 152). Другие летописи подробнее раскрывают содержание будораживших народ и князей слухов, которые распускал «злодей Шемяка». «Царь на том отпустил великого князя, а он царю целовал (крест. — *Н. Б.*), что царю сидети на Москве и на всех градех Русьских и на наших отчинах, а сам хочет сести на Твери» (20, 67).

Между тем Василий II со своей русско-татарской свитой медленно приближался к Москве. Простояв несколько дней в Муроме, он поехал оттуда во Владимир. Вероятно, здесь состоялось его торжественное возведение на великокняжеский стол по древнему церемониалу — с участием ханских послов. «На Дмитриев день» (26 октября, в день памяти св. Димитрия Солунского) князь Василий прибыл в Переяславль-Залесский. Там его уже ждали княгиня-мать Софья Витовтовна, княгиня Мария Ярославна с сыновьями Иваном и Юрием, московские бояре «и множество двора его от всех градов» (20, 66). Великие княгини и весь московский двор временно перебрались в Переяславль после страшного пожара Москвы 14 июля 1445 года. Теперь настало время возвращаться. Конечно, набожный Василий II не преминул остановиться для благодарственного молебна у гроба преподобного Сергия Радонежского в Троицком монастыре. Здесь он «заговел Филипово заговение», то есть встретил 14 ноября — канун 40-дневного Рождественского («Филиппова») поста (20, 66).

В среду, 17 ноября 1445 года, после пятимесячного отсутствия, великий князь Василий Васильевич со всем своим семейством вернулся в Москву. Последствия страшного пожара все еще давали о себе знать. Для великого князя даже не нашлось достойного пристанища в Кремле. Он вынужден был остановиться «на дворе матери своея за городом, на Ваганкове; а потом оттоле съиде в град, на двор княже Юрьев Патрикеевича» (20, 66). Село Ваганьково располагалось в полуверсте к западу от Кремля.

Тяжелые обстоятельства, в которых оказалась Москва, не позволяли Василию II сразу по возвращении начать войну против затаившегося в Угличе Дмитрия Шемяки. Однако время работало на великого князя. При первом же удобном случае он не преминул бы отомстить кузену за двойное предательство: уклонение от участия в походе на «царевичей» летом 1445 года и попытку получить московский стол в бытность Василия II в татарском плену. Понимая, что москвичи собираются с силами для удара, князь Дмитрий решил «действовать на опережение». Он принялся изо всех сил раздувать пламя мятежа. Распространяемые им панические слухи напугали многих князей,

опасавшихся лишиться своих «столов». Забеспокоился даже обычно рассудительный князь Борис Тверской. Однако кроме полуфантастических слухов, исходивших из Углича, была и невыносимая очевидность: произвол приехавших с великим князем татарских вельмож, небывало тяжкие поборы с населения, предназначавшиеся для уплаты выкупа за освобождение Василия П. Особенно возмущались происходящим самолюбивые москвичи, многие из которых лишились всего во время июльского пожара. Эта катастрофа воспринималась ими как следствие поражения Василия II в битве под Суздалем. Бегство великокняжеской семьи из охваченного паникой города также врезалось в память москвичей. Наконец, многим казалась весьма привлекательной идея, которую отстаивал Дмитрий Шемяка: свергнув Василия II с престола, можно освободиться от необходимости выплачивать всем миром огромный выкуп, который он пообещал хану за свое освобождение из плена.

Василий II, конечно, знал о происках кузена. Но воевать с ним великий князь не имел ни сил, ни желания. В условиях московского оскудения и всеобщего ропота он попросту боялся начинать новую войну. Ему нужен был мир, и только мир. Именно поэтому Василий и решил еще раз обратиться за поддержкой к Троицкому монастырю, настоятели которого, следуя заветам преподобного Сергия, считали миротворчество своей важнейшей религиозной обязанностью. Впрочем, другим заветом Преподобного был патриотизм. Некогда он благословил Дмитрия Донского на войну с Ордой. Теперь казалось, что незадачливый внук великого полководца вновь возложил на Русь ярмо ордынского ига. И потому среди троицких старцев крепли настроения в пользу смены великого князя. Одолжавшегося перед татарами Василия II следовало заменить на воинственно гремевшего доспехами Дмитрия Шемяку. И хотя воинская слава удалого Юрьевича несколько померкла после поражения от татар под Белевом, многие по-прежнему считали его самым достойным из внуков Дмитрия Донского. К тому же существовали и давние личные связи между галицким семейством и Троицким монастырем.

Холодная и на редкость снежная зима 1445/46 года была отнюдь не лучшим временем для богомолья к Троице. Однако великий князь не мог допустить, чтобы знаменитый Маковец стал оплотом его врагов. Возможно, его влекло к Троице и чисто личное чувство — желание помолиться о здравии и благополучии княгини Марии, которая незадолго перед тем забеременела. (13 августа 1446 года княгиня родит сына Андрея.)

Для правильного понимания истинных причин тех или иных

поступков людей Средневековья необходимо рассматривать их в контексте церковного календаря. Сверять свои действия с месяцесловом — старинный обычай православного народа. Этому обычаю следовали и в крестьянских избах, и в княжеских теремах. Примечательны в этой связи и даты роковой поездки Василия II в Троицу. В воскресенье 6 февраля (Неделя о мытаре и фарисее) начинался круг чтений Постной Триоди — службы, связанные с приближением Великого поста. Во вторник 8 февраля великий князь отпраздновал очередную, 13-ю годовщину своей свадьбы. А в четверг 10 февраля он отбыл из Москвы в Троицу (30, 183). В этот день праздновалась память мученика Харлампия. Этому святому молились о сохранении от внезапной, без покаяния смерти…

ГЛАВА 3 Мера зла

Люди, веря, что новый правитель окажется лучше, охотно восстают против старого, но вскоре они на опыте убеждаются, что обманулись, ибо новый правитель всегда оказывается хуже старого.

Никколо Макиавелли

Выехав из Москвы в четверг, Василий II рассчитывал прибыть в Троицу в субботу, чтобы встретить здесь Неделю о блудном сыне — второе воскресенье, посвященное подготовке к Великому посту.

Отъезд великого князя из Москвы оказался той самой оплошностью, которой дожидались заговорщики. С этого момента история московской смуты понеслась вскачь, словно пришпоренная лихим наездником лошадь. Вот как рассказывает об этом Н.М.Карамзин:

«Еще мера зол, предназначенных судьбою сему великому князю, не исполнилась: ему надлежало испытать лютейшее, в доказательство, что и на самой земле бывает возмездие по делам каждого. Опасаясь Василия, Димитрий Шемяка бежал в Углич, но с намерением погубить неосторожного врага своего, который, еще не ведая тогда всей его злобы и поверив ложному смирению, новой договорною грамотою утвердил с ним мир. Димитрий вступил в тайную связь с Иоанном Можайским, князем слабым, жестокосердным, легкомысленным, и без труда уверил его, что Василий будто бы клятвенно обещал все государство Московское царю Махмету, а сам намерен властвовать в Твери. Скоро пристал к ним и Борис Тверской, обманутый сим вымыслом и страшась лишиться княжения. Главными их наушниками и подстрекателями были мятежные бояре умершего Константина Димитриевича, завистники бояр великокняжеских; сыскались изменники и в Москве, которые взяли сторону Шемяки, вообще нелюбимого: в числе их находились боярин Иван Старков, несколько купцов, дворян, даже иноков. Умыслили не войну, а предательство; положили нечаянно овладеть столицею и схватить великого князя; наблюдали все его движения и ждали удобного случая.

[1446 года] Василий, следуя обычаю отца и деда, поехал молиться в Троицкую обитель, славную добродетелями и мощами

Св. Сергия, взяв с собою двух сыновей с малым числом придворных. Заговорщики немедленно дали о том весть Шемяке и князю можайскому, Иоанну, которые были в Рузе, имея в готовности целый полк вооруженных людей. Февраля 12 ночью они пришли к Кремлю, где царствовала глубокая тишина; никто не мыслил о неприятеле; все спали; бодрствовали только изменники и без шума отворили им ворота. Князья вступили в город, вломились во дворец, захватили мать, супругу, казну Василиеву, многих верных бояр, опустошив их домы; одним словом, взяли Москву. В ту же самую ночь Шемяка послал Иоанна Можайского с воинами к Троицкой лавре» (89, 126–127).

Летописцы научили Карамзина мудрому смирению. И вслед за ними наш первый историк и последний летописец поверил в то, что всякий порядок — добро, а всякий мятеж — зло. «Самодержавие есть палладиум России», — любил повторять он (88, 105). Прекрасно зная все пороки российской власти, Карамзин знал и то, что крушение оной не устраняет тиранию, но лишь как бы размельчает и размножает ее…

Стремясь сохранить в своем повествовании цельность взгляда на мир и трогательную простоту древнего летописца, Карамзин, конечно, вынужден был жертвовать анализом событий, уклоняться от разбора противоречий источников. А между тем подлинная история — как и подлинная жизнь — вырисовывается лишь как равнодействующая множества разнообразных желаний. Пока есть день и пока не настала ночь, всякий человек волнуется, хлопочет, отстаивая свои интересы, свою правду. Но никто не знает, что сулит ему день грядущий и как распорядится его желаниями сокрытое в ночи Провидение…

Летописи, повествующие о московской смуте, в основном относятся ко времени Ивана III. Естественно, Дмитрий Шемяка представлен в них как узурпатор и клятвопреступник. Однако официальные обличения злодея Шемяки не в состоянии скрыть той симпатии, которую невольно вызывал у многих современников этот могучий боец, умевший привлекать к себе людей. Не могут скрыть московские придворные книжники и по-детски беспомощного, потрясающе легкомысленного поведения Василия II в эти роковые дни. Даже получив предупреждение от перебежчика об опасности, 30-летний великий князь не сумел спастись от своих врагов.

В воскресенье 13 февраля, во второй половине дня, отряд Ивана Можайского внезапно нагрянул в Троицкий монастырь. Захваченный врасплох и насмерть перепуганный, Василий II стал легкой добычей своих ловцов. В простых крестьянских санях, под надзором одного из иноков, его повезли обратно в столицу.

Поздно вечером в понедельник 14 февраля Василий был доставлен в Москву и помещен под стражей на дворе Дмитрия Шемяки. Вновь он оказался в позорной роли беспомощного пленника. Спустя всего полгода повторилась ситуация Суздальской битвы, когда беззаботная самонадеянность московского князя отдала его в руки врагов.

Первым делом Шемяка потребовал у Василия II подлинник секретного договора с татарами, где перечислялись все условия его освобождения. По этому поводу ходили самые фантастические слухи. Так, новгородский летописец сообщает, что Василий обещал хану за свою свободу 200 тысяч рублей, «а иное Бог весть и они» (23, 189). Пленник отказывался отдать документ, который мог стать главным пунктом обвинения в предательстве интересов Руси. Тогда Шемяка приказал произвести в княжеских покоях тщательный обыск. «И начата искати грамот, какову запись даде хану Улу-Магметю, и обретоша написану: дати за себе 5000 Рублев, да дани даяти на всяк год со всея земли Руския со 100 голов 2 рубля» (49, 263).

(Уникальное свидетельство Татищева о найденной грамоте заслуживает доверия. Историк ведет свой рассказ об этих событиях очень близко к тексту Никоновской летописи. Встречающиеся время от времени новые сведения, очевидно, заимствованы им из оригинального списка этой летописи. Список не сохранился до наших дней. Однако его использование заметно и в исторических сочинениях императрицы Екатерины II, в рассказе об истории ранней Москвы.)

Узнав из грамоты подлинную цену освобождения Василия II, князья и бояре пришли в ярость. Действительно, сумма, обещанная хану, была велика. В 1408 году осадивший Москву хан Едигей получил со всего города выкуп в размере 3000 рублей. Ежегодная дань, выплачиваемая Орде великим князем Владимирским, в первой половине XV века колебалась в пределах 5–7 тысяч рублей (6, 49,74). Как минимум столько же (5–7 тысяч рублей) Северо-Восточная Русь должна была, согласно договору, ежегодно выплачивать Улу-Мухаммеду за своего оплошавшего правителя. В сущности, речь шла о восстановлении обычных регулярных платежей в прежних размерах, но с выплатой своего рода «штрафа» (в размере годовой дани) за освобождение Василия П. Вся соль заключалась в том, что в эти годы ордынская дань, судя по всему, уже перестала выплачиваться. Из одного междукняжеского договора в другой тщательно переносился пункт о том, что в случае прекращения выплаты великим князем Владимирским общерусского «выхода» удельные князья имеют право присвоить свою долю платежей. Такой поворот событий

был для всех заветной мечтой. Теперь с этой мечтой приходилось расстаться. Платить предстояло всем и помногу.

Именно финансовые споры и были главной причиной постоянных столкновений с ханом Улу-Мухаммедом в 1443–1445 годах. Ссылаясь на неурожай и голод, князья, по-видимому, отказывались платить обычный «выход». В роли главного «отказника» и патриота выступил, конечно же, Дмитрий Шемяка. Не желая отставать от своего соперника по части популярных во всех слоях общества антитатарских настроений, Василий II против воли втянулся в войну с ханом, которому он обязан был престолом. Хан не желал идти на уступки и отвечал набегами на пограничные области, нападениями на Муром, Нижний Новгород, Владимир и Суздаль. Великий князь вынужден был отвечать на удар. Что же касается бравого Юрьевича, то он — проигравший Белевский бой и не явившийся на Суздальский — был, кажется, более силен в словесных битвах и обличениях московского князя, нежели в сражениях с татарами в чистом поле.

Тот факт, что Василий II пообещал татарам возобновить выплату дани и дать особый выкуп за собственное освобождение, был очевиден для всех. Не могли же в самом деле привыкшие торговать русским «полоном» татары отпустить столь знатного пленника просто так! Невозможно было великому князю и умолчать о том, что интересовало всех — о сумме «выкупных платежей». Секрет заключался в другом. Сумма, названная Василием II после возвращения из татарского плена, кажется, не соответствовала действительности. Удельные князья, и в первую очередь Дмитрий Шемяка, сразу же заподозрили Василия II в обмане. Названную им сумму платежей они посчитали нарочито завышенной. В действительности хан мог потребовать гораздо меньших денег: в этом случае разницей между собранным и уплаченным великий князь мог бы существенно пополнить свою казну. Впрочем, возможен был и другой вариант обмана. Опасаясь всеобщего возмущения, Василий II мог назвать заниженную сумму; на деле же платить предстояло больше и дольше. Так или иначе, князья чуяли обман и требовали предъявить им подлинный текст договорной грамоты. Василий II до своего пленения отказывался это сделать, ссылаясь на то, что договор был устным. Бояре и духовные лица из числа тех, кто был с Василием II в плену, клятвенно подтверждали заверения своего патрона.

Приведенный В. Н. Татищевым уникальный эпизод с отысканием договорной грамоты — ключевой для правильного понимания всей ситуации. Без него описанные летописями драматические события февраля 1446 года как бы рассыпаются и

теряют логическую связь. Летописцы времен Ивана III не посмели прямо сказать о том, что поводом для ослепления Василия II было обвинение его в обмане народа и своей «младшей братии», князей, относительно политических и финансовых условий освобождения. Эту идею взял на вооружение Дмитрий Шемяка. Еще до захвата Москвы в феврале 1446 года он распускал слухи о том, что согласно тайному соглашению Василия II с ханом татары получат в управление все русские города, а сам великий князь Владимирский перенесет свой престол из Москвы в Тверь. Эти слухи, падавшие на почву всеобщего недоверия к Василию II и страха перед татарами, обеспокоили даже такого хорошо информированного человека, как тверской князь Борис Александрович. Есть сведения, что он присоединился к заговору против Василия (32, 200).

Однако справедливо ли было предъявленное Василию II обвинение? Источники не позволяют однозначно ответить на этот вопрос. Ясно лишь, что в этой истории одна ложь накладывалась на другую. Василий II лгал относительно условий своего освобождения «в лучшую сторону». Шемяка противопоставлял этому свои домыслы. Позднейшие летописцы, очерняя поверженного Шемяку, выставляли его злостным клеветником.

Но вернемся к рассказу Татищева. В нем есть еще немало любопытных подробностей. Итак, искомая грамота (или фальшивка, изготовленная по приказанию Дмитрия Шемяки и подброшенная в покои великого князя) была найдена. Ее содержание обличало Василия II в обмане. То, что говорил Василий о своих обязательствах перед Ордой, существенно отличалось от того, что содержалось в его договоре с Улу-Мухаммедом. Когда текст грамоты был оглашен, раздался вопль всеобщего негодования. «И князь Иван (Андреевич Можайский. — *Н. Б.*), видя сие, рече: „Почто верихом бояром его и чернцем не любящим?“ Но тии, клянущеся, рекоша, яко словом тако обеща, и советоваху убити его. Но князь Иван и друзии мнози реша Димитрию: „Аще сие учиниши, то веждь, яко всии князи рустии востанут на тя; и аще Василий недобре живет и люди своя всея Руския земли не бережет и обидит, то возьми великое княжение, а ему дамы (дадим. — *Н. Б.*) удел твой, и того вси будем стрещи, дане востанет паки на тя и не мстит“. Но князь Димитрий сбояры московскими и чернцы уложиша ослепити его…» (49, 263).

Итак, разъяренный Дмитрий Шемяка обратил свой гнев на бояр и клириков Василия П. Те просят снисхождения, оправдываясь тем, что великий князь принудил их ко лжи. Одновременно они требуют его казни. Однако эта идея встречает сильные возражения со стороны князя Ивана Можайского. Он

пугает Шемяку возмущением всех русских князей небывалой мерой наказания. В действительности убийства своих сородичей были не таким уж редким явлением среди Рюриковичей. В XIII–XIV веках такое случалось среди рязанских и смоленских князей. Порой грешили этим и московские князья. Юрий Данилович в 1306 году убил в Москве своего пленника рязанского князя Константина Романовича, а позднее сам был убит в Орде своим троюродным братом Дмитрием Михайловичем Тверским. Однако милосердие весьма жестокого в других случаях Ивана Можайского имело свою подоплеку: лично для него ситуация постоянного соперничества между Василием II и Дмитрием Шемякой была оптимальной. В этих условиях он мог с выгодой продавать свою поддержку то одной, то другой стороне.

Возможно, простоватый и впечатлительный Шемяка поддался красноречию Ивана Можайского и вправду убоялся прослыть братоубийцей, новым Святополком Окаянным. Впрочем, Шемяке и не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы просчитать развитие событий в случае убийства Василия П. Все враги галицкого семейства немедленно объединятся вокруг сыновей Василия, которые в тот момент скрывались неизвестно где. Помимо двух старших сыновей, Ивана и Юрия, беременная княгиня Мария могла вскоре произвести на свет еще одного сына — наследника и мстителя за отца. Таким образом, решением проблемы могло стать только полное уничтожение всего семейства Василия II. А для этого следовало хотя бы для начала собрать его под одной крышей. Именно этим Шемяка и должен был заняться в последующие недели.

Два дня победитель размышлял, как ему лучше распорядиться судьбой Василия II, сохранив ему жизнь. Действительно, задача была не из легких. Опыт прежних событий показывал, что нельзя отпускать Василия II на удел, взяв с него клятву верности победителю. В этом случае московская знать быстро вернула бы его на престол. Но и просто держать Василия в темнице было крайне опасно не только из-за переменчивости настроений московской толпы, но также и в силу неясной позиции хана Улу-Мухаммеда, который мог внезапно явиться на выручку своему протеже.

Таким образом, необходимо было убрать Василия II из Москвы и навсегда лишить его возможности претендовать на великокняжеский престол, но при этом сохранить ему жизнь. Единственный способ решения этой политической головоломки был подсказан Шемяке самим Василием. В бытность великим князем он стал использовать для расправы со своими врагами жестокую византийскую казнь — ослепление. Жертвами этой

казни стали бояре Иван Дмитриевич Всеволожский и Григорий Протасьевич, а также старший из Юрьевичей, князь Василий Косой. Вероятно, для вынесения столь страшного приговора Шемяка устроил нечто вроде суда с участием представителей всех слоев населения Москвы. Ненависть к низложенному правителю была в этот момент столь сильна, что провести подобное действо не стоило большого труда. Летописи сохранили даже нечто похожее на текст «обвинительного заключения». Князья-заговорщики упрекают схваченного Василия II: «Почто еси тотар привел на Рускую землю, и городы дал еси им и волости в кормленье? А тотар любишь и речь их любишь паче меры, а хрестьан томишь без милости, а злато и сребро тотарам даешь, и именье великое; и за то и гнев (князей. — *Н. Б.*), что ослепил Василья Юрьевича» (23, 189).

Итак, настало время для бедного Василия II убедиться в верности слов Того, кто предупреждал: «Какою мерою мерите, такою отмерено будет вам» (Мк. 4: 24). Какой же наивностью или самонадеянностью нужно было обладать, чтобы в столь переменчивое время пренебречь этим грозным предупреждением!

В ночь с 16 на 17 февраля 1446 года Василий II был ослеплен в московском доме Дмитрия Шемяки.

Некоторые летописи сообщают страшные подробности этой казни. Дмитрий Шемяка велел своим людям приступить к делу. Они отправились в комнату, где находился князь Василий, набросились на него, повалили на пол и придавили доской. Конюх по прозвищу Берестень ножом ослепил князя, при этом сильно поранив ему лицо. Сделав свое дело, палачи ушли, оставив потерявшего сознание Василия «яко мертва» лежать на залитом кровью ковре (27, 260).

Пережитая трагедия удивительным образом возвышает человека. Из кровавой купели отец Ивана Великого вышел уже не тем жалким неудачником, каким он был прежде. На его изуродованное ножом конюха лицо лег отсвет загадочной славы древних страстотерпцев Бориса и Глеба. В его трагической слепоте, в темной повязке, навсегда скрывшей верхнюю часть его лица, современники узрели нечто вещее. На сцене русской истории появился неповторимый и по-своему величественный персонаж — Василий Темный.

Князь Иван Можайский, захвативший Василия II и его бояр в Троицком монастыре, был настолько поглощен выполнением своей главной задачи, что как-то позабыл о его малолетних детях. Оба княжича — шестилетний Иван и пятилетний Юрий — находились в монастыре вместе с отцом. В начавшейся суматохе

верные слуги спрятали детей в каком-то укромном месте. На их счастье, Иван Можайский не стал задерживаться в обители. Со своей драгоценной добычей он поспешил назад, в Москву, где его с нетерпением ожидал Дмитрий Шемяка. Единственное, что успели сделать можайцы, — это дочиста ограбить людей из свиты Василия II. Недавних спесивых придворных, по свидетельству летописца, «нагих попущаша» (20, 69). Едва ли это всего лишь метафора: в ту скудную пору даже одежда была немалой ценностью…

Черные всадники исчезли в снежной мути так же стремительно, как и появились. Но и после отъезда можайцев детям Василия пришлось еще несколько часов просидеть в своем убежище. Их доброхоты смогли объявиться только с наступлением темноты. На то были свои причины. Троицкие иноки, судя по всему, сильно недолюбливали Василия II и сочувствовали восстанию Шемяки. Обнаружив княжеских детей, они могли отправить их в Москву вслед за отцом.

Под покровом темноты верные слуги вывезли обоих княжичей из монастыря. Пробиваясь сквозь снежные заносы, маленький отряд двинулся на восток, в сторону Юрьева Польского. Там, в селе Боярове, находился центр обширной вотчины братьев Ряполовских. Потомки младшего сына Всеволода Большое Гнездо, князя Ивана Стародубского, они дотоле были скромными статистами русской истории. Теперь настал их «звездный час». Старший из братьев, князь Иван, был, по свидетельству летописи, «дядькою» (воспитателем) княжичей Ивана и Юрия (27, 260). Вместе с братьями Семеном и Дмитрием он решил спасти сыновей Василия II от опасности. Что двигало этими людьми: благородный порыв или дальновидный расчет? Любовь к Василию II или ненависть к Дмитрию Шемяке? Не знаем. Ибо нет у истории большей тайны, чем тайна причин, по которым совершает человек то или иное свое деяние…

Взявшись спасать княжеских детей, Иван Ряполовский должен был подыскать для них более надежное убежище, нежели свой боярский двор. Поразмыслив, он собрал своих людей и вместе с княжичами двинулся на юг, в Муром. Они обошли стороной Владимир и благополучно достигли цели. Выбор Ряполовского вполне понятен: муромские воеводы еще совсем недавно захватили Шемякиных послов и потому не могли рассчитывать на его милость. Кроме того, из Мурома было рукой подать до кочевий хана Улу-Мухаммеда, который мог со своей ордой прийти на помощь Василию II или же, по меньшей мере, предоставить убежище его сыновьям. А пока муромская крепость была приведена в боевую готовность на случай нападения сил

Дмитрия Шемяки.

Князья Ряполовские оказались далеко не единственными представителями знати, отказавшимися признать победу галицкого семейства. Внук героя Куликовской битвы Владимира Серпуховского и шурин Василия II, князь Василий Ярославич Серпуховской, не желая поклониться Галичанину и предчувствуя скорую опалу от него, бежал в Литву. К нему присоединился известный воевода, князь Семен Иванович Оболенский. Обоих с почетом принял польский король Казимир IV (1446–1492), предоставивший беглецам в управление Брянск, Гомель, Стародуб и Мстиславль. Туда же устремился и другой непреклонный сторонник Василия II — Федор Басенок.

Между тем Дмитрий Шемяка, ослепив Василия II, распорядился отправить его в заточение «на Углеч», где еще недавно сам мятежник жил в качестве удельного князя (29, 152). Одновременно он торжественно взошел на московский великокняжеский престол. Львовская летопись сообщает, что и то и другое произошло 3 февраля 1446 года (27, 260). Дата явно ошибочная: Василий был ослеплен лишь две недели спустя, 16 февраля. Однако эта ошибка, допущенная переписчиком, составлявшим новую летопись на основе старой, обветшавшей, может вывести на подлинную дату события. В древнерусских рукописях принято было буквенное обозначение цифр. Цифра 3 обозначалась буквой «Г». В стершемся от времени тексте ее можно было спутать с буквой К, обозначавшей цифру 20. Все прочие цифры от 16 до 28 (возможный диапазон дат в феврале 1446 года) обозначались двумя буквами, и здесь ошибка была гораздо менее вероятна. Итак, высылка Слепого и интронизация Дмитрия Шемяки, скорее всего, состоялись 20 февраля. В 1446 году это было воскресенье — обычный день для всякого рода торжественных церемоний, сопровождавшихся большим стечением народа.

Найденная дата хорошо вписывается в исторический контекст. Действительно, Галичанин спешил возложить себе на голову заветный венец. Только тогда он мог с полным основанием распоряжаться судьбой низложенного Василия II и его семейства, карать своих врагов и награждать друзей. С 21 по 27 февраля 1446 года тянулась веселая Масленица — лучшее время для нового правителя показать народу и знати свою щедрость, смыть хмельным медом оскомину от совершенного злодеяния. А 28 февраля начинался неумолимый, как возмездие, Великий пост…

В Угличе, под надзором Шемякиной дворни, Василий оказался в полной изоляции. Единственным утешением для него оставалась княгиня Мария Ярославна, которую отправили в

Углич вместе с мужем. Мать Василия, княгиня Софья, поначалу была сослана в подмосковную Рузу. Однако вскоре ее перевезли в более надежное место — сначала далекий Галич, а потом и еще более далекую Чухлому.

Разобравшись с главными врагами, Дмитрий Шемяка занялся и малолетними сыновьями своего соперника. Старший из них, Иван, имел всего шесть лет от роду. Однако он мог стать своего рода знаменем для всех врагов галицкого семейства. Ведь и сам Дмитрий Донской начал борьбу за великое княжение, когда ему едва исполнилось девять лет.

Новому московскому правителю не хотелось затевать поход на Муром для поимки двух сбежавших от него мальчиков. Такое предприятие выглядело бы просто смешно. Кроме того, на помощь Мурому могли нагрянуть татары Улу-Мухаммеда. Поразмыслив, Шемяка решил обратиться за помощью к рязанскому епископу Ионе. Вероятно, Иона участвовал в интронизации Галичанина. Теперь ему было предложено отправиться в Муром, который входил в состав рязанской епархии, и забрать оттуда сыновей Василия II. Шемяка клялся отправить детей к родителям, а самого низложенного великого князя отпустить на удел. За успешное выполнение этого деликатного поручения он посулил владыке скорое восхождение на митрополичью кафедру.

На дворе уже была весна. Иона отправился в Муром водным путем, по Москве-реке и Оке. Прибыв в город, он вступил в переговоры с окружавшими княжичей боярами, убеждая их согласиться на предложение Шемяки. Очевидно, многие из съехавшихся в Муром и сами склонялись к какому-то примирению. Первый благородный порыв угас, а унылая реальность состояла в том, что вскоре на них могло двинуться все московское войско во главе с новым великим князем. Татары погрязли в собственных смутах и интересовались русскими делами лишь в смысле новых грабительских набегов. Москва присягнула на верность Галичанину, а все его сильные противники бежали в Литву. Мог ли Муром в одиночку выстоять против всей Северо-Восточной Руси?

В итоге хитроумные бояре предложили Ионе своеобразный компромисс. Он должен был торжественно, в городском соборе принять княжеских детей «под свою епитрахиль», то есть гарантировать им безопасность и свое покровительство. После этого они все вместе отправятся в Переяславль-Залесский, где находился тогда Дмитрий Шемяка.

Приняв все условия, Иона повез княжичей Ивана и Юрия ко двору Шемяки. В пятницу 6 мая 1446 года они прибыли в

Переяславль. Два дня Галичанин праздновал успех и угощал прибывших из Мурома духовных лиц и бояр. Ему было от чего веселиться. Теперь вся семья Василия II находилась в его руках. Сторонники Василия — кто добровольно, кто под страхом темницы — присягнули на верность новому великому князю.

На третий день он велел отправить детей в сопровождении владыки к отцу в Углич. Ни о каком самостоятельном уделе для Василия Темного или его сыновей речи уже не велось. Разговоры за плотно прикрытыми дверями шли совсем о другом. По сообщению Львовской летописи, князь Дмитрий склонялся все же к мысли о расправе не только с Василием, но и с его сыновьями. Из Переяславля в Углич княжичей собирались отправить водным путем: через Плещеево озеро — в Нерль Волжскую и далее Волгой до самого Углича. Там, в разлившейся по весне Волге, и должны были они закончить свой короткий земной путь. Шемяка предлагал детей своего соперника «топити… в реце в Волзе, в мехи ошивши» (27, 260). Однако этот замысел натолкнулся на резкое сопротивление епископа Ионы и потому не был осуществлен…

Спустя несколько дней Иона вернулся из Углича, доставив детей к родителям. На сей раз Галичанин сдержал слово. Архиерею велено было отправиться в Москву и взять на себя управление всей Русской митрополией. Посох святителя Петра после пятнадцатилетнего перерыва обрел, наконец, нового владельца. О том, что испытали дети, впервые увидев своего ослепшего отца, и что испытали родители, которым позволили взять к себе в темницу детей, источники не сообщают…

«Не имея ни совести, ни правил чести, ни благоразумной системы государственной, Шемяка в краткое время своего владычества усилил привязанность москвитян к Василию и, в самых гражданских делах попирая ногами справедливость, древние уставы, здравый смысл, оставил навеки память своих беззаконий в народной пословице о суде Шемякине, доныне употребительной», — писал Н. М. Карамзин (89, 129). Понятно, что историк не мог говорить спокойно, коль скоро речь заходила о мятежнике. Но так ли уж злонравен был победивший Галичанин?

О деятельности Дмитрия Шемяки в качестве московского князя в 1446–1447 годах известно очень мало. Сообщается, что он отправил своих «поклонщиков» на Волхов и вскоре был признан новгородцами великим князем Владимирским (23, 189). Однако помимо Новгорода у победителя существовало множество других проблем. Подобно многим лидерам, пришедшим к власти на волне всеобщего недовольства прежним режимом, Шемяка плохо

представлял себе будущее. Его кипучая энергия была пригодна главным образом для разрушения. Скучная повседневная работа, многочасовое сидение с боярами, сложные интриги в Орде, наконец, вкус и готовность к спокойной жизни — все это было ему совершенно чуждо.

(Впрочем, он успел провести денежную реформу и стал чеканить в Москве монеты облегченного веса по образцу галицких. На этих монетах Шемяка велел поместить изображение всадника с копьем, надписи «Дмитрий-осподарь» и даже «Осподарь всея земли Русской» (83, 113). Неурядицы с денежной системой, падение покупательной способности монет начались еще при Василии П. Шемяка только ухудшил положение своими новшествами.)

Любитель героических экспромтов, князь Дмитрий при других обстоятельствах, возможно, стал бы известным полководцем. Однако втянувшись в жестокую борьбу с московским семейством, он быстро растерял свои собственные достоинства, но при этом не сумел приобрести достоинств своих соперников. В итоге он делал одну ошибку за другой, быстро увеличивая ряды своих врагов.

«Видно, что с вокняжением Шемяки нарушилась привычная система политических взаимоотношений на Руси», — констатировал известный исследователь той эпохи Л. В. Черепнин (164, 796). Нервно ощущая слабость своих позиций в Москве, князь Дмитрий принялся настойчиво искать дружбы с Новгородом, но этим сильно обеспокоил тверского князя Бориса Александровича. И уж совсем непонятным для московского боярства было неожиданное благоволение нового великого князя к суздальским князьям, которым он решил вернуть их упраздненный еще Василием I независимый престол. Но главная ошибка Шемяки состояла все же в другом. Он не сумел найти общий язык с московскими боярскими кланами, не сумел сохранить ту сложную систему прав и обязанностей, почестей и привилегий, мест за столом и в княжеском совете, которая складывалась десятилетиями и обеспечивала правителю лояльность всего московского правящего класса.

Сложнейшей задачей было примирение старой московской знати с теми людьми, которые издавна служили Шемяке. Именно здесь, в этом крайне деликатном вопросе, требовались качества, которыми Галичанин явно не обладал: предусмотрительность и осторожность, хитрость и расчетливость. Выросший в провинции, он плохо знал отношения московского двора и не имел учителя, который мог бы исправить этот недостаток. К тому же он был слишком горд, чтобы учиться вещам, которые всю жизнь старался

презирать.

А между тем среди московских вельмож неуклонно крепли настроения в пользу Василия Темного. Бояре то целыми партиями бежали в Литву к изгнаннику Василию Ярославичу Серпуховскому, то начинали сплетать заговоры с целью похитить великокняжеское семейство из Углича. А в самом Кремле Шемяку открыто попрекал обманом нареченный митрополит Иона, настойчиво требовавший отпустить Слепого на удел. О том же просили и другие иерархи, созванные для совета в Москву летом 1446 года.

Устав от этой докуки, Галичанин решил уступить. В сентябре 1446 года он отправился в Углич и там в присутствии всего двора и архиереев торжественно примирился с кузеном. Церемония была приурочена к одному из двенадцати важнейших церковных праздников — Воздвижению Креста Господня (14 сентября). Диалог победителя и побежденного получился довольно странный. Князь Василий публично покаялся в «беззакониях многих», поблагодарил Шемяку за доброту: «…достоин есмь был главъныа казни (отсечения головы. — *Н. Б.*), но ты, государь мой, показал еси на мне милосердие, не погубил еси мене с безаконии моими, но да покаюся зол моих» (20, 71).

Трудно сказать, поверил ли Шемяка покаянию своего пленника, да и насколько искренним было это покаяние? Возможно, оно являлось лишь средством убедить московскую знать в том, что в случае своего возвращения на престол Василий II не станет мстить всем тем, кто был причастен к его низложению. Ведь само это низложение он теперь признавал справедливым и законным…

Впрочем, люди Средневековья легко впадали в экзальтацию и были куда более несдержанными в своих эмоциях, чем наши современники. Покаяние и самобичевание издавна рассматривались церковью как высшая добродетель. Проливаемые при этом обильные слезы служили верным знаком искренности чувств и Божьего прощения. И Василий, и Дмитрий, стоя в храме за праздничной службой, перед Крестом Господним, могли совершенно искренне чувствовать и выражать раскаяние — а через день они могли столь же искренне точить нож друг на друга.

Итог угличского примирения состоял в том, что Василий II получил наконец свободу. В качестве удела Дмитрий Шемяка дал ему далекую Вологду — древнее новгородское владение, перешедшее в конце XIV века под власть московских князей. (Как свидетельствует московско-новгородский Яжелбицкий договор (1456 г.), владения Новгорода в Вологодской земле сохранялись и

в середине XV века (5, 40).) Уже один этот выбор убеждает в том, что Шемяка очень мало доверял покаянным слезам своего двоюродного брата и, несмотря на слепоту, считал его потенциально опасным.

Вологда никогда прежде не была центром удела. В силу своей отдаленности, малонаселенности и оторванности от политических отношений среднерусского Центра Вологда едва ли могла стать опорой Василия II, если бы он решился, начать мятеж против верховной власти Шемяки. Кроме того, вологодские земли соседствовали с костромскими, что давало Галичанину важные стратегические преимущества в случае новой войны.

Предоставив своему пленнику чисто символический удел, князь Дмитрий одновременно потребовал от Василия самых крепких клятв в верности, подтвержденных публичным целованием креста. Все прибывшие в Углич епископы во главе с нареченным митрополитом Ионой выступили поручителями за нерушимость клятв Василия П.

Наконец, все церемонии и сборы подошли к концу. 15 сентября караван изгнанника тронулся в далекий путь. Вместе с ним ехали уже не два, а три сына. Во время угличского плена (19 августа 1446 года, в день памяти святого Андрея Стратилата) княгиня Мария Ярославна родила сына, нареченного Андреем (27, 260).

Отпустив Василия Темного из-под стражи и предоставив ему свободу передвижения, Дмитрий Шемяка, что называется, «пустил щуку в реку». В истории Византии ослепление низложенного правителя навсегда лишало его перспектив вернуться на престол. Считалось, что высшая власть несовместима с каким-либо серьезным физическим недостатком. Однако оказалось, что на Руси и слепой правитель имеет будущее. Все, кто по той или иной причине не хотел служить Галичанину, потянулись ко двору вологодского изгнанника. Повторялась ситуация 1433 года, когда отпущенный Юрием Звенигородским в Коломну Василий быстро собрал вокруг себя множество людей, недовольных правлением нового великого князя. Сам Василий Темный с первых же дней на свободе начал устанавливать связи со своими доброхотами и собирать силы для дальнейшей борьбы. Трудно сказать, что толкало его на этот путь: властолюбие или жажда мести? страх перед новыми гонениями или стремление сохранить престол за своим сыном Иваном? Вероятно, все эти чувства в той или иной мере сплетались в его темной душе.

Дождливой осенью 1446 года затерянная в северных лесах тихая Вологда вдруг ожила и закипела множеством невиданных

гостей. Низложенный великий князь Василий с семейством, московский двор, челядь, многочисленные доброхоты изгнанника — вся эта пестрая публика теснилась на подворьях, шумела в кабаках, звенела оружием в уличных стычках. Повсюду слышны были проклятья по адресу злодея Шемяки, отправившего великого князя в столь непригожее для его звания место.

Московские летописи дружно рисуют картину всеобщего возмущения вологодской ссылкой Василия. «…И поидоша к нему множество людей со всех стран, князи и боляре, и дети болярские („дети боярские“ — низший слой знати, предшественники дворян. — Н.!>.), и молодые люди, кто ему служивал, и паки кто не служивал, вси, иже зряще на нь, плакахуся тако велика государя, честна и славна по многим землям, видяще в толице беде суща» (29, 153). «Несть бо лзе такому государю в таковой далней пустыни заточену быти: слышав же то, бояря князя великого и дети боярские и люди многие побегоша от князя Дмитриа и от князя Ивана к великому князю» (20, 71).

Еще недавно бранившая Василия за бездарность, жестокость, унижение перед татарами, небрежение о Руси, московская знать вдруг горячо возлюбила его. Такое превращение выглядит довольно подозрительно, с точки зрения здравого смысла. Впрочем, здравый смысл далеко не всегда определяет поведение человека вообще и человека Средневековья в особенности. К тому же мы многого не знаем о подоплеке всей этой истории. Так например, источники не сообщают, продолжал ли Шемяка собирать дань, обещанную Василием II татарам?

Из далекого Галича сумела переслать наказ Василию его ссыльная мать (49, 265). Она требовала продолжить борьбу. Многоопытная Софья Витовтовна хорошо понимала, что для ее сына тихая, как кладбище, Вологда может быть лишь краткой остановкой на распутье двух дорог, одна из которых ведет на Москву, а другая — на тот свет. И чем хуже шли дела у Шемяки в Москве, тем скорее он мог отдать приказ убить Слепого. Сторонникам Василия нужно было действовать быстро, но осторожно, не испортив дела торопливой опрометчивостью.

Прежде всего князь Василий постарался как можно быстрее выбраться из той клетки, в которую его посадил Шемяка. Он сообщил своему тюремщику о намерении съездить на богомолье в Кирилло-Белозерский монастырь, расположенный в полутора сотнях верст к северу от Вологды. Эта знаменитая обитель была основана в конце XIV столетия учеником и собеседником преподобного Сергия Радонежского игуменом Кириллом Белозерским. По своему духовному авторитету она занимала

второе место после Троицкого монастыря. Желая усыпить подозрительность Шемяки, князь Василий ссылался на то, что, находясь в заточении, он дал обет в случае избавления совершить паломничество в Кириллов монастырь. Для князя Дмитрия, отец которого имел особое почтение к преподобному Кириллу, состоял с ним в переписке и искал личной встречи, такое желание должно было звучать вполне убедительно. Кажется, он и не выразил каких-либо возражений против поездки Василия в Кириллов монастырь. Однако московские сторонники Слепого скоро поняли тайный смысл этого богомолья и толпами устремились на север, в дальнюю обитель. Пробраться туда (от Волги вверх по реке Шексне) было гораздо легче, чем в окруженную дозорами Шемяки Вологду.

Кирилловское богомолье было лишь частью широкого замысла, который должен был вернуть Василию московский престол. Одновременно тайные гонцы были отправлены к тверскому князю Борису Александровичу и к серпуховскому князю Василию Ярославичу, находившемуся тогда в Литве. Вероятно, послан был надежный человек и в Кириллов монастырь для предварительных переговоров с игуменом Трифоном. Василий сообщал о своем намерении вновь вступить в борьбу и просил о помощи.

Все эти тайные пересылки были, конечно, смертельно опасным делом. Василий Темный знал о том, что среди окружавших его людей были и осведомители Дмитрия Шемяки. Одного доноса или перехваченного письма было бы достаточно для катастрофы. Горький опыт недавнего прошлого требовал крайней осторожности. Поэтому князь Василий, по свидетельству В. Н. Татищева, «вся сия тако тайне содевая, яко ни княгине его о том ведусчи, токмо сам и тии посланнии» (49, 265).

И вот уже среди лесов открылась даль. Черными копьями поднимались над серой равниной озера храмы обители преподобного Кирилла. Столбом вставал дым над трубой знаменитой кирилловской поварни: там готовили скромное монастырское угощенье для именитого гостя и его многочисленной свиты. Но всего этого благодатного покоя князь Василий видеть уже не мог…

В монастыре Василий Темный пробыл недолго. Здесь он получил ответ от тверского князя Бориса Александровича. Тот звал его к себе в Тверь, обещал предоставить убежище и всяческую поддержку. (Кажется, Борис Тверской был недоволен тем, как повел дела Дмитрий Шемяка, став великим князем. И потому он решил «переменить фронт».) Кирилловский игумен

Трифон своей духовной властью освободил Слепого от клятвы, данной им Дмитрию Шемяке. «А игумен Трифон и ин старец свят, именем Симан Карлсмазов, и со всею братьею, благословиша князя великаго пойти на великое княжение на Москву, а ркуще: „Буди твой грех на нас, еже еси целовал (крест. — *Н. Б.*) неволею“» (29, 153).

В Львовской летописи речь игумена Трифона к Василию II изложена, по-видимому, наиболее точно. «Игумен же Трифон и со всею братьею благослови великого князя и с его детми на великое княжение, а ркучи так: „тот грех на мне и на моей братии головах, что еси целовал (крест. — *Н. Б.*) и крепость давал князь Дмитрею; и пойди, государь, с Богом и с своею правдою на великое княжение, на свою отчину на Москву, а мы Господа Бога молим и благословляем“» (27, 260). Здесь выражена самая суть многолетней вражды потомков Дмитрия Донского: каждый отстаивал свою правду. У каждого были основания считать себя правым. Но кто мог сказать, чья правда была тяжелее на весах Всевышнего? Эту ключевую нравственную проблему той эпохи — проблему отсутствия приемлемой для всех «правды» — пытался разрешить еще преподобный Кирилл Белозерский, писавший великому князю Василию I о необходимости уважать чужую «правду». Но в жизни достичь этого было невозможно. Одна «правда» наталкивалась на другую, подминала ее под себя или разбивалась об нее, подобно тому как бились друг о друга льдины на весенней Волге под Угличем. И все они — и те, что раскололись, и те, что уцелели — медленно уплывали куда-то в сумеречную даль…

Из монастыря князь Василий с семейством в конце октября — начале ноября 1446 года отправился не назад, в Вологду, а вперед — в Тверь. Здесь ему был оказан теплый прием. Князь Борис Александрович Тверской отличался осторожностью и дальновидностью. Свой союз с изгнанником он обусловил династическим браком: старший сын Василия Иван должен быть обручен с дочерью Бориса Марией. Тверская летопись утверждает, что инициатива помолвки исходила от родителей жениха: «…а сами ее сватили» (21, 493). Другие летописи представляют дело иначе: помолвка Ивана с Марией была непременным условием тверской помощи Василию (27, 260; 37, 44).

Жениху в момент обручения было около семи лет. Этот будущий брак должен был символизировать примирение вечных соперников — Москвы и Твери. Когда-то такую же идею пытался осуществить московский князь Семен Гордый, женившийся третьим браком на тверской княжне Марье Александровне. Однако тогда дело в конце концов окончилось неудачей:

эпидемия чумы унесла и самого Семена и его «тверское» потомство. Теперь предстояла вторая попытка…

Понимая, что Василий II, как никогда, нуждается в поддержке Твери, князь Борис Александрович потребовал передачи ему Ржева — сильной крепости на северо-западной окраине Московского княжества, рядом с тверскими землями. Это ему было обещано. Передача Ржева, входившего тогда в состав удельных владений Дмитрия Шемяки, князю Борису Тверскому делала последнего вечным врагом Галичанина.

Между тем в Москве скоро узнали о действиях Василия Темного. Дмитрий Шемяка опасался неожиданного наступления на Москву объединенных сил Василия и его тверского покровителя. Он понимал, что время работает на его врагов. Надеясь устрашить тверского князя, а в случае войны — как можно раньше сразиться с ним, Галичанин покинул Москву и вместе со своим союзником Иваном Можайским занял стратегически выгодную позицию возле Волоколамска, неподалеку от тверского рубежа. Отсюда через Микулино Городище шла торная дорога из Москвы на Тверь. Здесь, по свидетельству летописи, войска Шемяки простояли весь Рождественский пост («Филиппово говение») — с 15 ноября по 25 декабря 1446 года (29, 154).

Сторонники Василия II, бежавшие от Шемяки в Литву, также узнали о происходящем. Сплотившись вокруг князя Василия Ярославича Серпуховского, они двинулись к Твери. Туда же шли и служившие Василию татары под началом двух сыновей хана Улу-Мухаммеда — Кайсыма (Касыма) и Ягупа. На сторону Слепого переезжали и многие московские ратники из войска Дмитрия Шемяки и Ивана Можайского. «И побегоша от них вси людие во Тверь к великому князю, развие остались их людие, галичане и можаичи» (29, 154).

Тверское «сидение» князя Василия было отмечено одной блестящей военной операцией. Изгнанник решил повторить дерзкий рейд Шемяки в феврале 1446 года, завершившийся захватом Москвы. Он отправил на Москву небольшой отряд (около сотни всадников) под началом боярина Михаила Борисовича Плещеева и тверского боярина Льва (12, 320). Благодаря своей малочисленности, а также тщательной разведке вражеских позиций отряд Плещеева незаметно прошел мимо дозоров Шемяки. В ночь на Рождество Христово (25 декабря 1446 года) посланцы Слепого, воспользовавшись оплошностью стражи, беспрепятственно проникли в Москву. Вся городская верхушка находилась на всенощной в Успенском соборе. Наместник князя Дмитрия, некий Федор Галицкий, едва успел бежать из города.

Видные сторонники Шемяки и Ивана Можайского были схвачены, а их имущество разграблено. (Свою жену Софью Дмитриевну Шемяка предусмотрительно отослал в Галич в самом начале этой войны.) Горожане присягнули на верность своему прежнему правителю — Василию Васильевичу.

Между тем князь Дмитрий продолжал стоять на Волоке, разоряя южные окраины тверских земель. Кажется, он находился в полной растерянности и не знал, что предпринять. Люди и власть вытекали из его рук, словно песок сквозь пальцы. Некоторые историки считают Шемяку выдающимся полководцем. Если это и так, то бесцельное шестинедельное стояние на Волоке было самой тусклой страницей в его послужном списке.

К январю 1447 года положение Шемяки стало крайне опасным. Из Твери от князя Бориса прибыл посол Александр Садык. Борис требовал в течение недели прекратить войну и подчиниться Василию II. Взбешенный Шемяка велел схватить тверского посла (12, 320). Однако ярость не могла заменить силу. Со всех сторон к стану на Волоке Дамском стягивались вражеские силы. С севера, из Твери двинулся с тверской подмогой Василий Темный. С ним шел и сам тверской князь Борис. С запада, из Литвы приближалось ополчение Василия Ярославича Серпуховского, соединившееся с татарами Кайсыма. С юга, от перешедшей на сторону Слепого Москвы, также можно было ожидать внезапного удара.

Опасаясь попасть в западню, князь Дмитрий увел свою поредевшую рать от Волока к Угличу. Стремительные зимние марши с небольшим, подвижным отрядом — это была его стихия.

Василий II решил лишить врага всех его точек опоры. Московско-тверское войско направилось вдоль Волги к Угличу. Памятуя о горьком опыте недавнего прошлого, князь Василий отправил свою княгиню Марию Ярославну в Москву. Ее присутствие в городе должно было стать гарантией возвращения на московский престол самого Василия.

Источники не сообщают о том, где был в эти дни княжич Иван. Можно думать, что он сопровождал отца в походе на Углич. Едва ли в столь тревожное время великий князь мог отпустить далеко от себя своего наследника.

Целью Василия Темного был полный разгром галицко-можайской коалиции и пленение ее вождей. Их дальнейшая судьба рисовалась весьма печально. В лучшем случае обоих князей ожидало пожизненное тюремное заключение. Ожесточение борьбы достигло наивысшего предела.

Князь Дмитрий не рискнул защищать Углич. Оставив там

своих воевод, он вновь ускользнул из железных объятий Слепого. Путь его лежал в родной Галич. Там, на самой кромке бескрайнего Севера, он был практически неуловим для преследователей.

Между тем войска Василия II совместно с тверскими воеводами Борисом Захарьичем и Семеном подступили к Угличу. Одна из главных баз Шемяки должна была быть уничтожена. Вероятно, у Слепого были и свои личные счеты с городом, в котором он провел полгода в качестве узника.

Понимая, что пощады им не будет, угличане целую неделю защищались с отчаянием обреченных. Летопись сообщает, что при штурме Углича сложил голову один из самых преданных сторонников Василия Темного — бывший нижегородский воевода Юшко Драница. Однако превосходство осаждавших было подавляющим. У Слепого имелись даже пушки, которые прислал ему для штурма Углича вернувшийся в Тверь князь Борис Александрович (21, 493). Этим «нарядом» командовал знаменитый тверской мастер Микула Кречетников. «Таков беяше той мастер, но яко и среди немец не обрести такова» (12, 320). Во время осады к войску Василия II присоединился наконец и отряд Василия Ярославича Серпуховского, пришедший из Литвы. Не выдержав сокрушительного обстрела деревянного города из орудий, Углич пал. Это случилось, вероятно, незадолго до праздника святителей Афанасия и Кирилла Александрийских (18 января).

После взятия Углича тверские пушкари распрощались с Василием Темным. Их ожидал новый поход — на Ржев. После тяжелой трехнедельной осады и этот оплот Дмитрия Шемяки был сокрушен. Князь Борис Александрович, лично руководивший ржевским походом, вступил в покоренный город «о великом заговений», то есть около 19 февраля 1447 года. 17 февраля Церковь праздновала память великомученика Феодора Тирона. Вероятно, в ознаменование взятия Ржева князь Борис той же весной «церковь поставил святаго Феодора» (21, 493). Одновременно он предпринял большие работы по усилению тверской крепости. Расположенный под ее стенами, на островке в устье речки Тьмаки, Федоровский монастырь был перенесен на новое место, а сам островок превращен в своего рода княжеский замок, окруженный со всех сторон водой. Вероятно, этот замок должен был стать надежным прибежищем князя в случае пожара или внезапного захвата Твери каким-нибудь супостатом. Московские события 1446 года заставляли князя Бориса учитывать и такую возможность. Он понимал, что отныне имеет лихого Галичанина своим злейшим врагом и может в любое

время подвергнуться его внезапному набегу. (Такой набег, но не на Тверь, а на Кашин, Дмитрий Шемяка действительно совершил в сентябре 1452 года.)

Уход тверской артиллерии существенно ослабил силы Василия Темного. Однако война продолжалась. С Василием остались тверские воеводы Борис Захарьич и Семен. Они вернулись в Тверь только «на Федоровой неделе» — с 20 по 26 февраля 1447 года (12, 326). От Углича князь Василий двинулся к Ярославлю. Город открыл ему свои ворота. В Ярославле к Слепому явились и припозднившиеся где-то татарские «царевичи» Кайсым и Ягуп.

Дмитрий Шемяка не стал долго задерживаться в Галиче. По-видимому, он ожидал, что Василий II вот-вот явится сюда со своим многочисленным войском. Из Галича Шемяка поехал на север, в Чухлому, где находилась в ссылке мать Василия, Софья Витовтовна. Прихватив с собой старую княгиню (которой было уже не менее 70 лет!), Шемяка из Чухломы «побеже на Каргополе» (20, 73). Оттуда, из Каргополя, уже было рукой подать до заонежских владений Великого Новгорода. На Волхове Галичанин мог переждать тяжелые времена, а в случае ухудшения ситуации — уйти во Псков или же в Литву. Там неизменно с охотой принимали всех врагов правившего в Москве великого князя.

Но если для Шемяки главная задача состояла в том, чтобы пробраться окольными путями в Новгород, то москвичи, напротив, должны были приложить все силы, чтобы не упустить беглеца. Понимая это, Галичанин ожидал, что воеводы Василия II попытаются перехватить его где-нибудь в районе Вологды. Такой вариант его вполне устраивал: в лучшем случае он надеялся внезапным ударом разгромить московскую заставу (как это сделал в 1435 году его старший брат Василий Косой), а в худшем — откупиться от преследователей, выдав им в обмен на свободный проезд княгиню Софью.

Однако Василий II не стал распылять свои силы в рискованной погоне за Дмитрием Шемякой, который хорошо ориентировался в бескрайних северных лесах и был способен на внезапные контратаки. Вместо погони князь Василий отправил из Ярославля к Галичанину своего боярина Василия Федоровича Кутузова с посланием. Тот нашел Шемяку уже в Каргополе. Содержание великокняжеского послания сводилось к просьбе освободить из плена княгиню Софью. Летописец сохранил исполненные ядовитой насмешки слова послания: «Брате князь Дмитрей Юрьевич! Коя тебе честь или хвала, что держишь у себе матерь мою в полону, а свою тетку? Чем сим хочешь мне мститися? А яз уже на своем столе, на великом княжении…» (20,

73).

Отправив гонца к Шемяке, Василий II недолго пробыл в Ярославле. Ему хотелось поскорее вернуться домой, в Москву. В пятницу, 17 февраля 1447 года, он вновь вступил под гулкие своды Успенского собора московского Кремля. Ровно год назад, в ночь с 16 на 17 февраля 1446 года, князь Василий был ослеплен на московском дворе Шемяки. Прошел год — и вот он вновь воссел на свой поруганный трон. В этом совпадении дат современники должны были увидеть волю Провидения. Сам Всевышний правил Василию путь к престолу…

Эти минуты торжества делили с Василием и его подраставшие сыновья — 7-летний Иван и 6-летний Юрий. А в обшитой соболем колыбели улыбался каким-то своим младенческим мыслям полугодовалый Андрей…

Заканчивалась «сырная неделя» — Масленица. Приближалось «великое заговенье». Покаянные обряды Прощеного воскресенья давали Василию отличную возможность публично примириться с московской знатью, простить боярам их измены и самому повиниться в грехах недавнего прошлого. Традиционные масленичные пиры стали достойным завершением всей успешной военной кампании против Галичанина. С началом Великого поста войско было распущено, и жизнь в Москве стала входить в обычную колею.

Некоторое время спустя на Боровицкий холм пришла радостная весть. Дмитрий Шемяка, поразмыслив, решил отпустить княгиню Софью. Вероятно, он искал путей к примирению с Василием II. Отпустив княгиню в Москву, Шемяка дал ей в провожатые отряд под началом своего боярина Михаила Сабурова.

Великий князь поехал навстречу своей престарелой матери. Они пребывали в разлуке уже более года. Встреча произошла в Троицком монастыре.

Вероятно, именно тогда в обители на смену игумену Досифею, который был, по-видимому, связан с Галичанином, пришел Мартиниан Белозерский. Из жития Мартиниана известно также, что Василий Темный назначил его своим исповедником — «духовным отцом». Настоятель маленького Ферапонтова монастыря, затерянного в лесах Белозерья, Мартиниан стал известен великому князю во время его кирилловского богомолья. Вместе с кирилловским игуменом Трифоном он помог Василию снять невидимые оковы «крестоцелования» и благословил его на борьбу с Шемякой.

Из Троицы княгиня Софья направилась не в Москву, а в Переяславль. Очевидно, она любила этот город, где не раз

переживала трудные времена. Доставивший Софью боярин Михаил Сабуров не поехал назад к Шемяке, а остался служить Василию II.

После тревожных событий 1446 и начала 1447 года наступило затишье. Однако Василий Темный не терял времени даром. В 1447–1448 годах он вел сложную дипломатическую игру, целью которой была политическая изоляция Дмитрия Шемяки. Щедрыми пожалованиями новых владений и льгот была достигнута лояльность удельных князей. В понедельник 19 июня 1447 года Василий II подписал договор со своим кузеном князем Михаилом Андреевичем Верейско-Белозерским. Тот клялся: «И быти ми, господине, с тобою с великим князем везде заодин» (6, 127). Такое же обещание содержится и в договоре Василия II с князем Василием Ярославичем Серпуховским (6, 132), заключенном одновременно с первым. На Ильин день, 20 июля 1447 года, был заключен московско-рязанский договор. Князь Иван Федорович Рязанский также клялся быть верным «младшим братом» Василия Темного (6, 143).

Отношения Василия II с Дмитрием Шемякой были определены в договоре, заключенном летом 1447 года. (Текст его не сохранился, однако суть ясна из других источников. Шемяка признавал кузена «старшим братом» и клялся не затевать против него какого-либо зла.) Тем же летом, 11 июня, была составлена «перемирная грамота» между Дмитрием Шемякой и Иваном Можайским, с одной стороны, и Василием Серпуховским и Михаилом Верейским — с другой. Князья заявляли о прекращении войны. Условия мира затрагивали интересы не только этих четверых, но и пятого — великого князя Василия II. Василий Серпуховской и Михаил Верейский выступали как представители его интересов. Галичанин и Иван Можайский обещали вернуть Василию II похищенные ими из великокняжеской казны ценности и документы. Дмитрий Шемяка признавал утрату Углича и Ржева. Оба мятежника оговаривали невозможность своего приезда в Москву, «доколе будет у нас в земле отец наш, митрополит» (6, 141). Только под гарантии безопасности, данные митрополитом, они готовы были явиться в Москву для личной встречи с Василием II. Однако рязанский епископ Иона, считавшийся наиболее достойным кандидатом, все еще не был возведен на митрополичью кафедру. Эта ситуация требовала какого-то решения. Но серьезность вопроса заставляла Василия II действовать очень осторожно и взвешивать каждый шаг. На престоле святителя Петра ему нужен был верный человек…

Осенью 1447 года сын и наследник Улу-Мухаммеда «царь казанский Мамутек» отправил своих татар в набег на Владимир, Муром и другие русские города. Ходили слухи, что татар призвал на русские земли Дмитрий Шемяка. Для отпора грабителям из Москвы была послана рать. Кажется, эта скоротечная война с татарами завершилась без особых потерь. Однако она переполнила чашу терпения высшего духовенства, которое на сей раз решительно встало на сторону Василия Темного.

29 декабря 1447 года пять епископов (Ефрем Ростовский, Авраамий Суздальский, Иона Рязанский, Варлаам Коломенский, Питирим Пермский) обратились к Шемяке с грозным посланием, требовавшим полного подчинения великому князю. Они упрекали Галичанина в том, что, вопреки договору с Василием, он до сих пор не возвратил вывезенную им из Москвы великокняжескую казну и архив. Но главное — он по-прежнему интригует против Василия, ссылаясь с Великим Новгородом, удельными князьями и казанскими татарами. Уподобившись царю Ироду, он готовит новое кровопролитие. «И та християнская кровь вся на тобе же будет», — заключали иерархи (44, 115). В случае отказа немедленно подчиниться Василию и исполнить условия договора они грозили Шемяке отлучением от церкви.

Дата обнародования столь важного документа была избрана не случайно. В этот день Церковь вспоминала «святых младенцев, от царя Ирода избиенных»…

Неизвестно, какое впечатление произвело на Шемяку обращение епископов. Однако для Василия Темного это был хороший козырь. Теперь он имел моральное право взяться за оружие. Прогнав татар и оставив во Владимире для дозора своего сына Ивана с боярами (первое появление Ивана на политической сцене!), Василий II использовал собранное войско против Дмитрия Шемяки (31, 269). Зимой 1447/48 года московская рать во главе с самим великим князем двинулась на Галич. Остановившись в Костроме, Слепой начал переговоры с Шемякой.

(Именно к этому моменту московской усобицы относится примечательное своей непосредственностью замечание новгородского летописца: «И стояху (Василий и Шемяка. — *Н. Б.*) против себе о реце о Волге, а новгородци не въступишася ни по одном; а земли Русьской останок истратиша межи собою бранячися…» (23, 190).)

Жизнь научила Василия не торопиться и побеждать врагов постепенно, шаг за шагом вытесняя их из круга. Вот и теперь он удовольствовался тем, что Галичанин под самыми страшными клятвами обязался «не хотети… ни коего лиха князю великому, и его детем, и всему великому княжению его и отчине его» (19,

121). Едва ли великий князь поверил в искренность и твердость обещаний Шемяки. Однако важная промежуточная цель была достигнута: отныне их роли поменялись, и в случае нового столкновения роль презренного клятвопреступника явно выпадала Галичанину.

Раннюю Пасху 1448 года (24 марта) Василий Темный встречал в Ростове. Кажется, он любил этот город, с его древними святынями и малиновым перезвоном колоколов, гостеприимным владычным двором и бескрайним, как море, сонным озером. Владыка Ефрем дал великому князю сразу два пира подряд: один в воскресенье, на Пасху, а другой — на следующий день, в честь праздника Благовещения. После этого князь Василий с войском двинулся назад, в Москву. Через пять дней, «в неделю Фомину» (19, 121), он уже въезжал в Белокаменную.

Лето и осень 1448 года прошли мирно. Впрочем, для войны время было малопригодное: на Северо-Восточную Русь накатила волна эпидемии и эпизоотии. «А на лето бысть мор на кони и на всяку животину, и на люди был, да не мног» (19, 121). Осень принесла новые тревоги: 1 сентября «пал снег» (21, 494).

Вероятно, именно летний «мор» и стал причиной (или поводом?) смерти Василия Косого, томившегося в московской тюрьме с 1436 года. После захвата Москвы Дмитрием Шемякой в феврале 1446 года Василий Косой, конечно, был освобожден, но скорее всего оставлен в Москве под присмотром. Внезапный захват Москвы силами Василия Темного 25 декабря 1446 года вновь превратил князя Василия в узника. Летописи предельно кратко сообщают о его кончине: «Того же лета преставися князь Василей Юрьевич слепой и положен бысть в церкви Архангела Михаила на площади» (27, 261).

Смерть уравнивала победителей и побежденных. И сколько бы ни враждовали потомки Дмитрия Донского при жизни, после кончины они мирно ложились бок о бок в семейной усыпальнице — построенном еще Иваном Калитой белокаменном Архангельском соборе…

Печальная судьба старшего брата могла бы послужить предупреждением для Дмитрия Шемяки. Однако он был не из тех, кто умеет учиться на чужих неудачах. И не о таких ли, как он, искателях приключений сказано было мудрым царем Соломоном: «Может ли кто взять себе огонь в пазуху, чтобы не прогорело платье его? Может ли кто ходить по горящим угольям, чтобы не обжечь ног своих?» (Притч. 6: 27).

В конце 1448 года Василий II созвал наконец съезд епископов, главной темой которого было соборное поставление

нареченного митрополита Ионы на кафедру. Оригинальность этого замысла состояла в том, что со времен Крещения Руси глава церкви утверждался константинопольским патриархом. Только после этого он становился полноправным первоиерархом. Избрание митрополита собором русских епископов не противоречило церковным канонам, однако нарушало древнюю традицию и, в сущности, означало разрыв с патриархатом. Флорентийская уния 1439 года и история с митрополитом Исидором сильно уронили авторитет Константинополя в глазах московских «ревнителей православия». Однако иерархи понимали и другое. Утратив связь с константинопольским патриархом, они не только отступали от «заветов мудрой старины», но и оставались один на один с московской великокняжеской властью, тяжелую руку которой дал почувствовать еще Дмитрий Донской. Все это заставляло иерархов весьма осторожно относиться к идее автокефалии (то есть «самоглавия», организационной самостоятельности) Русской Церкви.

В декабре 1448 года в Москве собрались владыки, возглавлявшие крупнейшие епархии, — Ефрем Ростовский, Авраамий Суздальский, Варлаам Коломенский, Питирим Пермский. Ровно год назад они выступили с обличением Дмитрия Шемяки. Теперь им предстояло новое ответственное дело: избрать на митрополию намеченного великим князем на эту роль рязанского владыку Иону. Новгородский архиепископ Евфимий и тверской владыка Илья лично не явились, но прислали грамоты с согласием на избрание Ионы. В воскресенье 15 декабря 1448 года состоялась официальная церемония избрания Ионы первым русским автокефальным митрополитом.

(Святитель Иона до конца своих дней вынужден был доказывать сомневающимся законность своего возвышения. В завещании он говорит об автокефалии: «И сие убо створи сын нашь великый князь не кычением (кичливостью. — *Н. Б.*), ни дръзостию, но и поучение (попечение. — *Н. Б.*) имеа о православнои же христианьстей вере и своего спасения ища» (46, 651). Однако многие — и в их числе высоко чтимый московской знатью игумен Пафнутий Боровский — отказывались признать законность принятия Ионой митрополичьего сана. Иона вынужден был искать управы на Пафнутия у самого великого князя Василия II (39, 191).)

Первое, что сделал Иона в новом качестве, — возвел ростовского архиепископа Ефрема в сан архиепископа. Летописец объясняет это тем, что некогда ростовский владыка Феодор, племянник преподобного Сергия, получил сан архиепископа от константинопольского патриарха. Теперь митрополит Иона дал

тот же сан владыке Ефрему. Такое скоропалительное повышение слишком похоже на заранее условленную награду. Не этот ли Ефрем был руководителем «избирательной кампании» Ионы? Недаром же Василий II провел с ним два памятных дня в марте 1448 года на ростовском владычном дворе…

Вероятно, именно с этого времени, с церковного собора в декабре 1448 года, старший сын Василия Темного княжич Иван стал официально именоваться «великим князем» и был провозглашен соправителем своего слепого отца. Для утверждения столь серьезных новшеств было бы вполне уместно обратиться к авторитету церковного собора (83, 133).

Возведя Иону на митрополичий престол, Василий II вправе был ожидать от него полной лояльности. Новый митрополит не замедлил ее выразить. «По поставлении своем на митрополию Иона разослал окружную грамоту, обращенную к князьям, боярам, воеводам и всему „христоименитому людству“ об изменах князя Дмитрия и отлучении, наложенном на него всем освященным собором, если он возобновит свои покушения на великого князя, „на христианское нестроение и кровь“» (132, 403).

Весна 1449 года была на редкость ранней. Весеннее тепло волновало кровь. Дмитрий Шемяка, не выносивший долгого безделья, решил отбить у Василия II свою давнюю опорную базу — Кострому. Отсюда в случае успеха он мог начать очередное наступление на Москву. Конечно, начиная эту войну, Шемяка нарушал обещания и клятвы, которые он дал Василию II при заключении мира в Костроме зимой 1447/48 года. Но, может быть, и его, как недавно Василия, освободил от страшных клятв какой-нибудь верноподданный игумен?

За два года перед тем, в начале 1447 года, Василий II одолел Шемяку при помощи тверского князя Бориса Александровича. На сей раз Слепой едва ли мог рассчитывать на поддержку тверичей. 25 марта 1449 года, в самый праздник Благовещения, Тверь стала жертвой ужасающего пожара. Тверская летопись так говорит о его последствиях: «…погоре град Тверь, и стена вся, и князя великого двор, и церкви и двори вси; а зажгли его Ростопчины дети, Иванко да Степуря. А зажгли его у Вользких ворот пониже, на низ по Вълзе; а загорелся на раней зоре…» (21,494). Называя имена поджигателей, летописец не сообщает, в чьих интересах они действовали. Однако вполне вероятно, что к пожару Твери приложил руку Дмитрий Шемяка. Сведение счетов с помощью «красного петуха» было обычным явлением в ту эпоху. Сожжением Твери Шемяка отомстил князю Борису за измену —

переход на сторону Василия и захват Ржева. Но еще важнее было то, что тверской пожар, а также тяжба Бориса Тверского с королем Казимиром IV, отнявшим у него Ржев, лишали великого князя главного союзника в той новой войне, которую готовился начать весной Галичанин.

На Пасху (13 апреля) князь Дмитрий подступил к Костроме, «преступив крестное целование и проклятые на себя грамоты» (20, 74). Однако взять город оказалось не просто: Василий II оставил там сильный гарнизон под началом своих испытанных приверженцев — князя Ивана Васильевича Стриги Оболенского и Федора Басенка. С ними были «многие дети боярские, двор великого князя» (20, 74).

Выражение «двор великого князя» некоторые историки предлагают понимать так, что Василий Темный усиленно распространял среди своих сторонников служилое землевладение и формировал свой «двор» главным образом из «детей боярских» — дворян, владевших поместьями. Если это так, то следует признать, что уже первые дворяне сражались за своего государя весьма усердно. Им удалось продержаться в Костроме до подхода основных сил великого князя. Василий II не только сам появился под Костромой во главе большого войска, но и привел с собой митрополита Иону и епископов. Иерархи должны были публично уличить Шемяку в нарушении крестного целования.

Не желая сражаться под стенами Костромы, где сидел московский гарнизон, Дмитрий Шемяка двинулся навстречу Слепому. У села Рудина, под Ярославлем, два войска встретились на широком поле. Казалось, вот-вот начнется кровопролитная битва. Однако дерзкому напору и воинскому счастью Шемяки Василий II и на этот раз противопоставил не только мощь своих объединенных сил, но также искусство тонкой интриги. Зная, что важной частью сил Галичанина является дружина Ивана Можайского (часто менявшего фронт и незадолго перед тем вновь взявшего сторону Шемяки), Василий привел под Кострому его младшего брата — князя Михаила Андреевича Верейского. Тот вступил в переговоры с братом и склонил его оставить Галичанина. Взамен великий князь обещал увеличить владения князя Ивана, прибавив к ним Бежецкий Верх. Узнав об измене своего союзника, Шемяка счел за лучшее заключить перемирие и вернуться в Галич.

Летом 1449 года Василий Темный вновь отправился из Москвы на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. Вероятно, поездка была приурочена к 5 июля — дню обретения мощей преподобного Сергия. В отсутствие супруга (26 июля) княгиня Мария Ярославна родила ему шестого сына, нареченного Борисом

(27, 261). Имя младенцу, как обычно, подсказал месяцеслов. 24 июля церковь вспоминала первых русских святых — князей-страстотерпцев Бориса и Глеба. В этот день, 24 июля 1015 года, князь Борис пал жертвой наемных убийц, подосланных его братом Святополком Окаянным. (Выбор имени для княжеского сына подчеркивал и те родственно-союзнические отношения, которые сложились у Василия Темного с князем Борисом Александровичем Тверским.)

Между тем на юго-восточные области Московской Руси вновь нагрянули татары. (Некоторые летописи относят этот набег к осени 1450 года.) Внезапность набега позволила им дойти до речки Пахры в ближнем Подмосковье. Спасло положение только вмешательство служивших Василию II татар под предводительством Кайсыма. Покинув свой лагерь под Звенигородом, они так же внезапно ударили на растерявшихся от такой неожиданности грабителей. «И с коими стретился (Кайсым. — Н.!>.), тех бил и полон отъимал; они же, видев то, бежаша назад» (20, 75).

Несмотря на атаку Кайсыма, татарам удалось увести множество пленных, среди которых оказалось даже несколько боярынь, проводивших лето в своих подмосковных вотчинах, в том числе княгиня Марья, жена князя Василия Ивановича Оболенского — любимого воеводы Василия II.

Хрупкий мир между Василием Темным и Дмитрием Шемякой продержался всего лишь до осени 1449 года. Поначалу Василий решил взять Галич стремительной атакой сравнительно небольшого отряда под началом князя Василия Ярославича Серпуховского. Однако доброхоты Шемяки успели заранее известить его об этом предприятии. Галичанин спешно вывез жену и сына Ивана в Новгород, а сам вернулся назад. Раздосадованный неудачей, Василий II с началом зимы предпринял большой поход на Галич. Когда московские войска подходили к Костроме, пришла весть о том, что Шемяка бежал из Галича к Вологде. Слепой приказал изменить направление и вместо Галича идти по реке Костроме, а затем вверх по Обноре на север, в сторону Вологды. Однако Галичанин словно издевался над москвичами. С полпути он повернул назад и возвратился в Галич. Тогда и князь Василий повернул войско назад, к Галичу. Обосновавшись в Ивановском монастыре у села Железный Борок на реке Костроме, великий князь велел своим воеводам идти вперед и взять Галич штурмом. Общее руководство осадой Слепой поручил князю Василию Ивановичу Оболенскому.

Взятие Галича было весьма трудной задачей. Крепость находилась над городом, на вершине холма, крутой склон

которого спускался к Галичскому озеру. Два других склона обрывались глубокими оврагами. Последний, отлогий склон, обращенный к равнине, был укреплен валом и рвом. Здесь находился главный въезд в крепость. Мощная дерево-земляная твердыня была выстроена в Галиче еще во времена Юрия Звенигородского. Теперь в ней находился сильный гарнизон, командовал которым сам Дмитрий Шемяка.

Войско князя Оболенского появилось под стенами Галича 27 января 1450 года. С большим трудом московские воины вскарабкались по обледенелым скатам холма вверх, к главным воротам крепости. Там их уже ждал Дмитрий Шемяка со своими полками. Галичанин понимал, что затяжная оборона переполненной людьми крепости не сулит ему ничего хорошего. На этом пути его подстерегали многие опасности: голод, болезни, измена собственных приближенных. Шемяку могла спасти только немедленная победа над уставшими с дороги и еще не освоившимися на местности москвичами. К этому же подталкивал князя и его неистовый бойцовский темперамент.

На другой день на поле перед крепостью произошло решающее сражение. Галичане как могли поддерживали своих воинов со стен. «И начаша прьвое съ города пушки пущати, и тюфяки, и пищали и самострелы, но ни во что же се бысть им» (19, 122). Князь Оболенский предусмотрительно поставил московские полки достаточно далеко от стен крепости, чтобы они не пострадали от галичской артиллерии. Все решалось на поле, в кровавой сумятице рукопашного боя, под серым январским небом…

«И бысть сеча зла и поможе Бог великому князю: многих избиша, а лучших всех изымаша руками, а сам князь (Дмитрий Шемяка, — *Н. Б.*) едва убежа, а пешую рать мало не всю избиша, а город затворился» (20, 75). Судьбу сражения решило не только численное превосходство московской рати, но также ее более высокая боевая выучка и лучшее вооружение. В то время как у «сермяжников»-галичан (над бедностью которых посмеивался еще митрополит Фотий, приезжавший в Галич на переговоры с князем Юрием Дмитриевичем в 1425 году) основной силой было кое-как вооруженное пешее ополчение, — москвичи действовали преимущественно в конном строю. В состав московской рати входили и служилые татары царевича Кайсыма, пугавшие непривычных к сражению с «погаными» галичан своими дикими воплями и невероятной ловкостью в седле.

Согласно свидетельству В. Н. Татищева, исход боя решила смелая атака московского воеводы князя Дмитрия Ряполовского. Во главе «двора» великого князя он в разгар битвы бросился в

центр галицкого войска. Напор «дворян» был столь сильным, что армия Шемяки оказалась рассеченной на две части. Тогда князь Василий Иванович Оболенский во главе пешего полка надавил на левый фланг неприятеля, а татарская конница «царевича» Кайсыма — на правый. Галичане дрогнули. Их смятение усилилось, когда они поняли, что сам Дмитрий Шемяка бежал с поля боя. Москвичам оставалось только докончить дело беспощадным истреблением обратившихся в бегство воинов Шемяки (49, 268–269).

Остатки разбитого галицкого войска укрылись в крепости. Дмитрий Шемяка с небольшим отрядом, как призрак, растаял на лесных просторах Заволжья. Лишь два месяца спустя он вдруг объявился в Новгороде…

(Новгородская летопись сообщает, что Шемяка прибыл в Новгород «месяца априля в 2 день, в среду на Вербьной недели» (23, 192). Однако этот день пасхального цикла указывает не на 1450, а на 1449 год. В 1450 году среда Вербной недели приходилась на 25 марта — праздник Благовещения. Очевидно, летописец вычислил дату 2 апреля позднее, при очередной переработке текста, исходя из того, что данное известие с указанием только дня пасхального цикла содержалось в статье 6957 года. Таким образом, Шемяка торжественно въехал в Новгород, где его все еще многие считали законным великим князем, на праздник Благовещения — 25 марта 1450 года. Понимая, чем может обернуться для Новгорода дружба с мятежником, архиепископ Евфимий в том же году начал «покрипливати» (укреплять. — *Н. Б.*) новгородскую крепость — Детинец (23, 192).)

Василий Темный получил весть о битве под Галичем, вероятно, уже на другой день. Он велел отслужить благодарственный молебен в монастырском храме во имя Иоанна Предтечи. После этого Слепой приказал отвезти его в Галич. Засевшие в крепости горожане, узнав о прибытии великого князя, сдались. «Он же, град омирив, и наместники своя посажав по всей отчине той, и поиде к Москве» (20, 75).

К Масленице (7 марта) победитель был уже в Москве и до начала Великого поста успел отпраздновать с боярами успешное завершение галичского похода. Несомненно, взятие Галича было решающим успехом Василия II в его последней тяжбе с Дмитрием Шемякой. Теперь окончательная победа Слепого уже мало у кого вызывала сомнения. И эта определенность, разумеется, умножала рады его сторонников.

Между тем Москва понемногу поднималась после многих тяжких испытаний последних лет. Оживает каменное

строительство — верное свидетельство экономического благополучия. Летом 1450 года богатый купец Владимир Ховрин поставил на своем дворе каменную церковь Воздвижения Честного Креста. Прежняя, также каменная церковь, стоявшая на этом месте, распалась во время страшного пожара в июле 1445 года, «по Суздальщине» (20, 75). Теперь, пять лет спустя, купец сумел наконец отстроить храм заново. Это был хороший признак: Москва возрождалась после нескольких лет упадка.

Как это обычно бывало в ту эпоху, каменный храм должен был служить памятником какому-то выдающемуся событию. На это событие указывало уже само посвящение храма празднику Воздвижения, который по церковному календарю приходился на 14 сентября. Именно в этот день, 14 сентября 1446 года, Василий II был освобожден из заточения в Угличе.

Летом 1450 года развернулись строительные работы и на митрополичьем дворе. Святитель Иона заложил здесь каменную палату, дополненную год спустя церковью Положения ризы Божией Матери. Это редкое посвящение связано было с соответствующим византийским церковным праздником. Император Лев Великий в 469 году поместил во Влахернском монастыре (в пригороде Константинополя) принесенную из Иерусалима ризу и пояс Богородицы. С тех пор эти святыни пользовались величайшим уважением у греков, веривших в то, что они способны уберечь город от врагов.

Из Византии праздник Ризоположения (2 июля) перешел и в древнерусские месяцесловы. Он стал органической частью того истового почитания Божией Матери, которым со времен Андрея Боголюбского отличалась Северо-Восточная Русь. Во Владимире и Новгороде Ризоположенские церкви были устроены как надвратные. Они венчали главные городские ворота. Теперь церковь Ризоположения появилась и в Москве…

Лето 1450 года было богато и грозными знамениями. Люди по-прежнему жили в страхе перед неведомыми бедствиями, перед новыми проявлениями гнева Божьего. 5 августа «бысть туча велика на Москве и гром страшен, и порази церковь камену соборную Архангела Михаила» (20, 75). А через неделю сильная буря сломала крест на том же Архангельском соборе. В этих небывалых ударах стихии по усыпальнице московских князей москвичам чудился какой-то грозный небесный знак…

По-прежнему много тревог приносила Руси степная угроза. Отношения Москвы со Степью превратились в запутанный клубок противоречий и обид. Золотая Орда на глазах распадалась на несколько самостоятельных государств: Казанское ханство,

Крымское ханство, Большая Орда в Нижнем Поволжье. Каждое из них считало именно себя законным наследником Золотой Орды и требовало от Москвы уплаты прежней дани. Великому князю приходилось либо снижать размер дани, делить ее поровну между «наследниками» либо иметь дело с кем-то одним, относясь к прочим как к самозванцам. И в том и в другом случае обиженные степные «цари» и «царевичи» гневались на Москву, мстили ей внезапными набегами. (Вероятно, их подталкивали к этому и внутренние враги Василия II, желавшие ему поражений, позора и плена.) Московские войска вынуждены были все лето стоять на южной границе в ожидании очередной стремительной атаки. На фоне этого тревожного «безнарядья» тихие для Москвы времена всемогущего хана Узбека и смиренномудрого Ивана Калиты могли показаться воистину «золотым веком».

Летом 1450 года Василий Темный был в Коломне. Здесь его и застала весть о приближении татар. На сей раз на Русь шел какой-то «Малымбердей улан и иные с ним князи со многими татары» (19, 123). Ниже Коломны по Оке находились земли, которые Василий II дал своему служилому «царевичу» Кайсыму, сыну Улу-Мухаммеда. Вероятно, именно оттуда и подоспели «свои поганые». По приказу Василия II они соединились с коломенским ополчением и двинулись навстречу степнякам. «На Бетюкове реце в поле» хищники были настигнуты и разбиты. Использование одних татар против других, широко практиковавшееся Василием II, оказалось весьма удачным изобретением.

На следующий год история повторилась. Однако на сей раз развязка оказалась далеко не столь счастливой. В конце июня в Москву пришла весть о том, что татары вновь замыслили набег на русские земли. Летопись называет происхождение этих «скорых татар»: «Того же лета прииде весть к великому князю, что идет на нь изгоном из Седи Ахметевы орды царевич Мазовша» (19, 123). Василий II, как это часто случалось с ним перед лицом опасности, стал действовать с какой-то нервной торопливостью. Он кинулся с небольшим отрядом на юг, к Коломне, «не успев собратися». По дороге он получил новую весть: татары уже подошли к Оке и скоро могут начать переправу. Это известие перепугало Василия, слишком хорошо знавшего, что такое татарский плен. Он остановился и с полдороги повернул назад, в Москву. Все находившиеся с ним силы он отдал под начало коломенского наместника князя Ивана Звенигородского, которому приказано было идти к Оке и попытаться задержать татар на переправе. Однако воевода ослушался приказа и, поддавшись панике, также повернул назад, к Москве.

29 июня, в день памяти апостолов Петра и Павла, Василий

Темный находился в Кремле. На другой день он покинул Москву и вместе со старшим сыном, одиннадцатилетним Иваном, поехал на север, в сторону Волги. Повторялась ситуация 1439 года, когда князь Василий, после краткой вспышки пылкой отваги, бежал из Москвы от нашествия хана Улу-Мухаммеда. Тогда все кончилось пожаром, испепелившим весь московский Кремль…

Свою жену, княгиню Марью Ярославну, «с меньшими детьми» великий князь летом 1451 года отправил в Углич. Оттуда в случае опасности они могли быстро уйти за Волгу. Примечательно то, как Василий Темный стремился «рассредоточить» свою семью в опасной ситуации. Очевидно, он опасался не только татар, но и нового мятежа своих недругов внутри страны.

В Москве полным ходом шли приготовления к осаде. В городе помимо бояр Василий II оставил свою мать Софью Витовтовну, второго сына — Юрия и митрополита Иону. Сидел в осаде и ростовский владыка Ефрем, прибывший в город по каким-то церковным делам.

Между тем татары, подойдя к броду через Оку, некоторое время не могли поверить, что переправа никем не охраняется. Они опасались засады и тщательно осматривали окрестности. С изумлением убедившись в том, что переправа действительно свободна, Мазовша повел свою орду в глубь московских земель. В пятницу, 2 июля 1451 года татары обступили Москву. Горожане истово молились Божией Матери: наступил праздник Ризоположения, и многие верили, что именно заступничество Богородицы снова спасет Москву от татар.

В суматохе москвичи не успели вовремя сжечь все деревянные постройки вокруг Кремля. Обычно это делалось для того, чтобы нападавшие не имели подручных средств для штурма крепости. Бревна, доски, жерди — все это использовалось осаждавшими как для прикрытия от стрел осажденных, так и для устройства «примета» — длинных лестниц и приспособлений, по которым можно было вскарабкаться на высоту крепостных стен. Очевидно, москвичи спохватились и подожгли городской посад лишь в последний момент, когда татары подошли к городу. Впрочем, это могли сделать и татары, грабившие брошенные дома. Уже много дней стояла жара, и деревянные дома вспыхнули как свечки. Окрестности Кремля превратились в адское пекло. От летящих искр загорались и постройки внутри крепости.

«Царевич» приказал своим воинам начать штурм. Но успеха татары не добились. Когда пожар затих, москвичи начали делать внезапные вылазки из крепости и теснить «поганых». Спустившиеся сумерки положили конец столкновениям.

Воспользовавшись затишьем, москвичи «начаша пристрой градной готовити… противу безбожных, пушки, и пищали, самострелы, и оружиа, и щиты, луки и стрелы, еже подобает к брани на противныя» (19, 124). Однако на следующее утро оказалось, что татар уже нет. Ночью они ушли из-под стен Москвы так же стремительно, как и появились.

Озадаченный отсутствием русских войск у брода, Мазовша сильно опасался засады и внезапного появления русских войск у себя в тылу. Некоторые летописи говорят, что его спугнул шум в крепости: «царевич» подумал, будто в город прибыли свежие войска во главе с самим великим князем (29, 155). В. Н. Татищев сообщает другую версию: татары захватили двух митрополичьих холопов, и те не сговариваясь стали уверять татар, что великий князь вот-вот должен подойти к Москве с большими силами. Поверив пленным, «царевич» приказал спешно уходить на юг. К тому же его орда и так уже была перегружена русским «полоном». Теперь татарам важно было уйти с добычей подобру-поздорову.

Все эти рациональные объяснения, конечно, не устраивали придворного московского летописца. По его мнению, татары «побегоша гоними гневом Божиим, и молитвами пречистыя Матери Его, и великих чюдотворец молением и всех святых» (19,124).

Княгиня Софья Витовтовна отправила скорого гонца вслед Василию Темному. Великий князь, призрак которого так испугал татар Мазовши, в это утро, спасаясь от другого призрака — татарской погони, спешно переправлялся через Волгу близ устья речки Дубны…

В четверг 8 июля Слепой возвратился в столицу. Будний день свидетельствует о том, что торжественной встречи и всеобщего ликования не предвиделось. Нашествие татар завершилось сверх ожиданий благополучно. Однако никакой заслуги самого Василия II в этом не было. Потому Василий хотел задобрить народ и бояр: погорельцам обещана была помощь, а для всей московской знати устроен пир. Вскоре митрополит Иона освятил свою домовую церковь во имя Ризоположения — праздника, который теперь напоминал не только о византийских святынях, но и о чудесном спасении Москвы от татар Мазовши (101, 369).

Заботы Василия Темного обычно носили сезонный характер. Летом он воевал с татарами, а зимой — с Дмитрием Шемякой. Так было и на сей раз. Едва успели забыться «скорые татары» Мазовши, как настало время собирать полки против Галичанина. Тому набило оскомину бесплодное сидение в Новгороде на неопределенном положении гостя-изгнанника. Время шло — и

вместе с днями таяли и надежды на победу. Мятежнику необходимо было срочно что-то предпринять. Еще летом 1450 года он вновь отправился покорять Север, оставив в Новгороде жену и сына (23, 193). (Здесь в летописи вновь хронологическая головоломка: точная дата — 21 марта, «в неделю по Зборе», указывает на 1451 год. Однако весь ход событий свидетельствует о том, что это было летом 1450 года. Да и не таков был Дмитрий Шемяка, чтобы целый год сидеть без дела в Новгороде после поражения под Галичем.)

Существует мнение, согласно которому галицкие князья имели поддержку в вологодско-костромском Заволжье благодаря своим свободолюбивым убеждениям, созвучным настроениям жителей этого края (83, 202). Источники не позволяют судить о том, насколько мировоззрение северян отличалось от мировоззрения обитателей Окско-Волжского междуречья. Можно спорить и относительно того, какие социальные взгляды имел Дмитрий Шемяка и имел ли он их вообще. Однако очевидно другое: Север уже в силу своих природных условий и слабой заселенности был малодоступен контролю московской администрации. Здесь издавна ощущалось сильное влияние Новгорода, существовали разные формы совместного московско-новгородского управления, переплетавшиеся с прерогативами местных удельных князей из ростовского и ярославского домов.

Можно предположить, что преобладавшее на Севере промысловое хозяйство формировало у людей и особую систему ценностей, для которой были характерны такие черты, как самостоятельность, предприимчивость, независимость. Вместе с тем промысловое хозяйство требовало значительной кооперации и, как правило, носило артельный характер. Своеволие здесь никогда не относили к числу добродетелей. Организаторами смелых предприятий выступали как местные, так и новгородские боярские кланы, скованные железной дисциплиной родовой иерархии. Дмитрий Шемяка и по происхождению, и по воспитанию был весьма далек от этого жизненного уклада. В своей борьбе с Василием Темным он использовал Север как источник для пополнения своих войск и своей казны. Кроме того, это был удобный плацдарм для нападений на густонаселенные районы Окско-Волжского междуречья. Здесь в случае неудачи легко было затеряться и оторваться от преследователей. Наконец, в богатом пушниной крае можно было наживаться путем своего рода пиратства: грабежа купеческих складов и обозов.

Столицей промыслового русского Севера был Великий Устюг. Город представлял собой огромное хранилище всякого добра, собранного в бассейне Сухоны, Вычегды и Северной Двины. В XIII

веке Устюг находился под властью ростовских князей, а уже в середине XIV века перешел под контроль Москвы. У галицких князей были старые счеты с устюжанами, которые в 1435 году устроили заговор против Василия Косого. Но главное достоинство Устюга состояло в том, что он в силу своего положения мог стать удобной «точкой опоры» для борьбы за Галич. Конечно, еще более удобным плацдармом была бы Вологда. Однако в 1450 году этот город был Шемяке уже явно «не по зубам». Оставался Великий Устюг. Туда и направил свои таявшие силы галицкий мятежник.

Летом 1450 года в Москве узнали о том, что Дмитрий Шемяка захватывает волости к северу от Сухоны и готовится к нападению на Устюг. 29 июня 1450 года он без боя вошел в Устюг и учинил там расправу над сторонниками Василия II — «метал их в Сухону реку, вяжучи камение великое на шею им» (37,89). Обосновавшись в Устюге, Галичанин оттуда совершил набег на Вологду и, не взяв города, разграбил окрестности. Среди прочих бесчинств он в ярости приказал арестовать попавшегося ему на пути пермского епископа Питирима — сторонника Василия Темного и крестного отца наследника московского престола княжича Ивана (83, 150).

Столь вызывающих действий Галичанина великий князь стерпеть не мог. Однако нашествие татар Мазовши отсрочило северный поход. Только в конце 1451 года Василий приступил к делу. Не слишком полагаясь на своих воевод, он и на сей раз сам встал во главе войск. Разумеется, его сопровождал старший сын и соправитель — одиннадцатилетний княжич Иван.

(Можно только догадываться о том, каких значительных расходов требовал от Василия Темного каждый новый поход против Дмитрия Шемяки. А между тем московская казна была опустошена Галичанином еще в 1446 году и с тех пор пополнялась весьма скудно. Для решения финансовой проблемы Слепой вынужден был идти на довольно сомнительные меры. В частности, он запрещал крупным вотчинникам принимать крестьян, ушедших из великокняжеского домена. Но одновременно Василий предоставлял многим из них (особенно монастырям, в поддержке которых он сильно нуждался) всевозможные податные льготы. Другим способом экономии было снижение веса московской монеты, которая с начала 40-х годов и до кончины Слепого полегчала почти в два раза (156, 316).)

Рождество Христово Иван встречал в Москве. Но уже 1 января 1452 года, на «Васильев день», отец и сын выступили в дорогу. Праздник Крещения (6 января) они встречали в Троицком монастыре, где игумен Мартиниан усердно помолился о даровании великому князю победы над супостатом. Далее через

Переяславль и Ростов московское войско направилось к Ярославлю. Здесь решено было разделить силы. Один отряд, в состав которого входили полки князя Василия Ярославича Серпуховского, а также московских бояр Семена Ивановича Оболенского и Федора Басенка, направился дальше на север. Его конечной целью был осажденный Шемякой Устюг. С этим отрядом пошел и княжич Иван.

(Летописи, а вслед за ними и историки, сильно противоречат друг другу в описании действий Шемяки на Севере в 1450–1452 годах. Предпочтение следует отдать известиям Устюжского летописца, основанным на местных источниках.)

Сам Василий Темный с другой частью войска занял стратегически важную позицию в Костроме. Отсюда он имел возможность быстро подойти к Галичу, куда мог погнать своих коней стремительный в передвижениях Шемяка. Другой путь из Костромы шел по замерзшему руслу Обноры на север, в Вологду.

В Костроме к Василию Темному явился служилый татарский царевич Ягуп, сын Улу-Мухаммеда. Ему велено было идти на север, к Устюгу, и поступить под начало княжича Ивана.

Приближение московской рати спугнуло Шемяку. Сражаться с такими значительными силами его отряд не мог. В досаде князь приказал сжечь городской посад. Уходя от московских войск, он оставил на Устюге своего наместника Ивана Киселева (37, 89).

Не задерживаясь для штурма Устюга, московское войско устремилось вслед за Шемякой. Однако Галичанин вновь оказался неуловимым. Он легко ушел от московских воевод. Им оставалось только разорять округу и жестоко карать тех, кого можно было заподозрить в содействии мятежнику. Предполагали, что Шемяка находил поддержку у лесных людей, обитавших к северо-западу от Устюга, в бассейне реки Кокшеньги. Этих несчастных решено было примерно наказать. Роль карателей как нельзя лучше могли сыграть привычные к этому делу татары из отряда «царевича» Ягупа. Руководство всей операцией поручено было княжичу Ивану, которому только что исполнилось 12 лет. Конечно, Слепой знал, что делал. Он думал о будущем. Наследник подрастал, и его нужно было научить жестокости — этому важнейшему инструменту власти.

«Князь великий Иван да царевич с ним шед на Кокшенгу и градки (городки. — *Н. Б.*) их поимаша, а землю ту всю плениша и в полон поведоша; а ходиша до Усть-Ваги и до Осинова поля и оттоле възвратишася назад все здравы со многим пленом и корыстию» (20, 77).

Заметим, что сам по себе зимний рейд Ивана был весьма тяжелым делом. От Устюга до устья реки Ваги по прямой — около

300 километров. По замерзшим же извилистым рекам и волокам войску потребовалось пройти не менее 500 верст в одну сторону.

Вернувшись из устюжского похода весной 1452 года, князь Василий решил, что настало время женить сына. Как мы помним, невеста — княжна Марья Борисовна Тверская — была обручена с Иваном еще в начале 1447 года, когда Василий Темный искал союза с ее отцом, тверским князем Борисом Александровичем.

По обычаям того времени княжескую свадьбу праздновали дважды: первый раз у родителей невесты, а второй — у родителей жениха. В Твери праздновали 27 мая («канун Троицыну дни») (21, 495). Вероятно, торжества продолжались и на саму Троицу, которая в том году пришлась на 28 мая. Однако сам обряд венчания должен был, конечно, состояться в Успенском соборе московского Кремля. Из Твери гости отправилась в Москву.

В Москве великокняжеская свадьба была назначена на воскресенье, 4 июня 1452 года (25, 208; 29, 155). В церковном календаре этот день — первое воскресенье после Троицы — именовался «Неделей всех святых». Предшествующая ему седмица была «сплошной», то есть праздничной. Царские врата в храмах были открыты и ежедневно совершались крестные ходы. По случаю всеобщего ликования отменялись посты в среду и пятницу. Словом, это было лучшее время для торжеств, связанных с бракосочетанием наследника московского престола. На следующий день после свадьбы, в понедельник, уже начинался Петров пост, продолжавшийся до дня памяти апостолов Петра и Павла (29 июня). В более поздние времена Церковь не разрешала венчать в «заговенье», то есть канун поста. Однако в XIV–XV веках это правило еще не имело обязательной силы.

По свидетельству Софийской Первой летописи, венчал державную чету архимандрит Спасского монастыря в московском Кремле Трифон (в недавнем прошлом — кирилловский игумен, освободивший Василия II от присяги Дмитрию Шемяке в конце 1446 года) и протопоп Успенского собора Кирьяк. Из этого следует, что ко дню свадьбы в Москву еще не вернулся митрополит Иона, отправившийся зимой 1450/51 года в Литву. (Иначе святитель, конечно, сам венчал бы этот брак.) Тамошние православные иерархи по распоряжению польского короля и великого князя Литовского Казимира поначалу признали Иону своим духовным главой. Лишь позже, в середине 1458 года, Литва обрела собственного митрополита — некоего Григория, ученика и протодьякона изгнанного из Москвы в 1441 году митрополита-униата Исидора. С этого времени церковное единство между Северо-Восточной и Юго-Западной Русью окончательно

распадается.

Через два месяца после свадьбы Ивана в княжеской семье праздновали еще одно радостное событие. 1 августа (по другим данным — 8 августа) 1452 года появился на свет еще один сын Василия Темного и Марии Ярославны — княжич Андрей Меньшой (27, 262). Как и его тезка, Андрей Большой, он был назван в честь святого Андрея Стратилата, память которого совершалась 19 августа.

Вскоре, однако, тревожная весть прилетела из Тверской земли. В воскресенье 10 сентября 1452 года Дмитрий Шемяка «пришел на Кашин город изгоном, города не взял, а посади пожегл» (21,495). Это была месть Борису Тверскому за дружбу с Василием Темным. Однако мужественное сопротивление тверских наместников обратило нападавших в бегство (12, 330). В погоню за Шемякой тверской князь послал большое войско, от которого Галичанин скрылся где-то «в пустых и непроходимых местех» (12, 332). Зимой 1452/53 года он вернулся в Новгород и обосновался в княжеской резиденции на Городище (23, 193). Тщетно митрополит Иона писал грозные послания новгородскому владыке Евфимию II (1429–1458) с требованием признать великим князем Василия Темного и «ни пити, ни ести» с отлученным от церкви Дмитрием Шемякой (44, 201). Новгородские «золотые пояса» считали полезным для себя оказывать покровительство мятежнику и тем затягивать московскую смуту как можно дольше.

Год 1453-й поначалу приносил великокняжескому семейству одни беды. 9 апреля полыхнул страшный пожар, испепеливший весь московский Кремль. Впрочем, к пожарам в Москве уже почти привыкли. Ярче запомнилось княжичу Ивану другое, семейное несчастье. 5 июля скончалась, приняв схиму, старая княгиня Софья Витовтовна (27, 262; 29, 155; 31, 273).

Примерно за год до кончины Софья составила завещание, текст которого с некоторыми утратами сохранился до наших дней. Княгиня предстает в этом документе как рачительная хозяйка, владелица многих сел и деревень, часть которых она «прикупила» уже после кончины мужа. При распределении наследства между внуками Софья явно отдала предпочтение своему любимцу Юрию. Ивану бабушка оставила «святую икону Пречистую Богородицю с пеленою» и несколько сел во Владимирской земле (6, 176).

Софью похоронили в кремлевском Вознесенском монастыре — традиционной усыпальнице женской половины московского княжеского дома. Княгине было уже не менее 80 лет. Московские летописцы не нашли теплых слов, чтобы помянуть ее, и даже

сильно путались в дате ее кончины. Но словно тонкий луч света, ненароком высветивший из мрака забвения живые черты старой княгини, — известие Софийской Первой летописи о том, что перед кончиной она приняла монашеский постриг, взяв при этом новое имя — Синклитикия (17, 271). Это странное и редкое имя (в переводе с греческого означающее «сенаторша») было избрано Софьей не случайно. Память святой мученицы Синклитикии в месяцесловах того времени приурочена к 24 октября (139, 329). Едва ли это был день ее пострига. 24 октября 1452 года — будний день, вторник. Да и сам контекст летописных известий заставляет думать, что постриг был совершен незадолго до кончины княгини. Вряд ли имя было выбрано и «по принципу первой буквы», повторявшей первую букву мирского имени. Вблизи 5 июля в месяцеслове есть и более благозвучные имена: Серафима, Соломония, Сусанна. Скорее всего, Софья ощущала какую-то особую, мистическую связь с мученицей Синклитикией, считала ее своей небесной покровительницей. Основанием для такой связи послужили некоторые календарные совпадения, отмеченные летописями. В этот день, 24 октября 1392 года, муж Софьи, великий князь Василий Дмитриевич вернулся в Москву из Орды (31, 219). Путешествие это было весьма опасным уже потому, что за несколько лет перед тем Василий бежал из ордынского плена, обманув того самого «царя» Тохтамыша, к которому он теперь ехал с поклоном. У молодой жены Василия Софьи, которая вынашивала тогда своего первого ребенка, было немало шансов остаться вдовой. Однако все завершилось как нельзя лучше. Василий вернулся живым, здоровым и даже с ярлыком на Нижний Новгород. Летописцы говорят, что в этой поездке он «толику же честь прият от царя, яко же ни един от прежних великых князей» (31, 219). В этот незабываемый день, когда Софья смогла, наконец, обнять вернувшегося домой мужа, когда «бысть радость велика в Рустеи земли», Церковь вспоминала святую мученицу Синклитикию (31, 220). Могла ли обрадованная княгиня оставить это обстоятельство без внимания?

В этот же день (но уже полвека спустя) Софье суждено было пережить еще одну незабываемую радость. Из летописей известно, что 25 октября 1445 года она встретила в Переяславле своего незадачливого сына Василия II, вернувшегося из ордынского плена (29, 152; 30, 183). Вероятно, княгиня и двор по обычаю выехали навстречу государю днем ранее. Таким образом, Софья обняла избежавшего смертельной опасности сына именно в день памяти святой Синклитикии, 24 октября. Воспоминания об этих двух счастливейших днях своей жизни старая княгиня и запечатлела в своем предсмертном монашеском имени. Значит, и

этой надменной правительнице, умевшей держать в узде едва ли не всю Северо-Восточную Русь, ведомы были горячие слезы любви и нежности…

Летом 1453 года в Москве узнали о падении Константинополя (29 мая 1453 года) и гибели от рук турок последнего византийского императора Константина Палеолога. Эта новость взволновала в основном книжников, занятых выяснением таинственных путей Провидения, и дипломатов, предвидевших перемены в системе международных отношений. В летописи внесена была обстоятельная повесть о падении Царьграда, написанная каким-то русским очевидцем трагедии. Однако простой народ к падению Византии остался равнодушен. Гораздо сильнее москвичей всколыхнула другая новость: 17 июля в Новгороде скончался князь Дмитрий Шемяка. Об этом событии много толковали по всему городу. Но более всего оно взволновало Кремль. Здесь не могли скрыть радости по случаю избавления от неистового Галичанина…

В понедельник 23 июля Василий Темный слушал вечерню в московской церкви Бориса и Глеба, «что на рву». На следующий день, 24 июля, Церковь вспоминала блаженных страстотерпцев князей Бориса и Глеба. Наемные убийцы были подосланы к ним их сводным братом Святополком. Эта известная всем история приобрела неожиданно актуальное звучание. Вот что сообщает летопись о той зловещей вечерне у Бориса и Глеба: «Того же лета, месяца июля в 23 день, о Шемякине кончине прииде весть к великому князю из Новагорода, на вечерни у великих мученик Бориса и Глеба на Москве на рве, что князь Дмитрей Шемяка умре напрасно (внезапно. — *Н. Б.*) в Новегороде и положен в Юрьеве монастыре; а пригонил с тою вестью подиачей Василей Беда, а оттоле бысть диак» (20, 109).

Так выглядит сообщение в редакции Никоновской летописи, составленной в 1520-е годы при дворе митрополита Даниила. Нескрываемый сарказм содержится в сообщении летописца о том, что вестник гибели Шемяки с «говорящим» прозвищем «Беда» получил служебное повышение от Василия Темного за принесенную им в общем-то печальную новость. Но куда более сильный, хотя и скрытый от непосвященных сарказм таится в указании на то, что великий князь получил эту весть, находясь на вечерне в церкви Бориса и Глеба, накануне праздника этих святых, когда в храме читалось их житие и похвала. Понять всю трагическую глубину этого как бы мельком оброненного замечания позволяют те источники, которые проливают свет на обстоятельства кончины Дмитрия Шемяки.

Несмотря на то что официальные московские летописи времен Ивана III не могли прямо осуждать отца правящего государя, в них все же постоянно ощущается неприязнь к Василию Темному. Она особенно ощутима в тех памятниках летописания, которые можно назвать «независимыми». Одна традиция независимого летописания, восходящая к своенравным старцам Кирилло-Белозерского монастыря, отразилась в Ермолинской летописи, связанной с семейством жившего во времена Ивана III московского купца и строителя В. Д. Ермолина. Полагают, что к работе над «кирилловским» летописцем был причастен и доживавший свой век в монастыре опальный московский воевода Федор Басенок. «Ермолинский» редактор насытил летопись известиями о строительной деятельности В. Д. Ермолина, а «кирилловский» — ненавистью к жестоким и неблагодарным московским князьям (115, 162). Есть в этой замечательной летописи и уникальные подробности смерти Дмитрия Шемяки:

«Того же лета в Новеграде Великом преставися князь Дмитреи Юрьевич Шемяка; людская молва говорят, что будето сь отравы умерл, а привозил с Москвы Стефан Бородатый дьяк к Исаку к посаднику к Богородицкому (Борецкому. — *Н. Б.*), а Исак деи подкупил княжа Дмитреева повара, именем Поганка, тъи же дасть ему зелие в куряти. И пригна с вестью на Москву к великому князю Василеи Беда подьячеи; князь же велики пожаловал его дьячеством, и прорекоша ему людие мнози, яко не на долго будеть времени его, и по мале сбыться ему» (29, 155).

Несколько иначе, но с тем же осуждением московского коварства, рассказывает о гибели Шемяки Львовская летопись, отразившая еще один памятник независимого летописания. Этот памятник 80-х годов XV века некоторые исследователи считают плодом творчества кого-то из клириков московского Успенского собора и называют «Успенским летописцем» (98, 309; 101, 357). «Того же лета посла великий князь Стефана Бородатого в Новгород с смертным зелием уморити князя Дмитрея. Он же приеха в Новгород к боярину княжо Дмитрееву Ивану Нотову (в другом списке той же летописи — Ивану Котову. — *Н. Б.*), поведа ему речь великого князя; он же обещася, якоже глаголеть Давид: ядый хлеб мой възвеличи на мя лесть; призва повара на сей совет. Бысть же князю Дмитрею по обычью въсхоте ясти о полудни и повеле себе едино куря доспети. Они же оканнии смертным зелием доспеша его и принесоша его пред князь; и яде не ведый мысли их; не случи же ся никому дати его. Ту же разболеся, и лежа 12 дней преставися; и положен бысть в церкви святаго мученика Егория в Новегороде» (27, 262).

Итак, современники не сомневались в том, что Шемяка был

отравлен по приказу своего московского кузена. Летописцы явно намекали и на то, что Василий Темный, совершив это преступление, уподобился древнему Святополку Окаянному. Только так можно истолковать уникальное по своему характеру сообщение о том, где именно (в церкви Бориса и Глеба) Василий Темный получил долгожданную весть.

Возможно, это было не первое преступление такого рода на совести Слепого. Ходили слухи, что по его приказу в 1451 году был отравлен выехавший на Русь литовский князь Михаил Сигизмундович (83, 146).

Вызывает удивление поразительная осведомленность летописцев о подробностях расправы: они знают, кто привез яд, кому передал и как яд попал на стол князя Дмитрия. Такие вещи мог назвать либо человек, очень близко стоявший к трону Василия II и посвященный в дворцовые тайны, либо клеветник, желавший точными деталями придать вид достоверности своей клевете. Первое более вероятно. Таким человеком мог быть тот же Федор Басенок, позднее на собственном горьком опыте познавший коварство московского двора. (В 1463 года он был по неизвестной причине взят под стражу, ослеплен и позднее отправлен в ссылку в Кирилло-Белозерский монастырь.) Возможно, этот опыт и побудил его к откровенным воспоминаниям в присутствии какого-то памятливого кирилловского книжника. (Впрочем, не исключается и другое объяснение этой загадки. За те 12 дней, которые Шемяка боролся со смертью, он успел произвести собственное расследование и установить истинную причину своей болезни. Все это, разумеется, стало широко известно.)

«Не радуйся, когда упадет враг твой, и да не веселится сердце твое, когда он споткнется» (Притч. 24:17). Василий Темный пренебрег этим мудрым советом. Возвышением подьячего Беды он показал всем свое ликование по случаю кончины брата. Позднее этот дьяк стал доверенным лицом князя, составителем его завещания.

Но были вещи и более впечатляющие, нежели стремительная карьера зловещего дьяка Беды. По указанию Василия Темного митрополит Иона запретил поминать Дмитрия Шемяку наряду с другими усопшими членами московского княжеского дома. Слепой решил свести счеты не только с живым, но и с мертвым врагом, лишив его душу спасительной заупокойной молитвы. Такая изощренная жестокость вызвала всеобщее возмущение. Смелее других оказался игумен Пафнутий Боровский. Он отказался выполнять распоряжение митрополита. Вот что рассказывает об этом анонимный автор ответа на послание

Иосифа Волоцкого Ивану Ивановичу Третьякову. (Само послание датируется декабрем 1510 — январем 1511 года (39, 268).)

«То, господине, было промежу великих государей негодование великому князю Василью Васильевичю с князем Дмитреем с Шемякой. И Дмитрея Шемяку Бог убил своим копием за его неправду. И митрополит Иона положил на него и по смерти негодование, не велел его поминати. И Пафнотей, господине, старец о том сопрелся (вступил в спор. — *Н. Б.*) и не послушал Ионы митрополита, в монастыре у Пречистыя (боровском Рождественском монастыре. — *Н. Б.*) по Шемяке учял служити. А митрополит Иона о том брань положил на Пафнотья и по него послал, и на Москву его свел, и великую вражду на него положил, и в темницу послал. И Пафнотей, господине, того не устрашился, и митрополиту Ионе о том не повиновался, да о том с ним сопрелся… И о сем, господине, Иона митрополит смирился и сам пред Пафнотием повинился и мир дав ему и дарова его и отпусти его с миром о Христе Исусе. И Пафнотей до конца поминовал князя Дмитрея» (39, 365–366).

Эта странная история еще раз убеждает в том, сколь призрачны и схематичны наши знания о времени Ивана III. Провинциальный игумен осмелился вступить в спор с самим митрополитом и стоявшим за ним великим князем — и вышел из этой тяжбы победителем! Все это можно объяснить лишь тем, что и на великокняжеском, и на митрополичьем дворе явно побаивались скованного незримыми узами корпоративной солидарности монашеского мира, не желали раздражать его гонениями. К тому же за спиной разгневанного старца-пустынника всегда стоял Тот, кто говорил: «Мне отмщение, Я воздам…» (Рим. 12, 19). Любое несчастье, случившееся после ссоры со старцем (общественное, семейное или личное), наводило на мысль о разгоревшемся Гневе Божием. И провинившийся спешил принести покаяние.

Месть Слепого своему мятежному кузену была свирепой. Она заставляла вспомнить грозное предостережение апостола: «А кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме, и во тьме ходит, и не знает, куда идет, потому что тьма ослепила ему глаза» (1 Ин.2: 11). Но у правителя всегда найдутся оправдания на упреки совести. Правда Власти и правда Нового Завета говорят на разных языках. Загнанный в новгородский капкан Шемяка вызывает сочувствие, ибо «таинственный инстинкт всегда заставляет нас принимать сторону преследуемых» (136, 133). Однако этим убийством Василий разом прекратил многолетнюю смуту, которая, словно кровоточащая рана, истощала силы Московской Руси. К тому же мятежный Галичанин был далеко не рыцарь без

страха и упрека. В 1433 году он собственноручно убил боярина Морозова, в 1445 году в нарушение всех клятв просил у хана великое княжение, а в 1446 году приказал ослепить Василия II и едва не утопил в Волге его сыновей. Однажды в Вологде Шемяка велел сбросить с моста смело обличавшего его игумена Григория Пелыемского. Список Шемякиных злодеяний мог бы быть очень длинным. Вопрос о средствах к достижению своих целей был для Галичанина столь же праздным, как и для Василия Темного. Популярность князя Дмитрия имела главным образом «отрицательный» характер: его поддерживали все те, кто ненавидел Слепого. А таких было немало. Но по своим моральным качествам эти два столь разных человека недалеко ушли друг от друга. И если верить в геенну огненную — то оба они имели шанс еще раз встретиться там…

Однако Василий II, при всех его недостатках, имел одно неоспоримое достоинство. Как правитель он олицетворял Порядок. За спиной же мятежного Галичанина вставал темный хаос…

Отстаивая свою «правду», Юрий Звенигородский и его сыновья втянули Северо-Восточную Русь в длительную усобицу, последствия которой оказались ужасными. Вот что говорит об этом историк А. Е. Пресняков: «Смертью Шемяки завершилась кровавая московская драма с ее ожесточенной усобицей, ослеплениями, отравлением, предательствами и насилиями. Это была не великая Смута начала XVII века, она не захватила народные массы, не разрушала сложившихся устоев общественной жизни. Но традиционный политический строй Великороссии, обычный уклад ее междукняжеских отношений вышел из нее разбитым и поруганным. Захваты чужих владений, вынужденные „пожалования“, торг волостями и крестоцеловальной верностью, кровавые и жестокие расправы, непрерывные интриги князей и бояр и даже гостей-суконников или старцев иноков, предававших во вражеские руки своего великого князя, татарские симпатии и союзы этого великого князя — все это прошло в жизни русского общества как крушение обычного уклада отношений и воззрений. Удельно-вотчинный строй оказался разрушенным, подорванным и морально оплеванным. Разбита московская княжеская семья. Сошли со сцены и дяди Василия Васильевича, и его двоюродные братья. Из удельных вотчичей Московского княжества уцелели только Андреевичи Иван и Михаил, да Василий Ярославич, внук Владимира Андреевича. Борьба со смутой и стремление вырвать на будущее время ее возможные корни переходит для великокняжеской власти в стремление „добыть вотчин своих

недругов“. Ее ликвидация непосредственно связана с органической работой этой власти над перестройкой великорусского великого княжения в Московское государство на началах вотчинного единодержавия» (132, 407).

Часть 2
НАСЛЕДНИК

ГЛАВА 4 Исцеление

Если государь окружен знатью, которая почитает себя ему равной, он не может ни приказывать, не иметь независимый образ действий.

Никколо Макиавелли

Не исцеляйте зла злом…

Василий Великий

В последние десять лет жизни Василия II княжич Иван постоянно находился рядом с отцом, участвовал во всех его делах и походах. Однако источники не позволяют вывести Ивана из тени отца. Единственный способ выяснить значение этих лет в жизни нашего героя — внимательно рассмотреть деяния Слепого, которые служили быстро взрослевшему Ивану первыми уроками искусства верховной власти.

Кончина Дмитрия Шемяки открывает новый период в княжении Василия Темного. Последние девять лет своей жизни он уже совсем не тот, что прежде. На эту перемену в поведении Слепого обратил внимание еще Н. М. Карамзин: «Как бы ободренный смертию опасного злодея, он начал действовать гораздо смелее и решительнее в пользу единовластия» (89, 138).

Князь Дмитрий как соперник был для Василия на порядок опаснее, чем все прочие недруги. В сущности, он всегда побаивался Галичанина, от которого веяло какой-то первобытной, звериной силой. Другого своего старого врага, князя Ивана Андреевича Можайского, Василий попросту презирал. Теперь, когда Галичанин навеки успокоился в своем каменном саркофаге в новгородском Юрьеве монастыре, настало время рассчитаться со всегдашним перебежчиком и хитрецом князем Иваном. Поводом для войны, по-видимому, послужила история с боярином Ивана Можайского Никитой Константиновичем Добрынским. Согласно тогдашним нормам великий князь не имел права арестовывать бояр, служивших в уделах. Однако, невзирая на это, Василий Темный распорядился схватить Добрынского за какую-то провинность. Надзор за пленником Слепой поручил своему дьяку Алексею Попову. Но тот не только выпустил Добрынского из заточения, но и бежал вместе с ним в Можайск (46, 528). Старинный родословец, сохранивший эту

историю, не сообщает дату и опускает подробности дела. Однако их легко угадать. Взбешенный Василий II потребовал у Ивана выдать беглецов. Можайский князь отказался. И тогда Слепой двинул на Можайск свою многотысячную рать. Из летописей известно, что это произошло в 1454 году. Не имея сил для сопротивления, князь Иван со всем семейством и двором бежал в Литву, «королю служити» (29,155). Вместе с ним ушел и Никита Добрынский с детьми. Лишь злополучный дьяк Алексей Попов не захотел отправляться в изгнание. Рискуя головой, он вернулся в Москву и бросился в ноги митрополиту Ионе с просьбой о заступничестве перед великим князем. «А воротился того для, что вотчина у него велика, а жена его была в то время в вотчине. А вотчину его и животы князь велики на себя взял, а жену его и сына Михаила поймал». История беглого дьяка имела счастливый конец. Василий Темный «дал того Алексеа и сына его Михаила, и с вотчиною, и со всем его животом в дом Пречистыа Богородици и великим чюдотворцем Петру и Алексею, и Ионе, митрополиту всеа Руси» (46, 528). Однако служить где-либо, кроме митрополичьего двора, всему опальному семейству отныне воспрещалось.

Великий князь захватил Можайск и посадил здесь своих наместников. Таким образом, можайский удел был ликвидирован. Не имея нужды в жестокости, Василий милостиво обошелся с местными жителями, надеясь увидеть в них своих верных подданных.

Летописец никак не комментирует изгнание Ивана Можайского. Однако вслед за рассказом о можайском походе Василия Темного следует сообщение о грозном знамении в Москве: «Того же лета, августа 31, гром страшен бысть, и порази на Москве церковь камену Рожество Богородици, иже имать приделану к ней церковь Лазарь святый» (19,144). В этом соседстве двух столь различных, на первый взгляд, известий угадывается определенный умысел. Рождественская церковь в московском Кремле была построена в 1393 году вдовой Дмитрия Донского княгиней Евдокией. Она служила своего рода памятником Дмитрию Донскому и Куликовской битве. Эта церковь принадлежала к числу любимейших храмов московской княжеской семьи. Очевидно, летописец придавал особый смысл тому, что в княжение Василия II кремлевские храмы навлекали на себя удары с небес. В августе 1450 года сначала молния ударила в кремлевский Архангельский собор, а через несколько дней буря сломала на нем крест (19, 123). Теперь огненная стрела ударила в Рождественскую церковь. Это случилось в один из Богородичных праздников — день Положения честного пояса Пресвятой

Богородицы в Халкопратии. Все это можно было понять только как проявление Божьего гнева, вызванного преступлениями князя Василия.

В Московской Руси дела государственные тесно переплетались с церковными. Следуя примеру преподобного Сергия Радонежского, лучшие люди Русской Церкви смело вступали в спор с власть имущими. И чем больше зла совершали правители, тем чаще на их пути становились неподкупные хранители вечной правды Евангелия. Не избежал такого рода столкновений и Василий Темный. Летом 1454 года он ездил в Троицкий монастырь для объяснений со своим духовником, игуменом Мартинианом Белозерским. Этот яркий представитель «заволжских старцев» в 1446–1447 годах решительно поддержал Василия в борьбе с Дмитрием Шемякой. Однако после победы Слепого он не захотел быть его послушным слугой. Житие преподобного сообщает: однажды игумен дал гарантии неприкосновенности одному сбежавшему из Москвы в Тверь боярину, которого великий князь непременно хотел заполучить обратно. Поверив Мартиниану, боярин вернулся и тут же был брошен в темницу. Узнав об этом, игумен немедля отправился в Москву. Явившись во дворец, он объявил, что отныне лишает Василия своего благословения. Великий князь велел освободить боярина и сам отправился в Троицу, чтобы испросить прощения у старца.

Житие Мартиниана Белозерского не сообщает точной даты этого происшествия. Да и финал его, кажется, в действительности был несколько иным. Наблюдения над жалованными грамотами Троицкому монастырю показывают, что после 3 июля 1453 года Василий Темный перестает называть в своих грамотах троицкого игумена по имени. В этом явно проявляется его недовольство Мартинианом. Примечательно, что охлаждение отношений между Василием II и его духовником наблюдается с тех самых пор, как в Москве узнали об отравлении Дмитрия Шемяки. По-видимому, Мартиниан осудил это злодеяние и назначил Василию строгую епитимью. Это и послужило главной причиной его удаления. История с беглым боярином, случившаяся весной или летом 1454 года, стала последней каплей, переполнившей чашу. (Согласно тексту жития, преподобный был игуменом в Троице около восьми лет (1447–1455). На деле это могли быть и семь с половиной лет, превратившиеся в восемь в результате наложения различных календарных систем.) Ужесточая борьбу за единовластие и принимаясь в связи с этим за своих прежних друзей и союзников, Василий Темный хотел иметь троицким игуменом и своим духовным отцом человека более сговорчивого и гибкого, нежели

Мартиниан. К тому же старец и сам тяготился своей высокой должностью, мечтал о возвращении в молчаливые северные леса. В период между 3 марта и 22 сентября 1454 года он оставил Маковец и ушел обратно в Ферапонтов монастырь (138, 56). На его место был назначен троицкий старец Вассиан Рыло, позднее ставший ростовским владыкой. Понятно, что такой важный акт, как смена троицкого игумена, требовал присутствия на Маковце самого великого князя и его старшего сына Ивана. С этой целью они и совершили поездку на Маковец летом 1454 года, прямого упоминания о которой источники не сохранили.

Лето 1454 года отмечено было для Василия и Ивана не только церковными делами, но и опасным набегом татар из Волжской Орды, во главе которой стоял тогда хан Седи-Ахмат (Сейид-Ахмет). Предводительствовал отрядом «Салтан царевич сын Сиди Ахметьев» (27, 262). Грабители переправились через Оку ниже Коломны. Коломенский наместник Иван Васильевич Ощера замешкался (или оробел перед множеством врагов) и позволил татарам беспрепятственно разграбить всю округу.

Поначалу на войну с татарами отправились старшие сыновья великого князя — 14-летний Иван и 13-летний Юрий. Вслед за ними из Москвы выступил и сам Василий П. «Двор» великого князя — лучшая боевая сила московской рати — был поручен известному воеводе Федору Басенку. Он-то и решил судьбу всего похода. Не дожидаясь подхода основных сил, воевода бросился преследовать отступавших татар, догнал и отбил у них весь «полон». В одной из схваток со степняками был убит князь Семен Бабич — сын князя Ивана Бабы Друцкого, захватившего в плен Василия Косого в битве под Ростовом в 1436 году.

На следующий год, летом, татары вновь напали на южные окраины московских земель. (Некоторые летописи путают эти два набега и соединяют их в один (31, 273).) На них было послано войско под началом князя Ивана Юрьевича Патрикеева. Молодой воевода действовал успешно: «…и бысть им бой; поможе Бог воеводам великаго князя, побиша татар множество» (27,263).

Зимой 1455/56 года Москва стала свидетельницей невиданного церковного торжества: проводов иконы Смоленской Божией Матери. Эта знаменитая чудотворная икона, написанная, по преданию, самим евангелистом Лукой, была вывезена из Смоленска князем Юрием Святославичем еще в начале XV столетия. Во времена Василия Темного она хранилась в Благовещенском соборе московского Кремля. Прибывший в Москву смоленский епископ Михаил попросил великого князя и митрополита Иону вернуть смолянам их древнюю святыню. Те не

преминули воспользоваться удобным случаем для усиления своего влияния на православных иерархов Литвы. Смоленский владыка был полезен Москве и как посредник в переговорах с королем Казимиром. Незадолго перед тем митрополит Иона в особом послании просил его убедить польского короля не помогать беглому удельному князю Ивану Андреевичу Можайскому. Отказывать Михаилу в вопросе об иконах было бы неразумно. Напротив, возвращение икон давало смоленскому владыке основание для защиты интересов Москвы перед королем.

В воскресенье 18 января 1456 года великий князь, его семейство и московские иерархи в последний раз приложились к чудотворной иконе. После этого икону извлекли из ковчега и торжественной процессией понесли в Смоленск. Сам Василий Темный шел за иконой около двух верст, до церкви Благовещения в Дорогомилове. На прощанье благодарный смоленский владыка вместе с митрополитом благословил Василия Темного другой иконой Божией Матери, которая была помещена в Благовещенском соборе Кремля.

Вся Москва высыпала на улицы поглядеть на процессию. Для людей той эпохи всякие процессии, — а тем более те, в которых участвовала княжеская семья и весь цвет духовенства, — были «глубоко волнующим зрелищем» (159, 8). Они вызывали слезы умиления, прилив верноподданнических чувств. Правители хорошо понимали великую силу ритуала и регулярно являли себя народу в том или ином торжественном шествии. В первом ряду рядом с отцом шел и наш герой — великий князь Иван, которому через четыре дня должно было исполниться 16 лет…

Торжества по случаю проводов чудотворной иконы Василий II использовал и для воодушевления воинов, собравшихся в Москве в эти дни. «Бе бо тогда и многое множество воинства на Москве», — отмечает летописец (20,110). 18 января, в Неделю о мытаре и фарисее, истекал срок явки для участников задуманного великим князем карательного похода на Новгород. В понедельник 19 января московское воинство тронулось в далекий путь. В Новгород была послана «взметная грамота» — официальное извещение о начале войны (23, 194).

Как обычно, войска выступали из Москвы не все вместе, а полками, с интервалом в несколько дней. Вероятно, они шли по возможности разными дорогами. Так легче было решать проблемы снабжения и передвижения большой массы войск в зимнее время. Сам великий князь покинул Москву с последним полком. Это произошло 2 февраля 1456 года, в праздник Сретения (41, 141).

Московский поход рассматривался как своего рода

«возмездие». Новгородцам предстояло понести ответственность за многочисленные «неисправления», допущенные ими по отношению к Василию II (32, 215). Однако возмездие и устрашение являлись лишь одной стороной дела. Помимо этого, Слепой хотел укрепить свои позиции в Северо-Восточной Руси таким общезначимым и популярным предприятием, как поход на Новгород. Наконец, ему нужны были новгородские деньги для расчетов со своими сторонниками и особенно — со служилыми татарами, которые также приняли участие в этой войне (23, 194).

Местом сбора всех полков, идущих на Новгород, был назначен Волок Ламский. Отсюда войско двинулось далее на север и, пройдя через тверские земли, вошло во владения Великого Новгорода. Передовой отряд своих сил (около пяти тысяч воинов) Василий Темный отправил «изгоном» на Русу (современную Старую Руссу). Командовать этим рейдом было поручено лучшим московским воеводам — Ивану Васильевичу Стриге Оболенскому, Семену Карамышеву и Федору Басенку. Рано утром 10 февраля 1456 года москвичи захватили город почти без сопротивления, взяли в нем богатые трофеи. Новгородский летописец рисует мрачную картину бесчинств москвичей и татар в Русе: «…И животы пограбиша, и у святых церквей двери выломаша, и от икон круту отъимаша и всякую утварь сребряную и златую и ларци разъбиша, и много зла учиниша» (23, 194).

Летописи по-разному изображают дальнейший ход войны. По наиболее распространенной версии, на обратном пути из Русы москвичи были атакованы 5-тысячной новгородской ратью. Основная часть московской армии уже ушла, и новгородцам противостоял только ее арьегард — сотни две всадников во главе с самими «большими воеводами». Поначалу они хотели спастись бегством, но потом были остановлены следующим соображением: «…аще не пойдем противу их битися, то погибнем от своего государя великого князя» (31, 274). Очевидно, гнев Василия II был страшен даже для таких заслуженных и храбрых людей, как Стрига и Басенок…

В итоге московские воеводы не только сумели отбиться от преследователей, но и нанесли им сокрушительное поражение (19,145–147). Предводитель новгородского войска князь Василий Васильевич Гребенка Шуйский «сам третей убежа в Великий Новъгород» (41,142).

Поражение у Старой Руссы заставило новгородцев искать примирения с великим князем. Еще в самом начале войны вдове Дмитрия Шемяки княгине Софье Дмитриевне предложено было срочно покинуть город (23, 196). 7 февраля она уехала в Литву,

где уже почти два года находился ее сын Иван. Король польский и великий князь Литовский Казимир дал ему во владение город Новгород-Северский с округой. Дочь Дмитрия Шемяки Мария умерла в Новгороде 13 февраля 1456 года в возрасте около 18 лет и была похоронена в Юрьевом монастыре в гробнице своего отца (23, 196). Ее муж, литовский князь Александр Васильевич Чарторыйский, возглавлявший один из новгородских отрядов в войне с Василием II, вынужден был уехать во Псков. Оттуда несколько лет спустя он бежал в Литву.

Новгородцы не пожелали вновь испытывать судьбу в сражении. Архиепископ Евфимий и виднейшие бояре по решению веча отправились в стан Василия Темного, находившийся в селе Яжелбицы, в 150 верстах к юго-востоку от Новгорода. Там они заключили мир с победителями и в знак верности целовали крест «к великому князю Василью Васильевичю всея Руси и к великому князю Ивану Васильевичи) всея Руси» (5, 43). Точная дата заключения Яжелбицкого мира неизвестна. Из косвенных указаний источников можно заключить, что это произошло между 20 и 25 февраля 1456 года (170, 181).

Условия Яжелбицкого мира были весьма тяжелы для Новгорода. Москвичам выплачивалась контрибуция в размере 10 тысяч рублей серебром (27, 263). (По другим источникам — 8,5 тысяч (5, 44).) Однако еще тяжелее были политические условия договора. «Мир, заключенный в Яжелбицах, — отмечает историк Л. В. Черепнин, — стал поворотным моментом в развитии московско-новгородских отношений. В Яжелбицкую грамоту были включены условия, ограничивавшие и изменявшие новгородскую „старину“ в интересах великокняжеской власти в области как внутреннего управления, так и внешней политики. Новгородское правительство обещало не принимать великокняжеских „лиходеев“ (то есть противников Василия II). Отмена вечевых грамот… по существу, означала лишение Новгородской боярской республики законодательных прав и права самостоятельного ведения внешней политики. Выражением политической зависимости Новгорода от Московского княжества явилась замена для новгородских документов новгородской печати печатью великокняжеской» (164, 821).

В знак победы Василий Темный вместе с сыном Юрием приехал в Новгород и прожил две недели в княжеской резиденции на Городище, где до своей кончины располагался Дмитрий Шемяка (23, 196). Шел Великий пост, и пышные пиры в эту пору были неуместны. Поэтому основным занятием Василия было посещение торжественных богослужений в Софийском соборе и монастырях, а также долгие и тягучие собеседования с

новгородскими боярами. Занимал ли Слепой на Городище те самые покои, в которых тремя годами ранее мучительно расставался с жизнью Дмитрий Шемяка — неизвестно…

Успех новгородского похода показал высокие боевые качества московского войска, закаленного в сражениях с татарами и отрядами Дмитрия Шемяки, и укрепил уверенность Василия II в своих силах. Важнейший результат похода состоял в том, что отныне все потенциальные мятежники лишались надежды получить поддержку и убежище в Новгороде. Поле для маневра резко сужалось. В случае поражения им оставалось одно: бежать в Литву и становиться слугами короля. Но этот путь был горек и тернист. Он требовал полного разрыва с родным и привычным среднерусским миром, унизительной зависимости от новых властей.

Василий Темный пробыл в Новгородской земле 25 дней («пол четверты недели») (41,142), после чего вернулся в Москву (вероятно, в воскресенье, 7 марта 1456 года). Обстоятельства складывались для него как нельзя лучше: неожиданно без хозяина осталось некогда могущественное Рязанское княжество. Хорошо информированная в рязанских делах Никоновская летопись сообщает: «Тоя же весны преставися князь великий Иван Федорович Рязанькой в черньцех и наречен бысть Иона; а за мало прежь его княгини его преставися; княжение же свое Рязанское и сына своего Василия приказал великому князю Василью Васильевичу на соблюдение. Князь же великий Василей сына его, и съ сестрою его Феодосиею, взя их к себе на Москву, а на Рязань посла наместники своя на соблюдение, и на прочаа грады его и на власти; а сын его тогда был осми лет» (20,111–112).

Рязанский князь Иван Федорович, внук памятного своими ссорами с Дмитрием Донским Олега Ивановича Рязанского, не относился к числу убежденных сторонников Василия Темного. В 1430 году он заключал договор с великим князем Литовским Витовтом, по которому обязывался быть его подручником. Однако Литва была далеко. К тому же там после кончины Витовта начались длительные внутренние распри. В этой ситуации для рязанского князя главным условием спокойствия стали добрососедские отношения с Москвой. В 1433 году князь Иван клялся захватившему Москву Юрию Звенигородскому не иметь никаких сношений с его беглым племянником. Но в 1447 году Иван Рязанский заключил мирный договор уже с вернувшимся в Москву Василием Темным. Союз с Москвой нужен был рязанскому князю и для более успешной обороны от татарских набегов, и для подавления своих вечных соперников — удельных

князей Пронских, представлявших младшую линию рязанского княжеского дома. Ивана Рязанского связывали с потомством Дмитрия Донского и родственные отношения. Отец его, рязанский князь Федор Олегович был женат на дочери Дмитрия Донского Софье. Таким образом, московский великий князь Василий II доводился Ивану двоюродным братом. Сестра князя Ивана Василиса была замужем за князем Иваном Владимировичем Серпуховским, сыном героя Куликовской битвы князя Владимира Андреевича Серпуховского (168, 595).

Решение рязанского князя отдать сына на попечение Василия Темного свидетельствует о том, что он доверял кузену и не считал его злодеем, от которого можно ждать любого коварства. Действительно, княжич Василий прожил при московском дворе восемь лет, а потом был отпущен к себе на Рязань, где занял отцовский престол. В 1464 году он женился на младшей сестре Ивана III Анне. До самой своей кончины в 1483 году Василий был дружен с Москвой и пользовался ее поддержкой. Эти родственно-дружеские связи позволили потомкам Олега оттянуть окончательное падение независимости Рязани до 1521 года.

Летом 1456 года Василий Темный прибрал к рукам еще одну обширную территорию — серпуховско-боровский удел князя Василия Ярославича. На сей раз дело приняло совсем иной, довольно мрачный оборот. Князь Василий Ярославич, единственный наследник обширных владений некогда многолюдного «гнезда» Владимира Андреевича Храброго, с истинно рыцарской преданностью относился к Василию П. Этому способствовали и родственные связи: Василий Темный был женат на родной сестре князя Василия Серпуховского. Другая его сестра, Елена, была замужем за князем Михаилом Андреевичем Верейским. Серпуховской князь поддерживал шурина в самые трудные времена. В 1446 году, когда ослепленный Василий II томился в угличской тюрьме, Василий Ярославич даже готовил внезапный налет на город для его освобождения. За свою верность Слепому князь Василий был награжден различными городами и волостями. В 1452 году он ходил на Устюг в составе войска Василия Темного. После этого он исчезает со страниц летописей до лета 1456 года, когда «месяца июля в 10 день поймал князь велики князя Василия Ярославича на Москве и послал его в заточение на Углеч, а сын его князь Иван первыа жены и княгини его другаа бежали из Боровска в Литву» (19,147; 26,217). О причинах столь суровой опалы источники не сообщают.

Существует мнение, что поводом для ареста серпуховского князя могла послужить его ссора с властями Троице-Сергиева

монастыря, о которой вскользь упоминает в одном из своих посланий преподобный Иосиф Волоцкий (152, 94). Князь Василий Ярославич, в уделе которого находился Маковец, по словам Иосифа, «не почиташа игумена и старцев». Это и вызвало гнев Василия II, который «манастырь взял во свое государство» (39, 201).

Приведенное выше мнение представляется убедительным. И дело не только в том, что Василий II был частым гостем Троицкого монастыря и, судя по всему, отличался истовой набожностью. Весь этот сюжет следует вписать в исторический контекст. В рассказе Иосифа Волоцкого события никак не датированы. Однако их можно увязать с данными летописей, согласно которым князь Василий Ярославич был взят под стражу в субботу 10 июля 1456 года. За пять дней до этого в Троицком монастыре был большой праздник — Обретение мощей преподобного Сергия Радонежского. Василий Темный имел обыкновение проводить этот день на Маковце. В июле 1449 года он отправился в Троицу, невзирая даже на то, что его супруга была на сносях. По-видимому, там же, на Маковце, встретил Василий Темный и летний Сергиев день в 1456 году.

Поездка в Троицу была необходима великому князю не только для душеполезных бесед и молитвы у гроба преподобного Сергия. С уходом Мартиниана летом 1454 года игуменский посох перешел в руки Вассиана Рыло — будущего ростовского архиепископа, человека весьма гибкого и умелого в обращении с людьми. По-видимому, смена игуменов произошла при непосредственном участии Василия И, но без согласования с Василием Серпуховским, в уделе которого находился Радонеж. Между тем традиция наделяла удельных князей большими правами по отношению к расположенным на их землях монастырям. Известна была и особая близость князя Владимира Андреевича Серпуховского, деда Василия Ярославича, с преподобным Сергием Радонежским. В монастырском Троицком соборе находилась могила единственного князя Радонежского — Андрея Владимировича, дяди князя Василия Ярославича. Все это позволяло Василию Ярославичу высказывать свое мнение относительно того, кто должен быть игуменом у Троицы. Вероятно, именно это он и сделал, когда Василий II самочинно заменил строптивого Мартиниана на более покладистого Вассиана. Заметим, что князь Василий Ярославич вообще был весьма крут в обращении с монахами. Известно, например, что в 1444 году преподобный Пафнутий Боровский, игуменствовавший тогда в боровском Высоцком монастыре, по какой-то причине ушел из обители и основал новый монастырь в соседней волости

Суходол, принадлежавшей Дмитрию Шемяке. Узнав об этом, князь Василий Ярославич послал одного из своих слуг с приказом поджечь новую обитель (152, 94).

Все это позволяет думать, что летом 1456 года князь Василий Ярославич совершил какой-то весьма дерзкий поступок по отношению к новому троицкому игумену Вассиану — ставленнику Василия П. Великий князь увидел в этом хороший повод для расправы с одним из последних удельных князей. Посетив Троицу в летний Сергиев день (5 июля), Василий Васильевич заручился свидетельствами возмущенных старцев. Через несколько дней он вернулся в Москву и вызвал к себе удельного князя. Тот, не подозревая о сгустившихся над его головой тучах, явился в Кремль. Василий II для начала объявил ему о том, что забирает Троицкий монастырь под свою власть. Удельный князь, вероятно, не стерпел и ответил какой-нибудь дерзостью. Тогда Слепой крикнул слугам, и те схватили князя Василия. Вскоре он был отправлен под стражей в Углич. Из Углича несчастный был в 1462 году переведен в Вологду (145, 407). Вместе с серпуховским князем в заточение отправились и его младшие дети — Иван, Андрей и Василий (168, 315). По некоторым сведениям, под стражу была взята и жена Василия Серпуховского (37, 89). Умер опальный князь в 1483 году «в железех» (19, 214).

Почему в качестве места заточения князя Василия Ярославича был избран Углич? Возможно, это была лишь прихоть Слепого, лично убедившегося в надежности угличской темницы в 1446 году. Однако более вероятно другое. Углич был административно-хозяйственным центром обширных вотчин Троице-Сергиева монастыря, расположенных в этом районе. Здесь пленник находился под надзором не только своих стражей, но и добровольных соглядатаев из числа монастырских людей.

Многие сочувствовали брошенному в темницу Василию Серпуховскому. Вероятно, в их числе был и наследник московского престола Иван. Князь Василий был очень близок ему: дядя по линии матери считался в Древней Руси как бы «вторым отцом». Случайно ли, что именно в середине 1456 года (предполагаемое время ареста Василия Серпуховского) Василий Темный отнял у Ивана переяславский удел, которым тот был наделен двумя годами ранее (138, 55)?

Князь Василий Ярославич скрылся навсегда во мраке своей темницы. А жизнь покатилась дальше, словно и не было под солнцем никакого серпуховского князя. Да и время ли было думать о прошлом, когда настоящее грозило новыми бедствиями? Осенью 1457 года Москва стала жертвой сильнейшего пожара. В

ночь с 22 на 23 октября «загореся град Москва, и згоре треть града» (27,263). И вновь пришлось москвичам рыдать на пепелище, хоронить погибших в огне и, спасаясь от ранних морозов, торопливо ставить новые избы и дворы. Каждый пожар был для города тяжелым ударом. Но, пережив десятки пожаров, Москва научилась возрождаться из пепла, как сказочная птица Феникс.

Прибирая к рукам вотчины удельных князей московского дома, Василий II расчищал дорогу к неограниченной власти своему сыну и наследнику Ивану. Тот, несмотря на свои 16 лет, уже был вполне взрослым, семейным человеком. Еще в 1454 году отец выделил ему собственный удел — Переяславль-Залесский с округой. Здесь под приглядом отцовских доверенных лиц Иван овладевал нелегким искусством управления людьми (138, 55).

Зимой 1457/58 года княжич Иван стал отцом. Московские летописцы с подробностями отметили это событие: «Февраля в 15 день, в среду на Феодорове неделе, егда начаша часы пети, родился великому князю Ивану сын и наречен бысть Иван» (20,112). «Федоровой», по дню памяти великомученика Федора Тирона, называлась первая неделя Великого поста. Имя первенца-сына подсказал Ивану церковный календарь. Через девять дней, 24 февраля, церковь вспоминала Первое и Второе обретение главы Иоанна Предтечи. Вероятно, именно Иоанн Креститель и был избран небесным покровителем Ивана Молодого, как назовут современники старшего сына Ивана III.

Крестили младенца уже в присутствии митрополита Ионы, только что вернувшегося из поездки в Тверь. (Там 30 декабря 1457 года умер владыка Илья. В воскресенье 29 января 1458 года в тверском Спасском соборе митрополит Иона рукоположил нового епископа Твери — Моисея.) Обряд крещения Ивана Молодого, несомненно, совершил сам митрополит Иона. Известно, что осенью 1455 года он лично крестил сына Василия Темного Дмитрия.

Из прежних врагов Василия II осталась без наказания одна только Вятка, эта, по выражению одного историка, «родная дочь Великого Новгорода». В годы мятежа Юрьевичей вятчане не раз воевали на их стороне. Теперь настало время платить по счетам. В 1458 году Василий Темный послал на Вятку свою рать. Главнокомандующим был поставлен князь Семен Иванович Ряполовский, по прозвищу Хрипун (31, 275). По другим источникам, войско повели князья Иван Иванович Ряполовский (старший брат Хрипуна) и Иван Васильевич Шуйский, по прозвищу Горбатый (27, 263). Однако поход был неудачен. «…И

ни Вятки дошли, да не взяли… И то дал Бог, что сами по здорову пришли» (29,156). Некоторые летописи объясняют нерасторопность воевод тем, что они «у вятчан посулы (подарки. — *Н. Б.*) поймали да им норовили» (27, 263). Так полагал и сам великий князь. Один из воевод, Григорий Михайлович Перхушков, был взят под стражу.

Примечательно, что среди руководителей неудавшегося вятского похода Перхушков был наименее знатным. Очевидно, Василий II не захотел трогать главных воевод. Братья Ряполовские спасали княжича Ивана от Шемяки в 1446 году. Иван Ряполовский был «дядькой» княжича Ивана. Иван Горбатый приходился троюродным братом Василию Темному. Для показательной кары мздоимцам оставался один Перхушков. Его-то и отправили в Муром и там упрятали в темницу в оковах…

Дело воеводы Перхушкова весьма примечательно. Поход на далекую Вятку, куда прежде не ступала нога московских воевод, был весьма трудным предприятием. Именно недостаточная подготовка похода — а вовсе не корыстолюбие Перхушкова и его соратников — могла быть причиной неудачи. Однако Василию Темному нужен был показательный процесс над «изменником». Свирепыми казнями и кандалами он стремился укрепить престиж верховной власти, сильно пошатнувшийся за годы смуты. Московские бояре и удельные князья, спасшие Слепого от медвежьих объятий Шемяки, чувствовали себя его благодетелями и ожидали вечной благодарности. Иные с солдатской прямотой открыто выказывали свои чувства. Конечно, они были по-своему правы. Но при таких настроениях знати Василию Темному нечего было и думать об укреплении своей власти. Старые друзья становились для него опаснее старых врагов.

Из этого тупика был только один выход — двойная мораль. Над обычной, общечеловеческой моралью, в которой ключевыми были такие понятия, как дружба, честь, верность, благодарность, следовало поставить иную систему ценностей, где главным критерием становилось Благо Государства. Конечно, Василий Темный был далек от того, чтобы усвоить это понятие во всей его сложности и противоречивости. Однако тот кровавый хаос, в который отбросил Московское княжество галицкий мятеж, заставил людей, как никогда ранее, полюбить Порядок. Это слово оказалось всемогущим. Подобно рыцарскому девизу, оно было написано на знамени Василия Темного. И под этим знаменем он побеждал своих врагов.

Но Порядок был многолик. Старый русский Порядок, который существовал до нашествия татар, напоминал порядок в семье без отца. Великий князь Владимирский, как измученная заботами

мать, вечно бранил своих своевольных детей, грозил отшлепать и поставить в угол. Но дети знали, что мать добра и по-женски слаба. И на ее угрозы они отвечали лишь торопливыми оправданиями. Настоящего страха не было и в помине. Каждый делал что хотел, поспевая лишь к общему столу. Такой Порядок имел свои достоинства и недостатки. Он не стеснял никого из Рюриковичей и даже бояр в их «вольной воле». Но он не мог собрать всю семью в единый кулак, когда на то возникала необходимость. Тяжкой расплатой за недостатки старого порядка стало господство татар.

К началу XIV столетия, когда и знать, и простой народ в полной мере осознали весь ужас своего положения, даже в самых твердых головах возникла мысль: старый, «женский» порядок пора менять на новый, «мужской». Главой семьи будет старший брат. Его власть станет сильной, беспрекословной и основанной на страхе сурового наказания. Но при этом он должен заботиться о своих младших братьях, не обижать их без причины. Его отношения с младшими родственниками измеряются нормами обычной морали. И главное: сплотившись вокруг старшего брата, семья сможет успешно противостоять внешним врагам.

Новая система отношений, восторжествовавшая к середине XIV столетия, имела, как и предшествующая, свои достоинства и недостатки. Ее достоинства красноречиво продемонстрировал Дмитрий Донской на Куликовом поле. Недостатки по большому счету можно было свести к одному: периодически возникали ссоры за место «старшего брата». Сложные расчеты, принимавшие во внимание как физическое старшинство, так и послужной список того или иного князя (и даже его предков), иногда давали весьма спорные результаты. Лучшей гарантией повиновения могло быть безусловное военно-политическое превосходство «старшего брата» над младшими сородичами. Однако именно этого и недоставало. Власть и собственность были рассредоточены между многими «членами семьи». «Старший брат» имел самый большой кусок. Но стоило двум-трем сородичам объединить свои «доли», как они получали ощутимый перевес.

Система «старшего брата» поначалу была одобрительно воспринята татарами, которые нашли в ней свои выгоды. Правители Орды Узбек и Джанибек поддерживали московских князей, сумевших в тяжелой борьбе с Тверью утвердить за собой заветный владимирский трон. Только сильный, авторитетный правитель мог обеспечить Орде полную и своевременную выплату дани.

Однако в первой половине XV века Орда окончательно

распалась на несколько соперничавших между собой «осколков». Ослабевшим потомкам «потрясателя Вселенной» Чингисхана вновь стало выгодно содействовать политической раздробленности Северо-Восточной Руси. Только в этом случае они могли надеяться хоть на какой-нибудь успех. Да и в самой Руси многие страшились все тяжелевшей десницы великого князя, ждали случая избавиться от нее. Нужен был лишь повод и удобный случай для мятежа. Они явились с кончиной Василия I. И тогда «ахиллесова пята» великорусской политической системы — возможность длительной борьбы нескольких претендентов на роль «старшего брата» — дала о себе знать с неожиданной силой.

Галицкий мятеж был заложен в природе самой системы, которую историки называют «феодальной раздробленностью». При определенном стечении обстоятельств он мог повториться с другими действующими лицами, но по тому же сценарию. Только новая система отношений в обществе, основанная на новой системе власти и собственности, могла ликвидировать саму возможность длительной династической смуты. (Споры за престол случались и в царской России. Но они решались методом дворцового переворота, который укладывался в несколько часов и не затрагивал обычного течения жизни. Исключением была Смута начала XVII столетия. Однако тогда страну взорвали не столько споры за престол, сколько социальные конфликты и интервенция.)

«Господь умудряет слепцов» (Пс.145: 8). В том беспросветном мраке, который окружил Василия II с момента его ослепления, он сумел «духовными очами» узреть много такого, что было сокрыто от зрячих. Он понял, что только новый порядок может спасти его сыновей и внуков от истребления и самоистребления в огне грядущих смут. (Заметим, что для человека Средневековья, воспитанного в преклонении перед традицией и авторитетом «старины», сделать шаг к новому было намного сложнее, чем для людей нашего времени.) Он начал формировать из «детей боярских» свой знаменитый «двор» — прообраз будущей дворянской армии московских царей. Он открыл способ лишить Церковь независимости от великого князя через предоставление ей независимости от константинопольского патриарха. Он научился избавляться от врагов при помощи мышьяка…

Однако новый порядок оказался ненасытным. Он требовал все новых и новых жертв. С врагами было покончено, настала очередь друзей. Прежним благодетелям, особенно тем, кто пытался предъявлять какие-то счета, следовало преподать самый жестокий урок. Первым получил свою долю неблагодарности честный, но простоватый князь Василий Ярославич Серпуховской.

Это был наглядный урок для удельных и местных князей. Теперь следовало сбить спесь с бравых воевод. Здесь-то и пригодился брошенный кем-то из бояр донос на несчастного Перхушкова…

Редким и знаменательным событием был примечателен 1459 год. «Благовещение было на Велик день», — отметили летописцы (31,275). Такое совпадение «непереходящего» праздника Благовещения (25 марта) с «переходящей» Пасхой в последний раз случилось в 1380 году, отмеченном великой победой на Куликовом поле. Символизм средневекового мировоззрения заставлял с особым вниманием относиться к такого рода вещам. Совпадения дат и чисел несли в себе какой-то сокровенный смысл. Через них, как и через знамения в природе, приоткрывались таинственные пути Божьего Промысла. От года 1459-го следовало ожидать событий, соизмеримых по значению с Куликовской битвой.

И как бы в подтверждение этого предположения летописец рассказывает следующую историю: «Того же лета татарове Сиди Ахметевы, похваляся, на Русь пошли. И князь великий Василей отпусти противу их к берегу (Оки. — *Н. Б.*) сына своего великого князя Ивана со многими силами. Пришедшим же татаром к берегу, и не перепусти их князь великий, но отбися от них, они же побегоша. И тоя ради похвалы их Иона митрополит поставил церковь камену Похвалу Богородици и приделал к Пречистые олтарю взле южные двери» (32, 217).

Итак, в столь знаменательный год Васиий Темный предоставил сыну возможность повторить подвиг Дмитрия Донского — отразить полчища татар, надвигавшиеся на русскую землю. И молодой князь Иван достойно справился с этой нелегкой задачей.

На особое значение, которое придавали этому (быть может, и не слишком крупному по размаху) сражению, указывает вплетенная в текст летописного сообщения провиденциальная тема. Победа над татарами дарована князю Ивану самой Божией Матерью, исконной заступницей Русской земли. Так объясняли и победу на Куликовом поле, одержанную 8 сентября, в праздник Рождества Божией Матери. В память о первой серьезной победе над главным врагом Руси, одержанной 19-летним князем Иваном, митрополит ставит у алтаря Успенского собора московского Кремля небольшой придельный храм Похвалы Божией Матери.

Интересен выбор посвящения для храма-памятника битве на Оке. Праздник Похвалы Божией Матери (в субботу пятой седмицы Великого поста) был установлен в Константинополе в память о чудесах от иконы Божией Матери Одигитрии. Эта знаменитая

икона считалась палладиумом столицы Византии, защитницей города от нашествия варваров. На Руси икона Одигитрии была более известна под названием «Смоленской». Первая, древнейшая Божия Матерь Смоленская, византийская копия со знаменитой константинопольской иконы, привезенная в Смоленск в XII веке, была вывезена в Москву в начале XV века и вновь возвращена в Смоленск в 1456 году. Вместе с древней Одигитрией по приказанию Василия Темного в Смоленск «отпустили» и все остальные смоленские иконы, вывезенные некогда князем Юрием Святославичем в Москву. Митрополит Иона сумел удержать лишь одну икону из этих икон — «образ Пречистыа Владычица с младенцем» (19,145). Ею он вместе со смоленским владыкой Михаилом благословил все московское великокняжеское семейство. По окончании проводов Смоленской Одигитрии икона, оставленная «на благословение великому князю», была помещена на опустевшее место в нижнем, местном ряду иконостаса Благовещенского собора московского Кремля.

Великий князь проявил глубокое уважение к новой святыне. Он приказал почтить ее особым обрядом: ежедневно в урочное время священники должны были перед ней «молебен пети акафистой с икосы» (19,145). Вероятно, это был тот самый Великий Акафист, который пели в субботу пятой седмицы Великого поста («субботу Акафиста») — праздник Похвалы Пресвятой Богородицы.

Постройку митрополитом Ионой придела Похвалы Божией Матери при Успенском соборе московского Кремля летописец, пользуясь игрой слов «похвала» и «похваляться», связывает с отражением московским войском под началом молодого великого князя Ивана Васильевича татарского набега в 1459 году. В основе этой связки лежало отнюдь не календарное совпадение дня сражения и дня праздника. В 1459 году день Похвалы Богородицы (так называемая «суббота Акафиста») приходился на 10 марта. (Интересно отметить: это был день рождения Василия Темного! Несомненно, придворные книжники обратили внимание на такое знаменательное совпадение.) Точная дата победы князя Ивана над татарами неизвестна, но ясно, что татарский набег, как всегда, состоялся летом. Более вероятно другое: молодой князь Иван взял с собой в свой первый самостоятельный поход на татар ту самую икону Божией Матери (в иконографии Одигитрии), которой в 1456 году благословили московское княжеское семейство митрополит Иона и смоленский владыка Михаил.

В том же 1459 году Василий Темный сумел довершить начавшееся годом ранее покорение Вятки. Против вятчан было послано большое войско во главе с князьями Иваном Юрьевичем

Патрикеевым, Иваном Ивановичем Патрикеевым и Дмитрием Ряполовским. Среди прочих боевых сил отправился и великокняжеский «двор». На сей раз удача сопутствовала москвичам: два больших вятских городка, Орлов и Котельнич, были взяты с ходу; третий, Хлынов, пал после длительной осады. В итоге вятчане присягнули на верность Москве, поклявшись исполнять все, «чего хотел государь князь велики» (29,156).

Зимой 1459/60 года Василий Темный вновь обратился к новгородским делам. Минуло уже четыре года со времени заключения Яжелбицкого мира. Новгородцы успели позабыть тот страх, который нагнали на них лихие московские воеводы в битве под Старой Руссой. Они нарушали многие условия договора 1456 года и проявляли симпатии к литовскому митрополиту Григорию — злейшему врагу и сопернику московского митрополита Ионы (115, 137). И тогда великий князь решил, что настало время укрепить свои позиции на Волхове.

Еще в феврале 1459 года, когда в Москву к митрополиту Ионе приезжал на поставление новгородский владыка Иона, а с ним новгородские послы, московские правители начали «наводить мосты» к прочному миру с новгородцами. Кажется, о том же радел и новгородский владыка Иона. Вернувшись из Москвы, он в 1459 году выстроил в Новгороде первый храм во имя московского святого — преподобного Сергия Радонежского (23, 199). Это был добрый знак, на который следовало ответить знаком почтения по отношению к новгородским святым. И вот в начале января 1460 года великий князь с двумя сыновьями (Юрием и Андреем Большим) и многочисленной свитой отправился с необычным визитом на Волхов…

Летописи не сообщают точной даты отъезда Василия II из Москвы. Однако зная, что в Новгород он прибыл в воскресенье 20 января (41,145) и что обратный путь (всегда более скорый) занял у него 8 дней, можно с уверенностью предположить, что новгородский поход начался в воскресенье 6 января (на праздник Богоявления) или в понедельник 7 января (на Собор Иоанна Предтечи). (Сам великий князь, возможно, выступил с последними отрадами своего войска несколькими днями позже.)

Все московское духовенство молилось в эти дни о счастливом завершении новгородского похода великого князя, а сам он по обычаю давал благочестивые обеты. Религиозное возбуждение, сопровождавшее новгородский поход 1460 года, вполне понятно: официальной целью путешествия было желание князя Василия поклониться новгородским святыням.

В воскресенье 20 января 1460 года состоялся торжественный въезд великого князя Василия Васильевича в Новгород. Толпы

народа теснились вдоль дороги, желая поглядеть на небывалое зрелище. Гремели знаменитые софийские колокола. Сверкали доспехи прославленных московских воевод: князя Ивана Васильевича Стриги Оболенского, боярина Федора Васильевича Басенка, тех самых, что еще недавно безжалостно секли новгородцев своими острыми саблями в битве под Русой.

Московская делегация вновь расположилась на Городище — там, где всегда жили приезжавшие в Новгород князья. Отсюда до центра города было около трех верст. Здесь Василий II провел все пять недель своего пребывания в Новгороде.

Богомольный характер визита определял весь его распорядок. Торжественные молебны следовали один за другим. Великий князь проявил особое почтение к памяти новгородского святого Варлаама Хутынского (умер 6 ноября 1192 года). В среду 30 января он приехал в основанный Варлаамом Спасо-Преображенский монастырь, чтобы помолиться у гробницы святого. Рассказывали, что поводом для этого визита послужило чудесное воскрешение из мертвых некоего благочестивого отрока по имени Григорий Тумгень из свиты Василия II, совершенное преподобным Варлаамом (27, 264–266).

Но приход Василия Темного в Новгород напоминал визит гробовщика в дом тяжелобольного. Нервы у обеих сторон были напряжены до предела. Новгородцам внушало сильное беспокойство расположившееся в окрестностях города московское войско, во главе которого стоял 19-летний сын Василия Темного Юрий. Великий князь объяснял, что войско предназначено для оказания помощи псковичам в их борьбе с немецкими рыцарями. Однако новгородцы боялись обмана и подозревали, что это войско может по приказу Василия Темного внезапно напасть на город.

Слухи и страхи горожан едва не привели к настоящей войне. Поводом стало опасное ночное приключение московского воеводы Федора Васильевича Басенка. Засидевшись на пиру у новгородского посадника, он уже глубокой ночью отправился к себе на Городище. Воеводу сопровождали несколько слуг. На темной улице на москвичей набросилась целая шайка каких-то «шильников» — возможно, обычных грабителей, которыми полон был любой средневековый город. В схватке был убит слуга Басенка Илейка Рязанец, а сам воевода едва отбился от нападавших и ускакал на Городище. Между тем разбуженные шумом ночного сражения горожане выскочили из своих домов. Никто не знал, что случилось. Прошел слух, что это было сражение с отрядом напавшего на город княжича Юрия.

Всеобщее смятение разрешилось тем, что вооруженная толпа

горожан собралась идти на Городище, чтобы отомстить москвичам за мнимое «нападение» на Новгород. За внешней стихийностью событий угадывалась чья-то настойчивая воля. По звону колокола у стен Софийского собора началось вече. Тон задавали сторонники решительных действий: «…свечашася все великого князя убити и сь его детьми» (27,264).

С большим трудом архиепископу Ионе и боярам удалось урезонить народ и предотвратить неизбежное кровопролитие. Одна из летописей (Львовская) так передает речь владыки к взбудораженной черни: «О безумнии людие! Аще вы великого князя убиете, что вы приобрящете? Но убо большую язву Новугороду доспеете: сын бо его большей князь Иван се послышит ваше злотворение, а се часа того рать испросивши у царя, и пойдет на вы, и вывоюеть землю вашу всю» (27,264). Рассудительность владыки остудила горячие головы. В способности княжича Ивана отомстить за отца, похоже, никто не сомневался. Свою роль сыграл и застарелый страх новгородцев перед татарами, которым не преминул воспользоваться Иона.

Ночное недоразумение весьма похоже на провокацию, целью которой могла быть не только месть москвичам за поражение под Старой Руссой, но и захват в плен или убийство Василия Темного. Оно наглядно показало, сколь напряженными были московско-новгородские отношения. Горожане несколько успокоились лишь после того, как князь Василий отослал сына Юрия с войском во Псков. Об этом просили псковские послы, явившиеся к Василию II в Новгород с жалобами на бесчинства немцев. Послы привезли в дар великому князю 50 рублей серебром.

Княжич Юрий Васильевич прибыл во Псков 24 февраля («в неделю Сыропусную… на память Обретениа честныя главы Иоана Крестителя») и был принят с большим почетом (41,146). Московская рать отправилась «немецкие места воевати» (20,113). Устрашенные немцы поспешили заключить мир со Псковом «на всей воли псковъской» (20,113). За свои труды княжич Юрий получил в дар от псковичей 100 рублей (41,147). Исполнив свою задачу, он отбыл из города 18 марта 1460 года.

На деле убедившись в пользе сотрудничества с Москвой, псковичи выпросили у Василия Темного наместника — знаменитого воеводу Ивана Васильевича Стригу Оболенского. В воскресенье 23 марта 1460 года он был торжественно посажен на псковском столе (41,147).

Василий Темный покинул Новгород в субботу 1 марта и вернулся в Москву в воскресенье 9 марта 1460 года (20,113). Новгородский поход еще раз показал: Слепого можно было упрекнуть в чем угодно, но только не в трусости. Поехав в

Новгород, он отправился в самое логово свои врагов. Здесь он подвергал себя вполне реальной опасности стать жертвой мятежа, кинжала или яда. Погруженный во мрак, он выставлял на тайное посмеяние недругов свое уродство и свою беспомощность. И какими бы ни были истинные мотивы новгородского путешествия Слепого, нельзя не признать, что этот шаг требовал от него немалого личного мужества.

Судя по выбору дня недели, — воскресенья, — возвращение великого князя в свою столицу было торжественным. Новгородский поход 1460 года — о целях и результатах которого источники дают весьма смутное представление — современники, по-видимому, представляли как явный успех московской политики. Примечательно уже то, что на следующий год Новгород покорно дал Василию II так называемый «черный бор» — дань, предназначенную для уплаты Орде (23, 202–204). Препирательства относительно сроков выплаты и размеров этой дани между московскими князьями и новгородцами восходили еще ко временам Ивана Калиты.

Прежде Василий II не придавал особого значения дням своего приезда в столицу. Кажется, он даже избегал торжественных встреч и утомительных церемоний. Однако с годами он стал мудрее и оценил великую силу ритуала, способного направить эмоции толпы в нужном направлении. Воскресный день, когда церковными правилами запрещалось работать, был лучшим временем для всякого рода торжеств, сопровождавшихся большим стечением народа. А как известно, редкая возможность созерцать правителя в окружении вельмож неизменно вызывает у подданных чувство преданности и умиления…

Месяц спустя (в пятницу 4 апреля) в Москву вернулся и сын Василия Темного Юрий, ходивший с ратью на помощь псковичам (20,113). Судя по буднему дню недели, его въезд в столицу был гораздо скромнее, чем возвращение самого великого князя.

Из прочих примечательных событий 1460 года летописи дружно отметили целую череду стихийных бедствий и необычных явлений природы, воспринимавшихся как грозные знамения. 13 июля на Москву с запада надвинулась жуткая черная туча, принесшая с собой сильный смерч. На следующий день к вечеру с юга пришла другая туча «со страшною бурею и сильным вихром; молниа же толь велика: земля бо и храми вси яко пламень видяхуся, и грому страшну и зело превелику бывшу. Сильная же она буря многими церквами поколеба и каменными, храмы же многи во граде Москве ободра и верхи смета, а градные забрала (дощатые навесы над крепостными стенами. — *Н. Б.*) размета и разнесе, а по селом и по властем многие церкви, из основаниа

взимаа, изверже далече и отнесе, такоже и храмины (дома. — *Н. Б.*) и дубы великие из кореиа исторже, а у иных верхи слома, других же до половины, инех же до трети и по самый корень…» (20, 113). К счастью, никто не пострадал ни в самой Москве, ни в окрестных селах.

Едва люди пришли в себя от пережитых страхов, как нагрянули новые. В пятницу 18 июля произошло солнечное затмение. В том же тревожном июле месяце случилось и лунное затмение (20, 113). А через два месяца, 12 сентября среди бела дня «свет помрачися аки тма» (27, 271).

С тех пор как Рязанское княжество перешло под опеку Москвы, московские летописцы начинают с особым вниманием относиться к тамошним событиям, В начале августа 1460 года на Рязань (Переяславль Рязанский) напал «со всею силою» хан Большой (Волжской) Орды Ахмат. Осада города ни к чему не привела. Понеся большие потери, татары через шесть дней ушли обратно в степи «с великим срамом». Их отход ускорила весть о близости московского войска во главе с наследником престола великим князем Иваном. «А князь великий Иван тогды стоял у брега (Оки. — *Н. Б.*) со многими людми» (17, 272).

Оборона Рязани происходила «в пост Успения пресвятыа Богородицы», продолжавшийся с 1 по 14 августа (20,113). Сообщая эту деталь, летописец как бы дает понять: и здесь не обошлось без небесного заступничества Божией Матери за Русскую землю. На это указывало еще одно знаменательное обстоятельство, отмеченное некоторыми летописями: ни один из защитников Рязани не пострадал от татарских стрел (29,156).

Можно полагать, что обилие всякого рода «чудесных» событий, происходивших на фоне оживленного церковного строительства и торжественных церемоний с участием высшего духовенства, — не результат «профессиональных» пристрастий работавшего при митрополичьем дворе летописца, а подлинная черта московской жизни в последние годы правления Василия Темного. Слепой правитель предпринимает невероятные усилия с целью укрепить расшатавшийся трон, подчинить себе новые территории и восстановить контроль над теми землями, которые вышли из-под влияния Москвы в годы династической смуты. В этой своей нелегкой политике Василий порой напоминал странного человека, которого он велел изобразить на своей личной печати: возницу, правящего четверкой лошадей, несущихся в разные стороны…

В московском «домостроительстве» всегда важную роль играла Церковь. Благодаря усилиям иерархов, и в первую очередь митрополита Ионы, получает дальнейшее развитие

традиционная, восходящая ко временам Ивана Калиты и Дмитрия Донского идея об особом покровительстве Москве со стороны Божией Матери. Каждое значительное событие в Москве становится поводом для всплеска религиозного воодушевления. Психологической подоплекой этого энтузиазма был и тайный страх скорого Страшного суда, который прорывается порой в речах летописцев. Год 1460-й от Рождества Христова был 6968-м от Сотворения мира. Приближался конец седьмой тысячи лет — мистический рубеж, за которым многим виделся предсказанный в Библии всеобщий конец света. Ну а пока ангелы еще не вострубили в свои золотые трубы, жизнь шла в соответствии с вечным принципом — «довлеет дневи злоба его»…

Дурные вести принес с собой 1461 год. В самом начале Великого поста, 18 февраля, скончался великий князь Тверской Борис Александрович — тесть московского великого князя Ивана Васильевича (29,156). Точный возраст Бориса неизвестен, но, судя по косвенным данным, ему уже шел шестой десяток. Он занимал тверской стол с 1426 года и за 35 лет своего правления прославился как осторожный и дальновидный политик. Придворные книжники называли его «самодержавным государем» (12, 280). Кажется, он был и относительно неплохим человеком. Впрочем, это не помешало Борису в 1426 году безвинно упрятать в темницу своего двоюродного деда князя Василия Михайловича — последнего самостоятельного правителя кашинского удела. Тем самым было навсегда ликвидировано крупнейшее удельное княжество Тверской земли.

Князь Борис оставил тверской престол своему малолетнему сыну Михаилу. В момент кончины отца ему было всего четыре года. Реальная власть в Твери оказалась в руках княгини-вдовы Анастасии и владыки Моисея. Но Анастасия была слишком молода для роли регентши и к тому же не пользовалась должным авторитетом у тверского боярства. Оставался владыка Моисей. Он был возведен на кафедру в воскресенье 29 января 1458 года, в тверском Спасском соборе. Для его хиротонии митрополит Иона, невзирая на преклонный возраст, лично прибыл в Тверь. Очевидно, святитель опасался, что тверской кандидат может обратиться за поставлением к литовскому митрополиту Григорию.

Епископ Моисей вел себя весьма независимо по отношению к Москве. В 1459 году он проявил упорное нежелание явиться в Москву на собор для присяги на верность митрополиту Ионе и клятвенного отречения от митрополита Григория. Понятно, что в Москве только и ждали случая, чтобы избавиться от строптивого

иерарха, тянувшего Тверь к Литве. Но пока был жив князь Борис Тверской, Моисей пользовался его покровительством. Сразу после кончины Бориса москвичи предприняли молниеносную акцию — некоторые историки называют ее «дворцовым переворотом» (115, 137). Подробности ее неизвестны, однако суть достаточно ясна. Епископ Моисей был насильственно сведен с кафедры и отправлен на жительство в тверской Отрочь монастырь. «А поставили Генадья Кожу на владычство; а ставили его на Москве, а с ним был боярин Семен Захариинич, а ставил его митрополит Иона месяца марта 22» (21, 496).

Геннадий Кожа — родной брат известного подвижника Макария Калязинского — был до возведения на кафедру архимандритом тверского Отроча монастыря. Сопровождавший его в Москву тверской боярин Семен Захаринич сдружился с москвичами еще в 1447 году, когда водил тверской полк на помощь Василию Темному. Несомненно, новый владыка был вполне лоялен по отношению к московским великим князьям и митрополиту. В этом же духе он воспитывал и юного тверского князя Михаила. Благодаря такой позиции Геннадий занимал кафедру до самой своей кончины в апреле 1477 года.

Через месяц с небольшим после Бориса Тверского ушел в мир иной еще один знаменитый деятель своего времени — первый автокефальный митрополит Иона. Он умер 31 марта (во вторник на Страстной неделе), не дожив всего четырех дней до ликующих пасхальных колоколов. Последнее благословение святитель посылал великому князю Василию: «А благодать господа нашего Иисуса Христа и милость да есть всегда с великым его господством и со всем православным его христианьством великыа его дръжавы» (46, 654).

Святителя Иону похоронили рядом с могилами других митрополитов в Успенском соборе московского Кремля.

Василий Темный узнал о кончине Ионы во Владимире, где он «весновал» (то есть проводил весну) с полками по случаю начавшейся войны с казанскими татарами. Там, во Владимире, были и старшие сыновья Слепого — Иван и Юрий (46, 654). Вероятно, Василий искренне скорбел об усопшем. Как глава Церкви Иона много сделал для успокоения страны и укрепления трона в последние годы смуты и после ее окончания.

Основатель и первый глава независимой от Константинополя Русской Православной Церкви, митрополит Иона уже по одному этому должен был быть причислен к лику святых. Местное почитание святителя началось в Москве сразу по его кончине. Отмечали, что лицо лежавшего в гробу митрополита было не как у мертвых, «но яко спящу показуюся, за преславное и великое его

житие» (17, 273). Почитание Ионы усилилось с 1472 года, когда при постройке нового Успенского собора были обретены его нетленные мощи. В 1547 году решено было чествовать святителя Иону как общерусского святого.

Предпринятый Василием Темным в начале 1461 года поход на казанских татар завершился вполне благополучно. Хан выслал навстречу русскому войску своих послов с мирными предложениями, которые устраивали великого князя. Во Владимире был заключен мир. Впрочем, этот первый мир с Казанью лучше было бы назвать перемирием: у Московской Руси впереди было еще немало войн с беспокойным восточным соседом.

Вернувшись в Москву, Василий Темный вместе с иерархами приступил к избранию нового митрополита. Вопрос о наследнике обсуждался еще при жизни престарелого Ионы, который назвал и благословил своего преемника. Выбор святителя пал на ростовского архиепископа Феодосия Бывальцева. Этого иерарха хорошо знали в Москве. В течение десяти лет он был архимандритом Чудова монастыря в московском Кремле — любимого детища святителя Алексия. С этого поста в июне 1454 года митрополит Иона взял его на освободившуюся с кончиной архиепископа Ефрема (29 марта 1454 года) ростовскую кафедру. Хиротония (рукоположение) Феодосия состоялась, судя по всему, в Неделю всех святых — 16 июня 1454 года. В следующее воскресенье, 23 июня 1454 года, новопоставленный владыка торжественно въехал в Ростов (30, 184).

Едва успев утвердиться на ростовской кафедре, Феодосии чуть было не потерял ее. Митрополит Иона «въсхоте сан снять с него» (27, 263). Причиной (или поводом) для опалы стало самоуправство нового владыки в весьма щепетильном вопросе о соотношении постов и праздников. Согласно церковным уставам, строгость поста ослабевала в воскресные дни и праздники. Однако степень послабления в те или иные дни определялась по-разному. Эта тема издавна вызывала споры в среде духовенства. В 1455 году Крещенский сочельник, день строгого поста, приходился на воскресенье 5 января. Новый владыка «повеле мясо ясти в навечерии Богоявления» (27,263). Такое толкование устава о посте предлагал еще митрополит Фотий в одном из своих посланий (73, 500). Однако решение Феодосия вызвало ропот духовенства. Дело дошло до митрополита Ионы, который счел, что архиепископ превысил свои полномочия. Известно, что Иона был крут в обращении со своими недругами. Вот и теперь он решил примерно наказать самоуправца и снять с него епископский сан. Дело разбиралось на особом церковном соборе,

в присутствии Василия Темного и бояр. Феодосия спасло только заступничество великой княгини Марии Ярославны, которая «отпечаловала его у митрополита» (27,263). Независимый летописец замечает, что помощь княгини была куплена ценой щедрой взятки: «…а взя у него село Петровское от печалования» (27,263).

В этой истории ярко отразились не только нравы московского двора, но и характер будущего митрополита Феодосия. Это был истинный ревнитель благочестия. Он не боялся нарушать традицию, если считал, что она расходится с истиной. Вместе с тем он был близок к великокняжеской семье и особенно — к великой княгине Марии, имевшей обширные владения в Ростовской земле.

Благодаря вмешательству великокняжеской семьи Иона вынужден был простить Феодосию его самонадеянность. Со временем он и вовсе изменил отношение к ростовскому владыке и даже счел возможным назвать его своим преемником на митрополичьей кафедре.

Наличие общепризнанного кандидата значительно ускоряло процедуру избрания собором великорусских епископов нового главы Церкви. Согласно большинству летописей это произошло в воскресенье 3 мая 1461 года, — даже до окончания 40-дневного траура по Ионе (17, 273; 29,156)!

(Типографская летопись называет другую дату — суббота 9 мая, на 40-й день по кончине митрополита Ионы (30, 185). Но и в том и в другом случае такая поспешность вызывает недоумение. Впрочем, первая дата кажется более достоверной еще и потому, что поставление иерархов обычно совершалось в воскресенье.)

Выбор именно этого воскресного дня — 3 мая — объяснялся просто: то был день памяти преподобного Феодосия Печерского. Очевидно, Феодосии Бывальцев принял постриг и получил свое монашеское имя как раз в этот день. Теперь он хотел взойти на кафедру в памятный для него день — 3 мая. Судя по тому рвению, с которым новый митрополит принялся за исправление нравов приходского духовенства, он был истинным последователем сурового аскета преподобного Феодосия Печерского.

В эти годы в Москве оживает каменное строительство. Летом 1460 года была возведена каменная церковь Богоявления на подворье Троице-Сергиева монастыря в московском Кремле. Вероятно, строительство носило мемориальный характер и было каким-то образом связано с поездкой Василия II в Новгород. На следующее лето в Кремле развернулось новое строительство. На

сей раз заказчиком был сам Василий Темный. Он решил отстроить в камне старинную кремлевскую церковь Иоанна Предтечи. (Годом ранее эту работу начал второй сын Василия, княжич Юрий.) Летопись сопровождает это известие любопытным комментарием: «Того же лета князь великий Василей Васильевич поставил на Москве церьковь камену Рожество Иоанна Предтечи у врат Бороицких, а преже бе древяная. Глаголют же, яко то прьваа церковь на Москве: на том де месте бор был, и та церковь в том лесу срублена, то же де тогда и соборнаа церковь была, при Петре митрополите, и двор митрополич ту-то же был, где ныне двор княже Иванов Юрьевича (Патрикеева.—Я. Л)» (20,114).

Это была первая каменная церковь, построенная в Москве Василием Темным. Великий князь не случайно занялся именно ею. Московское предание, о котором упоминает летописец, называло Ивановскую церковь первой церковью города, в которой служил еще святой митрополит Петр. Возобновление этого храма символизировало непрерывность московской духовной традиции, идущей от ее первых князей.

Престольный праздник Ивановской церкви приходился на 24 июня (Рождество Иоанна Предтечи). Однако в данном случае дело было не в календарном совпадении этого праздника с каким-то важным событием московской жизни. Вопрос стоял несколько шире. Культ Иоанна Крестителя приобрел особое, патрональное значение для Василия Темного в 1460 году, когда он начал свой «мирный» новгородский поход, по-видимому, именно 7 января, в праздник Собора Иоанна Предтечи. Вероятно, великий князь перед отъездом молился в этой церкви и дал обет в случае успеха выстроить каменный храм во имя Предтечи. Строительство началось уже летом 1460 года, а завершилось только на следующий год.

В Ивановской церкви был устроен придел во имя святого Варлаама Хутынского. «Варлаама же оттоле поча празновати на Мосъкве, въспоминая чюдо, еже сътвори над Тумгенем, иже из мертвых въскресил, егда был князь великий в Новегороде» (27,271). Впрочем, дело было не столько в чуде, сколько в том, что великий князь «поручи… сынов своих, благовернаго князя Георгиа и благовернаго князя Андрея в обет великому и преподобному чюдотворцу Варламу, яко доброму пастырю и хранителю» (27,268).

Зима 1461/62 года оставила в памяти москвичей лишь одно примечательное событие: в воскресенье 24 января в кремлевском Чудовом монастыре у гробницы митрополита Алексия получил чудесное исцеление чернец этой обители по имени Наум, по прозвищу Деревяга (38, 147). Он был увечным от рождения («от

младеньства имый усохшу ногу и на древяници хождаше») и трудился в обители на самых тяжких работах на кухне и в пекарне («служа в том же монастыри в поварни и в пеколници»). Измученный такой жизнью, Наум явился ночью в церковь и, обращаясь к гробнице святителя, стал упрекать его за равнодушие к своим страданиям. Святой смилостивился над несчастным: «И в той час простреся нога его, и скинув деревяницу, на ней же хожаше, и отъиде здрав в келию свою» (20,114).

Мирное течение московской жизни, оживляемое лишь церковными новостями, внезапно было прервано тревожной вестью: раскрыт заговор приближенных опального князя Василия Ярославича Серпуховского, уже более пяти лет томившегося в темнице в Угличе.

Наиболее непосредственный и эмоциональный рассказ об этом сохранился в Ермолинской летописи: «Тое же весны, в великое говеино (Великий пост. — Н.!>.), на Федоровой недели, прииде весть князю великому, что княжы Васильевы Ярославича дети болярьские и иные дворяне хитростью коею хотеша государя князя выняти с Углеча ис поиманиа, и обличися мысль их, и повеле князь велики имать их, Володку Давидова, Парфена Бреина, Луку Посивьева и иных многих, казнити, бити и мучити, и конми волочити по всему граду и по всем торгом, а последи повеле им главы отсещи. Множество же народа, видяще сиа, от боляр и от купец великих, и от священников и от простых людей, во мнозе быша ужасе и удивлении, и жалостно зрение, яко всех убо очеса бяху слез исполнени, яко николиже (никогда. — *Н. Б.*) таковая ни слышаша, ниже видеша в русских князех бываемо, понеже бо и недостойно бяше православному великому осподарю, по всей подсолнечной сущю, и такими казньми казнити, и кровь проливати во святыи великий пост» (29,157).

Другие летописи сообщают некоторые новые подробности дела. Заговорщики «целоваша крест межь собе, как бы им пришед изгоном к Угличу и выняти князя своего и бежати с ним» (20,114). Уточняются и казни, которым подверглись сторонники опального князя: «…и повеле всех имати и казнити, и бити кнутьем, и сечи руки и ноги, и носы резати, а иным главы отсекати» (19,150); «…повеле казнити их немилостиво: на лубие волочити по леду, привязав конем к хвосту» (27,276).

Новгородский летописец полон сочувствия к «друголюбивым» сторонникам князя Василия Ярославича. Расправу над ними он представляет как результат «дьявольскаго наущениа», а главным виновником называет Василия Темного, который был столь жесток, «что и отцем духовным не велел приступи™ к ним

(казненным. — *Н. Б.*)» (23, 208). Из текста можно понять, что Слепой и его сыновья лично присутствовали при казнях…

В некоторых летописных рассказах о серпуховском заговоре всплывает зловещее слово «измена» (17, 273). При Иване III «изменой» станут называть любое неповиновение московскому великому князю.

Жестокая расправа с серпуховскими заговорщиками стала едва ли не самым темным пятном в биографии умершего через месяц после этого Василия Темного. Слов нет, экзекуция была на редкость кровавой и изощренной. Василий и раньше не отличался милосердием по отношению к тем, кого он считал своими врагами. Он начал ослеплять своих недругов задолго до того, как сам стал жертвой этой византийской казни. И все же здесь необходимы некоторые комментарии.

Московские казни в феврале 1462 года явно носили назидательный характер. Василий Темный хотел такими мерами запугать своих потенциальных противников — сторонников удельных князей. Призрак нового удельного мятежа был для Москвы страшнее всех татарских набегов и стихийных бедствий вместе взятых. Легко представить развитие событий в случае успеха серпуховского заговора. Князь Василий Ярославич, горящий ненавистью к своему московскому шурину, уходит в Литву и становится объединителем всех враждебных Москве сил. Стремясь вернуть свой удел, он начинает войну с Василием Темным, которая грозит перерасти в новую многолетнюю смуту. Под угрозой краха оказываются все достижения последних восьми лет правления Слепого…

Но бедные «изменники» — серпуховские дворяне! Их благородная правда верного служения своему сеньору столкнулась с безжалостной правдой московского домостроительства. Они были раздавлены ею, словно утлая лодочка, раздавленная тяжелыми холодными льдинами на весенней Волге.

Вслед за рассказом о серпуховском заговоре (и не без намека на справедливое возмездие великому князю за его жестокость) летописи помещают известие о предсмертной болезни Василия Темного: «А в то же время, в пяток на Федоровой недели, князь велики, чая себе сухотную болесть, повеле жещи ся, якоже есть обычай болящим сухотною, и повеле ставити зажигая труд (трут. — *Н. Б.*) той на многых местех по многу, идеже и не бе ему некоеа болезни, тогда бо и не чюаше того; егда же разгнишася раны оны, и бысть ему болезнь тяжка, в чернци хотяше постричися, и не даша ему воли, и в той болезни преставися месяца марта в 27 день, в суботу, в 3 час нощи; в утрии же в

неделю и погребен бысть в церкви Архаггела Михаила на Москве…» (19,150).

В этом сообщении, как и во многих других летописных известиях, относящихся к Василию Темному, есть много загадочного. Кто и почему мог «не дать воли» великому князю, пожелавшему, согласно древней традиции, принять перед кончиной монашеский постриг? (Это могла сделать семья, убежденная в том, что Василий поправится, и, стало быть, нет смысла раньше времени отрекаться от власти. Но мог отказать и митрополит Феодосии — строгий законник, ревнитель церковных уставов, прекрасно знавший, что практика предсмертного пострижения, по существу противоречит самой идее монашества.) В сообщении угадывается и тайная неприязнь летописца к великому князю. Из текста можно понять, что Василий Темный не только умер без обычного предсмертного пострижения, но и стал жертвой собственной мнительности и упрямства. Придя к заключению, что он болен сухотной болезнью, Слепой сам назначил себе лечение. В итоге мучительных и, как намекает летописец, бесполезных прижиганий тлеющим трутом князь, по-видимому, получил заражение крови, от которого и скончался.

Несколько иначе, но с тем же намеком на слепое упрямство князя Василия, излагает историю его болезни составитель хорошо осведомленной Ермолинской летописи: «Тое же весны, не по мнозе времени (после казни заговорщиков. — Н.!>.), в той же во святыи пост князь велики повеле у себя на хребте труд жещи сухотныя ради болести, великая же княгини его и боляре его вси возбраняху ему, он же не послушав их, и с тех мест (с тех пор. — *Н. Б.*) разболеся» (29,157).

Эти подробности проливают некоторый свет на характер Василия Темного. Еще в молодости он отличался какой-то непонятной и тяжелой для окружающих переменчивостью. Приливы яркой, зачастую безрассудной отваги сменялись паническим страхом и отчаянием. С годами Василий стал мудрее и спокойнее. Однако трагические события 1445–1446 годов на прошли бесследно. Слепота сделала его беспомощным, а беспомощность вызывала вспышки ярости. Плохо приходилось тому, кто имел неосторожность навлечь на себя его гнев.

Окруженный врагами, Василий Темный стал скрытен, упрям и недоверчив. Вероятно, к этому прибавился и постоянный страх быть отравленным кем-то из тайных приверженцев галицкого семейства. В итоге общение с ним постепенно становилось для окружающих настоящей пыткой.

Жалкий калека, капризный домашний деспот, стремящийся заставить окружающих страдать вместе с ним, — таким предстает

перед нами Василий Темный в последние годы своей жизни. Но это была лишь одна, исподняя сторона его жизни. Наряду с ней имелась и другая, обращенная к миру и к истории. В этом искалеченном теле и больной душе было нечто, поднимавшее жизнь Слепого до высот шекспировской трагедии. Утратив способность видеть, он не сдался, не утонул в вечном мраке своей угличской темницы. Князь Василий с поразительным мужеством держал в своих руках кормило власти еще много лет. Львовская летопись отмечает, что Василий II умер, «княжив лет безо очию 16» (27, 276). Он водил полки в походы к самым дальним пределам Русской земли, усмирял то кнутом, то пряником вечно мятежный Новгород, железной рукой душил уделы, строил храмы и учил уму-разуму подраставших сыновей. И один только Всевышний знал, каких неимоверных усилий, каких «невидимых миру слез» ему это стоило…

В истории России Василий Темный всегда оставался лишь предтечей своего знаменитого сына — «государя всея Руси» Ивана III. Да и крупных успехов у Василия, конечно, было значительно меньше, чем у Ивана. И все же Василий сумел добиться многого. Признанием его заслуг может служить одна лаконичная, но многозначительная похвала, оброненная летописцем: «Бысть бо сей князь великий Василей единовластец в Руси» (30, 185). У этой похвалы была и оборотная сторона: проклятья тех, кого переехала погоняемая слепым возницей колесница Московского государства. Голос одного из них случайно донесся до нас сквозь века. В рукописной богослужебной книге (Постной Триоди) из собрания подмосковного Воскресенского монастыря содержится современная событию запись о кончине Василия Темного: «В лето [1462] месяце марта 28 день… в 3 час нощи об нощь святаго воскресения (то есть в ночь с субботы 27 марта на воскресенье 28 марта. — *Н. Б.*) преставися раб Божий князь великий Василий Васильевич». Пониже этой записи, другим почерком XV века, сделана приписка: «Июда душегубец, рок твой пришед…» (106, 276).

Василий Темный сумел подготовить страну к единовластию, а своего старшего сына Ивана — к роли самодержца. Хвалить его за это или хулить — вопрос особый. Но то, что этот поворот «родного корабля» потребовал от кормчего огромного напряжения всех сил, не вызывает сомнений.

На заслуги Василия Темного указывал тонкий знаток той эпохи историк А. Е. Пресняков: «Подлинным организатором Великорусского государства признают Ивана III Васильевича. Но он строил свое большое политическое здание на крепко заложенном фундаменте. И сам он, в общем политическом типе и

во всех основных стремлениях своих, питомец последнего десятилетия правления отца, когда юный княжич, еще ребенком… приобщен к политической жизни, шедшей под знаком упорной борьбы за власть. С восьмилетнего возраста он представитель великокняжеской власти в походах и во дворце; с начала 50-х годов видим его великим князем, официальным соправителем отца, и за эти годы сложился его личный облик, сложилась кругом него та правящая среда, с которой он начал в 1462 году самостоятельное свое правление. Вся политика Ивана Васильевича по отношению к младшим князьям — братьям родным и дальним, к народоправствам Великого Новгорода и Пскова, к Твери и Рязани — прямое продолжение мероприятий, какими в пятидесятых годах XV века ликвидированы результаты московской смуты. Мероприятия эти сразу получили более широкое значение — ликвидации основ удельно-вотчинного строя, перестройка на новых основаниях политического властвования над Великороссией. Иван III закончил это дело после нового, не столь бурного, но тревожного кризиса московских междукняжеских отношений, который разыгался в семидесятых годах XV века. А пятидесятые его годы — эпоха, когда слагается в основных чертах политический облик „грозного царя“, осуществленный двумя Иванами Васильевичами и тем Василием (Василием III. — Н.!>.), про которого Герберштейн говорил, что он властью превосходит едва ли не всех монархов целого мира.

Первым проявлением этого нового исторического типа, которое произвело сильное впечатление на московское общество, была, по-видимому, попытка великого князя Василия найти против внешних и внутренних врагов опору в служилой татарской силе. В процессе борьбы на такую черту легли иные, как приемы беспощадной расправы с виновниками и орудиями брожения, враждебного великокняжеской власти, как быстро нараставшие притязания на широкую свободу властвования, на полную свободу от подчинения традиционному, обычноправовому укладу княжой деятельности, семейно-владельческих и общественных отношений.

Единодержавие и самодержавие московских государей явилось итогом собирания раздробленной власти над территорией Великороссии и ее населением. Василий Темный в последнее свое десятилетие положил прочную основу Великорусскому государству построением его ядра — Московского государства…» (132, 408–409).

Василий Темный сошел в могилу в возрасте 47 лет. Удивительно, но факт: великий князь, управлявший Северо-

Восточной Русью 37 лет, поднявший ее из руин «феодальной войны», не удостоился даже приличного некролога в летописях. Сохранилось лишь описание его похорон, в котором искры живого чувства глубоко скрыты под холодным пеплом ритуальной скорби: «Бысть же тогда в граде Москве и рыдание велико зело, плакахужеся князи и вельможи, старии и унии, богатии и убозии, паче же реку и младенци, и все множество толика народа яко и друг друга угнетаху; и в колокол звонению бывшу тогда многу зело…» (17, 273).

Согласно давней традиции, на случай внезапного ухода в иной мир, московские князья загодя писали завещания — так называемые «духовные грамоты». Иногда их писали (или переписывали) и перед самой кончиной. Духовная Василия Темного сохранилась в оригинале до наших дней. Она не имеет точной даты и только по упоминанию в ней митрополита Феодосия датируется временем между его поставлением на митрополичью кафедру (3 мая 1461 года) и кончиной самого князя Василия (27 марта 1462 года). Это пространный перечень городов, сел, деревень, различных доходных статей и ценных вещей, которые получал в наследство каждый из сыновей, а также княгиня-вдова.

Несколько мест в завещании Василия Темного заслуживают особого внимания. Интересно, например, сравнить начальные строки завещания Василия I и Василия II. Отец начинал так: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, по благословенью отца нашего Фотея, *митрополита Киевского и всия Руси*, се аз, *грешный* худыи раб Божеи Василеи, при своем здоровье, пишу грамоту душевную» (6, 60; здесь и далее курсив наш. — *Н. Б.*). Сын писал примерно так же, но с некоторыми отличиями: «Во имя святыя и живоначальные Троици, Отца и Сына и Святаго Духа, и по благословленью отца нашего Феодосиа, *митрополита всиа Руси*, се аз, *многогрешны* худы раб Божеи Василеи, при своем животе, в своем смысле, пишу сию грамоту душевную» (6, 193).

Два отличия бросаются нам в глаза: одно носит церковно-государственный, а другое — личный характер. Важнее, конечно, первое. Митрополит Феодосии утратил половину того титула, которым пользовался митрополит Фотий и вместо «Киевского и всея Руси» стал просто «всея Руси». За этим сокращением — трагический раскол Русской Православной Церкви на две половины: великорусскую и западнорусскую. В Польше и Литве с неохотой признавали общерусских митрополитов, присланных из Византии (Феогноста, Киприана, Фотия). Но митрополит, поставленный в Москве, по воле московского князя, был там и вовсе неприемлем. Таков был один из горьких плодов московской

автокефалии 1448 года.

Но вот второе отличие. Василий I именует себя «грешным» рабом Божиим. Так должен был сказать о себе любой смиренный христианин. Василий II называет себя «многогрешным». Так же скажет о себе в завещании и Иван III. Думается, за этим усилением «грешности» стоит реальное осознание всей тяжести содеянного зла. Здесь слышится голос кающегося грешника. Но это — покаяние одинокого человека, испуганно стоящего у врат Вечности, а не могущественного правителя, для которого зло есть неизбежный атрибут его профессии…

ГЛАВА 5 Холодная весна

Сохраняют благополучие те, чей образ действий отвечает особенностям времени.

Никколо Макиавелли

Отзвучали скорбные напевы панихиды. Тяжелый каменный саркофаг поглотил прах многострадального и многогрешного великого князя Василия Васильевича. С этого момента начинается самостоятельное правление нашего героя — великого князя Ивана Васильевича. Он выходит, наконец, из тени своего отца. Теперь уже ему, а не Василию II, принадлежит решающее слово в московском Кремле. Исходя из деяний Ивана III, понимаемых в контексте эпохи, мы можем начать писать его портрет как политика и человека.

Однако в течение еще лет пяти после восшествия на московский престол Иван, насколько можно судить по скудным источникам, не ставил перед собой тех крупных исторических задач, которыми позднее будет прославлено его время. Подобно юному Петру Великому, он присматривался к окружающему миру, изучал его и намечал точки приложения своих сил. В эти годы Иван вел неприметную, но необходимую работу по укреплению войска, совершенствованию механизмов управления. Он беспощадно подавлял любые покушения на свою власть и утверждал себя как грозного Государя.

Отсутствие ярко выраженных стратегических целей в деятельности Ивана III в 1462–1467 годах заставляет нас по-прежнему придерживаться только хронологической последовательности в изложении событий. Позднее, когда он четко обозначит основные направления своей политики, наш рассказ примет иной, в большей степени тематический характер.

Первой проблемой, с которой столкнулся молодой правитель, было, конечно, урегулирование внутрисемейных отношений. Благодаря предусмотрительности Василия Темного здесь уже не было той двусмысленности, которая породила династический кризис второй четверти XV века. Однако оставались извечная зависть и неприязнь младших братьев по отношению к старшему. Московский летописец коротко изложил основные положения «рада», который Василий Темный в конце жизни дал своим наследникам:

«…А княжение великое дасть стол свои сыну своему, князю

великому Иоанну Васильевичу.

А князю Юрью дасть город Дмитров, да Можаеск, да Серпохов, да Хотунь, да бабины села и волости, великие княгини Софии.

А князю Андрею Болшему город Углечь Поле, да Бежецкий Верх, да Звенигород, да мати его, великая княгини Мариа, после великого князя живота придала ему Романов город на Волзе, а прежде того был Ярославьское княжение.

А князю Борису дал город Волок Ламьски, да Ржеву, да Рузу, да после князь велики Иван придал ему Вышегород Поротовьскии да Марьины села Голтяевы, бабы его (бабки по линии матери. — Я! >.), ему же дал.

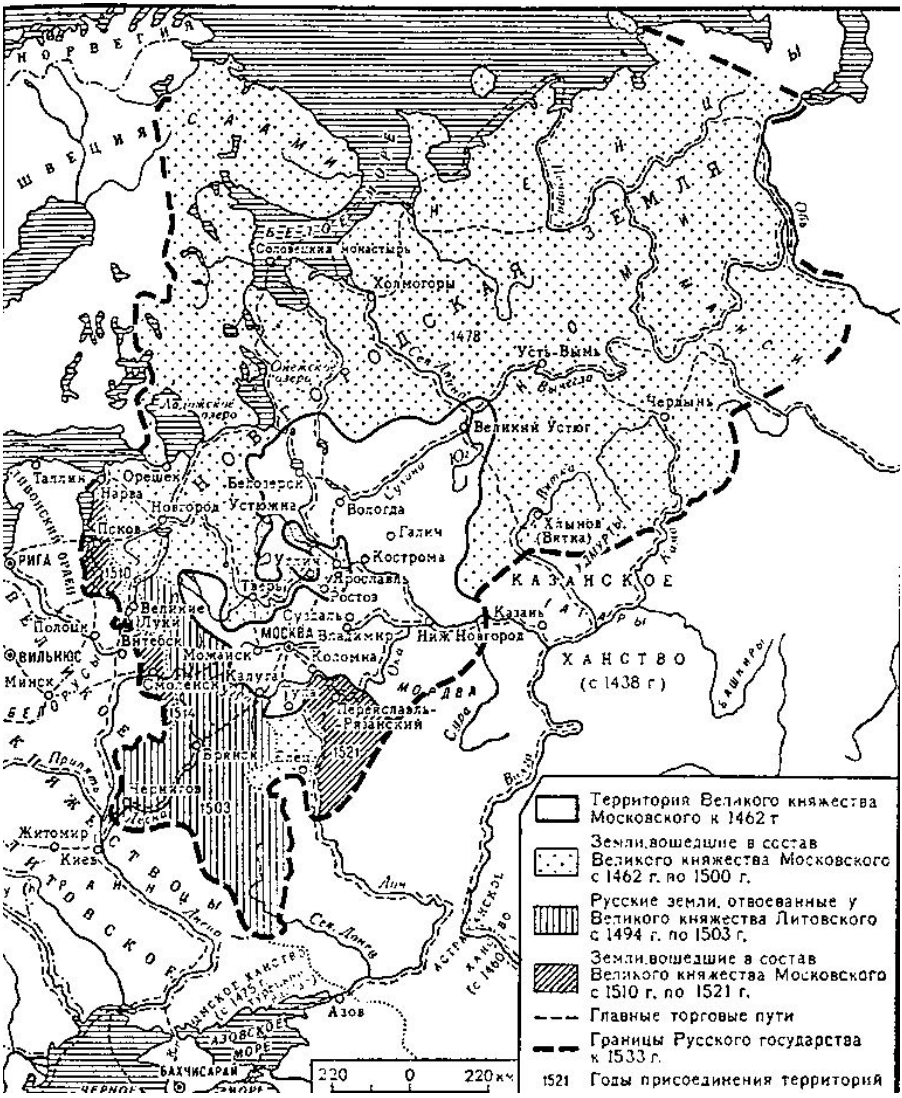
А сыну своему князю Андрею Меншему дал город Вологду, да Заозерье на Кубене, да князь велики Иоан после придал ему городок Торусу да Городец на Поротове» (29,157). (Андрею Меньшому в момент кончины отца было всего лишь девять лет. До 1469 года его уделом управлял сам Иван III.)

Не осталась забытой и княгиня-вдова. Вместе с наказом держать в узде своенравных сыновей Василий Темный оставил Марии Ярославне весомую часть своего наследства.

«А казну всю, и Романов городок, и что есть властей (волостей. — *Н. Б.*) и сел во всем великом княжении, что было за великими княгинями прежними, и что сам поймал у кого у изменников многое множество, и прикупил что, то все дал великой княгини Марии» (19,150).

Некоторые уточнения данных летописца можно найти в самом завещании Василия Темного. Городок Романов (позднее — Романов-Борисоглебск, а в советское время — Тутаев) находился на берегу Волги, верстах в тридцати выше Ярославля. Наряду с другими волостями в Верхнем Поволжье, он был куплен княгиней Марией Ярославной у измельчавших ярославских князей и принадлежал ей на правах личной собственности. Василий Темный в завещании лишь подтверждает полные права княгини на все эти территории: «…ино то ея и есть» (6, 196). От себя он добавляет Марии Ярославне к ее Романову в пожизненное владение еще и Ростов: «А княгине своей даю Ростов и со всем, что к нему потягло, и с селы своими, до ее живота… А возмет Бог мою княгиню, и княгини моя даст Ростов моему сыну Юрью…» (6, 195). В новых владениях княгини Марии Ярославны оставалось еще множество мелких князей, о которых возникла даже поговорка: «В Ростовской земле — князь в каждом селе». Василий Темный предусмотрительно оговаривает и этот вопрос: «А князи ростовские что ведали при мне, при великом князи, ини по тому и деръжат и при моей княгине, а княгини моя у них в то не

выступается» (6, 195).

Территория Великого княжества Московского к 1462 г.
Земли, вошедшие в состав Великого княжества Московского с 1462 г. по 1500 г.
Русские земли, отвоеванные у Великого княжества Литовского с 1494 г. по 1503 г.
Земли, вошедшие в состав Великого княжества Московского с 1510 г. по 1521 г.
Главные торговые пути
Границы Русского государства к 1533 г.
1521 Годы присоединения территорий
КАЗАНСКОЕ ХАНСТВО (с 1438 г.)
ЗАВОЛЖСКАЯ ЗЕМЛЯ
ПЕРМЬ
ВЯТСКАЯ ЗЕМЛЯ
ВЕЛИКОЕ ВОРОТСКАЯ
ЛИТОВСКОЕ ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО
ЧЕРНИГОВО-СЕВЕРСКИЕ КНЯЖЕСТВА
ПРИДНЕПРОВСКОЕ
ОРДЫНСКОЕ ХАНСТВО (с 1475 г.)
АЗОВСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Москва
Новгород
Псков
Тверь
Рязань
Смоленск
Брянск
Чернигов
Киев
Житомир
Витебск
Полоцк
Минск
Вильнюс
Рига
Таллин
Нарва
Орешек
Белозерск
Устюжна
Вологда
Галич
Кострома
Ярославль
Ростов
Суздаль
Владимир
Нижний Новгород
Можайск
Калуга
Коломна
Переяславль-Рязанский
Елец
Путивль
Звенигород
Серпухов
Тула
Лух
Хлынов (Вятка)
Чердынь
Усть-Вымь
Великий Устюг
Соловецкий монастырь
Холмогоры
Онежское озеро
Ладожское озеро
Чудское озеро
Псковское озеро
Ильменское озеро
Белое море
Баренцево море
Карское море
Швеция
Норвегия
Финляндия
Литва
Ливония
Ливонский орден
Ливонские земли
Ливонская война
Ливонский орден
Ливонские земли
Ливонская война
Ливонский орден
Ливонские земли
Ливонская война

отбрасывает нас на несколько десятилетий назад, во мрак бессмысленного и бесцельного.

И все же в решении Василия Темного воссоздать удельную систему была определенная логика. Она строилась на нескольких данностях. Данность первая — наличие у великого князя в момент составления завещания пяти сыновей. В эпоху, когда люди имели столько детей, «сколько Бог даст», с этим ничего нельзя было поделать. (В общей сложности, вместе с умершими в младенчестве, Василий II имел десять детей (152, 96 — 118).) Более того, многодетность считалась признаком здоровья и процветания правителя. Ее прославляла Библия. Она служила для династии своего рода страховкой на случай чрезвычайных обстоятельств — войны, эпидемии, мятежа. Летописец сравнивает сыновей князя со стрелами в его колчане: чем больше стрел, тем сильнее князь в сражении.

Данность вторая. Каждый сын должен был после кончины отца получить в наследство собственный удел. Князь, не имеющий собственного удела, — жалкая и несчастная личность. Он вынужден наниматься на службу к какому-то более сильному правителю. Многие измельчавшие князья или князья-изгои шли по этому пути. Но кто же толкнет на него собственных сыновей? Даже если допустить, что, переступив через свое отцовское чувство, стерпев упреки и вопли жены, Василий Темный во имя укрепления государства оставил бы всю территорию Московского и Владимирского княжения в руках одного Ивана, — он тем самым поставил бы старшего сына в крайне тяжелое положение. Обделенные братья тут же кинулись бы искать сочувствия в Литве или Орде. Под их знамена потянулись бы все недовольные возвышением Москвы. В итоге страна оказалась бы ввергнутой в новую страшную смуту, сопровождаемую внешним вмешательством.

Таким образом, удельная система обладала способностью к самовоспроизведению. Ее нельзя было даже утопить в крови массовой резни меньшой братии. (Этим методом в XIII–XIV веках не раз пытались решить проблему рязанские князья. В XIV столетии к нему прибегали татарские ханы.) На месте отрубленных голов тотчас вырастали новые.

К тому же на пути братоубийства легко было стяжать горькую славу проклятого Богом и людьми Святополка Окаянного. Понимая все это, московские великие князья до Василия II боролись с уделами настойчиво, но практически без «хирургического вмешательства».

Лучшим «терапевтическим» средством было постоянное увеличение в духовных грамотах доли старшего сына —

наследника великокняжеского стола. Со временем его материальное (а значит и военное) превосходство над младшими братьями становилось столь значительным, что почти исключало возможность мятежа. Иван III получил от отца в свое непосредственное управление «около половины территории: четырнадцать городов против двенадцати, поделенных между остальными четырьмя сыновьями» (65, 108).

Другим средством был захват великим князем всех выморочных уделов и новоприобретенных территорий без выделения какой-либо их части удельным князьям. Но если в первом случае воля отца (гарантом соблюдения которой обычно назначалась мать) исполнялась безропотно, то во втором произвол старшего брата неизменно становился причиной недовольства младших. Их фронда могла принимать самые различные формы, вплоть до восстания.

Многолетняя тяжелая борьба с мятежом своих младших сородичей заставила Василия Темного прибегнуть к тем «хирургическим» средствам, которых московские князья прежде благополучно избегали. Он заточил в темницу одного своего кузена (Василия Косого), отравил другого (Дмитрия Шемяку), отправил в изгнание третьего (Ивана Андреевича Можайского). Во мраке темницы коротал свои дни и невзначай забывшийся шурин — Василий Ярославич Серпуховской. Новое средство требовало крайней осторожности в обращении — одна оплошность стоила Василию II глаз, — но при этом было весьма эффективным. С его помощью он почти ликвидировал удельную систему в Московском княжестве. И по необходимости воссоздав ее своим завещанием, он вместе со старой проблемой передал своему наследнику Ивану и новый способ ее решения. Затруднение состояло лишь в том, что теперь речь шла уже не о двоюродных братьях, а о родных…

Начало самостоятельного правления князя Ивана было на редкость спокойным. Под 1462 годом, кроме известия о кончине Василия Темного и перехода московского великокняжеского престола к Ивану Васильевичу, летописцы не сообщают почти ничего. Один только новгородский летописец, словно предвидя что-то недоброе, горько жалуется: «Тая же весна тяжка бысть хрестьяном: бысть дни снежны, бурны, студены, бестравны и до Троицына дни…» (23, 208). Нет известий о торжествах по случаю начала нового княжения. Вероятно, князь Иван и не устраивал никакого торжества: он был титулован великим князем, соправителем отца еще в 1448 году (83, 132). Нет известий о признании Ордой нового великого князя. Вероятно, такого

признания Ивану уже и не требовалось. Нет известий о гонениях на прежних фаворитов и возвышении новых. Вероятно, за долгие годы соправительства Иван сжился с окружением отца и не имел желания его менять. Словом, смена власти произошла как-то буднично и незаметно. Прежде князь Иван был, так сказать, «нареченным» великим князем — по титулу и по семейному положению. Однако все важные решения принимал (и нес за них политическую и моральную ответственность) Василий Темный. Теперь Иван занял место отца, со всей полнотой власти и ответственности.

И все же вступление Ивана на отцовский престол, при всей его предопределенности и бесспорности, конечно, привлекло всеобщее внимание. Появление молодого и обаятельного великого князя на троне, где привыкли видеть его страшного отца, было событием радостным и вселявшим надежду. Сам Иван чувствовал потребность отметить свое восшествие на престол каким-то памятным деянием. К тому же ему хотелось самым наглядным образом закрепить право на престол за своим четырехлетним сыном Иваном Молодым. Государь не был уверен в том, как поведут себя младшие братья в случае его внезапной кончины. Лучшим способом заявить о себе и о своем сыне как о новых правителях «всея Руси» Иван счел чеканку золотых монет. Одна такая монета сохранилась в собрании Государственного Эрмитажа и известна в нумизматической литературе под названием «угорского» или «московского» золотого Ивана III. Это золотая монета весом 3,59 грамма, выполненная по образцу золотого дуката венгерского короля Матвея Корвина (1458–1490). На лицевой ее стороне — изображение стоящего человека с секирой в одной руке и державой — в другой; на оборотной — разделенный на четыре поля геральдический щит Корвинов. Надпись на лицевой стороне — «князь великий Иван Васильевич», на оборотной — «князя великого Ивана Ивановича всея Руси». Полагают, что эти монеты чеканил для Ивана III в 1462 году живший в Москве итальянец Джакопо (131,285). «Московский золотой 1462 года не только был декларацией внутренней политики Ивана III, он должен был свидетельствовать о международном значении Руси, о том, что и она, как и другие европейские государства, имеет свою золотую монету. Характерно, что три таких золотых были посланы… миланскому герцогу, а два других — иноземным мастерам, направлявшимся работать в Россию» (131, 288).

(Чеканка «угорских» золотых в 1462 году носила эпизодический характер и вскоре была прекращена. Вероятно, братья Ивана III не хотели признать за несовершеннолетним

Иваном Молодым титул «великого князя» и величать его «братом старейшим». Этого признания Иван III сумел добиться только в начале 70-х годов XV века. И все же «угорский» золотой Ивана III стал важной вехой в истории денежной системы средневековой Руси. Полагают, что его изготовлением Иван положил начало русской золотой чеканке (131, 289). Среди исследователей существуют разногласия по вопросу о том, являлись ли эти золотые собственно монетами или же их использовали только в качестве наградных знаков. Очевидно, имело место и то и другое. Однако золотые монеты были отчеканены в небольшом количестве и по многим причинам не прижились в экономических отношениях тогдашней Руси.)

В среду 5 мая истекал срок положенного 40-дневного траура по Василию Темному. На Боровицком холме вновь началась череда приемов, торжеств, церемоний. Братья Ивана: 21-летний Юрий, 15-летний Андрей Большой, 12-летний Борис, стали разъезжаться по своим новым владениям. Отроки и юноши, впервые почувствовавшие себя вполне свободными, они наслаждались ролью самостоятельных правителей. Пока еще никто не роптал на малость своей доли, на прижимистость старшего брата. «И седоша по своим вотчинам, и бысть промежи ими мир и любовь» (30, 185).

В четверг 13 мая состоялось уже год как ожидаемое поставление нового владыки на ростовскую кафедру. Им стал архимандрит Спасского монастыря в московском Кремле Трифон — тот самый Трифон, который в бытность свою игуменом Кирилло-Белозерского монастыря освободил Василия Темного от клятвы верности Дмитрию Шемяке. Вернувшись к власти, Слепой приблизил его к своему престолу.

Рукоположение Трифона состоялось не в воскресенье, как обычно, а в четверг, на другой день после Преполовения Пятидесятницы. Трудно сказать, чем обусловлено было такое решение митрополита Феодосия. Как бы там ни было, но уже через десять дней (в воскресенье 23 мая) новый владыка торжественно въехал в Ростов. Праздник Вознесения (27 мая 1462 года) он встречал уже вместе со своей паствой (30, 185).

В московском Кремле продолжалось начавшееся еще при Василии Темном каменное строительство. 27 июля 1462 года (в день памяти святого Пантелеймона) была освящена церковь святого Афанасия с приделом во имя святого Пантелеймона. Она располагалась рядом с Фроловскими (ныне Спасскими) воротами Кремля (71, 27). «Ставил» храм известный строитель того времени Василий Дмитриевич Ермолин (29, 157). Кто был заказчиком сооружения — источники не сообщают. (Некоторые

предположения на сей счет читатель найдет в главе 14.)

Как и другие каменные храмы московского Кремля, Афанасьевская церковь имела свою историю. Первая церковь с этим посвящением существовала в Кремле еще во времена Дмитрия Донского (25, 139). Вероятно, именно он выстроил ее в память о своей свадьбе с княгиней Евдокией, которая состоялась в день памяти святителей Афанасия и Кирилла Александрийских — 18 января 1366 года. Сам по себе святой Афанасий почитался как непреклонный борец против еретиков. Может быть, поэтому посвященный ему храм был выстроен в охваченном ересью стригольников Новгороде в 1416 году.

Московский Кремль с высоты птичьего полета представлял собой огромный треугольник, одна сторона которого была прикрыта Москвой-рекой, а другая — Неглинкой. Самой слабой в военном отношении являлась третья сторона, обращенная к Красной площади. Здесь препятствием для врагов кроме самой стены служил лишь ров, заполненный водой. От времени и многочисленных пожаров белокаменный Кремль ветшал. Вероятно, его поновления носили регулярный характер и как события достаточно заурядные даже не отмечались летописцами. Лишь Ермолинская летопись (в создании которой на одном из этапов участвовали московские купцы Ермолины) сохранила известие об очередном поновлении московского Кремля в 1462 году. И на то были особые причины: строительными работами руководил Василий Дмитриевич Ермолин.

«Того же лета стена поновлена городная от Свибловы стрелници до Боровицких ворот каменем, предстательством Василиа Дмитреева сына Ермолина», — сообщает летопись под 6970 годом от Сотворения мира (с 1 сентября 1461 года по 31 августа 1462 года) (29, 157).

Доставка в Москву множества тяжелых глыб белого камня из мячковских каменоломен на Москве-реке (примерно в 40 км ниже московского Кремля) была возможна только на санях, «по зимнему пути». Следовательно, заготовку и доставку камня для летнего строительного сезона 1462 года предпринял еще Василий Темный.

Под 6971 годом (с 1 сентября 1462 по 31 августа 1463 года) в «Истории» В. Н. Татищева помещено следующее сообщение: «Послал князь великий наместники своя в Новгород Великий. Таже посла киличеи (послы. — *Н. Б.*) своя к хану в Орду с дары многими. Хан же прият дары, приела свой посол на Москву к великому князю» (50, 23). Эти известия вполне достоверны: князь Иван должен был официальным образом дать знать Новгороду и Орде о своем восшествии на престол. К сожалению, неясно, какая

именно Орда (Казанская? Ногайская? Волжская?) имеется в виду. Скорее всего, речь идет о Волжской (Большой) Орде, которая рассматривалась как прямая наследница некогда единой Золотой Орды.

Вскоре по восшествии на трон князь Иван счел необходимым определить отношения со своим шурином — тверским князем Михаилом Борисовичем, которому осенью 1462 года исполнилось лишь 9 лет (168, 512). Сохранился текст московско-тверского договора, заключенного в период между 1462 и 1464 годами. На первый взгляд — это соглашение между двумя совершенно равными по статусу суверенными правителями. Князья обязуются жить в дружбе, помогать друг другу в случае необходимости («А быти нам, брате, на татар, и на ляхи, и на литву, и на немци заодин, на всякого нашего недруга»). Иван III настолько доверяет Михаилу, что даже не возражает против его прямых контактов с Ордой («А к Орде ти, брате, ко царю, путь чист, и твоим людем») (6, 205).

Но в итоге этого договора князь Иван получил значительно больше, чем Михаил Тверской. Последний был по характеру человеком весьма мирным и умеренным. Ивану не пришлось посылать войска ему на помощь, поскольку шурин ни с кем не ссорился и не желал чужого. Не ездил он и к татарам, ибо не видел в том никакой нужды. В то же время свои обязательства по отношению к Москве Михаил выполнял неукоснительно. Его полки ходили во все большие походы Ивана, помогая москвичам сломить Новгород и свергнуть иго татар. С грустью, но без ярости смотрел Михаил на то, как тверские бояре один за другим отъезжали на службу к Ивану III. Таков был один из пунктов их договора. «А бояром и слугам межи нас вольным воля» (6, 204). А когда, наконец, в середине 80-х годов у тишайшего тверского князя сдали нервы и он в панике бросился искать защиты от наползавшей со всех сторон московской силы у литовцев, — Иван III легким движением, словно шахматную пешку, сбросил его с доски…

Усиление московской крепости, очевидно, поглощало все внимание и силы Ивана III в 1462–1463 годах. Это многозначительное предприятие повергло в уныние соседних князей. Для них оно не сулило ничего хорошего. Из летописей все хорошо знали: построив свой белокаменный Кремль, Дмитрий Донской начал «посягати злобою» на непокорных князей (22, 84).

Из старшего поколения князей московского дома в начале 1462 года на уделе оставался один лишь двоюродный дядя Ивана III князь Михаил Андреевич Верейский. Ему было уже под пятьдесят. Князь Иван поначалу заключил с Михаилом

Андреевичем договор, в котором подтверждал все его старые права и владения. Несколько лет спустя великий князь пересмотрел этот договор, отняв у верейского князя подмосковный Вышгород. Потом Михаил был лишен прав на Белоозеро. В 1483 году его сын Василий, спасаясь от произвола Ивана III, бежал в Литву. Тем самым он обрек отца на новые унижения. Великий князь заставил его подписать договор, согласно которому все владения, остававшиеся еще в руках Михаила Андреевича, после его кончины отходили «на государя». Так и случилось в 1486 году. К этому можно лишь добавить, что ликвидация верейско-белозерского удела несколько затянулась благодаря одному обстоятельству: князь Михаил Андреевич был женат на княгине Елене Ярославне, родной сестре Марии Ярославны, жены Василия Темного и матери Ивана III. Как для первого, так и для второго мнение этой умной и властной женщины имело большое значение.

Вслед за малоприметным для истории первым годом княжения Ивана III пришел второй — год 1463-й. И здесь летописи представляют на обозрение потомства какие-то странные, двусмысленные события.

В Ярославле, в подклете древнего каменного собора Спасского монастыря обнаружились нетленные мощи местных князей — Федора Ростиславича Черного и его сыновей, Давида и Константина. Федор Черный был современником первого московского князя Даниила и славился своим буйным нравом. Получив ярославский престол в приданое за своей первой женой княгиней Марией Васильевной, он после ее кончины женился вторично на какой-то знатной татарке. Федор вообще был своим человеком в Орде и пользовался расположением ханов. От ордынской жены он имел сыновей Константина и Давида. Последний и стал родоначальником всех ярославских князей XIV–XV веков.

Ни сам Федор, ни его сыновья не отличались особой набожностью. Чудотворность их мощей — одно из главных условий причисления к лику святых — стала для всех неожиданностью. В субботу 5 марта 1463 года состоялось переложение останков ярославских князей в новую гробницу. Шла вторая неделя Великого поста — время особого благочестия для каждого христианина. Открытие старой гробницы сопровождалось чудесами: «тогда Бог простил первое Богородицкаго попа и сына его у гроба их; воду свещали с мощей их, от тое воды простило две жены слепы. И оттоле начата дивитися, и возвестиша всем, и начата звонити…» (27, 276).

Спасский архимандрит Христофор торжественно перенес новоявленные святые мощи в монастырский собор и выставил их там в особой раке для всеобщего поклонения. «И бяху от них многа чудеса и различнаа исцелениа приходящим к ним с верою и до сего дни», — подытоживает летописец (20, 116). В Вербное воскресенье (3 апреля) «Бог простил у их у гроба бесна человека, да слепа, боляща очима, и прозре»; в среду на Фоминой неделе (20 апреля) «у гроба чюдотворець Бог простил отроковицу единем оком слепу, да мужа с женою беснуемых»; 10 мая, на память апостола Симона Зилота, исцелились слепая женщина и больной отрок. В субботу 25 июня исцелились сразу «четыре жены» (27, 276).

Вся эта провинциальная история по какой-то непонятной причине попала в московское летописание того времени. В Ермолинской летописи, где многие известия из времен Василия Темного и Ивана III словно написаны желчью, сообщение о новоявленных ярославских святых уже задним числом было отредактировано и снабжено саркастическим комментарием. (Для удобства читателя мы разбиваем сплошной текст летописи на абзацы.)

«Во граде Ярославли, при князи Александре Феодоровиче Ярославьском, у святаго Спаса в монастыри во общине (то есть монастыре с общежительным уставом. — *Н. Б.*) явися чюдотворец, князь велики Феодор Ростиславич Смоленский, и с детьми, со князем Костянтином и с Давидом, и почало от их гроба прощати множество людей безчислено.

Сии бо чюдотворци явишася не на добро всем князем Ярославским: простилися со всеми своими отчинами на век, подавали их великому князю Ивану Васильевичу, а князь велики против их отчины подавал им волости и села.

А из старины печаловался о них князю великому старому (Василию Темному. — *Н. Б.*) Алекси Полуектович, дьяк великого князя, чтобы отчина та не за ними была.

А после того в том же граде Ярославли явися новый чюдотворец, Иоанн Огафонович Сущей, созиратаи Ярославьскои земли: у кого село добро, инъ отнял, а у кого деревня добра, инъ отнял да отписал на великого князя ю, а кто будеть сам добр, боарин или сын боярьскои, ин его самого записал.

А иных его чюдес множество не мощно исписати ни исчести, понеже бо во плоти суще цьяшосъ» (29, 157–158).

Неизвестный автор этого рассуждения был, несомненно, человеком весьма образованным. Последнее слово последней фразы («цьяшосъ») зашифровано им по способу так называемой «простой литореи» и означает «дьявол».

Этот краткий рассказ — как случайно приоткрывшееся оконце. Здесь слышен голос не смиренного монаха-летописца, а хорошо осведомленного деятеля, не чуждого представлений о правде и совести. Ярославская история привлекает его внимание как характерная картинка тогдашней русской жизни. С одной стороны — хитроумное коварство московских дьяков, произвол хамоватых воевод, с другой — наивная хитрость местной знати, не способной защитить свои права и возлагающей последние надежды на новоявленных «чудотворцев». И над всем этим — огромный, словно тень от колокольни — встает тот, чьим именем творится и освящается вся неправда мира сего.

Кто же он, источник всей неправды? Сам «князь тьмы», дьявол, или его земная ипостась — Иоанн Агафонович Сущей? Но кого обозначает этот загадочный персонаж со странным именем, похожим на заклятье? Неужели это всего лишь великокняжеский порученец воевода Иван Стрига Оболенский? Скрытый намек таится в отчестве московского воеводы — Иоанн Агафонович. Имя Агафон по-гречески означает «Добрый». Прозвище Добрый носил лишь один русский князь — Иван Данилович Московский, более известный под прозвищем Калита. Прямой потомок Ивана Доброго, великий князь Московский Иоанн (именно так, на церковный манер, любил называть себя Иван III), похоже, и есть тот «дьявол по плоти», в которого направлены все сарказмы и тайные проклятья неизвестного автора уникального рассказа Ермолинской летописи о ярославских чудотворцах. (Примечательно и последнее имя — «Сущей». В редакции Новгородской IV летописи оно передано как «Сухой». Имя это вполне могло быть еще одним (наряду с «Горбатым») прозвищем, которое современники присвоили долговязому и худощавому великому князю Ивану Васильевичу.)

Что же действительно произошло в Ярославском княжестве в 1463 году? За недостатком сведений точный ответ на этот вопрос дать невозможно. Однако контуры событий все же угадываются достаточно определенно. В первые годы своего правления Иван III произвел в Ярославском крае принудительную перестройку всей системы властных и поземельных отношений. При этом «дело свелось не только к лишению местных князей их власти, но и к замене их земельных владений другими, пожалованными им великим князем. По-видимому, с этих пожалованных вотчин они должны были нести „службу“ Ивану III. Их же собственные вотчины переходили к землевладельцам, переселявшимся сюда из московского центра. Подобная земельная перетасовка в Ярославском княжестве, приведшая к внедрению в его пределы

московских вотчинников, должна была укрепить там политические позиции великокняжеской власти» (164, 828).

Кажется, еще Василий Темный имел намерение «прибрать к рукам» многочисленных измельчавших князей ярославского дома. В том поколении, к которому принадлежал правивший тогда в Ярославле князь Александр Федорович Брюхатый, их насчитывалось уже около трех десятков. Известно, что потомки Федора Черного имели родственные связи с теми удельными князьями, которых Василий считал своими врагами. Жена Дмитрия Шемяки княгиня Софья Дмитриевна была двоюродной сестрой Александра Брюхатого. Другая кузина ярославского правителя — Анна Семеновна — была первой женой Ярослава Владимировича Серпуховского. Однако о каких-то тесных отношениях ярославских князей с мятежниками сведений нет. Напротив, Александр Федорович Брюхатый был сторонником Василия II. По этой причине он в 1435 году был обманом захвачен вятчанами и некоторое время провел в плену.

Но верность Москве не избавила ярославского князя от тяжкой руки Слепого. Согласно рассказу преподобного Иосифа Волоцкого, Василий II отобрал у Александра Федоровича находившийся в его владениях Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере. Поводом для этого стала жалоба монахов на то, что ярославский князь «егда хотяше прийти в свой манастырь на Каменое, повелеваше с собою псы в манастырь приводити, також и в трапезу. И егда сам ядяше, тогда и псы повелеваше кормити тою же пищею, юже сам ядяше» (39, 201). Митрополит Иона признал законность распоряжения московского князя, хотя это и нарушало традиционные права местных князей.

Очевидно, Василий II в последние годы жизни поручил вести все ярославские дела своему дьяку Алексею Полуектову. Он-то и разработал проект «черного передела», ставившего ярославских князей в полную зависимость от великого князя Московского. Однако Слепой по каким-то причинам не осуществил хитроумный замысел, оставив его наряду с другими своими начинаниями в наследство Ивану III. Князь Иван мог бы также оставить ярославских князей в покое на какое-то время, если бы они сами не напомнили о себе нелепой затеей с новоявленными «чудотворцами». Прославление тех или иных личностей в качестве святых, как правило, имело определенную политическую подоплеку. Инициатива в таких вопросах должна была идти «сверху», а не «снизу». Однако ни великий князь, ни митрополит Феодосии, ни ростовский владыка Трифон, в епархию которого входил Ярославль, не имели отношения к «обретению мощей» старых ярославских князей. Инициативу проявило ярославское

духовенство вкупе с местным князем Александром Брюхатым. (Последний, вероятно, хотел восстановить свою репутацию благочестивого правителя, сильно пострадавшую после скандала со Спасо-Каменным монастырем.) В прежние времена, когда ярославские князья были суверенными владетелями, их начинание так и осталось бы событием местного значения. Однако времена изменились. Теперь же церемонию можно было расценить и как самоуправство. А на всякое самоуправство в Москве отвечали немедля.

Весть о ярославских чудотворцах встревожила и церковное начальство. Ростовский владыка Трифон, давний доброхот Москвы, весьма недвусмысленно изъявил недовольство этой инициативой: «той же неверием обдержим, не имяше веры, мняше вълшевство быти» (27, 276). Трифон послал для освидетельствования мощей ростовского протопопа Константина, хорошо известного при московском дворе. Тот, осмотрев мощи, не поверил в их святость, «мня сим чюдотворением игумен многа богатества приобрете, еже приношаху гражане на молебны» (27, 278). Конец этой истории уверяет читателя в подлинности святых мощей: сначала протопоп Константин, а потом и сам ростовский владыка Трифон были наказаны за свое неверие тяжкими болезнями. Последний в августе 1467 года оставил кафедру, приказал отвезти себя в Ярославль и там замаливал свой грех у гробницы святых.

Реакция Москвы на ярославские «чудеса» была быстрой и жесткой. В Ярославль в качестве наместника был отправлен князь Иван Васильевич Стрига Оболенский. Это был храбрый воевода, известный многими победами. Как и его отец, князь Василий Иванович Оболенский, Иван Стрига принадлежал к числу наиболее приближенных к Василию Темному лиц. Ему доверялись поручения, требовавшие не только военных, но и административных способностей. Так, в 1460 году он был послан великокняжеским наместником во Псков, где еще недавно встречали колокольным звоном бежавшего из Новгорода сына Дмитрия Шемяки Ивана и где до приезда Стриги сидел давний враг Василия II литовский князь Александр Чарторыйский — зять Дмитрия Шемяки. Неизвестно, какими достоинствами Иван Оболенский сумел пленить псковичей, но только и позднее они не раз просили великого князя вновь прислать его к ним. Этого закаленного бойца Иван III и послал наводить порядок в Ярославле.

Методы, которыми действовал «генерал на воеводстве», красноречиво описаны Ермолинской летописью. Ярославль он покинул не позднее 1467 года, поскольку в этом году мы застаем

Стригу в привычной роли воеводы в казанском походе. Князь Александр Брюхатый жил в Ярославле до самой своей кончины в 1471 году. Какими полномочиями он пользовался в этот период — неизвестно.

Ярославские «чудеса» — почти единственное примечательное событие 1463 года, отмеченное летописцем. Наряду с ними упомянуты лишь новые бедствия: «того же лета, от сентября месяца до Филипова заговениа (14 ноября. — Н.!>.), от коросты люди мерли мнозие» (19, 150). Впрочем, в источниках есть и еще одно весьма примечательное сообщение…

Наряду с «большими» летописями, которые велись на великокняжеском дворе и при митрополичьей кафедре, в крупных монастырях и при кафедральных соборах, сохранились и своего рода исторические заметки, принадлежавшие перу отдельных любознательных книжников. Эти небольшие произведения («летописчики») иногда содержат уникальные известия. Так, в одном из них, созданном иноком Кирилло-Белозерского монастыря Гурием Тушиным, читается следующее известие: «В лето 6971 (1463) августа 27 Басенку очи выняли после великаго князя Василия смерти год и 5 месяц» (114, 202).

Нет никаких пояснений: за что и при каких обстоятельствах был так свирепо наказан один из лучших воевод Василия Темного. Отношение автора записи к этому событию угадывается в указании на то, что казнь состоялась через год и 5 месяцев после кончины Василия II. Это можно понять как упрек: сын не проявил должного уважения к памяти отца, высоко ценившего Федора Басенка. Но более всего примечателен сам факт: Иван III унаследовал отцовскую жестокость по отношению к тем, кого считал своими врагами. Конечно, этого требовали обстоятельства. Вероятно, именно в первые годы самостоятельного правления князь Иван столкнулся с фрондой старой московской знати, которая отстояла престол от посягательств Дмитрия Шемяки и, не дождавшись благодарности от Василия Темного, надеялась «прибрать к рукам» его юного наследника. Ответом на эти опасные настроения и стала показательная расправа с Басенком. Для князя Ивана жестокое наказание Басенка было, по-видимому, не столько вопросом безопасности, сколько способом самоутверждения. Именно так — через жестокие и неожиданные расправы с боярами — впоследствии начинал свое самодержавное правление Иван Грозный…

Ослепленный воевода был, вероятно, посажен в темницу. (Оставлять его на воле было опасно. В Москве слишком хорошо знали, на что способен хотя и ослепленный, но не сломленный духом человек.) Десять лет спустя Федор Басенок был сослан в

Кирилло-Белозерский монастырь, где и скончался в 1480 году. Полагают, что, находясь в ссылке, Басенок имел возможность рассказывать кирилловским монахам о своих былых походах и заслугах. Его воспоминания отразились в летописных трудах кирилловских книжников (114, 209).

Едва ли случайно, что для показательной казни Иван III избрал именно Федора Басенка. Этот боярин не отличался особой родовитостью и был одинок в среде московской знати. Своим возвышением он был обязан исключительно собственным талантам. Падение таких людей обычно вызывает у окружающих посредственностей лишь чувство злорадного удовлетворения…

Окутанный вечным мраком, исчез с исторической сцены отважный Федор Басенок. Но мир не перевернулся от нового злодеяния. Жизнь шла своим чередом. Одних несли на погост, другие с плачем приходили в мир. Восходило и заходило солнце. Покрикивая на понурую лошадку, брели за сохой лапотники-мужики. Звонили колокола. Поднимая пыль, уносились куда-то вдаль торопливые всадники. Молились в своих кельях монахи. В далеком Приуралье бился с язычниками-пермяками неистовый миссионер епископ Иона… Каждый как мог совершал свой жизненный круг. И словно распростершая крылья птица, кружил над Русью год 6971-й от Сотворения мира…

Зимой православные если не дрались, то пировали. В январе 1464 года вся Москва гуляла на свадьбе молодого рязанского князя Василия Ивановича. Жених — единственный наследник некогда могущественного Рязанского княжения — согласно завещанию отца с восьми лет воспитывался при московском дворе. Здесь заботливые опекуны (уже давно наложившие руку на Рязанское княжество) подыскали ему невесту — княжну Анну, родную сестру самого великого князя Ивана Васильевича. Но перед свадьбой 15-летнего княжича отправили на родину, в Рязань, чтобы он мог формальным образом вступить на отцовский престол. В конце 1463 года «князь велики Иван и мати его великаа княгини Мариа отпустили князя Василиа Ивановича на Рязань, на его отчину, на великое княжение» (19,151). Покончив с этим, Василий уже как полноправный «великий князь Рязанский» 9 января вернулся в Москву за невестой.

Свадебная церемония состоялась «в неделю о Блудном» — 29 января 1464 года (19, 151). Венчание происходило в Успенском соборе московского Кремля. А в понедельник, на память Трех Святителей, молодые уехали к себе в Рязань.

Помимо княжеской свадьбы, у москвичей в ту зиму был и еще один повод для пересудов. В Москву явились за «милостыней»

православные из самого Иерусалима. Они рассказывали о том, что храм Гроба Господня якобы сильно поврежден землетрясением. Воспользовавшись этим, египетский султан хочет устроить на его месте мечеть. Для спасения великой святыни нужно срочно собрать значительную сумму денег.

Поначалу делегацию возглавлял сам патриарх Иерусалимский Иоаким. Однако он скончался по дороге в Москву, в Кафе (Феодосии). Его брат по имени Иосиф все же добрался до цели и стал просить московского митрополита Феодосия не только о «милостыне», но и о поставлении его в сан митрополита Кесарии Филипповой, ссылаясь на то, что такова была воля умершего патриарха.

Похоже, что этот Иосиф был заурядным мошенником. Все, рассказанное им, не находит подтверждения в источниках (73, 529). Однако он был неплохо осведомлен о состоянии Русской Церкви и даже о том, что в Москве епископы, не оглядываясь на патриарха, ставят митрополитом кого захотят. Иосиф знал, что москвичи мечтают о вселенском признании своей новоявленной автокефальной Церкви. За это они готовы выложить немалые деньги. Так родился замысел смелой авантюры…

В Москве всегда со смешанным чувством относились к византийцам. В них чтили великое прошлое Церкви и Империи — и презирали настоящее. Греки всегда раздражали русских своим плохо скрытым высокомерием. Их считали льстивыми и коварными. Но, подавая милостыню гордым «ромеям», москвичи тешили свое провинциальное самолюбие. Им хотелось, чтобы слух о Москве как о богатом и благочестивом городе прошел по всему православному миру.

Все эти чувства в той или иной мере испытали великий князь Иван и митрополит. Неизвестно, кто из них больше поверил Иосифу. Кажется, это был Феодосии. Впрочем, помимо благочестия, в деле был и церковно-политический расчет. Миссия Иосифа (как он ее представлял) действительно означала признание автокефального московского митрополита одним из вселенских патриархов. Тем самым прекращались всякие сомнения относительно законности деяний московского собора 1448 года. И даже если Иосиф был обманщиком — его обман был полезен Москве…

Поразмыслив, московские правители решил пойти навстречу Иосифу. В Москву призвали нескольких владык, которые вместе с митрополитом Феодосием поставили Иосифа в митрополиты неведомой москвичам Кесарии Филипповой. Рукоположение состоялось в воскресенье 4 марта 1464 года (17, 274). После этого в епархии были посланы грамоты с призывом жертвовать деньги

на обновление храма Гроба Господня. Просителю дали возможность съездить в Новгород, снабдив сопроводительными грамотами. («Подайте, без сумнениа, милостыню Иосифу, свершеному митрополиту Кесариа Филиповы, кажды вас, яко же волит, противу силе на искупление Христова гроба и на съзидание святыя матере церквам…», — писал новгородцам митрополит Феодосии (44, 135).) Вскоре кесарийского митрополита отпустили восвояси, щедро одарив напоследок. О его дальнейшем судьбе ничего не известно. Летописец лишь глухо замечает, что Иосиф «не доиде своеа земля» (20, 116). Судя по всему, русские деньги он потратил на что угодно, но только не на восстановление храма Гроба Господня.

Московский митрополит Феодосии принадлежал «к числу наиболее выдающихся из обыкновенного ряда и наиболее замечательных наших митрополитов» (73, 520). Судя по всему, он имел склонность к самостоятельности, которая ярко проявилась в истории с Кесарийским митрополитом Иосифом. Это, конечно, не могло понравиться Ивану III. Поводом для устранения митрополита стали его решительные действия по отношению к нерадивому белому духовенству.

Летописи сообщают о том, что Феодосии решил «попов и дьяконов нужею (принуждением. — *Н. Б.*) навести на Божий путь» (18, 186). Он взял за правило каждую неделю собирать их у себя на дворе для поучения. Согласно обычаю, установленному еще митрополитом Петром, овдовевшим священникам и дьяконам следовало принимать монашеский постриг. Однако они не только уклонялись от этого, но, оставаясь в миру, брали себе наложниц, с которыми жили как с женами. Обычно церковные власти снисходительно «закрывали глаза» на эти непорядки. Но Феодосии принялся беспощадно преследовать таких нарушителей, отсылая их в монастырь и даже лишая сана.

Озлобленные этими мерами, пострадавшие попы и дьяконы принялись настраивать своих прихожан против митрополита. Одновременно затворились многие московские церкви, клириКи которых попали под митрополичье запрещение и не могли более служить. Это возмутило уже не только попов и простонародье, но и городскую знать.

Великий князь Иван, конечно, заранее знал о той «чистке», которую задумал Феодосии. Должно быть, он и сам поощрял его на это многотрудное дело. Но теперь всеобщее возмущение (подлинное или мнимое, раздутое светскими властями) оказалось хорошим поводом для того, чтобы удалить митрополита с кафедры. Поначалу тот даже заболел от нервных потрясений. Немного оправившись, он объявил о том, что покидает кафедру.

Это произошло в четверг 13 сентября 1464 года (32, 221).

Выбор Феодосием именно этого дня для своей отставки не случаен. В этот день Церковь вспоминала Обновление храма Воскресения в Иерусалиме. Иначе говоря, это был престольный праздник того самого храма Гроба Господня, на «обновление» которого Феодосии положил столько сил и средств (139, 281). Так дважды обманутый митрополит засвидетельствовал свою непоколебимую преданность великой христианской мечте — Гробу Господню в Иерусалиме.

Удалившись в Чудов монастырь, где он был архимандритом до поставления на ростовскую кафедру, Феодосии в полной мере отдался своему возвышенному настроению. Он взял к себе в келью расслабленного старца, с тем чтобы ухаживать за ним и омывать его язвы (27, 277). Позднее отставной митрополит перебрался в Троице-Сергиев монастырь, где и умер осенью 1475 года. Монахи похоронили его в самом почетном месте — там, где когда-то стояла келья преподобного Сергия Радонежского. Над могилой Феодосия было устроено надгробие, позднее исчезнувшее…

Отставка Феодосия, конечно, была вызвана не только его собственными переживаниями. Все решил великий князь, хотевший наглядно показать иерархам свою власть над ними. Отставка митрополита Феодосия — действовавшего, впрочем, весьма неосмотрительно и поспешно — была, в сущности, событием такого же порядка, как и ослепление Федора Басенка.

С уходом Феодосия вставал вопрос о новом главе великорусской Церкви. И подобно тому как святитель Иона назвал своим преемником Феодосия, так и Феодосии указал на суздальского епископа Филиппа. (Однако как в первом, так и во втором случае нет никакой уверенности в том, что выбор был сделан иерархами вполне самостоятельно, без подсказки великого князя.) О жизни и деятельности Филиппа до прихода на митрополичью кафедру практически ничего не известно. Впрочем, время показало, что это был стойкий защитник Православия, не боявшийся по принципиальным вопросам вступать в спор с самим великим князем.

В середине ноября 1464 года в Москве состоялся церковный собор для поставления нового митрополита. На нем, помимо самого Ивана III и его удельных братьев, присутствовали ростовский архиепископ Трифон, а также епископы Евфимий Брянский, Давид Рязанский, Геронтий Коломенский, Вассиан Сарайский. Отсутствовавшие новгородский и тверской владыки по обычаю прислали грамоты, в которых выражали свое согласие

с любым решением собора.

В воскресенье 11 ноября 1464 года Филипп был поставлен на митрополичью кафедру. Тогда же иерархи протянули руку помощи и бежавшему из литовских владений брянскому епископу Евфимию. Ему передана была освободившаяся суздальская кафедра.

За всеми этими церковными делами все летописцы (кроме создателя Ермолинской летописи) упустили из виду одно знаменательное событие. В воскресенье 15 июля 1464 года была открыта для всеобщего обозрения и поклонения белокаменная скульптура святого Георгия Победоносца, установленная над въездом в Кремль через Фроловскую башню. «Того же лета месяца июля 15, поставлен бысть святыи великий мученик Георгии на воротех на Фроловьских, резан на камени, а нарядом Васильевым, Дмитреева сына Ермолина» (29,158). Небесный воин был изображен на коне, с копьем и распростертым под копытами коня издыхающим драконом. Этот сюжет, называемый в иконографии «Чудо Георгия о змие», символизировал победу добра над злом, христианства над «погаными». В контексте той эпохи он воспринимался как знак героической борьбы с «поганой» Ордой, на знаменах которой изображался дракон — древний китайский символ счастья.

Следующий год принес с собой лишь две неизменные угрозы: нападение татар и небесное знамение. Впрочем, татары, по счастью, оказались тогда не страшными. Не успев дойти до Оки, они схватились между собой и тем избавили Ивана III от лишних хлопот. Вот что рассказывает об этом летопись: «Того же лета поиде безбожный царь Махмут (хан Волжской Орды Махмуд. — *Н. Б.*) на Рускую землю съ всею Ордою и бысть на Дону; Божиею же милостию и Его пречистые Матери прииде на него царь Азигирей (правитель Крымского ханства Хаджи-Гирей. — *Н. Б.*), и би его и Орду взя, и начата воеватися промежь себе, и тако Бог избави Рускую землю от поганых» (19, 151).

Знамение тоже на сей раз показалось не слишком грозным: «…октября 5, в 1 час нощи, месяц гибл весь два часа» (30,186). Отсутствие месяца заметили лишь ночные сторожа, да собравшиеся выть на луну голодные волки… Так вот и жила в ту сумеречную пору Русская земля: под волчий вой, от татар до знамений — и от знамений до новых татар.

Незаметно подошел и следующий, 1466 год. Он оказался куда более тяжелым, чем предыдущий. Сообщения летописей складываются в обычную мрачную картину в духе Екклесиаста. Именно таким — полным скорбей, стремительно несущимся к

своему концу — и должен был выглядеть мир из окна монашеской кельи.

«Тое же весны, апреля 8, преставися епископ Васиан Сарайский.

Бысть мор въ Пскове и в Новегороде вел ми велик: бысть с Велика дни (6 апреля 1466 года. — *Н. Б.*), а поча уиматися с Филипова заговениа (14 ноября. — *Н. Б.*).

Того же лета, маиа 14, снег пал пяди и лежа два дни.

Того же месяца 26 снег лежал день.

И августа месяца 18 мраз был, и другий мраз был того же месяца 27 и ярь (яровые посевы. — *Н. Б.*) побил.

Того же лета преставися княгини княжа Петрова Дмитреевича (сына Дмитрия Донского. — *Н. Б.*), жив долго в черницех и в схиме на Москве, у Вознесениа, нареченнаа в мнишеском чину Ефросиниа.

…Ноября 1, ставяся (покрываясь льдом. — *Н. Б.*) езеро Ростовское нача выти; бысть того по две недели, и ночи людем по граду не даде спати, как в шестере молотят или в осмере и на после протяжено застучит, а за много лет того не бывало» (19, 151).

Впрочем, и в этом тусклом году были свои праздники. Продолжалась начатая еще Василием Темным отстройка московского Кремля. Его обновленные Фроловские ворота украсила вторая белокаменная скульптура — святого Дмитрия Сол у некого. «Поставлен бысть святыи великий мученик Дмитреи на Фроловьских воротех изнутри града, а резан в камени, а повелением Василья Дмитреева сына Ермолина» (29, 158).

Понятно, что и это новое украшение главных ворот Кремля (да еще столь необычным для Москвы образом!) было предпринято Ермолиным по распоряжению Ивана III. И в этом великокняжеском заказе, как и в скульптуре Георгия Победоносца, был заложен глубокий исторический смысл. Дмитрия Солунского почитали еще в Киевской Руси. Его называл своим небесным покровителем родоначальник всех князей Северо-Восточной Руси Всеволод Большое Гнездо (1177–1212), который перевез во Владимир из Византии древнюю реликвию — доску от гроба святого Дмитрия. Во имя этого святого был освящен придворный княжеский собор. В Москве уже в начале XIV века известен храм во имя Дмитрия Солунского. Со временем он превратился в придел Успенского собора московского Кремля.

Почитание святых воинов Георгия Победоносца и Дмитрия Солунского особенно усилилось в Москве в героическую эпоху Дмитрия Донского. При Василии I их парные изображения появляются в составе деисусного чина иконостаса. Именами

святого Дмитрия князь Юрий Звенигородский назвал сразу двух своих сыновей — Дмитрия Шемяку и Дмитрия Красного. Для Василия Темного имя Дмитрий звучало не слишком приветливо. Но те времена прошли. И вот теперь святой Дмитрий вновь благословлял москвичей с высоты Фроловской башни. Это было знаменательным событием. Отступление кончилось, начиналось наступление. Молодой великий князь Иван готовился облачиться в изрядно поржавевшие доспехи Дмитрия Донского…

Настал 1467 год — последний год того странного и тревожного затишья, которым отмечено начало правления Ивана III. Вновь не случилось больших радостей, но не было и особых бедствий. Вновь летопись рисует однообразную картину горестей и смертей, слегка подкрашенную рождением младенцев. Ее страницы словно пропитаны горькой мудростью Екклесиаста: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем…» (Еккл.1: 9).

Удивительной особенностью этого года стала необычайно холодная и поздняя весна.

«Тое же зимы, генваря 14, бысть мраз лют и множество людей изомре по дорогам, на Москве, и по иным градом, и по волостем и по селом…

Тое же весны, маиа 5, снег пал в полъголени и лежал 3 дни, и на 4 день ростаял о вечерне.

А месяца июня 2 мраз был…» (19, 152).

Среди этих лаконичных известий выделяется обширное сообщение о внезапной и загадочной кончине первой жены Ивана III — великой княгини Марии Борисовны.

«Тое же весны, апреля 22, в среду 4-я недели по Пасце, противу четвертка, в 5 час нощи, преставися благовернаа и христолюбиваа, добраа и смиреннаа, великаа княгини Марья Иоанова, дщи великого князя Тверскаго Бориса Александровича, въ граде Москве; митрополит же Филипп, пев над нею обычнаа песни и положи ю в монастыри, в церкви святаго Вознесениа; ту сущу над нею бывши свекрове еа великой княгини Марии, князю же великому Ивану тогда бывшу на Коломне» (19, 152).

Мария Борисовна умерла накануне большого праздника — весеннего Юрьева дня (23 апреля). Очевидно, поэтому похороны были отложены на пятницу, 24 апреля. (Обычно в ту эпоху умерших хоронили на другой день по кончине.) Великий князь получил весть о смерти жены не ранее чем в среду вечером. Расстояние от Москвы до Коломны (110 км) по тяжелой весенней дороге самый скорый гонец мог преодолеть не менее чем за день.

Великая княгиня была еще достаточно молода. Вероятно, ей было тогда лет 25–27. Судя по тому, что муж отсутствовал, она

умерла внезапно. Ходили упорные слухи (проникшие и в некоторые летописи), что Мария Борисовна умерла «от смертного зелия». Называли даже предполагаемую отравительницу — Наталью Полуектову, жену дьяка Алексея Полуектова, которая якобы тайком посылала к бабе-ворожейке пояс великой княгини для злой ворожбы (27,277). Однако зачем ей понадобилось идти на такое злодеяние — остается неясным. Довольно странно повел себя в этом деле и Иван III. Он, судя по всему, не помчался в Москву, чтобы успеть на похороны жены и весьма мягко обошелся с предполагаемыми убийцами. Дьяку запрещено было являться на глаза великому князю, но через шесть лет он был прощен. Как поплатилась сама отравительница — неизвестно.

Трудно понять, кому могла помешать «добрая и смиренная» Мария Тверитянка. (Живший во времена Ивана Грозного князь А. М. Курбский в своей «Истории о великом князе Московском» даже называет ее «святой» (15, 322).) Историки по этому поводу лишь разводят руками: «В обстоятельствах смерти Марии Борисовны, каковы бы они ни были на самом деле, трудно увидеть политическую подоплеку: при дворах сильных мира сего и пятьсот лет назад процветали зависть, интриги и недоброжелательство» (54, 71). И все же есть подробности, о которых трудно забыть. Брак княжича Ивана с дочерью Бориса Тверского был вынужденным. Он заключался для решения конкретной политической задачи — возвращения Василия Темного на московский престол. С тех пор ситуация коренным образом изменилась. Отношения с ослабевшей Тверью были далеко не главным интересом Ивана III в середине 60-х годов XV века. Его политический горизонт неизмеримо расширился. Падение Византии кружило голову далекими перспективами. Быстро набиравшее силу Московское княжество уже готово было превратиться в Московскую Русь. И здесь немалую роль могла сыграть престижная матримониальная комбинациН.Брак с Марией Тверитянкой в этом отношении был уже «прошлогодним снегом». Иван тяготился им и, вероятно, не скрывал своих настроений от придворных. И тогда, может быть, услужливый дьяк Полуектов решил помочь своему государю…

Но какими бы ни были причины смерти княгини Марии Борисовны, ясно одно: это событие неизбежно влекло за собой такие перемены в семейной жизни нашего героя, которые со временем должны были превратить ее в незаживающую рану…

Марию Тверитянку похоронили в соборе женского Вознесенского монастыря в московском Кремле. Эта обитель была основана вдовой Дмитрия Донского княгиней Евдокией в 1405

году как усыпальница женской половины московского княжеского дома. Евдокия начала строить в монастыре каменный храм, однако из-за ее кончины дело так и не дошло до завершения. Позднее Вознесенской церковью занималась Софья Витовтовна. Она сумела поднять здание до сводов, но на этом строительство вновь остановилось. Многочисленные московские пожары 40-х и 50-х годов пагубно сказались на незавершенном храме. Стены почернели и дали трещины, своды «двинулись» и угрожали падением. Из зияющей дыры в своде на могильный камень сыпал запоздалый майский снег.

Провожавшая невестку в последний путь старая княгиня Мария Ярославна, глядя на убожество Вознесенской церкви (а может быть, размышляя об обстоятельствах кончины Тверитянки), почувствовала угрызения совести. Она решила на свои средства привести усыпальницу в должный вид. Мастерам велено было разобрать до основания старый храм и на его месте поставить новый. Дело поручили лучшему московскому строителю и подрядчику Ермолину. Он сумел укрепить старые стены и использовать их как основу для достройки обновленного храма. При этом расходы на строительство были, разумеется, существенно уменьшены. Профессиональная гордость Ермолина отразилась и в летописной записи об этом строительстве: оно было осуществлено так, «яко дивитися всем необычному делу сему» (19, 152). Вся работа заняла один строительный сезон. Обновленный храм был освящен митрополитом Филиппом 3 ноября 1467 года (31,279).

Итак, первые пять лет правления Ивана III выглядят спокойными и в историческом отношении малоинтересными. Но за этой однообразной чередой свадеб и похорон скрывалось и нечто более важное. Москва собралась с силами и определила свои главные задачи. Молодой великий князь нашел сильное средство для укрепления своей власти — превращение измельчавших удельных князей в московских бояр, а их вотчин — в поместья. Расправившись с некоторыми фаворитами отца (Федором Басенком, митрополитом Феодосием), он дал понять аристократии, что будет править твердой рукой. Постепенно князь Иван почувствовал в себе ту уверенность и ту холодную злость, которые и делают человека истинным Государем. Теперь настало время приниматься за большие дела.

Осенью 1467 года началась большая казанская война — первое исторически значимое предприятие великого князя Ивана Васильевича.

Часть 3
СОБИРАТЕЛЬ

ГЛАВА 6 Новгород

Судьба всегда на той стороне, где лучшая армия.

Никколо Макиавелли

Нет свободы, когда нет силы защитить ее.

Н.М. Карамзин

Во второй половине 60-х годов XV века Иван III определяет первоочередную задачу своей внешней политики: обеспечение безопасности восточной границы путем установления политического контроля над Казанским ханством. Война с Казанью 1467–1469 годов окончилась в целом успешно для москвичей. (Подробный рассказ об этой войне читатель найдет в главе 10.) Она заставила казанского хана Ибрагима надолго прекратить набеги на владения Ивана III. Вместе с тем война показала ограниченность внутренних ресурсов Московского княжества. Решающие успехи в борьбе с наследниками Золотой Орды могли быть достигнуты только на качественно новом уровне объединения русских земель. Осознав это, Иван обращает свой взор на Новгород…

Покорение Новгорода — главное достижение Ивана III в деле «собирания Руси». Этому великому и драматическому событию, растянутому во времени на несколько десятилетий, и посвящена данная глава.

Этот странный город был изгоем Древней Руси. В его судьбе и даже в его облике угадывается нечто общее с будущим Петербургом. Поднявшийся как призрак над печальными болотами, окружавшими озеро Ильмень, он жил какой-то особой, кипучей, но во многом призрачной и бесплодной жизнью. Издавна Новгород был своего рода мостом между двумя мирами. Деловитая и зажиточная, пропахшая морем, шведско-немецкая Прибалтика встречалась здесь с задумчивой и бедноватой Русью. Причудливое смешение этих противоположных культурных типов создало оригинальный характер новгородцев.

Обширные владения Великого Новгорода простирались от Балтийского моря до Урала и от Белого моря — до Волги. На этих просторах имелись области, где можно было успешно заниматься земледелием. Богатства новгородской знати в значительной мере

строились на доходах от крупных вотчинных хозяйств, реализующих часть своей продукции на рынке. И все же своего хлеба Новгороду вечно недоставало. Его приходилось завозить из «Низовской земли», как называли новгородцы Северо-Восточную Русь.

В XV веке проходивший по Днепру и Ловати древний «путь из варяг в греки» уже не имел серьезного торгового значения. Основной дорогой, по которой осуществлялась связь Новгорода со среднерусскими княжествами, были реки Тверца и Мета, верховья которых соединял «волок» (в районе современного города Вышний Волочек). Первая из этих рек течет с севера на юг и впадает в Волгу возле Твери. Вторая несет свои воды в озеро Ильмень. По этому пути новгородцы выходили к Волге. Однако он имел серьезный недостаток: при желании тверские князья легко могли перекрыть любое движение по Тверце. В случае острых конфликтов с Новгородом они часто прибегали к этому средству экономического давления.

До нашего времени практически не сохранилось каких-либо документов, связанных с новгородской транзитной торговлей XV столетия. Лишь по некоторым косвенным свидетельствам можно полагать, что ее масштабы были весьма значительны. (Известно, например, что из города-порта Гданьска, имевшего для Польши примерно то же значение, что и Новгород для Руси, в 1474 году ушло 403 корабля, в 1475 году — 525, в 1476 году — 643, а в 1490 году — 720 (84, 157). Основные потоки товаров шли в Великий Новгород с юга (из Нижнего Поволжья) и с северо-востока (Подвинья). И если с юга везли всякого рода восточные товары (краски, пряности, ткани, фрукты, орехи и т. д.), то Север давал главным образом ценные виды мехов. Обширные области в бассейнах Северной Двины, Вычегды и Печоры, населенные малочисленными лесными народами из угро-финской языковой семьи, представляли собой, по существу, колониальные владения Великого Новгорода. Местные жители поставляли Новгороду разнообразные продукты лесных промыслов и в качестве дани, и в обмен на товары, привозимые новгородскими купцами. Все это добро не залеживалось в Новгороде, но уходило дальше через прибалтийских купцов, объединенных в Ганзейский союз.

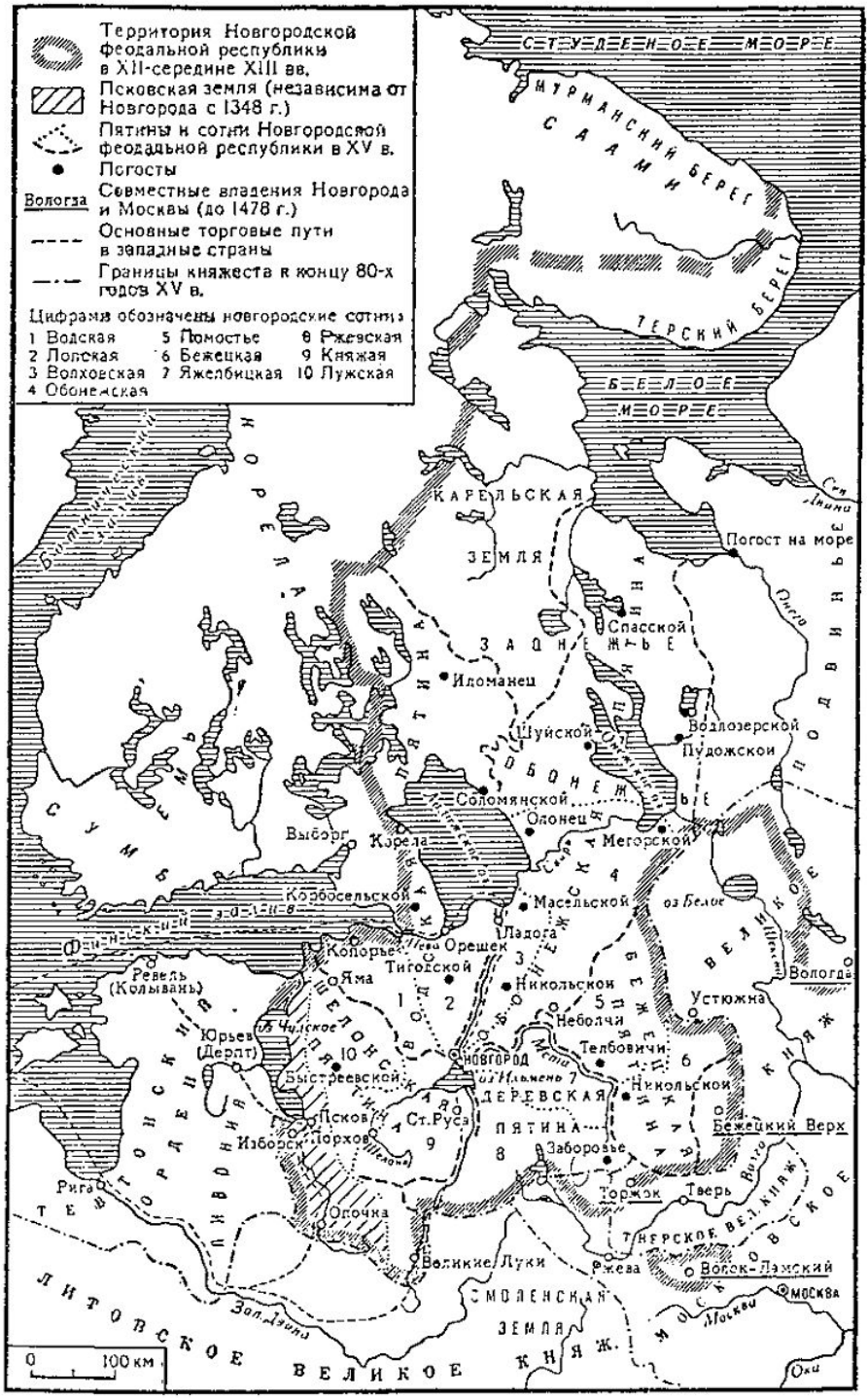
Международная торговля и лесные промыслы — занятия, связанные с постоянным риском и требующие значительных средств. Они приучали новгородцев действовать сообща, объединяя силы и средства членов одного рода или даже нескольких родов. Издавна Новгородом управляла корпорация, состоявшая из глав этих родов. Они владели усадьбами в центре города, собирались на вече и заседали в «Совете господ». Из их

среды избирались высшие должностные лица Новгорода. В XV столетии их называли «300 золотых поясов». Пользуясь общепринятой в средневековой Руси терминологией, историки называют высшую светскую знать Новгорода «боярством», а саму систему ее власти — Новгородской боярской республикой. Самоуправление Новгорода и подобных ему древнерусских «народоправств» (Пскова, Вятки) на первый взгляд кажется весьма привлекательным. Многие отечественные вольнодумцы двух последних столетий считали Новгород колыбелью российской свободы. Однако уровень политической свободы в любом обществе прямо пропорционален уровню его материального благополучия. Жители Новгорода в среднем были, конечно, побогаче, чем жители других русских городов. Однако эта разница не была слишком большой. Соответственно и новгородская «свобода» — это демократия для аристократии. В городе с населением в 30–40 тысяч жителей правом участия в принятии решений общегосударственного характера обладали лишь несколько сотен человек. Конечно, с точки зрения «прав человека», это все же лучше, чем «самовластие» правителей Северо-Восточной Руси. Но и о подлинном народовластии тут, конечно, говорить не приходится. Тем не менее новгородцы гордились своим образом жизни и ощущали себя среди других русских некоей избранной общностью.

Богатство Господина Великого Новгорода складывалось из значительных состояний, накопленных боярскими кланами. Городская казна исправно пополнялась за счет налогов, а также пошлин с многочисленных торговых сделок. Зримым воплощением богатства великого города стали многочисленные каменные храмы, строившиеся на средства местной знати. Коренастые и неуклюжие, словно диковинные грибы, выросшие из этой сырой почвы, они и до сих пор глядят на мир узкими щелями своих решетчатых окон. Новгородцы оставили яркий и неповторимый след в литературе и искусстве средневековой Руси. Благодаря оригинальности и разнообразию местного художественного творчества историки искусства называли Новгород «северной Флоренцией».

Новгородцы умели не только добывать деньги и с умом их тратить. Они также умели их беречь. Одной из важных статей экономии было сокращение расходов на оборону. Удивительно, но факт: это огромное государство фактически не имело собственной армии. В случае опасности горожане вооружались и создавали ополчение, во главе которого вставал избираемый на вече предводитель — тысяцкий. Помимо этого, Новгород в XIV–XV веках заключал своего рода контракт с великим князем

Владимирским. Тот брал на себя обязательство защищать город своими войсками в случае серьезной опасности. В знак своего присутствия он обычно присылал на Волхов одного из своих сыновей или наместника. Великокняжеские наместники исполняли в городе не только военные, но и некоторые судебные функции. Реальное влияние того или иного князя на новгородские дела менялось в зависимости от времени и обстоятельств, но никогда не было решающим.

Новогородская феодальная республика в XII–XV вв.

У новгородцев вполне хватало сил для отражения периодических нападений западных соседей — литовцев, немцев и шведов. Они и сами не прочь были ответить лихим набегом на козни врагов. Такие походы были особенно удачными, если к ним подключался и великий князь Владимирский со своей дружиной.

Однако слабость новгородского войска, состоявшего из облачившихся в доспехи торговцев и ремесленников, делала город почти беззащитным перед лицом «многовоинного» великого князя Владимирского. В случае войны с Новгородом тот мог без особого труда привести свои дружины к стенам города и захватить его. И все же до завоевания Новгорода кем-либо из правителей Северо-Восточной Руси дело никогда не доходило. Обычно осерчавший на своеволие новгородцев князь вводил войска в южные районы Новгородской земли (Торжок, Бежецкий Верх, Волок Дамский) и приступал к их планомерному разграблению. Вскоре начинались переговоры, и стороны приходили к компромиссу. Иногда князья в запале гнева доходили с полками до самого Новгорода, разоряли округу. Но и тут дело неизменно заканчивалось миром. Ведь даже самый твердолобый из Рюриковичей понимал, что разорять Новгород — значит резать курицу, несущую золотые яйца. Кроме того, ни один из князей не имел достаточно сил и средств для освоения бескрайних владений Великого Новгорода. Наконец, захват Новгорода одним из князей существенно изменил бы весь баланс сил не только на Руси, но и в Восточной Европе в целом. Такая победа неизбежно стала бы «пирровой». В качестве новгородского «приданого» счастливчик получал войну с Ордой, Литвой, Орденом и Швецией, не говоря уже о ненависти сородичей.

Помимо толстой мошны, новгородцы знали и другие способы поддержания своей независимости. Главный из них — гибкая дипломатия, умелое лавирование между Москвой и Вильно. Новгородские земли граничили с Великим княжеством Литовским. В состав этого сильного государства входило большое количество русских земель, жители которых сохраняли православие и пользовались правом самоуправления. В принципе, в состав Великого княжества Литовского могла войти и Новгородская земля. Шантажируя Москву возможностью союза или даже соединения с Литвой, «золотые пояса» хорошо понимали, что делают. Московское княжество со времен Ивана Калиты всеми силами избегало войны с Литвой. Осторожные Даниловичи боялись, что хрупкая московская государственность может исчезнуть между ордынским молотом и литовской наковальней. Эта опасность стала еще более реальной после заключения Кревской (1385) и Городельской (1413) уний между

Литвой и Польшей.

В моменты усиления военного давления со стороны Москвы новгородские бояре немедленно приглашали на Волхов в качестве «служилого князя» кого-либо из литовских Гедиминовичей. Дальше могло последовать обращение к великому князю Литовскому и польскому королю (во второй половине XV века это было одно и то же лицо) за прямой военной помощью. Перед такой перспективой москвичи неизменно пасовали и начинали искать примирения.

Проводя политику «собирания Руси», московские князья долгое время не могли покорить Новгород, но не могли и оставить его в покое. К середине XV столетия он становится главным препятствием на пути к объединению страны, а значит и к подлинной независимости. Московская династическая смута оказалась столь долгой во многом благодаря поддержке, которую получали в Новгороде мятежные галицкие князья. Ситуация могла повториться и при любом другом антимосковском выступлении. Только полное подчинение Новгорода избавляло Москву от возможности новой многолетней усобицы. Помимо этого, Москве необходим был мощный экономический потенциал Новгородской земли. Понимая все это, Василий Темный в 1456 году совершил поход на Новгород, плодом которого стал Яжелбицкий мир.

Этот договор очень существенно ограничил суверенитет «северной Флоренции», фактически поставив ее внешнюю политику под контроль Москвы. Однако договор был составлен, так сказать, «на вырост»: в действительности Москва еще не имела достаточных сил, чтобы заставить новгородцев исполнять все взятые ими обязательства. Правители Новгорода уклонялись от выполнения московских условий, демонстрировали свои союзнические отношения с Литвой. В 1458 году новгородский посадник Иван Щока вел переговоры с польским королем и великим князем Литовским Казимиром IV. В результате достигнутых договоренностей литовский князь Юрий Семенович (из дома Ольгерда) прибыл в Новгород. Ему были поручены новгородские «пригороды» — Ладога, Копорье, Ям, Орешек, Корела, Руса. Гедиминович управлял ими до августа 1459 года.

Обеспокоенный усилением литовского влияния в Новгороде, Василий Темный в 1460 году вновь отправился на Волхов. На сей раз он ехал «миром», желая «поклониться новгородским святыням», а главное — убедить новгородцев не изменять Москве. Однако эта поездка, едва не стоившая князю жизни, не привела к коренному изменению обстановки. Новгород продолжал сопротивляться московскому давлению.

7 января 1462 года, на Собор Иоанна Предтечи, на Волхов прибыло московское посольство во главе с боярами Федором Челядней, Федором Белеутовым и дьяком Степаном Бородатым. Последний и раньше бывал в Новгороде. Молва приписывала ему подготовку заговора с целью убийства Дмитрия Шемяки в 1453 году. Источники не сообщают о содержании московско-новгородских переговоров. Известно лишь, что они продолжались две недели. Очевидно, москвичи от имени Василия Темного предъявили новгородцам какие-то жесткие требования, которые были отвергнуты (54, 101).

С отъездом послов в Новгороде начались волнения. После долгих дебатов на вече решено было отправить в Москву с новыми предложениями архиепископа Иону (1458–1470). Однако тот под благовидным предлогом уклонился от этой неблагодарной миссии. Между тем великий князь Василий II, не дождавшись новгородских представителей, в марте 1462 года «нача… возмущатися» на строптивых северян (23, 204). До начала вооруженного конфликта оставался всего один шаг. Но тут Василий скончался, оставив сыну Ивану среди прочих забот и ссору с новгородцами.

Новгородская политика Ивана III может быть правильно понята только с учетом психологического фактора. Историки уже давно обратили внимание на своеобразный характер князя Ивана. «При пользовании своими средствами и своим положением Иоанн явился истым потомком Всеволода III и Калиты, истым князем Северной Руси: расчетливость, медленность, осторожность, сильное отвращение от мер решительных, которыми было можно много выиграть, но и потерять, и при этом стойкость в доведении до конца раз начатого, хладнокровие — вот отличительные черты деятельности Иоанна III», — писал С. М. Соловьев (146, 9).

Однако было бы наивным сводить дело к одному лишь характеру князя Ивана. Прежде всего это был человек государственного ума, выдающийся политик и дипломат. Свои, эмоции он умел подчинять требованиям обстоятельств. В этом умении «властвовать собой» — источник многих его успехов. Иван III, не в пример своему отцу, всегда тщательно просчитывал все возможные последствия своих поступков. Новгородская эпопея может служить тому наглядным примером. Великий князь ясно понимал, что трудность заключается не столько в том, чтобы завоевать Новгород, сколько в том, чтобы сделать это незаметно. В противном случае он мог восстановить против себя всю Восточную Европу и потерять не только Новгород, но и многое другое…

Весной 1462 года встревоженный Новгород с нетерпением ждал ответа Москвы — но молодой московский князь молчал, словно никакого Новгорода и не существовало вовсе. Летом того же года новгородцы отражали очередное нападение шведов — но великий князь не проявил к этой войне никакого интереса. Наконец, «золотые пояса» не выдержали. В среду 22 декабря 1462 года из Новгорода отправилось в Москву большое посольство «о смирении мира». Его возглавлял сам архиепископ Иона. В Москве новгородская знать была принята с честью. Однако в ходе переговоров Иван III проявил твердость. Не уступали и новгородцы. В итоге многочасовые прения окончились взаимными уступками. Мир был достигнут. Пробыв в Москве весь январь, послы вернулись в Новгород в среду 9 февраля 1463 года.

Для достижения более выгодного соглашения обе стороны вели сложную дипломатическую игру. Новгородцы, следуя многократно испытанному сценарию, еще осенью 1462 года решили припугнуть Москву сближением с Западом.

Под 6971 годом (1 сентября 1462 — 31 августа 1463) одна из летописей сообщает: «Того же лета послаша новгородци посол свой Олуферья Васильевича Слизина к королю в Литву о княжи възмущении еже на Великий на Новъгород Ивана Васильевича; такоже и Микиту Левонтеева ко князю Ивану Ондреевичю Можайскому и к князю Ивану Дмитреевичю побороть по Великом Новегороде от князя великого, и имашася побороть, како Бог изволи» (23, 214).

Итак, новгородский посол Елевферий Слизин отправился в Литву просить у короля Казимира IV помощи против Москвы. Другой посол, Никита Леонтьев, помчался к находившимся в Литве злейшим врагам Ивана III — князю Ивану Андреевичу Можайскому и сыну Дмитрия Шемяки, князю Ивану Дмитриевичу. Такое явное нарушение Яжелбицкого договора возможно было только в условиях явного разрыва с Москвой. Оба князя-изгнанника изъявили готовность «побороться» за Великий Новгород. Однако король Казимир и на сей раз уклонился от прямого вмешательства в московско-новгородский конфликт. Вероятно, именно это и заставило новгородцев прийти к какому-то соглашению с Иваном III зимой 1462/63 года. Об этом мире свидетельствует лишь краткое замечание летописца после рассказа о посольстве в Литву: «И тое зимы умири Бог (Новгород с Иваном III. — *Н. Б.*) молитвами святыя Богородица и преподобнаго Варълама молением за град наш…» (23, 214). Вскоре Иван прислал в Новгород своих наместников (50,23).

В то время как новгородцы искали поддержки у короля и

живших в Литве московских князей-изгоев, Иван III стремился перетянуть на свою сторону Псков. Сделать это было нелегко. Псков издавна считался «младшим братом» Великого Новгорода. Он жил по тем же уставам вечевого строя, что и «старший брат». У них были общие враги и общие друзья. Новгородский архиепископ являлся духовным главой псковичей. Однако между «братьями» часто вспыхивала вражда. Оба города хранили в памяти долгий перечень взаимных обид.

В сущности, «братья» были совершенно разными и по облику и по складу характера. Новгород напоминал упитанного и жизнерадостного купца, а Псков — худого и печального странствующего рыцаря. И как истинный купец, Новгород был хитер и плутоват, Псков же, как истинный рыцарь, — честен и беден. Зажатый между сильными соседями, лишенный обширных промысловых угодий, Псков едва сводил концы с концами. Его главным богатством были помятые в сражениях доспехи да тяжелый прадедовский меч.

Псковичи сознавали себя частью политической системы Великого княжения Владимирского и иерархической системы киевско-владимирской митрополии. Однако удаленность Пскова от Владимира и Москвы, его трудная служба в качестве боевого форпоста на северо-западных рубежах на практике обеспечивали ему почти полную самостоятельность. Здесь, где никогда не ступала нога татарского баскака, не знали страха перед Ордой. Сюда не ездили митрополиты, а новгородский архиепископ заезжал лишь раз в несколько лет для нравоучительной проповеди и сбора положенных судебных пошлин. Но даже эта достаточно призрачная зависимость от новгородского владыки тяготила псковичей. Еще во времена митрополита Феогноста (1328–1353) они стали просить для себя особого епископа. Однако хитроумный грек, собрав своих епископов, ответил псковичам отказом. Зачем было обрезать последнюю нить, связывавшую Псков с Новгородом?

Не желая лишний раз обращаться к новгородскому архиепископу, псковские попы давно протоптали прямую дорожку в Москву, к митрополиту. Оттуда им присылали церковную утварь и книги, назидательные послания и анафемы на еретиков. Московские князья также охотно шли на прямые, «за спиной» Новгорода контакты с Псковом. Тем же проторенным путем пошел и Иван III, задумав лишить Новгород всех его потенциальных союзников. Но прежде ему предстояло преодолеть тот холодок, который возник в московско-псковских отношениях в конце правления Василия Темного.

Иван III хорошо помнил события недавнего прошлого. В

феврале 1456 года новгородцы, потерпев поражение от московских войск в битве под Русой, обратились к псковичам с отчаянным призывом о помощи. Забыв о прошлых обидах, псковичи проявили истинно рыцарское благородство. «И псковичи не помянуша древняя злобы их, но правяще свое крестное целование, отрядиша воеводами посадника Леонтиа Макарьинича и Максима и послаша с силами февраля 15» (41, 49). Псковский отряд прибыл в Новгород и простоял там полторы недели. Однако принять участие в боевых действиях псковичам не довелось: новгородцы уже вели мирные переговоры с Василием Темным и вскоре заключили с ним Яжелбицкий мир. Псковские воины вернулись домой. Однако их неприязнь к Москве вскоре проявилась по-другому. Псковичи пригласили к себе на княжение изгнанного из Новгорода по требованию москвичей литовского князя Александра Васильевича Чарторыйского. Зять Дмитрия Шемяки и злейший враг Василия Темного, князь Александр торжественно въехал во Псков в воскресенье, 18 июля 1456 года (41, 49). Там он находился до 10 февраля 1460 года, когда по требованию Василия Темного вынужден был покинуть Псков и уехать в Литву. На смену ему великий князь дал псковичам в наместники одного из лучших своих воевод — князя Ивана Васильевича Стригу Оболенского. Однако в воскресенье 17 мая 1461 года («в неделю Святых отец 318-ти») (168, 56) Стрига торжественно простился с псковичами и уехал в Москву. Очевидно, Василий Темный отозвал Стригу потому, что опытный воевода нужен был великому князю под рукой в связи с назревавшей тогда войной с Казанью.

На место Стриги Василий Темный дал псковичам князя Владимира Андреевича Ростовского. Обычно Новгород и Псков получали от великих князей в качестве наместников тех лиц, которых они сами просили. Но на сей раз наместник был поставлен «не по псковскому прошению, не по старине» (168, 57). Кажется, таким образом московский князь ясно намекал псковичам, что времена их своеволия подходят к концу. Понятно, что уже одним этим новый наместник сильно не понравился псковичам. Их предвзятость Владимир Андреевич мог переломить лишь какими-то необычайными подвигами. Однако в своей долгой жизни он отличился лишь тем, что в 1474 году продал Ивану III остатки своих ростовских владений. Такой человек не мог, конечно, долго усидеть на шатком псковском столе.

Смерть Василия Темного придала псковичам решимости. Следовало дать понять молодому великому князю Ивану, что Псков не отступился от своих традиционных привилегий. В итоге осенью 1462 года «выгнаша псковичи князя Володимира

Ондреевича изо Пскова, а иныя люди на вечи сь степени съпхнули его; и он поехал на Москву с бесчестием к великому князю Ивану Васильевичу жаловатися на Псков» (41, 52).

Изгнанье и бесчестье великокняжеского наместника — тяжкое оскорбление, которое могло привести к московско-псковской войне. (Вероятно, это и было целью тех, кто подготовил возмущение против князя Владимира Андреевича.) Однако ни псковичам, ни Ивану III не хотелось доводить дело до оружия. В начале зимы 1462/63 года в Москву отправилось представительное псковское посольство с извинениями, объяснениями и ходатайством о новом наместнике. Иван III был, конечно, рад такому исходу, но счел необходимым «сохранить лицо» и показать свой гнев на своевольных псковичей. Три дня послам пришлось ждать аудиенции у великого князя. Наконец «князь великыи чолобитье их принял, и дал им князя по псковскому изволенью» — Ивана Александровича Звенигородского. Неизвестно, чем привлек псковичей этот скромный потомок черниговских князей. Никаких особых подвигов он, насколько известно, не совершал, хотя еще при Василии Темном имел боярский чин. Но как бы там ни было, выбор пал на него. На Пасху, 10 апреля 1463 года новый московский наместник торжественно въехал во Псков (41, 52).

Иван III понимал, что и новый наместник может разделить участь предыдущего. Но окончательный разрыв отношений со Псковом укреплял союз Новгород — Псков и ставил под сомнение все планы москвичей относительно подчинения Новгорода. Закаленное в сражениях псковское войско было сильным козырем в руках новгородского боярского правительства. Прежде чем воевать с Новгородом, Ивану III необходимо было перетянуть на свою сторону Псков или по меньшей мере заручиться его нейтралитетом. А для этого следовало не просто отправить во Псков того или иного московского наместника, а делом (то есть значительной боевой силой) помочь псковичам в их непрерывной тяжелой борьбе с Орденом. Вскоре для этого представился подходящий случай…

21 марта 1463 года немецкие рыцари вторглись в псковские земли и осадили Новый Городок на южном берегу Чудского озера (171, 116). Они опустошали псковские волости, разрушали рыболовные запруды — «исады». Новгородцы отказались прислать подмогу псковичам, ссылаясь на то, что те первыми начали войну с Орденом. Вообще стремление поддерживать мирные отношения с Орденом и натравливать его на псковичей — характерная черта новгородской политики этого времени.

На помощь Пскову, оставшемуся один на один с немцами,

пришел Иван III. Получив весть о вторжении, он приказал отправить против немцев войско под началом воеводы князя Федора Юрьевича Шуйского. 8 июля 1463 года московская рать вступила во Псков. Князь Шуйский оказался добрым воином и хорошим дипломатом. Своими энергичными действиями он способствовал заключению 9-летнего перемирия между Псковом и Орденом на благоприятных для русских условиях.

1 сентября 1463 года московское войско во главе с князем Шуйским покинуло Псков и двинулось обратно в Москву (40, 70). Воеводы глядели весело: в карманах у них звенело псковское серебро. Сам Шуйский получил за службу 30 рублей, а его помощники — 50 рублей на всех.

Завершая рассказ о войне с немцами, псковский летописец вновь с укоризной отмечает: «А новгородцы тогда не пособили псковичем ни словом ни делом против немец, а псковичи много челом биша, и они челобитья псковскаго не прияли» (40, 70). Несомненно, это была роковая ошибка новгородской дипломатии. Эгоизм и высокомерие принесли горькие плоды. Отказавшись в трудную минуту помочь Пскову, «золотые пояса» толкнули своего «младшего брата» в объятия Москвы. Известно, что оскорбленные отказом новгородцев прислать подмогу против немцев и воодушевленные поддержкой далекой Москвы псковичи летом 1463 года отказались выплачивать положенные оброки новгородскому владыке.

В декабре 1463 года псковичи отправили в Москву своего посла Исака Шестника. Он имел наказ поблагодарить Ивана III за помощь в войне с Орденом. Одновременно псковский посол пожаловался великому князю на новгородцев, которые не хотели пропустить через свою землю представительное псковское посольство к Ивану III. О причине столь вызывающего поведения новгородцев князь мог догадаться из дальнейших речей Ивана Шестника. От имени всей псковской знати посол просил, чтобы великий князь «повелел бы своему отцу митрополиту Феодосию поставити владыку во Псков, а нашего же честнаго коего попа или игумена, человека пъсковитина» (40, 69–70). Несомненно, новгородцы прознали о цели псковского большого посольства. Пропустить таких просителей в Москву не захотел новгородский владыка. Да и враждебные действия псковичей, фактически означавшие состояние войны с Новгородом, давали новгородским боярам формальное основание для того, чтобы не пускать псковских послов через свою территорию.

Впрочем, Иван III в разговоре с Исаком Шестником вел себя, как и подобает дипломату, — лицемерно. Он выразил недоумение и как бы даже недоверие тому, что новгородцы не пропускают в

Москву псковское посольство. «И князь великой Иван Васильевич ту ся подивил (удивился. — *Н. Б.*), как то есте того вопаслися (опасались. — *Н. Б.*) от моеа вотчины Великого Новагорода; как им не препустити ко мне, а будучи у мене в крестном целовании» (41, 157). (Примечательно, с какой настойчивостью Иван III в своих речах и посланиях именует Новгород и Псков своей «вотчиной»! Этим словом он как бы отметал самую мысль о свободе выбора, о возможности выхода городов из-под власти Москвы.)

Той же зимой псковичи все же сумели прислать в Москву вслед за Исаком Шестником представительную делегацию во главе с двумя посадниками. Из Пскова «великое посольство» выехало в воскресенье 22 января 1464 года. Вероятно, они пробирались к Москве в обход новгородских земель.

По обычаю того времени, псковские послы начинали переговоры с вручения подарков. Ивану III передан был дар псковичей — 50 рублей. Кажется, великий князь был не вполне доволен этой довольно скромной суммой. Во всяком случае, ответный дар озадачил простодушных псковичей. Их предводителю посаднику Максиму Ларионовичу Иван III подарил… верблюда (40, 71). Неизвестно, как распорядились псковичи этим диковинным животным, само имя которого на Руси произносили не иначе как «вельблуд», то есть «очень („вельми“) блудливый». Однако этот подарок немало позабавил насмешливых новгородцев: псковичи просили себе у великого князя отдельного владыку, а вместо епископа получили верблюда…

Пробыв в Москве около месяца, послы вернулись во Псков в понедельник, 5 марта 1464 года (40, 158). С ними приехал и посол Ивана III Давыд Бибиков (41, 158). Он принес псковичам ответ великого князя, который был оглашен на вечевой площади. Касаясь жалобы на новгородцев, не пропускавших через свои земли псковских послов, Иван отвечал, что, во-первых, он сделал новгородцам соответствующее внушение, и они обязались впредь не мешать псковичам ездить в Москву, а во-вторых, что и сами новгородцы приезжали к нему жаловаться на своеволие псковичей и даже просили у него войско для похода на Псков.

Действительно, московско-псковское сближение сильно обеспокоило новгородцев и качнуло чашу весов в пользу мирных отношений с Москвой. Зимой 1463/64 года в Москве побывало новгородское посольство во главе с посадником Федором Яковлевичем (41, 158–159). Тогда же в Москву приходило и другое новгородское посольство во главе с двумя посадниками и двумя «житьими людьми» (следующий после бояр слой

новгородского общества), о котором также упоминал Иван III в послании к псковичам. Новгородцы жаловались Ивану на бесчинства псковичей, просили прислать войско и воеводу для их наказания.

Итогом всех этих пересылок и перебранок стало заключение мира между Москвой и Новгородом. Очевидно, «золотые пояса» пошли на определенные уступки. Полагают, что главной темой споров в эти годы было стремление Москвы взять под свой контроль новгородские владения — Волок Ламский и Вологду (115, 141). Со своей стороны Иван III отклонил просьбы псковичей о собственном епископе, сославшись на то, что этот вопрос принадлежит исключительно к компетенции митрополита, который должен сначала все тщательно обдумать, посоветоваться со своими епископами, а также с великим князем.

Однако, огорчив псковичей отказом, Иван III сумел все же сохранить с ними доверительные отношения. В 60-е годы XV века во Пскове постоянно находится московский наместник. Горожане обычно сотрудничают с ним, иногда ссорятся, но в целом уже считают его как бы частью своей политической системы.

Новгородско-псковская распря продолжалась еще года полтора. Для устрашения псковичей новгородцы готовы были воспользоваться даже помощью Ордена. В этой ситуации (и не без совета Москвы) псковичи вынуждены были уступить. В августе 1465 года между Новгородом и Псковом был заключен мир, согласно которому псковичи в полной мере восстанавливали юрисдикцию новгородского владыки. Обрадованный таким исходом дела, архиепископ Иона в воскресенье, 6 октября 1465 года торжественно въехал во Псков (41, 161). Обратно он уехал 24 октября того же года, получив все положенные почести и платежи.

Той же осенью 1465 года из Пскова уехал в Москву великокняжеский наместник князь Иван Александрович Звенигородский. Отъезд его был добровольным. Возможно, князя поторопила грозная опасность: во Пскове начиналась эпидемия чумы. То затихая, то вновь усиливаясь, чума гуляла по городу около двух лет, до конца 1467 года. Беда не приходит одна: вместе с мором во Псков дважды прилетал «красный петух» (41, 162–163).

Зимой 1466/67 года псковичи вновь обратились к Ивану III с просьбой прислать к ним наместника. Деликатный вопрос выбора кандидатуры решили так: псковичи назвали два имени — Иван Васильевич Стрига Оболенский и Федор Юрьевич Шуйский. Оба были известны во Пскове по своей прежней службе. Иван III выбрал второго. В воскресенье 19 апреля 1467 года князь

Шуйский торжественно въехал во Псков. (В летописи ошибочно названа другая дата: «апреля в 29, на память святого Иоана прозвитера» (41, 164). Такого святого нет в месяцесловах под 29 апреля. Зато 19 апреля, в воскресенье, праздновался святой Иоанн Палеврит. Это редкое и трудное имя было превращено летописцем в более понятное — «прозвитер», то есть пресвитер.)

Отпуская любимого горожанами воеводу во Псков, Иван III одновременно договорился с псковскими боярами о существенном расширении его прав. Князю Шуйскому разрешено было «на всих 12 пригородах… наместников держяти и судов судити его наместником» (41, 164). Прежде сидевшие на псковском столе князья имели право держать своих наместников только в 7 из 12 псковских «пригородов».

Новый конфликт псковичей с новгородским владыкой Ионой относится уже к 1468–1469 годам. Причиной его стало неисправное исполнение архиепископом своих пастырских обязанностей по отношению к псковскому духовенству. В частности, владыка не следил за исполнением псковскими попами правила, принятого в Русской Церкви со времен митрополита Петра (1308–1326), согласно которому овдовевший священник должен был либо принять монашеский постриг и уйти из мира, либо устраниться от совершения церковной службы. (Церковные каноны воспрещали священнику вступать во второй брак.) Овдовевшие попы, оставаясь в миру и продолжая службу, обычно обзаводились наложницей и имели от нее детей. Иногда, уступая внешне требованию церковного закона, они принимали монашеский постриг, но при этом оставались на своем прежнем приходе и вели мирской образ жизни. Двусмысленное поведение таких священников служило соблазном для прихожан, которые, глядя на них, и сами уклонялись от правильного исполнения своего христианского долга.

Согласно средневековым представлениям, грехи духовных лиц (как и грехи правителей) были тяжкими вдвойне. Они навлекали гнев Божий на весь народ. В 1466–1468 годах псковичам пришлось на себе испытать эту вечную истину. Город и пригороды два года подряд опустошала чума. (В эти годы она свирепствовала и в Новгороде.) Летом 1468 года к ней прибавились небывалые стихийные бедствия. «Того же лета, Божиим попущением, нача находити дожь силен, грех ради наших, как християне ржи пожали, месяца июля, да тако и иде весь месяц без престани и все лето, и месяца августа и сентября и октября, вси четыре месяцы, и наполнишася реки и ручьи и болонья (низины, заливные луга. — *Н. Б.*), аки весне водою, а у христиан много по полю вершей (несжатого хлеба. — *Н. Б.*)

погнило, а траву водою по рекам и по ручьям отняло, тако же и ржей по селом не засеяли мнози, многих делма тучь дождевных; и бысть Христианом нужно (тяжко. — *Н. Б.*) велми» (41, 165).

Бедствия заставили псковичей с надеждой обратить свои взоры к духовенству. Но и оно своими молитвами не могло остановить беду. И тогда, естественно, возник вопрос о самих священнослужителях: достойны ли они своего сана? достигает ли их молитва Всевышнего?

В этих условиях осенью 1468 года псковское духовенство решило обратить возмущение общества на самую низшую категорию священнослужителей — вдовых попов. В глазах верующих живущие в миру вдовые попы были как бы попами «второго сорта». Очевидно, их услуги стоили дешевле, чем услуги «полноценных» священников. В условиях острой конкуренции внутри духовенства, борьбы за приходы и прихожан такое положение приводило к постоянным конфликтам «вдовых» иереев с обычными. Не находя поддержки у своего епархиального архиерея (новгородского владыки), псковские белые священники и иеромонахи в октябре 1468 года обратились к местному боярству с призывом объявить бойкот вдовым попам и дьяконам, не допускать их к совершению богослужения. В воскресенье 23 октября (?) это предложение было принято вечевым собранием и оформлено в виде особой грамоты, положенной на хранение в «ларь» — хранилище важнейших документов Псковской земли. Двум известным своей принципиальностью священникам поручено было следить за исполнением приговора (41, 165–166).

Между тем новгородский архиепископ Иона получил весть о псковских событиях. Самодеятельность местных ревнителей благочестия была расценена архиереем как покушение на его властные полномочия. В воскресенье 22 января 1469 года владыка торжественно въехал во Псков. Среди прочих вопросов Иона обсуждал с местными властями и историю с грамотой. Он потребовал разодрать злополучный документ. Псковичи, ссылаясь на Номоканон (древнее церковное законодательство), отказались исполнить волю владыки. Тот пригрозил городу отлучением — но и это не устрашило уверенных в своей правоте псковичей. В итоге Иона решил по столь сомнительному поводу не доводить дело до разрыва отношений, но потребовал представить вопрос на рассмотрение митрополита Филиппа. Собрав все положенные пошлины, архиепископ покинул Псков в воскресенье 5 февраля 1469 года.

Кажется, само небо решило засвидетельствовать правоту псковичей в их споре с новгородским владыкой. Строгие меры по отношению к вдовым попам возымели действие. Гнев Божий

пошел на убыль и вскоре совсем угас. Весь 1469 год был для Пскова на редкость удачным. «Того же лета дал Бог во Пскове хлеб и все сполу дешево; а со всех сторон мирно и тишина велика» (41, 167). Общую картину благоденствия не смог испортить даже коварный набег немцев на псковскую волость Синее озеро. Перебив десятка три застигнутых врасплох крестьян, рыцари ушли восвояси. Вскоре выяснилось, что немцев навели два местных жителя — Иванко Подкурский и Иванко Торгоша. Оба подрабатывали тем, что «держали перевет к немцом о порубежьных делех» (41, 167). Изменников подвергли мучительной казни: первого «на бревне замучили», второго оставили умирать, подвесив за ноги.

Дело о вдовых попах получило продолжение осенью 1469 года. В октябре во Псков прибыли два посла из Москвы. Первый был отправлен великим князем Иваном Васильевичем, второй — митрополитом Филиппом. Через послов псковичам передана была воля Москвы: во всем повиноваться новгородскому владыке, а грамоту о вдовых попах вынуть из заветного «ларя» и порвать. Скрепя сердце псковичи в пятницу 5 января 1470 года исполнили московский приказ. Псковский летописец с горечью отмечает точный срок, в течение которого продержалось благочестивое нововведение: «А лежала в лари тая грамота положена год да пол третья месяца» (41, 168).

Проявив смирение в церковном вопросе, псковичи решили воспользоваться моментом и выторговать для себя кое-какие уступки у Новгорода и Москвы. С этой целью псковский посадник Яков Иванович Кротов в воскресенье 7 января 1470 года выехал из Пскова в Новгород и далее — в Москву. Обратно он вернулся уже «в великое говение», то есть во время Великого поста (с 5 марта по 22 апреля 1470 года). Посадник привез из Новгорода псковских купцов и деловых людей, которые были схвачены новгородцами еще полгода назад и томились в «порубе» — местной темнице.

Между тем архиепископ Иона, едва узнав о том, что псковичи уничтожили свою вечевую грамоту, потребовал всех местных вдовых попов к себе в Новгород для «управления». Псковский летописец саркастически описывает это владычное разбирательство, которое свелось к самому бессовестному мздоимству: «И теми часы к нему священници и диакони вдовий начаша ездити; и он у них нача имати мзду, в коего по рублю, у коего полтора, а их всех посполу без востягновения нача благословляти, пети и своити им грамоты другыя и ста нова ис тоя мзды за печатми давати, а не по святых отец и святых апостол правилом, како ся сам ко всему Пскову обещал» (41, 169).

Итак, церковная тяжба закончилась к удовлетворению новгородского владыки, но и к попранию церковного благочиния. Много ли приобрел архиепископ Иона своим бесстыдным вымогательством? Рублей 20 или 30… А ведь и жить-то ему оставалось всего каких-нибудь полгода. Но псковичи, конечно, не забыли этой истории, как не забыли они и многих других высокомерных низостей своего «старшего брата». Придет время — и они будут равнодушно наблюдать за агонией Великого Новгорода. И, может быть, именно эти неправедно взятые владыкой 20 или 30 рублей серебром и стали той ценой, за которую продана была древняя новгородская свобода…

В 60-е годы XV века ситуация в новгородско-псковском регионе существенно изменилась в пользу Москвы. Псков из убежища всех врагов Ивана III превратился в его верного союзника. Этот союз стал сильным средством давления на Новгород. Сам Новгород, судя по всему, вынужден был смириться с условиями Яжелбицкого мира, против которых он бунтовал в 1458–1463 годах. Успех был достигнут великим князем без явного применения силы, которое могло бы сплотить новгородцев и встревожить соседние государства.

Хорошо понимавший психологию толпы, Иван III был мастером того, что позднее назовут «манипулированием общественным сознанием». В глазах рядовых новгородцев московский князь прежде всего предстал защитником «старины» и противником псковского церковного сепаратизма. Последнее было очень важно: князь Иван не хотел задевать самолюбие всего Новгорода. Напротив, он надеялся расколоть городскую общину изнутри и привлечь на свою сторону ее основную часть. Горожане должны были увидеть в нем не завоевателя, а защитника, не разрушителя всего и вся, а строителя, призванного перестроить прогнившее изнутри здание Великого Новгорода.

Установившееся зимой 1463/64 года перемирие Новгорода с Москвой оказалось достаточно устойчивым. Весной 1464 года новгородцы с честью встретили у себя на Волхове протеже митрополита Феодосия — грека Иосифа, собиравшего милостыню для спасения храма Гроба Господня. В следующем, 1465 году в Новгороде был принят на кормление какой-то неведомый князь Иван Иванович Белозерский, которого историки считают порученцем Ивана III (54, 105–106). Благодаря перемирию Москва выиграла время для укрепления своей власти в Северо-Восточной Руси и устрашения казанских татар. Однако и на Волхове, и на Боровицком холме понимали, что затишье не будет особенно долгим. Князь Иван должен был в удобный момент нанести

новый удар по новгородскому суверенитету. Этого требовала логика борьбы за объединение Руси — борьбы, воспринимавшейся потомками Ивана Калиты как их провиденциальная задача.

Для нового наступления на новгородскую независимость нужен был убедительный повод. Таким поводом стала церковная смута. Но здесь необходимо некоторое отступление…

Центральной фигурой новгородского правительства был архиепископ, игравший одновременно и роль «премьер-министра», и роль «министра иностранных дел». Избрание кандидатов на этот пост являлось прерогативой новгородской знати. Однако для вступления в должность нареченный владыка должен был лично явиться к митрополиту, который при участии нескольких епископов совершал над ним обряд хиротонии (рукоположения) и возлагал на его голову знаменитый белый клобук — традиционный головной убор новгородских архиепископов.

Такой порядок соблюдался на протяжении всей истории новгородской церкви и символизировал принадлежность Новгорода к общерусской церковной и политической системе. Однако раскол некогда единой Киевской митрополии на две самостоятельные православные митрополии — московскую и литовскую — создавал для кандидатов на новгородскую кафедру возможность выбора. До середины XV столетия новгородцы все же предпочитали отправлять своих будущих владык к тому митрополиту, которого признавали в Северо-Восточной Руси. Да и сам раскол то возникал, то прекращался, и был скорее исключением, нежели правилом. Митрополиты, присланные из Константинополя (Феогност, Киприан, Фотий), умели «сидеть на двух стульях» и пользовались признанием как в Москве, так и в Вильно.

Положение изменилось с появлением в 1439 году униатства как особого направления в христианстве, а также с провозглашением автокефалии Русской Церкви в декабре 1448 года. Отныне «московское происхождение» духовного главы всех православных на Руси становилось очевидным. Благодаря мирным отношениям между Москвой и занимавшим тогда польский и литовский престол королем Казимиром IV, первый московский автокефальный митрополит Иона еще десять лет сохранял власть над православными епархиями на территории великого княжества Литовского и Польши. Однако распад митрополии был предрешен…

В 1458 году король Казимир решил отказаться от признания

московского митрополита, учредить самостоятельную Литовскую митрополию и принять посланного из Рима митрополита-униата. Причиной такого решения короля были не только давние домогательства папского престола. Помимо этого, Казимир был встревожен усилением московского влияния в Новгороде после Яжелбицкого мира. Разделение единой Русской митрополии на Литовскую и Московскую создавало возможность для ухода новгородского архиепископа из-под власти московского святителя Ионы и перехода в юрисдикцию митрополита Литовского. Такая перспектива должна была несколько остудить горячие головы в Москве, желавшие немедленно поставить Новгород на колени. И в Москве услышали грозное предупреждение Казимира. Отказавшись от каких-либо военных действий (но не от своих планов покорения Новгорода!), Василий Темный в начале 1460 года едет на Волхов в качестве смиренного паломника. Одновременно он начинает активно сотрудничать с Псковом. Эпицентр событий переносится в область дипломатии…

Согласно воле короля Казимира православное население Литвы и Польши получило нового митрополита. Им стал некий Григорий — ученик и протодьякон известного своей неудачной попыткой ввести унию в Москве митрополита Исидора. Григорий был поставлен на вновь открытую литовскую митрополичью кафедру римским папой Каллистом III. Эта кафедра была учреждена еще в первые годы XIV века. Тогда же появилась и выделившаяся из Литовской митрополии отдельная Галицкая митрополия. Существование этих как бы «мерцающих» кафедр всецело зависело от состояния московско-литовских и московско-польских отношений. В лучшие времена они упразднялись, а во времена конфликтов — вновь выделялись из состава некогда единой Киевской митрополии, престол которой в 1299 году был перенесен во Владимир-на-Клязьме.

В Москве были сильно обеспокоены известием о новой церковной смуте. Великий князь Василий Темный отправил королю Казимиру послание, в котором убеждал его не принимать митрополита из Рима. В свою очередь московский митрополит Иона послал в Литву своих представителей — игумена Троице-Сергиева монастыря Вассиана Рыло и игумена Кирилло-Белозерского монастыря Кассиана — с наказом отклонить литовских православных от сотрудничества с митрополитом-униатом. Оба посланника были людьми бывалыми, имевшими определенный дипломатический опыт. Вассиан однажды уже посещал Литву. Кассиан ездил в качестве московского посла в Константинополь к патриарху (73, 505).

Вслед за этим (20 декабря 1458 года) Иона направил

окружное послание литовскому духовенству с призывом отвергнуть Григория. Однако все усилия москвичей оказались тщетными. Митрополит-униат был признан королем и взял под свою власть всю православную иерархию Юго-Западной и Западной Руси. Новые отчаянные воззвания Ионы к местным иерархам не имели успеха. Сам же святитель уже не мог явиться в Литву по причине глубокой старости, а возможно, и благоразумной осторожности. Известно, что ровно за сто лет перед тем московский митрополит Алексей попытался явочным порядком восстановить утраченную им власть в литовских епархиях, но в итоге оказался пленником великого князя Литовского Ольгерда.

Обосновавшийся в Литве митрополит-униат Григорий оказался столь дерзок и самонадеян, что даже вознамерился после кончины московского митрополита Ионы в марте 1461 года занять его место. Эту идею поддержал король Казимир, направивший в Москву особое посольство для обсуждения церковных разногласий (73, 505). Разумеется, Василий Темный с возмущением отверг такое предложение.

Потерпев неудачу в Литве, московские духовные власти решили укрепить оборону. В конце 1459 года митрополит Иона созвал на собор всех епископов, оставшихся под его юрисдикцией. (Очевидно, открытие собора было приурочено к празднику Зачатия Пресвятой Богородицы — в воскресенье 9 декабря 1459 года.) Им велено было дать письменные клятвенные обязательства не иметь никаких сношений с митрополитом Григорием. В четверг 13 декабря 1459 года собравшиеся на собор владыки приняли обращение к литовским епископам с призывом сохранять верность Ионе.

Однако не все иерархи московской кафедры явились на собор. Как и следовало ожидать, отсутствовали новгородский архиепископ Иона и тверской епископ Моисей. Обоих неоднократно и настойчиво приглашали в Москву, но оба уклонились от явки под каким-то предлогом. Видимо, и новгородский, и тверской владыки хотели оставить за собой «поле для маневра». Угроза перейти под начало литовского митрополита-униата была сильным козырем в той политической игре, которую Новгород и Тверь все еще вели с Москвой. И понапрасну терять этот козырь оба иерарха не хотели. Впрочем, они все же отправили в Москву письменные заверения в своей преданности святителю Ионе.

Система высших властных отношений в Русской Православной Церкви в середине XV века отличалась некоторой неопределенностью. Поставление митрополита Ионы без санкции

Константинополя в 1448 году представлялось мерой исключительной, вызванной уклонением константинопольского патриарха в унию. При определенных обстоятельствах решение Москвы вполне могло быть пересмотрено. «Если бы Константинополь не был взят турками и если бы в то же время на место патриархов-униатов снова явились в нем патриархи православные, то более чем вероятно, что прежний порядок поставления наших митрополитов снова восстановился бы на неопределенные времена» (73, 508). Однако после взятия Царьграда «бесерменами» патриарх стал назначаться по воле турецкого султана, который присвоил себе в этом отношении прерогативы византийского императора. Такой патриарх, даже и отрекшийся от Флорентийской унии, казался москвичам «неполноценным». Получая от него свое рукоположение, московский митрополит тем самым как бы косвенно подпадал под власть султана. Для израненного двумя веками татарского ига самолюбия русских это обстоятельство было очень болезненным. Поэтому ни митрополит Феодосии в 1461 году, ни митрополит Филипп в 1464 году не помышляли о путешествии на Босфор. Завоевание Константинополя турками в 1453 году как бы подвело черту под «византийским» периодом в истории Русской Православной Церкви.

Порвав с древней традицией, московские правители опасались «цепной реакции» — вспышки сепаратизма со стороны русских епископов. Дабы избежать этого, они даже обращались к отвергнутому ими Константинопольскому патриархату с просьбой официальным образом признать новый порядок избрания московских митрополитов. Это, конечно, было уже слишком. Возмущенные наглостью русских, греки решительно отказали. Однако здравый смысл и московские подарки сделали свое дело. В патриархии не стали поднимать вселенского скандала по поводу «измены» московитов, и вопрос остался открытым. Греки молчаливо признали московскую автокефалию. Однако любой политический кризис в Северо-Восточной Руси неизбежно угрожал возродить этот тлевший под пеплом молчания вопрос.

Церковный спор вновь обострился в 1470 году. Литовский митрополит-униат Григорий неожиданно объявил о своем разрыве с Римом. Он обратился к патриарху через своего посла с покаянием и прошением принять его под юрисдикцию Константинополя. Патриарх Симеон по каким-то причинам не исполнил пожелания Григория. Однако его преемник патриарх Дионисий безоговорочно пошел навстречу раскаявшемуся униату. Он не только признал Григория вполне православным иерархом,

но даже расширил его полномочия. Помимо православных епархий Польши и Литвы, Дионисий передал Григорию власть над теми епархиями, которые доселе находились под властью московского митрополита. Патриарх отправил своих послов в Москву и в Новгород, требуя низложить митрополита Филиппа, а его полномочия передать Григорию. Дело происходило в момент, когда назревало новое столкновение Москвы с Новгородом. Несомненно, именно здесь, в хитросплетениях большой политики, и коренится причина неожиданного превращения митрополита Григория из униата в православного. Такой поворот событий создавал новые возможности для борьбы с неуклонно нараставшей московской экспансией. Наиболее эффективное противодействие этой экспансии — сближение Новгорода с Литвой — должно было получить развитие именно в церковной сфере. Привыкшие гордиться чистотой православия, новгородцы едва ли согласились бы признать своим духовным главой митрополита-униата. Иное дело — вполне православный, признанный столь же православным константинопольским патриархом литовский митрополит…

Иван III более всего опасался открытого вмешательства в московско-новгородский спор польского короля Казимира. Впрочем, король, по-видимому, не имел намерения увеличивать свои владения за счет бескрайних новгородских земель. Легко было предвидеть все трудности и опасности, связанные с таким решением вопроса. Получив Новгород, король вместе с ним получил бы и затяжную войну с крепнущим на глазах Московским княжеством, которое имело много тайных и явных сторонников среди литовских православных князей. Враждебные действия тотчас предприняли бы татары и Орден. Да и в самом Новгороде доброхоты Москвы начали бы поднимать народ против нового сюзерена. На сторону Москвы встал бы и беспокойный сосед Новгорода — Псков.

Наконец, польско-литовское государство просто не имело достаточно сил и средств для прочного освоения всей огромной Новгородской земли. В Кракове и Вильно понимали, что корни новгородского процветания уходят далеко на восток — туда, где их легко может обрубить московская секира. Основным источником новгородского богатства была торговля товарами, происходившими из обширных областей в бассейне Северной Двины и Печоры (мед, воск, меха). Однако в случае перехода Новгорода под власть Литвы моековский князь, опираясь на Вологду, Устюг и Вятку, тотчас оккупировал бы эти территории, без которых Новгород, в сущности, ничего не стоил.

Словом, последствия присоединения Новгорода к Литве были слишком непредсказуемыми для однозначного отношения к этой перспективе. Занимая шаткий трон правителя трех народов — поляков, литовцев и русских, — король Казимир не мог пускаться на такие авантюры. К тому же его личная власть была сильно ограничена необходимостью согласовывать все серьезные решения с польской и литовской аристократией.

В Москве, разумеется, учитывали сложное положение, в котором находился король. Однако понимали и то, что соблазн украсить польскую корону таким бриллиантом, как Великий Новгород, был все же очень велик. Столь же велик был и страх перед необычайным усилением Москвы в случае завоевания ею Новгорода. И если перед соблазном Казимир мог устоять, — то страх подталкивал его к использованию любых средств против московской экспансии. В январе 1470 года король приехал в Полоцк, где не был уже 21 год. Полоцкая земля граничила с южными районами Псковской земли. Из Полоцка было рукой подать и до верховья реки Ловать — торной дороги к Новгороду. Внезапное появление короля в этом стратегически важном месте стало своего рода напоминанием о том, что он внимательно следит за событиями в регионе. Пробыв в Полоцке с неделю и приняв псковское посольство, прибывшее для обсуждения пограничных споров, Казимир так же внезапно уехал назад в Литву (41, 169).

В этой сложной ситуации решающую роль должна была сыграть позиция самих новгородцев. Их единодушное стремление перейти под руку короля дало бы сильные аргументы литовским сторонникам военного вмешательства в конфликт. Напротив, враждебное отношение большинства горожан к Литве заставило бы короля воздержаться от войны с Москвой за Новгород.

Камнем преткновения для «литовской» партии в Новгороде и, напротив, — точкой опоры для «московской» партии был вопрос религиозный. Король Казимир держался католической веры, которая имела господствующее положение в польско-литовском государстве. Православные были оттеснены от власти не только в Польше, но и в Литве, и находились на положении людей «второго сорта». Да и само литовское православие, с точки зрения московских и новгородских ревнителей благочестия, выглядело достаточно сомнительно. Митрополит Григорий был учеником униата Исидора и сам более десяти лет пребывал в унии. Новгородский владыка Иона неоднократно клялся не вступать с ним в какие-либо сношения.

Узнав о посольстве от патриарха Дионисия к новгородцам с призывом признать духовную власть митрополита Григория, Иван

III и митрополит Филипп немедленно обратились к новгородскому владыке Ионе с призывом не поддаваться на увещания Дионисия и посулы Григория. Что до самой Москвы, то Иван III запретил пускать в свои владения патриарших послов, а самого патриараха объявил «чуждым» русскому православию. При этом упор делался на тезис о «неполноценности» патриарха, поставленного на кафедру по воле турецкого султана, о его неправомочности ставить митрополита на Русь. Такое решение принял и собор епископов, срочно созванный тогда в Москве.

Судя по всему, новгородский владыка Иона, имевший добрые отношения с Москвой, которая активно поддержала его в борьбе с псковским церковным сепаратизмом, и не думал о переходе под власть литовского митрополита. Ситуация изменилась с его кончиной, последовавшей 8 ноября 1470 года (31, 284). (Некоторые летописи называют иную дату — 4 или 5 ноября (41, 171). Однако хронология последующих событий заставляет остановиться на первой дате.) Эта смерть подала новые надежды «литовской» партии в Новгороде.

(Понятно, что деление новгородцев на «московскую» и «литовскую» партии, принятое в литературе, достаточно условно. Ни Москва, ни Литва сами по себе не вызывали у кого-либо на Волхове особых симпатий. Речь шла лишь о различных путях защиты интересов новгородцев. Ситуация осложнялась тем, что население Новгорода было весьма пестрым и в социальном, и в этническом, и в религиозном отношениях. Архиепископ уже по самому своему положению главы боярской республики должен был искать компромиссы между враждующими сторонами.)

Московско-новгородский конфликт 1470/71 года — тугой узел противоречий. Распутать его полностью не представляется возможным из-за сбивчивости и неполноты источников. Однако главные нити событий прослеживаются достаточно ясно.

Еще летом 1470 года стало ясно, что Иван III, управившись с Казанью, разворачивает свою военно-политическую мощь на северо-запад, в сторону Новгорода. Заручившись поддержкой Пскова, он готовится к новому удару по «северной Флоренции»…

Средоточием антимосковских настроений в Новгороде был тогда расположенный на Неревском конце дом посадника Исаака Андреевича Борецкого. Сам хозяин к этому времени уже отошел в лучший мир. Делами заправляла его вдова — властная и энергичная «Марфа-посадница». Под ее рукой находились взрослые сыновья Дмитрий и Федор — такие же непримиримые враги Москвы, как и их мать. Вокруг них сплотилась та часть новгородского боярства, которая понимала, что на сей раз речь

идет не о каких-то частых уступках великому князю Московскому, а о самом существовании Новгородской боярскол республики.

Не желая покориться надвигавшейся московской диктатуре (равно как и терять свои исконные права и привилегии), сторонники Марфы Борецкой видели единственный выход в том, чтобы обратиться за помощью к другому монарху — королю Казимиру IV.

Враждебный Новгороду московский летописец рассказывает, что, получив в конце 1470 года грамоту Ивана III, в которой тот в весьма высокомерном тоне призывал нареченного владыку Феофила в Москву на поставление, новгородские патриоты «начаша нелепаа, и развращеннаа глаголати и на вече приходящи кричати: „Не хотим за великого князя Московского, ни зватися отчиною его. Волныи есмы люди Велики Новъгород…“» (31, 284). (В действительности антимосковские выступления начались несколько раньше — летом или осенью 1470 года, когда владыка Иона был еще жив.) На вечевой площади разгорелись жаркие дебаты, порой заканчивавшиеся кровопролитием. Сторонники Москвы призывали сохранять традиционный пиетет по отношению к великому князю Владимирскому и митрополиту «всея Руси». Однако их голоса тонули в многоголосом реве толпы: «За короля хотим!!!».

В борьбе за власть Борецкие прибегли к традиционному для всех демократий способу межпартийной борьбы — подкупу. Московский летописец возмущается тем, что новгородские «изменники» начали «…наимовати (нанимать. — *Н. Б.*) худых мужиков вечников, на то за все готови суть по их обычаю» (31, 284). Наемные демагоги ударами колокола созывали вече и принимались выкрикивать антимосковские речи. Все возражения сторонников другой партии встречались воплями, криками, свистом, а порой и камнями. «И те наймиты… каменье на тех метаху, которые за великого князя хотят» (31, 284).

Трудно поверить в то, что «московская» партия в Новгороде была более разборчива в средствах, чем «литовская». Однако «западники», кажется, оказались богаче. Да и сам призыв «долой!» (в данном случае — долой верховную власть Москвы) обычно оказывается более привлекательным для толпы, чем призыв к спокойствию и сохранению традиционного порядка вещей. И хотя правом решающего голоса на вече обладали далеко не все, кто приходил на площадь, — настроения толпы не могли не влиять на исход дебатов. В итоге споры разрешились отправкой посольства к королю Казимиру IV. Двое именитых новгородцев («житьих людей») — Панфил Селивантов и Кирилл Макарьин — поехали в Литву. Король принял их с честью и, выслушав их

прошение, отправил в Новгород на княжение литовского князя Михаила Александровича (Олельковича). Этот князь по вероисповеданию принадлежал к православию, а по родственным отношениям доводился двоюродным братом великому князю Ивану III. (Матерью Михаила была княгиня Анастасия Васильевна — родная сестра Василия Темного, выданная замуж за киевского князя Александра Владимировича.) Все это делало его наиболее подходящим кандидатом на новгородский стол.

Кажется, «литовская» партия в Новгороде была сильно разочарована результатом посольства. Король явно не хотел впутываться в конфликт. Вместо войск он прислал князя Михаила с неопределенными полномочиями. Приезд Михаила в Новгород не представлял собой чего-то необычного: литовские князья и прежде время от времени получали «в кормление» новгородские «пригороды» (Ладога, Копорье, Орешек, Корельский городок). Получали такие «кормления» и князья белозерского и смоленского дома, призванные уравновешивать на северо-западных рубежах влияние литовцев (171, 90–99). Однако каждый раз приглашение Гедиминовичей на новгородские «пригороды» имело явный политический подтекст, служило своего рода предупреждением для слишком настойчивой Москвы..

(Впрочем, следует иметь в виду, что все военно-политические построения того времени вписывались в треугольник Москва — Вильно — Орда. Соотношение сил было примерно равным. Объединение двух сторон против третьей неизбежно привело бы к ее уничтожению. Однако никто из серьезных политиков не хотел так сильно рисковать своим будущим. Задача всех дипломатических служб «треугольника» сводилась к тому, чтобы, во-первых, не допустить соединения двух других «триумвиров», а во-вторых, не дать втянуть свое собственное государство в заманчивый, но слишком рискованный союз «двух против одного». Вся эта политическая геометрия особенно ясно проявлялась в критических ситуациях. Москва со времен Ивана Калиты всеми силами уклонялась от участия в ордынско-литовских войнах. Ее примеру следовали и другие стороны. Орда не мешала Москве силой оружия решить спор с Литвой в 1368–1372 годах. Литовский великий князь Ягайло всего на день «опоздал» прийти на помощь Мамаю на Куликово поле. Московский князь Василий I не оказал никакой помощи своему тестю великому князю Литовскому Витовту, когда тот в битве на Ворскле в 1399 году попытался нанести сокрушительный удар по надломленной нашествием Тимура Золотой Орде. И все же в трудную для одной из сторон минуту призрак вражеской коалиции вновь и вновь возвращался.)

Не желая в одиночку вступать в конфликт с Москвой из-за Новгорода, Казимир IV готов был сделать это вместе с татарами. Под 6979 годом (1 сентября 1470 — 31 августа 1471) в некоторых летописях содержится следующий любопытный рассказ.

Король Казимир послал в Большую Орду к «царю» Ахмату татарина Кирея Кривого. Дед этого Кирея, Мисюрь, был холопом великого князя Литовского Витовта. Потом его купил у Витовта московский князь Василий Дмитриевич. В Москве жил и отец Кирея Амурат. Сам Кирей также поначалу служил в Москве. Но потом этот «купленный холоп» великого князя Ивана III по какой-то причине возненавидел своего хозяина и бежал в Литву. Отпуская Кирея в Орду, король дал ему грамоту к хану. В ней Казимир предлагал Ахмату начать совместные военные действия против Москвы. Это предложение король подкреплял богатыми дарами, которые Кирей вручил от его имени самому хану и его вельможам.

Посол короля прожил в Орде в ожидании ответа около года: «не бе бо ему (хану. — *Н. Б.*) с чем отпустити его к королю, и иных ради зацепов своих» (32, 229). (Учитывая сбивчивость летописных датировок, можно полагать, что Кирей находился у Ахмата в 1469–1470 годах.) В итоге он был отпущен назад ни с чем. Хан в этот момент не принял предложение Казимира.

(Идея совместного литовско-татарского похода на Москву была отложена на неопределенное время, но не забыта. К ней вернутся уже в 1472 году, когда в роли инициатора союза придется выступать уже не королю Казимиру, а самому Ахмату. Но на сей раз уже Казимир будет долго водить хана за нос, а в итоге оставит его один на один с московскими пушками на берегу Оки возле сожженного татарами городка Алексина. Та же ситуация повторится и в 1480 году во время знаменитого «стояния на Угре».)

Отказ Ахмата соединиться с королем против Москвы в 1469–1470 годах фактически означал смертный приговор Новгороду. Теперь для Иван III задача состояла лишь в том, чтобы не допустить промаха и аккуратно довести дело до конца…

Литовский князь Михаил Александрович с огромной свитой торжественно въехал в Новгород в воскресенье 11 ноября 1470 года — через три дня после кончины архиепископа Ионы (8 ноября) (38, 148; 170, 187). Не желая обострять отношения с Иваном III, новгородцы, приняв Гедиминовича, сохранили лояльность и к московским наместникам, находившимся на Городище. Еще один враждебный Москве служилый князь, живший тогда в Новгороде, — Василий Васильевич Гребенка

Шуйский — отправлен был с отрядом на Северную Двину, где можно было ожидать враждебных действий московских сил.

Спустя неделю, 18 ноября 1470 года, новгородцы узнали имя нового владыки. (Летописи противоречат друг другу в датах этих событий. Однако очевидны два обстоятельства: въезд князя в Новгород и избрание нового владыки должны были происходить в воскресенье; избрание нового владыки произошло не ранее чем через 9 дней после кончины прежнего.) Им стал протодьякон и ризничий умершего владыки Ионы, монах Вяжищского монастыря близ Новгорода Феофил. По обычаю при избрании нового владыки на престол Софийского собора возлагали три жребия с именами кандидатов. Все трое принадлежали к ближайшему окружению архиепископа Ионы. Первый из них, Варсонофий, был его духовником, второй, Пимен, — ключником, а третий, Феофил, — ризничим. Жребий выпал Феофилу…

Нареченный владыка Феофил не принадлежал к «литовской» партии. Он собирался по старой традиции отправиться в сопровождении бояр в Москву на поставление к митрополиту Филиппу. Предварительно из Новгорода отправлено было в Москву посольство во главе с Никитой Ларионовым для получения от Ивана III так называемой «опаса» — особой грамоты, гарантирующей безопасность всех членов новгородской делегации на Московской земле. Иван с честью принял посла и дал согласие на обычный порядок утверждения нового архиепископа. При этом великий князь велел передать Новгороду следующее: «Что *отчина моя* Великыи Новъгород (курсив наш. — *Н. Б.*) прислали ко мне бити челом о том, что взял Бог отца их, а нашего богомолца архиепископа Иону, а избрали себе по своему обычаю по жребием, священноинока Феофила, и яз их, князь великы, жалую, и того нареченного Феофила и велю ему быти к себе на Москву и ко отцу своему Филиппу митрополиту стати на архиепископью Новагорода и Пскова без всякых зацепок, но по прежнему обычаю, как было при отце моем великом князе Василье и при деде и при прадеде моем и при преже бывших всех великых князей, их же род есмы, Володимерьских и Новагорода Великого и всеа Руси» (31, 284).

Этот вежливый по форме, но грозный по содержанию ответ вызвал взрыв возмущения у сторонников «литовской» партии в Новгороде. Им не понравилось, что московский князь называл Новгород своей «вотчиной», то есть неотъемлемым, передаваемым по наследству владением. При этом он подчеркивал, что не только избрание самими новгородцами кандидата на владычную кафедру, но и его утверждение московским митрополитом, является исконным, не подлежащим

сомнению обычаем. Великий князь велит нареченному владыке Феофилу безотлагательно, «без всякых зацепок» явиться к митрополиту для поставления на новгородскую кафедру.

В это время «литовская» партия усилилась еще одним влиятельным приверженцем. Потерпевший неудачу при жеребьевке владычный ключник Пимен объявил, что готов стать архиепископом «из литовской руки». Он соглашался поехать в Литву к митрополиту Григорию и получить от него поставление на новгородскую кафедру. Однако такое предложение было слишком смелым. Решившись на отступничество, новгородцы дали бы Ивану III хороший повод для начала большой войны. Не дремала и «московская» партия. Стали распространяться слухи о том, что Пимен самовольно расточает оставшуюся на его попечении владычную казну, оплачивает церковным серебром расходы на подкуп новых сторонников для «литовской» партии. В итоге Пимен был схвачен, избит и брошен в темницу. С него пытками взыскали тысячу рублей штрафа. Другой слух касался Марфы Борецкой. Рассказывали, будто она собирается выйти замуж за одного литовского пана, «а мыслячи привести его к собе в Великий Новъгород, да с ним хотячи владети от короля всею Новгородскою землею» (38, 151).

Весной 1471 года волнение новгородцев еще более усилилось. Из Пскова прибыло посольство с довольно странным предложением. Псковичи сообщали, что великий князь «поднимает» их на Новгород. Не желая кровопролития, они предлагали новгородцам выступить в роли посредников в их распре с Иваном III. Псковичи готовы были отправить в Москву для соответствующих переговоров свою делегацию. Однако прежде хотели получить у Новгорода разрешение на проезд этой делегации через новгородские земли.

Псковичам явно не хотелось втягиваться в конфликт между Москвой и Новгородом. Как раз в это время обостряются их пограничные споры с Литвой. В начале 1470 года, как мы помним, псковские воеводы встречались с королем Казимиром, лично приехавшим в Полоцк. Осенью того же года псковичи безуспешно вели переговоры с уполномоченными королем литовскими «панами». В марте 1471 года псковское посольство с жалобой на упрямых «панов» явилось к Казимиру в Вильно. Во время приема король обронил фразу, которая повергла псковичей в смятение: «Коли паки мои панове а с вами на границы никакове управе не учинили, ино яз паки сам хочю быти на тех границах, да того досмотрю своима очима» (41, 179). Король ясно дал понять, что у него есть хороший повод для вторжения в псковские земли. Ну а подлинной причиной вторжения могло стать участие

Пскова в московско-новгородской войне.

Псковская миротворческая инициатива только подлила масла в огонь. Страсти на вече закипели с новой силой. Наконец отчеканилось решение: отослать назад незваных миротворцев, а самим отправить послов к королю с просьбой о более решительной помощи против Москвы. Напоследок новгородцы предложили псковичам заключить договор о взаимопомощи на случай войны с великим князем Московским. Те отвечали уклончиво: когда начнется война, дайте нам знать. А мы тогда и подумаем…

Весной 1471 года новгородские послы отправились в Литву (170, 188). Обратно они вернулись с договором, согласно которому Казимир IV обязывался всей военной мощью Литвы защищать Новгород от нападения москвичей. Со своей стороны, Новгород соглашался принять у себя на постоянное пребывание королевского наместника и уплачивать Казимиру небольшую дань. Все институты Новгородской боярской республики оставались в неприкосновенности.

Судя по тому, сколь мало требовал король от новгородцев за свою поддержку, можно понять, что он и не собирался во исполнение договора воевать с Москвой из-за Новгорода. Главная цель соглашения заключалась в другом: пригрозив Ивану III войной с Литвой, заставить его быть более осторожным в отношении Новгорода. Договор с Новгородом был явлением такого же порядка, как и неожиданный приезд Казимира в Полоцк в январе 1470 года и грозное обещание псковичам лично разобраться с пограничными спорами. Король вел по отношению к Москве политику «надувания щек».

(Необычное истолкование причин московско-новгородской войны предложил недавно историк Я. С. Лурье. По его мнению, «ни договор с Казимиром, ни приглашение Михаила Олельковича не могли быть поводом к походу на Новгород… Проект договора с Казимиром был, по всей видимости, составлен в Новгороде в мае-июне 1471 года перед Шелонской битвой… Видеть главную причину войны 1471 года в новгородской „измене“ и „латинстве“ можно, только если следовать тенденциозной и противоречивой версии московского летописания» (115, 141–143). На самом деле, война была вызвана «откровенным нарушением великокняжеской властью одного из главных условий Яжелбицкого мира» — принадлежности Новгороду Волока Ламского и Вологды (115, 141). Не доверяя изложению событий 1470–1471 годов московскими летописцами, ученый в то же время вынужден признать, что «новгородская версия всех этих событий известна нам в недостаточной степени» (115, 132). Но при такой оценке

исходных данных остается либо констатировать невозможность установления истины (как это делает Лурье в рассуждении об истоках конфликта Шемяки с Василием Темным), либо конструировать собственную схему событий, исходя главным образом из стремления к опровержению общепринятого взгляда. По этому пути и направляется мысль исследователя. В итоге «антимосковская» схема Лурье оказывается не менее (если не более) умозрительной, чем традиционная «промосковская» трактовка событий 1470–1471 годов. Кроме того, следуя этой схеме событий, можно было бы убедительно объяснить скорее поход новгородского войска на Москву, чем московского — на Новгород.)

В Москве внимательно следили за развитием событий. Все складывалось наилучшим образом. Поход на Новгород представлялся делом решенным. Однако следовало свести к минимуму элемент риска, неизбежный в любой войне. Во-первых, у Ивана все же не было абсолютной уверенности в том, что татары и Литва позволят ему безнаказанно удушить Новгород и тем удвоить свое могущество; во-вторых, князь Иван боялся того, что перед лицом смертельной опасности новгородцы могут сплотиться и обрести то мужество отчаяния, которое порой и самых мирных людей превращает в грозных воителей; в-третьих, Иван не вполне доверял своим братьям и сородичам, которые в решающую минуту могли нанести ему удар в спину. Все это вместе взятое и заставляло его не спешить, выбирая наилучший момент для начала войны.

Не знаем, что делал князь Иван для того, чтобы успокоить короля Казимира. Однако известно другое. Обычная для Москвы опасность — нашествие татар — стараниями Ивана III летом 1471 года была сведена до минимума. Казанские татары все еще находились под впечатлением тех ударов, которые они получили во время войны с Москвой в 1467–1469 годах. Волжская Орда летом 1471 года также не собиралась воевать с Московской Русью. Однако все дело едва не испортили вятские «партизаны».

Летописи сохранили сообщение о дерзком нападении на столицу Волжской Орды город Сарай большого отряда вятчан. Подобно новгородским ушкуйникам, наводившим страх на всю Волгу во времена Дмитрия Донского, вятчане спустились на кораблях вниз по Волге и Ахтубе, а там «взята Сараи, много товара взяша, и плен мног поимаша» (31, 291). Нападение облегчалось тем, что летом Сарай был почти пуст. Вся местная знать отправлялась кочевать по степи со своими табунами. Узнав о нападении на столицу, татары поспешили к Волге. Они

перегородили реку своими судами, чтобы перехватить вятских удальцов. Однако те благополучно прорвались через заграждения и ушли вверх по реке. Получив весть о случившемся, казанские татары тоже попытались захватить вятчан. Но те и здесь сумели благополучно ускользнуть.

Существует мнение о том, что набег вятчан на Сарай был задуман и подготовлен Иваном III, который хотел таким способом обеспечить безопасность своей южной границы во время похода на Новгород (54, 179). Однако источники говорят об ином. Вятчане пошли на Волгу весной 1471 года, по «большой воде». Некоторые летописи даже уточняют: поход начался «тое же зимы» (18, 94). Бравые ушкуйники успели вернуться домой и вскоре выйти с московскими воеводами в новый поход — на новгородские владения в Подвинье (30, 191). 27 июля 1471 года они участвовали в сражении с новгородской ратью Василия Шуйского под Холмогорами (31, 290). При самом приблизительном расчете времени их передвижения можно видеть, что вятчане ушли на Волгу в конце апреля — начале мая, напали на Сарай в конце мая, а вернулись домой в конце июня. На Двину они ушли в конце июня — начале июля.

Эти очевидные соображения убеждают в том, что Иван III вовсе не был заинтересован в набеге вятчан на Сарай. Инициатором акции скорее мог быть кто-то из врагов Москвы. Учиненный вятчанами погром должен был привести в ярость хана Ахмата и вызвать ответный поход татар на русские земли. Добраться до Вятки Ахмат не мог, и потому удар неминуемо пришелся бы на южные районы Московской Руси. При этом хан, конечно, знал о том, что главные силы Ивана III заняты на новгородском направлении.

Примечательно, что именно в июне 1471 года, когда в Москву дошла весть о взятии Сарая, Иван III, «идя к Новугороду» (20, 141), отправил своего посла Никиту Беклемишева в степь с наказом разыскать там какого-то «царевича Муртозу, Мустофина сына», и срочно взять его на московскую службу. Эта миссия принесла успех. Муртоза явился в Москву еще до возвращения государя из Новгорода и был тепло принят его сыном Иваном Молодым. Отряд Муртозы усилил военный потенциал Москвы, что было особенно важно в условиях отсутствия самого великого князя и его войска. Источники называют отца Муртозы Мустафу «казанским царем» (20, 154). Однако скудность наших сведений о первых казанских ханах не позволяет точно определить его место на их генеалогическом древе. Первый приезд Муртозы в Москву носил предварительный характер. Окончательно он перешел на русскую службу и получил во владение Новый Городок на Оке в

конце 1474 года. Но летом 1472 года Муртоза уже принимал участие в отражении нашествия хана Ахмата (18, 195).

Несомненно, о московском подданстве Муртозы летом 1471 года узнал и хан Ахмат. Возможно, именно перспектива столкновения с перешедшими на сторону Москвы отрядами Муртозы заставила его искать союзников в Литве и отложить поход до следующего лета.

Всесторонне обдуманная акция по устрашению Новгорода включала в себя не только военную кампанию, но и своего рода «психологическую войну». Известно, например, что весной 1471 года Иван отправил на Волхов своего посла с добрыми речами, суть которых сводилась к одному: вступив в союз с Литвой, новгородцы изменили не только своему законному «господарю», но и самому исконному православию. Те же укоризны содержались и в увещательной грамоте, посланной в Новгород митрополитом Филиппом. Разумеется, это была явная натяжка: с чисто канонической точки зрения, литовское православие было ничуть не хуже московского. И все же московская демагогия мало-помалу проникала в тугие головы новгородских простецов. Можно сказать, что они были предрасположены к ее восприятию. Своим безошибочным «классовым чутьем» новгородская чернь угадывала, что приход Ивана III страшен лишь тем, кому есть что терять, — «отцам города», боярам и «житьим людям». А тем, кому «нечего терять, кроме своих цепей», тирания, в сущности, никогда не бывает страшна. Напротив, она доставляет им редкое удовольствие: насладиться разорением, унижением и гибелью богачей, перед которыми еще вчера бедняки за версту ломили шапки…

Успехам московской агитации в Новгороде способствовало и поведение литовского князя Михаила Олельковича. Прибыв в город с огромной свитой («а с ним на похвалу людей много сильно» (41, 172), Михаил обременил горожан расходами на ее содержание. Однако пребывание его на Волхове оказалось недолгим. 15 марта 1471 года он уехал из Новгорода (41, 175). Очевидно, князь считал себя в чем-то обиженным новгородцами и не предполагал когда-либо возвращаться в эти края. По дороге в Литву он ограбил Русу и пограничные волости.

Одновременно с вопросом о Новгороде возник и вопрос о дальнейшей судьбе Киева. Для Казимира IV удачное решение второго из них было гораздо важнее первого. После кончины осенью 1470 года правившего в Киеве князя Семена Александровича (Олельковича) король ликвидировал самостоятельное Киевское княжество. Королевским наместником

в Киеве был назначен знатный воевода и католик по вероисповеданию Мартин Гаштольд. Однако горожане не хотели смириться с такой переменой и потребовали от короля дать им на княжение брата князя Семена — Михаила. Впрочем, они готовы были согласиться и на другого Гедиминовича. Кандидатура же нетитулованного воеводы их решительно не устраивала. Для достижения своей цели королю пришлось прибегнуть к силе. Оскорбленный Михаил Олелькович мог стать зачинщиком опасного мятежа: сепаратистски настроенная литовская аристократия давно настаивала на восстановлении системы, при которой страна управлялась бы не польским королем, а собственным великим князем Литовским (155, 141). Кандидатом на эту роль считался умерший князь Семен. Теперь с теми же притязаниями мог выступить и его младший брат Михаил. Многое здесь зависело и от позиции Москвы.

Похоже, что именно борьба за Киев, а в конечном счете и за сохранение своей непосредственной власти над Литвой и заставила Казимира IV воздержаться от войны с Москвой из-за Новгорода (а позднее и из-за Твери). Конечно, не сидела сложа руки и московская дипломатия. В 1471 году в Краков (тогдашнюю столицу Польши) дважды приезжали московские посольства (161, 79). Одной из главных тем их переговоров с Казимиром, несомненно, был Новгород. Возможно, имел место своего рода негласный размен: король обещал не вмешиваться в тяжбу Ивана с Новгородом, а Иван, в свою очередь, обещал королю не оказывать поддержки литовским сепаратистам.

Как бы там ни было, очевидно одно: загадочное нежелание Казимира IV воевать с Москвой (за которое его упрекали и современники и некоторые историки), сильно облегчило московскую экспансию. Попытки короля в критические моменты натравить на Ивана III какого-нибудь степного «царя» или «царевича» не приносили ожидаемых результатов: Москва уже научилась успешно отбиваться от татар.

Видя, что дело идет к большой войне с Москвой, которую им, скорее всего, придется вести в одиночку, новгородцы упали духом. Город тревожили дурные вести. Буря сломала крест на святой Софии… На двух гробницах в соборе вдруг выступила кровь… В Хутынском монастыре сами собой зазвонили колокола… В Евфимиевском монастыре заплакала икона Божией Матери… Во всем этом новгородцам явственно виделись признаки «глядущего на них гнева Божия» (32, 230). Старец Зосима, игумен далекого Соловецкого монастыря на Белом море, приехавший тогда в Новгород по каким-то делам, был позван на пир к Марфе Борецкой. Посреди пира старец вдруг заплакал:

сидевшие за столом бояре представились ему обезглавленными…

В мае 1471 года Иван III послал в Новгород «разметные грамоты» — формальное извещение о начале войны. Поход решено было совершить летом. В этом таилась определенная трудность: новгородские леса и болота уже не раз становились препятствием на пути «низовских» ратей. Однако именно в ту весну в Новгородской и Псковской земле «был о по рекам воды мало» (41, 175). Конечно, привычнее было бы все же воевать с Новгородом зимой. Но ждать еще полгода великий князь не хотел: ситуация могла измениться не в пользу Москвы.

Скорые гонцы помчали в дальние и ближние города весть о сборе войск для новгородского похода. Великокняжеский дьяк Якушка Шачебальцев 23 мая погнал во Псков, упрятав в дорожной сумке грозный указ Ивана III: псковичам отправить Новгороду «разметную грамоту»; псковскому ополчению под началом московского наместника князя Федора Юрьевича Шуйского немедля выступить к Новгороду на соединение с московской ратью. 31 мая великий князь отправил гонца на Вятку, приказывая вятчанам идти воевать новгородские владения в Подвинье. Туда же посланы были и отряды устюжан. В поход на Новгород поднялось и почти все московское семейство: Юрий Дмитровский, Андрей Угличский, Борис Волоцкий, князь Михаил Андреевич Верейский с сыном Василием.

Огромное московское войско не могло двинуться одновременно и в полном составе. Как и в 1456 году, полки уходили из Москвы с интервалом в несколько дней и, насколько возможно, разными дорогами. Первый эшелон, которым командовали воеводы князь Данила Дмитриевич Холмский (переехавший на московскую службу из Твери) и боярин Федор Давыдович Хромой (из старомосковского рода Ратшичей), ушел в четверг 6 июня 1471 года. С ним отправились и удельные братья Ивана III Юрий и Борис. Целью отряда была названа Руса, памятная москвичам победой над новгородцами в 1456 году.

План летней кампании 1471 года был повторением оправдавшей себя схемы зимнего новгородского похода 1456 года. Задача состояла в том, чтобы выманить новгородское войско «в чистое поле» (например, куда-нибудь под Русу) и разгромить по частям. Зная переменчивый характер новгородцев, быстро переходивших от воодушевления к унынию и панике, Иван III надеялся, что уже первое поражение заставит их пойти на мировую.

Ровно через неделю, в четверг 13 июня, из Москвы выступил второй эшелон великокняжеской рати. Им командовал князь Иван

Васильевич Стрига Оболенский. Со вторым эшелоном ушли и служилые татары под началом своего «царевича» Даньяра. Этому войску велено было идти через Тверскую землю на Волочек (нынешний город Вышний Волочек), а оттуда вдоль реки Меты, впадающей в озеро Ильмень, — к Новгороду.

Сам Иван III выступил из Москвы с третьим, последним полком в четверг 20 июня 1471 года (25, 229; 29, 159). В его свите выделялся своим важным, хотя и не воинственным видом известный книжник Степан Бородатый. Перед самым отъездом государь «испроси у матери своей у великой княгини дьяка Степана Бородатого, умеющего говорити по летописцем Руским: егда, рече, приидут (новгородцы. — Я. £.), и он воспоминает ему говорити противу их измены давные, кое изменяли великим князем в давныя времена, отцем его и дедом и прадедом» (18, 192).

Наступая на Новгород тремя колоннами на трех направлениях, Иван III первым делом предполагал захватить Старую Руссу. Как и в 1456 году, новгородцы бросились на защиту своего важнейшего форпоста. Они не могли равнодушно наблюдать за тем, что московские войска безжалостно разоряют их земли. Эта «тактика выжженной земли» — характерная особенность похода 1471 года. Вступив на Новгородскую землю, московские воеводы, выполняя волю Ивана III, принялись действовать примерно так, как действовали татары во время своих набегов на русские земли. Они «распустиша воя своя на многие места жещи и пленити и в полон вести и казнити без милости за их неисправленье к своему государю великому князю» (31, 288). Новгородцам следовало преподать суровый урок. Сын Василия Темного умел быть жестоким. К тому же два века постоянного общения с Ордой многому научили благородных потомков Всеволода Большое Гнездо. Среди прочего татары научили их великой силе страха. Отправляясь в поход против сильного противника, татары посылали вперед самых отъявленных головорезов, которые своими зверствами над местным населением должны были поднять и погнать перед войском сокрушительную волну паники.

Основные события войны разыгрались на юго-западном берегу Ильменя. Новгородцы разделили свои силы на несколько ратей. (В этом заключалась их главная стратегическая ошибка.) Все они были отправлены за озеро Ильмень, чтобы не допустить разорения южных «пригородов» — Русы и Демона. О целесообразности такого решения можно спорить. Кажется, новгородцы очень боялись осады, хотя Новгород имел уже несколько линий оборонительных сооружений, включавших и

мощные каменные стены.

Кроме чисто военных соображений, в «заозерной» стратегии новгородских воевод угадывается и психологический момент. Очевидно, они понимали, что боевого духа ополченцев хватит ненадолго, и потому спешили дать сражение как можно скорее.

24 июня, на Рождество Иоанна Предтечи, воины князя Холмского захватили и сожгли Русу. Оттуда немедля они двинулись вдоль западного берега озера Ильмень к реке Шелони, где должны были соединиться с приближавшейся с запада псковской ратью. Однако марш был прерван боевой тревогой. Подошедшая со стороны озера на судах новгородская рать высадилась на берег и вступила в бой с москвичами у села Коростынь.

Поначалу новгородцы имели преимущество внезапности. Однако вскоре московские воеводы овладели ситуацией и перешли в наступление. В итоге москвичи «многих избита, а иных руками изымаша, тем же изниманным самим меж себя повелеша носы и губы и уши резати, и отпускаху их назад к Новугороду, а доспехи снимающе в воду метаху, а инии огню предаша, не бяху им требе, но своими доспехи всеми доволни бяху» (31, 288).

Задержимся на этом фрагменте летописного рассказа о новгородской войне. Он стоит нашего внимания. Здесь ужасает татарская свирепость москвичей, призванная нагнать страху на мирных новгородских обывателей. Впечатляет и необычное для той эпохи равнодушие московских воинов к трофейным доспехам: их собственная экипировка благодаря заботам великого князя была вполне достаточной.

Не успев отпраздновать первую победу, Холмский в тот же день получил весть о том, что новая новгородская рать появилась у него в тылу — в районе Русы. Развернувшись, воеводы устремились назад к Русе. И на этот раз новгородские воины прибыли на судах. Из озера они вошли в реку Ловать и далее — в ее левый приток Полисть, по которой дошли до Русы. Трудно сказать, имелся ли у новгородцев какой-либо единый план войны или же каждая их рать действовала сама по себе, исполняя волю своего предводителя. Во всяком случае, князь Холмский со своим относительно небольшим войском имел возможность бить вражеские полки один за одним. В итоге главное преимущество, которое имели новгородцы в этой войне, — численное превосходство над москвичами — так и не было реализовано.

Вторую новгородскую рать Холмский разгромил так же легко, как и первую. Вновь, как и под Коростынью, смерть собрала здесь обильную жатву.

Победы сыпались на Холмского так быстро, что он даже не

успевал сообщать о них великому князю. Наконец из Русы был отправлен к Ивану III гонец с известием о двух победах за один день. 9 июля он нашел государя в его походной ставке близ озера Коломно.

Между тем отряд князя Холмского, выполняя распоряжение Ивана III, пошел от Русы назад, на юго-восток, в сторону городка Демона. Но уже в пути их нагнал новый приказ великого князя: развернуться и двинуться вдоль западного берега озера на северо-запад, в сторону реки Шелонь, для соединения с псковичами. Осаду Демона — задачу явно второстепенную — Иван поручил своему дяде удельному князю Михаилу Андреевичу Верейскому и его сыну Василию. Держать здесь лучшие боевые силы было бы явно неразумно. Кроме того, Иван, по-видимому, только что получил из Новгорода весть о том, что огромное войско во главе с посадником Василием Казимиром и сыном Марфы-посадницы Дмитрием Борецким выступило против псковичей. Для Ивана поражение главного союзника было бы тяжелым ударом. Допустить такого конфуза великий князь не мог. Холмскому велено было срочно отправиться на помощь псковичам.

Псковский полк, во главе которого стояли сын московского наместника князь Василий Федорович Шуйский и посадник Тимофей Власьевич, выступил на Новгород 10 июля 1471 года. Полагают, что в его рядах было около 10 тысяч человек (54, 150). Через два дня псковичи уже вступили в новгородские земли и принялись их разорять. Кажется, не обошлось и без крайних жестокостей, которыми отмечена была вся новгородская кампания 1471 года. Повествуя об этой войне, летописец замечает: «…не бывала на них (новгородцах. — *Н. Б.*) такова война, и как земля их стала» (31, 291). Псковичи во главе со своим молодым московским воеводой, «начаша новогородские места грабити и жещи и люди сечи и, в хоромы запирая, жечи» (31, 290). При этом они все же неуклонно продвигались на восток, к Новгороду, откуда уже шла неведомая им погибель — 40 тысяч горевших жаждой мести новгородцев в тяжелых прадедовских доспехах.

На встречу с псковичами — хотя с другими намерениями — спешил и бравый Холмский со своими 5 тысячами всадников (31, 289). Кажется, у князя слегка кружилась голова от стремительных поворотов колеса Фортуны…

Но вот впереди блеснула отсветом железа полноводная река. То была знаменитая Соленая река — Солонь, а в «шепелявом» псковском произношении — Шолонь или Шелонь. Две с лишним сотни верст петляет она среди лесов и болот Новгородской и Псковской земли, бережно собирая в себя всякую водяную мелочь,

чтобы потом вполне пристойной рекой выплеснуть свою волну в голубую чашу бескрайнего Ильменя. По берегам ее издавна известны были источники с похожей по вкусу на слезы горьковато-соленой водой. Теперь Шел они суждено было и вправду стать «рекою слез»…

Продвигаясь по правому берегу Шелони в поисках удобного места для переправы, москвичи, немного не доходя до местечка Сольцы (нынешний районный центр Новгородской области), с изумлением обнаружили на другом берегу идущее в ту же сторону огромное новгородское войско. Источники называют его численность — около 40 тысяч человек (31, 289). Вероятно, эта цифра изрядно преувеличена слухами. И все же нет сомнения, что новгородцев было гораздо больше, чем москвичей. Войско Василия Казимира и Дмитрия Борецкого послано было против псковичей. Однако вместо увлекшихся грабежом и сожжением мирных волостей псковичей новгородские воеводы натолкнулись на московскую рать.

Конечно, случись на месте новгородцев, например, татары — московские воеводы проявили бы больше осмотрительности. Однако три блестящие победы над новгородскими полками, одержанные чуть ли не в один день, не только воодушевили москвичей, но и открыли Холмскому важную истину: боеспособность новгородского воинства была столь низка, что оно не выдерживало первого стремительного натиска московской конницы. Сказалось и то, что новгородцы имели опыт сражений только с тяжеловооруженной рыцарской конницей и пешими ливонскими латниками. А москвичи давали им жестокие уроки нового, «московского боя» — со стремительной и маневренной конницей, степной ловкостью в седле, меткой и быстрой стрельбой из лука, устрашением неприятеля диким криком несущейся вперед лавины всадников.

Московские книжники весьма скупо сообщают подробности шелонского сражения. Им они просто не нужны. В их описаниях господствует окрашенный московским патриотизмом провиденциальный взгляд на события.

Наиболее последовательно этот взгляд выразил неизвестный автор обширного трактата о новгородской войне 1471 года, озаглавленного «Словеса избранна от святых писаний…». Его главная идея состоит в том, что победа над «гордыми мужами новгородскими» дарована великому князю Ивану небесными силами за его добродетели. Появление такого замечательного правителя, как Иван, — признак долгожданной милости Божией к Русской земле. «Аще бо кая земля управится пред Богом, то поставляет ей князя благочестива и правдива, добре сматряющи

своего си царства и управляюща землю, и любяще суд и правду» (38, 149).

Псковская летопись начисто лишена московской риторики и патетики. Она до крайности проста и бесхитростна. Однако крайности сходятся. И псковский летописец, подобно своему московскому собрату, изображает дело в нескольких словах: новгородцы «наехаша на Шолони силу московскую князя Данилья (Холмского. — *Н. Б.*), едут с ними поровну об онъ пол реки, и не дошедше Мустца и Солци, и вергошася москвици с берега в реку Дрянь, и прегнавше Дрянь реку, и ударишася на них, и победиша их…» (41, 182). Историческая битва на Шелони, важнейший момент в истории складывания Московского государства, плаха новгородской свободы — и все это в глазах невозмутимого псковича не более чем стычка на реке Дрянь… Слабым утешением историку остается многозначительная обмолвка летописца о том, что он знает о событиях гораздо больше, чем пишет: «Сия бо написано бысть от многаго мало…» (41, 185).

На фоне безбрежного московского славословия и столь же безбрежного псковского безразличия краткий меланхолический рассказ о войне 1471 года в новгородской летописи смотрится настоящим шедевром (12, 404–409). Он сохранил живые черты события, столь драгоценные для тех, кто ищет тепло под пеплом истории.

Итак, расставив по местам все, что может претендовать хоть на какое-то место, мы получаем примерно следующую картину.

Сражение на Шелони произошло «нуля 14 в неделю по рану (ранним утром. — *Н. Б.*), святаго апостола Акилы» (31, 289). Противники обнаружили друг друга еще накануне, в субботу 13 июля, однако не начали боевых действий из-за позднего времени — «бе бо уже вечер» (30, 190). Они остановились на ночлег на разных берегах реки. За ночь москвичи, вероятно, подготовились к стремительному форсированию Шелони (разведали отмели, изготовили плавучие средства). Рано утром Холмский первым начал переправу. Очевидно, и здесь москвичам пригодилась татарская выучка: умение быстро преодолевать водные препятствия на надутых кожаных бурдюках. Понятно, что, отправляясь на войну в изобиловавшую реками и озерами Новгородскую землю, москвичи прихватили с собой достаточное количество этих нехитрых приспособлений.

Многократное численное превосходство противника почти не оставляло Холмскому шансов на победу. Но князь Данила был выдающимся полководцем, умевшим находить выход из трудных положений. Его план состоял в том, чтобы хитростью разделить новгородское войско на несколько обособленных частей и затем

уничтожить их поодиночке. С этой целью передовые отряды московского войска переправились через Шелонь и вступили в бой с противником. Вскоре они были оттеснены обратно к реке. В пылу преследования новгородские полки в беспорядке стали переправляться через Шелонь и какой-то ее небольшой правый притоκ, который псковский летописец назвал «речкой Дрянь». Именно этого и добивался Холмский. На правом берегу новгородцев уже ждала основная часть московских сил. Вначале на смешавшихся в кучу новгородских ратников обрушилась туча стрел. Москвичи били главным образом в лошадей. Раненые животные стали метаться, усиливая смятение в рядах новгородцев. Наконец, по знаку Холмского из засады на поле высыпал отряд татар.

В рядах новгородцев началась паника. И тогда небольшое, но профессиональное, закаленное в боях с татарами, московское войско с воем и свистом обрушилось на растерявшихся, оробевших горожан и крестьян. Боевой клич москвичей — «Москва-а!» — сливался с татарским «урра-а!» в один жуткий, бесконечный вопль ярости…

Передние ряды новгородцев дрогнули и, сминая задние, обратились в бегство. Вскоре битва превратилась в кровавую вакханалию. Московский летописец рассказывает, что в суматохе бегства новгородцы сводили счеты друг с другом: так велика была тайная ненависть всех ко всем, словно чума поразившая жителей великого города. «Полци же великого князя погнаша по них, колюще и секуще их, а они сами бежаще, друг друга бьюще и топчаще, кои с кого мога» (31, 289). Впрочем, возможно, что это не реальная подробность события, а лишь очередная библейская аллюзия.

Из новгородского источника известно, что конный полк новгородского архиепископа вообще не принял участия в сражении, так как получил приказ от нареченного владыки Феофила действовать только против псковичей, но не поднимать оружия против великокняжеского войска (12, 404).

Поразительный результат битвы на Шелони требует некоторых пояснений. Среди историков существует мнение, согласно которому против подчинения Москве выступала исключительно аристократия, тогда как городские низы, изверившись в традиционных новгородских институтах и настрадавшись от произвола бояр, равнодушно или даже радостно относились к перспективе перехода Новгорода под власть Ивана III. Однако источники весьма туманно и противоречиво говорят о настроениях тех или иных слоев новгородского общества. Очевидно, как среди аристократии, так

и среди простонародья существовали различные мнения на сей счет. Немалую роль играли и переменчивые человеческие эмоции — как стихийные, так и возбуждаемые целенаправленно. Вспышки новгородского патриотизма чередовались с унынием и равнодушием. Заметим, что наши представления о политической жизни средневекового Новгорода вообще достаточно схематичны и умозрительны. Над ними зачастую довлеют традиционные для советской историографии стереотипы, согласно которым «народ», «меньшие люди» неизменно являются носителем прогрессивных настроений, а «боярство» — консервативных. Впрочем, существует и другое устоявшееся представление: в условиях сильной внешней опасности аристократия, пытаясь спасти свои богатства и привилегии, готова идти на предательство, на сговор с внешним врагом, тогда как носителем патриотических настроений выступают «народные массы».

Крайняя скудность источников, а также сложность и противоречивость внутренней жизни Новгорода, включавшей в себя самые разнообразные интересы и настроения, подталкивают историков к реконструкции событий на основе одной из названных выше социологизированных схем.

Конечно, социология отчасти отражает действительность. Однако не забудем и о психологии, особенно — о психологии бедняков. Могущество московского государя, его военные успехи были сильнейшими доводами в пользу самой системы, главою которой он являлся. Но в этой системе была еще одна привлекательная для новгородцев сторона: деспотизм обеспечивал то, чего никогда не могла дать республика богатых и бедных, — равенство. И первый боярин и последний нищий в равной степени могли стать жертвой государева гнева. Периодическими опалами и казнями знати Иван III и его потомки заботливо поддерживали в народе веру во всеобщее равенство перед государем, перед его справедливым, нелицеприятным судом. Это равенство в страхе — наряду с равенством перед Богом — было вечной утопией Средневековья.

Битва на Шелони нанесла тяжелый удар по боевому духу новгородцев. Здесь потерпел поражение «весь великыи Новъгород», были уничтожены его лучшие воины (38, 155).

По сообщению московского летописца, на берегу Шелони осталось лежать около двенадцати тысяч новгородцев; более двух тысяч было взято в плен. Многих догнали и пленили во время преследования, которое продолжалось целый день. В «кошевных вьюках» разбитого войска москвичи обнаружили и экземпляр «докончания» Новгорода с королем Казимиром IV— вещественное

доказательство новгородской «измены» (38, 155).

После битвы князь Холмский поспешил отправить Ивану III гонца с известием о победе и с найденной у новгородцев злополучной грамотой. Этот гонец — «сын боярский» Иван Васильевич Замятия — нашел государя в погосте Яжелбицы, в верховьях реки Пометь, — том самом, где в 1456 году Василий Темный заключил мир с новгородцами.

Расположенный в 120 верстах к юго-востоку от Новгорода, этот погост был важным в стратегическом отношении местом. Иван III с братьями Юрием, Андреем и Борисом и с основной частью своего войска не случайно стал в Яжелбицах. Отсюда разветвлялись две дороги: северная, пролегавшая вдоль рек Холовы (левого притока Меты) и Меты, мимо старинных сел Крестцы и Бронница, и северо-западная, уходившая также по нескольким рекам в сторону Русы. (Водный путь обычно повторяла дорога, идущая вдоль берега реки или озера. Зимой водный путь превращался в ледяной, санный.) Река Пометь, на берегах которой раскинулось село Яжелбицы, — правый приток Полы, а та, в свою очередь, — правый приток Ловати, несущей свои воды в озеро Ильмень. Спустившись верст 7 вниз по Ловати от устья Полы, можно достичь устья реки Полисть — левого притока Ловати, на которой верстах в 20 выше по течению расположена Руса. Таким образом, с этой стоянки Иван в зависимости от изменений обстановки мог двинуть свои полки в любом направлении. Отсюда удобнее всего было координировать действия нескольких ратей, движущихся на Новгород с юга и юго-востока по разным маршрутам.

В ту эпоху радостные события увековечивали постройкой храмов в честь святого, память которого по церковному календарю — месяцеслову — приходилась на день, когда случилось это событие. Князь Иван, узнав о фантастической победе на Шелони, дал обет выстроить в Москве храм во имя апостола Акилы, «единого от 70» (то есть одного из семидесяти учеников Христа). Память его праздновалась 14 июля. В свою очередь, князь Холмский и его соратники дали обет построить храм во имя Воскресения Христова, так как 14 июля было воскресным днем. Оба храма вскоре были возведены как приделы у Архангельского собора московского Кремля.

Обдумав сложившуюся после битвы на Шелони обстановку, Иван III покинул Яжелбицы и направился в Русу. Уже с дороги он отправил гонцов к псковскому войску с повелением поскорее идти на соединение с москвичами.

24 июля 1471 года великий князь прибыл в Русу. Сюда уже привезены были трофеи и пленные, доставшиеся москвичам на

Шелони. Огромный новгородский «полон» Иван III разделил на три категории. В первую, самую многочисленную, попали «мелкие люди», которых он приказал отпустить. Прославляя милосердие великого князя, они разбежались по домам. Ко второй категории были отнесены люди из среднего и высшего слоя новгородского общества. Их Иван «послал на Москву, да велел их вметати в тюрму». Третья, немногочисленная группа пленных состояла из предводителей новгородских войск. Дмитрий Исакович Борецкий, Василий Губа Селезнев, Еремей Сухощек, Киприан Арзубьев были приговорены к высшей мере наказания — «казнити главною казнью новогородских посадников за их измену и за отступление» (31, 290). Других представителей той же группы — Василия Казимира, Кузьму Григорьева, Якова Федорова, Матвея Селезнева, Кузьму Грузова, Федота Базина велено было отвезти в Коломну и там держать в темнице в цепях. Источники упоминают и о том, что некоторых знатных пленников Иван повелел бить кнутом (12, 437).

Суд над новгородцами был скорым. Над головами всех пленных, словно дамоклов меч, нависало роковое слово «измена». С самого начала конфликта с Новгородом великий князь не уставал подчеркивать, что он чтит «старину», согласно которой Новгород — «вотчина» великих князей Владимирских. И как всякий вотчинник, он имеет неоспоримое право следить за порядком в своей вотчине и наказывать виновных в их нарушении. Вынося свой приговор, Иван III, несомненно, учитывал, какую роль играл тот или иной боярин в политической жизни Новгорода в предшествующие годы. Московская разведка издавна имела на Волхове своих людей, через которых великий князь досконально знал все городские дела.

Не задерживаясь в Русе, Иван III поспешил дальше на север, к Новгороду. Путь его лежал по левому берегу озера Ильмень. Однако далеко ехать ему не пришлось…

Известие о захвате москвичами Русы и о поражениях новгородских войск повергло Новгород в смятение. Однако поначалу среди горожан возобладало стремление продолжать борьбу. Ожидая, что Иван III со своим войском скоро подступит к городу, новгородцы предпринимали обычные меры на случай осады. На башни, распугивая ворон и голубей, поднялись дозорные. На улицах и по стенам появились караулы. Были сожжены все деревянные строения вокруг Кремля: их бревна при штурме могли быть использованы для «примета» под стены. Многие поколения новгородцев укрепляли свой город, возводя вокруг него каменные стены с могучими башнями. Однако в отсутствие постоянной опасности укрепления ветшали и

обрастали всякого рода мирными сооружениями. Теперь их срочно приводили в боевой вид, безжалостно уничтожая хижины.

Спасаясь от бедствий войны, в Новгород сбежалось множество людей. Цены на продукты питания немедленно взлетели, а сами продукты стали исчезать с прилавков. «И много бысть новгородцемь пагубы: и хлеб дорог, и не бысть ржи на торгу в то время, ни хлеба, толко пшеничный хлеб, и того по оскуду» (12, 406). Словно в насмешку над бедняками на торгу продавался один лишь непомерно дорогой пшеничный хлеб, тогда как привычный ржаной исчез совершенно. Вкус хлеба стал вкусом ненависти. «Тогда потребители ржаного хлеба поднялись на потребителей пшеничного, укоряя их за то, что они привели великого князя на Новгород», — писал С. М. Соловьев (146, 20).

Наряду с недовольными дали о себе знать и прямые изменники. Некий Упадыш со своими единомышленниками тайно вывел из строя пять пушек на городской стене, забив им в стволы куски железа. Предателя поймали и казнили. Однако действия московской «пятой колонны» на этом, конечно, не закончились…

В этой обстановке архиепископ Феофил решил пойти по испытанному пути: вступить в переговоры с разгневанным великим князем и откупиться от него заветным новгородским серебром.

27 июля князь Иван приблизился к устью Шелони. Отсюда оставалось всего верст 50 до Новгорода. Один дневной переход — и победоносная московская рать встанет под стенами непокорного города. Туда же подойдут и полки, отправленные другими дорогами. Кажется, достаточно одного усилия, чтобы разгромить Новгород и окончить войну небывалым триумфом.

Однако Иван III устоял перед искушением. Московские воеводы и их союзники псковичи остановились, не дойдя до Новгорода каких-нибудь 20 верст, и стали лагерем между погостами Коростынь и Буреги (170, 189). О причинах такого решения историки говорят по-разному. Н.М. Карамзин объяснял его осторожностью Ивана III: «Мы видим здесь действие личного характера, осторожной политики, умеренности сего властителя, коего правилом было: не отвергать хорошего для лучшего, не совсем верного» (89, 193). А. Е. Пресняков полагал, что великий князь опасался новым наступлением сплотить новгородцев и дать им шанс на успех: «В этом можно усмотреть определенный политический расчет. Великий князь Иван был силен перед Новгородом его внутренними раздорами, и не было в интересах великокняжеской политики скреплять согласное объединение новгородцев поспешным и слишком резким давлением» (132, 434). Как бы там ни было, безвестная дотоле Коростынь стала

вдруг историческим местом. Одновременно с Иваном сюда прибыли на судах по озеру и новгородские послы во главе с нареченным владыкой Феофилом для переговоров о мире. Близ Коростыни великий князь простоял 14 дней, «управляя новогородцев» (31, 291; 41, 185). В воскресенье 11 августа был заключен Коростынский договор — ключевой документ, подводивший итог всей московско-новгородской войне 1471 года.

Коростынский договор по форме очень напоминает Яжелбицкий договор, заключенный Василием Темным с Новгородом в 1456 году. Условия, выдвинутые победителями, оказались неожиданно мягкими: новгородцы присягали на верность Ивану III и обязывались в течение года выплатить ему контрибуцию — 15 с половиной тысяч серебряных новгородских рублей. Внутреннее устройство Новгорода оставалось прежним. Волок Дамский и Вологда окончательно переходили к Москве. Новгородцы клялись не искать политической, военной или церковной связи с Литвой. Иван возвращал большинство новгородских пленников, находившихся при нем или уже отправленных в Москву (5, 45–51).

Вся соль Коростынского договора состояла в признании Новгорода «вотчиной» великого князя Московского, а самого Ивана III — высшей судебной инстанцией для горожан. Причем все это представлялось как соблюдение «старины» — важнейшего принципа в системе ценностей средневекового человека. Союз Новгорода с королем Казимиром или литовским митрополитом, напротив, был вопиющим отступлением от «старины». Уже два года Иван методично вдалбливал эту новую идею в головы непокорных новгородцев. Его стратегический подход к новгородской проблеме заключался в том, чтобы, не меняя внешних форм городской организации — ибо люди очень болезненно относятся именно к исчезновению привычных внешних атрибутов власти, исподволь изменить ее суть. А когда новая суть, в свою очередь, станет привычной, — не составит большого труда придать ей и соответствующие внешние формы.

На переговорах с Новгородом не были забыты и интересы союзников Москвы — псковичей. Их ополчение стояло неподалеку от Коростыни, в местечке Княжичи. Они не успели отличиться в военном отношении, однако своими действиями доказали полную лояльность Ивану III. Такая позиция, конечно, заслуживала поощрения. В московский лагерь 31 июля прибыла псковская делегация во главе с посадниками Тимофеем Власьевичем и Степаном Афанасьевичем и князем Василием Федоровичем Шуйским (31, 291). Им разрешено было начать собственные переговоры с новгородскими послами, в результате

которых был заключен договор «по псковской воли», более выгодный для Пскова, чем прежний.

В последний день своего пребывания у Коростыни, 13 августа 1471 года, Иван III простился с новгородскими послами (31, 291). Они уехали обратно в Новгород, где в присутствии московского боярина и воеводы Федора Давыдовича Хромого (соратника князя Холмского) должна была состояться церемония присяги горожан на верность великому князю. Помимо этого, боярин должен был проследить за сбором и доставкой в Москву в установленные сроки новгородской контрибуции.

Возвращаясь из новгородского похода, государь получил радостную весть. 27 июля московская рать (состоявшая из ополченцев из Устюга и Вятки) под началом воеводы Василия Федоровича Образца нанесла поражение новгородцам в сражении на Северной Двине. (Новгородская рать также была составлена главным образом из жителей новгородских владений в Подвинье.) Предводитель новгородского войска князь Василий Васильевич Гребенка Шуйский был ранен в бою и с остатком своих людей ушел в Холмогоры. Борьба за власть в богатом пушниной Подвинье издавна являлась важнейшей частью московско-новгородских споров. Победа Василия Образца давала Ивану III новую «точку опоры» для укрепления своих позиций на Двине. Однако окончательный переход этих земель под власть Москвы произошел лишь в 1478 году.

Не задерживаясь более в Новгородской земле, Иван III поспешил обратно. Князя переполняли радость и гордость. Наверное, ему хотелось поскорее услышать ликующий звон кремлевских колоколов и высокопарные речи архиереев, увидеть счастливые лица матери и сына. В конце концов, теперь он имел полное право на все это. Он отомстил за унижения отца. Перед ним встал на колени Господин Великий Новгород. А главное — он сумел благополучно проплыть между Сциллой и Харибдой, обмануть следивших за каждым его шагом Литву и Орду.

В первый день нового, 6980 года от Сотворения мира (1 сентября 1471 года) вся Москва высыпала на улицы, по которым должен был проезжать победоносный Государь. «Велия же бысть радость тогда во граде Москве», — замечает летописец (31, 292). Толпы народа стояли вдоль дороги начиная уже с седьмой версты от города. Московская знать во главе с наследником престола 13-летним княжичем Иваном Ивановичем и братом Ивана III, 19-летним Андреем Меньшим отправилась встречать великого князя еще накануне и поздравила его в походном лагере, где он провел последнюю ночь перед прибытием в Москву. Конечно, князь не пожалел припасов из своих кладовых, чтобы все могли

порадоваться великой победе. Можно только догадываться, сколько бочонков хмельного «меда» опустошила Москва в эти тронутые первым золотом осени дни. Конец лета, конец года, конец войны… Как много поводов для того, чтобы поднять добрую чару и освободиться хоть на малое время от гнета повседневных забот…

(С первым походом Ивана III на Новгород связывают небольшую, но оправленную в золото и драгоценные камни обетную икону «Похвала Богоматери», вложенную в Благовещенский собор московского Кремля самим Иваном или кем-то из членов его семьи (122, 172–177). Икона продолжает традиционную тему покровительства, оказываемого Москве и ее князьям самой Божией Матерью. На ней изображены и ветхозаветные пророки, чьи предсказания увязывались московскими книжниками с покорением Новгорода. На обороте — «три святителя» (Иоанн Златоуст, Василий Великий и Григорий Богослов), Николай Чудотворец, святые покровители Москвы митрополиты Петр и Алексей, преподобный Сергий Радонежский.)

Последним событием новгородской эпопеи стал приезд в Москву на поставление к митрополиту нареченного архиепископа Феофила осенью 1471 года. В Москве царило тогда необычайное религиозное возбуждение, вызванное как успешным завершением новгородской «священной войны», так и решением митрополита Филиппа начать строительство нового Успенского собора московского Кремля. В первой половине декабря в Москве состоялся своего рода поместный собор, в котором приняли участие епископы Вассиан Ростовский, Евфимий Суздальский, Геронтий Коломенский, Прохор Сарайский, Филофей Пермский, Феодосии Рязанский. (Последние двое были поставлены на кафедру в воскресенье 8 декабря 1471 года.) Феофил прибыл в Москву 30 ноября. Его сопровождали новгородские посадники Александр Самсонович и Лука Федорович. В воскресенье 15 декабря, «в неделю святых праотець» (41, 186), митрополит Филипп вместе с другими иерархами торжественно возвел Феофила в сан новгородского архиепископа. На церемонии присутствовал «весь освященный собор славного града Москвы» (31, 293).

Утвердившись на кафедре, Феофил стал от имени всего Новгорода просить Ивана III освободить из заточения знатных новгородцев, попавших в плен после битвы на Шелони. Великий князь уступил «и тех всех отпусти с честью, а было их на Москве 30» (31, 293). Исполнив это щекотливое поручение вече, Феофил в понедельник 23 декабря с облегчением покинул Москву. 7

января 1472 года, на Собор Иоанна Предтечи, Новгород со смешанным чувством радости и скорби встречал своих отведавших московского заточения бояр.

Первый поход Ивана III на Новгород издавна привлекал внимание историков как одно из главных событий отечественной истории второй половины XV столетия. Историческое значение Коростынского договора и всей кампании 1471 года высоко оценивал Н. М. Карамзин: «Еще Новгород остался державою народною; но свобода его была уже единственно милостию Иоанна и долженствовала исчезнуть по мановению самодержца» (89, 194).

Однако рассуждая беспристрастно, нельзя не признать и то, что во всей этой истории немалую роль сыграла удача. (Люди той эпохи, разумеется, называли ее милостью Божией.) Этот элемент должен быть так же отмечен историками, как отмечен он был современниками. Удачным было лето 1471 года, когда небывалая жара высушила новгородские реки и болота, открывая путь московским полкам. Удачными для москвичей были и на редкость бестолковые действия новгородских боевых сил.

Что же касается распоряжений Ивана III как полководца, то в них трудно обнаружить какую-то особую стратегическую мудрость, хотя явственно читается верность традициям московского военного искусства. Новгородский поход 1471 года даже в мелочах повторил поход на Новгород Василия Темного в 1456 году. Разделив свое войско на три группировки (что иногда представляют как выдающееся в военном отношении решение), Иван лишь подчинялся необходимости: держать огромную рать в едином кулаке не представлялось возможным из-за трудностей с фуражом и дорогами. Судьба похода решилась не его стратегическим замыслом (если таковой имелся), а удачными действиями одной из трех группировок. Две другие, судя по молчанию источников, вообще не принимали участия в боевых действиях и занимались грабежом новгородских волостей. (Осада новгородского городка Демон, быстро капитулировавшего перед полком князя Михаила Андреевича Верейского, явно не тянет на крупную боевую операцию.) Выполняя противоречивые приказы верховного главнокомандующего, войско князя Холмского металось между Демоном, Русой и Шелонью, попутно отбиваясь от наседавших на него новгородских ратей. В конце концов князю Даниле велено было идти на поиски союзников-псковичей, которые явно не спешили вступить в дело, предпочитая заниматься дебатами на вече и грабежом приграничных новгородских волостей. Промедли Холмский еще день-два — и

новгородская рать успела бы добраться до псковичей. Новгородцам достаточно было одной победы, чтобы обрести так необходимую им уверенность в своих силах.

Однако князь Холмский был мастером своего дела, а его воины уже отведали пьянящий вкус победы над слабым противником. Решившая исход всей кампании битва на Шелони (которую, согласно псковским летописям, можно было бы называть «битвой на реке Дряни») была не только победой Москвы над Новгородом, но и победой Удачи над Неудачей.

Кажется, это хорошо понимал и сам Иван III. Его пресловутая медлительность и осторожность, о которой любят говорить историки, была порождена боязнью делать ставку на удачу. А судьба, словно искушая князя Ивана, посылала ему одну удачу за другой. Как удалось ему удержаться от соблазна пуститься в азартную игру с судьбой?

Отец Ивана Василий Темный был игроком по натуре. Он внезапно выиграл московский престол после неожиданной смерти старшего брата. Усевшись за один стол с еще более азартными игроками, галицкими князьями, Василий ухитрился все проиграть — а потом с лихвой вернуть обратно.

Но каких страданий стоила эта безумная игра ему самому, его семье и его стране! Сын, наследник и соправитель Слепого, Иван знал об этом больше, чем кто-либо другой. Более того, он чувствовал в глубине своей души этот наследственный соблазн. И потому с детства ненавидел игроков. Иван всегда остерегался того, что словно бы само плыло к нему в руки. И дело здесь не только в его характере, но и в мироощущении.

Как и все великие правители Средневековья, Иван III верил в свою избранность. Сам Всевышний предназначил его для свершения великих дел. Но против Божьего избранника неизбежно ополчаются силы Ада во главе с самим Князем Тьмы. Зная это, Иван всегда ощущал дьявола как несомненную реальность, как своего главного противника. А самым страшным оружием дьявола, как известно, служит искушение…

Добиваясь в своих делах некоторого успеха, Иван тут же останавливался, словно желая убедиться в добротности приобретения. Каждое свое достижение он считал необходимым освятить постройкой храма с символическим посвящением. Он никогда не спешил умножить успех, хотя и не терял добытого. Карамзин видел здесь проявление «личного характера… сего властителя». Однако не увидим ли мы здесь и проявление того чувства огромной религиозной ответственности, которым наделены были все великие строители Московского государства?!

Как уже отмечалось выше, важнейшие задачи, над решением которых Иван III работал на протяжении многих лет, рассматриваются в нашей книге в соответствующих тематических главах. Целостность исторического повествования не позволяет разрывать их на хронологические фрагменты и разбрасывать по разным главам. Ниже мы представим читателю всю дальнейшую линию новгородской и тесно связанной с ней псковской политики Ивана III, лишь по мере необходимости обращаясь к другим его заботам, о которых подробнее будет рассказано в соответствующих главах. Такой способ изложения иногда потребует от читателя стремительных перемещений во времени. Однако он позволяет увидеть внутреннюю логику развития тех или иных сюжетов.

В период между битвой на Шелони и «мирным» походом на Новгород зимой 1475/76 года Иван III внимательно следил за обстановкой в северо-западных землях. Обессиленный шелонским кровопусканием, Новгород в эти годы не проявляет внешней активности. Однако под покровом обманчивой «тишины» там разворачивается свирепая «подковерная» борьба.

Главным источником событий в эти годы становится Псков. Иван III понимал, что Псков — ключ от Новгорода. И этот ключ он хотел держать в своем кармане. Борьба за укрощение вольного Пскова — яркий пример той железной настойчивости, соединенной с глубоким (хотя и довольно циничным) пониманием психологии людей, которые и составляли политическое кредо московского государя.

Зимой 1471/72 года псковичи рассорились со своим князем Федором Юрьевичем Шуйским, который стал слишком властно распоряжаться в городе. Они отправили в Москву послов просить себе в наместники полюбившегося им знаменитого полководца, князя Ивана Васильевича Стригу Оболенского. Однако Иван не дал им Стригу, сославшись на то, что тот «мне здесь у себе надобе» (41, 188). Великий князь предложил псковичам подать ему прошение на двух кандидатов, из которых он сам сделает выбор. Те попросили князя Ивана Бабича и брата Ивана Стриги князя Ярослава. Последний и был послан во Псков. В пятницу 19 февраля 1473 года он въехал в город, а в воскресенье 21 февраля, торжественно поклявшись в Троицком соборе соблюдать все «пошлины» и «старины», взошел на псковское княжение.

Между тем вновь обострились отношения Пскова с Ливонским орденом. Намеченные на лето 1473 года переговоры псковичей и новгородцев с рыцарями в Нарве окончились безрезультатно. В воздухе запахло войной. Псковичи решили обратиться за помощью к Ивану III. Тем временем немцы

отправили своих представителей в Новгород, надеясь, как и прежде, сыграть на новгородско-псковских противоречиях. Псковичи также были приглашены на эти переговоры. Но и на сей раз рыцари отказались заключить прочный мир с Псковом. Состоялись ли сепаратные переговоры немцев с Новгородом — источники умалчивают. Однако псковичи явно чуяли недоброе. Их посол Богдан помчался из Новгорода в Москву. От имени всего Пскова он просил, чтобы Иван «любо сам на конь сел (то есть лично выступил в поход. — *Н. Б.*), любо сына послал за дом святыа Троица» (41, 194). 29 августа 1473 года Богдан вернулся во Псков. Ответ великого князя сводился к твердому обещанию помощи в случае нападения немцев.

Однако псковичам нужны были не обещания, а московские полки. Они отправили к Ивану III нового гонца. На сей раз они просили прислать хотя бы кого-нибудь из братьев великого князя. Гонец Игнатий Иголка нашел государя в подмосковном селе Остров и был принят им 1 октября. На сей раз ответ Ивана псковичам был более определенным: дайте знать, к какому сроку прислать московское войско. Псковичи затруднились указать точный срок, «понеже приходит осеннье роспутье» (41, 194). Между тем Иван и вправду решил отозваться на призывы псковичей. 25 ноября в город прискакал московский гонец с вестью о том, что большая рать, во главе которой поставлен знаменитый воевода князь Данила Дмитриевич Холмский, уже стоит на псковском рубеже.

Псковичи принялись спешно готовить стол и кров для московских ратников. Левобережье реки Великой (Завеличье), на правом берегу которой находился псковский Кремль и основная часть города, признано было наиболее удобным местом для постоя полков князя Холмского. Огромное московское войско входило во Псков на протяжении двух дней. Горожане дивились многолюдству московской рати и подсчитали, что в ее составе одних только князей из разных уделов было 22 человека.

Вскоре псковичи почувствовали, что означает длительное пребывание в городе большого, хотя и союзного, но, по существу, чужеземного войска. «И бе Пскову притужно от них исперва велми: начата бо они чинити над псковичи силно, а иное собою всячину у пскович грабити, бе бо с ними и татар тако же приехало много» (41, 195). С большим трудом псковским властям совместно с московскими воеводами удалось наладить регулярное снабжение ратников всем необходимым и тем самым пресечь мародерство и насилия.

И все же псковичам, конечно, не терпелось отправить москвичей дальше, в Ливонию. Но тут на их пути словно встала сама природа. Декабрь 1473 года выдался на удивление теплый и дождливый. «И как приехала сила великого князя, Бог пусти тепло, и снег съиде, и вода розлися по болотом и по ручьем, его же и за многа лета древле тако зде не бывало» (41, 196). Московские ратники, томясь бездельем, куражились и проедали псковские запасы. К счастью, у немцев сдали нервы. Узнав о появлении во Пскове великокняжеского войска, они вскоре прислали своих уполномоченных для переговоров. 24 декабря во Псков прибыл посол от юрьевского (дерптского) епископа с предложением заключить перемирие на пять лет. 2 января подоспел и посол от магистра Ордена из Риги. Уступая псковичам спорные пограничные волости, обещая беспрепятственно

пропускать через свои владения псковских послов и пресекать контрабандный ввоз на Псковщину «корчьмы (спиртных напитков. — *Н. Б.*), пива и меду», он предлагал заключить мир на двадцать лет (41, 197). Узнав об этом, юрьевский посол предложил утвердить мирный договор уже на тридцать лет. Оба предложения были приняты князем Холмским как представителем великого князя и псковскими властями.

Между тем 5 января во Псков прибыли отправленные архиепископом для участия в войне с немцами новгородские полки. Узнав о благополучном завершении дела, новгородцы также поспешили принять участие в мирных переговорах с немцами.

Исполнив таким образом свою миссию, Холмский 30 января 1474 года отбыл в Москву. На прощанье псковичи отблагодарили воеводу щедрым подарком — 200 рублей серебром. Не забыты были и другие московские военачальники.

Псковский поход Данилы Холмского — крупная военно-политическая акция, преследовавшая сразу несколько целей. Помимо защиты Пскова от нападений немцев, Иван III хотел лишний раз припугнуть новгородцев. Появление рядом с их границами огромного войска во главе с героем битвы на Шелони князем Холмским — внушительная демонстрация силы, призванная устрашить врагов Москвы и воодушевить ее сторонников. Наконец, Иван добился объединения сил Новгорода и Пскова для борьбы с Орденом. Обычно равнодушный к военным тревогам «младшего брата» и даже готовый помогать его врагам, Новгород на сей раз вынужден был выполнить свой союзнический долг. Так под давлением Москвы в Северо-Западной Руси постепенно ломались старые политические традиции и создавались новые. Острый меч князя Холмского один за другим разрубал гордиевы узлы застарелых распрей…

Воспользовавшись услугами Москвы в борьбе с Орденом, псковичи забыли известную истину о том, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. И плата за визит князя Холмского оказалась гораздо выше, чем они предполагали. Весной 1474 года псковичи отправили в Москву Григория Бородина с благодарностью Ивану III за военную помощь. Летопись не сообщает размеров подношений, которые отвез в Москву псковский порученец, а также содержания грамоты, которую он должен был вручить великому князю. Однако известно, что Иван III выказал сильное неудовольствие тем, что псковичи присылают к нему в качестве послов людей столь низкого социального статуса. Вероятно, и размеры подношений показались Ивану слишком скромными. Вместо ответа гонец Бородин привез во

Псков «нелюбовь и гнев от великого князя до своей отчины до всего Пскова». Вскоре псковичи отправили новое, более представительное и более богатое посольство в Москву. Но и оно было принято не лучше первого. «И князь великой послов псковских с подворья спровадил, на очи не пустил, ни дару не принял; и они, стояв 5 дней шатром на поли, и без ответа ко Пскову приехали» (41, 198). Лишь третье посольство в августе-сентябре 1474 года было встречено благосклонно. Принят был и скромный дар псковичей великому князю — 150 рублей серебром. Однако добродушие государя оказалось для Пскова не многим лучше его гнева. Условием примирения стал отказ псковичей от некоторых привилегий, закрепленных в договорах с прежними великими князьями. Именно так поставил вопрос вернувшийся во Псков московский наместник князь Ярослав Васильевич Оболенский. Возмущенные псковичи отправились с жалобой на князя в Москву. Однако это были пустые хлопоты: Ярослав всего лишь исполнял инструкции своего патрона. Понятно, что Иван холодно принял псковских просителей и ответил так: «И вы бы есте то все князю Ярославу ослобонили (уступили. — *Н. Б.*), чего в вас ныне просить» (41, 199). Не удовлетворенные таким исходом дела, псковичи весной 1475 года отправили в Москву еще одно посольство с решительной декларацией: «Чего в нас ныне Ярослав князь просит, а не по нашим старинам, ино нам в том не мощно жити» (41, 199). Великий князь ответил уклончиво: обещал прислать во Псков своего боярина для изучения вопроса на месте.

Дело получило дальнейшее развитие осенью 1475 года, когда Иван III приезжал в Новгород. Псковичи, воспользовавшись случаем, отправили к нему своих послов с дарами и просьбой отменить налоговые нововведения князя Ярослава Оболенского. В ответ Иван отправил во Псков в качестве следователей двух своих бояр. Те, разумеется, решили спор в пользу князя Ярослава. Сломленные московским упрямством и московской волокитой, псковичи сдались и выплатили Ярославу требуемые им суммы. Потеряв надежду отстоять свою правду, они все же отправили к Ивану еще одно посольство с жалобой на несправедливый суд. На сей раз великий князь «утешил» псковичей еще одной сентенцией, отчасти похожей на угрозу: «…А кого ни к вам о своих делех пришлю, и вы бы есте мене слушали, а ему верили, как и мне великому князю и моей грамоте» (41, 202).

Истратив на описание первого похода Ивана III на Новгород по 5—10 страниц драгоценного пергамена, московские летописцы, словно пресытившись, на несколько лет теряют к Новгороду всякий интерес. Они пристально следят за чисто

московскими делами: войной с татарами, вторым браком великого князя, началом строительства нового Успенского собора, частыми и опустошительными пожарами. Внимание к новгородским делам возрождается лишь в связи с поездкой Ивана на Волхов в конце 1475 — начале 1476 года.

Этот приезд великого князя в Новгород «миром» напоминает такой же мирный поход на Волхов Василия Темного в 1460 году. Как первый, так и второй состоялись через четыре года после успешной военной акции против «вольных новгородцев». Однако Иван III, судя по всему, чувствовал себя в Новгороде гораздо увереннее, чем его отец. И если князь Василий ехал под предлогом богомолья местным святыням, то его сын явился в Новгород как грозный судья…

В воскресенье 22 октября 1475 года Иван III в сопровождении войска и многочисленной свиты выехал из Москвы. Вместо себя он оставил в столице своего 17-летнего сына Ивана Молодого.

(Новгородский поход 1475–1476 годов тщательно описан в московских летописях. Указано множество подробностей: точные даты событий, имена новгородских просителей, списки поднесенных даров, названия станов, где останавливался Иван III. Исследователи полагают, что кто-то из придворных по поручению великого князя вел своего рода дневник похода, использованный позднее в летописной работе. Такое предположение вполне правдоподобно и соответствует «духу времени». Для эпохи Ивана III характерно резкое расширение сферы деятельности московской администрации, что потребовало создания достаточно развитого аппарата власти: великокняжеской канцелярии, ведущей текущую документацию, органов центрального управления — прообразов будущих приказов.)

26 октября великий князь пировал у своего брата Бориса на Волоке Дамском. Оттуда торная дорога шла на север, в Тверскую землю. Из Твери Иван отправился в Торжок и прибыл туда в среду 1 ноября. К этому времени Торжок уже фактически перешел под власть Москвы. Дальнейший путь великого князя лежал на Вышний Волочек, где сближались верховья рек Тверцы и Меты. Там его уже ждали первые новгородцы, принесшие жалобы на притеснения со стороны своих бояр. В то время как одни спешили принести жалобы, другие, предчувствуя недоброе, торопились задобрить великого князя дарами («поминками») и изъявлениями преданности. Первым ритуальным подарком знатному гостю служили бочка или мех доброго заморского вина. Сам владыка Феофил прислал Ивану III в подарок «две бочки вина, краснаго едина, а белого другая» (27, 314).

Князь Иван, случалось, выпивал весьма крепко. Австрийский

посол Сигизмунд Герберштейн, посетивший Москву лет через десять после его кончины, рассказывал со слов придворных, что старый государь порою так основательно нагружался за столом, что тут же и засыпал, уронив голову на руки. Вероятно, эти сцены были более характерны для последних лет его правления, очень тяжелых для Ивана в личном плане. Так или иначе, но разума своего наш герой не пропивал никогда…

Нарочито медленно — словно грозовая туча — приближался к Новгороду великокняжеский двор. Пробираясь по первопутку через лесные дебри Валдая, через скованные первыми морозами болота, которыми так богат бассейн Меты, Иван словно наслаждался этим странствием. Путь его лежал через его «вотчину», в которой он был теперь верховным судьей и устроителем. Князь явно не спешил. Он часто останавливался, преодолевая за день всего лишь 15–20 верст. И на каждом погосте, на каждом стане все новые и новые просители искали доступа к государю. Кажется, вся Новгородская земля вскипела тогда страхом и надеждой.

21 ноября, когда отмечалось Введение во храм Пресвятой Богородицы, — один из двенадцати главнейших церковных праздников, Иван III прибыл наконец в Новгород. Возможно, это был его первый визит в древний город. Конечно, ему не терпелось увидеть могучий новгородский Кремль, величавую святую Софию, услышать разноязыкий гомон торжища на Ярославовом дворище. Однако ритуал требовал терпения. Великий князь, не заезжая в центр города, сразу направился на Городище. В этом урочище, расположенном на правом берегу Волхова, верстах в трех выше самого города, издавна размещались занимавшие новгородский стол князья и их наместники. Тут рядом с княжеским дворцом стояла древняя каменная церковь Благовещения, возведенная еще сыном Владимира Мономаха Мстиславом Великим и заново отстроенная сыном Калиты Семеном Гордым. Отстояв службу в этом храме, Иван пообедал в узком кругу бояр и немного отдохнул с дороги.

На Городище разместилась своего рода штаб-квартира московского князя. А его многочисленные полки, без которых ни он, ни его отец не рисковали появиться на Волхове, деловито устраивались в пригородных селах и монастырях. «А вся его сила по всем монастырем, было полно по обе стороны около всего Великого Новагорода» (41, 202). Железным обручем охватила святую Софию московская рать. Достаточно одного слова великого князя — и этот обруч начнет сжиматься…

Как обычно, незваные гости вели себя довольно бесцеремонно. «Тем же (новгородцам. — *Н. Б.*) было от них силно

(сильное притеснение. — *Н. Б.*), много христиан пограблено по дорогам и по селом и по манастырем и числа края нет; тако же и владыке и посадником и всему Новугороду кормом и даровы и всему сполу числа же края нет колко золота и серебра вывезе от них» (41, 202).

Уже в первый день князь Иван воспользовался случаем, чтобы лишний раз напомнить новгородцам о том, как им следует относиться к своему Государю. Архиепископ Феофил прислал на Городище двух своих людей, Никиту Савина и Тимофея Лунева, «кормы отдавати», то есть выделять продукты и фураж по требованию великокняжеских бояр — «дворецкого» и «конюшего». Статус владычных порученцев показался Ивану ниже, чем статус тех бояр, с которыми им предстояло иметь дело. Таким вещам не придавали особого значения в демократическом Новгороде, однако московский двор уже давно жил по иным законам. Здесь внимательно следили за соответствием человека (с точки зрения его знатности) и должности. В итоге «князь великый тех не похотел да и на владыку о том озлобился, что те к тому делу не пригожи, да и корму взяти не велел» (27, 315). Оплошавший владыка поспешил назначить ответственным за снабжение москвичей своего наместника Юрия Репехова. Такое решение удовлетворило государя. Однако он все же отклонил приглашение в тот же день приехать на пир к архиепископу. Вместо этого великий князь позвал новгородскую знать во главе с владыкой к себе на Городище, где на другой день он устроил пышный прием. В среду 22 ноября на Городище собрались все те, кого Иван при случае с удовольствием отправил бы на плаху: верный меч Новгорода, князь Василий Гребенка Шуйский, один из предводителей «литовской» партии степенный посадник Василий Ананьин, осторожный и двуличный владыка Феофил.

В четверг 23 ноября, после торжественного въезда в новгородский Кремль и богослужения в Софийском соборе, Иван III нанес ответный визит архиепископу и всей новгородской знати. «По совершении же службы поиде князь великы на обед к архиепискупу, и яде у него и пить весело; а архиепискуп многими дары одари великого князя» (27, 316).

С первого и до последнего дня пребывания Ивана в Новгороде пиры и торжественные богослужения тянулись бесконечной чередой. Великий князь, подобно своему отцу, отдал дань уважения новгородским святыням. Долгими часами выстаивал он службы в знаменитых храмах и монастырях. А вечерами новгородская знать давала в его честь один пир за другим. Главы всех боярских кланов стремились зазвать Ивана к себе в дом, щегольнуть роскошным столом и щедрыми подарками. Князь в

долгу не оставался и дарил новгородских бояр серебряными чарами и кубками, отрезами заморского сукна, породистыми лошадьми. Шумное застолье с бесконечными здравицами, пьяным умилением и взаимными признаниями в любви понемногу растапливало лед недоверия. Грозный Государь представал здесь совсем в ином обличий — щедрого хозяина, хорошего собеседника, почти друга.

Прирожденный тиран, Иван понимал, что сильная власть строится не только на страхе, но и на любви. Подданные должны любить Государя. Он открывается им попеременно то как неприступный и грозный земной Бог, то как обаятельный и добрый человек. И в этой непостижимой изменчивости его облика — сокровенная тайна власти.

Благочестивые паломничества и шумные застолья не мешали Ивану заниматься тем, ради чего он, собственно, и прибыл в Новгород, — «судом праведным». Уже на следующий день по приезде он принял у себя на Городище целую толпу всякого рода жалобщиков и просителей. Московский летописец саркастически изображает эту картину: «И того же дни многые новугородцкыи жалобникы и всякые люди житьи, и рушане (жители Русы. — *Н. Б.*), и манастырскыи, и прочи, иже в приделех ближних Новагорода, приидоша бити челом великому князю: овии (одни. — *Н. Б.*) приставов просить, да быша от вой (воинов. — *Н. Б.*) его неизграблени, а инии с жалобою на свою же братью на новугородцев, кийждо о своем управлении — понеже (потому что. — *Н. Б.*) бо земля она (эта. — *Н. Б.*) от многа лет в своей воле живяху, а о великых князех отчине своей не брежаху и не послушаху их, и много зла бе в земли той, межи себе убийства, и грабежи, и домов разорениа от них напрасно, кой с которого сможаше» (27, 315).

Последние штрихи этой мрачной картины — безвластие, грабежи, убийства, произвол сильного над слабым — несомненно, относятся прежде всего к последним годам существования Новгородской боярской республики, когда традиционные устои были окончательно расшатаны яростным противоборством партий, когда в ожидании скорого конца Великого Новгорода всеми овладела какое-то неудержимое безумие.

Самые тяжелые дела были представлены на суд Ивана III в субботу 25 ноября. Жители сразу двух улиц — Славковой и Никитиной — обвинили знатнейших новгородских бояр Василия Ананьина, Богдана Есипова, Федора Исакова (младшего сына Марфы-посадницы. — Я £.), Ивана Лошинского и других в небывалом преступлении: «что наехав те со многими людьми на

те две улицы, людей перебили и переграбили, животов (имущества. — *Н. Б.*) людских на тысячю рублев взяли, а людей многих до смерти перебили» (27, 316). В тот же день на разбой среди бела дня, учиненный теми же лицами, стали жаловаться и другие новгородцы. Иван III заявил о своем намерении серьезно разобраться с этой дикой историей: «Хочеть бо ми ся обиденым управу дати» (27, 316). (Вероятно, московские летописи несколько односторонне представляют суть дела. Вражда между жителями соседних улиц, часто переходящая в настоящие сражения, — обычное явление для любого средневекового города. Однако после 1471 года, в условиях безвластия и брожения, эти конфликты в Новгороде вышли из-под контроля местных властей. В городе, по сути дела, началась глухая гражданская война, причем враждующие стороны делились не только по «политическим» пристрастиям, но и по многим другим признакам.)

Суд над боярами, обвиненными в грабежах и убийствах своих сограждан, князь Иван решил провести в присутствии всей местной знати. Обвиняемых доставили под конвоем новгородских приставов, выделенных владыкой. Заявление князя о том, что ему хочется дать обиженным «управу», то есть справедливый суд, прозвучало как приговор. Выслушав истцов и ответчиков, великий князь признал обвиняемых виновными. Четверо названных выше бояр 26 ноября были взяты под стражу московскими воеводами и отосланы под сильной охраной в Москву. Им суждено было окончить свои дни в московской темнице. Прочие были переданы на поруки архиепископу и отпущены под крупный денежный залог.

Приговор по делу о боярах-разбойниках, на первый взгляд, представляется торжеством справедливости. Вероятно, именно так он и был воспринят простодушными современниками Ивана III. Однако на деле эта справедливость — как и вся новгородская политика Ивана — была сильно приправлена демагогией. Историки давно отметили одну особенность московского правосудия в Новгороде. В результате великокняжеского суда «обвинительные судебные приговоры были им вынесены в отношении враждебных ему бояр, среди которых были прямые сторонники новгородско-литовского сближения». Иван III «хочет завоевать симпатии широких слоев новгородского населения, выдавая себя за его защитника от боярского произвола. Подобная позиция давала возможность Ивану III под видом заступничества черных людей и нелицеприятного разбора боярских ссор расправиться с неугодными ему боярами» (164, 865).

Однако и бояре, схваченные Иваном III, конечно, были далеко

не безвинными агнцами. Великий князь отлично знал, «кто есть кто» в Новгороде. Ему постоянно доносили обо всем, что делалось и говорилось в городе, который в ту смутную пору буквально кишел московскими агентами. Время от времени их вылавливали и сбрасывали с моста в Волхов, предварительно связав руки и насыпав за пазуху песку. Однако желающих потрудиться на этом опасном поприще меньше не становилось…

Небывалая расправа великого князя с боярами произвела неизгладимое впечатление на новгородцев. Одни скорбели, другие злорадствовали, и все дружно разводили руками: ну и времена настали! Жуткое ощущение того, что на их глазах рушится целый мир, порождало самые невероятные слухи, видения, галлюцинации и массовые психозы. Одно из таких апокалипсических явлений, случившееся через девять дней после приезда Ивана III на Волхов, наблюдали псковские послы, находившиеся тогда в Новгороде. С их слов этот рассказ попал в псковскую летопись:

«…И в четверг (30 ноября 1475 года. — *Н. Б.*) на ту нощь бысть чюдо дивно и страха исполнено: стряхнувшеся Великой Новъгород против князя великого, и бысть пополох во всю нощь силне по всему Новуграду. И ту же нощь видеша и слышаша мнози вернии, как столп огнян стоящь над Городищем от небеси до земля, тако же и гром небеси, и по сих ко свету не бысть ничто же, вся си Бог укроти своею милостью; яко же рече пророк: не хощет бо Бог смерти грешьничь, но ждеть обращениа» (41, 201).

Это сбивчивое и непонятное известие, в котором мистика и политика причудливо расшиты по канве необычайного природного явления, отражает горячечное возбуждение умов, охватившее в эти годы не только Новгород, но и Псков. Что касается псковичей, то эти простые люди, кажется, не вполне понимали, как им следует относиться ко всему происходящему. Они оказались невольными свидетелями битвы гигантов. И преобладающим все же было чувство страха перед самим зрелищем…

Прожив в Новгороде без малого два месяца, князь Иван стал собираться домой. Источники противоречат друг другу (а порой и самим себе) относительно точной даты его отъезда. Согласно псковской летописи, великий князь покинул Новгород во вторник 16 января 1476 года — «в самъ Петров день» (41, 202). (В этот день Церковь славила описанное в Деяниях апостолов чудо — Спадение вериг с апостола Петра. Ну, а москвичи в этот день вспоминали и своего первосвятителя — митрополита Петра, похороненного в Петроверигском приделе московского Успенского собора.)

Однако в том же тексте псковский летописец, противореча сам себе, сообщает, что Иван пробыл в Новгороде «9 недель пол ну» (41, 202). Зная день его прибытия (вторник 21 ноября 1475 года), легко подсчитать, что полных 9 недель истекло с этого дня лишь во вторник 23 января 1476 года. Кроме того, в московских описаниях поездки Ивана в Новгород сообщается, что 19 января он имел «пир у владыки третей» (18, 205). Все это позволяет думать, что дата, названная псковским летописцем, ошибочна. На самом деле Иван покинул Новгород 23 января. Накануне он дал прощальный пир местной знати, хорошим поводом для которого был день его рождения. (Иван III, напомним, родился 22 января.)

Из Новгорода великий князь отправился в Москву кружным путем. Обогнув озеро Ильмень с запада, он прибыл в Русу — второй по значению город Новгородской земли. Там Иван, по-видимому, также занимался разбором жалоб и «перебором людишек». Из Русы знакомым путем — через Яжелбицы, Волочек и Торжок — умиротворитель Новгорода отправился назад в Москву. Выезд Ивана из Русы следует отнести к четвергу 1 февраля. (Провожавший его до Русы псковский наместник Ярослав Оболенский вернулся во Псков 4 февраля (41, 202). От Русы до Пскова по зимнему пути он мог добраться дня за три.

Иван любил приурочивать важные события своей жизни к четвергу, считая этот день удачным. Вот и теперь в Москву он прибыл «февраля 8, в четверг… утре пред обеднею» (18, 205). Впрочем, у этой даты были и другие особенности. 8 февраля церковь славила почитаемого на Руси святого воина Федора Стратилата. Великий князь своей новой бескровной победой над вероотступниками-новгородцами и сам до некоторой степени уподобился святому воину. 8 февраля был и семейный праздник всех детей Василия Темного — день свадьбы их отца и матери (8 февраля 1433 года). Исполнив ритуал торжественной встречи «с великою честию», отстояв обедню в соборе, преклонив колени у могилы отца, Иван поспешил с поздравлениями и рассказами о походе в покои матери, старой княгини Марии Ярославны. Там, в узком кругу великокняжеской семьи и ближайших бояр, Иван в тот памятный день «обедал и пил» (18, 205).

Новгородская драма состояла из трех действий. В первом было много крови, во втором — демагогии, а в третьем — плача. Третье действие — московско-новгородская война 1477–1478 годов — готовилось долго и тщательно. После возвращения Ивана III из Новгорода в Москву 8 февраля 1476 года мы вновь надолго оказываемся как бы перед опущенным занавесом. О том, что происходило в Новгороде в эти полтора года, можно лишь

догадываться по косвенным данным. Но, словно пародия на новгородскую драму, на ярко освещенной авансцене разыгрывается бесконечная тяжба псковичей с их новым покровителем и деспотом — великим князем Иваном Васильевичем. Здесь нет ни железа, ни крови. Но зато много сильных слов и театральных жестов.

15 июня 1476 года псковичи отправили в Москву очередных просителей «с грамотою жалобною, а бити челом с плачем великому князю на князя Ярослава Васильевича, чтобы он с своеа вотчины (Пскова. — *Н. Б.*) его съслал… зане же (потому что. — *Н. Б.*) он над всем Псковом чинит… насилье велико, тако его наместники по пригородом и по волостем» (41, 203). Подобострастный тон псковского прошения не оставляет сомнения в том, что гордые псковичи уже не видели для себя иной возможности избавиться от распоясавшегося наместника, кроме смиренной жалобы к великому князю. Но где и когда верховная власть отступалась от своих агентов в пользу народа? К тому же вызывающее поведение князя Оболенского, по-видимому, соответствовало тому сценарию, который был написан для него в Москве. Он должен был расширить полномочия московской администрации, увеличить платежи и поборы, а главное — личным примером убедить псковичей в том, что они уже не вправе, как прежде, приглашать и изгонять князей «по своей воле». Во всем, что касалось методов проведения этой воспитательной работы, Оболенский получил от великого князя полную свободу рук. Бедным псковичам оставалось только проклинать тот день и час, когда, прельстившись московской военной помощью, они вступили в сомнительную дружбу с Иваном III.

Псковское посольство вернулось из Москвы ни с чем. Князь Иван Александрович Звенигородский, которого они просили к себе в наместники вместо Ярослава Оболенского, как выяснилось, еще в апреле 1476 года скончался во Владимире. Мало радости принесла и аудиенция у государя. «И князь великой толко нался (обещал. — *Н. Б.*) посла своего прислати о том, да хочеть с своею вотчиною съ Псковом суд творити своим послом по его засылным грамотам, а не по своим старинам, как его прародители держали свою вотчину Псков» (41, 204). Иначе говоря, Иван обещал прислать для разбора дела своего посла с соответствующими инструкциями. Однако псковичи уже знали на горьком опыте, каково бывает «правосудие» московских послов. И потому, не дожидаясь нового судебного фарса, они 27 августа 1476 года отправили к Ивану новую делегацию. На сей раз псковичи просили прислать им наместником князя Ивана Бабича «по своим

старинам, кои нам люб» (41, 204). В этом замечании псковского летописца ясно указана суть дела: великий князь хотел утвердить новый принцип назначения псковского наместника. Издавна им был тот, кого согласятся принять псковичи; отныне это будет тот, кого пришлет им великий князь.

Через несколько дней после отъезда послов во Пскове случилось небывалое происшествие. Затянувшееся празднование Нового года (начинавшегося тогда 1 сентября) едва не привело к большой беде. Вечером 2 сентября на дворе московского наместника Ярослава Оболенского вспыхнула драка между его людьми и псковичами. В запале потасовки изрядно подвыпившие москвичи схватились за ножи. Псковичи ответили камнями и палками. Княжеская челядь взяла верх и погнала псковичей из Детинца. Драка продолжилась на Торгу. На помощь своим подоспел и сам князь Оболенский «пьян же и в пансыри» (41, 204). Теперь москвичи пустили в дело луки и стрелы. Среди псковичей появились не только раненые, но и убитые. Подоспевшим к месту событий псковским боярам едва удалось развести противоборствующие стороны. Памятуя об угрозах москвичей поджечь город и перебить всех его жителей, псковичи всю ночь стояли с оружием на Торгу. Но ничего ужасного в ту ночь так и не произошло.

Наутро псковичи созвали вече и приняли решение не признавать более Ярослава Оболенского своим князем. Ему велено было покинуть Псков. Однако он отказался подчиниться решению вече, сославшись на то, что исполняет только приказы великого князя.

5 сентября псковичи отправили гонца к Ивану III с извещением обо всем случившемся. Конечно, своего человека со своим объяснением послал в Москву и Оболенский. На сей раз государь не медлил с ответом. Уже через две недели, 20 сентября, во Псков явились московские послы — бояре Иван Товарков и Юрий Шестак, а с ними дьяк по имени Иван. (Отсюда, между прочим, можно представить примерную скорость тогдашних путешествий. В случае спешки конный отряд преодолевал расстояние от Москвы до Пскова — около 700 верст — за 6 или 7 дней. Таким образом, в день проезжали примерно по 100–120 верст. Остается открытым вопрос: существовала ли в это время между Москвой и Псковом татарская система «ямской гоньбы» с постоялыми дворами, где для едущих «по казенной надобности» всегда имелись съестные припасы и свежие лошади?)

Две недели работали во Пскове московские «дознаватели». Во всех вопросах они безусловно принимали сторону Оболенского и даже приказывали псковичам вновь вернуть под стражу тех, кто

был арестован им или его наместниками по пригородам, а затем освобожден после низложения князя по решению вече. Однако псковичи отказались признать решения московских порученцев, не выдали своих опальных земляков и вновь собрались ехать с жалобой к самому государю.

При всем том псковичи не хотели обострять ситуацию. Иван Товарков и его люди были отпущены с почетом и дарами. До рубежа их провожала псковская свита. Однако на прощанье москвичи отблагодарили своих провожатых весьма необычным способом. Ни в чем не повинные порученцы были жестоко избиты и ограблены до нитки. Сорвав таким образом досаду на упрямых псковичей, посол-грабитель отбыл восвояси. Псковский летописец скорбно констатировал: «А преже того въ Пскове и за много время таков посол не бывал, ничим же ся ему было не удобрити…» (41, 206).

В этих бесхитростных рассказах потрясенного столичным хамством провинциала — живые черты того сложного и многозначного исторического явления, которое историки называют «образованием единого Русского государства». Уважение к человеческой личности, к ее правам и достоинству было почти не известно средневековой Руси. Повсюду господствовало право сильного. Однако определенные моральные и правовые нормы все же признавались как идеал или же как ориентир, по которому можно было оценивать свои и чужие поступки. В этой области особенно важным было мнение Церкви — блюстительницы традиционной христианской морали.

Ломка старой политической системы («феодальной раздробленности», «удельного строя») и складывание новой («Русского централизованного государства», «единого Русского государства») сопровождались переоценкой ценностей во всех областях жизни. Всякое разрушение — а тем более мучительное разрушение традиционного уклада жизни, — по сути своей аморально. Оно невозможно в рамках общепринятой морали. И потому люди, призванные историей на это поприще, вынуждены освобождать себя и своих помощников от многих нравственных обязательств. Однако муки совести все же дают о себе знать. И потому взамен обычной морали разрушители часто придумывают для себя некую новую, политизированную мораль, согласно которой «цель оправдывает средства».

Все это в полной мере относится и к нашему герою. Как правитель, призванный сокрушить старый мир, Иван III обладал своего рода «профессиональным цинизмом». Он рано выработал в себе невосприимчивость к человеческим страданиям, холодное презрение к толпе. Среди своих приближенных он считал

полезным иметь и отъявленных негодяев, которые могли оказаться полезными делу в определенных ситуациях.

Но вернемся к псковской тяжбе, в которой, как в капле воды, отразились методы строительства Московского государства. 18 октября 1476 года, недели через две после отъезда московских «дознавателей», псковичи вновь отправили к Ивану III своих представителей. Надежды на успех этой, едва ли не десятой миссии к государю у них почти не было. Однако и терпеть на княжеском дворе вконец обнаглевшего князя Оболенского им также было невмочь. Через два с половиной месяца, 2 января 1477 года, псковские искатели справедливости наконец вернулись домой «добры здоровы» (41, 207). Последнее, кажется, весьма обрадовало псковичей: от великого князя теперь можно было ожидать всего. Однако отчет послов оказался безрадостным. Не застав Ивана в Москве, они отправились вслед за ним во Владимир, где государь стоял тогда с войсками: «И князь великой держав их тамо три дни, и опять на Москву отела, а посолства не выслушав; и они его на Москве ждали 4 недели» (41, 207). Получив, наконец, долгожданную аудиенцию, псковичи выслушали от Ивана сентенцию, слишком похожую на издевку. «И князь великой ответ им таков починил: коли толко отчина наша Псков тако учинили, что на двор нашего наместника, а своего князя Ярослава Васильевича находили, ино то сама из старины выступила, а не яз князь великой» (41, 207).

Еще месяц прошел в томительном ожидании. Наконец, в среду 12 февраля от великого князя примчался гонец. Наместнику велено было возвращаться в Москву «и съ княгинею и съ всем своим двором; а во Пскове ему не оставити никого» (41, 207).

Многострадальные псковичи вновь были повергнуты в растерянность. Это загадочное распоряжение могло сулить им все что угодно. Между тем князь Оболенский стал собираться в дорогу. В первое воскресенье Великого поста (23 февраля) он со всем своим семейством и челядью покинул Псков. Летописец проводил его примечательным напутствием: «не бывал во Пскове ни за много времен толь князь злосерд, каков был он…» (41, 208).

Изгнанный наместник как мог мстил псковичам. Он ехал в обратный путь нарочито медленно, опустошая лежавшие вдоль дороги села и деревни. На рубеже князь велел своим слугам схватить сопровождавших его псковских чиновников (сотских приставов и губных старост, всего 18 человек) и прихватить их с собой в Москву в качестве пленных.

Оставшись без князя, потеряв захваченных разъяренным Оболенским земляков, псковичи вновь спешно снарядили в

Москву свое посольство «бить челом о своих старинах». Посольство отправилось в дорогу 9 марта. Полтора месяца город жил в тревожном ожидании. Наконец 23 апреля, на весенний Юрьев день, посланники вернулись с хорошими новостями. Государь встретил их милостиво, принял псковский дар — 100 рублей серебром, велел отпустить захваченных Оболенским псковских приставов и старост. Никакого суда псковичам с изгнанным наместником великий князь чинить не стал. Сам виновник скандала вообще не появлялся тогда во дворце. Касательно всех прочих вопросов государь ответил уклончиво: он-де скоро пришлет во Псков своих послов с необходимыми наказами и полномочиями.

Причина неожиданной милости Ивана III к замордованным московскими администраторами псковичам объяснялась просто: он принял решение о новой войне с Новгородом. И храбрые псковичи должны были принять в грядущей кампании активное участие…

О прямых отношениях Ивана III с новгородцами в 1476–1477 годах известно крайне мало. Однако некоторые линии все же прослеживаются.

Едва успев вернуться в Москву (8 февраля 1476 года), великий князь поспешил объявить о том, что все те новгородцы, которые обращались или будут обращаться к нему с жалобами на своих бояр, могут не беспокоиться о своей безопасности: отныне они находятся под защитой великокняжеских приставов. Сформулировав таким образом приглашение к доносам, Иван назначил и срок, когда эти доносы будут рассмотрены, — «стати перед великим князем на Рождество Христово» (41, 205).

В воскресенье 31 марта 1476 года в Москву прибыл новгородский владыка Феофил в сопровождении большой делегации бояр и житьих людей. Цель визита — «бити челом великому князю от всего Великаго Новагорода за поиманых бояр их, сидят которые на Коломне да и в Муроме» (18, 205). Уже на другой день новгородцы были приглашены во дворец. После приема великий князь устроил в их честь знатный пир. Однако все эти почести и знаки гостеприимства не могли скрыть горькой правды: государь наотрез отказался освободить томившихся в его тюрьмах новгородских бояр. Дальнейшее пребывание просителей в Москве становилось бессмысленным унижением. Поняв это, они заспешили домой. 7 апреля, в Вербное воскресенье, великий князь дал гостям прощальный «пир отпускной» (18, 205). На другой день они уже тряслись по изрытому проталинами зимнику, мечтая успеть домой к малиновым звонам Великого дня.

Лето и осень 1476 года прошли спокойно и не внесли существенных изменений в московско-новгородские отношения. Однако зимой дело приняло новый оборот. Согласно указу великого князя, новгородские жалобщики могли явиться к нему на Рождество Христово — 25 декабря. Очевидно, они не решились этого сделать, опасаясь мести со стороны врагов Москвы. Тогда Иван III отправил в Новгород своих приставов для вызова и сопровождения истцов. Оправдавший себя метод расправы с неугодными под прикрытием «справедливого суда» и наказания за мнимые или подлинные бесчинства вновь был принят на вооружение. Московские приставы не даром ели свой хлеб. В начале Великого поста (23 февраля 1477 года) они вернулись, приведя с собой целую толпу новгородцев во главе с посадником Захарием Овиновым. Одни из новгородцев выступали как истцы, другие — как ответчики. Столь необычное явление — суд новгородцев вне Новгорода — вызвало у московского летописца изумленное восклицание: «А того не бывало от начала, как и земля их стала и как великие князи учали быти от Рюрика на Киеве и на Володимере, и до сего великого князя Ивана Васильевича, но сей в то приведе их» (18, 205).

Вслед за первой толпой новгородцев в Москву на суд потянулись и другие. «По сем, в то же говение (Великий пост, с 16 февраля по 5 апреля 1477 года. — *Н. Б.*) приидоша иные посадницы и мнози житьи новугородцы, и поселяне, и черницы, и вдовы и вси преобижени многое множество о обидах искати и отвечивати» (18, 205). Московский летописец рисует почти библейскую картину, когда едва ли не все новгородцы — точно иудеи по зову Моисея — поднялись с насиженных мест и отправилась за многие сотни верст к московскому «царю Соломону» искать справедливости. Конечно, тут не обошлось без сильных преувеличений. Уже один только путь из Новгорода в Москву далеко не каждому был по силам и по карману. К тому же погода тогда не благоприятствовала хождениям. «Того же году зима бысть вельми студена и безснежна» (30, 195).

И все же это небывалое паломничество взыскующих правды в Москву, к своему Государю — не выдумка верноподданных перьев. То было действительно шествие, достойное эпохи крестовых походов. Князь Иван сумел затронуть в душе своего народа некую вечно звенящую струну — тоску по справедливости. «Приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы…» (Мф.11: 28). Великий прагматик и великий мечтатель, Иван дал людям надежду на справедливость не только на небе, но и здесь, на земле. И народ, привыкший жить мечтами, поднял его на своих плечах…

«Московская партия» в Новгороде под впечатлением этого массового исхода горожан на суд к великому князю решила предпринять собственные шаги в том же направлении. Московский летописец сообщает: «Тое же зимы, марта, архиепископ Новугородский Феофил и весь Великый Новгород прислали къ великому князю Ивану Васильевичу и сыну его Ивану послов своих, Назара подвойскаго да Захарию дияка вечного (вечевого. — *Н. Б.*), бити челом и называти себе их государи; а наперед того, как и земля их стала, того не бывало, никоторого великаго князя государем не называли, но господином» (18, 205).

Предложение новгородцев именовать Ивана III «государем», а не «господином», может показаться пустой формальностью. Однако в системе понятий того времени разница между этими двумя сходными по звучанию словами была столь же существенной, как между словами «отец» и «отчим». За титулом «государь», по существу, скрывалось признание права Ивана распоряжаться в Новгороде по своему усмотрению. Начав свои филологические изыскания с настойчивого требования признать Новгород «вотчиной» московских князей, Иван через несколько лет перешел к их следующему этапу, символом которого стало слово «Государь».

Не знаем, была ли инициатива владыки Феофила добровольной или же он предпринял этот шаг под давлением московских доброхотов. Да и насколько правомерной была эта инициатива вообще? Весьма низкий статус новгородских послов вызывает сомнения относительно их полномочий. В некоторых летописях прямо говорится: «А посылал о том (о „государстве“. — *Н. Б.*) владыка с бояры и с посадникы, а без Великого Новагорода ведома» (38, 159). Иначе говоря, решение было принято в достаточно узком кругу аристократии и не утверждалось на общегородском вече. Однако Иван III живо ухватился за произнесенное новгородцами слово и воспользовался им как поводом для начала новой акции против Новгорода.

В четверг 24 апреля 1477 года в Новгород отправились московские послы — бояре Федор Давыдович Хромой и Иван Борисович Тучко Морозов и дьяк Василий Долматов. Первый из послов был хорошо известен новгородцам тем, что вместе с князем Холмским командовал московским войском в битве на реке Шелони в 1471 году. Посылая этого человека в Новгород, Иван III прозрачно намекал горожанам на возможные последствия их своеволия. Второй был с Иваном в Новгороде в 1475 году и считался знатоком «новгородского вопроса» (82, 239).

Цель этого посольства московская летопись определяет так:

«…покрепити того, какова хотят государьства их отчина их Великий Новгород» (18, 205). Иными словами, послы должны были уяснить обстановку и даже привести весь Новгород к присяге Ивану III как своему «государю».

В воскресенье 18 мая московские послы прибыли в Новгород. Очевидно, их путешествие оказалось долгим из-за весенней распутицы. Кроме того, послов сопровождала большая свита. Разместившись на Городище, они отправились на вечевую площадь, чтобы объявить всему Новгороду о готовности Ивана III стать «государем». Тут же объявлены были и условия, на которых великий князь принимал это предложение: «…и суду его у вас в Великом Новегороде быти, и по всем улицам сидети князя великого тиунам, и Ярославля вам дворище великим князем очистити (Ярославово дворище — площадь в центре Новгорода, на правом берегу Волхова, в XV столетии занятая под торг и место вечевых собраний. Здесь, по преданию, находился двор князя Ярослава Мудрого. — *Н. Б.*) ив великих князей суд не вступати» (41, 209). (Летописи этого времени иногда говорят о великих князьях во множественном числе. Дело в том, что старший сын Ивана III, Иван Молодой был официально объявлен соправителем своего отца. Однако вся реальная власть оставалась у Ивана III.)

Московские условия, представленные послами как уступка пожеланиям новгородцев, по существу, означали ликвидацию независимости Новгорода и его собственной административно-политической системы. На вечевой площади вместо знаменитой «степени вечной» — помоста, с которого выступали ораторы, — должен был разместиться двор Ивана III.

Вече взорвалось криками протеста. Новгородцы особенно настаивали на том, что послы, пригласившие великого князя на «государство», не имели соответствующих полномочий и, по существу, действовали как самозванцы и провокаторы — «а без Великого Новагорода ведома тую прелесть чинили» (41, 209).

Послы вернулись к себе на Городище ни с чем. А в самом городе через несколько дней (в субботу 31 мая) вспыхнул мятеж. Сторонники «литовской партии» бросились громить дома бояр, выступавших за подчинение Москве. Особенно досталось тем, кого считали виновниками приглашения Ивана III на «государство». Как всегда, политические страсти сплетались с обычным грабежом и мародерством. Дошло дело и до убийств. Схваченный толпой боярин Василий Никифоров сознался в том, что был в Москве у великого князя и поклялся служить ему верой и правдой. При этом он убеждал своих палачей, что не замышлял никакого зла против Великого Новгорода. Однако все было

напрасно. Перебежчика приволокли на вечевую площадь и там забросали камнями. Там же, на вечевой площади, погиб и другой боярин, Василий Ананьин. Его убили топором, а потом в безумной ярости разрубили на части бездыханное тело (41, 209). Не ушел от расправы и Захарий Овинов, для спасения собственной жизни натравивший толпу на Никифорова. Его вместе с братом Кузьмой убили «на владычне дворе», где несчастные, очевидно, надеялись найти убежище. После этих расправ «прочий посадници и бояре, которые служили князю великому, те все разбегошася из Великого Новагорода» (38, 159).

Все эти ужасы и расправы не коснулись московских послов. С ними обращались «с честью». Просидев на Городище 6 недель (с 18 мая по 29 июня), они наконец получили официальный ответ новгородского вече: «Что вам своим господином (господам. — *Н. Б.*) челом бием; а что государи вас, а то не зовем, а суд вашим наместником на Городище по старине, а что вашему суду великих князей, ни ваших тиуном, а то в нас не быти, ни дворище вам Ярославля не даем; на чем ни есме с тобою на Коростыни мир кончали и крест целовали, по тому хотим с вами и жити доконцанию; а котории тобе так ималися без нашего ведома чинити, то ведаешь ты, как их хощешь казнити, а мы их тако же, где которого поймав хотим казнити; а вам своим господином челом бием, чтобы есте нас держали в старине, по целованию крестному» (41, 209).

Впрочем, новгородцы только зря теряли время, ублажая послов и составляя свой осторожный ответ Ивану III. Великий князь давно уже принял решение о новом походе на Новгород и начал его подготовку. Еще 7 июня во Псков приехали московские послы — боярин Иван Зиновьев и великокняжеский дьяк Григорий Иванович Волнин. (Иван Зиновьев был не новичок в псковских делах. Он приезжал сюда послом от великого князя летом 1474 года. Его брат Василий Зиновьев послан был государем поднимать псковичей на Новгород летом 1471 года. По-видимому, великий князь уже наладил среди своих бояр нечто вроде «специализации» в той или иной области.) От имени своего правителя они велели псковичам объявить войну Новгороду. Однако умудренные горьким опытом ведения дел с Иваном III, псковичи не стали начинать столь серьезного дела по одному лишь уведомлению московских послов. Они решили отправить в Москву своих послов для встречи с обоими великими князьями — «а сами от них услышим, как нам о всем том укажуть своими усты» (41, 210). Вероятно, псковичи решили воспользоваться ситуацией и выторговать себе какие-нибудь уступки. Московские послы покинули Псков 15 июня 1477 года. Псковское посольство

выехало в Москву 21 июля. Обратно оно возвратилось 27 августа. Легко заметить, что все эти события разворачивались медленно. Обе стороны явно тянули время. Однако такая медлительность была частью разработанного в Москве сценария. Князь Иван знал, что, получив его приказ о начале войны, псковичи немедленно известят об этом Новгород. Действительно, едва узнав о его решении, псковичи отправили посольство в Новгород. Следуя условиям мирного договора, они давали знать соседям обо всем случившемся и предлагали выступить в качестве посредников на переговорах с Москвой. Однако новгородцы высокомерно отказались от услуг псковичей, заявив, что тем прежде следует, как встарь, дать клятву в верности Новгороду.

Все эти повороты событий, несомненно, были заранее просчитаны в Москве. Иван III не случайно раньше времени всполошил псковичей. Повторялся вариант психологического давления на Новгород, оправдавший себя еще в ходе летней кампании 1471 года. Новгородцам было дано время, чтобы, пережив прилив энтузиазма, они успели в полной мере осознать надвигавшуюся на них опасность.

Между тем в Москве уже разворачивалась подготовка к войне. Великий князь обсудил этот вопрос с митрополитом и архиереями, на семейном совете — с участием матери и братьев, с ближними боярами. Желая заручиться поддержкой небесных сил, а также вновь поднять знамя «священной войны» с вероотступниками, Иван III совершает молебны в соборах, ездит на богомолье по московским и подмосковным монастырям. За небесным не забывали и о земном: скорый гонец привез из Твери согласие тамошнего князя Михаила Борисовича принять участие в походе.

Устрашенные новгородцы отправили в Москву своего гонца с просьбой дать «опас» (разрешение на проезд), гарантию безопасности архиепископу Феофилу и новгородским боярам для приезда на переговоры. Однако время переговоров уже прошло. По приказу Ивана III новгородский посланец был задержан московским наместником в Торжке. Ему велено было ждать здесь до тех пор, пока сам великий князь не явится в Торжок.

30 сентября 1477 года Иван III отправил в Новгород «складную грамоту» — извещение о формальном разрыве отношений и начале войны. Тогда же из Москвы начали выходить передовые отряды великокняжеского войска. Его точная численость неизвестна. Однако летописи сообщают, что на войну, помимо обычных боевых сил, призваны были ополченцы со всех городов Северо-Восточной Руси.

В четверг 9 октября государь покинул Москву и направился в

Новгород — «за их преступление казнити их войною» (18, 207). В столице князь оставил своего сына и соправителя Ивана Молодого.

Летописи вновь, как и в описании похода 1475–1476 годов, прекрасно информированы о деталях: маршрутах отдельных отрядов, именах воевод, точных датах событий. Очевидно, перед нами не просто результат путевых записок кого-то из участников похода. За этой наблюдательностью угадывается нечто большее: кажется, в Москве уже действовало некое военное ведомство (зародыш будущего Разрядного приказа), следившее за службой каждого из представителей московской знати.

Основная часть армии, во главе которой находился сам Иван III, двигалась от Москвы на Волок Дамский, далее через Лотошино и Микулин (нынешнее село Микулино Городище) к Торжку. Между тем у новгородцев стали сдавать нервы. Они лихорадочно искали путей к примирению. В Торжок, где уже сидел под стражей первый новгородский посол, прибыл второй. Но и его постигла участь первого.

В воскресенье 19 октября Иван III торжественно въехал в Торжок. Здесь к нему явились новгородские бояре Лука и Иван Клементьевы «и били челом великому князю в службу» (18, 207). С этого времени число перебежчиков, спешивших изъявить свою готовность служить Государю, все возрастало и возрастало. На каждом стане ему «били челом» новые представители новгородской знати.

2 ноября, находясь на стане Турны, Иван III получил неприятное известие от послов, прибывших из Пскова. 10 октября там вспыхнул страшный пожар, испепеливший большую часть города. (Пожар, конечно, мог быть и случайностью. Но не исключено и то, что «красный петух» был подпущен умышленно, с целью сорвать участие псковичей в походе на Новгород.) Псковские послы, величая Ивана «государем», извещали о том, что его приказание исполнено и Новгороду официальным образом объявлена война. Вместе с тем они сообщали, что «нынеча по нашим грехом весь город Псков выгорел» (31, 312). В этом известии ясно звучал намек: в таких тяжелых обстоятельствах псковичам невозможно идти на войну.

Однако князь Иван сделал вид, что не понял псковских намеков. Вместо снисхождения государь дал им нового воеводу — князя Василия Васильевича Бледного Шуйского. Он отличался от своего полного тезки и дальнего родственника, сидевшего в Новгороде давнего врага Москвы князя Василия Васильевича Гребенки Шуйского, не только прозвищем. Главное достоинство Бледного состояло в том, что он происходил из той ветви

Шуйских, которая давно уже примирилась с Москвой. Родной дядя Бледного, Федор Юрьевич Шуйский, был по поручению Ивана III псковским князем-наместником в 1467–1471 годах, а двоюродный брат, Василий Федорович Шуйский (сын Федора Юрьевича), водил на Новгород псковскую рать в 1471 году.

В воскресенье 23 ноября Василий Бледный Шуйский прибыл во Псков. Его приняли здесь с честью не только в качестве великокняжеского наместника, но почти как полноправного князя-наемника прежних времен и даже заставили целовать крест «на всех псковьских послинах и старинах» (41, 212). На все эти псковские ностальгические затеи насмешливо поглядывал находившийся при Василии Шуйском в роли своего рода «комиссара» московский воевода Василий Дятел. Время от времени он поторапливал псковичей: пора было приниматься за главное дело, ради которого и дал Иван III псковичам этого наместника, — войну против Новгорода.

Во вторник 2 декабря 1477 года Шуйский повел псковское войско на Новгород. И маршрут движения псковичей, и место их базового лагеря близ Новгорода (на устье Шелони) определял сам Иван III, указания которого приносили скорые гонцы.

Порядок наступления на Новгород, конкретные задачи каждого из полков были определены Иваном III на совещании с воеводами 19 ноября на стане Палины. Общая диспозиция оставалась традиционной для русского средневекового военного искусства: Большой полк — в центре, справа от него — полк правой руки, слева — полк левой руки, впереди — Передовой полк. Самая трудная и ответственная задача всей кампании возлагалась на Передовой полк. Его номинальным командующим был поставлен брат государя, 25-летний Андрей Меньшой. Подлинными же предводителями этого полка стали лучшие московские воеводы, прославившиеся разгромом новгородцев на Шелони, — князь Данила Дмитриевич Холмский и боярин Федор Давыдович Хромой. К ним прибавился Иван Васильевич Стрига Оболенский. Каждый из воевод имел под началом отряд ополченцев из городов. Холмский командовал костромичами, Федор Давыдович — коломничами, Стрига Оболенский — владимирцами.

«На правой руке» у Ивана III расположились воины другого брата — угличского удельного князя Андрея Большого. Там же встали тверские силы и отряды ополченцев из Дмитрова и Кашина под командованием великокняжеских воевод. «На левой руке» поставлены были отряды брата Ивана III Бориса Волоцкого и удельного князя Василия Михайловича Верейского. Там же

стоял отряд, состоявший из воинов, собранных во владениях матери Ивана, княгини Марии Ярославны.

В Большом полку, которым командовал сам великий князь, непосредственное руководство воинами поручено было воеводам Ивану Юрьевичу Патрикееву, Василию Образцу (с ополченцами из Боровичей), Семену Ряполовскому (с ополченцами из Суздаля и Юрьева Польского), князю Александру Васильевичу Оболенскому, родному брату Ивана Стриги (с ополченцами из Москвы, Калуги, Алексина, Серпухова, Хоту ни, Радонежа и даже Торжка), князю Борису Михайловичу Турене Оболенскому (с ополченцами из Можайска, Волока Дамского, Звенигорода, Рузы), Василию Сабурову (с ополченцами из Галича, Ярославля, Ростова, Углича и Бежецкого Верха). Кроме всех названных, в Большом полку находились также ополченцы из Переяславля-Залесского и Мурома.

Со стана в Палинах Иван III отправил вперед армии Передовой полк, которому надлежало занять позицию у села Бронница, верстах в 20-ти к востоку от Новгорода. Перед отрядами авангарда ставилась также важнейшая задача: захватить пригородные села и монастыри, прежде чем новгородцы успеют их сжечь, как они это сделали в 1471 году. Первыми примчались к цели татары «царевича» Даньяра — сына служившего Москве «царевича» Касима. Согласно псковским летописям (которые, впрочем, полны затаенной ненависти к Ивану III и всем его деяниям), именно они, выполняя приказ великого князя, внезапной атакой захватили монастыри, расположенные вокруг Новгорода. Обычно в ожидании осады новгородцы сжигали пригородные обители и селения, которые могли стать удобными базами для вражеских войск, а также дать материалы для «примета» под городские стены. На сей раз они не успели этого сделать. И это была важная удача москвичей, которые разместились плотным кольцом вокруг Новгорода именно в этих монастырях. Учитывая, что дело происходило в декабре и что впереди можно было ожидать длительной осады, — вопрос о пристанище для московских воинов становился едва ли не главным для успеха всего похода.

Не следует, однако, вслед за псковскими летописцами приписывать успех всего дела татарам Даньяра: они не имели достаточно сил для долгой защиты всех сел и монастырей вокруг Новгорода в случае контрнаступления новгородцев. Задача татар состояла в том, чтобы стремительной атакой захватить монастыри и удержать их до подхода основных московских сил. Далее в дело вступили воеводы Передового и Большого полков, которые в ночь с 24 на 25 ноября со своими отрядами перешли по

льду через Ильмень близ истока Волхова и заняли княжескую резиденцию Городище, а также монастыри и села, расположенные к югу и юго-западу от города. Кажется, новгородцы и не пытались отбить назад свои форпосты. В отсутствие своих главных предводителей, уехавших на переговоры с Иваном III, они утратили всякую инициативу. Вероятно, новгородцы сознательно избегали столкновения с московскими войсками, чтобы не сорвать переговоры. Так, еще не выпустив ни одной стрелы, Иван III уже выиграл серьезное позиционное преимущество.

Но вернемся на несколько дней назад, когда ситуация еще не была столь печальной для новгородцев. Иван III медленно, но неуклонно продвигался на север по замерзшим руслам лесных речушек. 21 ноября он расположился лагерем в селе Тухоля на реке Нише, впадающей в озеро Ильмень. Отсюда по прямой было 25 верст до Бронницы, где стоял Передовой полк. С этого стана Иван послал гонца во Псков, повелевая псковичам идти на Новгород «ратью с пушками и с пищалми и самострелы, с всею приправою, с чем к городу приступати» (31, 313). (Этот приказ и заставил Василия Бледного Шуйского выступить в поход 2 декабря.)

В воскресенье 23 ноября, когда Иван стоял лагерем в селе Сытино, к нему явилось представительное новгородское посольство во главе с владыкой Феофил ом. (Послов сопровождал приставленный к ним для безопасности известный московский воевода Иван Руно — герой казанской войны 1468–1469 годов.) Начались томительные переговоры. Владыка просил Ивана, чтобы тот «смиловался над своею отчиною, меч бы свой унял… и огнь утолил, и кровь бы христианьская не лилась» (31, 313). Новгородцы соглашались называть великого князя своим государем, готовы были выплачивать Москве регулярную дань и предоставить Ивану III право высшего апелляционного суда, но требовали прекратить вызов новгородцев на суд в Москву и освободить своих земляков, томящихся в московских тюрьмах.

Иван III разрешил новгородским послам переговорить приватно с его братьями и боярами. Однако это была лишь уловка. Усыпив бдительность новгородцев бесплодными переговорами, Иван между тем приказал своим воеводам двигаться вперед и окружать город со всех сторон. Утром 25 ноября, получив сообщение о благополучном завершении операции, Иван через бояр передал новгородским послам свой ответ, суть которого состояла в двух тезисах: новгородцы сами виноваты в этой войне; для примирения великий князь ждет от них совсем не тех предложений, с которыми они явились. После этого послы были отпущены обратно в Новгород.

В четверг 27 ноября Иван III вплотную приблизился к Новгороду. Он переехал по льду через Ильмень близ истока Волхова и «стал у Троици на Паозерье в Лошинском селе» (31,315). (Вероятно, место стоянки были избрано не случайно. Расположенный здесь Троицкий Клопский монастырь издавна был известен своими связями с Москвой.) Псковская летопись несколько иначе определяет стоянку главнокомандующего: «а сам стал в Ракомьли въ дворе Лосиньского, над Волховом, за три версты от Великого Новагорода, близко Юрьева манастря» (41, 213).

…История порой оказывается удивительно осязаемой. Минуло уже пять веков с тех пор, как сошли во мрак своих могил все жертвы и герои этого драматического противостояния. Но все так же пустынны и безлюдны заснеженные новгородские равнины. Все так же топятся печи и кричат петухи в тех селах, где стоял когда-то князь Иван со своими бородатыми воеводами. Все эти топонимы узнаваемы и ныне. В нескольких километрах к югу от Новгорода есть село Ракомо и село Троица. Все так же величественно возносит над Волховом свои башни и купола знаменитый Юрьев монастырь…

Брат Ивана III Андрей Меньшой расположился в Благовещенском монастыре на Мячине, воевода Иван Юрьевич Патрикеев — в Юрьеве монастыре, воевода Данило Холмский — в Аркажском монастыре. Таким же образом были устроены и другие воеводы с их полками. Московское войско обложило Новгород со всех сторон, перекрыв все дороги. Началась блокада великого города.

Поначалу новгородцы были настроены весьма решительно. Они собирались драться за свою «старину». «Новгородци же, сбегшися, затворишася вси в осаде, устроивси собе по обе стороне Вълхова рекы и чрес реку на судех стену древяную; а в то время бе с ними в той осаде воеводою в них князь Василеи Васильевич Шюиской» (41, 213).

Вероятно, Иван III, имея столь многочисленное войско, мог рассчитывать на успех при штурме города. Однако он понимал, что штурм — это худший вариант, ибо он приведет к большим потерям с обеих сторон. Горожане, защищая свой дом, будут драться с мужеством обреченных. В ходе сражения город будет разграблен и сожжен, огромную часть добычи растащат рядовые ратники. Так стоило ли резать курицу, несущую золотые яйца? К тому же в самом Новгороде имелась сильная «московская партия», не сидевшая сложа руки. Рассудив так, князь предпочел запастись терпением…

Главной проблемой для застывшей в томительном ожидании

огромной рати была нехватка питания и фуража. Долгая осада могла вызвать голод как в городе, так и среди самих осаждавших. Понимая это, князь Иван 30 ноября распорядился из всех полков отпустить половину ратников на десять дней для добычи всего необходимого и для себя, и для своих оставшихся на месте товарищей. Срок явки обратно в полки был установлен общий — 11 декабря. Другим источником пополнения запасов стал Псков. Иван III велел псковичам доставить для его войска всевозможные продукты и припасы — «и хлеб, и мед, и муку пшеничную, и колачи, и рыбы пресныа» (41, 214). Часть провизии была поставлена бесплатно, в счет великокняжеских даней, а часть привезена псковскими купцами и продана за деньги.

Между тем новгородцы не оставляли надежды как-нибудь договориться с великим князем. 5 декабря в его ставку вновь приехал владыка Феофил в сопровождении нескольких бояр. Иван принял гостей в присутствии своих братьев Андрея Большого, Бориса и Андрея Меньшого. Это означало, что разговор будет иметь принципиальный характер. На вопрос прибывших о том, чего же он все-таки добивается, Иван на сей раз ответил с исчерпывающей прямотой: «мы, великые князи, хотим государьства своего, как есмы на Москве, так хотим быти на отчине своей Великом Новегороде» (31, 317). Опешившие послы попросили дать им несколько дней для обсуждения княжеских требований.

Пока новгородцы в последних жарких спорах на вече смирялись с неизбежностью московских условий, Иван не терял времени даром. 6 декабря он распорядился начать починку «великого моста», соединявшего берега Волхова у Городища. Быстрое течение реки делало ледяной покров ненадежным. Не знаем, был ли мост разрушен новгородцами из-за войны или же просто обветшал от времени, однако его стратегическое значение очевидно: в случае неожиданной вылазки осажденных через этот мост быстро могли подойти свежие московские полки с другого берега Волхова.

Руководить устройством моста Иван поручил знаменитому итальянскому инженеру и архитектору Аристотелю Фиораванти. По случаю новгородской войны тот был временно снят со своей главной работы — строительства нового Успенского собора в московском Кремле — и отправлен с полками в Новгород. Основной военной специальностью итальянца была артиллерия. Однако он умел делать и многое другое, в том числе — наводить понтонные мосты.

Для постройки моста под начало Аристотелю были даны опытные плотники-«мостники», срочно вызванные из Пскова.

Работа закипела. «И той мастер учинил таков мост под Городищем на судех на той реце, и донеле же (даже когда. — *Н. Б.*) князь великы одолев възвратися к Москве, а мост стоит», — восторженно замечает московский летописец (31, 317).

Между тем в условленный срок, 7 декабря, новгородские послы вновь явились в стан к Ивану III. Они привезли согласие на некоторые новые уступки, расширявшие права московских наместников. Увеличен был и размер дани, которую Новгород соглашался выплачивать великому князю.

Понимая, что этот этап переговоров — промежуточный, Иван уклонился от встречи с послами и поручил боярам выслушать их. Ответ великого князя на новгородские предложения, также переданный через бояр, был исполнен высокомерия. Иван повторил свой прежний тезис: «хотим государьства на своей отчине Великом Новегороде такова, как нашо государьство в Низовскои земли на Москве. („Низовской землей“ новгородцы издавна называли Северо-Восточную Русь. — *Н. Б.*) И вы нынеча сами указываете мне, а чините урок нашему государьству быти, ино то, которое государьство мое» (31,317).

Однако новгородцам уже было не до обид. Стиснув зубы они проглотили сказанное и смиренно попросили новых пояснений: «Великий Новгород Низовские пошлины не знают, как государи наши великые князи государьство свое дръжат в Низовскои земле». В ответ Иван коротко разъяснил, что означает введение в Новгороде «низовских» порядков: «…Вечю колоколу в отчине нашей в Новегороде не быти, посаднику не быти, а государьство нам свое держати, ино на чем великым князем быти в своей отчине, волостемь быти, селом быти, как у нас в Низовскои земле, а которые земли наши великых князей за вами, а то бы было наше» (31, 318). Легко заметить, что в этом «разъяснении» кое-что названо предельно ясно (вечевой строй и выборная администрация отменяются), а кое-что — весьма расплывчато (какие, например, новгородские волости и села великий князь сочтет «своими»?). Однако суть дела новгородцы вполне уяснили: московский князь предполагал сократить размеры Новгородской земли за счет некоторых территорий, которые будут напрямую подчинены Москве.

Беспощадно диктуя новгородцам свои условия, Иван III счел необходимым уступить им в некоторых важнейших моментах: «А что есте били челом мне великому князю, что бы вывода из Новогородскые земли не было, да у бояр у новогородскых в отчины в их земле нам, великым князем, не вступатися, и мы тем свою отчину жалуем…» (31, 318). Смысл этой тяжеловатой для современного читателя фразы заключался в следующем: великий

князь гарантировал новгородским боярам сохранение за ними тех вотчин, которыми они владели, а также освобождение от службы в московском войске за пределами Новгородской земли. Таким образом, появлялась ясность в главном вопросе: изменяя систему управления Новгородской землей, Иван не собирался отнимать собственность (а значит и власть) у ее правящего класса. Конечно, кое-чем и кое-кем новгородским «золотым поясам» предстояло поступиться, — но в целом они могли смело глядеть в будущее. Именно им предстояло стать опорой Государя в покоренной Новгородской земле.

В то время, когда московский Государь проводил в жизнь свой гениальный план покорения Новгорода, будущий автор знаменитой книги «Государь» еще бегал в коротких штанишках по грязным улицам Флоренции и зубрил латинские глаголы в школе магистра Маттео. Однако пройдут годы — и он напишет слова, под которыми охотно подписался бы и сам Иван III.

«Если, как сказано, завоеванное государство с незапамятных времен живет свободно и имеет свои законы, то есть три способа его удержать. Первый — разрушить; второй — переселиться туда на постоянное жительство; третий — предоставить гражданам право жить по своим законам, при этом обложив их данью и вверив правление небольшому числу лиц, которые ручались бы за дружественность города государю. Эти доверенные лица будут всячески поддерживать государя, зная, что им поставлены у власти и сильны только его дружбой и мощью. Кроме того, если не хочешь подвергать разрушению город, привыкший жить свободно, то легче всего удержать его при посредстве его же граждан, чем каким-либо другим способом» (117, 60)…

В следующее воскресенье, 14 декабря, состоялась новая встреча новгородских послов с московскими боярами. На сей раз новгородцы согласились почти на все требования, однако выдвинули новые условия. Они хотели, чтобы сам Государь, его бояре и его наместники целовали крест на верность Новгороду. Иван III решительно отверг эти скромные пожелания и напоследок отказался даже дать новгородским послам «опасную грамоту» — своего рода пропуск через расположение московских войск. Это означало, что он считает дальнейшие переговоры бесцельными. В дело пошли иные, более сильные аргументы.

Придворные московские летописи, подробно пересказывая ход переговоров, очень смутно рисуют саму осаду. Увидеть жизнь осажденного города отчасти позволяют неофициальные, провинциальные летописцы (псковские, ростовские). Судя по всему, горожане более всего надеялись на то, что Иван III не

сумеет долго удерживать свое огромное войско на заснеженной равнине и вынужден будет пойти на очередной компромисс. Однако время шло, а великий князь и не думал уступать. Между тем «людем мятущимся в осаде в городе, иныа хотящи битися с князем великим, а инии за великого князя хотяще задати (перейти. — Я. £.), а тех болши, которые задатися хотять за князя великого» (41, 214).

Положение усугублялось обычными военными невзгодами. «Новогородци же затворишяся въ граде; князь же великый повеле и пушками бити град, и мнози новогородци под градом избьени быша… В граде же бысть мор и глад силен…» (30, 195–196).

19 декабря архиепископ Феофил и его свита вновь явились в московский лагерь и стали требовать личной встречи с великим князем. Вероятно, решив, что они готовы объявить о капитуляции, Иван III принял их. Однако это был еще не конец. Выслушав из уст великого князя уже названные боярами условия, новгородские послы удалились со словами: «Скажем то, господине, Новугороду». Вслед им посланы были бояре. Они напомнили послам о том, что среди прочего великий князь требует и согласия на конфискацию некоторых новгородских областей.

Раздоры в Новгороде и отчаянное положение осажденного города покачнули, наконец, и самого новгородского главнокомандующего — князя Василия Васильевича Гребенку Шуйского. В воскресенье 28 декабря он объявил о том, что складывает с себя крестное целование Новгороду и переходит на службу к великому князю. «И новогородцы, блюдяся великого князя, не смели ему ни слова молвити, а был у них в городе после склада два дни» (31,318). Иван III с честью принял сменившего флаг Шуйского в ряды своих подданных. (Впрочем, неделю спустя он не дрогнув конфисковал все села, принадлежавшие Шуйскому в Новгородской земле.)

Кажется, никто уже не сомневался в том, что Новгород скоро падет. Однако торг все еще продолжался. 1 января новгородские послы предложили великому князю забрать себе две волости на южной окраине Новгородской земли — Великие Луки и Пусторжев. Иван отказался от такого приобретения. В воскресенье 4 января послы явились вновь, предложив уже десять волостей. Но и это не устроило Государя. Отчаявшись, послы просили, чтобы он сам назвал желаемые приобретения. Ответ Ивана III прозвучал как пушечный выстрел: «Взяти ми половину всех волостей владычних да и манастырьскых да Новоторжьскые, чии ни буди» (31, 319).

Расчет Ивана III был точным и безупречным. Не задевая интересов частных владельцев, он получал при таком раскладе

половину огромных вотчин новгородской кафедры и монастырей. Что касается Новоторжской волости, то ее столица, город Торжок (в прошлом — южный форпост и южные ворота Новгородской земли), уже находилась под контролем московской администрации. Потеря этих земель была для новгородцев как бы уже свершившимся фактом.

Через два дня и эти требования великого князя были приняты. Новгородцы просили теперь лишь об одном: пощадить мелкие монастыри, которые в случае конфискации половины земель остались бы совсем без средств. На это Иван III великодушно согласился. Вскоре по приказу московского государя новгородцы приготовили подробную роспись всех волостей, переходящих в его распоряжение. Он вновь проявил великодушие: оставил архиепископу чуть больше того, что мог бы оставить.

8 января новгородские послы вновь явились к Ивану с просьбой снять наконец осаду, «понеже бо теснота бе в граде и мор на люди и глад» (31, 319). Однако тот в ответ напомнил, что еще не решен вопрос о дани, которую предстоит выплачивать новым подданным московского князя. Несмотря на протесты и причитания послов, норма дани была существенно повышена по сравнению с тем, что земледельцы платили прежде в новгородскую казну.

Наконец, дошло дело и до завершающих мелочей. Был составлен полный текст присяги, которую должны были принести новгородцы своему Государю. Этот текст был оглашен московским послом подьячим Одинцом не на вечевой площади, как обычно, а «у владыки в полате» (31, 320). Через день новгородцы изъявили согласие не только присягнуть Ивану на его условиях, но и отдать ему для устройства резиденции старинное Ярославово дворище в центре города.

Великий князь повелел изготовить точную копию текста присяги и дать ее новгородскому владыке для собственноручной подписи и печати, а также для заверения печатями всех пяти районов («концов») Новгорода. 13 января началась процедура присяги. Часть новгородской знати целовала крест перед лицом самого великого князя в его ставке «у Троице на Паозерие». Простолюдины совершали обряд в самом городе.

Под занавес переговоров с новгородцев взяли еще ряд обещаний: не мстить псковичам и тем новгородцам, которые перешли на службу к Ивану III; признать переход Двинской земли и Заволочья под власть Москвы; даже заплатить ругу каким-то попам, почему-то обиженным новгородцами (31, 321).

Во вторник 13 января сломленные тяготами осады

новгородцы сдались и «отворили град» (41, 215). Иван III прекратил осаду Новгорода. Через два дня в раскрывшиеся городские ворота въехали посланные Государем бояре для принятия присяги у горожан. К этой почетной миссии были определены воеводы князь Иван Юрьевич Патрикеев, Федор Давыдович Хромой, князь Иван Стрига Оболенский, братья Василий и Иван Борисовичи Морозовы. Вся церемония для знати совершалась в палате на владычном дворе, «по той бо день веча не бысть в Новегороде» (31, 321). После этого московские дьяки и «дети боярские» разъехались по городу, приводя к присяге всех подряд. «…Все целовали люди, и жены боарьские, вдовы, и люди боарьские» (31, 321).

Итак, военная часть похода была окончена. Настало время дипломатии и демагогии. Ратных людей можно было понемногу отправлять по домам. В субботу 17 января Иван III «отпустил» псковичей. За службу они получили от него лишь «кубок позлащен» да двух лютых послов, которые по дороге к Пскову грабили всех подряд, а в самом Пскове самым бессовестным образом вымогали у горожан дорогие «поминки». Когда псковичи попытались пожаловаться на них Ивану, тот лишь с досадой отмахнулся от этой докуки. (Иван по-своему оценил заслуги послов. Один из них, Василий Китай, был через несколько дней назначен новгородским наместником.)

В воскресенье 18 января новгородская знать «била челом» Ивану III о том, чтобы он принял ее на свою службу. В тот же день архиепископ Феофил обратился к великому князю с просьбой дать своих приставов для защиты многочисленных беженцев, скопившихся в Новгороде и боявшихся возвращаться в свои волости из страха перед московскими ратниками. Иван исполнил просьбу владыки.

Убедившись в том, что Новгород в его руках, великий князь 20 января отправил в Москву гонца по имени Слых с вестью о том, что он «отчину свою Великы Новгород привел въ всю свою волю и учинился на нем государем, как и на Москве» (31, 322). Делая по сотне верст в день, гонец примчался в столицу 27 января, в самый день именин Ивана III.

Между тем в Новгороде продолжались пышные похороны боярской республики. 21 января Иван принимал дары от новгородских богачей. На другой день он поставил Новгороду своих наместников — братьев Ивана и Ярослава Оболенских. Оба воеводы были известны как беспощадные администраторы. В их ведение передавалась правобережная, Торговая «сторона» Великого Новгорода. Через несколько дней еще два жезла наместников получили опытные в новгородских и псковских

делах, а также известные своей свирепостью московские бояре Василий Федорович Китай и Иван Зиновьев. Им велено было ведать делами левобережной, Софийской («Владычной») стороны Новгорода (41,216).

Любитель всякого рода исторической символики, Иван настоял на том, чтобы резиденция его «правобережных» наместников находилась на Ярославовом дворище, где обычно собиралось общегородское вече. В древности же именно здесь находился двор киевского князя Ярослава Мудрого (1019–1054). Это решение Ивана должно было стать наглядным выражением его любимого тезиса о том, что он не разрушает традицию, а всего лишь возвращается к мудрой «старине», к той системе отношений великих князей с Новгородом, которая существовала до возникновения боярской республики в 1136 году.

Победитель не спешил, однако, лично насладиться зрелищем коленопреклоненного Новгорода. И на то была серьезная причина. В городе все еще свирепствовал мор. Только неделю спустя, в четверг 29 января, Иван торжественно въехал в покоренную им «северную Флоренцию». Вслед за ним ехали братья, бояре, весь московский двор. Отстояв обедню у святой Софии, великий князь поспешил вернуться к себе на Паозерье. Там, в московском лагере, был дан торжественный обед для московской и новгородской знати. Вновь зазвучали витиеватые здравицы, зазвенело серебро многоценных даров. Кончилось торжество, как обычно, всеобщим пьяным гомоном, в котором голоса тех, кто изливал радость, сливались со стонами тех, кто заливал горе.

Завершились церемонии и отшумели пиры. Бродячие псы дочиста изгрызли доставшиеся им кости. Настало время проявить силу новой власти. 1 февраля, в Прощеное воскресенье, Иван приказал за какую-то вину взять под стражу купеческого старосту Марка Памфильева. На другой день арестовали знаменитую Марфу-посадницу и отправили под стражей в Москву. Вместе с ней взяли и ее внука Василия, сына Федора Исаковича Борецкого, брошенного в московскую темницу еще в 1475 году. 3 февраля Иван произвел чистку новгородского дипломатического архива. Из него были изъяты все договоры Новгорода с великими князьями Литовскими и с польскими королями. 6 февраля был арестован знатный новгородец Григорий Арбузьев. В те же дни незваные гости посетили и еще некоторые новгородские усадьбы. 7 февраля скорбный караван новгородских пленников отправился в Москву. Имущество пострадавших было отписано на государя.

В Соборное воскресенье (8 февраля) Иван III вновь побывал в Новгороде и присутствовал на торжественной литии у стен

Софийского собора. Это богослужение не случайно отмечено было присутствием государя. Согласно уставу этого дня на литии в присутствии всего духовенства и при большом стечении народа читался Синодик в Неделю православия. Там содержались многолетия православным царям и великим князьям, а также анафемы еретикам. Содержание Синодика менялось в зависимости от перемен церковно-политической конъюнктуры. Иван хотел доподлинно знать, кого теперь славят и кого проклинают новгородские попы.

После церемонии владыка вновь отправился в гости к Государю на Паозерье, где состоялся званый обед. Очевидно, великий князь каким-то образом ублажил владыку, который через четыре дня явился к нему с богатыми дарами. Впрочем, это могли быть и прощальные дары: новгородская эпопея подходила к концу.

Во вторник 17 февраля 1478 года Иван III рано утром выехал из Новгорода. До первого стана в Ямнах его проводил сам владыка Феофил, подаривший князю на прощанье бочку вина и породистого жеребца. Тут же суетились и гости помельче, принесшие Государю на дорогу свои скромные дары — мехи с вином и бочонки с хмельным медом. Всем им Иван III дал в Ямнах прощальный пир и отпустил обратно в Новгород.

В четверг 5 марта победитель возвратился домой. Пять месяцев назад Москву покинул великий князь Иван Васильевич. Теперь Москва встречала Государя.

Подводя итог всей новгородской кампании, летописец замечает: «А как и стал Великий Новгород и Русьская земля, таково изневоленье на них не бывало ни от котораго великаго князя, да ни от иного ни от кого» (18, 221). Кажется, уже современники ясно осознавали исторические последствия того небывалого «изневоления», в которое ввергнут был некогда гордый и независимый Великий Новгород. Прикрываясь рассуждениями о возврате к славной «старине», Москва решительно сокрушала всю старую политическую систему, возводя на ее месте новое, невиданное доселе здание, одновременно похожее на храм, крепость и тюрьму.

Отточенный в боях с татарами, московский меч провел черту под трехсотлетней историей той политической системы, которую можно определить как «демократию для аристократии». Падение Новгорода предопределило скорое исчезновение сходной системы во Пскове и на Вятке. Вектор российской истории отныне был направлен в сторону самодержавия.

Имелась ли у этого тяжкого пути какая-нибудь реальная историческая альтернатива? «Россия могла быть спасена (от

удельного хаоса и произвола татар. — *Н. Б.*) путем развития общинных учреждений или установлением самодержавной власти одного лица», — утверждал А. И. Герцен. Последнее вполне удалось. О возможности первого пути большинство историков отзываются скептически…

Впрочем, в 1478 году все еще только начиналось. На пути к российской монархии московским правителям предстояло еще много сражений с внешними и внутренними врагами. Им предстояло убить любовь к свободе — речь здесь идет, конечно, лишь о свободе политической, ибо свободу духовную, «тайную», русский народ не терял даже в самые свирепые времена — не только в окружающих, но и в самих себе. Им предстояло положить за истину, что Россия — не та страна, где можно соединить свободу с независимостью. Они должны будут уверить себя и других в том, что самодержавие стоит своей цены, что выбирая между внутренней свободой и независимостью от внешних сил, следует предпочесть независимость, так как в этом случае все же остается шанс со временем получить и свободу, тогда как при отсутствии независимости всякая свобода — не более чем оптический обман…

Несколько дней спустя в Москву по приказу Ивана III привезли в качестве трофея и вечевой колокол. Чуткое ухо новгородца различало его тревожный зов среди звонов всех других городских колоколов. Теперь, словно пойманная птица, мятежный колокол был помещен на соборную колокольню в московском Кремле. Отныне его медный гул возвещал лишь печальную библейскую истину: «Всему свое время, и время всякой вещи под небом…» (Еккл.3:1).

Ликвидация основных институтов боярской республики в результате похода Ивана III на Новгород зимой 1477/78 года еще не означала полной интеграции этого региона в систему Московского государства. Для того чтобы «переварить» столь крупный кусок, Москве понадобились многие годы.

Новгородские заботы не оставляли Ивана III и после возвращения в Москву. Весной 1478 года скоропостижно скончался только что назначенный новгородский наместник князь Иван Стрига Оболенский. Согласно его завещанию старый полководец был похоронен в суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре. Найти достойную замену умершему оказалось нелегко.

Между тем глухое брожение в Новгороде не прекращалось. Летописи скупо сообщают об этом. Новгородские дела оказались в тени двух других важных событий 1480 года — мятежа

удельных братьев Ивана III и «стояния на Угре». Известно только, что во вторник 26 октября 1479 года (в день памяти святого Дмитрия Солунского, покровителя воинов) «князь великы Иван Васильевич поиде к Новугороду Великому миром» (31, 326). Вместе с ним поехал и победитель новгородских ратей князь Данила Холмский (5, 13). В Москве, как обычно, остался наследник престола Иван Молодой.

(Многие уникальные подробности этого похода сохранились в «Истории Российской» В. Н. Татищева. По-видимому, Татищев взял их из какой-то не уцелевшей до наших дней летописи. Косвенные подтверждения достоверности его рассказа можно найти и в сохранившихся летописях.)

Путь до Новгорода на этот раз занял у Ивана III более месяца. Выехав из Москвы 26 октября, он вступил в Новгород только в четверг, 2 декабря (40, 76). На то были свои причины. Понимая, что приход великого князя сулит им новые казни и высылки, новгородцы пытались не пустить его в город. Ивану пришлось дожидаться подхода московских войск и артиллерии, а затем вести настоящую осаду крепости. Две недели он стоял лагерем в селе Бронница, расположенном верстах в 20-ти к востоку от Новгорода (50, 67). В ходе осады вновь сказали свое веское слово мощные московские пушки, огнем которых управлял Аристотель Фиораванти. «А ис пушек бияху безпрестанно, бе бо Аристотель искусен зело» (50, 67).

Перед лицом подавляющего военного превосходства москвичей горожане сдались и открыли ворота незваному гостю. Въехав в Новгород, великий князь со свитой разместился не на Городище, где издавна жили новгородские князья, и не в центре города, а на Славенском конце — восточной окраине города, на дворе некоего Евфимия Медведева (30, 197; 31, 326). Часть приведенных войск князь Иван отправил под началом воеводы Андрея Никитича Ногтя Оболенского против немцев, которые сильно разоряли тогда Псковскую землю. Тем временем государь провел неожиданные репрессии в самом городе. 9 января (по другим летописям — 19 января) за некую «крамолу» был арестован новгородский архиепископ Феофил (20, 197; 31, 326). Суть этой «крамолы» в сохранившихся летописях обрисована довольно расплывчато, при помощи традиционных формул «измены Государю»: «Не хотяше бо той владыка, чтобы Новъгород был за великим князем, но за королем или за иным государем» (30, 198). В качестве мотива «измены» названо недовольство владыки конфискацией Иваном III по договору 1478 года половины всех владычных и монастырских волостей и сел. По этой причине архиепископ питал к великому князю сильное

«нелюбие».

Очевидно, Иван III не имел никаких доказательств «измены» владыки Феофила, кроме сомнительных показаний, которые давали под пыткой истерзанные московскими палачами новгородцы. Да и самой «измены» в прямом смысле этого слова, скорее всего, не было. Действительно, у какого «государя» мог владыка просить помощи, когда единственный возможный «помощник» — король Казимир — уже вполне показал свое равнодушие к судьбе Новгорода?

Расправой с Феофилом великий князь хотел ликвидировать один из существенных пережитков вечевого строя — выборность архиепископа и его активное участие в общественно-политической жизни Новгорода. Возможно, владыка вступил в какой-то конфликт с московской администрацией в Новгороде или же каким-то образом препятствовал «черному переделу» в церковных вотчинах. Однако и без этого он едва ли сумел бы до конца удержаться на кафедре. Великому князю нужен был абсолютно свой человек в доме святой Софии. Немалую роль сыграло, наверное, и желание Ивана III заполучить богатства владычной казны. Взяв под стражу Феофила, великий князь «и казну его взя, множество злата и сребра и съсудов его» (30, 198).

24 января 1480 года архиепископ Феофил был отправлен в Москву. Насилие над епископом, согласно церковным канонам, считалось для любого правителя тяжелейшим грехом, за который он должен быть предан анафеме. Ивана это не остановило.

В Москве Феофил был брошен в темницу, где содержался в весьма тяжелых условиях. От него требовали публичного отречения от своего сана. Эта формальность необходима была для назначения нового новгородского архиепископа. Пленный владыка обладал крепким характером. Его стойкости хватило на два с половиной года (31, 326). Осенью 1482 года он сдался. Под 6991 годом (1 сентября 1482 — 31 августа 1483 года) летопись сообщает: «Того же лета остави, в заточении сидя, новугородский владыка Феофил епископьство нужею (принуждением. — *Н. Б.*) великого князя; и испусти его князь велики и повеле жити ему у Михайлова Чюда» (18, 235). Сохранилась «отписная грамота», в которой Феофил извещает митрополита Геронтия и епископский собор об оставлении им новгородской кафедры из-за «недостаточства своего ума» (45, 253).

Замена тюремного режима на монастырский стала, конечно, существенным облегчением для узника. Однако дни Феофила уже были сочтены. 26 октября 1482 года последний выборный владыка независимого Новгорода скончался.

Высылка Феофила являлась главным, но далеко не

единственным звеном в цепи тех карательных мер, которые Иван III осуществил в декабре 1479-го и январе 1480 года по отношению к новгородцам. Далее началось самое страшное. Предоставим слово В. Н. Татищеву.

«И того же дня повеле изымати по росписям 50 человек пусчих (главных. — *Н. Б.*) крамольников и пытати. Они же поведаша, еже и архиепископ с ними бысть заедин, но долго тое таиша… Генваря в 19 день повеле великий князь архиепископа поимати и послати к Москве, богатства же его многое в злате, сребре, бисерех и камени драгоценном взя все. Новогородцев больших крамольников более 100 казни и вся имения их взя. Инных же с 1000 семей детей боярских (мелких служилых людей. — *Н. Б.*) и купцов разосла по городам низовым в Володимере, Муроме, Нижнем, Переяславле, Юрьеве, Ростове, на Костроме и в инных городех; тамо даде им поместья. Много же купцов и черных людей, до 7000 семей, по городам на посады и в тюрьмы разосла и в Новгороде казни, а на их место жалова поместьями их детей боярских с инных же городов и многих холопей боярских, много же и купцов в Новгород переведе. И тако конечне укроти Великий Новгород» (50, 68).

(Уникальный рассказ В. Н. Татищева поставлен под сомнение одним из современных историков. По его мнению, «перед нами, конечно, характерная для Татищева „реконструкция“ фактов на основе широчейшего распространения известия, которое историк мог почерпнуть из Воскресенской летописи или Лицевого свода XVI века» (115, 157). Однако, по сути, единственным аргументом, выдвинутым против татищевских известий, является их уникальность.)

Кровавое колесо московского «правосудия» внезапно остановилось. Словно услышав вопли несчастных, в дело вмешалось Провидение. Скорый гонец из Москвы принес весть о мятеже удельных братьев великого князя — Андрея Большого Углицкого и Бориса Волоцкого. Это было событие, которого Иван давно ожидал и более всего опасался. Призраки Шемякиной смуты воскресли в его памяти. Не медля ни часа, он собрал людей и, оставив до времени новгородские застенки, погнал коней в Москву. «Перед великим заговеньем» (13 февраля) он был уже дома. Здесь его с нетерпением ждал перепуганный слухами о новой смуте московский люд. «…И ради быша вси людие; быша бо в страсе велице от братьи его, вси гради быша во осадах, и по лесом бегаючи мнози мерли от студени, без великого князя» (18, 222).

(Поход на Новгород зимой 1479/80 года сильно напоминал карательную экспедицию. О дальнейшем сопротивлении

московскому произволу не могло быть и речи. Однако поверженный Новгород сумел отомстить торжествовавшей Москве. «После поездки Ивана III в Новгород в 1479/80 году вместе с ним в Москву приехали два лидера новгородских еретиков — Денис и Алексей. Первый стал протопопом кафедрального Успенского собора, второй — священником придворного Архангельского» (81, 84). С этого времени новгородская ересь, прозванная современниками «ересью жидовствующих», стала быстро распространяться в столице. На долгие годы она превратилась в постоянную «головную боль» как для иерархов, так и для самого Ивана III. Множество москвичей разного чина и звания оказались вовлеченными в жаркие споры о вере. Известный борец с еретиками преподобный Иосиф Волоцкий с горечью писал: «Се ныне уже прииде отступление: отступиша убо мнози от православныя… веры и жидовствуют втайне. Иже преже ниже слухом слышася в нашей земли ересь отнели же восиа православна солнце, ныне и в домех, и на путех, и на тръжищих иноци и мирьстии и вси сомнятся, вси о вере пытают…» (39, 162). Ходили слухи, что совращенным в ересь оказался даже сам глава Русской Церкви митрополит Зосима (1490–1494). С огромным трудом московским духовным и светским властям удалось искоренить занесенную из Новгорода «беду» (39, 231).)

Решающая схватка с Большой ордой летом и осенью 1480 года отвлекла внимание Ивана III от Новгорода. Однако уже зимой 1480/81 года северо-запад напомнил о себе новой войной с Орденом. На помощь псковичам великий князь отправил не только московских воевод Ивана Васильевича Булгака и Ярослава Васильевича Оболенского (бывшего псковского наместника, известного своей жадностью и жестокостью), но и новгородское ополчение под началом обоих новгородских наместников — князя Василия Федоровича Шуйского и Ивана Зиновьева. В конце февраля объединенное московско-псковско-новгородское войско, численность которого превышала 20 тысяч воинов, вторглось в немецкие владения (юго-восточная часть современной Эстонии) и в течение месяца занималось их опустошением. Русские воины осадили главную резиденцию магистра Ливонского ордена — замок Феллин. Сам магистр бежал из крепости, а оставшиеся защитники сумели спасти свои жизни, предложив московским воеводам выкуп в 2 тысячи рублей. Ходили слухи, что эти деньги Иван Булгак и Ярослав Оболенский «втай взяша себе» (20, 213). Получив взятку, воеводы сняли осаду и отправились восвояси.

Несмотря на упущенную (или проданную мздоимцами-воеводами) победу над Феллином, война все же была успешной

для русских. Устрашенные столь масштабными военными действиями, рыцари начали переговоры о длительном мире, который и был заключен сроком на десять лет 1 сентября 1481 года (40, 79; 170, 121).

Под 6990 годом (1 сентября 1481 — 31 августа 1482 года), но без точной даты и без подробностей, летописи сообщают о новой волне арестов в Новгороде: «Того же лета поймал князь великы новогородских бояр, Василья Казимера, да брата его Короба, да Луку Федорова, да Михаила Берденева» (31, 329). Примечательно, что в том же 6990 году летописи отмечают резкое обострение московско-литовских отношений: «Того же лета король приела Богдана, прося Новагорода Великого и Лук Великих» (18, 234). Неясно, была ли несколько странная просьба Казимира причиной новгородских арестов или же их следствием. Однако не вызывает сомнений, что эти события каким-то образом связаны.

Князь Иван, разумеется, не отдал Казимиру ни Новгорода, ни Великих Лук. (Впрочем, король и просил, вероятно, не сами города, а какие-то доходные статьи, которые он по традиции имел здесь.) Еще одним проявлением вражды стал отказ короля пропустить через свои владения московское посольство, направлявшееся в Валахию (историческая область на юге Румынии, между Карпатами и Дунаем; в XV веке — феодальное княжество) с целью высватать дочь местного правителя Стефана — Елену за сына Ивана III — Ивана Молодого.

В ответ на эти действия со стороны короля Иван III подговорил крымского хана Менгли-Гирея совершить набег на Киев, входивший тогда в состав Великого княжества Литовского. 1 сентября 1482 года татары захватили древний город и страшно его разграбили, не пощадив и святыню православия — Киево-Печерский монастырь (41, 62). В знак любезности (а может быть, и тонкой насмешки) хан прислал Ивану церковную утварь, похищенную татарами из киевского Софийского собора.

Союз Москвы с татарами издавна был отдаленной угрозой для Запада. Теперь он становился реальностью. Устрашенный Казимир поспешил восстановить добрые отношения с Иваном III. Зимой 1482/83 года московское посольство, возвращавшееся из Валахии с невестой для Ивана Молодого, получило разрешение проследовать через королевские владения. Казимир от себя лично прислал дары невесте наследника московского престола (18, 234–235). Ни о каком вмешательстве в новгородские дела король, разумеется, уже не помышлял.

В 1483 году новгородская проблема повернулась новой гранью. На смену низложенному Феофилу необходимо было поставить верного Москве человека. Менялась и сама процедура

избрания. Вместо прежнего обсуждения кандидатур на новгородском вече все решалось в тихих великокняжеских покоях на Боровицком холме. Наметив возможные кандидатуры, Иван III повелел тогдашнему митрополиту Геронтию созвать несколько епископов для совершения жеребьевки и самого обряда рукоположения. 17 июня 1483 года в присутствии самого Ивана III, его сына Ивана Молодого, митрополита Геронтия, а также ростовского архиепископа Иоасафа, епископов Симеона Рязанского, Герасима Коломенского, Прохора Сарского (бывшего Сарайского) состоялась традиционная для избрания новгородских владык жеребьевка. (Трудно сказать, было ли это простой формальностью или же выбор одного из трех кандидатов действительно возложили «на волю Божию».) На престоле Успенского собора московского Кремля были положены жребии с именами Елисея, архимандрита кремлевского Спасского монастыря, Геннадия, архимандрита кремлевского Чудова монастыря, и Сергия, старца Троице-Сергиева монастыря, а в прошлом «протопопа Богородицкого» — главы всего причта московского Успенского собора. Жребий стать новгородским владыкой выпал последнему (31, 330). Сама церемония возведения Сергия на новгородскую кафедру состоялась в четверг 4 сентября 1483 года.

Присланный из Москвы владыка должен был сыграть в Новгороде довольно двусмысленную роль: Иван III втайне готовил новую волну репрессий против новгородской знати. Внешне ничто не предвещало беды. В 1483 году послушные воле государя новгородские бояре ездили в Ругодив (Нарву) на переговоры с немцами и заключили с ними мир на двадцать лет (20, 215). Казалось, дело идет к миру и порядку в покоренном крае. Однако уже зимой 1483/84 года грянули расправы. Официальная московская летопись лаконично сообщает: «Тое же зимы поймал князь великы болших бояр новогородскых и боярынь, и казны их и села все велел отписати на себя, а им подавал поместья на Москве под городом, а иных бояр, которые коромолу дръжали от него, тех велел заточити в тюрмы по городом» (31, 330).

Летописец сообщает драматические подробности этой волны репрессий: «Тое же зимы прииде великому князю обговор на новугородцы от самих же новугородцов, яко посылалися братья их новугородцы в Литву к королю. Князь великий посла и пойма их всех болших и житьих людей, человек с тритцать, и домы их повеле разграбити. И повеле их мучити на Иванове дворе Товаркова Гречновику подьячему, а домучиватися у них того обговору, чем их обговорили; они же не сказаша. Князь же

великый хоте их перевешати, и они же при концы начаша прощатися друг с другом, яко „клепалися есмя межи собою (ложно обвиняли друг друга. — *Н. Б.*), егда мучиша нас“. Слышав же то князь великый, повеле оковав в тюрму вметати их, а жены их и дети послал в заточение. Ту же (тогда же. — *Н. Б.*) и Настасью славную богатую поймав разграби, и Ивана Кузьмина пойма, что был у короля в Литве, — а збежал, коли князь великый Новъгород взял, с тритцатью слуг своих; и король его не пожаловал, и люди отстали от него, и он сам третей (с двумя спутниками. — *Н. Б.*) прибежал на свою вотчину в Новгород, и князь великый велел его поймать, и дом его пограбить. И пограбиша их всех, и много имениа взять безчислено» (27, 350).

Вновь плач и стенания огласили улицы многострадального города. Вновь по мертвым зимним равнинам потянулся скорбный караван осужденных. Можно представить, как тяжело было им бросать свои обжитые усадьбы, оставлять Бог весть кому с умом и любовью обустроенные вотчины. Что ждало их впереди? Скудная жизнь среди враждебного им московского народа… Тюремные крысы и решетки на окнах… И долгожданный вечный покой в чужой земле среди чужих могил.

Летописи не сообщают о том, какую роль в драматических событиях зимы 1483/84 года сыграл присланный в Новгород из Москвы архиепископ Сергий. Однако странная история с его отставкой заставляет думать, что он был активным участником борьбы, напряжение которой превысило его меру. В 1484 году «… месяца июня 26 (по другим летописям, это произошло 27 июня. — *Н. Б.*) архиепископ новогородскыи Сергеи остави архиепископью и прииде ко Троице в Сергеев манастырь во свое пострижение, поне же бе почал непомогатися» (31, 330).

Согласно этому официальному сообщению причиной отставки Сергия стало «резкое ухудшение состояния здоровья». Однако, вернувшись в свой родной монастырь, Сергий прожил там на покое до 1504 года. Таким образом, пошатнувшегося здоровья ему хватило еще на двадцать лет. И тем не менее здесь нет противоречия: болезнь владыки имела своеобразный характер…

Некоторые подробности злоключений первого новгородского владыки московского происхождения сообщает другой летописец:

«Того же году остави владыка Семион (Сергий. — *Н. Б.*) в Новегороде архиепискупью, — болен бе, занеже не хотяху новугородцы покоритися ему, что не по их он мысли ходить: не смеяше бо, понеже князь великый посла боярина своего с ним, и казначеа, и диака; они же отнята у него ум волшебьством, глаголаша: Иоанъ чюдотворец, что на бесе ездил, тот створи ему»

(27, 351).

(Новгородский архиепископ Иоанн (умер 7 сентября 1186 года) — любимый герой новгородского фольклора. Рассказывали, что однажды ему удалось оседлать беса, который, приняв образ черного коня, отнес владыку в храм Воскресения Христова в Иерусалиме. При этом владыке состоялось знаменитое нашествие суздальцев на Новгород, которое было отражено благодаря чуду от иконы Божией Матери Знамение. С тех пор владыка стал почитаться как небесный защитник Новгорода от нападения со стороны «Низовской земли». Мощи святителя Иоанна были обретены в 1439 году при архиепископе Евфимии II (1434–1458). Понятно, что именно его новгородцы избрали в качестве «мстителя» спесивому москвичу.)

Московские летописцы по понятным причинам не углублялись в неприятную историю с отставкой архиепископа Сергия. «Новгородские же и псковские летописцы рассказывают, будто бы Сергий стал притеснять игуменов и священников, ввел новые пошлины, будто бы, заехав на дороге в Сковородский Михайловский монастырь, от гордости, потому что приехал из Москвы к гражданам плененным, не захотел вскрыть гроб похороненного тут новгородского владыки Моисея и будто бы с этих пор нашло на него изумление: иногда видали, как он сидел на Евфимьевской паперти в одной ряске без мантии, а иногда видали его в полдень сидящим в том же виде у святой Софии. По другому рассказу, новгородские владыки начали являться Сергию то во сне, то наяву с укором, как он смел принять святительское поставление при жизни своего предшественника, не уличенного в ереси, но изгнанного неправдою; когда же он презрел этими укорами, то невидимая сила поразила его и на некоторое время лишила употребления языка» (146, С.33).

Разоряя новгородцев, князь Иван не желал разорить Новгород. В его голове уже зрели планы широкого наступления в Прибалтике, которое должно было расчистить пути для приморской и заморской торговли русских купцов. Точкой опоры в этих замыслах, отчасти предвосхищавших мечты Петра Великого, должен был стать все тот же Новгород. Прежде всего следовало укрепить его военный потенциал. Этим великий князь занялся уже летом 1484 года. «Того же лета повелением великого князя Ивана Васильевича начаша здати (созидать. — *Н. Б.*) в Великом Новегороде град камен детинец по старой основе, на Софеискои стороне» (38, 163). Прежние укрепления Новгорода, возведенные еще во времена Ивана Калиты и знаменитого новгородского владыки Василия Калики (1331–1352), давно обветшали и к тому же были, вероятно, сильно повреждены

московской артиллерией во время осады города зимой 1477/78 и зимой 1479/80 года. Новые стены представляли собой грозную цитадель. О завершении этого строительства летопись сообщает под 7000 годом: «Тое же осени (осень 1491 года. — *Н. Б.*) в Новегороде в Великом съвръшиша град камен детинец и мосты нарядиша» (31, 333). В 1502 году городские укрепления были дополнены деревянной стеной вокруг всего города.

В воскресенье 12 декабря 1484 года на новгородскую кафедру в Москве был поставлен новый владыка — архимандрит Чудова монастыря в московском Кремле Геннадий Гонзов. Это был опытный в дворцовых интригах, честолюбивый и властный иерарх. Подобно многим выдающимся деятелям того времени, он был жесток и не чужд корыстолюбия. Убежденный сторонник московского дела, новый владыка оказался и яростным защитником православия. С его приходом острая социально-политическая борьба в Новгороде приобрела и религиозный аспект: новый владыка начал непримиримую борьбу против еретиков, которые давно уже развернули здесь свою пропаганду. Геннадий занимал новгородскую кафедру до своей вынужденной отставки в июне 1504 года.

Следующий удар по Новгороду был нанесен в 6995 году (1 сентября 1486 — 31 августа 1487 года). «Того же лета князь великий перевел из Великаго Новагорода в Володимерь лучших гостей (купцов. — *Н. Б.*) новогородских пят-десят семей» (20, 219). Подробности этой акции не сообщаются.

Зимой 1487/88 года действия архиепископа Геннадия против еретиков совпали с новыми гонениями на недовольных московской администрацией в Новгороде. Еретиков схватили и увезли под стражей в Москву, где били кнутом на Торговой площади, а потом отправили обратно в Новгород. Тяжелее пришлось остальным пострадавшим. «Тое же зимы посла князь великий, и привели из Новагорода боле седми тысящ житих людей на Москву, занеже хотели убити Якова Захарича, наместника новгородцкого; и иных думцев (соучастников. — *Н. Б.*) много Яков пересече и перевешал» (30, 237). Цифры понесших наказание поражают воображение. Если учесть, что все население Новгорода составляло в ту пору 30–40 тысяч человек, можно только удивляться, что в городе после таких массовых «выводов» все еще оставалось какое-то население. Вместе с тем становится ясным, что речь идет вовсе не о заговоре (ибо трудно представить себе заговор, в котором участвуют 7 тысяч человек), а о своего рода «переселенческой политике», преследовавшей определенные социально-политические и экономические цели. Кроме того, под «новгородцами» московский летописец, возможно, подразумевал

не только собственно новгородцев, но и жителей других городов Новгородской земли.

Новая волна переселений поднялась зимой 1489/90 года. (Возможно, правда, что летопиеь под 1489/90 годом дает в ином виде сообщение о репрессиях зимы 1487/88 года (81, 78).) Иван III распорядился вновь вывести из Новгорода неназванное количество зажиточных горожан («житьих людей») «обговору деля (из-за наговора. — *Н. Б.*), что наместники и волостели их продавали и кои на них продаж взыщут, ини боронятця (оправдываются. — *Н. Б.*) тем, что, рекши, их думали убити. А князь великий москвич и иных городов людей посылает в Новгород на житие, а их (новгородцев. — *Н. Б.*) выводит по инным городом, а многих пересечи велел на Москве, что думали Юрья Захарьича убити» (30, 237).

Массовые переселения людей вели к полному искоренению новгородского образа жизни и прежней системы земельной собственности.

В 1499–1500 годах «поймал князь великой в Новегороде вотчины церковные, и роздал детем боярским в поместье, монастырьские и церковные, по благословению Симона митрополита» (41, 252). Эта решительная акция явилась частью того наступления на церковное землевладение, которое Иван III предпринял в последние годы своего правления. Несомненно, она сопровождалась новой волной переселений. Проводимая в эти годы новая перепись земель в Новгороде «должна была подвести итог земельной реформе» (81, 79).

Трудно представить себе ту вакханалию жестокости, произвола и мздоимства, которая царила тогда в отданном на откуп московским наместникам Новгороде…

Совершенно ясно, что большинство казненных, заточенных и высланных новгородцев страдали безвинно. Новгородская «крамола» (подлинные масштабы которой многократно преувеличены московскими летописцами) была лишь поводом для задуманного Иваном III «великого перелома» в поземельных отношениях. Главной целью Государя было принудительное насаждение поместного землевладения. В отличие от вотчин (наследственной крупной земельной собственности), поместья носили условный характер и давались временно, на условиях службы верховному собственнику земли — великому князю Московскому. Обладатель поместья жил за счет поборов и платежей своих крестьян. Размеры поместий как правило не превышали «прожиточного минимума». Доходы помещика должны были обеспечить ему возможность исправно нести

военную службу, то есть каждую весну являться на смотр «людно, конно и оружно»: имея при себе несколько слуг, верховых лошадей, определенный набор доспехов и оружия. Прошедшие смотр дворяне направлялись в полки, где находились все лето и начало осени. На зиму помещики возвращались по домам. Никакого регулярного жалованья за свою службу они не получали. Поместье и было особой формой жалованья для этой категории воинов, а также всякого рода мелких служилых людей.

Быстрое развитие поместного землевладения позволяло Ивану III увеличить армию, сделать ее более дисциплинированной и боеспособной. Прежняя система комплектации войска из самых разнородных элементов (княжеских дружин, боярских полков, городских ополчений) порождала анархию и неразбериху. Наряду с широким использованием отрядов служилых татарских «царевичей» создание дворянской конницы открывало путь к немыслимым доселе военным предприятиям.

Существовал и политический аспект поместной системы. Получая свои поместья от верховной власти, дворяне становились ее естественными приверженцами. Их политические симпатии неизменно были на стороне «кормильца» — великого князя. Сама незначительность их поместья, его условный характер воспитывали их в духе смирения и послушания. Вместе с тем они с удовлетворением воспринимали любые расправы Государя с вотчинниками-боярами, богатство и гордость которых вызывали у бедных дворян понятное негодование. Короче говоря, дворяне во многом напоминали те плоские и укладистые кирпичи, из которых итальянец Аристотель Фиораванти изготовил прочные своды московского Успенского собора.

Главным препятствием на пути распространения поместного землевладения было отсутствие свободных земель, населенных крестьянами и пригодных для раздачи в качестве поместий. Несмотря на огромную территорию, которую занимала Московская Русь, общая площадь пашенных угодий оставалась весьма незначительной. Ее расширению препятствовали самые различные факторы: обилие лесов и болот, низкое качество почвы и суровый климат на севере и в центре страны, постоянная опасность татарских набегов в южных районах, наконец — низкая плотность населения, «съедаемого» постоянными неурожаями, войнами, усобицами и эпидемиями. Все области, имевшие значительное население и развитое земледелие, давно уже были обращены в вотчины князей, бояр и церкви. Существовал и обширный массив «черных» земель, жители которых платили подати непосредственно государству в лице великого князя.

Раздавать эти земли в качестве поместий Государь не хотел, так как в этом случае пострадали бы интересы казны, а в конечном счете — и его собственные.

В итоге для развития поместного землевладения необходимо было либо отвоевать пригодные для раздачи в поместья земли у соседних государств и поменять в них весь состав правящего класса, заменив «чужих» на «своих», — либо под предлогом «крамолы» конфисковать вотчины у некоторой части великорусской аристократии, а затем раздробить их на поместья и раздать дворянам. Первый путь, с точки зрения внутренних отношений, был более спокойным. Иван III сделал целый ряд шагов по этому пути. Однако военный потенциал Московской Руси пока еще не позволял добиться быстрого и однозначного успеха, а затяжные войны с сомнительным результатом пагубно сказывались на экономике страны.

Второй путь не требовал такого напряжения сил, как внешние войны. Но здесь нельзя было обойтись без развитого репрессивного аппарата, без риска гражданской войны. К тому же аристократия Северо-Восточной Руси представляла своего рода клубок тесно переплетенных родственных и дружеских связей. Репрессии против одного клана вызвали бы возмущение многих других. А там недалеко уже было и до дворцового переворота в пользу всегда готовых вступить в игру младших отпрысков правящего дома. И все же Иван III не мог упустить этой соблазнительной, хотя и рискованной возможности. Острая потребность в свободных землях для раздачи в поместья толкала его на этот путь.

Просчитывая возможные варианты гонений на аристократию, князь Иван естественным образом остановил свой выбор на Новгороде. Новгородское общество в генеалогическом отношении было довольно слабо связано с боярскими кланами Северо-Восточной Руси. Оно раздиралось внутренними противоречиями, которые Иван умело разжигал. В «Низовскои земле» новгородцев издавна недолюбливали: завидовали их достатку, возмущались их самоуверенностью и развитым чувством собственного достоинства. К тому же те новгородцы, которых знали в средней Руси, были в основном люди торговые, наделенные всеми пороками этого рода людей.

Учитывая все это, князь Иван надеялся, что поэтапное «раскулачивание» новгородской знати не вызовет особого сопротивления с ее стороны, не встретит возражений со стороны московской аристократии и будет с энтузиазмом воспринято простонародьем. На всякий случай Иван поначалу стал наделять новгородскими землями московских бояр. Однако это была лишь

временная мера. Когда ситуация устоялась, Иван отобрал эти новые вотчины и пустил их в поместную раздачу (143, 72). При этом он по обыкновению действовал методом Аристотелева «барана» — удар, затем пауза, потом новый, более сильный удар. Первый мощный удар (конфискации 1478 года) был направлен на новгородское духовенство, точнее, на экономическую опору его могущества — обширные вотчины и промысловые угодья. Это вполне объяснимо. С одной стороны, архиепископская кафедра являлась главным организующим, консолидирующим началом новгородского общества. Те же функции, хотя и в локальных масштабах, исполняли и монастыри. С другой стороны, удар по духовенству как бы смягчался тем обстоятельством, что речь шла не об индивидуальной, а о корпоративной собственности. Церковные вотчины принадлежали различным церковным институтам, но никто из конкретных лиц не мог назвать их своими.

Ликвидацией вечевого строя и переходом к наместничьему управлению был переломлен хребет новгородской государственности; резкое ослабление могущества церковных институтов и установление над ними политического контроля повлекли за собой деструктуризацию всего новгородского общества. Из стройной, веками складывавшейся системы оно превратилось в простую совокупность разнородных элементов, которые Иван III мог тасовать по своему усмотрению.

Московские репрессии в Новгороде раскручивались по определенному, тщательно продуманному сценарию. Сначала была срезана та часть высшей аристократии, которая проявляла открытую враждебность по отношению к Москве. Этих людей уничтожали как политических противников, но при этом использовали в своих интересах и конфискованное у них движимое и недвижимое имущество. (Возможно, какая-то часть этого имущества была роздана местным сторонникам Москвы или просто городской бедноте, для которой переход на положение помещиков был блестящей перспективой. Таким образом поощрялись, конечно, в первую очередь доносчики, своими жалобами инициировавшие судебные процессы над наиболее опасными для Москвы боярскими кланами в 1475–1476 годах. Не здесь ли кроется причина того массового паломничества в Москву «униженных и оскорбленных» новгородцев, которое имело место в эти годы?)

Вторая волна репрессий была направлена против той части местной знати, которая никоим образом не была замешана в литовских интригах. Вся вина этих людей заключалась в их богатстве. Государю нужны были их земли и их деньги. Ну а

поводы для расправы, разумеется, всегда можно было найти в отравленном ядом зависти и доносительства новгородском обществе.

Прибрав к рукам собственность новгородцев, князь Иван как бережливый хозяин решил пустить в дело и их самих. Ведь он испытывал недостаток не только в землях, пригодных для поместной раздачи, но и в самих кандидатах на роль помещиков. Все люди, равно как и все земли, давно уже были «при деле». Ломать сложившуюся систему в Северо-Восточной Руси было хлопотно и опасно. В этом Иван смог наглядно убедиться, когда около 1483 года в ответ на роспуск некоторых боярских «дворов» (возможно, с целью использовать бывших боярских боевых холопов в качестве помещиков) он натолкнулся на резкое недовольство таких виднейших представителей московской знати, как братья Василий и Иван Тучко Морозовы, и вынужден был вскоре прибегнуть к арестам (82, 239). Но такими мерами увлекаться не следовало. Проще было черпать новых помещиков не из боярской челяди, а из взбаламученного новгородского моря. Именно этим и нужно объяснять третью волну новгородских репрессий, направленную против средних слоев городского населения — «житьих людей». Тысячи этих бедолаг были согнаны со своих насиженных мест и отправлены в принудительном порядке на юг, в московские земли. Те из них, кому больше повезло, получили поместья; другие пополнили собою население городов-крепостей по Оке, где почти каждый житель был одновременно и воином-пограничником.

Черпая в Новгороде материальные и человеческие ресурсы для своих военно-политических нужд, Иван III не хотел, однако, полностью истощать весь потенциал великого города, превращать его в безлюдное пепелище. Напротив, он предполагал сделать город главной базой московской военной и торговой экспансии в Прибалтике. Значительная часть торгово-ремесленного населения Новгорода осталась на месте и даже — благодаря активной наступательной политике Ивана в Прибалтике — получила новые возможности для развития своей предпринимательской деятельности.

Воспитанные суровыми реалиями монголо-татарского ига, московские князья, как никто, умели выжимать из своих подданных все соки, не доводя их при этом до полного вымираниН.Более того, они умели заставить людей работать, — людей, переживших катастрофу и потерявших веру в себя; людей, склонных к беспробудному пьянству и самоуничтожению. Унаследовав этот уникальный опыт пяти поколений Даниловичей, Иван III блестяще применил его в новгородском

деле. Он отнял у Новгорода и бросил в кипящий котел московской государственности все, кроме одного — возможности начать все заново. И новгородцы (среди которых значительную часть составляли теперь переселенцы из Северо-Восточной Руси, создававшие здоровую конкуренцию для старожилов) воспользовались этой возможностью.

Перевернув последнюю страницу в летописи Господина Великого Новгорода, испытываешь какую-то непонятную грусть. Кажется, что вместе с этим причудливым сообществом из русской истории уходит нечто важное, необходимое для полноты жизни. Исчезает, так и не развившись в полной мере, особый способ существования людей. Привыкшие к обычному выбору между самодержавием и хаосом, мы как-то теряемся перед обществом, которое не являлось ни тем, ни другим…

Конец Новгородской боярской республики не стал концом Новгорода. Город перестал быть уникальной столицей бескрайней лесной империи, но стал важнейшим элементом в системе Московского государства. Эту позднейшую историю Новгорода четко охарактеризовал М. Н. Тихомиров.

«…Присоединение Великого Новгорода к России отнюдь не привело к падению его экономического значения. Наоборот, после присоединения к Российскому государству Новгород поднялся на новую, высшую ступень своего экономического развития…

В специальных работах по истории присоединение Новгорода к Российскому государству, присяга новгородцев Ивану III и увоз вечевого колокола в Москву представляются обычно решительным концом новгородской самостоятельности. Однако было бы неправильным представлять дело так, будто Новгород сделался рядовым городом Российского государства, отличаясь от других городов только большим богатством и многолюдством. Правда, в Новгороде сидели и правили великокняжеские наместники, но некоторые остатки прежней новгородской вольности сохранялись еще очень долго…

В Новгороде XVI века мы найдем традиционное деление города на концы. О пятиконецких старостах, как представителях населения, известно из документов конца XVI века. Существовали также купецкие старосты…

Длительное время сохранялось и представление о существовании особого Новгородского государства. Русские цари XVI века, согласно официальным документам, садились на все российские „государства“, в том числе и на Новгородское. В дипломатической практике XVI века сохранялся обычай вести переговоры со шведскими королями при посредстве новгородских

властей…

Даже после „государева разгрома“, то есть после похода Ивана Грозного 1570 года, Новгород еще жил полнокровной экономической жизнью. Конечно, ужасы „государева разгрома“ не были забыты, их жестокие следы остались в городе, но его экономика была только нарушена, а не подавлена в корне. Дальнейшее падение экономического значения Новгорода было связано не столько с событиями 1570 года, сколько с потерей Россией выхода к Балтийскому морю. Разорение посадского населения в 1570 году не могло быть полностью ликвидировано в условиях Ливонской войны, а потеря выхода к морю жестоко ударила по новгородской торговле. Поэтому 1570 год все-таки стал переломной датой в истории Новгорода XVI века, после которой намечается постепенное падение его экономического и культурного значения» (149, 310–311).

Слава Великого Новгорода как столицы русского Севера отошла в область истории. Однако новгородский «взнос» в фонд создания единого Русского государства оказался решающим. С падением Новгорода Москва стала расти с необыкновенной быстротой.

ГЛАВА 7 Собор

Если подданные считают правителя человеком богобоязненным и усердным в делах культа, они менее будут опасаться потерпеть от него что-либо беззаконное и реже станут злоумышлять против него, так как он имеет союзниками богов.

Аристотель

И было слово Господа к Соломону, и сказано ему: вот, ты строишь храм; если ты будешь ходить по уставам Моим, и поступать по определениям Моим, и соблюдать все заповеди Мои, поступая по ним, то Я исполню на тебе слово Мое, которое Я сказал Давиду, отцу твоему, и буду жить среди сынов Израилевых, и не оставлю народа Моего Израиля.

(3.Цар. 6:12)

В средневековой Руси политика часто окрашивалась религией, а религия — политикой. Любое важное событие облекалось в ткань церковного ритуала. Храмы служили памятниками деяниям правителей. Не могло остаться без воплощения в камне и такое важное, провиденциальное событие, как создание единого Российского государства. Главным памятником ему стал величественный Успенский собор московского Кремля. Драматическая история его строительства как в капле воды отразила многие противоречия эпохи пробуждения России.

Собор был сердцем древнерусского города, символом местного патриотизма. Он воплощал единение правителя и подданных, бедняков и богачей в их общей молитве ко Всевышнему. Им гордились перед чужеземцами. Его наряжали, как любимое дитя. В нем собирались по торжественным случаям всем городом. Здесь находились могилы древних князей и

епископов. При соборе хранились важные документы и велись летописи. В дни восстаний и смут на площади перед собором собиралась кипящая гневом толпа. Случалось, собор становился последним прибежищем перед лицом ворвавшегося в город неприятеля.

Сердцем Москвы был белокаменный Успенский собор, построенный в 1325–1327 годах Иваном Калитой по благословению святого митрополита Петра. Бурная история Москвы — мятежи, нашествия татар и литовцев, а главное, бесчисленные пожары — тяжело сказалась на некогда стройном и белоснежном красавце. Ко времени Ивана III он врос в землю, почернел, покрылся морщинами трещин, оброс какими-то безобразными пристройками и подпорками. Разговоры о необходимости его обновления велись давно. Первым, кто решил от слов перейти к делу, оказался митрополит Филипп (1464–1473). Однако столь важное дело не обошлось, конечно, и без участия великого князя Ивана. Более того, именно он впоследствии и стал подлинным создателем собора.

Подобно дереву, растущему из земли, новый собор вырос из своего времени, из веры и разума, из радостей и горестей всех причастных к его созданию людей. И первое слово здесь следует сказать о митрополите Филиппе.

Будущий строитель собора взошел на кафедру в ноябре 1464 года. До этого он не менее десяти лет был суздальским владыкой. О его происхождении и взглядах на мир ничего не известно. Однако сообщается, что Филиппа рекомендовал на кафедру его предшественник Феодосии Бывальцев (73, 532). Эта протекция кое-что проясняет. Идеалист и ревнитель благочестия, Феодосии, разумеется, мог ходатайствовать лишь за человека близких с ним взглядов. Обжегшись с Феодосием, который своей бескомпромиссной принципиальностью восстановил против себя и духовенство, и мирян, великий князь, однако, не стал возражать против его выдвиженца. Ему нужен был на кафедре стойкий защитник православия, способный энергично противостоять происках литовского митрополита-униата Григория. Похоже, что Иван тогда еще не понял до конца печальной истины: как правитель он был более заинтересован в архипастыре нерадивом, но покладистом, нежели в ревностном, но своенравном.

Впрочем, в тех вопросах, где интересы митрополичьей кафедры совпадали с интересами великого князя, Филипп был верным союзником Ивана III. Прежде всего это касалось московско-новгородских отношений. Здесь многое зависело от позиции новгородского владыки. Филипп старался поддерживать дружбу с архиепископом Ионой. В апреле 1467 года по его

просьбе он отправил в Новгород грозное послание против тех мирян, которые осмеливались посягать на церковные земли. В середине 60-х годов XV века Филипп встал на сторону Ионы в его споре с псковичами. Позднее митрополит яростно обличал новгородцев за интерес к литовскому «латинству», сокровенной причиной которого было усиление политического давления на Новгород со стороны великого князя Московского.

Всецело поддержал Филипп и другое направление деятельности Ивана III — наступление на Казанское ханство. Сохранилось его послание к великому князю, написанное в начале первой большой войны Ивана с Казанью — осенью 1467 года. В нем он сулит мученический венец всем, кто прольет свою кровь «за святыя Божиа церкви и за православное хрестияньство» (44, 180). Тогда же Филипп отправил послание к тверскому епископу Геннадию, призывая владыку убедить князя Михаила Тверского прислать войска для участия в войне с Казанью. Вновь святитель говорит об особом значении этой войны и о том, что все погибшие на ней «яко прежний великомученицы Христови будут и венец мучения восприимуть от Христа» (44, 184). Оба эти послания дышат искренним воодушевлением. Пламень духовного подвига ярко разгорелся в душе святителя Филиппа. Люди такого склада имеют сильное влияние на окружающих. Но они очень не любят компромиссов и сделок со своей совестью. Поэтому им всегда бывает трудно находить общий язык с правителями.

Борьба с литовским митрополитом-униатом Григорием отчеканила характер митрополита. Настроив себя и свое окружение на непримиримую борьбу со всем, что хотя бы отдаленно напоминало о «латинстве», Филипп уже не мог остановиться. Двоедушие оказалось ему не под силу. И когда в конце 60-х годов овдовевший великий князь задумал вдруг жениться на жившей в Риме и слывшей католичкой греческой принцессе Софье Палеолог, Филипп бросил на весы весь свой авторитет, чтобы предотвратить этот преступный, с его точки зрения, брачный союз. Но здесь необходим небольшой исторический экскурс…

Внезапная кончина первой жены Ивана III, княгини Марии Борисовны, 22 апреля 1467 года заставила 27-летнего великого князя Московского задуматься о новой женитьбе. Одни историки полагают, что замысел «римско-византийского» брачного союза родился в Риме, другие отдают предпочтение Москве, третьи — Вильно или Кракову (161, 178). Деятельными исполнителями проекта (а может быть, и его изобретателями) выступили жившие в Москве (или часто бывавшие здесь по делам) итальянцы — братья Джан Баггисте делла Вольпе («Иван Фрязин, московский

денежник» русских летописей) и Карло делла Вольпе. В переговоры были вовлечены и племянники братьев Вольпе — Антонио и Николо Джислярди (161, 180).

Источникам известен первый плод матримониального замысла: в субботу 11 февраля 1469 года, когда Москва пропивала последние деньки разгульной православной Масленицы, в город въехал посол из далекого Рима — грек Юрий Траханиот. С ним прибыли и два итальянца, родственники Ивана Фрязина — Карло делла Вольпе и Антонио Джислярди. Так в темную компанию итальянских бродяг и авантюристов вливаются свежие силы — утративший родину, но сохранивший вкус к жизни хитроумный византиец.

После завоевания Константинополя турками в 1453 году многие из греков — в основном люди образованные и состоятельные, знакомые с миром и имевшие широкие связи — не пожелали оставаться на родине. Они разъехались по всей Европе. Природная предприимчивость в сочетании с изощренным и несколько циничным складом ума предопределила историческую миссию этих поздневизантийских интеллектуалов. Они стали закваской для всякого рода смелых проектов. С их помощью Рим надеялся исполнить давнее желание — распространить свое влияние на православную Русь. Кажется, именно греки внушили папе Павлу II (1464–1471) фантастическую идею о том, что, женившись на византийской принцессе, московский великий князь станет претендовать на низвергнутый турками византийский трон и в связи с этим начнет войну с Османской империей. Правители североитальянских городов (Милана, Венеции), не менее папы очарованные разглагольствованиями греков, также поверили в возможность использовать далекую и загадочную Московию как могучего союзника в борьбе с Османской империей. Гораздо лучше итальянцев знакомые с ситуацией в Восточной Европе вообще и Московии в частности, греки едва ли верили в свои собственные проекты. Но при этом они, конечно, не забывали пожинать обильные плоды, взращенные на ниве их фантазий.

Небольшая колония греков издавна существовала в Москве. Она состояла в основном из купцов, дипломатов и духовных лиц. С падением Византии греческая колония увеличилась за счет беженцев. Конечно, здешние условия жизни были весьма далеки от византийских. Греки страдали от морозов, от недостатка культурного общения и враждебности местного населения. Русские издавна привыкли смотреть на них со смешанным чувством зависти и презрения. В отличие от большинства русских, у греков всегда водились деньги. Они умели устраивать

свои дела и помогать друг другу. Прокладывая свой путь в чуждой, а порой и враждебной окружающей среде, греки должны были стать изворотливыми и не слишком щепетильными в выборе средств. И потому русские не без основания считали их льстивыми, коварными, склонными к предательству. В то же время нельзя было не признать культурного превосходства «ромеев», засвидетельствованного самой историей «крещения Руси».

Московские князья ценили разнообразные способности греков. Наряду с выходцами из южнославянских стран они составляли высший слой московской культурной элиты. Нужда в их услугах возрастала по мере роста Московского княжества, развития его внутренней структуры и внешних связей. Известно, что Василий Темный имел у себя на службе греков Ралевых, один из которых, Николай, весной 1461 года был в Милане в качестве посла от «деспота России» (161, 176). Однако «звездный час» для греков на Руси настал с осуществлением «римско-византийского» матримониального проекта…

Биография Софьи (в Риме ее называли Зоей) Палеолог достаточно причудлива. «Племянница последнего и предпоследнего императоров Константина XI и Иоанна VIII, дочь морейского деспота Фомы Палеолога (Морея — область в центральной части полуострова Пелопоннес. — *Н. Б.*) и племянница другого — Дмитрия Палеолога — деспина Зоя никогда в Константинополе не жила. Фома Палеолог бежал из Морей на остров Корфу, куда он привез и высоко почитавшуюся в Морее святыню — голову Андрея Первозванного. Зоя (родилась или в 1449 году, или около 1443 года) провела детство в Морее, ее настоящей родине (ибо и мать ее Екатерина была дочерью морейского князя Захария III), и на острове Корфу. В Рим 16- или 22-летняя Зоя Палеолог с братьями Андреем и Мануилом приехала после смерти отца в конце мая 1465 года. Зоя считалась в Риме католичкой. Палеологи поступили под покровительство кардинала Виссариона, который до Флорентийского собора был никейским митрополитом, но, приняв унию, остался в Риме, а после смерти последнего константинопольского патриарха Исидора в 1462 году получил это звание. (Речь идет о константинопольских патриархах-униатах, живших в Италии под покровительством папской курии. — *Н. Б.*) Виссарион до своей смерти в ноябре 1472 года в Равенне сохранил симпатии к грекам. Константинопольский патриарх и кардинал Виссарион пытался возобновить унию с Русью с помощью бракосочетания. Не исключено, что Виссарион надеялся на участие Руси в крестовом походе против османов, который он стремился

организовать в 1468–1471 годах» (161, 177–178).

Прибывший в Москву из Италии 11 февраля 1469 года Юрий Грек (Юрий Траханиот) привез Ивану III некий «лист». В этом послании, автором которого, по-видимому, был сам папа Павел II, а соавтором — кардинал Виссарион, великому князю сообщалось о пребывании в Риме преданной православию знатной невесты — Софьи (Зои) Палеолог. Папа обещал Ивану свою поддержку в случае, если тот захочет посвататься к ней.

Предложение из Рима обсуждалось в Кремле на семейном совете, куда были приглашены братья великого князя, его ближние бояре и мать — княгиня Мария Ярославна. Решающее слово, несомненно, принадлежало матери, крутого нрава которой Иван побаивался до конца ее дней. Вдова Василия Темного (напомним, сына литвинки Софьи Витовтовны) и внучка литвинки же Елены Ольгердовны (жены Владимира Серпуховского), старая княгиня, судя по всему, благосклонно восприняла «римско-византийский» династический проект.

Официальные великокняжеские летописи изображают дело так, будто во всей этой истории Иван III действовал в полном согласии с митрополитом Филиппом. Однако летописи, происходящие из митрополичьей канцелярии, не называют Филиппа участником того семейного совета («думы»), на котором решено было откликнуться на приглашение папской курии и униатского кардинала Виссариона. Очевидно, этот замысел «не встретил благосклонного приема у митрополита, который фактически был отстранен от решения такого важного вопроса» (161, 181).

В итоге Кремль решил отозваться на предложение папы и отправить в Рим для продолжения переговоров московского итальянца Ивана Фрязина — Джан Баттисту делла Вольпе. («Фрягами» или «фрязами» в средневековой Руси называли итальянцев.) В марте 1469 года вместе с Юрием Греком он пустился в далекий путь. Летом того же года итальянец был принят папой Павлом П. Понтифик вновь горячо поддержал идею династического брака и дал свою грамоту для безопасного проезда московских послов по всей Европе.

Тогда же Вольпе имел возможность повидать невесту, чтобы рассказать жениху о ее внешности. Одновременно был сделан и портрет Софьи, который послы должны были отвезти в Москву.

В Венеции Вольпе был принят дожем Никколо Троном, который вскоре предполагал начать войну с Османской империей и потому хотел узнать у московского посла, нельзя ли каким-нибудь образом договориться о совместных действиях против турок с московитами или татарами. Неизвестно, что говорил

венецианцам Иван Фрязин. Однако, судя по всему, он их обнадежил.

Послушав денежника, дож в апреле 1471 года отправил в Москву с новым папским посольством (во главе которого стоял Антонио Джислярди) своего собственного посла — Джан Баттисту Тревизана. Его миссия не имела прямого отношения к матримониальным планам Рима. Через Москву Тревизан должен был отправиться дальше, к хану Большой орды Ахмату. Он вез с собой значительную сумму денег и подарки для хана, которого венецианский дож надеялся склонить к войне против турок. Возможно, именно эти сокровища и стали роковым соблазном для Вольпе. По приезде Тревизана в Москву (10 сентября 1471 года) денежник уговорил его не разглашать подлинной цели своего прибытия, так как в этом случае великий князь едва ли пропустил бы его к Ахмату, с которым он как раз собирался воевать. Назвавшись обычным купцом, Тревизан должен был жить в Москве до тех пор, пока сам Вольпе не найдет случая тайно отправить его к татарам. Денежник уже бывал ранее в Орде и имел там некоторые полезные знакомства.

Венецианец послушался своего московского покровителя. Однако исполнить задуманное без ведома великого князя оказалось нелегко. Лишь незадолго до отъезда во второе путешествие в Рим в январе 1472 года Вольпе отправил Тревизана с переводчиком в Рязань, откуда оба должны были отправиться дальше, к татарам (161,183).

Иван III узнал о странном передвижении венецианского «купца» и успел перехватить его прежде, чем тот добрался до татар. Оказавшись в застенке, Тревизан, разумеется, стал утверждать, что его тайная миссия не представляла для Москвы никакой политической угрозы. Более того, в случае ее успеха Волжская Орда на радость Ивану III оказалась бы втянутой в тяжелую войну с турками. Однако великий князь, кажется, опасался того, что итальянец мог представлять в Орде интересы не только Венеции, но и польско-литовского короля Казимира IV, искавшего тогда путей сближения с ханом Ахматом для совместной борьбы с Москвой.

Очевидная вина обоих итальянцев состояла лишь в том, что они попытались добиться своей цели за спиной великого князя Московского. Конечно, само по себе это уже было преступлением. И все же в другое время наказание «фрягов» могло быть не в пример более мягким. Но теперь, когда Иван со всех сторон подвергался упрекам за чрезмерную дружбу с «латинянами», ему нужно было наглядно показать свою жесткость по отношению к ним. Проделка Вольпе и Тревизана давала для этого отличный

повод.

По возвращении из Италии в ноябре 1472 года Иван Фрязин — главный устроитель брака Ивана III с Софьей Палеолог — был арестован вместе со всей своей семьей, а имущество его конфисковано. «Князь же великы… повеле поимати Фрязина да оковав послал на Коломну, а дом его повеле разграбити и жену и дети изымати» (31, 299).

Логику рассуждений великого князя, в сущности, несложно было угадать наперед. Но Вольпе был слишком увлечен головокружительными мечтами. В коломенской темнице у него появилось достаточно времени, чтобы поразмыслить о превратностях судьбы и о коварстве сильных мира сего.

(Впрочем, колесо Фортуны еще не остановило свое вращение для него. Спустя некоторое время страсти улеглись, и государь сменил гнев на милость. Такой человек, как Вольпе, мог ему еще пригодиться. К тому же за денежника, вероятно, ходатайствовали земляки-итальянцы и сама великая княгиня Софья. Источники не сообщают об освобождении коломенского узника. Однако известно, что лет семь или восемь спустя Иван Фрязин был уже не только на свободе, но и вновь на вершине благополучия. О нем упоминает в своем завещании, написанном не позднее 1481 года, младший брат Ивана III, удельный князь Андрей Вологодский. «В числе заимодавцев (князя Андрея. — *Н. Б.*) оказался Иван Фрязин. Князь задолжал ему ни мало, ни много, как „полчетвертаста рублев“ (350 руб.), следовательно, громадную по тому времени сумму, больше, чем кому-либо другому из своих кредиторов. В закладе у Ивана Фрязина лежали лучшие княжеские драгоценности: золотая цепь, малая золотая цепь, два золотых ковша, чарка золотая. Все эти вещи были подарены Андрею Васильевичу его старшим братом, великим князем. Кроме того, в закладе у Ивана Фрязина лежали большая золотая цепь и 12 серебряных мисок, подаренных князю его матерью. Здесь Иван Фрязин выступает перед нами по крайней мере как крупный делец, ворочающий большими денежными суммами. Этого дельца мы с полным правом можем отождествить с названным раньше денежником Иваном Фрязиным» (149, 346).)

Приятелю Вольпе, Джану Баттисте Тревизану, пришлось отсидеть около двух лет в московской тюрьме. Заточив Тревизана, Иван III в конце 1472 года (под давлением итальянцев из свиты Софьи) отправил к венецианскому дожу Никколо Трона за разъяснениями своего посла (161, 183). Дож подтвердил, что Тревизан действительно является его послом к татарам, и попросил выпустить его из темницы, помочь добраться в Орду, а также снабдить деньгами. Все расходы дож обещал покрыть из

своей казны (27, 299).

В конце концов, уступая просьбам венецианского дожа (подкрепленным богатыми дарами), а также желая успокоить напуганных жестокими расправами с соотечественниками московских итальянцев, великий князь 19 июля 1474 года отпустил Тревизана в Орду. Там посол встретился с ханом Ахматом, который, впрочем, не выразил никакого желания воевать с турками на благо Венеции. В конце концов Тревизан был отправлен татарами к Черному морю, откуда на кораблях вернулся домой.

Памятуя об обещании венецианского дожа возместить все расходы, связанные с Тревизаном, Иван не удержался от маленькой хитрости: вручив незадачливому послу на дорогу всего лишь 70 рублей, он написал дожу, будто дал 700. Уже через 5 дней после отъезда Тревизана московский посол Семен Толбузин повез эту грамоту в Венецию. Конец всей этой истории покрыт мраком забвения. Неизвестно, сумел ли Иван III провести видавших виды венецианских купцов. Но, судя по тому, что эта история попала в московские летописи, проделка удалась.

Конечно, это откровенное жульничество не украшает нашего героя. Однако не будем и судить его слишком строго. На иноверцев в ту пору на Руси (да и по всей Европе) смотрели не только как на врагов, но и как на существа иного порядка, в отношении которых нравственные законы имели не больше значения, чем в отношении домашних животных. Обмануть их тем или иным способом не считалось зазорным. Напротив, в этом видели даже некую доблесть и удаль. Сын своего времени, Иван не чужд был и его предрассудков…

Можно лишь догадываться о том, что рассказывал Тревизан, вернувшись в Венецию, о своих злоключениях в Москве. Известно, однако, что после этой истории Венеция надолго утратила интерес к переговорам с Иваном III. Желая исправить положение, Иван весьма радушно принял в Москве осенью 1476 года венецианского дипломата Амброджио Контарини, волею обстоятельств попавшего на Русь на обратном пути из Персии, куда он ездил в качестве посла. Уже первую свою беседу с Контарини Иван начал с того, что «с взволнованным лицом… стал жаловаться на Дзуана Баттисту Тревизана» (2, 226). Несомненно, он рассчитывал на то, что Контарини передаст этот разговор Совету Десяти и настроит правителей Венеции в его пользу.

(Успех финансовой «шутки» с Тревизаном, похоже, вдохновил Ивана на сходную проделку и с Контарини. Великий князь объявил обнищавшему за время пути дипломату, что берет на

себя все те значительные долги, которые тот вынужден был сделать, чтобы вырваться из рук татар. Зная привычки Ивана, можно усомниться в том, что он действительно расплатился за Контарини. Но то, что знатный венецианец, возвратившись на родину, тем или иным способом вернул великому князю соответствующую сумму, едва ли подлежит сомнению.)

Но вернемся к неторопливому развитию матримониальных планов Ивана III. Удивительно, но факт: ни в 1470, ни в 1471 году Москва не проявляла активности в этом вопросе, который как бы повис в воздухе.

Чем объяснялась эта затянувшаяся пауза? Неизвестно. Возможно, Иван был занят сложными расчетами, связанными с началом борьбы за Новгород. В этой крупной игре, где религиозная риторика играла далеко не последнюю роль, ему нужна была «чистота риз». Облачившись в тогу борца с «вероотступниками», он не хотел давать повода для подобных обвинений в свой собственный адрес. Равным образом ему не хотелось тогда вступать в конфликт с митрополитом, активно участвовавшим в антиновгородской кампании. Знаменательно, что возобновление переговоров с Римом совпало с окончанием первого похода на Новгород. 1 сентября 1471 года Иван торжественно вернулся из Новгорода в Москву, а 10 сентября в столицу прибыло новое посольство из Италии. Его глава Антонио Джислярди по поручению папы должен был вновь пригласить московских бояр в Рим за невестой.

О приближении столь необычных послов в Москве, конечно же, узнали заранее. Можно не сомневаться в том, что 1 сентября, в день возвращения Ивана III из новгородского похода, митрополит Филипп был уже осведомлен об этой новости. Летописи отметили демонстративную холодность, проявленную им при встрече великого князя: тогда как вся родня и весь московский двор встречали победителя за несколько верст от столицы, святитель встретил его лишь возле Успенского собора, «толко с мосту болшего сшед каменого до кладязя площадного, со всем освященным собором» (31, 292). Эту фразу следует понимать так: митрополит, встречая великого князя, спустился по ступеням высокого южного крыльца Успенского собора и, пройдя несколько шагов, остановился у колодца, находившегося на Соборной площади (111,110). Учитывая повышенное внимание к церемониалу, присущее Ивану III и не раз проявленное им в отношениях с новгородцами и псковичами, можно не сомневаться: князь понял смысл этого демарша. Однако теперь старый иерарх мог гневаться сколько ему было угодно: игра была

уже сыграна.

В Москве не любили торопиться в важных делах и над новыми вестями из Рима размышляли месяца четыре. Наконец, все размышления, сомнения и приготовления остались позади. 16 января 1472 года московские послы, главным среди которых был пока еще все тот же Иван Фрязин — Джан Баттиста делла Вольпе, — отправились в далекий путь. Это было поистине трогательное и величественное зрелище. Через бесконечные заснеженные пространства, через многие границы и государства просыпавшаяся Московская держава потянулась к лучезарной Италии — колыбели Возрождения, главному поставщику идей, талантов и негодяев для всей тогдашней Европы.

23 мая посольство прибыло в Рим. Москвичи были с честью приняты папой Сикстом IV, сменившим умершего 28 июля 1471 года Павла П. В подарок от Ивана III послы преподнесли понтифику шестьдесят отборных соболиных шкурок. Отныне дело быстро пошло к завершению. Через неделю Сикст IV в соборе святого Петра совершает торжественную церемонию заочного обручения Софьи с московским государем. Роль жениха исполнял Вольпе. В ходе церемонии выяснилось, что он не приготовил обручальных колец, которые были необходимым элементом католического обряда. Впрочем, этот казус замяли и помолвку благополучно довели до завершения.

В конце июня 1472 года невеста в сопровождении московских послов, папского легата Антонио Бонумбре, греков Дмитрия и Юрия Траханиотов и многочисленной свиты отправилась в Москву. На прощанье папа дал ей продолжительную аудиенцию и свое благословение. Он распорядился повсюду устраивать Софье, ее свите, а заодно и московским послам пышные многолюдные встречи. Тем самым Сикст IV проявил по отношению к московским послам такой высокий уровень приема, который, соответственно, должен был выдержать и московский государь в отношении папского легата и сопровождавших его лиц. Это был тонкий дипломатический ход. Вынужденное радушие Ивана по отношению к легату должно было символизировать и его уважение к «латинству».

Из трех возможных маршрутов путешествия — через Черное море и степь; через Польшу и Литву; через Северную Европу и Балтику — избран был последний. Он представлялся наиболее безопасным. После долгого пути через всю Европу с юга на север: от Рима до Любека и далее морем до Колывани (Таллина), а оттуда сушей на Юрьев (Тарту), — Софья прибыла во Псков. Это был первый русский город на ее пути. Здесь по распоряжению Ивана III будущей великой княгине была устроена торжественная

встреча с хлебом-солью и ритуальной чарой вина. За ней последовало торжественное богослужение в городском соборе. Через несколько дней Софью встречал Новгород во главе с владыкой Феофилом.

Между тем в Москве на митрополичьем дворе с особым вниманием собирали вести, относившиеся к приезду Софьи. Уже во Пскове всеобщее внимание привлек находившийся при ней папский легат. Он выделялся из свиты «царевны» не только своим красным облачением и властным поведением, но и тем, что перед ним слуги постоянно носили огромное католическое распятие. Это был наглядный символ католического вторжения на Русь.

В Москве не хотели омрачать свадьбы скандалом, который мог устроить либо папский легат, либо митрополит. Последний, узнав о вызывающем поведении легата, предъявил великому князю своего рода ультиматум: «Не мощно тому быти, кое въ град сыи ему внити, но ни приближатися ему; аще ли же тако учинишь, почтити его хотя, но он въ врата граду, а яз, богомолец твои, другими враты из града; не достоит бо нам того ни слышати, не токмо видети, поне же бо (потому что. — *Н. Б.*) възлюбив и похваливыи чюжую веру, то своей поругался есть» (31, 299).

Иван немедленно отозвался на ультиматум митрополита. «Слышав же сие князь великы от святителя, посла к тому лягату, чтобы не шел пред ним крыж (польское наименование четырехконечного католического креста. — *Н. Б.*), но повеле скрыти его. Он же постоа мало о том и по том сотвори волю великого князя, а боле стоал о том Фрязин наш Иоанн денежник, что бы то учинити честь папе и тому послу его и всей земли их, како тамо ему чинили…» (31, 299).

Некоторые новые подробности этого примечательного эпизода сообщает Львовская летопись: «Егда же приеха с царевною Фрязин, посла князь великий боярина своего Федора Давыдовича (героя битвы на Шелони воеводу Федора Давыдовича Хромого. — *Н. Б.*) противу, и повеле крыж у легатоса отнявши, да в сани положити, а Фрязина поимати да и пограбити; то же все сътвори Федор, за пятнадцать верст встретил еа. Тогда же убояся легатос» (27, 299).

В четверг 12 ноября 1472 года Софья, наконец, прибыла в Москву. В тот же день состоялось ее венчание с Иваном III. Очевидно, этот день был избран не случайно. На следующий день праздновалась память святого Иоанна Златоуста — небесного покровителя московского государя. Службы в его честь начинались уже 12 ноября (139, 353). Отныне и семейное счастье князя Ивана отдавалось под покровительство великого святителя.

Официальные великокняжеские летописи утверждают, что Ивана и Софью обвенчал сам митрополит Филипп в деревянной церкви, устроенной внутри строящегося тогда нового Успенского собора (31, 299). Однако неофициальные летописцы, которым в данном случае следует верить, сообщают иное. Обряд венчания совершал «коломенский протопоп Осея» (Осия), «занеже здешним протопопом и духовнику своему не повеле, занеже вдовцы» (27, 299).

Странная ситуация, сложившаяся вокруг великокняжеского венчания, отчасти объясняется церковными канонами. Иван III вступал во второй брак, который осуждался Церковью. На вступающего во второй брак налагалась епитимья: отлучение от причастия на год (45, 325). Священнику, венчавшему второй брак, запрещалось присутствовать на свадебном пиру, «понеже двоеженец имеет нужду в покаянии» (правило седьмое Неокесарийского поместного собора). Венчать второй брак митрополиту было неуместно. И по каноническим причинам, и по самому отношению к «римско-византийскому» браку Филипп уклонился от совершения таинства.

Протопоп московского Успенского собора и духовник самого великого князя оказались неподходящими фигурами для совершения столь важного действа по той причине, что оба были вдовыми попами. Согласно правилу святого митрополита Петра, овдовевшие священники обязаны были принимать монашество. При этом они могли остаться в миру, что обычно и делали. Но, во-первых, такой вдовый поп считался как бы неполноценным, а во-вторых, иеромонахам по уставу не разрешалось совершать венчание. В итоге для венчания Ивана III с Софьей и был приглашен протопоп (глава белого духовенства) второго по значению города Московского княжества — Коломны.

Наконец, венчание состоялось. Софья стала полноправной великой княгиней Московской. Но страсти, вызванные этой историей, не утихали еще довольно долго. Легат Антонио Бонумбре провел в Москве два с лишним месяца. Пылая ненавистью к «латинянам», митрополит решил посрамить «лягатоса» в публичном диспуте о вере. Он тщательно подготовился к спору и даже призвал на помощь знаменитого на всю Москву своей ученостью «книжника Никиту поповича». В урочный день Антонио Бонумбре был призван к митрополиту, который стал предлагать ему свои вопросы. Однако легат уже кое-что понял в русской жизни. Спор со святителем мог ему дорого обойтись. И потому он предпочел отмолчаться, сославшись на отсутствие необходимых для диспута священных книг. «Он же ни единому слову ответа не даст, но рече: „нет книг

со мною“» (27, 299).

В понедельник 11 января 1473 года папский легат вместе со своей свитой и другими участниками римско-византийского посольства покинул Москву. На прощанье князь Иван вручил ему дары для передачи папе.

На фоне всех этих событий и разворачивалось строительство нового Успенского собора. Оно стало своего рода ответом митрополита и разделявших его негодование московских ревнителей благочестия на происки униатов и «латинян». По замыслу Филиппа, московский собор должен был по своим формам повторить Успенский собор во Владимире, но при этом быть на полторы сажени шире и длиннее. Здесь ясно читалось некое назидание: Москва хранит и приумножает традицию древнего владимирского благочестия. Одновременно собору предназначено было стать символом политической преемственности Москвы от Владимира и Киева. Идея преемственности власти являлась стержнем всей московской концепции Русской земли как «вотчины» московского великого князя, впервые четко сформулированной в период подготовки первого похода Ивана III на Новгород.

Подготовительные работы начались осенью 1471 года. «Тое же осени Филипп митрополит повеле готовити камень здати (созидать. — *Н. Б.*) церковь святыа Богородица» (31, 292). Огромные глыбы белого камня-известняка вырубали в мячковских карьерах на Москве-реке, а затем на санях везли по льду реки до самого Кремля. Тем же способом доставляли и бревна для строительных лесов и прочих надобностей. Везти все эти тяжести на телегах было попросту невозможно.

Тогда же митрополит занялся и подысканием мастеров, способных построить это небывалое по величине сооружение. За два столетия монгольского ига русские зодчие отвыкли строить большие соборы. Вся их небогатая практика «каменного дела» сводилась в основном к небольшим бесстолпным или четырехстолпным одноглавым храмам, примером которых могут служить некоторые сохранившиеся доныне древние соборы подмосковных монастырей (Троице-Сергиева, Саввино-Сторожевского, Благовещенского на Киржаче), а также многочисленные новгородские церкви XIV–XV веков.

И все же умельцы нашлись. Об их происхождении и предшествующих работах летописи умалчивают. Сообщается лишь об их решающем разговоре с митрополитом, который «призва мастеры Ивашка Кривцова да Мышкина и нача им глаголати, аще имутся делати? Хотяше бо велику и высоку

церковь сътворити, подобну Владимерской святей Богородицы. Мастери же изымашася (взялись. — *Н. Б.*) ему таковую церковь въздвигнути» (27, 297). После этого они отправились во Владимир, где произвели точные обмеры древнего Успенского собора (31, 293).

Строительство митрополичьего собора с самого начала было окружено всякого рода конфликтами, обидами и скандалами. Один из них особенно примечателен: он отразил закулисную жизнь тогдашней московской «элиты», полную интриг, несправедливости и вельможного хамства. Суть дела заключалась в следующем. Помимо собственно мастеров, митрополиту нужен был и подрядчик («предстатель») — благочестивый и честный человек, который имел бы опыт в строительном деле и взял бы на себя все хлопоты, связанные с организацией работ. Поначалу на эту трудную, но почетную (а может быть, и весьма доходную) должность приглашены были два человека — известный московский строитель и подрядчик, представитель знатного купеческого рода Василий Дмитриевич Ермолин и Иван Владимирович Голова, юный отпрыск другого знатного купеческого рода — Ховриных. Понятно, что вскоре между ними начались споры. Имевший за плечами с десяток сложных и ответственных строительных работ, Ермолин, по-видимому, был в 1472 году уже достаточно пожилым человеком. Его напарнику Ивану Голове было немногим за двадцать. Известно, что его крестным отцом был сам Иван III (82, 271–272). Назначение юнца на столь ответственную должность объяснялось его могущественными родственными связями: отец Головы Владимир Григорьевич Ховрин был богатейшим московским купцом и одновременно — великокняжеским боярином. В должниках у Ховриных ходили не только бояре и купцы, но и некоторые представители московского княжеского дома. Сестра Ивана Головы была замужем за боярином Иваном Юрьевичем Патрикеевым. Сам Иван Голова был женат на дочери знаменитого полководца Данилы Дмитриевича Холмского.

Юный Ховрин не сумел найти правильный тон в отношениях со своим более опытным, но менее знатным напарником. В итоге Ермолин вынужден был отказаться от всякого участия в строительстве собора. «…И отступися всего наряда Василеи, а Иван почя наряжати» (29, 160). Оскорбленный и униженный старый мастер навсегда отходит от дел. Его имя более не упоминается в летописях.

Строительство требовало больших средств. Основная тяжесть платежей легла на митрополичью кафедру. Успенский собор изначально являлся кафедральным собором митрополита

Киевского и всея Руси. Соответственно, и заботиться о нем должен был прежде всего сам митрополит. Есть основания полагать, что и первый Успенский собор в московском Кремле строил на свои средства святитель Петр, а украшал его преемник митрополит Феогност (64, 199–204; 25, 94). У московских князей была на той же Соборной площади своя общая святыня — Архангельский собор. Случалось, что храм в московском Кремле возводил на свои средства кто-то один из членов великокняжеского семейства. В конце концов, это был вопрос личного благочестия и благосостояния каждого.

Разумеется, в ходе строительства митрополит с благодарностью принимал любую помощь от светских властей. Однако это было делом добровольным. Иван III, вероятно, не упускал случая проявить свое благочестие и уважение к митрополиту путем щедрых пожертвований «на храм». И все же он не хотел возлагать на себя чужие заботы. Время для его собора и его мастеров еще не пришло…

Нехватка средств дала о себе знать уже в первые месяцы строительства собора. И хотя после кончины святителя Ионы и ухода с кафедры Феодосия Бывальцева. митрополичью казну не успели разворовать так, как это обычно бывало при смене митрополитов-византийцев, Филипп испытывал такую нужду, что принужден был пуститься на крайние меры. «Сътвори же митрополит тягину (тяготу. — *Н. Б.*) велику, съ всех попов и манастырей збирати сребро на церковное създание силно; яко же събра много сребра, тогда бояре и гости своею волею части своя имениа вдаша митрополиту на церковное создание» (27, 297). Принудительные взносы черного и белого духовенства, добровольные пожертвования бояр и купцов пополнили митрополичью казну. Теперь можно было приступать к делу.

Весной 1472 года множество работников облепили как муравьи могучее тело обреченного старого собора. Строителям предстояло преодолеть несколько серьезных трудностей. Новый собор должен был встать на месте старого, который предполагалось разбирать по частям, так как в течение всего времени строительства в соборе не должно было прекращаться богослужение. Необходимо было в высшей степени бережно отнестись к гробницам московских святителей Петра, Феогноста, Киприана, Фотия и Ионы, находившимся внутри здания. Особый трепет вызывала рака с мощами святого Петра — главная святыня Москвы, малейшее пренебрежение по отношению к которой могло привести к неисчислимым бедствиям для города и всей страны.

История строительства собора, весьма противоречиво

изложенная в летописях, убедительно воссоздана Е. Е. Голубинским.

«К постройке собора приступлено весной 1472 года. Кругом старого собора выкопали рвы для фундамента новому собору и, когда фундамент был сделан, разобрали алтарь старого собора и меньшие притворы к нему, но оставили до времени нетронутыми его стены, так как подле них находились раки погребенных в нем митрополитов, которые должны были оставаться на своих местах до тех пор, пока не приготовят для них мест у стен нового собора; над ракой с мощами св. Петра, находившейся у северной алтарной стены, по ее разобрании, поставили временную деревянную церковь. После этого 30 числа апреля месяца совершена была торжественная закладка нового собора. Когда его стены выведены были в высоту человека, старый собор разобрали весь до основания и раки митрополитов перенесли на новые, приготовленные для них у новых стен, места… Рака с мощами св. Петра имела остаться в новом соборе на том самом месте, на котором она находилась в старом. Но так как пол нового собора был сделан выше против пола старого собора на рост человека, а рака с мощами должна была находиться в нем на полу, как находилась в старом соборе, то на новом полу сделали новую раку, в которую и переложили мощи по уничтожении прежней раки» (73, 541).

Заслуживает внимания дата закладки нового собора — в четверг 30 апреля 1472 года (31, 294). На торжестве присутствовала вся московская знать во главе с великокняжеским семейством. Митрополит Филипп под непрерывный колоколыши звон собственными руками заложил первый камень в основание будущего храма. День для такого рода церемоний обычно выбирался весьма тщательно и имел символическое значение. Однако тайный смысл даты закладки собора во многом остается неразгаданным. С точки зрения церковного календаря, это был самый обычный день, отмеченный лишь памятью «святаго апостола Иякова, брата Иоанну Богослову» (31, 294). Возможно, сокровенное значение избранного дня было связано с какими-то уже неизвестными нам важными датами в истории ранней Москвы.

Как и следовало ожидать, столь сложное и щекотливое дело, как строительство нового собора вокруг старого и перенос мощей митрополитов из прежних гробниц в новые, не обошлось без пересудов, кривотолков и обвинений митрополита в недостаточном благоговении перед святынями. Московские летописцы (как митрополичьи, так и великокняжеские) внимательно следили за развитием событий. История

строительства собора прописана ими столь же детально, как и история второго брака Ивана III.

В конце мая 1472 года началось перенесение останков прежних московских митрополитов в новые раки. Эта акция имела огромное религиозное значение: нетленность мощей, по народным представлениям, считалась обязательным условием святости. Такое мнение разделяли и многие представители церковных верхов. Состоявшееся в пятницу 29 мая перенесение мощей нескольких митрополитов принесло результаты, которые обрадовали как Филиппа, так и великого князя. Мощи первого московского автокефального митрополита Ионы, соратника Василия Темного и Ивана III, оказались нетленным. «Тогда Иону цела суща обретоша… Фотея же цела суща не всего, едины ноги толико в теле, а Киприяна всего истлевша, едины мощи (кости. — *Н. Б.*)» (27, 298).

Нетленность мощей считалась явным признаком святости. У гробницы Ионы, к которой тут же началось паломничество, стали происходить исцеления. Молящиеся принесли в дар новому чудотворцу такое количество серебра и других ценностей, которое один склонный к иронии летописец сравнивает с библейской Газофилакией — казнохранилищем в Иерусалимском храме (27, 298). Однако, к великой досаде соборного причта, все приношения были немедленно конфискованы митрополитом и вложены в фонд строительства собора.

Отношение к останкам Ионы было столь почтительным, что все тот же ироничный и самостоятельный в оценках летописец не удержался от замечания в адрес власть предержащих, что они более бережно отнеслись к останкам Ионы, чем к останкам самого святого митрополита Петра. Впрочем, смелость этого неизвестного вольнодумца простерлась до того, что он позволил себе сомнения относительно самого постулата о принципиальной важности нетленности как условия святости. Он упрекает суеверных владык, для которых тот из святых, кто «не в теле лежит, тот у них и не свят» (27, 298).

Самую важную гробницу Успенского собора — митрополита Петра — вскрывали ночью. Это позволяло избежать столпотворения, а также избавиться от лишних разговоров относительно степени сохранности останков, которая, судя по всему, оказалась далеко не лучшей. Мощи Петра были помещены в закрытый ларец и в таком виде помещены на особом месте в строящемся Успенском собора. Это вызвало немало пересудов. Одни говорили, что негоже было держать такую святыню среди строительного мусора. Другие уверяли, что выставленный для поклонения ларец — пустой, а подлинные мощи митрополит

спрятал в своей палате и никого к ним не подпускает. В конце концов настало время перенести мощи в новую гробницу. Торжества начались еще вечером 30 июня. Всю ночь князья московского дома во главе с самим Иваном III, сменяя друг друга в порядке старшинства, молились, преклонив колена, пред святыми мощами.

В среду 1 июля 1472 года (накануне праздника Положения ризы святой Богородицы во Влахерне), при огромном стечении народа мощи святого Петра были торжественно помещены на постоянное место — в их новую раку. По этому случаю митрополит Филипп совершил литургию в своей палатной церкви Ризоположения; другое торжественное богослужение с участием нескольких епископов и кремлевского духовенства состоялось в Архангельском соборе. Знаменитому агиографу Пахомию Сербу велено было написать особые каноны в честь перенесения мощей святого Петра, а также нового чудотворца митрополита Ионы. По окончании собственно церковной части праздника вся московская знать была приглашена на пир к великому князю. Особые столы накрыли для московского духовенства. Даже для последнего нищего этот день оказался радостным: в Кремле всем просящим была подана милостыня и выставлено бесплатное угощение.

Торжества в Москве 1 июля 1472 года имели и определенный политический подтекст. Они свидетельствовали о благочестии московской династии, которая находилась под особым покровительством Божией Матери и святителя Петра. Эту идею, выраженную в форме соответствующих церковных служб и песнопений, Иван хотел распространить как можно шире. «И повеле князь великы по всей земли праздновати принесении мощем чюдотворца (митрополита Петра. — *Н. Б.*) месяца июля 1 день» (27, 298).

Успенский собор московского Кремля — лишь зримый образ того незримого, но величественного собора московской государственности, который сооружался несколькими поколениями русских людей: правителей и воинов, монахов и купцов, ремесленников и крестьян. Прочной известью, скреплявшей все элементы этого таинственного собора, была способность к самоотречению во имя высшей цели, кратко именуемая героизмом. И в те годы, когда московские строители, постукивая молотками, день за днем поднимали над землей свой белокаменный собор — безвестные герои и труженики строили собор духовный. Оставим на время кремлевских строителей и поглядим, что делалось тогда на той строительной площадке, имя которой — Русь.

Едва отгремели кремлевские колокола в день перенесения мощей святителя Петра, как череда нежданных тревог и печалей захлестнула Москву. Заботы о соборе временно отступали на второй план. Еще в июне 1472 года с юга пришла весть о том, что хан Большой Орды Ахмат, «подговорен королем», собирается в набег на русские земли. У хана были и свои причины для вражды: он не пожелал оставить без ответа дерзкий набег вятчан на его столицу Сарай весной 1471 года. Идти на Вятку через территорию Казанского ханства Ахмат не мог и потому решил свести счеты с Москвой.

В Москве известие о войне вызвало настоящий переполох. Все понимали, что набег вятчан — лишь повод для войны. Главное же состояло в том, что разгром Новгорода летом 1471 года встревожил многих соседей Руси. Существовала реальная опасность объединения всех недругов Ивана III — казанского и волжского «царей», польского короля Казимира IV и внутренних врагов.

2 июля 1472 года (на праздник Ризоположения и на следующий день после торжественного перенесения мощей святителя Петра в новую раку) Иван III отправил своих лучших воевод, героев первого похода на Новгород — Данилу Холмского, Федора Давыдовича Хромого и Ивана Стригу Оболенского — «к берегу со многими силами» (31, 296). «Берегом» (как именем собственным) в ту пору называли южную границу Московской Руси — укрепленную оборонительную линию, проходившую по реке Оке.

Вслед за воеводами великого князя «к берегу» выступили и братья Ивана III — Юрий Дмитровский, Андрей Углицкий, Борис Волоцкий и Андрей Вологодский. И участие в походе всех братьев Васильевичей, и предшествовавший ему общий молебен у раки святителя Петра говорили о том, что война обещала быть тяжелой. Ходили тревожные слухи, будто на помощь Ахмату придет с войском король Казимир IV. Весь июль Иван находился в Москве, следя за развитием событий и поторапливая своих удельных братьев. Одновременно он укреплял свой тыл. 2 июля, в тот самый день, когда московские полки двинулись на юг, вереница всадников устремилась по Троицкой дороге на северо-восток. То был кортеж старой княгини Марии Ярославны — матери великого князя. Впервые после кончины мужа она решила навестить свои ростовские владения. По дороге в Ростов княгиня, несомненно, остановилась в Троицком монастыре, где 5 июля отмечали праздник — 50-летие обретения мощей преподобного Сергия Радонежского (5 июля 1422 года). Трудно поверить, что старая княгиня, повидавшая за свою долгую жизнь немало

опасностей, покинула столицу из страха перед возможным нашествием татар. Более вероятно другое: княгиня хотела помочь старшему сыну в трудную минуту. Она должна была не только помолиться вместе с троицкими иноками у гроба преподобного Сергия Радонежского о даровании московскому войску победы над погаными, но и прислать в Москву ратников из подвластных ей земель. Кроме того, именно там, в Ростове, предполагалось создать убежище для княжеской семьи в случае, если ей придется бежать из Москвы.

В то время как Москва собирала все свои силы для отпора надвигавшейся Орде, в городе вдруг вспыхнул пожар. Ночью 20 июля «загореся на Москве на посаде у Воскресениа на рве и горело всю нощь и на завътрее до обеда, и многое множество дворов згоре, единых церквей 20 и 5 згорело… Была же тогда и буря велми велика, огнь метало за 8 дворов и за боле, а с церквей и с хором верхи срывало, истомно же бе тогда велми нутри граду (в Кремле. — *Н. Б.*), но милостью Божьею и молитвами Пречистыа Его Матере и великых чюдотворец молением ветр тянул з города, и тако заступлен бысть» (31, 297).

Великий князь не усидел во дворце и лично кинулся тушить пожары на улицах Москвы. Вслед за ним устремилась и дворцовая стража — «дети боярские». Это была историческая картина, достойная кисти великого художника. На своем породистом белом жеребце, в наспех подпоясанной белой рубахе, великий князь носился по горящему городу. Его долговязую фигуру с всклокоченной черной бородой и длинными, как мельничные крылья, руками можно было видеть то на Востром конце, то на Кулижках, то возле Богоявленского монастыря. Сквозь треск огня и вой толпы, сквозь дикие крики погибавших в пламени людей слышен был его зычный голос. Иван командовал — и под кнутом его приказаний обезумевшая толпа мало-помалу превращалась в послушные фаланги, идущие в сражение с огнем. Иной раз он и сам, спешившись, хватал в руки багор и, к ужасу своих телохранителей, бросался в самое пекло, чтобы поскорее разметать по бревнышкам загоравшуюся постройку.

Летописец с обычным лаконизмом рисует этот колоритный эпизод: «Был же тогда и сам князь велики в граде и много пристоял на всех местех, гоняючи съ многими детми боарьскыми, гасящи и разметывающе» (31, 297). Но вглядимся получше в эту страшную ночь. Здесь, в этих безумных отсветах торжествующего огня, виден подлинный характер нашего героя. Похоже, что хитроумие и осторожность Ивана Калиты удивительным образом соединялись в нем с неистовым темпераментом Дмитрия Донского.

Пожар был потушен, и жизнь понемногу возродилась на пепелищах. Но Степь по-прежнему грозила бедой.

Рано утром 30 июля 1472 года запыленный гонец принес весть о том, что Ахмат со всей своей силой идет на Алексин — маленькую крепость на Оке, прикрывавшую обширный участок «берега» между Калугой и Серпуховом. Воспользовавшись предательством кого-то из местных жителей, татары внезапно набросились на русских воинов, которые несли сторожевую службу в Степи. Погибая, «сторожа» оказали отчаянное сопротивление и успели все же отослать гонца к московским воеводам, стоявшим на Оке. Извещенные о движении татар к Алексину, русские полки двинулись наперехват.

От Алексина было недалеко до московско-литовской границы. Из Литвы на соединение с татарами мог подойти с войском польский король и великий князь Литовский Казимир IV.

Узнав о движении хана в сторону Алексина, Иван III понял, что война вступает в решающую стадию, когда главнокомандующий должен быть на театре военных действий. Отстояв раннюю обедню, он тотчас, «и не вкусив ничто же» (то есть в спешке даже не успев отобедать), поспешил в Коломну (31, 297). За ним устремились и остававшиеся в столице полки. Своего сына и наследника, 14-летнего Ивана Молодого, великий князь в тот же день отправил в Ростов, на попечение бабушки — княгини Марии Ярославны. Очевидно, оставлять его в Москве Иван посчитал опасным.

На первый взгляд, бросок Ивана III в Коломну кажется непонятным: враг появился на юге, а великий князь помчался на юго-восток. Однако на деле такое решение было вполне объяснимо. Литовская угроза, по-видимому, не слишком тревожила государя. У Казимира в это время было много своих собственных забот. Он подталкивал хана к нападению на московские земли, обещал ему свою помощь, но в последний момент уклонялся от участия в войне. Эта тактика, основоположником которой можно считать еще великого князя Литовского Ягайло, уклонившегося от участия в Куликовской битве на стороне Мамая, была вполне разумной. Литва не была заинтересована в решительной победе Москвы над Ордой или же Орды над Москвой. Состояние постоянной вражды между этими государствами, с точки зрения литовской дипломатии, было наилучшим.

По-видимому, князь Иван сильно опасался того, что одновременно с Ахматом на русские земли нападет w казанский хан Ибрагим. Коломна была наилучшим местом для ставки великого князя в случае войны на два фронта. Само его

появление здесь служило грозным предупреждением для Казани. Наконец, именно из Коломны Ивану было удобнее всего обратиться за помощью к служилым татарам «царевича» Даньяра, владения которых находились ниже по Оке.

Позднее великий князь из Коломны поднялся верст на десять вверх по Оке и остановился в Ростиславле — одном из крупнейших городов Рязанского княжества (151,119). Отсюда, поднявшись вверх по реке Осетр (правый приток Оки, устье которого находилось близ Ростиславля), Иван мог быстро выйти в район Тулы рі верховьев Дона, где Ахмат, отправляясь в набег, оставил небоеспособную часть своей Орды. Как мы увидим, расчет Ивана оказался точным.

Летописи весьма туманно излагают подробности сражения за Алексин. Такого рода туман, как правило, служит прикрытием для постыдных просчетов власти. Похоже, что здесь не обошлось без обычного для русской армии разгильдяйства, трусости и жадности одних, искупленных ценою самопожертвования других.

Очевидно, что Ахмат-хан безошибочно выбрал самый слабый участок «берега». Хорошо поставленная разведка была со времен Чингисхана одним из главных принципов монгольского военного искусства. К тому же у Ахмата были русские проводники, которые хорошо знали местность и расположение дозоров пограничной стражи.

Небольшая крепость, стоявшая на правом, степном берегу Оки, за долгие годы покоя на этом участке границы совершенно утратила свою боеспособность. Сидевший в Алексине воевода Семен Васильевич Беклемишев еще до появления татар под стенами города получил от Ивана III распоряжение распустить гарнизон и уйти на левый берег Оки. Однако он скрыл этот приказ от горожан и, кажется, решил на этом немного подзаработать. Узнав о приближении хана Ахмата, жители Алексина стали просить воеводу разрешить им уйти за Оку. Тот потребовал за разрешение мзду. Алексинцы собрали ему 5 рублей — немалую сумму для этого небольшого, затерянного между лесом и степью городка. Алчный воевода «захоте у них еще шестаго рубля, жене своей» (12, 438).

В то время как продолжался этот постыдный торг, из степи нагрянули татары. Воевода «побеже за реку Оку съ женою и съ слугами» (12, 438). Татары, преследуя убегавших, кинулись за ними в реку. К счастью для Беклемишева, на том берегу появился молодой верейский князь Василий Михайлович Удалой с небольшим отрядом. Он смело вступил в бой с татарами, которые, не ожидая отпора, вернулись на свой берег. Между тем со стороны Серпухова стали подходить полки, которыми

командовал брат Ивана III — удельный князь Юрий Дмитровский. Татары знали его как храброго и искусного воина и потому «наипаче бояхуся» (27, 297). Вслед за Юрием к месту противостояния подтянулся с войсками и князь Борис Волоцкий. Не отстал от братьев и великокняжеский воевода Петр Федорович Челяднин со своим полком.

Это было поистине внушительное зрелище: вдоль берега Оки выстраивались тысячи всадников в сияющих на солнце шлемах с флажками-«яловцами» на макушках и начищенных до зеркального блеска железных латах. Летописец, писавший со слов очевидца, замечает, что одетое в железо русское войско сверкало на солнце «якоже море колеблющеся, или езеро синеющеся» (12, 440).

Татары, не имевшие собственной металлургии и всегда страдавшие от недостатка железа, с завистью смотрели на эту великолепную экипировку, делавшую русских воинов практически неуязвимыми для татарских стрел и сабель. Доспехи самих степняков ограничивались главным образом всякого рода изделиями из дерева, кожи и войлока. Только военачальники имели железные шлемы и латы.

Не решившись начать переправу и вступить в бой с московской армией (в распоряжении которой, помимо крепких доспехов, вероятно, имелось и огнестрельное оружие), хан Ахмат сорвал досаду на брошенных своим воеводой жителях Алексина. Те затворились в крепости и стали смело отбиваться от наседавших со всех сторон татар. Но долго ли мог держаться этот отважный гарнизон? «И почаше изнемогати во граде людие, понеже нечим им битися, не бысть у них никакова же запаса: ни пушок, ни тюфяков (разновидность пушек. — *Н. Б.*), ни пищалей, ни стрел. И татарове зажгоша град, и людие же градстии изволиша огнем згорети, нежели предатися в руце поганых» (12, 440).

Героический Алексин погибал на глазах у всего московского войска, неподвижно стоявшего во всем своем сверкающем великолепии на левом берегу реки. Щадя московских воевод, летописец замечает, что они не могли прийти на помощь из-за водной преграды. Однако обмелевшая в июльскую жару Ока едва ли была непреодолимым препятствием для войск. Более вероятно другое: и московские воеводы, и братья Ивана имели строгий приказ великого князя — ни при каких обстоятельствах не переправляться на правый берег Оки. В противном случае русские войска утрачивали свое позиционное преимущество и легко могли стать жертвой одной из тех военных хитростей (например, притворного отступления), которые так любили применять

татары. Нарушение приказа грозило воеводам суровой карой.

Расправившись с Алексином, хан стал размышлять над своими дальнейшими действиями. Он узнал о том, что перед ним стоит лишь часть московского войска, тогда как сам Иван со служившими ему касимовскими татарами и оба Андрея (младшие братья Ивана III) находятся с войсками ниже по Оке, угрожая зайти татарам в тыл. Идти на прорыв в такой ситуации хан счел неразумным. Столь же опасным было и дальнейшее пребывание возле сожженного Алексина. Разведка передала ему слух (пущенный из русского стана) о том, что служившие Ивану III касимовские татары, стоявшие лагерем в Коломне, якобы собираются подняться вверх по реке Осетр и напасть на тот лагерь в верховьях Дона, где хан, отправляясь в набег, оставил свою «царицу», а вместе с ней «старых и болных и малых» (12, 438).

Вовремя запущенная дезинформация попала на подготовленную почву. Памятный набег вятчан на Сарай весной 1471 года заставлял Ахмата постоянно оглядываться на свои тылы. Взвесив все, он приказал сворачивать лагерь и быстро уходить назад в Степь. На всякий случай хан увел с собой и московского посла Григория Волнина: в случае захвата русскими ханского обоза посол мог пригодиться для обмена.

Узнав об уходе «царя», Иван III послал вслед за татарами свои летучие отряды для сбора брошенного во время стремительного отступления имущества и освобождения пленных, которых гнали в арьегарде уходящей Орды (31, 298).

Когда стало ясно, что татары ушли далеко на юг, в глубину своих степей, Иван III объявил об окончании кампании. Воины стали разъезжаться по домам. Сам великий князь вернулся в Коломну, где распрощался с татарским «царевичем» Даньяром, который ушел вниз по Оке в свои владения. В воскресенье 23 августа государь торжественно въехал в столицу.

Так закончилось это примечательное «стояние на Оке», которое можно было бы назвать генеральной репетицией последовавшего восемь лет спустя «стояния на Угре». Победа Ивана III была обусловлена несколькими факторами: многочисленностью и организованностью московских боевых сил, хорошей экипировкой воинов, умелым использованием «психологического давления» на противника, наконец — самоотверженностью погибших в степи «сторожей», мужеством осажденного Алексина. Конечно, хватало и низости. Удивительно, но факт: воевода Семен Беклемишев, алчность которого погубила жителей Алексина, не только не понес наказания, но был оставлен на том же направлении. Через два

года он уже ходил с великокняжеской ратью на пограничную литовскую крепость Любутск, взять которую, впрочем, так и не сумел…

Радость и горе, как обычно, шли рука об руку. Едва успев отпраздновать успешное отражение Ахмата, Иван вынужден был заняться печальными хлопотами. Из Ростова прилетела весть: тяжко занемогла мать, княгиня Мария Ярославна. Государь с братьями поспешил туда. Один лишь Юрий Дмитровский не смог поехать. Этого могучего бойца, которому едва перевалило за тридцать, свалил с ног какой-то внезапный и тяжкий недуг. В субботу 12 сентября 1472 года он скончался. Митрополит Филипп отправил к великому князю в Ростов гонца с печальной вестью и запросом: хоронить ли умершего немедленно или же дождаться возвращения братьев? До получения ответа митрополит повелел вложить тело Юрия в каменный саркофаг и поставить его посреди Архангельского собора — семейной усыпальницы потомков Ивана Калиты.

Так и стоял он там в течение четырех дней, этот корабль смерти, на котором отважному князю Юрию предстояло отправиться в бесконечное плавание по океану вечности.

Получив известие о смерти брата, Иван немедленно помчался в Москву. Должно быть, он и в самом деле был потрясен кончиной Юрия, с которым его связывало так много общих воспоминаний. Младшие братья последовали за Иваном. Преодолев 200 верст от Ростова до Москвы за полтора дня сумасшедшей скачки, братья Васильевичи в среду 16 сентября 1472 года уже стояли на похоронах Юрия Дмитровского.

Странная смерть Юрия увенчала довольно-таки странную жизнь. Дмитровский князь в свои тридцать с лишним лет не был женат и не имел наследников. Возможно, его браку препятствовал Иван III, не желавший появления новых ветвей на московском генеалогическом древе. Но кто станет размышлять о прошлом, когда будущее так ласково манит нас надеждами? Еще не смолкли печальные напевы панихиды, а братьям умершего уже не давал покоя заманчивый вопрос о дележе наследства. По старой московской традиции выморочные владения делились между всеми близкими родственниками усопшего. Однако уже Василий Темный стал нарушать это правило и целиком присвоил себе владения сначала одного своего умершего бездетным дяди (Петра Дмитриевича Дмитровского), а затем и другого (Константина Дмитриевича). Такая неуступчивость, естественно, ухудшила отношения Василия с его сородичами, галицкими князьями, и стала одной из главных причин династической смуты второй

четверти XV века. Теперь на этот скользкий путь вступил Иван III. Он взял себе весь выморочный удел Юрия, который в завещании умышленно обошел этот щекотливый вопрос.

Зима 1472/73 года прошла спокойно. Работы по строительству нового собора на зиму затихли. За летний сезон 1472 года мастера успели возвести стены лишь на половину их высоты. Собор стоял посреди площади в виде огромной темной массы, упрятанной в клетку строительных лесов и припорошенной снегом. Изнутри каменной коробки трогательно выглядывала главка временной деревянной Успенской церкви, в которой совершалось богослужение над гробницей святителя Петра.

Весна 1473 года запомнилась москвичам новым опустошительным пожаром. В воскресенье 4 апреля, поздно вечером, в Кремле ударили в набат. Огонь начал свой страшный путь у церкви Рождества Богородицы, возведенной в 1393 году вдовой Дмитрия Донского княгиней Евдокией. Отсюда он пошел гулять по всему Кремлю, не щадя ни храмов, ни амбаров, ни боярских теремов.

Вновь, как и в июле 1471 года, Иван III сам бросился в бой со стихией. Под его началом слуги сумели спасти от пламени княжеский дворец. Однако находившийся неподалеку дворец митрополита выгорел полностью. Помимо этого сгорел княжеский и городской «житные дворы», где хранились запасы продовольствия, двор удельного князя Бориса Васильевича Волоцкого, а также деревянные покрытия крепостных стен и башен.

Митрополит Филипп на время пожара ушел в монастырь Николы Старого, располагавшийся на посаде в полуверсте от Кремля. Там он провел эту страшную ночь. Под утро, когда пожар затих, Филипп вернулся. Картина дымящегося пепелища на том месте, где еще несколько часов назад стоял полный древних святынь и всякого добра митрополичий двор, потрясла старика. Он увидел в случившемся явное проявление Божьего гнева. Едва держась на ногах, митрополит пошел в Успенский собор и там, припав к гробнице святителя Петра, зашелся в рыданиях. В собор явился и великий князь. Оба после пережитого находились в состоянии крайнего возбуждения. Между ними произошел какой-то крупный разговор, содержание которого официальная летопись передает в самых умилительных тонах. Вид плачущего митрополита тронул Ивана. Он стал утешать его: «Отче господине, не скорби! Так Богу изволишу. А что двор твои погорел, аз ти колико хочешь хором дам, или кои запас погорел,

то все у меня емли» (31, 300).

Однако утешения не помогали. От нервного потрясения у митрополита отнялись рука и нога. Слабеющим языком он стал просить великого князя: «Сыну! Богу так изволившу о мне. Отпусти мя в манастырь» (31, 300). По существу, это означало желание Филиппа, подобно Феодосию Бывальцеву, добровольно оставить митрополию. Однако этого великий князь не допустил. Некоторые же неофициальные летописцы все же утверждают, что Филипп «митрополью остави» (27, 300). Иван приказал отвезти Филиппа на расположенное в Кремле подворье Троице-Сергиева монастыря.

Там митрополита по его просьбе причастили Святых Тайн и соборовали. Ему оставалось жить еще один день. В ночь с 5 на 6 апреля 1473 года первый строитель собора скончался. 7 апреля он был погребен в стенах своего любимого детища — строящегося Успенского собора. На отпевании кроме великокняжеской семьи присутствовал лишь один архиерей — сарайский епископ Прохор, постоянно проживавший в Москве.

Последние заботы старого иерарха были связаны с делом его жизни — собором. Он просил великого князя довести строительство до конца. К изголовью умиравшего вызваны были все руководители строительства во главе с Владимиром Григорьевичем Ховриным и его сыном Иваном Головой. Митрополит также просил их не оставлять дело, указывал, где взять необходимые для этого средства.

Согласно старинному обычаю, умиравшие бояре отпускали на волю своих холопов. Так же поступил и Филипп. Он распорядился по своей кончине дать свободу всем тем, кого он «искупил… на то дело церковное» (31, 300).

Святитель Филипп был, несомненно, одним из самых одухотворенных архипастырей нашей истории. Во всех его деяниях сказывалась глубокая личная вера и чувство огромной религиозной ответственности. Его непреклонность в борьбе с «латинством», его необыкновенная энергия в деле строительства собора, наконец, сама его кончина, вызванная глубоким душевным потрясением, — все это обличает в нем человека смелого и незаурядного. Очевидно, он воспринял гибель в огне своего дворца и свою внезапную болезнь как некий небесный знак, как наказание за какую-то его личную вину перед Богом. Отсюда и его желание немедленно оставить митрополию и уехать в отдаленный монастырь на покаяние. Однако ни времени, ни сил для исполнения этого решения он уже не имел…

После кончины Филиппа на его теле найдены были тяжелые железные цепи — вериги. Никто, даже митрополичий духовник и

келейник, не знали, что Филипп смиряет свою плоть столь суровым способом. Носил ли он эти цепи в подражание древним великим подвижникам или же в память о веригах апостола Петра, — неизвестно. Однако тайные цепи митрополита Филиппа свидетельствуют о том, что дух личного подвига и беспощадного самоотречения, охвативший в XV столетии все русское монашество и создавший прославленную Русскую Фиваиду на Севере, не миновал и Боровицкого холма. Но там он пришелся не ко двору. Ведь какой власти, кроме власти Всевышнего, могли убояться люди, подобно Филиппу добровольно заковавшие себя в железо!

История с веригами митрополита Филиппа наделала много шума. После похорон святителя, состоявшихся 7 апреля 1473 года, великий князь приказал повесить их над его гробницей. Вериги тотчас стали предметом поклонения: верующие целовали их и просили помощи у почившего подвижника. Между тем князь Иван почему-то решил выяснить, кто и когда сковал для митрополита эти цепи. Некий кузнец, выкупленный митрополитом из татарского плена и приставленный к строителям собора, рассказал великому князю, что однажды Филипп велел ему сковать еще одно звено для своих вериг, «занеже сказываеть тесны ему» (27, 300). При этом он взял с него клятву молчания.

Откровенность с великим князем не прошла даром для этого бедняги. На другой день кузнец сделал новое признание: ночью ему явился сам святитель Филипп с веригами в руках и избил его ими за нарушение клятвы. В доказательство правдивости своих слов кузнец показывал многочисленные раны на своем теле. Пострадавший от гнева Филиппа кузнец с месяц не мог встать с постели, но после усердной молитвы святителю был им прощен и исцелен.

Оживление вокруг гробницы Филиппа долго не затихало. Кажется, этот человек произвел сильное впечатление на современников. К тому же смелость Филиппа в отстаивании своих убеждений перед великим князем вызывала сочувствие у его приемника митрополита Геронтия, также нашедшего в себе мужество сопротивляться произволу. Причислив Филиппа к святым, митрополит мог тем самым получить еще одну точку опоры в своих спорах с Иваном III.

Именно по этой причине спор вокруг гробницы митрополита Филиппа вспыхивает с новой силой в 1479 году, когда Успенский собор был уже, наконец, построен. Вечером 27 августа, когда мощи всех митрополитов (кроме перенесенных 24 августа мощей святителя Петра) переносили из церкви Иоанна Лествичника (где

они находились в период строительства нового собора Аристотелем Фиораванти) обратно в Успенский собор, гробница Филиппа была вскрыта. Увиденное поразило собравшихся. Тело святителя почти не подверглось тлению — подобное бывает только с телами святых. «И окрыша гроб, видеша его лежаща всего цела в теле, *яко же и пресвященныи митрополит Иона* (курсив наш. — *Н. Б.*), и ризы его ни мало не истлеша, а уже по преставлении его 6 лет и 5 месяц без 8 дней, и видевше сие прославиша Бога, прославляющаго угодник своих…» (31, 325). Таким образом, митрополит Филипп должен был повторить судьбу святителя Ионы, тело которого обретено было нетленным уже при первом перенесении мощей в 1472 году.

Инициатором вскрытия гробницы Филиппа, несомненно, был митрополит Геронтий. После перенесения каменного саркофага Филиппа в Успенский собор он распорядился оставить его открытым, дабы все могли убедиться в нетленности мощей святителя, а значит, и в святости Филиппа.

На другой день, 28 августа 1479 года, в Успенском соборе состоялось торжественное богослужение, после которого Иван III пригласил все духовенство, участвовавшее в торжествах, на пир к себе во дворец. Великий князь вместе с сыном и соправителем Иваном Молодым стоя приветствовал собравшихся и оказывал им всяческие знаки уважения (19, 203). Однако за внешним благочестием скрывалось недовольство Ивана действиями митрополита. После пира он обратился к Геронтию с вежливыми, но исполненными скрытого раздражения словами: «Помысли, отче, с епископы и с прочими священники, чтобы Филиппа митрополита покрыта надгробницею, или как будет пригоже учинити» (19, 203). Закрыть открытые нетленные мощи Филиппа значило бы приравнять его к митрополитам Феогносту, Киприану и Фотию, чьи саркофаги сразу после перенесения в Успенский собор были немедленно закрыты каменными «надгробницами». Иначе говоря, это означало бы отказ от намерения митрополита Геронтия причислить Филиппа к лику святых.

В течение двенадцати дней (до самого праздника Рождества Богородицы) митрополит уклонялся от исполнения великокняжеской воли. Гробница Филиппа стояла открытой, и нетленность мощей была явлена всем. Там же висели и его знаменитые железные вериги. Для окончательного подтверждения святости Филиппа недоставало лишь чудесных исцелений возле его гроба. Как, вероятно, ждал их тогда митрополит Геронтий, как молил Бога о ниспослании этой милости! Но все было напрасно. Промыслом Всевышнего (а может быть, и кознями соборного причта, издавна не любившего

святителя Филиппа) никаких чудес у гроба не произошло. На 13-й день под давлением великокняжеского двора Геронтий вынужден был согласиться на закрытие гробницы Филиппа, а вместе с нею — и вопроса о его канонизации.

Некоторые историки почему-то считают Ивана III почитателем святости Филиппа и удивляются тому, что князь не довел дело до причисления его к святым (101, 362). Однако источники свидетельствуют о том, что великий князь не хотел поклоняться Филиппу как новоявленному святому. Чудеса продолжались лишь возле гробницы митрополита Ионы.

Конечно, мы далеки от мысли, что чудеса возле гробниц московских святителей, о которых сообщают летописцы, были каким-то образом подстроены заинтересованными лицами. Известно, что «чудеса происходят только в такие времена и в тех странах, где им верят, перед лицами, расположенными верить в них» (135, 33). Все это имелось в наличии в Москве конца XV столетия. Однако здесь уместно будет вспомнить еще одно суждение Э. Ренана: «…Чудо предполагает наличность трех условий: 1) общего легковерия, 2) некоторой снисходительности со стороны немногих людей и 3) молчаливого согласия главного действующего лица…» (135, XLIII) В случае с Филиппом первое и третье условие, несомненно, присутствовали. Но вот со вторым явно не ладилось. О том, как просто и решительно великий князь порою пресекал неуместные всплески религиозного энтузиазма, свидетельствует рассказанная летописцем под 6982 годом (с 1 сентября 1473 по 31 августа 1474 года) история несостоявшегося прославления митрополита Феогноста (1328–1353). Опуская второстепенные подробности, изложим лишь ее суть. Один благочестивый москвич в результате неудачного падения на землю оглох и онемел. Пробыв много дней в таком состоянии, он однажды услышал некий голос, велевший ему пойти на другой день помолиться в Успенский собор. Глухонемой исполнил сказанное и, придя в храм, «нача прикладыватися ко всем гробом, и к чюдотворцеву Петрову, и Ионину, и Филипову; и якоже к Феогностову приложися, внезапу проглагола и прослыша, и всем возвести, как бысть нем и нынече язык бысть: „яко, рече, приклонихся хотех лобзати мощи его, внезапу подвизася (поднялся. — *Н. Б.*) святый и рукою мене благослови, и взем язык мой извну потяну его, аз же стоях яко мертв, внезапу проглаголах“. И слышавше дивишася, и прославиша Бога и Фегноста митрополита, сотворшее сие чюдо. И сказаша митрополиту Геронтию и великому князю. Они же неверием одержими беша, не повелеша звонити и всему городу славити его; но последи (после того. — *Н. Б.*) новую церковь сотвориша ту

святую Богородицю, и заделаша мощи его в землю покопавши, и покрова на гробници каменой не положиша, и ныне в небрежении гроб его» (18, 198).

Равнодушие московских властей к памяти Феогноста вполне понятно: грек по происхождению, он и на Руси отстаивал прежде всего интересы Византии, не совершив при этом каких-либо выдающихся деяний на благо Москвы. Иное дело Филипп: обличитель новгородских вероотступников, строитель нового Успенского собора, суровый аскет, носивший под парчой митрополичьих облачений тяжкие железные вериги… Однако политика и здесь оказалась сильнее морали. Митрополит Филипп не только не был прославлен как святой, но даже и гробница его в Успенском соборе со временем была потеряна (73, 548).

Сразу после кончины Филиппа князь отправил гонцов к епископам с приглашением прибыть на собор для избрания нового митрополита к весеннему Юрьеву дню — 23 апреля. (Иван очень спешил с избранием преемника Филиппа. Пасха в 1473 году пришлась на 18 апреля. Владыкам дано было всего пять дней, чтобы, отпраздновав Великий день, добраться до Москвы из своих столиц. Возможно, князь опасался, что, имея достаточно времени, епископы успеют согласовать общую кандидатуру на кафедру святого Петра, которая может его не устроить.)

К указанному сроку в Кремль на собор явились архиепископы Вассиан Ростовский и Феофил Новгородский, епископы Геронтий Коломенский, Евфимий Суздальский, Феодосии Рязанский, Прохор Сарайский. Тверской епископ Геннадий прислал грамоту с изъявлением согласия на любое решение собора. Соборные прения сильно затянулись. Новый митрополит был назван лишь в пятницу 4 июня. Им стал коломенский епископ Геронтий. 29 июня 1473 года, в праздник апостолов Петра и Павла, он был торжественно рукоположен в митрополичий сан собором епископов.

Новый митрополит хотел иметь добрые отношения с влиятельным кремлевским духовенством. Похоже, что это не удавалось митрополиту Филиппу. Менее чем через месяц после своей интронизации Геронтий поставил на свое прежнее место — коломенскую кафедру — некоего Никиту Семешкова, сына протопопа Архангельского собора московского Кремля.

Свою строительную деятельность Геронтий начал с отстройки разрушенной пожаром митрополичьей резиденции. Он заложил новую каменную палату и уже летом 1473 года поставил сложенные из обожженного кирпича въездные ворота на митрополичий двор. Одновременно продолжалось и

строительство Успенского собора. За летний строительный сезон 1473 года он уже вырос до полной высоты стен. Следующей весной мастера уже выкладывали своды, на которые должны были опираться барабаны глав. Но тут случилось нечто ужасное. Поздним вечером 20 мая 1474 года почти оконченный собор рухнул…

Летописцы по-разному объясняют причины катастрофы. Одни считали, что виноваты строители, допустившие серьезные просчеты; другие указывали на то, что в эту ночь в Москве якобы произошло землетрясение. Но все дивились тому, как милостив Бог даже во гневе своем: весь день по стенам и сводам собора сновали строители, а с их уходом явились праздно любопытствовавшие, которым нравилось глядеть на Москву с высоты соборных сводов. Собор выдержал и тех и других. Даже единственный свидетель катастрофы — отрок, сын князя Федора Пестрого, который по обычаю всех мальчишек никак не хотел отправляться домой и с наступлением темноты продолжал лазать по соборным сводам — и тот чудом уцелел, успев перебежать с разваливавшейся северной стены на уцелевшую южную. Все это было явным чудом Божией Матери и московских чудотворцев, гробницы которых, равно как и иконы в деревянной Успенской церкви, чудесным образом уцелели в катастрофе.

(Версия о землетрясении высказана одним из летописцев вполне определенно. «Тое же весны бысть трус (землетрясение. — *Н. Б.*) в граде Москве, и церкви святая Богородица, яже заложи Филип митрополит, сделана бысть уже до верхних комар (сводов. — *Н. Б.*), и падеся в 1 час нощи, и храми всии потрясошася, яко и земли поколебатися» (30, 194). Несмотря на кажущуюся фантастичность этого объяснения, оно получает неожиданное подтверждение в истории строительства собора Аристотелем Фиораванти. Приступая к работе, итальянский мастер придал фундаментам будущего храма особую антисейсмическую устойчивость.)

Итак, собор фактически перестал существовать. Его южная, обращенная к площади стена еще стояла; кое-как держалась и восточная, но северная рухнула полностью, а западная — частично. В целом здание представляло собой печальную картину: камни потрескавшихся стен и сводов готовы были в любую минуту рухнуть на головы тех, кто имел смелость бродить среди развалин. Великий князь велел разобрать то, что грозило падением.

Какие чувства овладели им при виде этой катастрофы? Об этом мы можем только догадываться. Как верующий он, несомненно, был напуган дурным предзнаменованием; как

правитель он был унижен столь явной неудачей своих подданных; как человек дела он думал о том, как исправить положение и восстановить собор; как политик он мог быть доволен тем, что отныне почетная роль создателя главного собора Московской Руси от митрополита переходит к нему.

У князя Ивана, по-видимому, не было сомнений в том, что главной причиной падения собора послужили технические просчеты митрополичьих мастеров Кривцова и Мышкина. Московские мастера всю первую половину XV столетия почти не имели заказов на постройку каменных храмов. В результате традиция каменного дела если не иссякла, то, во всяком случае, сильно обмелела. То, что строили в Москве и Подмосковье, было очень далеко от размаха Успенского собора во Владимире.

Ни далекая Византия, ни Галицко-Волынская Русь не могли уже помочь Москве своими мастерами: они сами превратились в историческое воспоминание. Просить мастеров у Новгорода князь Иван, конечно, не хотел. Оставался Псков, где весь XV век строили много, но в основном — небольшие одноглавые церкви с колокольнями в виде каменной стенки с арочными проемами для колоколов. Туда и послал великий князь запрос о мастерах. Вскоре в Москву явилась артель псковских храмоздателей. Осмотрев развалины Успенского собора, псковичи вежливо похвалили работу своих предшественников за гладкость стен. (Этот комплимент в их устах звучал двусмысленно: псковские церкви складывались из грубо обтесанных глыб местного серого камня, а основанием зданию служили огромные валуны. В результате храм выглядел так, словно его вылепила из серой глины рука великана.) Однако они упрекнули Кривцова и Мышкина за то, что те скрепляли камни слишком жидким раствором извести. В этом, по их мнению, и заключалась главная причина катастрофы (27, 301).

Принято думать, что псковичи благоразумно отказались от предложения взять на себя восстановление собора, а великий князь не стал их принуждать. Впрочем, Иван, быть может, и не собирался подряжать псковичей. Они лишь выступили в роли независимых экспертов, установивших причины катастрофы, и за это получили щедрое вознаграждение в виде нескольких крупных заказов на возведение каменных церквей в Москве и Подмосковье. Их руками были сложены Троицкая (ныне Духовская) церковь в Троице-Сергиевом монастыре, соборы Златоустовского и Сретенского монастырей в Москве, а также два храма в Кремле — Ризо-положенская церковь на митрополичьем дворе и Благовещенский собор при великокняжеском дворце.

Кажется, Ивану III следовало бы строго взыскать с тех, кто по

невежеству или ради собственной корысти слишком усердно разбавлял дорогостоящую известь водой. Однако никаких сведений о наказании строителей в источниках не содержится. Напротив, известно, что главные подрядчики Владимир Григорьевич Ховрин и его сын Иван Голова и после катастрофы 1474 года сохранили свое положение при дворе (82, 271). Не вступая в конфликт с этими всемогущими богачами, Иван предпочел развести руками и обратиться за помощью к итальянским архитекторам, о которых он так много слышал от Софьи и приехавших с ней греков. Счастливо избежавшие кары бояре, вероятно, всячески поддержали князя в его смелом решении.

Крушение митрополичьего собора князь Иван, как и все его современники, воспринял как событие провиденциальное. Однако помимо обычной формулы «наказания за грехи» он увидел здесь некое вполне конкретное назидание. Катастрофа на Соборной площади символизировала бесперспективность той узконациональной, ведущей к углублению духовной и культурной изоляции страны программы, сторонником которой был митрополит Филипп. Быстро поднимавшаяся Москва нуждалась в знаниях и технических достижениях «латинского» мира хотя бы для того, чтобы успешно противостоять его военно-политической экспансии. Широкое использование иноземного опыта должно было помочь Москве и в ее борьбе за объединение Руси. Во имя этого следовало пойти на определенную веротерпимость, отказаться от заведомо враждебного восприятия всего «латинского». Главная трудность предстоящей «смены вех» состояла в том, что в условиях ордынского ига именно ревностное, бескомпромиссное служение православию стало религиозно-политическим знаменем московских князей. Это знамя они постоянно поднимали и против своих внутренних врагов. Совместить роль «ревнителя благочестия» с ролью покровителя всякого рода «латинства» Иван III мог только на путях самой беззастенчивой демагогии. Со временем она стала характерной чертой его системы управления…

Собор рухнул 20 мая 1474 года. А 24 июля 1474 года из Москвы отправился в обратный путь уже известный нам посол венецианского дожа Никколо Трона Антонио Джислярди, приезжавший хлопотать об освобождении из московской тюрьмы венецианского посла Джана Баггисты Тревизана и отправке его к хану Ахмату. Вместе с Джислярди Иван III направил в Италию своего посла Семена Толбузина. Ему поручено было известить дожа о том, что государь выполнил его просьбу: отправил

Тревизана к правителю Волжской Орды и дал ему на дорогу и на расходы в Орде крупную сумму денег, которую дож обещал возместить. (Напомним, что Иван III в действительности дал Тревизану на дорогу 70 рублей, а в грамоте, которую вез Толбузин, была указана сумма в 700 рублей.)

Вся эта афера имела дальний прицел. Деньги, полученные от обманутого дожа, Толбузин должен был потратить в самой Италии. Ему велено было подыскать в Италии опытного архитектора и строителя, который согласился бы поехать в Москву для строительства там нового городского собора, а также выполнения других инженерно-технических работ.

Понимая, что ни один уважающий себя мастер не согласится ехать Бог знает куда и с довольно туманными целями без достаточной материальной заинтересованности, Иван велел Толбузину не скупясь (на чужое серебро!) заключить с мастером контракт и, по-видимому, оплатить работу на несколько лет вперед.

Но даже и на таких заманчивых условиях Толбузин долго не мог найти мастера, готового отправиться в далекую Московию. Наконец умелец нашелся. Это был знаменитый Аристотель Фиораванти…

В летописях, особенно в Софийской II и Львовской, наиболее отчетливо отразивших оригинальный летописный свод, составленный в московских церковных кругах в 80-е годы XV века, мы найдем ряд интересных деталей этого посольства.

«В лето 6983 (с 1 сентября 1474 по 31 августа 1475 года. — *Н. Б.*). Посылал князь великый посла своего Семена Толбузина в град Венецею к тамошнему их князю, извет кладучи таков, что посла его Тревизана отпустил съ многою приправою, а сребра пошло, рече, седмьсот рублев; повеле и мастера пытати церковнаго. Он же там быв, и честь прия велику, и сребро взя, а мастера избра Аристотеля» (27, 301).

Далее летописец пересказывает воспоминания самого Семена Толбузина о поездке в Италию и переговорах с архитектором. «Многи, рече (рассказывал посол. — *Н. Б.*), у них мастери, но ни един избрася (вызвался ехать. — *Н. Б.*) на Русь, тъй же въсхоте, и рядися с ним по десети рублев на месяц давати ему. И хитрости его ради Аристотелем зваху, рече Семион (Толбузин. — *Н. Б.*); да сказывають, еще и Турской де царь звал его, что в Цареграде седить, того ради. А там деи церковь сказал в Венецеи святаго Марка вельми чюдну и хорошу, да и ворота Венецейскыи деланы, сказываеть, его же дела, вельми хитры и хороши. Да и еще деи хитрость ему казал свою такову: понял де его к себе на дом, дом де добр у него и полаты есть, да велел деи блюдо взяти, блюдо же

деи медяно, да на четырех яблокех медяных, да судно (сосуд. — *Н. Б.*) на нем яко умывалница, якоже оловеничным делом, да нача лити из него, из одново на блюдо воду, и вино, и мед, — егоже хотяше, то будеть.

Да то деи слыша князь их думу его, не хотяше пустити его на Русь; занеже деи не тот ужь у них князь, кой посла отпускал, тот деи умер при нем, а того деи поставили не княжа роду, ни царьска, но избравши всеми людьми умных и храбрых людей пять, или шесть, или десять, да велять, зерна наметив, вкинуть в судно, акы в ступку, а зерна деи белы, да выняти деи велели малому дитяти, егоже деи до дващи выметь зерно, того поставили. (Действительно, в эти годы венецианские дожи сменялись довольно часто: Кристофоро Моро (1462–1471), Никколо Трон (1471–1473), Никколо Марчелло (1473–1474), Пьетро Мочениго (1474–1476). — *Н. Б.*).

И ездил деи в ыной град их к нему, да просил с поношением (подношением, даром. — *Н. Б.*), и дружбу великаго князя высказывал, — едва деи его отпустил, яко в дары.

Глаголють же еще, святая де Екатерина лежить у них, не вемь (не ведаю. — *Н. Б.*), та ли мученица, или ни, толико свята. А град той трижды море поимаеть на день, коли взыграется. А место деи то, коли сказывают у них сторожилцы и книжники, исперва не велико было, да много де в море каменем приделали хитроки (умельцы. — *Н. Б.*), где Венецея град стоить.

Глаголють же каменей у них 12 самоцветных, а говорять деи, что карабль с человеком занес к ним ветр, и они деи пытали у него, что есть, и он деи не сказал им, и они деи хитростью уведали у него, да ум отняли волшебною хитростию, да взяли у него.

Взял же с собою тъй (тот. — *Н. Б.*) Аристотель сына своего, Андреем зовуть, да паропка (парубка, мальчика. — *Н. Б.*), Петрушею зовуть, поиде с послом с Семеном Толбузиным на Русь» (27, 301–302).

В этом замечательном в своей непосредственности рассказе причудливо перемешаны бахвальство вернувшегося из далеких стран посла перед домоседом-книжником с бахвальством самого Аристотеля перед доверчивым и неосведомленным московским послом. Семен Толбузин уверяет всех в том, какую неоценимую услугу он оказал великому князю, подрядив Аристотеля. В свою очередь, маэстро, набивая себе цену и вместе с тем явно потешаясь в душе над варваром, уверяет его в том, что он является создателем самых красивых зданий в Италии.

Примечательна и цена, которую Аристотель запросил за свою работу. Для тогдашней Руси 10 рублей, которые мастеру были

обещаны каждый месяц, — огромная сумма. Очевидно, контракт был подписан на 5 лет. Именно столько потребовалось итальянцу на постройку собора. Вероятно, Аристотель потребовал весомый задаток. Значительные суммы пришлось потратить на подкуп местных властей, не желавших отпускать мастера на чужбину. Толбузин особо отмечает это обстоятельство в рассказе о своем путешествии. Действительно ли это было так или же Семен, следуя примеру государя, решил нажиться, преувеличив собственные расходы, — истории неизвестно.

Кем же на самом деле был этот Аристотель Фиораванти, строитель Успенского собора московского Кремля? Вот как описывает его биографию современный исследователь:

«Фиораванти происходил из семьи болонских архитекторов. Дата его рождения приближенно определяется как 1420 год. Имя Аристотеля Фиораванти впервые появляется в местной хронике под 1437 годом, когда он участвовал в подъеме колокола на башню Палаццо дель Подеста. В 1447 году он носил звание ювелира. В 1453 году он вновь поднимал колокол большего размера на ту же башню. В этом же году он был назначен инженером болонской коммуны, после чего руководил ремонтом крепости в Пьюмаццо. 1455 год принес Фиораванти славу как инженеру: он успешно осуществил передвижку башни Маджоне в Болонье и выпрямление колокольни при церкви Сан Бьяджо в Ченто. Вслед за этим он приглашен в Венецию, где под его руководством была выпрямлена колокольня церкви Сант Анджело; однако через четыре дня после этого колокольня рухнула, и Аристотелю пришлось во избежание неприятностей покинуть Венецию. До 1458 года оставался в Болонье, занимаясь выпрямлением и ремонтом городских стен и обводнением рвов. В 1456 году он был избран старшиной болонского цеха каменщиков. В 1458 году Козимо Медичи пригласил его во Флоренцию для работ по передвижке колокольни, но поездка, видимо, не состоялась; известно лишь, что Аристотель уклонился от этой работы, сославшись на необходимость изучения грунтов.

В конце 1458 года Фиораванти покинул Болонью, поступив на службу к миланскому герцогу Франческо Сфорца, где он пробыл до 1464 года. Аристотель мало работал в самом Милане, где имеются сведения лишь о его участии в решении вопросов устройства стропил в Оспедале Маджоре. Основная его деятельность в этот период — прокладка судоходных и ирригационных каналов в Парме, Сончино, Кростоло, инженерные работы по обводнению реки Олона, а также освидетельствование мелких ломбардских крепостей и замков, возможно, с какими-то работами в них. Кроме того, с разрешения

миланского герцога он выезжал в Мантую для выпрямления наклонившейся башни. В 1464 году он предложил феррарскому герцогу устройство медного фонтана, украшенного эмблемами герцога. В 1459 и 1461 годах Фиораванти делал короткие выезды в Болонью. Что он делал во время первой поездки — неизвестно, во второй раз его вызывали для выпрямления городской стены.

В 1464 году он вернулся на родину и был назначен архитектором болонской коммуны. В сохранившемся документе о его назначении от 14 декабря этого года он торжественно назван архитектором, равного которому нет не только в Италии, но во всем мире. Резкий контраст пышным формулировкам этого документа составляют сведения о последующих работах Аристотеля в Болонье. Он выполнял ремонт и приспособление для канцелярских нужд отдельных помещений палаццо дель Подеста, незначительные работы в палаццо дельи Анциани и дель Легато, ремонт крепостных стен Болоньи, постройку барбакана между воротами Сан Феличе и делле Ламе, починку в принадлежавших Болонье малых крепостях, укрепление стен хора монастыря Сан Доменико в Болонье и, вероятно, участвовал в возведении там же библиотеки. Наиболее крупная работа — строительство водопровода в Сан Джованни ин Персичето и Ченто (длина 42 км). По выражению Туньоли Паттаро, „работа Аристотеля на родине фатально была рутинной“. (Имеется в виду его работа в Болонье после 1464 года.)

В январе — июне 1467 года Аристотель Фиораванти был в Венгрии по приглашению короля Матьяша Корвина. Принято считать, что он был занят строительством укреплений против турок по южной границе Венгрии; имеется также указание в болонской хронике о возведении им мостов через Дунай. В 1471 году Фиораванти был вызван в Рим для перевозки так называемого „обелиска Юлия Цезаря“ к собору Петра, но эта работа не состоялась из-за внезапной смерти папы Павла П. В конце того же года он отправился в Неаполь для перемещения или подъема затонувшего около мола „ящика“, скорее всего, остова корабля. Начиная с 1472 года известия об Аристотеле Фиораванти становятся отрывочными. В феврале 1473 года он был арестован в Риме по обвинению в чеканке фальшивой монеты либо ее распространении, а затем освобожден от должности архитектора болонской коммуны. Вероятно, незадолго до своего отъезда в Россию Фиораванти вновь завязал отношения с миланским герцогом, о чем свидетельствует посылка им в Милан из Москвы с сыном Андреа кречетов и письма, на которое 24 июня 1476 года ему был отправлен ответ от имени герцога. Если верить летописному сообщению, то Фиораванти, прежде чем

принять приглашение в Россию, получил подобное приглашение от турецкого султана. Создается впечатление, что Аристотель настойчиво искал возможность покинуть ставшую для него слишком беспокойной родину…» (129, 45^6).

Чего искал 54-летний итальянский инженер Аристотель Фиораванти в России? Денег? Новых впечатлений? Покоя от преследований за темные дела на родине? Возможности заняться наконец не рытьем каналов и починкой стен, а величественным сооружением, которое обессмертит его имя? Но кто всерьез возьмется определить мотивы поступков незаурядного человека, жившего пятьсот лет назад в солнечной Италии?

Конечно, это была «ренессансная личность» (78, 86). Однако, к несчастью для него, таких личностей в эпоху Ренессанса в Италии было предостаточно. Аристотеля сжигало неутоленное честолюбие — коренная черта «ренессансных личностей». Этот талантливый человек был очень высокого мнения о себе. Его отъезд в Россию был кроме всего прочего и выражением презрения к соотечественникам, не сумевшим в полной мере оценить его дарования.

26 марта 1475 года, проехав тем же кружным путем, которым три года назад ехала Софья Палеолог (через Германию, Ливонию, Псков, Новгород и Тверь), Аристотель Фиораванти прибыл в Москву (29, 161). Столица лесного царства встречала его, точно государя или архиерея — громом всех своих колоколов. Но дело было, разумеется, не в Аристотеле. Просто русские как раз в этот день праздновали Пасху и до одури трезвонили в промерзлые колокола, разгоняя унылое безмолвие своих заснеженных равнин.

Опытный в обращении с правителями и к тому же хорошо знавший себе цену, Аристотель быстро сумел поставить себя так, что ему и в работе и в быту была предоставлена максимальная свобода, на которую только мог рассчитывать иностранец и иноверец в тогдашней Москве. Конечно, главным делом, за которое он принялся с первых же дней пребывания в Москве, был Успенский собор. Однако помимо этого он должен был вписаться в тогдашнее московское общество, найти общий язык с нужными людьми.

Несомненно, Москва была заинтригована явлением Фиораванти. Одни только разговоры о его фантастическом жалованье способны были поставить его в центр внимания. Но для людей умных и любознательных важно было не только это. Много знавший и много повидавший на своем веку, Фиораванти был интересным собеседником. Должно быть, и сам князь Иван любил беседовать с ним (сначала через переводчика, а позднее и по-русски). Исполненный достоинства и самостоятельный в

суждениях мастер был не чета тем льстивым и суетным грекам, которые приехали из Рима вместе с Софьей. Свидетельством особого благоволения великого князя к итальянцу служит уже тот факт, что роскошный дом строителя собора стоял на Боровицком холме рядом с великокняжескими палатами (2, 227).

Знал ли строитель о том, какого рода работа ему предстоит? Вероятно, лишь в самых общих чертах. Теперь настало время узнать подробности.

Подобно первому собору митрополита Филиппа, собор Ивана III должен был воспроизвести на Боровицком холме Успенский собор во Владимире. Это была не прихоть заказчика, а духовная суть всего проекта. Возводя в образец собор Андрея Боголюбского (изрядно перестроенный его братом Всеволодом Большое Гнездо), Москва как бы декларировала свою систему духовных ценностей, важнейшим элементом которой была самодостаточность молодого государства. И собор, и государство, символом которого ему суждено было стать, вели свое происхождение от собственных, причем достаточно глубоких корней.

Идея особой исторической миссии Москвы не только как центра объединения русских земель (об этом думали еще во времена Ивана Калиты), но и как хранительницы истинного православия, возникла в середине XV века в связи со спорами вокруг Флорентийской унии и провозглашения автокефалии Русской Церкви. Вопрос о соблюдении чистоты православия приобрел новую остроту в период московско-новгородского противостояния 70-х годов XV века. Присвоив себе роль верховного судьи в вероисповедных спорах, объявив свое православие эталоном, более надежным, чем даже православие отвергших унию константинопольских патриархов, — Москва получала сильное идейное оружие. Отныне любое сопротивление московской экспансии, предпринятое православными, можно было подвести под обвинение в «вероотступничестве», что, в свою очередь, позволяло начать против супостата не просто войну, а «священную войну», своего рода крестовый поход.

Сиюминутный политический выигрыш был очевиден. Сложнее обстояло дело с перспективой. По мере формирования единого Русского государства с центром в Москве отчеканивался и вопрос о его самоидентификации. При Василии Темном Москва ощупью вступила на путь того великого духовного одиночества, которое стало для нее одновременно и источником силы, и источником слабости. При Иване III этот путь получил теоретическое обоснование. В поисках собственных корней Москва неизбежно должна была взять на себя роль прямого наследника Киева и Владимира. Но наиболее наглядным

проявлением наследственности служит, как известно, внешнее сходство. И как тут было не вспомнить о владимирском Успенском соборе, чей величественный образ давно стал символом исчезнувшей под копытами монгольских полчищ Владимиро-Суздальской Руси!

Мог ли Аристотель Фиораванти уразуметь все эти русские идеи? Несомненно. Ведь и его родина жила тогда поисками самой себя; ведь и его соотечественники черпали вдохновение и уверенность в себе в окаменевшем величии Древнего Рима.

Вскоре по приезде, в конце весны — начале лета 1475 года, Фиораванти поехал во Владимир для того, чтобы своими глазами увидеть древний храм, копию которого ему предстояло возвести. Осмотрев здание, мастер обронил замечание, вызвавшее замешательство у сопровождавших его русских: «Наши строили!» (18, 199; 27, 302).

Один любознательный московский летописец (возможно, принадлежавший к клиру Успенского собора) с огромным вниманием следил за действиями Фиораванти. В его рассказах отчетливо звучат столь знакомые нам чувства — восхищение техническим превосходством Запада, жадный интерес ко всему новому и необычному, ущемленное национальное самолюбие.

Осмотрев развалины митрополичьего собора, Фиораванти похвалил гладкость стен, но заметил, что «известь не клеевита да камень не тверд». Обдумывая план своего строительства, мастер «не восхоте приделывати северной стены и полати (верхние перекрытия. — *Н. Б.*), но изнова зача делати». Остатки прежних стен он убрал с помощью простого приспособления: «три древа поставя и концы их верхние совокупив во едино, и брус дубов обесив на ужищи (веревке. — *Н. Б.*) посреди их поперек и конец его обручем железным скова, и раскачиваючи разби; а иные стены съисподи (снизу. — *Н. Б.*) подобра и поление подставляя и всю на поление постави, и зазже поление и стены падошася». Стремительное разрушение самоуверенным чужестранцем могучих стен московского собора вызвало у летописца изумление, к которому примешивался почти мистический страх: «И чюдно видети, еже три годы делали, во едину неделю и менши развали, еже не поспеваху износити камения… Книжницы же называху брус дубовой бараном; се же, рече, написано, яко сицевым образом Тит Ерусалим разби». (Римский император Тит в 70 году н. э. взял штурмом и разрушил Иерусалим.)

Покончив с творением Кривцова и Мышкина, Фиораванти «рвы же изнова повеле копати и колие дубовое бити… И кирпичную печь доспе за Ондроньевым монастырем, в Калитникове, в чем ожигати, и как делати, нашего рускаго

кирпича уже да продоловатее и тверже, егда его ломать, тогда в воду размачивают; известь же густо мотыками повеле мешати, и яко наутрие же засохнет, то ножем не мочи расколупити. Святого же Петра чюдотворца в Иван святый вынесли под колоколы. Обложи же церковь продолговату полатным образом…

На первое лето изведе ея из земли Аристотель. Известь же как тесто густое растворяше, а мазаша лопатками железными; а камень ровной внутри класти повеле; столпы же едины 4 обложи круглы: се, рече, крепко стоят; а в олтаре два столпа кирпичны, те на четыре углы; а все в кружало да в правило» (18, 199).

Итак, Фиораванти имел полную свободу выбора технических приемов строительства. Русские мастера обязаны были беспрекословно выполнять его указания. При этом он не держал секретов и охотно пояснял причины тех или иных своих решений. Желая с самого начала произвести впечатление на заказчика, мастер учинил эффектное действо с разрушением стен прежнего собора. По просьбе Фиораванти великий князь решился даже на такую вольность, как перенос мощей святителя Петра в расположенную неподалеку церковь-колокольню во имя Иоанна Лествичника. Все это шло вразрез с московской «стариной». Так, например, Василий Ермолин в 1467 году не стал разрушать обветшавший собор Вознесенского монастыря, а перестроил его с использованием прежних стен. Митрополит Филипп не дерзнул выносить мощи святителя Петра из строившегося Успенского собора. Понятно, что только непреклонная воля Ивана III могла дать мастеру подобную свободу. Но на сей раз это был его собор и его мастер. Государь доверился Фиораванти, равно как и тот доверился ему, приехав в Россию. И кажется, эти два великих строителя, что называется, «нашли друг друга».

В воскресенье 16 апреля 1475 года состоялось перенесение мощей святителя Петра и других митрополитов из развалин Успенского собора в церковь Иоанна Лествичника (31, 303).

В понедельник 17 апреля Фиораванти начал разбивать уцелевшие стены старого собора. Природа в тот год словно издевалась над строителями. 23 апреля разразилась ранняя гроза с ливнем, а потом вдруг установилась необычайно холодная погода, простоявшая до 2 мая. Затем небо обрушило на землю продолжавшиеся много дней непрерывные дожди. Только в июле, закончив расчистку строительной площадки и совершив поездку во Владимир-на-Клязьме, Фиораванти начал копать рвы под фундаменты, поразившие москвичей своей необычайной глубиной — более четырех метров.

10 июля 1475 года в Москве случился очередной пожар, по счастью, не затронувший Кремля. Пожары вновь вспыхивали 12 и

27 сентября, но также без вреда для Кремля. 24 октября — новый пожар, на сей раз в самом Кремле. Официальная великокняжеская летопись вновь отмечает участие Ивана III в борьбе с огнем: «… князь же великы сам съ многими людьми пришед угасиша то, и оттоля поиде к столу на обед, и еще в полы стола его загореся на Москве внутри града близ Никольских врат в 5 час дне межи церквей Введениа Богородици и Козьмы Дамиана, и выгоре мало не весь город. Горело по великого князя двор да по манастырь Спаскои да по княжь Михаилов двор Андреевича, а Подолом по Федоров двор Давыдовича, по те места едва уняша на третием часе нощи, поне же бо сам князь великы на всех нужных местех пристоял съ многыми людьми…» (31, 304).

С октября 1475-го по февраль 1476 года Иван III находился в новгородском походе. Работы на строительстве собора на зиму прекратились. Они возобновились только 22 апреля 1476 года, в понедельник. А в воскресенье 12 мая состоялась церемония торжественной закладки собора. (Как и при строительстве предыдущего собора, официальным началом его строительства решили считать тот момент, когда на заранее подготовленных фундаментах строители начали кладку стен.)

Лето 1476 года прошло для Фиораванти в напряженных трудах на строительной площадке. Москва в эти месяцы жила спокойно. Единственным происшествием стала сильная буря с грозой в ночь на 31 августа, сорвавшая главки с собора Симонова монастыря и повредившая молнией внутреннее убранство храма. Осень выдалась сухая и холодная, а зима — бесснежная, о чем с наблюдательностью метеоролога подробно рассказывает московский придворный летописец (31, 309).

Первые месяцы 1477 года вновь были озарены тревожными всполохами огня. 16 февраля сгорела трапезная в кремлевском Чудовом монастыре, однако дальше огонь не пустили. В ночь на 20 марта в Кремле вспыхнул двор удельного князя Андрея Меньшого Вологодского. Оттуда огонь перекинулся на двор другого Андрея — Большого Угличского. Там он и был усмирен стараниями сбежавшихся москвичей. Заслугу победы над огнем придворный летописец вновь приписывает Ивану III: «…пристоял бо сам князь великы и сын его и многые дети боарьскые поне же не успе и лечи еще князь великы после стоаниа великого кануна Андреева» (31, 309). (Великий покаянный канон преподобного Андрея Критского читается в храмах в дни Великого поста.)

Собор заметно подрос и набрал силу летом 1477 года. Осенью работы остановились. Причиной тому был не только сезонный характер строительства. В октябре Иван III ушел в поход на Новгород. Фиораванти сопровождал государя и по его приказу

во время осады строил наплавной мост через Волхов. Вероятно, он командовал и действиями московской артиллерии, обстреливавшей городские стены. И не он ли руководил достаточно сложной в техническом отношении операцией по снятию со звонницы новгородского вечевого колокола, погрузке его на особую платформу на полозьях, доставке в Москву и подъему на одну из московских колоколен? Такого рода работы хорошо удавались мастеру еще на родине, в Италии. В Москве этот выдающийся инженер занимался самым широким кругом технических вопросов. Летописец замечает, что и у себя дома, и в России Фиораванти не имел себе равных «не токмо на сие каменое дело (строительство собора. — Я. £.), но и на иное всякое, и колоколы и пушки лити и всякое устроение и грады имати и бити их» (31, 324).

Вернувшись из новгородского похода, Фиораванти все лето 1478 года посвятил собору. Однако завершение работы было отложено на следующий, 1479 год. Предстояла, в частности, кропотливая работа по устройству кровли на сводах и главах. Здесь Иван III решил воспользоваться опытом новгородских мастеров. «Връхи же церкви тоа крыти привел князь великы из отчины своея из Новагорода Великого мастеры, они же начата крыти преже древом хорошо велми и по древу железом немецкым» (31, 324). Белое железо сверкало на солнце как серебро.

Строительство как таковое было завершено 9 июля 1479 года (101, 360). Оставались лишь внутренние работы (роспись стен, устройство высокого иконостаса), которые обычно выполнялись через год-два после начала службы в храме. Здание должно было просохнуть, дать естественную осадку. До освящения и начала регулярных богослужений в соборе необходимо было обеспечить его книгами и утварью. На это ушло еще около месяца.

В четверг 12 августа 1479 года Успенский собор московского Кремля был торжественно освящен митрополитом Геронтием.

Выбор дня для церемонии определялся, конечно, приближением престольного праздника — Успения Божией Матери, праздновавшегося 15 августа. Однако примечательно, что Успенский собор 1326 года был освящен 14 августа, накануне самого праздника. Иван III отодвинул торжество на два дня раньше. Никаких важных для Ивана III в историческом отношении памятей святых 12 августа не имелось. Трудно объяснить данное решение чем-либо иным, кроме явного пристрастия великого князя к четвергу как наилучшему дню для всякого рода торжественных событий.

Чем же так привлекал великого князя этот рядовой день

недели? Об этом можно лишь догадываться. По церковному календарю четверг считался днем, посвященным святым апостолам и святителю Николаю Мирликийскому. Современники называли Ивана «обетником» святителя Николы (45, 238). Это выражение указывает на какой-то обет, данный князем святому. Вероятно, Иван считал, что находится под особым покровительством святителя Николая и главным образом в силу этого приурочивал свои важнейшие деяния к четвергу.

Освящение собора не обошлось без скандала, разгоревшегося, впрочем, не в самый день торжества, а некоторое время спустя. Между великим князем и митрополитом Геронтием давно уже существовали довольно натянутые отношения. Летопись отмечает возмущение Геронтия действиями Фиораванти, который «в олтаре же, над митрополичим местом, крыжь лятский (католический крест. — *Н. Б.*) истеса на камени за престолом, его же митрополит последи (позднее. — *Н. Б.*) стесати повеле» (18, 221). Очевидно, распоряжение митрополита противоречило мнению главного заказчика собора — великого князя, лично принимавшего работу Фиораванти. Действительно, в вопросе о допустимых православием формах креста не существовало абсолютной ясности. Четырехконечный крест с высокой нижней частью принято было считать «латинским». Однако четырехконечные кресты (хотя и не таких, как принято было в Риме, пропорций) венчали главы Успенского и Дмитровского соборов во Владимире. Крест, изображенный Фиораванти, по-видимому, имел как бы переходную форму и мог быть истолкован и как «греческий», и как «латинский». Но раздраженный высокомерием всесильного итальянца митрополит упрямо настаивал на обвинении его в «латинской ереси».

Иван III был не из тех, кто прощает обиды. Уступив в вопросе о кресте, он искал случая уязвить митрополита тем же оружием — обвинением в «ереси». И такой случай вскоре представился. Согласно церковным канонам при освящении храма духовенство во главе с архиереем совершало крестный ход вокруг здания. Однако каноны не давали однозначного ответа на вопрос о том, в какую сторону должна двигаться процессия: «по солнцу» или «против солнца». Митрополит Геронтий повел крестный ход «против солнца». Спустя несколько недель Иван III через преданных ему иерархов поднял скандал и обвинил Геронтия в грубейшей ошибке, почти преступлении. «Свяща же церковь митрополит Геронтей, и неции прелестници (обманщики. — *Н. Б.*) клеветаша на митрополита князю великому, яко не по солнечному въсходу ходил митрополит со кресты около церкви; сего ради гнев въздвиже на нь князь велики, яко того ради, рече,

гнев Божий приходит» (18, 221). Под «гневом Божиим» князь Иван, возможно, имел в виду сильнейший пожар в Москве в ночь с 9 на 10 сентября (101, 360).

Осенью 1479 года Иван устроил своего рода суд над митрополитом, где обвинителями выступали ростовский архиепископ Вассиан Рыло и архимандрит московского Чудова монастыря Геннадий. Митрополит имел свои аргументы и своих защитников. В итоге стороны «много спирашася, не обретоша истинны» (18, 222). Неотложные дела позвали Ивана в Новгород. Вопрос остался открытым, и никакого определенного решения принято не было. Однако по большому счету князь Иван скорее выиграл, чем проиграл это дело. Он достиг сразу нескольких целей: отомстил митрополиту за историю с крестом (а также и за несговорчивость в вопросе о гробнице митрополита Филиппа), внес раскол в ряды иерархов и сильно пошатнул авторитет строптивого Геронтия в глазах всего духовенства.

История с крестным ходом не прервала, конечно, ряд священных церемоний, связанных с новым собором. В понедельник 23 августа начались торжества перенесения мощей святителя Петра из церкви Иоанна Лествичника в новый собор, завершившиеся уже на другой день — 24 августа (38, 160; 19, 202). Деревянную раку с мощами несли Иван III и его сын Иван Молодой. (Примечательно, что из братьев великого князя на церемонии присутствовал только Андрей Меньшой, о котором летописец замечает, что он был тогда сильно болен. На первом перенесении мощей святителя Петра 1 июля 1472 года присутствовали мать великого князя Мария Ярославна и оба Андрея. Их отсутствие в августе 1479 года выглядит многозначительным.)

Рака была установлена в центре нового собора, а на следующий день столь же торжественно помещена в уготованное ей место в жертвеннике храма. Отныне этот день — 24 августа — стал еще одним праздником древнерусского месяцеслова.

27 августа началось перенесение останков всех остальных московских митрополитов. Теперь новый собор имел все свои главные святыни. Оставалось только прогреть его сырые и холодные стены жаром горящих свечей и теплом молитвы. Но на это нужны были годы и годы…

Придворный княжеский летописец так выразил свое впечатление от собора: «Бысть же та церковь чюдна велми величеством и высотою, светлостью и зъвоностью и пространством, такова же преже того не бывала в Руси, опроче Владимерскыа церкви, видети бо бяше ея мало оступив кому, яко

един камень…» (31, 324).

В этих кратких словах очень точно названы основные особенности архитектуры нового Успенского собора. Действительно, и сегодня, приблизившись к творению Фиораванти, мы испытываем те же чувства. Собор величественно вздымает свои огромные главы, покоящиеся на толстых «шеях» барабанов и на могучих плечах сводов. Людям той эпохи, привыкшим к одноэтажным и двухэтажным домам, к небольшим одноглавым церквям (наподобие притулившейся возле западного фасада собора церкви Ризоположения), собор казался необычайно высоким. Его интерьер Фиораванти решил весьма оригинально. Он напоминает зал с высоким, почти плоским потолком и четырьмя круглыми колоннами. Обычно в древнерусских храмах своды опирались на мощные прямоугольные в плане пилоны, которые разбивали внутреннее пространство на отдельные, почти самостоятельные элементы. Фиораванти, напротив, придал интерьеру небывалую пространственную целостность.

Восточная, алтарная часть собора отделена от основной части высоким иконостасом, за которым скрываются два прямоугольных в плане несущих столпа и два дополнительных, связанных с устройством в алтаре особого помещения для ризницы. В алтаре помимо основного престола в честь Успения Божией Матери и жертвенника находились также три придела — святого Дмитрия Солунского, Поклонения веригам апостола Петра и Похвалы Богородицы. Над последним и разместилась ризница, куда вела внутристенная лестница.

Собор освещался через высокие щелевидные окна в стенах, а главное — через окна в барабанах, несущих купола. Свет лился сверху широким потоком, разгоняя сумрак, который царил в других русских храмах этого времени.

Тщательная подгонка белокаменных блоков придавала стенам собора необычайный вид. Он действительно кажется вытесанным из одной гигантской глыбы камня («яко един камень», по выражению летописца). Тот же образ горы или скалы создавался и с помощью удачно найденных пропорций, общего объемно-пространственного решения здания. Собор поражает и завораживает гармоничным сочетанием казалось бы противоположных начал: стихийной мощи каменной скалы — и строго упорядоченного, подчеркнуто рационального членения этого монолита.

Конечно, творение Фиораванти не могло вместить в себя всю гамму человеческих чувств, которые способна выразить архитектура. Это здание больше говорит о Боге, чем о человеке. Оно подавляет своей монументальностью. Посвященный Божией

Матери, собор почти лишен того задушевного лиризма, которым отмечены были все наиболее выдающиеся древнерусские храмы во имя Пречистой.

Некоторая суховатость, или лучше сказать рационалистичность, была характерной чертой всего возрожденческого мировоззрения. К ней предрасполагал и род занятий нашего инженера, известного не столько как архитектор, сколько как «мастер, который двигает башни». И все же дело было не только в этом. Разрабатывая проект собора, Фиораванти, разумеется, стремился прежде всего угодить заказчику. Несомненно, что еще до начала работы он представлял великому князю свой храм в виде чертежа, рисунка или деревянной модели. (Такие модели широко использовали в своей работе итальянские зодчие того времени.) И проект получил высочайшее одобрение. Великий князь знал, что он получит от Фиораванти, и получил именно то, что хотел. Даже не выходя за рамки изначально заданной владимирской модели, опытный мастер мог передать самые разнообразные настроения в зависимости от воли заказчика. Таким образом, собор есть в некотором роде воплощение чаяний и настроений Ивана III, его окаменевший двойник.

(Как и другие древние храмы, Успенский собор московского Кремля выглядит сегодня не совсем так, как в день своего освящения. Однако его искажения и утраты относительно невелики. В своей основе он именно таков, каким и был задуман Фиораванти.)

Что же остановило выбор князя Ивана на данном проекте? Несомненно, он смотрел на него глазами Государя. Иван хотел видеть здание, наглядно выражавшее идею могущества Бога на небесах и Государя — на земле. Кроме того, собор Фиораванти гораздо яснее, нежели его владимирский прообраз, воплощает представление о строгом порядке, подчиненности частей целому. Иными словами, собор — это образ силы, облаченной в разум и увенчанной славой. Но при этой конструкции не остается места для трепетности линий и того пламенеющего стремления ввысь, которые одушевляют наши монастырские храмы XIV–XV столетий. Здесь нет и того почти физического ощущения прикосновения человеческих рук, которое оставляют приземистые новгородские и псковские церкви. От собора Фиораванти веет каким-то непонятным холодком отчуждения. Он словно говорит по-русски, но с легким иностранным акцентом и с той неестественной правильностью речи, которая всегда выдает иностранца.

Но эта отчужденность собора, это его явное превосходство и

тайное одиночество в окружавшей (и окружающей) его пестрой и бестолковой толчее кремлевских построек — не есть ли это образ самого Ивана III, поставившего себя так высоко и одиноко над современниками?

Но вот отзвучали величавые напевы первого богослужения в соборе, отгремели, приветствуя незнакомца, кремлевские колокола. Полетели, как гуси в осеннем небе, вереницы дней, недель, месяцев… Неотложные дела — новгородский поход, мятеж удельных братьев, нашествие хана Ахмата — отвлекли князя Ивана от забот о соборе. А между тем ему еще только предстояло наполниться всей своей мистической красотой. И прежде всего собору нужен был высокий иконостас. Кто знает, когда взялся бы за это дорогостоящее дело великий князь или митрополит Геронтий, сильно не ладившие между собой после спора о направлении движения крестного хода при освящении храма. Да и кому из художников поручили бы они это ответственное дело? Но тут на исторической сцене вновь появился ростовский владыка Вассиан Рыло.

Прежде отличавшийся лишь своей неизменной преданностью великому князю, Вассиан за несколько месяцев до своей кончины (23 марта 1481 года) вдруг проявил себя поистине великим человеком. Весной 1480 года он примирял Ивана III с его мятежными братьями. Осенью того же года Вассиан с яростью древних пророков обличал великого князя и его приближенных за нерешительность в войне с «поганым царем» Ахматом. Зимой 1480/81 года ростовский владыка вновь оказался в центре внимания: на свои средства он заказал иконописцу Дионисию и еще трем художникам изготовить иконостас для Успенского собора московского Кремля. «Того же лета владыка ростовский Васьян дал сто рублев мастером иконником, Денисию, да попу Тимофею, да Ярцу, да Коне, писати Деисус в новую церковь святую Богородицу, иже и написаша чюдно велми, и с Праздники и с Пророки» (18, 233).

Как угадал владыка Вассиан, что именно этот малоизвестный и, вероятно, еще молодой тогда иконописец Дионисий достоин возглавить работу, важнее которой нельзя было и придумать? Ведь за плечами у мастера было тогда лишь украшение собора Пафнутьева-Боровского монастыря под началом иконника Митрофана. Но Вассиан был выходцем из Пафнутьева монастыря и хорошо знал мастерство Дионисия. Видел его работу и сам Иван III, посетивший Пафнутьев монастырь осенью 1480 года. И оба они сочли Дионисия достойным возглавить работу по созданию иконостаса в Успенском соборе московского Кремля. К

сожалению, этот иконостас еще в XVII столетии был заменен на новый и бесследно исчез. Однако работа в Успенском соборе прославила Дионисия. В 1482 году ему поручено было поновление пострадавшей от пожара чудотворной иконы Богоматери Одигитрии в Вознесенском монастыре. Вскоре ему стали наперебой предлагать самые почетные заказы. Среди талантливых людей, которыми так богато было время Ивана III, он занял одно из первых мест. И сегодня, вступая под своды древнего собора Ферапонтова монастыря, где и доныне сохранились росписи великого Дионисия, мы через трепет его нежной кисти можем ощутить таинственную связь с той далекой эпохой…

Но вернемся к Успенскому собору московского Кремля. Его окончательная отделка заняла еще несколько десятилетий. Постепенно стены и своды покрылись цветущими росписями. Над тремя ярусами Дионисиева иконостаса поднялся четвертый, «праотеческий». Со всех концов России стали приносить сюда лучшие иконы старых мастеров…

И как огромный корабль, собор поплыл сквозь время. Оно вздымалось у его стен волнами мятежей и пожаров; оно втекало под его своды то праздничными процессиями, то робкими шагами кающихся грешников. Здесь венчались на царство все русские цари — от Ивана Грозного до Николая II. Здесь погребали усопших митрополитов и патриархов. За свой долгий век собор видел миллионы лиц, слышал миллионы голосов. Он стал безмолвным хранителем их надежд и покаяний.

И среди множества теней, заполнивших безмерное мистическое пространство собора, мы можем, присмотревшись, угадать и тень Ивана Великого. Вот он стоит там, возле самой солеи, на своем обычном месте. И Царь Небесный неотступно смотрит на него с потемневшей иконы своим ярым, взыскующим оком…

ГЛАВА 8 Тверь

Всякая перемена прокладывает путь другим переменам.

Никколо Макиавелли

Рассказывая о деятельности Ивана III как объединителя и «собирателя земли Русской», мы вновь вынуждены сделать в нашей истории своего рода «хронологический скачок». Расставшись с нашим героем 12 августа 1479 года, в день торжественного освящения Успенского собора в московском Кремле, мы в этой главе встречаемся с ним уже пять лет спустя, когда Иван начал осуществлять одно из важнейших своих предприятий — ликвидацию самостоятельного Тверского княжества. Следует заметить, что за эти годы великий князь достиг многого. Он нанес еще один удар по остаткам новгородской свободы, усмирил мятеж своих удельных братьев и отразил страшное нашествие хана Ахмата. Он вступил в открытый конфликт с митрополитом Геронтием и постепенно вынудил его подчиниться своей власти. Он укрепил свой престиж в отношениях с соседними государствами. Словом, за эти годы он стал сильнее и мудрее.

Теперь, после Новгорода и Угры, князь Иван мог, не оглядываясь по сторонам, заняться окончательным завоеванием тех княжеств и земель, которые доселе сохраняли формальную независимость, хотя и следовали в русле московской политики. Первым из них было Тверское княжество, территория которого напоминала огромный клин, вбитый между Москвой и Новгородом.

В раскладе политических сил Северо-Восточной Руси тверские князья уже с середины XIV столетия оказались примерно в том же крайне незавидном положении, в котором находились вторые по порядку рождения сыновья великого князя. Они были ближе других к заветному венцу, от которого поначалу их отделяла всего лишь такая малость, как одна человеческая жизнь. Однако с течением времени у старшего брата появлялся сын, потом другой, третий — и каждый новый племянник сталкивал дядю еще на одну ступень вниз. Нужно было обладать железными нервами, чтобы вытерпеть эту бескровную пытку.

Нечто подобное происходило и с Тверью. Цветущий город на оживленном перекрестке торговых путей, местопребывание энергичных князей и авторитетных епископов, наконец —

резиденция великого князя Владимирского. Казалось, все идет к тому, что именно Тверь станет центром объединения Северо-Восточной Руси, столицей будущего единого Русского государства.

Однако ноша оказалась непосильной для Твери. Она надорвалась в отчаянном усилии поднять на свои плечи всю Северо-Восточную Русь и Новгород. Слишком ранний и слишком бурный порыв тверских князей к общерусской власти встревожил Орду и переполошил все сообщество русских земель и княжеств. В итоге три тверских князя сложили головы в Орде, а само княжество зимой 1327/28 года (после антитатарского восстания в Твери летом 1327 года) было подвергнуто сокрушительному разгрому большим войском, посланным ханом Узбеком. В 1339 году Иван Калита, торжествуя свою победу над тверским князем Александром Михайловичем в споре за великое княжение Владимирское, вывез из Твери в Москву соборный колокол — символ независимости и достоинства города. С этого времени Тверь как бы погружается в историческую тень. Фортуна могла улыбнуться тверским князьям лишь в случае решительного отказа ханов от сотрудничества с московскими князьями и разгрома самого Московского княжества какой-нибудь многотысячной татарской «ратью».

Но ханы не хотели порывать с Москвой, которая сумела навести хотя бы относительный порядок в разобщенном и взбудораженном русском мире. А главное — Москва умела вовремя платить дань. Уже за одно это ей — к вящей досаде тверских Михайловичей — отпускались все прочие грехи. Измельчавшие и вступившие после 1357 года в лютую борьбу друг с другом правители Орды остро нуждались в русском серебре. И даже жестоко наказывая московских князей за дерзость своими опустошительными набегами, они не решались полностью отказаться от их услуг.

Новые надежды подала Твери московская династическая смута второй четверти XV века. Конечно, тверичи хорошо понимали, что все соискатели московского престола придерживаются одной и той же наследственной парадигмы «собирания земли Русской» вокруг Москвы. В этом отношении в Твери не видели никакой разницы между Василием Темным, Юрием Звенигородским, Василием Косым или Дмитрием Шемякой. Однако борьба между внуками Дмитрия Донского давала тверскому князю Борису Александровичу (1425–1461) некоторое поле для маневра. Он действовал по-своему правильно, сохраняя формальный нейтралитет, но прикровенно (а иногда и откровенно) поддерживая того из соперников, кто в данный

момент оказывался слабее. Такая игра позволяла Твери выиграть время, затянуть московскую смуту. Выступая в роли «третьей силы», умный и властный тверской князь сумел выжать из ситуации максимум возможного. Ведя сложную игру с Москвой, он при этом беспощадно душил своих удельных сородичей и на их костях строил пирамиду деспотической власти. Сограждане восхищались им, придворные книжники называли его «самодержавным государем», сравнивали с Константином Великим и считали правление Бориса «золотым веком» Твери (12, 280).

Однако все эти прекрасные замки возводились на песке. Первенство Москвы питалось глубокими корнями, вырвать которые не смогла даже многолетняя смута. Предчувствуя скорое окончание московской усобицы и восстановление единовластия, Борис в 1446 году решился сделать ставку на один из кланов — на великого князя Василия Темного и его старшего сына Ивана, поклявшегося жениться на дочери Бориса. Расчет оказался в целом правильным. Будущее было за Василием Темным. Тверские пушки и тверское войско, вовремя подоспевшее ему на помощь, ускорили победу Слепого над Дмитрием Шемякой.

Прозорливость Бориса подарила Твери еще три десятилетия независимости. Ни Василий Темный, ни его молодой наследник не притесняли свою тверскую родню. Со своей стороны и Борис Александрович, и его наследник Михаил Борисович не ссорились с Москвой по пустякам и соблюдали верность союзническим обязательствам. Тверские ратники участвовали в крупнейших военных предприятиях Москвы: новгородских походах 1471 и 1478 годов, «стоянии на Угре».

И все же отношения двух старых соперниц мало-помалу обострялись. Этого не мог предотвратить последний тверской князь — Михаил Борисович. Родившийся в 1453 году, он в 1461 году, после кончины отца, остался единственным наследником тверского престола. (Брат Михаила Александр умер в младенчестве.) Князь Михаил был, в сущности, неплохим правителем. Стойкий боец, он сражался до последнего и сделал все возможное, чтобы отстоять тверскую независимость, а заодно и свои собственные права. Однако возможности его были весьма ограничены…

Первая трещина в равноправных и союзнических отношениях между Москвой и Тверью возникла после глухой кончины в 1467 году первой жены Ивана III княгини Марии Борисовны — сестры Михаила Тверского. Вместе с молодой княгиней ушли в небытие и надежды на то, что отношения Москвы и Твери будут оставаться союзом равных. Ветер переменился — и тверская знать стала

понемногу перебираться в Москву. Одним из первых переметнулся молодой и честолюбивый князь Данила Дмитриевич Холмский — будущий знатный воевода при дворе Ивана III. Его стремительное возвышение должно было стать приманкой для новых именитых перебежчиков.

Во всем выступая заодно с Иваном III, Михаил Тверской не мог, конечно, равнодушно взирать на то, как его родичи и бояре один за другим отъезжают на московскую службу. Новым ударом по самолюбию князя Михаила стало назначение на тверскую кафедру 6 декабря 1477 года нового владыки Вассиана, в миру князя Василия Ивановича Оболенского, сына известного московского полководца Ивана Стриги Оболенского. Несомненно, новый владыка был «оком государевым» в Твери. Летописец отмечает, что на его хиротонии, которую совершал митрополит Геронтий, присутствовал сын и соправитель Ивана III Иван Молодой. (Сам великий князь находился в то время в Новгороде.) Примечательно и то, что Вассиан оставался на кафедре и после завоевания Иваном III Твери, вплоть до своей кончины в 1508 году.

В этом отчаянном положении взгляды патриотически настроенной части тверской знати невольно обращались на запад. Подобно Новгороду, Тверь издавна имела тесные связи с Литвой. Родственные и дружеские отношения с Гедиминовичами помогали тверским князьям в их борьбе с московской экспансией. Следуя семейной традиции, князь Михаил Борисович (за спиной которого стояла его мать — властная княгиня Анастасия Александровна Шуйская) женился в 1471 году на Софье, дочери могущественного киевского князя Семена Олельковича — лидера литовских сепаратистов (21, 497). Однако в том же году тесть Михаила скончался, а его брат Михаил Олелькович не сумел унаследовать киевский престол (155, 141). В итоге вся эта матримониальная комбинация не принесла Михаилу Тверскому особых политических дивидендов.

Литовские связи тверских князей издавна были ориентированы на тех представителей династии Гедиминовичей, которые вопреки польско-католической экспансии сохраняли православие. Однако их влияние в Литве в 70-е годы XV столетия сильно ослабло. Пытаясь переломить ситуацию в свою пользу, часть литовских православных магнатов (князья Михаил Олелькович, Федор Вельский, Дмитрий Вяземский) начинает переговоры с Римом о возможности своего присоединения к унии. Не забыты были и другие методы борьбы. В начале 80-х годов XV века православные князья готовили заговор с целью убийства сыновей короля Казимира. Заговорщиков постигла неудача.

Участвовавшие в деле князья Михаил Олелькович и Иван Голыианский были убиты, а Федор Вельский едва успел бежать во владения Ивана III, оставив королю в качестве трофея свою молодую жену. Под 6990 годом (1 сентября 1481 — 31 августа 1482 года) летопись сообщает: «Прибежал из Литвы к великому князю Ивану Васильевичю от короля Казимера князь Федор Иванович Бельскыи, а жены с собою не успел взяти. И князь великы его пожаловал, дал ему город Демон да Мореву (оба в южной части Новгородской земли. — *Н. Б.*) в вотчину со многыми волостьми» (31, 329).

Михаилу Тверскому оставалось только с завистью смотреть на пролетавшие над его головой в сторону Москвы стаи литовских «диких гусей».

7 февраля 1483 года скончалась первая жена князя Михаила Тверского, Софья (21, 498). Ее похоронили в тверском Спасском соборе рядом с могилой первой жены Бориса Тверского, княгини Анастасии Андреевны (дочери сына Дмитрия Донского, князя Андрея Можайского). Кончина Софьи окончательно обрывала родственные связи тверского двора с литовскими Ольгердовичами (потомками великого князя Литовского Ольгерда Гедиминовича (1343–1377) и его второй жены, тверской княжны Ульяны Александровны). Князь Михаил Тверской терял свои последние козыри. Началась новая волна отъезда тверской знати в Москву.

Надеясь как-то поправить дело, Михаил вскоре после кончины жены отправился в Кашин — главный центр про-московских настроений в Тверском княжестве. С ним ездила и его мать — вторая жена Бориса Тверского, княгиня Анастасия Александровна (дочь князя Александра Васильевича Шуйского). Можно полагать, что эта поездка, подробности которой летописи не сообщают, имела политическую цель и должна была как-то укрепить шаткие позиции Михаила в собственном княжестве.

Но главное, что решил предпринять последний тверской князь, — женитьба на внучке короля Казимира. Соответствующие переговоры велись в 1483–1484 годах. В Кракове условием брака ставили переход Михаила в ряды вассалов короля. Впрочем, Казимир едва ли всерьез собирался воевать с Москвой из-за Твери. Его пассивность в период покорения Новгорода должна была стать уроком для Михаила Борисовича. Однако тот, как видно, решил, что терять ему, в сущности, уже нечего…

Мать наследника московского престола Ивана Молодого была сестрой Михаила Тверского. В Москве, как и в Твери, помнили об этом родстве. Когда 12 января 1483 года Иван Молодой вступил в брак с Еленой Волошанкой, довольный отец жениха не забыл

поздравить и тверскую родню. Михаилу Тверскому, его жене Софье и матери Анастасии Александровне посланы были одинаковые подарки: мех вина и два вытканных жемчугом полотенца. 10 октября 1483 года у Ивана Молодого родился сын, нареченный Дмитрием. И вновь в Тверь поскакал гонец «с поклоном» (21, 499). Однако характер московско-тверских отношений к этому времени уже был таким, что князь Михаил воспринял московскую любезность как оскорбление. Он «поклона не приаль» (не принял), а посла «выслал вон из избы, и к матери ему ити не велел к великой княгины Настасий» (21, 499). Такое вызывающее поведение Михаила (если только это не была неожиданная истерика) можно было объяснить лишь его решением начать войну с Иваном III, а также заключенным уже договором о дружбе с Казимиром IV.

Московская разведка работала в Твери не хуже, чем в Новгороде. О пересылках Михаила с королем с самого начала было известно на Боровицком холме. Здесь не стали придумывать ничего нового, а просто пустили в ход все тот же обкатанный новгородский сценарий. Его основные положения хорошо известны. Сношения с королем Казимиром представлялись не только как измена своему исконному государю — великому князю Московскому и Владимирскому, но и как измена православию. Первым актом должна была стать демонстрация подавляющего боевого превосходства Москвы, но на локальном театре военных действий. Затем противнику предоставлялась пауза для размышлений, во время которой ряды его сторонников таяли, а между оставшимися начинались распри. Вторым актом становился поход огромного войска на вражескую столицу, которая спелым яблоком должна была скатиться под ноги победителю. Поводом для похода выставлялась какая-нибудь подлинная или мнимая связь осужденного с «латинством». В целом стратегия Москвы как против Новгорода, так и против Твери напоминала действие того сокрушительного тарана — подвешенного на треножнике тяжелого бревна с железным «бараном» на конце, — с помощью которого Фиораванти в три дня разбил строившийся три года митрополичий Успенский собор. Дьявольский маятник двигался мерно и неотвратимо. Сила ударов нарастала. Первый взмах заставлял каменную стену вздрогнуть, второй — пошатнуться, третий — рассыпаться в прах.

К полному разрушению тверской независимости московские «мастера» приступили в конце 1484 года. (Содержащиеся в летописях датировки и подробности тверской эпопеи весьма сбивчивы и противоречивы. Возможно, первый удар по Тверскому княжеству московские воеводы нанесли еще в конце 1483 —

первой половине 1484 года.) Под 6993 годом (1 сентября 1484 — 31 августа 1485 года) Софийская II летопись сообщает: «Тое же зимы разверже мир князь великы (Иван Васильевич. — *Н. Б.*) с тферьским великим князем Михаилом Борисовичем о том, что женитися ему у короля и целова (крест. — *Н. Б.*) ему (королю. — *Н. Б.*), и посла князь великий сложи целование, и посла рать порубежную и повеле воевати; князь великий Михайло Борисович Тферьскый приела владыку (Вассиана. — *Н. Б.*) и доби ему челом на всей воли его: „не зватися ему братом, но молодший брат; а что назовет князь велики земль своими землями и Новоторжскыми, а те земли князю великому; а куда пойдет князь великий ратью, и ему (Михаилу Тверскому. — *Н. Б.*) с ним же ити заодин“» (18, 236).

Некоторые подробности тверской войны конца 1484 года отмечены Псковской 2-й летописью: «Тоя же зимы князь великий Иван Васильевич разгневася на князя тферского Михаила Борисовича, что начат дружбу держати с литовским королем Андреем (правильно — Казимиром. — *Н. Б.*) и съветы с ним творити о всем и испроси в короля за себе внуку; и того ради князь великий посла на него воеводы своя с множеством вой. И плениша всю землю их, и взяша 2 города и сожгоша; и тако владыка тферскыи с бояры добита чолом, и смиришася» (40, 66). Из этого сообщения следует, что действия московской рати не ограничились одними только приграничными районами, а нанесли большой ущерб всему княжеству.

Сохранился текст московско-тверского договора, заключенного при посредничестве владыки Вассиана, по-видимому, в декабре 1484 года. Этот замечательный документ представляет собой смесь плохо скрываемого московского высокомерия с традиционной для такого рода документов нравоучительной риторикой. Запрещая тверскому князю сколько-нибудь самостоятельную внешнюю политику, связывая его целым рядом практически невыполнимых обязательств, Иван снисходительно обещает: «А нам тобе добра хотети во всем, везде, где бы ни было» (6, 296).

Перед тем как перейти ко второму действию своего плана — сокрушительному военному удару по Твери, — Иван позаботился о том, чтобы привлечь на свою сторону местную знать. Можно было, конечно, перемолоть ее в мясорубке войны и репрессий. Но Государь рассуждал здраво: эти люди, многих из которых он знал по прежним совместным действиям против Новгорода и татар, могли пригодиться ему на московской службе. Бережливость во всем — один из главных принципов московского процветания.

Переход на службу к врагу, особенно в условиях войны, во все

времена рассматривался как предательство. И для Новгорода в 70-е годы XV века, и для Твери в 80-е годы Москва была явным врагом, с которым велись боевые действия. Понимая это, Иван помогал колеблющимся преодолеть определенный нравственный барьер с помощью некоторых хитроумных ходов. Для новгородцев он разыграл внушительное действо на тему справедливого суда и восстановления своих законных древних прав на «отчину». Но для Твери этот сценарий был явно непригоден: кто мог поверить, будто московский князь имел над ней какие-то старинные права?

И тогда Иван решил сыграть на другом человеческом качестве — гордости. Уязвленное самолюбие — великий двигатель поступков. Важнейшей обязанностью правителя является защита прав и интересов тех, кто ему служит. Правитель, который не может или не хочет осуществлять эту функцию, теряет моральное право требовать от своих людей верной службы. Таким образом, задача состояла в том, чтобы нанести тверской знати чувствительное оскорбление, ответить на которое князь Михаил Борисович не сможет. И тогда у нее будет полное моральное право оставить его и перебраться в Москву, где первым или наиболее знатным перебежчикам (для приманки остальных) выдавались необычайно щедрые «кормления» и пожалования. (Спустя некоторое время все это будет, разумеется, у них отобрано.)

Осуществление этого плана началось сразу же после московско-тверской войны 1484 года. Московская знать и мелкие служилые люди как по команде принялись поднимать поземельные споры со своими тверскими соседями. Независимый летописец так описывает ход событий: «Того же лета (6993-го года: 1 сентября 1484 — 31 августа 1485 года — *Н. Б.*) приехали изо Тфери служити к великому князю князь Ондрей Микулинскый и князь Осиф Дорогобужскый (удельные князья тверского дома. — *Н. Б.*); князь же великий дал Микулинскому Дмитров, а Дорогобужскому Ярославль. Тогда же бояре вси приехаша тверьскии служити к великому князю на Москву, не терпяще обиды от великого князя; занеже многы от великого князя и от бояр обиды и от детей боярскых о землях: где межи сошлися с межами, где не изобидят московские дети боярские, то пропало, а где тферичи изобидят, а то князь велики с поношением (бранью. — *Н. Б.*) посылает и с грозами к Тверскому, а ответом его веры не имет, а суда не дасть» (18, 237).

Растеряв своих лучших людей, князь Михаил стал похож на общипанного петуха. Немногим лучше выглядело теперь и само Тверское княжество. Исход в Москву почти всего правящего класса наглядно показал его огромное значение для

повседневной жизни. Повсюду воцарились хаос и произвол темных сил. Дороги сделались почти непроезжими из-за множества разбойников, ловить которых никто не собирался. Жертвами этого безнарядья стали, среди прочих, даже псковские гонцы, пробиравшиеся небольшим отрядом через Тверское княжество в Москву в начале 1485 года. Тела ограбленных и убитых гонцов «вметаша в реку розбоиники» (41, 66).

Между тем драма приближалась к развязке. Московская разведка узнала о том, что Михаил вновь отправляет скорого гонца к королю Казимиру. Гонец был перехвачен и доставлен в Москву. У него изъяли княжеское послание королю, в котором Михаил «подъимал его войском (то есть призывал к войне. — *Н. Б.*) на великого князя Ивана Василиевича» (20, 216). Теперь преступление Михаила было очевидно всем: вопреки договору 1484 года он сносился с королем и даже призывал его начать войну с Москвой для спасения Твери. Неизвестно, что на самом деле говорилось в перехваченной (или сфабрикованной?) тверской грамоте. Однако некоторые источники указывают на то, что в Москве Михаила обвинили не просто в нарушении клятвы, но и в том, что он, сносясь с королем, хотел изменить православию (50, 73).

Ответом на двойную (политическую и религиозную) «измену» могла быть только большая война с Тверью. Иван III объявил свой недавний мирный договор с Михаилом Тверским недействительным. В «Истории» В. Н. Татищева, сохранившей много уникальных подробностей событий, сообщается, что мир между Москвой и Тверью продержался лишь «от Благовещения до Ильина дня», то есть от 25 марта до 20 июля 1485 года (50, 74).

Понимая, к чему идет дело, Михаил Борисович в отчаянии вновь направил к Ивану III в качестве миротворца тверского епископа Вассиана. Однако на сей раз Иван не принял владычного «челобития». Тогда в Москву отправился вождь тверской знати, второй человек в городе после самого князя Михаила Борисовича, князь Михаил Дмитриевич Холмский — старший брат известного московского воеводы Данилы Дмитриевича Холмского. Этого посла Иван III даже «на очи не пустил» (18, 237). Ему не о чем было договариваться с Михаилом Тверским: речь шла о ликвидации Тверского княжества как такового.

Согласно «Истории» Татищева, Михаил Холмский помимо официальной миссии пытался в Москве решить и свои собственные проблемы. Он втайне всячески настраивал Ивана III против Михаила Тверского и одновременно уверял великого князя в своей преданности и готовности служить ему (50, 74).

Холмский объяснял причины своего предательства тем, что его князь нарушил скрепленный целованием креста договор с Иваном III и тайно возобновил переговоры с Казимиром.

В августе 1485 года огромное московское войско собралось в поход на Тверь. Помимо самого Ивана III, на коня сел наследник московского престола Иван Молодой, удельные князья Андрей Васильевич Углицкий и Борис Волоцкий. Из других видных персон в походе принимали участие недавний литовский перебежчик князь Федор Вельский «да Аристотель с пушками и с тюфяки и с пищалми» (18, 237). Для участия в войне князь Иван решил призвать и новгородцев, у которых имелись старые счеты с тверскими князьями. Скорый гонец повез соответствующий приказ новгородскому наместнику боярину Якову Захарьичу (30, 204).

Описание тверского похода в летописях почему-то несравненно короче описания новгородских войн и занимает всего несколько строк. Подробности приходится собирать буквально по крупицам из самых различных источников. Передовые полки выступили из Москвы в воскресенье 21 августа (18, 237). Как обычно, войска отправлялись частями, с интервалом в несколько дней. 27-летний наследник московского престола Иван Молодой двинулся, по-видимому, в четверг, 25 августа. В тверской эпопее ему отводилась особая роль: внук Бориса Александровича Тверского, он после изгнания Михаила Борисовича должен был стать новым правителем Твери.

Сам великий князь замыкал череду московских полков, подгоняя отставших и замешкавшихся. Он покинул столицу в воскресенье 28 августа (50, 74).

8 сентября 1485 года, на самый праздник Рождества Божией Матери, московское войско обступило Тверь. Вокруг города запылали избы посадов. Но для серьезного сопротивления у тверичей не было ни сил, ни желания. В воскресенье 11 сентября тверская знать выехала из осажденного города и «ударила челом» Ивану III. Все они просили об одном: принять их на московскую службу. И в этом им не было отказано.

Оставшийся в городе с горсткой приближенных, князь Михаил не видел для себя другого выхода, кроме бегства. В ночь с 11 на 12 сентября «побежал из града Твери князь великий Михайло Борисович Тверский к Литве, видя свое изнеможение» (20, 217). Тем самым он избавил себя от московской темницы.

Выбравшись Бог весть какими тайными ходами из окруженной московскими войсками Твери, Михаил и верные ему люди унесли с собой и тверскую казну. Наутро московский князь узнал о происшедшем и отправил «великую погоню».

Преследователи быстро напали на след беглецов. Михаилу удалось оторваться от погони, лишь бросив повозку с уложенной в сундуки тверской казной (29, 162). Теряя людей и загоняя лошадей, он добрался наконец до литовской границы.

Мать Михаила, княгиня Анастасия Александровна не захотела покидать отечество. Она осталась в Твери и после капитуляции была с честью отправлена Иваном III в Москву. Позволив старой княгине (мачехе своей первой жены) жить в Москве на свободе и с некоторым почетом, Иван, однако, поинтересовался, не осталась ли у нее некоторой части тверских сокровищ. Анастасия в ответ лишь качала головой: «Сын мой все увез с собою в Литву» (50, 74). Однако вскоре приставленные к Анастасии для услуг московские «жонки» сообщили, что княгиня все же утаила драгоценности и теперь ищет возможности переслать их сыну в Литву. Иван велел произвести в покоях Анастасии тщательный обыск, который подтвердил донос. В итоге семейные драгоценности тверских князей перешли в великокняжескую казну, а сама старая княгиня была послана в заточение в Переяславль-Залесский.

Дальнейшая судьба князя Михаила Борисовича также достаточно печальна. Прибыв в Литву, он отправился к королю Казимиру и стал просить его о военной помощи. Тот ответил отказом, о чем не преминул известить Ивана III.

Тогда Михаил, собрав кое-какие силы, на свой страх и риск решил вторгнуться в московские владения, чтобы отомстить за свои обиды. Князь Иван своевременно узнал об этой вылазке и отправил против Михаила своего воеводу Ивана Юрьевича Патрикеева. Тот без труда прогнал Михаилово воинство обратно в Литву. Все это произошло по горячим следам «тверского взятия» — в конце 1485-го или первой половине 1486 года (29, 162).

Вскоре ярость изгнанника поостыла, и он стал думать об устройстве на чужбине. К счастью для него, король Казимир всегда как-то пристраивал знатных беглецов из соседнего государства. Не остался забытым и бывший тверской князь. Изрядно поскитавшись по Литве и Польше, он получил от Казимира местечко Лососину с селами в Слонимском повете и имение Печи-Хвосты — в Луцком (168, 514). Там, в польско-украинском захолустье, между печами и хвостами, и доживал свой горемычный век последний тверской князь.

Есть сведения, что в браке с внучкой Казимира (имя которой неизвестно) Михаил имел дочь, которую ему удалось выдать замуж на одного из князей Радзивиллов. Однако все это может быть не более чем романтической легендой, окружавшей именитого изгнанника. Даже самый факт его женитьбы на внучке

короля не имеет документального подтверждения и подвергается сомнению некоторыми историками. Известно лишь, что в одном из польских замков некогда хранился портрет тверского изгнанника, но и тот со временем куда-то затерялся…

Ночное бегство Михаила Тверского ставило точку в истории столь богатого яркими личностями и драматическими судьбами тверского княжеского дома. Заодно окончилась и более чем двухвековая история самостоятельного Тверского княжества. Похороны тверской независимости прошли скромно и поспешно. Кажется, никто не проявлял особой скорби по усопшей. Бывшие приближенные тверского князя спешили занять свое место за московским столом. Простонародье с нетерпением ожидало казней и бесплатного угощенья от нового правителя…

Утром 12 сентября 1485 года из Твери навстречу Ивану выехали владыка Вассиан и весь клан Холмских во главе с князем Михаилом Дмитриевичем. Вслед за ними повалила знать помельче, потом «и земские люди все» (31, 330). Город сдался на милость Ивана III.

Услужливому Михаилу Холмскому так и не удалось купить себе высокое место на московской службе ценой предательства. Год спустя он был неожиданно отправлен в заточение в Вологду (50, 74). Кажется, это произошло одновременно с опалой на тверскую княгиню Анастасию. Вероятно, между двумя арестами существовала какая-то связь. Имея при своем дворе много выходцев из Твери, великий князь опасался возникновения в их среде какого-либо заговора или измены. Ему хотелось припугнуть тверичей расправой над главою их «землячества». Однако никаких прямых свидетельств «измены» Михаила Холмского великий князь, по-видимому, не имел. Пристрастное расследование этого дела могло встревожить другого Холмского — князя Данилу Дмитриевича, военные дарования которого Иван III весьма ценил. Эту политическую головоломку великий князь разрешил весьма своеобразным и не лишенным мрачного юмора способом. Намеченный для жертвоприношения московскому делу, князь Михаил Холмский был обвинен в том, что он во время приезда в Москву незадолго до начала тверской войны оболгал своего прежнего сеньора Михаила Тверского «и целовав ему крест, изменил» (50, 74). Должно быть, живя в Москве, несчастный Холмский и не думал скрывать своих прежних тайных связей с Иваном III, возводя это себе в заслугу. Возможно, он даже кичился этим, изображая вернейшего из верных. Бедняга не мог и предположить, чем обернется для него эта уже никому не нужная верность. Между тем, отправив Холмского в темницу по

смехотворному обвинению в измене прежнему сеньору в пользу нынешнего, Иван дал ясно понять всем тверичам, что любой из них может разделить его участь. Найденное обвинение, в сущности, было применимо к любому из тверских переселенцев. Иначе говоря, для жестокой опалы достаточно было одного лишь подозрения или просто недовольства Государя. Обвинение уже было готово и не требовало особых доказательств.

Для начала победитель отправил в Тверь своих бояр и дьяков, которым велено было «гражан всех к целованью привести, да и от своей силы беречи, чтобы их не грабили» (31, 330). Когда горожане присягнули на верность новому правителю, а московские администраторы навели в Твери некоторый порядок, настало время для торжественного въезда Государя в покоренный город. Это произошло в четверг 15 сентября 1485 года. (Примечательный факт: Иван не стал назначать свой въезд на большой церковный праздник — Воздвижение Креста Господня, который отмечался 14 сентября. Что стояло за этим решением: непонятная, но упорная приверженность Ивана III к четвергу как счастливому для него дню недели? Или просто нерасторопность московских дьяков, не успевших за два дня выполнить всю подготовительную работу?)

Вступив в Тверь, Иван III по обыкновению отправился в собор, где вместе с сыном Иваном отстоял обедню. После этого он объявил Ивана Молодого новым правителем Тверской земли. В воскресенье 18 сентября Иван Иванович торжественно вошел в тверской княжеский дворец в качестве его нового хозяина. В помощь молодому правителю отец оставил своего многоопытного боярина Василия Федоровича Образца Добрынского (21, 500).

Пробыв в Твери еще с неделю, Иван III поехал обратно в Москву. По-видимому, он покинул город в понедельник 26 сентября. В четверг 29 сентября покоритель Твери вернулся в Москву (31, 331).

Сбылась мечта нескольких поколений московских Даниловичей. Тверь как вечный источник тревог и опасений прекратила свое существование. На смену ей пришла другая, мирная Тверь — один из лучших городов Московского государства. Предусмотрительно сбереженная Иваном III от разгрома и грабежа, она стала подлинной жемчужиной в его короне.

Включение Тверской земли в состав Московского государства Иван III осуществлял постепенно. Долгое время она все еще представляла собой некое административно-территориальное целое. После смерти управлявшего Тверью Ивана Молодого в

1490 году тверским правителем был назначен старший сын Ивана III от Софьи Палеолог — Василий. Новые правители сохранили «особую тверскую думу, в которой по-прежнему заседали представители тверских боярских родов» (157, 283). Почти все тверские землевладельцы и после 1485 года сохранили свои вотчины.

И все же следы прежней независимости постепенно стираются. Повсюду вводится московская администрация и устанавливаются московские порядки. Согласно завещанию Ивана III (1504 года) Тверская земля была разделена между несколькими правителями и утратила свою былую целостность. Свидетелями ее прежней славы остались лишь искалеченные временем белокаменные храмы, пожелтевшие страницы древних рукописей да темные струи красавицы Волги…

ГЛАВА 9 Вятка

Нельзя попустительствовать беспорядку ради того, чтобы избежать войны, ибо войны не избежишь, а преимущество в войне утратишь.

Никколо Макиавелли

История заселения Вятки — обширной области в бассейне реки Вятки, правого притока Камы — восходит к домонгольскому времени. Славянское население появилось здесь в ходе новгородской колонизации бассейнов Сухоны и Северной Двины. Через Вятку шел прямой путь из Устюга — столицы всего промыслового Севера — на юг, в Среднее Поволжье. Транзитная торговля, а также сбыт собственных продуктов лесных промыслов давали вятчанам неплохие доходы. При этом основой хозяйства было земледелие в обширных речных долинах.

Занимая далекую лесную окраину русского мира, вятчане не были исключены из его политической системы. Однако характер отношений Вятки с Новгородом и Москвой не совсем понятен. В период феодальной войны второй четверти XV века Вятка входила в состав владений галицких князей. Вятчане не раз участвовали в боевых действиях на стороне Юрия Звенигородского и его сыновей. Однако трудно сказать, была ли это служба вассалов своему сеньору или выполнение некоего договора, предусматривавшего оплату за услуги.

После окончания московской усобицы вятчане постепенно переходят под власть Москвы. Первая попытка Василия Темного подчинить Вятку в 1458 году оказалась неудачной. Ходили слухи, что причиной неудачи была продажность московских воевод, принявших «посулы» от осажденных вятчан. Как бы там ни было, но уже на следующий год из Москвы было прислано новое войско, которым командовал князь Иван Юрьевич Патрикеев. Вторым воеводой шел князь С. И. Ряполовский. На стороне москвичей выступили против Вятки и устюжане. Московские воеводы взяли вятские городки Котельнич и Орлов, осадили столицу края — Хлынов. В итоге вятчане покорились Василию Темному «на всей его воле», то есть безусловно и безоговорочно.

Однако когда войска ушли, дух своеволия вновь овладел вятчанами. Местная знать разделилась на «московскую» и «антимосковскую» партии. Опять объявились удальцы, желавшие

обогатиться путем лихих набегов на владения великого князя Московского или Великого Новгорода. В марте 1466 года вятчане совершили набег на расположенную по левому берегу Сухоны волость Кокшеньгу, которая являлась частью северных владений Ивана III. При этом вятчане по пути туда незаметно прокрались мимо Устюга, в на обратном пути спаслись от преследования устюжан, вручив крупную взятку местному воеводе Василию Сабурову. Приказ Ивана III поймать грабителей так и не был выполнен (37, 91). В следующем году вятчане вместе с пермяками ходили в далекий набег на земли вогуличей (современные манси) (37, 91).

Геополитическая ситуация в регионе существенно осложнилась с появлением Казанского ханства. Взяв под свой контроль нижнее течение Камы и значительную часть Среднего Поволжья, казанские ханы наложили руку на вятскую торговлю. Превратив в своих вассалов местные угро-финские племена, используя их в качестве боевой силы для войны с русскими, потомки Тохтамыша мечтали распространить свою экспансию и на Вятские земли.

Развернувшаяся уже в конце правления Василия Темного борьба Московского государства с Казанским ханством не могла обойти стороной и далекую Вятку. Москва хотела иметь прочный контроль над Вяткой, которая (помимо ее природных богатств) представляла собой превосходный плацдарм для наступления на Казань с севера. Уже в 60-е годы XV века московские воеводы разрабатывают стратегию одновременного двойного удара по территории ханства: с запада, от Нижнего Новгорода — вдоль Волги и с севера — из Вятской земли.

Не имея возможности отомстить самому великому князю Московскому, основные владения которого были надежно прикрыты окско-волжскими оборонительными линиями, казанские ханы обрушивают свою ярость на Вятку. Ее собственных сил явно недоставало для борьбы с армией всего Казанского ханства. А держать здесь постоянный контингент великокняжеских войск было практически невозможно. Оказавшись между московским молотом и казанской наковальней, вятчане вынуждены были искать спасения в гибкой дипломатии. В 1468 году, столкнувшись с угрозой нашествия казанцев, они признали над собой власть хана Ибрагима и даже обязались платить татарам дань хлебными припасами (30, 188). Но при этом вятчане не хотели портить отношений и с Москвой. В ходе московско-казанских войн 1468–1469 годов Вятка предприняла отчаянную попытку сохранить нейтралитет. Местные власти не препятствовали войскам Ивана III идти из

Устюга через Вятскую землю на Каму. Одновременно вятчане пропускали отряды татар, устремлявшиеся в набег на окрестности Устюга. Во время стояния под Казанью войска Ивана Руна вятчане отказались прийти к нему на помощь, ссылаясь на то, что в войне не участвует сам Иван III или хотя бы его братья. Осенью 1469 года в поход на Казань отправился брат Ивана III Юрий. Явились ли на этот раз вятчане на помощь москвичам — неизвестно.

После московско-казанской войны 1468–1469 годов летописи долгое время не упоминают о Вятке. Очевидно, ее до времени оставили в покое. Не проявляли особой активности и сами вятчане. Исключение составляет их дерзкий набег на Сарай весной 1471 года. Однако его политическая подоплека (если таковая вообще имелась) трудно поддается истолкованию.

Другой эпизод, относящийся к Вятке, помещен в Устюжской летописи под 6986 годом (с 1 сентября 1477-го по 31 августа 1478 года): «Того же лета царь Абреим Казанский (казанский хан Ибрагим. — *Н. Б.*) приходил ратью на Вятку и волости повоевал, а города ни единаго не взял. И пошел было на Устюг. И река Молома была водяна, нельзе ею идти. И шел един день и воротился. И на Устюг весть пришла, что царь идет ратью, и устюжане всю зиму сидели в осаде. Того же лета князь великий Иван Васильевич прислал гонца на Устюг к наместнику к Петру Федоровичи) Челяднину, а велел ставити город новой, а старой розваляти» (37, 48). Хан надеялся прийти к Устюгу по замерзшим рекам. Однако необычно сильная оттепель помешала его планам. Река Молома, правый приток Вятки, оказалась непригодной для продвижения татарской конницы. Не дожидаясь возвращения холодов, татары ушли восвояси.

Перепуганные вестью о приближении татар, устюжане всю зиму 1477/78 года провели в состоянии боевой готовности. Разумеется, дали знать в Москву. Иван III был серьезно встревожен возможностью выхода казанских татар к Устюгу. Для начала он распорядился выстроить в городе новую крепость. Однако гарантией безопасности Устюга и всего стратегически важного района, центром которого он являлся, могло быть только установление надежного контроля московской администрации над Вяткой. События зимы 1477/78 года показали это со всей очевидностью.

В 70-е и первую половину 80-х годов XV века внимание Ивана III было приковано к Волжской Орде, Новгороду и Твери. Казанские отношения оставались относительно спокойными и стабильными. Лишь летом 1482 года великий князь Иван предпринял большой поход на Казань. Впрочем, до битвы дело не дошло. Устрашенные приближением московских боевых сил, в

состав которых входила и сильная артиллерия, казанцы поспешили заключить мир. Источники сообщают, что во время этой войны московские воеводы стояли и на Вятке, откуда готовились нанести удар по Казанскому ханству с севера (51, 142).

Во второй половине 80-х годов великий князь вновь вынужден был заняться Казанью. И в связи с этим опять всплыла проблема Вятки. Москву, разумеется, не устраивала та шаткая и двусмысленная позиция, которую заняла местная знать. Здесь в миниатюре повторялась новгородская ситуация. «Антимосковская» партия отстаивала полную самостоятельность Вятки. Бояре, принадлежавшие к этой партии, были организаторами ряда набегов на северные владения великого князя. Особую настороженность Ивана III вызывало сближение части вятских бояр с враждебными Москве казанскими ханами, наметившееся в середине 80-х годов (116, 167).

Князь Иван хотел установить над Вяткой жесткий контроль московской администрации, использовать ее материальный и человеческий потенциал в интересах Москвы. После Пскова, Новгорода и Твери он уже имел большой опыт такого рода операций.

В 1485 году была ликвидирована независимость Тверского княжества. В 1487 году войска Ивана III осадили и взяли Казань. Там был посажен хан Мухаммед-Эмин, во всем послушный «государю всея Руси». Теперь великий князь мог, не оглядываясь по сторонам, основательно приняться за Вятку. Настал час исполнения грозного пророчества давно уже отошедшего в царство теней митрополита Ионы: еще в начале 50-х годов, разгневанный союзом вятчан с Дмитрием Шемякой и их частыми нападениями на владения Василия Темного, святитель отправил к ним обличительное послание, завершавшееся словами: «А та кровь християнская вам отольется!» (44, 97–98).

Поводом для большого похода на Вятку стало нападение вятчан на Устюг в 1486 году. Устюжский летописец сообщает: «Вятчане пришли ратью на Устюг; у города не были, занеже весть пришла пред ними. И стояли под Осиновцем городком день, и розграбили три волости. А устюжане за ними ходили в погоню и их не дошли» (37, 49).

Скромные результаты первого набега подвигли вятчан на новую попытку. В том же 1486 году «о Троицыне дни (14 мая. — *Н. Б.*) вятчане же приходили в судех на Устюг изгоном и стали под Осиновцем обедати. А воевода Костя Юрьев шел с ними неволею, и в ту пору разнемогся сын его и захотел соку соснового. И Костя пошел в лес, взем топор, и дошед до леса, и

ушел в городок Осиновец. И осиновляне на конех отпустили (воеводу. — *Н. Б.*) со многими людьми на подводах к Москве. И князь великий их пожаловал.

А вятчане хватились, что воевода утек. И они возмялися, начаша к городу приступати, чаючи в городе. Осиновляне же им правду сказаша, что воевода их на конех с проводники к великому князю побегл. И они на ту ночь побегли к Вятке» (37, 49).

Не знаем, что сделали разъяренные вятчане с сыном сбежавшего от них воеводы. Вероятно, убили. Но в таком случае за эту жизнь им пришлось заплатить сторицей. Узнав обо всем происшедшем от самого Константина Юрьева, князь Иван, должно быть, уже тогда решил при первой возможности навести железной метлой порядок на Вятке.

Опасаясь новых набегов вятчан, Иван III летом 1488 года распорядился разместить в Устюге дополнительные силы — отряды двинян, важан и каргопольцев. Эти войска под началом московских воевод князя Ивана Владимировича Лыко Оболенского и боярина Юрия Ивановича Шестака стояли в городе до наступления осени. Однако новых набегов вятчан не последовало (37, 96).

Летописи второй половины XV века сбивчивы в датах событий вообще и событий, связанных с Вяткой, в частности. Это прискорбное для историков обстоятельство объясняется многими причинами: методикой работы летописца, который обычно датировал растянутое во времени событие моментом его завершения; использованием в летописях нескольких календарных стилей; небрежностью многочисленных редакторов и переписчиков первоначального труда. О набегах вятчан на Устюг, которые Устюжский летописец датирует 6994 годом, Львовская летопись сообщает под 6995 годом (1 сентября 1486 — 31 августа 1487 года) в связи с повествованием о походе Ивана III на Казань весной и летом 1487 года. Вот ее примечательный рассказ: «Тогда же и вятчаня отступиша от великого князя; князь же великый посла на вятчан воеводу своего Юрья Шестака Кутузова со многою силою, и он шед умирися с ними, и възвратишася; тогда же и воевода вятцкой Костянтин прибеже к великому князю к Москве» (27, 352). Вполне вероятно, что казанский правитель Али-хан подталкивал вятчан к нападению на владения Ивана III именно в те моменты, когда московские войска совершали походы на Казань (1485, 1486, 1487 года) (81, 70).

Как бы там ни было, в 1488 году Москва и Вятка, по существу, находились в состоянии войны.

На следующий год Иван III счел возможным приступить к окончательному покорению Вятки. Поздней весной в Москве стали собираться войска для вятского похода. В кратком изложении официальной московской летописи этой акции посвящено всего несколько строк: «Тое же весны июня в 11 посылал князь великыи Иван Васильевич всея Руси рать свою на Вятку, за их неисправление, воевод своих князя Данила Васильевичя Щеня да Григорья Васильевичя Морозова. Они же шед Вятку взяли, лутчих людей вывели, а которых оставили, тех к целованию привели» (38, 164).

Итак, войско вышло из Москвы в четверг 11 июня. За четыре дня до этого, 7 июня, был праздник Троицы. Очевидно, именно этот срок и был установлен для явки ратников в Москву. В понедельник 8 июня двинулись передовые отряды. А в четверг (любимый день Ивана III) покинул Москву и сам главнокомандующий — князь Даниил Васильевич Щеня. Присмотримся повнимательнее к этому сверкающему доспехами всаднику: перед нами один из лучших полководцев Ивана III…

Даниил Щеня был отпрыском могущественного рода Патрикеевых — потомков осевшего в Москве в начале XV века литовского князя Патрикия Наримонтовича. Желая удержать литовских витязей в Москве, великий князь Василий I выдал свою дочь замуж за сына Патрикия Наримонтовича — Юрия. Внуком Юрия Патрикеевича и был Даниил Васильевич Щеня. В его жилах текла кровь основателей двух династий — Ивана Калиты и Гедимина.

Служа верой и правдой двум «государям всея Руси» — Ивану III и Василию III, Даниил своим мечом добыл для них немало городов и земель. Если бы в ту пору существовали особые медали за взятие городов — он имел бы их за Вязьму, Смоленск, Вятку; если бы тогда существовали боевые ордена — вероятно, он был бы их полным кавалером. По-видимому, он был чужд придворной борьбы и потому благополучно пережил ряд «политических процессов» конца XV — начала XVI века, на которых в числе обвиняемых выступали и его сородичи…

Биография князя Даниила, как, впрочем, и многих других военачальников той эпохи, может быть представлена лишь сохранившимися в источниками скупыми сведениями об их назначениях и походах. Живое лицо человека и даже степень его личного участия в военных операциях чаще всего скрыты за стеной молчания летописей. Князь Даниил впервые появляется в источниках в 1457 году, когда вместе с дядей, И. Ю. Патрикеевым, и старшим братом Иваном Булгаком он

пожертвовал сельцо в Московском уезде митрополичьему дому (82, 32). Есть основания думать, что отец Даниила князь В. Ю. Патрикеев умер в молодости. Вероятно, воспитанием племянника занимался его дядя — Иван Юрьевич Патрикеев, один из виднейших московских бояр последней трети XV века.

Даниил Щеня явно не принадлежал к числу временщиков, стремительно возносившихся из безвестности и так же внезапно исчезавших во мраке застенка или «молчательной кельи» дальнего монастыря. Он шел к славе путем медленного и неприметного восхождения по лестнице собственных заслуг и достоинств. И потому мы встречаем его в источниках лишь восемнадцать лет спустя, да и то в скромной роли одного из «бояр» (в широком смысле этого слова) свиты Ивана III, сопровождавшей его во время «мирного» похода на Новгород зимой 1475/76 года (82, 32). После этого он снова надолго уходит в неизвестность. Лишь в 1488 году Даниил вновь появляется на исторической сцене, но опять-таки в качестве второстепенной фигуры. Известно, что в числе других знатных лиц он присутствовал на приеме посла, прибывшего в Москву от императора Священной Римской империи.

Однако не приходится сомневаться, что Даниил уже в молодости отличился на поле сражения. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что в 1489 году в свой первый, отразившийся в источниках поход — на Вятку — Даниил шел уже воеводой Большого полка. Иван III знал цену своим приближенным и мог дать такое ответственное назначение лишь человеку, известному своими полководческими способностями. Вероятно, Даниил в юности принимал участие в походе на Вятку в 1459 году, которым руководил его дядя И. Ю. Патрикеев, и хорошо знал будущий театр военных действий.

Покорение Вятки Иван III предполагал осуществить объединенными силами северных городов и областей, имевших старые счеты с разбойными вятчанами. К участию в походе были привлечены ополченцы из Устюга, Каргополя, Вологды, Белоозера, из Подвинья, с Ваги, из городков и сел в бассейне Вычегды. По требованию Ивана казанский хан Мухаммед-Эмин также послал на Вятскую землю свой отряд. По существу, вятчане были взяты в кольцо. Общая численность войск, посланных на покорение Вятки, достигала 60–70 тысяч человек.

Ядром всех сил, выступивших против вятчан, была московская рать во главе с Даниилом Щеней. В источниках упомянут еще один воевода — Григорий Васильевич Поплева Морозов, командовавший Передовым полком. Это был уже убеленный сединами представитель старого московского

боярского рода, имевший значительный опыт не столько как полководец, сколько как наместник и администратор (82, 234). В это время он, очевидно, занимал пост вологодского наместника и потому был поставлен воеводой в поход на Вятку.

Устрашенные многочисленностью великокняжеской рати, вятчане уклонились от сражения «в чистом поле» и затворились в стенах своей главной крепости — Хлынова. Среди осажденных оказалось немало сторонников Москвы. Вскоре они выслали к Даниилу своих послов с дарами и изъявлением покорности великому князю. Однако Щеня потребовал от вятчан не только обычного «крестоцелования» — присяги на верность Ивану III, — но также выдачи «крамольников» из числа местной знати. «И вятчане упросили сроку до завтрея: „А мы то ваше скажем слово всей земли Вятцкои“. И думали два дни и воеводам отказали, что им тех трех человек не выдавати» (37, 50). Требование о выдаче «крамольников» весьма примечательно. Оно указывает на то, что покорение Вятки Иван III осуществлял уже не по старому, образца 1458–1459 годов, а по новому, новгородскому сценарию — с полным набором репрессий против своих врагов.

После некоторых раздумий осажденные отказались выдать «мятежников». Тогда Даниил приказал своим воинам готовиться к штурму. «И воеводы велели всей силе приступ готовити и примет (всевозможные приспособления для преодоления крепостных стен. — *Н. Б.*) к городу» (37, 50). Под стенами Хлынова москвичи соорудили особые деревянные «плетни», которые при штурме следовало поджечь. Пламя с них должно было перекинуться на городские стены. Для поджога «плетней» и городских стен воины приготовили факелы из смолы и бересты.

Устрашенные всеми этими приготовлениями, вятчане сдались, выдав на расправу своих занесенных в московский «черный список» земляков. «И воеводы, перековав их, дали за сторожи (под стражу. — *Н. Б.*) устюжаном, а велели их поставить перед великим князем на Москве и подводы им дали» (37, 50).

Окончание вятской эпопеи летописец относит уже к следующему, 6998 году, который начался, согласно тогдашнему календарю, 1 сентября 1489 года.

«А на Семен день летопроводца лета 6998 (1 сентября, в день святого Симеона Столпника, называемого в народе „Симеоном Летопроводцем“. — *Н. Б.*) воиводы великаго князя Вятку всю розвели, и отпустили их к Москве мимо Устюг и з женами и з детми, а приставы у них были князь Иван Волк Ухтомской с товарыщи. И князь великий велел Ивана Анекиива, Пахомья да Палку Богодаищикова кнутьем бити да и повесити, а иных вятчан пожалова, издавал поместья в Боровску и в Олексине, в Кременце.

И писалися вятченя в слуги великому князю» (37, 97).

Тот неизвестный московский книжник, которого мы называем Независимым летописцем, сообщает некоторые дополнительные подробности: «…А вятчан болших людей всех и с женами и с детми изведоша, да и арьских (удмуртских. — *Н. Б.*) князей, и тако возвратишася; и князь велики вятчан земских людей в Боровсце да в Кременьсце посади да и земли им подавал, а торговых людей вятчан в Дмитрове посади, а арьских князей князь велики пожаловал отпустил их в свою землю, а коромолников князь велики смертью казнил» (18, 239).

Итак, несчастные Иван Аникеев, Пахомий Лазарев и Палка (Павел?) Богодаищиков после истязания кнутом были повешены на одной из московских площадей. Вывезенные с Вятки «земские люди» (землевладельцы?) обращены в помещиков. Их новые владения (вероятно, весьма небольшие) располагались в самых горячих местах вдоль южной границы — в Боровске, Алексине, Кременце. Вятских купцов расселили в Дмитрове, представлявшем в XV–XVI веках настоящую «северную гавань Москвы» (150, 397). Удмуртских князей, переселять которых было некуда и незачем, Иван III великодушно отпустил по домам, строго наказав никогда более не участвовать в набегах на его владения.

Так, исправляя ошибки природы, Государь составлял свой собственный баланс народонаселения в различных областях. Конечно, для этого требовались суровые меры. Но «государь, если он желает удержать в повиновении подданных, не должен считаться с обвинениями в жестокости. Учинив несколько расправ, он проявит больше милосердия, чем те, кто по избытку его потворствуют беспорядку…» (117,49).

Часть 4
ВОИТЕЛЬ

ГЛАВА 10 Казань

Ничто не может внушить к государю такого почтения, как военные предприятия и необычайные поступки.

Никколо Макиавелли

Ярким проявлением могущества Москвы во второй половине XV века стали крупные военные успехи Ивана III. Великий князь показал себя поистине выдающимся воителем своего времени. Читатель уже знает о его победах над своими недругами внутри страны — новгородским боярством, тверской династией, вятской вольницей. Не менее впечатляющими были и победы над внешним врагом. На востоке и юге он отбросил от границ хищные татарские орды и установил прочный мир. На юго-западе и западе отнял у Литвы и присоединил к своим владениям некоторые обширные и густонаселенные территории (Верховские княжества, Северскую Украину, Вязьму). В Прибалтике успешно боролся с воинственным Ливонским орденом и регулярно отправлял свои рати во владения шведского короля. Словом, московский государь повсюду умел отстоять свои интересы силой оружия.

Меч победителя ковался в тылу. Прочным основанием для военных успехов Ивана III служили политическая консолидация Северо-Восточной Руси, создание эффективного механизма верховной власти, развитие поместного землевладения, широкое использование переходивших на московскую службу татарских «царевичей» с их отрядами, усовершенствование военно-технических средств приглашенными в Москву иностранными мастерами. Наконец, сам Иван III как главнокомандующий московской армии, насколько можно судить, всегда стоял на высоте своих задач. Конечно, и ему случалось испытывать горечь поражения. Однако он умел учиться на неудачах. И каждая новая кампания обогащала его военным опытом, более глубоким знанием людей и театров военных действий. Он все реже сам отправлялся на войну, но все лучше готовил свои военные предприятия.

Удача любит настойчивых. К концу жизни из окна своего кремлевского терема Иван видел так далеко, как ни один из его знаменитых предшественников. Но рассказ о его восхождении к славе великого воителя следует, разумеется, начать с самого начала…

Первой серьезной пробой сил молодого Ивана III как руководителя всех боевых сил Московской Руси стала Казанская война. Она началась осенью 1467 года. Однако понять значение этого события можно только сквозь призму истории.

Возникшее в конце 30-х годов XV века, Казанское ханство представляло собой один из осколков Золотой Орды. Эту мысль образно выразил неизвестный автор знаменитой «Казанской истории» — старинной воинской повести, рассказывающей о взятии Иваном IV Казани в 1552 году. «И нача изнемогати во время то великая Орда Златая, и уселятися (вселяться. — *Н. Б.*) и укреплятися нача в тоя место Казань — новая Орда» (14, 326).

Казанское ханство стало наследником не только Золотой Орды, но и Волжской Болгарии, древнего государства, основанного еще в VII веке тюркоязычными племенами болгар. Поначалу болгары кочевали в степях Приазовья, куда в середине первого тысячелетия нашей эры они пришли из Центральной Азии. Со временем болгары разделились на две большие орды. Первая из них откочевала дальше на запад и, покорив некоторые южнославянские племена, обосновалась на территории современной Болгарии. Завоеватели быстро ассимилировались среди славян, однако в память о них осталось название страны — Болгария. Вторая болгарская орда двинулась на север, вверх по Волге. Эти болгары осели близ впадения Камы в Волгу и покорили жившие там племена «черемисов» — предков современных марийцев, чувашей, удмуртов, мордвы.

Во времена Владимиро-Суздальской Руси Волжская Болгария была процветающим государством, с которым русские князья то воевали, то активно торговали и сотрудничали. Государственной религией Волжской Болгарии стал ислам. Поэтому русские летописцы называли ее жителей «бесерменами», то есть «мусульманами».

В 1235–1236 годах Волжская Болгария была завоевана монголо-татарами. Вскоре здесь, как и в Северо-Восточной Руси, установилась верховная власть правителей Орды. Об истории Волжской Болгарии как в домонгольский, так и в монгольский период известно очень мало. Все ее архивы, все письменные источники погибли еще в Средние века. Лишь археологические раскопки да скудные известия иностранных (главным образом мусульманских) путешественников проливают некоторый свет на жизнь этого исчезнувшего государства.

В XIII–XIV веках Волжская Болгария в силу целого ряда причин (общая религия, территориальная близость, этнические параллели) оказалась гораздо сильнее интегрированной в состав Золотой Орды, нежели Владимиро-Суздальская Русь. Ее города

(Булгар, Жукотин, Керменчук) быстро оправились от Батыева нашествия и расцвели благодаря оживленной волжско-камской торговле. Внешне они были похожи на собственно золотоордынские города. Поэтому походы русских князей на территорию Волжской Болгарии, начавшиеся еще во времена Дмитрия Донского, летописцы рассматривают как походы «в землю татарскую».

Историки спорят о дате основания города Казани. В летописях Казань упоминается под 1376, 1382 и 1398 годами в связи с походами русских князей на Волжскую Болгарию. Однако эти упоминания Казани, по-видимому, не исторический факт, а результат оплошности летописцев второй половины XV–XVI веков. Считается, что с 1361 года существовало болгарское поселение Старая Казань (Иски-Казань), в 45 верстах выше нынешнего города по течению реки Казанки. Выходцами из Старой Казани в 1401–1402 годах была основана современная Казань.

Расцвет Казани был обусловлен упадком Золотой Орды. Ожесточенные усобицы в Золотой Орде в середине XV столетия вызвали появление многочисленных «царевичей»-изгоев. Главное противостояние наметилось между потомками ханов Тохтамыша (известного своим опустошительным набегом на Москву в 1382 году) и Тимур-Кутлуга. Внутри каждого из этих родов существовали свои внутренние противоречия. Сын Тохтамыша Джелал-Эддин (в русских летописях — Зелени-Салтан) правил Золотой Ордой до 1412 года, когда был убит заговорщиками. В 1427 году сын Джелал-Эддина Улу-Мухаммед сел на золотой ханский трон. Он сохранял власть до 1436 года, когда был свергнут и изгнан в степь. Орда Улу-Мухаммеда попыталась обосноваться на южной окраине русских земель, в районе Белева. Расчет опального хана понятен: ему хотелось перехватить тот денежный и товарный поток, который шел из Руси в Сарай. В конечном счете он надеялся при помощи русских вернуть себе власть в Сарае. Однако Василий II не счел возможным сотрудничать с изгнанником и осенью 1437 года двинул на него войско во главе с Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным.

Поражение москвичей в белевском сражении было тяжелым, но не сокрушительным. Улу-Мухаммед и после разгрома московской рати не чувствовал себя хозяином положения. Он не остался в Белеве, а отправился искать более гостеприимные места где-нибудь поближе к Волге. Там его внимание привлекло удачно расположенное близ устья Камы болгарское поселение Казань. Обосновавшись около 1438 года в районе Казани, татары Улу-Мухаммеда решили остаться там навсегда. Местный правитель

хан Либей (Али) был убит.

Появление сильной татарской орды в этом стратегически важном районе было крайне неприятным событием для Москвы. Улу-Мухаммед собрал под свои знамена и подчинил своей власти не только собственно татар, изгоев Волжской Орды, но также многочисленных, хотя и ослабевших потомков волжских болгар. Прежде они были легкой добычей для грабительских походов русских князей. Теперь у них появилась надежная защита. Неизвестный автор «Казанской истории» так описывает отношение жителей Казани к приходу в их земли Улу-Мухаммеда: «И собирающися срацыне (мусульмане. — *Н. Б.*) и черемиса, которые по улусом казанским некако живяху, и ради ему бывше. И со оставшимися от плена худыя болгаре казанцы и молиша его заступника быти бедам, иже от насилиа и воевания рускаго, и помощника, и царству строителя…» (14, 326).

Воистину, нет и не может быть в мире единой правды для всех. И то, что для одних станет благом, для других непременно окажется злом. Прежде русские ходили набегами на мусульман-болгар и языческую лесную «черемису». Теперь сами русские стали страдать от нападений объединившихся «поганых». «И той царь Улус-Ахмет (Улу-Мухаммед) великия брани воздвиже и мятежи в Руской земли паче всех прежних царей казаньских… понеже бо многокознен человек и огнен дерзостию, велик телесем, силен» (14, 326).

Летом 1439 года Улу-Мухаммед из своей новой ставки пошел в набег на Москву. Хан не взял города, но причинил Московской земле огромный урон.

Зимой 1443/44 года Улу-Мухаммед вновь напал на русские земли. На сей раз его целью стал Муром. Василий II ходил тогда с войском во Владимир, чтобы не дать татарам проникнуть в глубь страны.

Весной 1445 года на владимирские земли нагрянули сыновья Улу-Мухаммеда Махмутек (в русских летописях — Мамутяк) и Ягуп (Якуб, Юсуф). Для прекращения грабежей Василий II летом 1445 года лично отправился с войском во Владимир. Во время этого похода и произошла печально знаменитая битва под Суздалем 7 июля 1445 года, в ходе которой великий князь стал пленником татар. Однако татары увели Василия II не в Казань, а в Курмыш, где находилась тогда кочевая ставка Улу-Мухаммеда.

Пленение великого князя Московского оказалось последним успехом «многокозненного» и «огненного дерзостию» Улу-Мухаммеда. В том же 1445 году он закончил свои дни так, как и многие другие Чингизиды, — под ножом собственного сына. Уникальное известие «Казанской истории» сохранило этот

эпизод: «И умре в Казани и со юнейшим своим сыном с Ягупом: оба ножем зарезаны от болшаго сына своего Мамотяка» (14, 326).

Занявший после гибели Улу-Мухаммеда престол Казанского ханства Махмутек продолжил «воевати Руския земли» (14, 326). Осенью 1447 года он совершил набег на Владимир. Возможно, это нападение было попыткой помочь Дмитрию Шемяке в его борьбе с Василием Темным.

Летом 1449 и 1455 года какие-то татары, происхождение которых летописец не указывает, нападали на юго-восточные рубежи Руси. Возможно, это были отряды из Казани. С казанскими татарами воевал весной 1461 года Василий Темный.

Помимо казанских татар, на земли Московского княжества нападали тогда и другие «поганые»: крымские татары хана Хаджи-Гирея (основателя династии Гиреев в Крыму), волжские татары Сейид-Ахмета, Махмуд-хана и Ахмед-хана, наконец, какие-то бродячие орды непонятного происхождения. Однако казанцы оказались наиболее опасными. Их собственные владения находились на расстоянии около 120 верст (двух-трех дней пути конного войска!) от Нижнего Новгорода. Для вторжения в русские земли с востока им не нужно было преодолевать каких-либо серьезных преград. (Набеги татар с юга обычно наталкивались на хорошо укрепленные оборонительные рубежи по Оке.) Здесь они быстро проникали в густонаселенные Владимирские или Суздальско-Нижегородские земели, откуда уводили множество пленных. Казань, как и Крым, процветала во многом за счет работорговли. Русскими пленниками были переполнены местные базары. По выражению автора «Казанской истории», «от злого древа, реку же, от Златыя Орды, злая ветвь произыде — Казань»… Столица ханства «кровию рускою беспрестани кипяше» (14, 326).

Не имея достаточно сил для разгрома Казанского ханства, Иван III решил достичь своей цели иным способом. Еще Василий Темный оказал гостеприимство сыну Улу-Мухаммеда «царевичу» Касиму (Кайсыму, Касыму), который был изгнан своим братом Махмутеком. Преемником Махмутека на казанском троне стал его сын Ибрагим (Обреим). Между тем некоторые казанские вельможи предпочитали иметь своим ханом не Ибрагима, а Касима. Летом 1467 года Касим получил от своих доброхотов весть о том, что стоит ему появиться под стенами Казани, как город откроет ему ворота. Однако для осуществления этого предприятия Касиму требовалась помощь московского правительства. Поразмыслив, Иван III решил поддержать замысел Касима.

В понедельник 14 сентября 1467 года, на праздник

Воздвижения Креста Господня, московское войско выступило в поход на Казань. Старшими воеводами были назначены князь Иван Васильевич Стрига Оболенский и князь Данила Дмитриевич Холмский (38, 148). Первый из них был лучшим воеводой Василия Темного. Его назначение на столь высокую должность никого не удивило. Но вот второй, князь Холмский, младший отпрыск тверского княжеского дома, был тогда своего рода «темной лошадкой». Кто мог знать, что вскоре он станет лучшим воеводой Ивана III? Впрочем, по крайней мере один человек об этом уже догадывался.

Великий князь хорошо разбирался в людях и умел отличать тех, кто нес в себе тот или иной талант. Подобно другим выдающимся деятелям русской истории — Петру Великому, Екатерине II, Александру II — Иван III с юности окружил престол яркими личностями, составлявшими цвет своего времени. Однако риск сгореть в лучах великокняжеской славы был для соратников Ивана III не в пример сильнее…

Сам великий князь Иван осенью 1467 года дошел с войском до Владимира и там остановился. Отсюда удобнее всего было руководить разбросанными на огромных пространствах силами «восточного фронта» (30, 186).

Таких больших походов Северо-Восточная Русь не видела давно. Помимо собственно московских сил, на Казань пошли полки удельных братьев Ивана III и татары Касима. Часть войска отправилась в путь на судах вниз по Клязьме, Оке и Волге. Поначалу все шло хорошо. «Царевич» Касим уже предвкушал скорое восшествие на казанский трон. Однако когда конная рать подошла к переправе через Волгу близ устья Свияги, неподалеку от Казани, на другом берегу ее уже ждало огромное войско казанского хана Ибрагима. Русские летописи объясняют дело так, что приглашение Касима изначально было ловушкой, приготовленной казанцами для доверчивого «царевича»-изгнанника и его московских покровителей (31, 279). Однако это было лишь неловкое оправдание.

Из сбивчивых отчетов летописей можно понять, что московская рать, ставшая на устье Свияги, так и не смогла осуществить переправу на левый берег Волги, где находилась Казань. Подвела «судовая рать», застрявшая где-то выше по течению. Не отчаиваясь, московские воеводы пустились на хитрость. Они решили выманить татар на правый берег и там уничтожить, а затем на их же кораблях переправиться на левый берег. Эта затея была близка к успеху. Татары погрузились на суда и, переплыв Волгу, стали высаживаться на берег. Здесь их уже ждала московская засада. Однако все дело испортил один из

московских витязей, «некто Аидар, постелник великаго князя, Григорьив сын Карпова» (37, 91). Не выдержав напряженного ожидания, он раньше времени выскочил из засады и кинулся на татар. Те поняли, что попали в западню. Мгновенно вернувшись на свои корабли, они отплыли обратно за Волгу (38, 148).

Русская «судовая рать» так и не подошла к Казани. Между тем ударили ранние морозы. Московское войско в своем свияжском лагере могло стать добычей голода и холода. Понимая это, воеводы повернули полки назад и постарались без потерь вывести их обратно в русские земли. Сделать это было уже нелегко. «Истомен же бе путь им, понеже бо осень студена и дождева, а корму нача нестават (недоставать. — Н. £.), яко мнози крестьяне (христиане. — *Н. Б.*) в постныа дни (Филиппов пост с 15 ноября по 25 декабря. — *Н. Б.*) мясо ели, а кони их с голоду мерли, яко мнози от них и доспехи метали…» (27, 278). Изнемогавшие ратники побросали тяжелое снаряжение, «но сами вси здрави приидоша» (31, 279). Примечательно, что великий князь не счел воевод виновными в бесславном завершении похода. В тех обстоятельствах, в которых они оказались, Оболенский и Холмский сделали все что могли.

Теперь выводы следовало сделать «верховному главнокомандующему» — самому Ивану III. Осенняя кампания 1467 года показала, что прямой удар всеми силами на Казань был заманчивой, но пока еще несбыточной мечтой. Осознав это, князь Иван со своими воеводами разработал более реалистичную и плодотворную стратегию казанской войны: сочетание упругой обороны с опустошительными рейдами на вражескую территорию. В сущности, это была та же самая схема, которой пользовались казанцы в борьбе с Москвой.

Ожидая ответных ударов татар, Иван III зимой 1467/68 года распорядился приготовить к обороне Муром, Нижний Новгород, Кострому и Галич. Жители окрестных селений сбегались под защиту крепостных стен.

Принятые меры оказались очень своевременными. Едва русские воины ушли из своего свияжского лагеря, хан Ибрагим отправил рать вверх по Волге для внезапного нападения на Костромские земли. Это была месть за московский поход. Однако на сей раз русские оказались проворнее татар. Когда казанцы добрались до Галича — главной цели своего рейда, все окрестное население уже укрылось за крепостными стенами. Взять сильную крепость штурмом грабителям не удалось. «Галичане же выходя из града и бишася с ними крепко» (30, 187). Вскоре татары отошли, «мало нечто полону взяша» (20, 118). Впрочем, этот оптимизм официального московского летописца не разделял

другой, ростовский владычный летописец, сообщивший, что под Галичем татары «полону много вземше» (30, 187).

Во время набега на Галич (да и в ходе неудачного похода на Казань) на стороне татар, по-видимому, действовала «черемиса». Их-то и решили наказать в первую очередь. Удар был нанесен из Галича, куда для этого подтянули лучшую боевую силу — «двор великого князя». Руководить набегом Иван III поручил князю Семену Романовичу. Этот молодой и честолюбивый воевода, происходивший из ярославского княжеского дома, сделал все, чтобы выполнить приказ великого князя.

Войско князя Семена Романовича выступило из Галича 6 декабря 1467 года, «на Николин день». «И поидоша лесы без пути, а зима была вельми студена» (20, 118). Разумеется, идти зимой по бездорожью, сквозь глухие леса, можно было только на лыжах. Исход этого тяжелейшего похода летописец изображает в кратких, но словно пропитанных кровью строках: «Тоя же зимы, генваря 6, на Крещение Господне, рать великого князя прииде в землю Черемисскую, и много зла учиниша земли той: людей изсекоша, а иных в плен по-ведоша, а иных изожгоша; а кони их и всякую животину, чего нелзе с собою имати, то все изсекоша; а что было живота их, то все взяша; и повоеваша всю землю ту, а досталь (достаточно. — *Н. Б.*) пожгоша, а до Казани за один день не доходили и, возвратившеся, приидоша к великому князю вси поздорову» (20, 118–119).

Итак, поход на черемису удался. Лесные жители были частично перебиты или пленены, частично запуганы. Их бедные деревушки опустошены и преданы огню. Но положение этих людей и впрямь можно назвать отчаянным. С одной стороны им грозили казанские татары, с другой — московские воеводы. И те и другие были беспощадны. Поддержав одного из противников, черемиса тут же оказывалась под ударом другого. Остаться в стороне от московско-казанского противоборства было невозможно…

Одновременно с «черемисским» рейдом князя Семена Романовича Иван III отправил муромцев и нижегородцев опустошать земли Казанского ханства вдоль Волги. Методика исполнения задания была, конечно, та же, что и в первом походе.

Сам великий князь, как и во время неудачного осеннего похода на Казань, в конце зимы 1467/68 года стал с крупными силами во Владимире. Отсюда в случае необходимости он мог быстро перебросить войска и на юго-восток, к Мурому, и на север, к Костроме. Сама же владимирская позиция закрывала татарам путь на Москву. Во Владимире с Иваном находились его братья Юрий и Борис, его сын Иван (которому в эту зиму исполнилось

десять лет), а также сын Михаила Андреевича Верейского Василий Удалой. В Москве Иван оставил своих братьев Андрея Большого (ему шел тогда двадцать второй год) и Андрея Меньшого (ему было полных пятнадцать лет).

Из Москвы во Владимир Иван III выступил в воскресенье 7 февраля 1468 года. Московская рать несколько недель стояла во Владимире, томясь бездельем. Однако остаток зимы прошел спокойно. Единственный рейд, который предприняли тогда татары, был направлен на Кичменгу — лесную волость в сотне верст к юго-западу от Великого Устюга. Туда татары могли добраться, поднявшись вверх по реке Вятке, а затем по ее правому притоку — Моломе. Городок Кичменга был сожжен казанцами вместе с его жителями (37, 91). Помощи им ждать было неоткуда: столица края город Устюг 15 февраля 1468 года стал добычей пожара, испепелившего все городские укрепления.

Узнав о набеге татар на Кичменгу, князь Иван послал отряд «переимати их» (20, 119). Однако за дальностью расстояния это приказание едва ли можно было исполнить…

В марте князь Иван позволил себе ненадолго оставить войско и отправился в Переяславль, куда по его приказу прибыл явившийся в Москву посол от польского короля Казимира. Отпустив посла, великий князь вновь вернулся во Владимир. Там его настигло неприятное известие: «на Вербной недели» (с 4 по 10 апреля) казанские татары разграбили две костромские волости в бассейне реки Унжи «и множество полону взяша, а иных изсекоша» (30, 187). Стоявший в Костроме с войсками московский воевода князь Иван Стрига Оболенский бросился в погоню за грабителями, но тех уже и след простыл.

Наконец стало ясно, что зимняя кампания закончилась. За два дня до Пасхи, 15 апреля, Иван III возвратился в Москву.

Едва успев отпраздновать Великий день, князь Иван вновь занялся казанскими делами. Зимняя кампания плавно перетекала в летнюю. 1 мая, в Неделю Жен-Мироносиц, казанские татары, оставляя за собой огненный след, пронеслись по окрестностям Мурома (30, 187). Поймать «поганых» вновь не удалось. Их летучие отряды исчезли так же быстро, как и появились.

Великий князь решил не оставлять без ответа даже самых незначительных ударов татар. В ответ на разорение Кичменгской волости «князь великий многих детей боярских, двор свой, послал на Каму воевати мест казанских» (20, 119). К участию в походе привлекались в первую очередь добровольцы — те, кто пострадал от недавних набегов казанцев или просто желал испытать судьбу. Лучшие силы Иван III берег для основных сражений. Московский воевода Иван Дмитриевич Руно отправился с отрядом «казаков»

(добровольцев) в Галич. Пополнив там свой полк местными удальцами, он пошел далее на север, к Вологде. Приняв пополнение от вологжан, Руно 9 мая, «на Николин день», спустился на судах вниз по Сухоне к Устюгу. Жители Устюга и пострадавшей от татар Кичменги также влились в отряд Руна. Наконец все воинство двинулось на юг тем же путем, которым недавно приходили татары, — вниз по Моломе и Вятке. Вятчане также изъявили готовность присоединиться к походу на татар. Однако их остановила весть о том, что казанские татары готовят набег на вятские земли. Основная часть вятского ополчения с полпути вернулась назад. Лишь три сотни воинов остались с войском Ивана Руно.

Московская рать, спустившись вниз по Вятке и Каме, принялась разорять внутренние районы Казанского ханства. По пути назад московские воеводы в жарком бою уничтожили небольшой (около 200 человек) отряд казанских татар, направлявшийся вверх по Каме для нового набега на русские земли. Поднявшись до верховьев Камы, русские воины перешли через водораздел к верхним притокам Вычегды. Далее они спустились вниз по Вычегде и к исходу лета 1468 года были уже в Великом Устюге. Обратный путь до Москвы воеводы шли весело: кроме награбленного в казанских землях добра они везли великому князю нескольких взятых в плен знатных татар.

Всматриваясь в подробности московско-казанских войн, удивляешься тому, как быстро и безошибочно обе стороны выходили на цель. Тысячи воинов с обозами и снаряжением свободно проходили там, где сегодня не проедет и велосипедист. Впрочем, сама дорожная сеть в ту пору выглядела совершенно иначе. Асфальт и гравий заменяли лед и вода. Дорожными знаками служили приметные камни и деревья. Все эти забытые ныне дороги по лесным рекам, речушкам и волокам были хорошо знакомы людям того времени. И зимой и летом они служили основой всякого передвижения. Любое сколько-нибудь значительное поселение располагалось на берегу реки или озера.

В то время как войско Ивана Руно разоряло Прикамье, большая татарская рать нагрянула на Вятку. Местная знать предпочла не ссориться с воинственными соседями. Московская летопись весьма деликатно объясняет причину измены вятчан: «…И не возмогоша вятчане противитися им, предашася за казанского царя Обреима» (31, 280). Некоторые подробности этой истории сообщает Типографская летопись. Татары пригрозили вятчанам «отнять гобино», то есть перекрыть доступ хлеба, который завозили на Вятку из Казанского ханства. Сломленные этой угрозой, вятчане изъявили полную покорность и даже

обещали выплачивать татарам дань. Однако главное их обязательство состояло в соблюдении нейтралитета в московско-казанских войнах. Добившись своего, татары ушли, не причинив Вятке никакого вреда. Понятно, что они не хотели озлоблять соседей-вятчан против Казани и подталкивать их к союзу с Москвой. Понимали это и сами вятчане. После ухода «поганых» они не стали платить им обещанной дани (30, 188). Однако и с московскими воеводами, явившимися на Вятку весной следующего года, лесные люди предпочли более не сотрудничать. Временная утрата Вятки лишила Ивана III отличного плацдарма для ударов по Казанскому ханству с севера.

Летняя кампания 1468 года велась Иваном III сразу на нескольких направлениях. В этом и был его главный стратегический принцип. В то время как одна русская рать из района Галича или Устюга наносила удар в тыл татарам, другая действовала с фронта — вдоль Волги.

В субботу 4 июня, накануне Троицы, из Нижнего Новгорода вышла «застава князя великого», которую возглавлял молодой воевода князь Федор Семенович Ряполовский (31, 281). (Как и его отец, он носил прозвище Хрипун.) Наветречу русской рати хан Ибрагим отправил свои лучшие силы — «двор царев, много добрых» (31, 281). Оба войска встретились на Волге у местечка Звеничев Бор, в 40 верстах выше Казани. В жестоком бою татарское войско было полностью уничтожено. «…И не пусти ни единого, иже бы весть несл к Казани» (30, 187). В сражении был убит какой-то татарский «богатырь» и «лиходей» Колупай, о котором составитель Ермолинской летописи замечает, что он был «всех пуще татар, и ординьских и казаньских» (29, 158). В том же бою был пленен некий казанский «князь» Хозум Бердей (31, 281). Простояв два дня «на костях», москвичи ушли восвояси.

Ответом казанцев на поход Федора Хрипуна стал летний набег на Муром. Татары разграбили окрестные волости и «много полону взяша». Однако на сей раз им не удалось уйти безнаказанно. В Муроме стоял с войсками князь Данила Дмитриевич Холмский. Как полководец он всегда действовал быстро и решительно. Узнав о появлении татар, Холмский собрал конный отряд и пошел наперехват. Догнав грабителей, воевода разгромил их и освободил пленных. Лишь немногие татары сумели ускользнуть, побросав коней и укрывшись в лесу (30, 187).

В ходе боевых действий 1467–1468 годов пострадали и русские купцы, торговавшие по Волге. Одна из летописей кратко сообщает: «Того же лета татарове казаньские пограбиша гостей русских» (27, 279).

Война с казанскими татарами осложнялась тем, что с юга, из степи, к русским окраинам время от времени выносило еще какие-то дикие орды. Летом (?) 1468 года эти степные татары перехватили русские дозоры, которые вели постоянное наблюдение за движением кочевников. После этого они совершили внезапное нападение на русскую волость Беспуту, располагавшуюся на правом берегу Оки. Захватив множество пленных, татары ушли обратно в Степь (30, 187).

Зима 1468/69 года прошла спокойно. Иван III думал не столько о казанских татарах, сколько о своем втором браке. Как раз в то время из далекого Рима ему пришло предложение жениться на греческой принцессе Софье Палеолог. Со времен Батыева нашествия русские князья рассматривались европейским дворами как жалкие данники татар. Максимум на что они могли рассчитывать в плане женитьбы — рука желтоволосой литовской княжны или знатной татарки из Орды. И вот теперь князь Иван как жених вызвал интерес и у Рима и у византийского императорского дома в изгнании. Такой головокружительный план требовал всестороннего обсуждения и рассмотрения…

Брачные переговоры было бы уместно украсить каким-нибудь внушительным успехом русского оружия, например — громкой победой в казанской войне. Вдохновленный этой идеей, Иван стал деятельно готовиться к решающей летней кампании 1469 года.

Боевые действия в 1469 году начались 9 апреля — через неделю после Пасхи. Учитывая горький опыт прошлогодней войны, великий князь первым делом отправил на Казань «судовую рать» под командованием воеводы Константина Александровича Беззубцева. Внук любимца Василия I боярина Федора Кошки, дальний родственник самого Ивана III, Беззубцев, как показали события, был неплохим полководцем и организатором.

Великий князь поднял в поход не только свой «двор» и отряды удельных князей, но также городские ополчения. Москва, Коломна, Можайск, Дмитров, Углич, Муром, Владимир, Суздаль, Ярославль, Кострома выставили своих ратников. (Не было только тверичей и новгородцев, которых, кажется, и не приглашали.) Всем ополченцам назначен был срок сбора в Нижнем Новгороде. Это удивительно напоминало сборы накануне Куликовской битвы. Кажется, Иван III хотел устрашить татар уже самой численностью московских сил.

Общий план кампании был, очевидно, тот же, что и в прошлом году. Удар по Казани наносился с двух сторон. Главное войско шло с запада, вниз по Волге. Другой отряд наступал с севера — в тыл противника. В его состав входили жители

Вологды и Устюга, а также часть великокняжеского «двора». Это войско, как и зимой 1467/68 года, было поручено одному из многочисленных представителей ярославского княжеского дома — князю Даниилу Васильевичу. Ядро «северной» рати составляли устюжане, более других страдавшие от набегов приходивших сюда по Вятке и Моломе казанских татар.

Добравшись по лесным рекам до Вятки, князь Даниил Васильевич потребовал у вятчан помощи против татар. Однако те отказались, ссылаясь на свой прошлогодний договор с татарами: «…что нам не помогати ни царю на великого князя, ни князю великому на царя» (31, 282). Между тем находившийся тогда на Вятке ханский посол срочно отправил в Казань известие о том, что русские готовят набег, «но не во мнозе» (31, 282). Данные летописей позволяют установить, что общая численность «северной» рати составляла примерно тысячу человек (54, 92).

Между тем огромное войско собралось наконец в Нижнем Новгороде. Константин Беззубцев имел строгий наказ: не предпринимать никаких дальнейших действий без указаний оставшегося в Москве великого князя. Но самих этих указаний все не было. Возможно, Иван III боялся отпустить все свои войска на Казань, оставив Москву и русские земли без надежного прикрытия. Впрочем, была и другая причина медлительности великого князя. Опыт прошлогодней войны показал, что борьба с Казанью требует много сил, но не сулит скорых и решительных успехов. Самым разумным было заключить достойный мир с ханом Ибрагимом и заняться укреплением Московского государства. Только через объединение всех боевых сил Северо-Восточной и Северо-Западной Руси Москва могла добиться безусловного перевеса в борьбе с Казанью и другими внешними врагами.

Понятно, что переговоры с Ибрагимом могли пройти более успешно в условиях, когда огромное московское войско стояло в Нижнем Новгороде, у самой границы с Казанским ханством, а отряды «охотников» как бы сами по себе, без дозволения великого князя, грабили северные и западные окраины ханских владений. К переговорам Иван III привлек и неизвестную по имени татарскую «царицу» — жену состоявшего на московской службе хана Касима и мать сидевшего в Казани хана Ибрагима. (Возможно, царица была женой Касима до его бегства на Русь, после чего перешла как добыча к брату Касима Махмутеку и стала матерью его сына Ибрагима.)

Безделье разлагало армию, к тому же скоро могли кончиться припасы. Стоял май месяц, и прошлогодние запасы хлеба были уже на исходе. Побросавшие ради великого казанского похода

свои привычные занятия горожане днем и ночью подсчитывали убытки от вынужденного безделья. Среди ратников началось брожение.

Обо всем этом Беззубцев, разумеется, доносил в Москву. Но там великий князь не мог преодолеть упрямство татар, которые так же хорошо понимали затруднения русских и сознательно затягивали переговоры.

Впрочем, и сам Иван III, как никто другой, умел тянуть время. Его осторожность и осмотрительность были естественным следствием импульсивности и беспечности Василия Темного. Хорошо зная характер отца — за который и самому князю Василию, и всей стране пришлось заплатить очень дорогую цену, — Иван рано усвоил себе прямо противоположную манеру поведения. И там, где неторопливость приносила победу, он неизменно оказывался победителем…

После многих дней томительного ожидания Беззубцев получил наконец от великого князя новый приказ. Воеводе предписано было отпустить на Казань лишь часть своего войска — добровольцев, «охотников». При этом добровольцам велено было разорять казанские земли по обеим сторонам Волги, но не пытаться взять штурмом саму крепость. Таким образом, Иван III своим приказом превращал московских воинов в некое подобие знаменитых новгородских «ушкуйников» — речных пиратов, еще во времена Дмитрия Донского наводивших ужас на русские и татарские города Верхнего и Среднего Поволжья. Их услугами втайне пользовались все. Но при этом никто из правителей не признавал ушкуйников своими. Их буйные головы служили своего рода разменной монетой в отношениях между Москвой и Ордой.

Отдавая приказ, князь Иван, кажется, полагал, что армия состоит из таких же неторопливых и рассудительных людей, как и он сам. Однако на деле вышло иначе. Едва Беззубцев объявил о том, что отпускает на Казань добровольцев, — все войско взвыло от нетерпения. Пропившиеся и проевшиеся ополченцы готовы были идти на войну хоть с самим сатаной, лишь бы не сидеть дольше в опостылевшем нижегородском лагере. Воевода оказался в сложном положении. Сам он, согласно приказу, должен был и дальше оставаться в Нижнем Новгороде. Но удержать здесь своих воинов он уже не мог, ибо охотниками отведать казанского меду (или казанской сабли) оказались все. «И поидоша вси, а Костянтин остася в Новегороде», — иронически завершает летописец (31,282).

Двинувшееся на Казань воинство по дороге избрало себе нового предводителя — воеводу Ивана Руно, известного своим

дерзким набегом на казанские земли летом 1468 года. К тому же Руно имел навык руководства «судовой ратью».

Стремясь опередить ханских соглядатаев, московские «ушкуйники» налегали на весла. Последний переход от Чебоксар до Казани шли, не останавливаясь ни днем, ни ночью. Рано утром 21 мая русские насады появились под стенами Казани. Уже сам этот день сулил православным удачу, ибо совпали сразу три знаменательных для каждого христианина праздника: воскресенье (как день недели), память равноапостольного царя Константина и матери его Елены (21 мая) и, наконец, день Святой Троицы (Пятидесятница). Особенность именно этого, 21 мая 1469 года, праздника Троицы состояла в том, что от предыдущей Троицы (5 июня 1468 года) минуло ровно 50 недель. Подобного рода совпадения волновали умы людей Средневековья. В такие дни, отмеченные самим Богом, воины сражались с особой отвагой, ибо явственно слышали над собою трепет ангельских крыл.

Для татар появление из утреннего тумана вереницы русских кораблей стало полной неожиданностью. В летописях сохранилось краткое, но яркое описание дальнейших событий: «И приидоша под Казань на ранней зоре маиа 21, в неделю 50-ю. И вышед ис суд (судов. — Н.Б) поидоша на посад (торгово-ремесленная часть города. — *Н. Б.*), а татаром казаньскым еще всем спящим. И повелеша трубити, а татар начаша сечи и грабити и в полон имати. А что полон (пленные, рабы. — *Н. Б.*) был туто на посаде христианской, московской и рязанской, литовъскои, вяцкои и устюжской и пермьскои и иных прочих градов, тех всех отполониша (освободили. — *Н. Б.*).

А посады их все со все стороны зажгоша. Мнози же бесурмени (мусульмане. — *Н. Б.*) и татарове, не хотяще ся дати в рукы христианом, а болшее (более всего. — *Н. Б.*), жаляще по мнозем богатстве своем, и запирающися над своим добром в храмех своих и з женами и з детми и со всем, что у них есть, и тако изгореша. Погоревшим же посадом, и рать отступи от града, а уже и истомившимся им велми. И вседше в суды своя отъидоша на остров Коровнич и стояша ту седмь днии» (31, 282).

Так изображает летопись первую, самую блестящую часть казанской войны 1469 года. Некоторые летописцы упрекают Ивана Руно за то, что он при высадке на берег приказал трубить в трубы и тем всполошил сладко спавший гарнизон крепости. В этом видят чуть ли не измену храброго воеводы (37, 91). Однако не станем слушать голоса завистников. Постараемся лучше понять логику действий боярина. Очевидно, он и сам не ожидал такого ошеломляющего успеха. Спящая Казань лежала перед ним,

как пирог на блюде. Но он не смел притронуться к этому пирогу, ибо имел строгий приказ Ивана III: «А к городу к Казани не ходите» (31, 282). В случае неудачи Иван Руно мог поплатиться за самоуправство если не головой, то свободой. А возможность неудачи была весьма велика. К тому же искушенный в большой политике воевода, очевидно, понимал, что не только поражение, но и победа могут ему дорого обойтись. Стремительное взятие Казани смешивало все карты кремлевских стратегов. Москва еще не имела достаточно сил для того, чтобы прочно закрепиться в этих отдаленных землях. Вместе с тем сильная, но дружественная Казань могла стать союзницей Москвы в борьбе с другими осколками Золотой Орды…

Так или примерно так, рассуждал Иван Руно, отдавая приказ своим воинам воздержаться от штурма казанской крепости. И разбудивший казанцев звук боевой трубы стал лишь гарантией исполнения этого приказа. (Дальнейшая успешная карьера воеводы свидетельствует о том, что под Казанью он действовал в полном соответствии с желаниями великого князя.)

Покинув горящий городской посад, русские воины переправились на своих легких кораблях с высокими бортами («насадах») на остров Коровнич. Здесь они пробыли семь дней. Очевидно, Иван Руно решил ждать подхода «северной» рати и до тех пор не предпринимать более никаких активных действий. Разумеется, он послал гонца в Нижний Новгород, сообщая о происшедшем и спрашивая новых указаний «большого воеводы» Константина Беззубцева или же самого великого князя.

Между тем хан Ибрагим решил разгромить засевшую на острове русскую рать, прежде чем на помощь ей с севера подойдет другая. Следуя примеру русских, казанцы решили напасть внезапно, ранним утром. Сбежавший из Казани русский пленник сообщил воеводам о замыслах татар. Иван Руно приказал отправить менее боеспособную часть обитателей русского лагеря («молодых людей») на больших кораблях с трофеями в более безопасное место — «на Ирыхов остров на Волге» (31, 282). Сам же он с отборными бойцами остался на прежней позиции, куда и должны были нагрянуть татары. События показали, что это было верное решение опытного воеводы. Проигрывая в количестве, он выиграл в качестве. Избавившись от неопытных, подверженных панике и не привыкших к дисциплине ополченцев, а вместе с ними и от целой толпы освобожденных из плена русских рабов, Иван Руно развязал себе руки перед решающим сражением.

В итоге оставшийся на Коровниче русский отряд не только отбился от численно превосходящего противника, но и обратил

татар в бегство. Русские гнали «поганых» до самых стен Казани. Затем они вернулись в свой новый лагерь на Ирыхове острове.

Между тем воевода Константин Беззубцев (конечно, следуя указаниям государя) прибыл из Нижнего Новгорода под Казань. Он привез с собой послание Ивана III на Вятку.

В нем великий князь приказывал вятчанам немедленно выслать войско под Казань на помощь Ивану Руно. Послание было отправлено. Однако ответ вятчан оказался уклончивым: «Коли подъидут под Казань братиа великого князя, тогды пойдем и мы» (31, 283). Отказавшись участвовать в войне до тех пор, пока в нее не вступит сам великий князь или хотя бы его младшие братья, вятчане дали понять, что не собираются быть пешками в чужой игре. Привыкшие лавировать между Москвой и Казанью, лесные люди быстро поняли, что Иван III хочет погнать их на Казань, но при этом сам остаться в стороне. В переговорах с ханом он будет открещиваться и от набега Ивана Руно, и от рейда «северной» рати, и от действий вятчан. Отвечать перед ханом придется им самим.

Посмеявшись над московской хитростью, вятчане даже не сочли нужным известить Ивана Руно о своем решении. Так и сидел он вместе с Константином Беззубцевым на своем острове, ожидая подхода легковерных вятчан или «северной» рати. Однако не было ни тех, ни других.

Наконец, у русских подошли к концу запасы продовольствия. Константин Беззубцев распорядился сворачивать лагерь и уходить на судах вверх по течению Волги, в сторону Нижнего Новгорода. Предвидя возможность погони, воины «судовой рати» гребли изо всех сил. На второй день пути им повстречалось судно, на котором плыла в Казань «царица Касымова». Она сообщила воеводам о том, что между Москвой и Казанью заключен мир.

Сообщение татарской «царицы» вызвало доверие у воевод. Это можно объяснить только тем, что сам факт переговоров и даже участие в них «царицы» не явилось для них какой-то новостью. Все это они уже знали. Не знали они, кажется, лишь одного: что сами они трактуются в договоре как речные пираты, уничтожение которых не противоречит условиям московско-казанского мира.

Не ожидая более опасности со стороны татар, Беззубцев и Руно стали лагерем на ночлег в местности Звеничев Бор в 40 верстах от Казани. На следующий день, в воскресенье, русские решили дать себе отдых. С утра в походных церквах попы служили обедню. После этого войско расположилось за трапезой. Внезапно поднялась тревога: к лагерю приближались сразу две татарские рати. Одна из них была «судовая», а другая,

следовавшая вдоль берега, — конная.

Русские воеводы сумели предотвратить панику. Ратники спешно сели в свои корабли и отплыли навстречу татарской «судовой рати». В жестоком бою на воде татары были обращены в бегство. Их корабли направились к левому берегу, под прикрытие конных стрелков. Осыпаемые стрелами, русские насады повернули обратно и направились к противоположному берегу. Теперь татары воспрянули духом и поплыли вслед за уходящим русским флотом. Увидев преследователей, воеводы развернули суда и двинулись на врага. Татарские суда вновь обратились в бегство.

Взаимные атаки продолжались в течение всего дня. «И тако бишася весь день той и до самые ночи и раззидошася кииждо на свои берег ночевати» (31, 283).

К сожалению, летописи прерывают рассказ об этой битве на воде буквально на полуслове. (Очевидно, здесь обрывался текст их общего источника — записанного любознательным книжником рассказа кого-то из участников похода.) Можно полагать, что русские вынуждены были оставить неприятелю свои богатые трофеи, понесли тяжелые потери, но все же ушли подобру-поздорову. Во всяком случае, главный герой этого дерзкого похода — воевода Иван Дмитриевич Руно — спустя десять лет был участником похода Ивана III на Новгород. Уцелел и воевода Константин Александрович Беззубцев. Несколько лет спустя мы встретим его уже при дворе удельного князя Андрея Углицкого. Судьба хранила этого человека: его сыну Андрею по прозвищу Шеремет предназначено было стать основателем знаменитой аристократической фамилии.

Источники не сообщают точной даты сражения под Звеничевым Бором. Однако опираясь на некоторые косвенные данные летописей, ее можно вычислить вполне определенно. Иван Руно напал на Казань 21 мая. После этого он неделю стоял на острове Коровнич, с которого перешел на Ирыхов остров (28 мая). Туда к нему вскоре (29–30 мая) прибыл Константин Беззубцев. В приказе, посланном им на Вятку, был установлен срок явки вятчан под Казань: «от того дни полчетверты недели», то есть 25 дней. Несомненно, воевода указал вятчанам какую-то точную дату их явки. Таким сроком обычно был крупный церковный праздник. В середине 20-х чисел июня это могло быть только Рождество Иоанна Предтечи (24 июня). Далее в летописях сообщается, что Константин Беззубцев ждал ответа от вятчан не один, а два установленных срока («стоял другую полчетверты недели») (31,283). Новый срок истекал 19 июля. Исходя из того же календарного принципа, можно думать, что воеводы решили

ждать вятчан до «Ильина дня» (20 июля). Это был последний день их пребывания на Ирыхове острове. Наутро следующего дня (пятница, 21 июля 1469 года) русское войско ушло вверх по Волге к Нижнему Новгороду. Согласно летописям, они плыли весь этот день. Заночевав где-то на берегу, утром в субботу отплыли дальше. Но тут состоялась их роковая встреча с касимовской «царицей», после которой они продолжили путь до ночлега под Звеничем Бором. Там воины провели ночь с субботы на воскресенье. А наутро (23 июля) их атаковала татарская погоня…

В то время как воинство Ивана Руно, налегая на весла, уходило от Казани к Нижнему Новгороду, «северная» рать, потерявшая много времени в переговорах с вятчанами, только еще спускалась вниз по Каме. От местных жителей ратники узнали, что между Москвой и Казанью заключен мир и стоявшие под городом русские войска в связи с этим ушли домой. Едва ли это была «заведомая дезинформация» (54, 91). Для сельских татар два события, случившиеся почти одновременно (весть о заключении мира, принесенная в Казань «царицей», и уход русской рати от города), естественно соединились причинно-следственной связью.

Понадеявшись на мир, воевода «северной» рати князь Даниил Васильевич Ярославский решил сберечь время и вернуться домой не северным путем, через Вятку, а более коротким и удобным: до устья Камы, а оттуда мимо Казани — вверх по Волге. Это решение князя Даниила стоило жизни ему самому и сотням его воинов. Мир с Казанью действительно был заключен. Вот только о нем и его отряде там ничего не говорилось. Иван III признал право хана беспощадно расправляться со всякого рода разбойниками, нападавшими на его владения с территории Руси…

В устье Камы войско князя Даниила, ядро которого составляли устюжане, ожидала западня. Татары, загодя предупрежденные о приближении отряда, перегородили Волгу кораблями, связав их между собой. Русские воины на своих насадах пошли на прорыв. Началась жуткая рукопашная схватка на судах. Каждый дрался как умел. Какой-то удалой князь Ухтомский прыгал с судна на судно и крушил врагов огромной дубиной-ослопом. Другой упомянутый летописью воитель, Григорий Перхушков (не тот ли, что был посажен в темницу за взяточничество в 1458 году?), сумел проскочить через заграждение и, невзирая на кипевшую битву, погнал свой насад вверх по реке. В итоге только часть русского войска прошла мимо Казани и добралась до Нижнего Новгорода.

Отсюда они послали в Москву к великому князю гонца с рассказом о своих подвигах. Иван III поначалу решил

ограничиться лишь символической наградой для храбрецов.

Он послал им свою золотую монету. Такие монеты чеканились в небольшом количестве и служили своего рода наградными знаками. Устюжане отдали «деньгу золотую» попу Ивану, ходившему с ними под Казань, с наказом «Бога молить за государя и за все воинство» (37, 47). После этого они послали в Москву нового гонца с просьбой о более серьезном пособии. Вероятно, им стыдно было возвращаться домой с пустыми руками, а все трофеи после схватки под Казанью остались в руках татар. Но государь и на сей раз отделался монетой, доставшейся тому же попу Ивану. Лишь после третьей, отчаянной просьбы устюжан государь вдруг подобрел и велел послать удальцам из своих кладовых 300 комплектов одежды (баранья шуба, однорядка и сермяга), 300 луков со стрелами, 300 пудов масла и изрядный запас муки. Неожиданная щедрость князя Ивана имела свои причины. К этому времени он уже принял решение о новой войне с ханом Ибрагимом. Теперь ему вновь понадобились храбрецы. Княжеские дары устюжанам предстояло «отработать». Им велено было вновь идти на Казань. На сей раз — в составе большого московского войска, которое возглавлял брат Ивана III князь Юрий Дмитровский…

Поход московского войска на Казань осенью 1469 года выглядит довольно странно после сообщения о мире, заключенном сторонами в июле того же года. Однако такой поворот событий вполне объясним. Хан Ибрагим был воодушевлен успешным отражением сразу двух русских ратей: Ивана Руно и Даниила Ярославского. Возможно, он получил веские доказательства того, что и та и другая рать действовала по приказу Ивана III. В итоге хан предпринял какие-то враждебные по отношению к Руси действия, которые и стали поводом для новой войны. Судя по всему, главным пунктом спора было возвращение татарами русских пленников, содержавшихся в Казани. Все они являлись собственностью местных вельмож и купцов. Работорговля была одним из главных источников доходов для казанской знати, которая в связи с этим искала любых поводов для отклонения московских требований о возврате пленных. Склонить этих людей к благоразумию могла только прямая угроза из жизни.

Война нужна была теперь и Ивану III. Помимо вопроса о пленных, великий князь был озабочен укреплением своего престижа. Следовало наказать хана Ибрагима и заставить его соблюдать договор с Москвой. Кислую оскомину оставили и летние события. То, чем закончились рейды Ивана Руно и

Даниила Ярославского, нельзя было назвать поражением Москвы. Оба отряда действовали как бы самостоятельно, по собственному почину. Но и тот и другой из-за уклончивости вятчан, несогласованности действий и некоторой опрометчивости предводителей не смогли выполнить свою задачу так, как она ставилась великим князем. Большие потери, которые понесли оба отряда, бросали тень на репутацию самого Ивана III. В том, что именно он стоял за всеми этими рейдами, на Руси мало кто мог усомниться.

В августе 1469 года Нижний Новгород вновь стал центром сбора московских войск, идущих на Казань. В последних числах августа «судовая рать» под началом князя Юрия Дмитровского снялась с якорей и пошла вниз по Волге. Во главе конных полков, которые двигались вдоль берега Волги, находились удельные князья Андрей Угличский и Василий Верейский (сын Михаила Андреевича Верейского) (30, 188). Софийская 1-я летопись, в которой сообщения о разных эпизодах казанской войны 1468–1469 годов спутаны в один клубок, приводит, однако, интересную подробность: помимо удельных князей «пошли берегом… воеводы князя великого князь Иван Юрьевич (Патрикеев. — *Н. Б.*) и вси князи служылые, и двор князя великого. А в передовом плъку был князь Данило Дмитриевич Холмскои да Федор Давыдович» (38, 148). И Холмский, и Патрикеев уже участвовали в войне с казанцами в 1468 году. Теперь Иван III приставил их в качестве советников к малоискушенным в таких делах молодым удельным князьям. Опытным воином был и Федор Давыдович Хромой. Через два года он вместе с тем же Данилой Холмским будет возглавлять Передовой полк в историческом походе Ивана III на Новгород…

Источники не сообщают, пришли ли на сей раз под Казань вятчане, которые летом соглашались воевать только в случае участия в походе братьев Ивана III. Впрочем, и весь грандиозный осенний поход на Казань 1469 года почему-то занимает на страницах летописей в десять раз меньше места, чем, например, описание дерзкого рейда Ивана Руно. Что делать! Таков характер нашей древней летописи. Она капризна, как женщина, и непредсказуема в выборе своих фаворитов…

1 сентября «судовая рать» подошла к городу. Высадившись из насадов, воины быстро захватили казанский посад, который еще не успел отстроиться после того погрома, который учинил здесь Иван Руно 21 мая. Вслед за этим началась осада крепости. Москвичи сумели перекрыть осажденным доступ к воде. Легко представить, чем обернулась нехватка воды в переполненном беженцами городе. Вскоре хан выслал своих парламентеров с известием о готовности принять все требования Ивана III. Из

условий этого договора источники называют лишь одно: татары должны были освободить русских пленников, захваченных ими за последние 40 лет. Фактически речь шла обо всех русских рабах, живших тогда в Казани.

Мир с Казанью, заключенный от имени Ивана III его братом Юрием, продержался 9 лет. События 1468–1469 годов показали казанской знати не только могущество московского войска, но и способность русских «платить той же монетой» в ответ на опустошение татарами пограничных русских областей.

Нападения татар на Русь издавна осуществлялись как бы на двух уровнях: как общегосударственное военное предприятие и как частная инициатива отдельных лиц. Войны первого порядка были относительно редкими, тогда как на втором, «неофициальном» уровне они велись практически непрерывно. Ханское правительство закрывало глаза на эти местные инициативы. Грабителям не препятствовали, но и не покровительствовали. На эти вещи смотрели как на своего рода спорт, в котором настоящие мужчины оттачивали свое воинское мастерство и пополняли карманы. Но спорт немыслим без объективности. Хозяин всегда имеет право уничтожить грабителя, забравшегося в его дом. Это право признавалось и за бесправными русскими князьями. Даже в самые тяжелые времена ордынского ига они время от времени истребляли какую-нибудь степную шайку, опустошавшую их владения. Никакого наказания князья за это не несли. И все же случаи справедливого возмездия были редкими. Обычно «поганые» приходили внезапно и, разграбив целую волость, так же стремительно исчезали. Их путь отмечали горящие села и деревни. Казалось, огненный змей проносился над Русской землей и бесследно таял в степном мареве. Этим лихим делом промышляло едва ли не пол-Орды.

Обосновавшись в Казани, татары по привычке принялись за старое. Но если раньше их огненный змей кружил над южными, малонаселенными землями по Оке, то теперь он расправил крылья над историческим центром страны — Владимиро-Суздальским опольем. Однако сами татары уже не были столь недоступны, а русские — столь безответны, как прежде. Перейдя к оседлому образу жизни, построив свое царство на труде земледельческих народов Среднего Поволжья, казанские татары стали хорошей мишенью для ответных набегов русских. Иван III быстро осознал эти новые преимущества. И если грабительские набеги татар рождались обычно из степной скуки и кровожадной удали каких-нибудь диких «царевичей», — то русские набеги готовились великокняжескими воеводами как «плановое

мероприятие».

Вскормленный в кремлевских палатах, русский «огненный змей» впервые был выпущен на свободу в 1468–1469 годах. Набеги летучих отрядов, во главе которых стояли принявшие вид «охотников» или «народных мстителей» московские воеводы, оказались не менее (а даже и более) пагубными для Казанского ханства, чем набеги казанских татар — для Руси. В своих дерзких рейдах московские «ушкуйники» без особого труда доходили до самой Казани. Избавиться от них можно было только одним способом: остановить лихих «царевичей», посадить на цепь своего, казанского змея.

«Не исцеляйте зла злом», — учил Василий Великий. Но правители редко прислушиваются к советам моралистов. Да и могут ли их советы помочь правителям? Спасая Русь от казанского огненного змея, Иван III выпустил на беззащитные черемисские и болгарские деревушки своего пожирателя людей. И случилось то, чего он ожидал: огонь погасил огонь…

Новое обострение московско-казанских отношений относится лишь к осени 1477 года. Узнав о том, что все боевые силы Ивана III отправлены на Новгород, хан Ибрагим не удержался от соблазна и предпринял попытку через Вятскую землю пройти к Устюгу и разграбить этот богатый город. Однако затяжные осенние дожди не позволили татарской коннице пройти дальше Вятки. Ограничившись опустошением нескольких вятских волостей, татары ушли восвояси.

Не знаем, ответил ли князь Иван на эту диверсию хана Ибрагима. Вероятно, да. Вся история его жизни свидетельствует о том, что он никогда не прощал обид, хотя и не всегда имел возможность отомстить немедленно. Это была не просто злопамятность, но, скорее, вопрос принципа.

В тяжелый для Москвы 1480 год казанские татары никак не проявили себя. Судя по всему, их предводители были, во-первых, устрашены, во-вторых, подкуплены, а в-третьих, заняты собственными распрями. В 1478 году умер старый хан Ибрагим. С его кончины и до 1487 года в Казани шла ожесточенная борьба за власть между сыновьями Ибрагима Али-ханом (Алегам, Алехам, Ильган русских источников) и Мухаммед-Эмином. Эти два «царевича» были сводными братьями. Матерью Али была первая жена Ибрагима Фатима, матерью Мухаммед-Эмина — Нур-Султан. Каждый из соперников имел и своих собственных единокровных братьев, также мечтавших о власти.

Существовавшая в Казани «русская» партия (состоявшая из татарских вельмож и купцов, лично заинтересованных в мирных отношениях с Москвой) делала ставку на Мухаммед-Эмина. В

1479 году была предпринята попытка возвести его на престол путем дворцового переворота. Однако заговорщики потерпели неудачу. После этого Мухаммед-Эмин — тогда еще десятилетний мальчик — был тайно вывезен в Москву, где и воспитывался при дворе Ивана III. Его сторонники в Казани неоднократно пытались посадить его на ханский трон. Вся эта ситуация стала сильным козырем для Ивана в его отношениях с Казанью. Али-хан хорошо понимал, что в случае серьезного столкновения великий князь не пожалеет сил и средств для поддержки Мухаммед-Эмина. Именно этим следует объяснять его осторожность в отношениях с Москвой, — осторожность, которая, впрочем, не исключала и время от времени возникавшие конфликтные ситуации.

Отражением одной из таких ситуаций (сути которой источники не сообщают) стал московский поход на Казань в 1482 году. Летописи крайне скупо сообщают подробности дела.

В Софийской II летописи читаем: «Того же лета поиде великий князь с братьею к Казани и увернуся из Владимеря; а судовая рать ходила мало не до Казани и умиришася» (18,233).

В Львовской летописи: «Того же лета поча князь великый рать замышляти, на Казань хоте итти, воеводы же свои наперед себя своим воем посла князь великый, и Аристотеля с пушками, сам же князь велики с всем воем своем стоя в Володимери. Воеводы же доидоша и Аристотель с пушками до Новагорода до Нижнево, ту же царь Казанский приела с челобитьем; князь же великый пожалова его и възвратися» (27, 349).

Прочие летописи не дают каких-либо существенных дополнений к этим двум кратким рассказам, кроме замечания о том, что московские воеводы стояли на Волге все лето (37, 49). Суть события ясна: Иван III предпринял мощное движение в сторону Казани, заставившее хана начать переговоры, результат которых удовлетворил великого князя. Общая схема казанской войны оставалась таой же, что и раньше: находясь в своей ставке во Владимире, великий князь руководил действиями выдвинутых вперед судовой и конной ратей. Предусматривался и традиционный удар на Казань с севера, из Устюга, через Вятку (51, 142). Наличие у московской армии сильной артиллерии, которой командовал знаменитый итальянский мастер Аристотель Фиораванти, создавало прямую угрозу для неприступной доселе казанской крепости.

Растущий не по дням, а по часам, военный потенциал Московской Руси позволил Ивану III подумать не только о надежной защите от набегов казанских татар, но и об установлении политического контроля над ханством путем

возведения на казанский престол ставленника Москвы. В принципе, великий князь уже вполне мог бы захватить Казань и полностью ликвидировать Казанское ханство как государственное образование. Однако он благоразумно удержался от этого соблазна. Во-первых, Москва еще не имела достаточно сил и средств для того, чтобы «переварить» Казанское ханство, сделать его территорию органической частью молодого Российского государства. Для этого потребовались бы многие тысячи русских переселенцев: администраторов, воинов, торговых людей, священников, крестьян. А между тем Ивану остро не хватало людей на южных и западных границах и даже в центральных уездах. Во-вторых, завоевание Казани и неизбежные репрессии против местного населения наверняка переполошили бы весь степной мир, разрушили те дружеские и союзнические отношения, которые Иван с таким трудом сумел там наладить. Учитывая все это, Иван стремился не разгромить Казанское ханство, а сделать его своим надежным союзником. Все его акции против Казани носили «скорее политический, чем военный характер» (51, 144).

Подобная политика устрашения без нападения требовала от Ивана III не только больших дипломатических способностей, но и абсолютного контроля над действиями своих воинов и воевод. Можно только догадываться, какого труда стоило государю манипулировать сильно разросшейся армией и удерживать на самой грани войны и мира своих пылавших ненавистью к «поганым» бойцов. Для решения этой задачи Иван создает несравненно более эффективную, чем при Василии Темном, систему управления войсками. Ее основой стала быстрорастущая московская бюрократия.

Начинают составляться Разрядные книги, в которых записывается служба каждого видного представителя аристократии. Создается нечто вроде походной «Ставки Верховного Главнокомандующего», которая координирует и контролирует действия полков, зачастую разбросанных на большие расстояния. По ходу событий великий князь быстро получает сообщения и тотчас посылает к воеводам скорых гонцов с устными и письменными наказами.

(Самая первая из сохранившихся походных директив Ивана III была дана им 16 июля 1482 года воеводам, стоявшим в Нижнем Новгороде (51, 142). К сожалению, она сохранилась лишь частично. Иван сообщает воеводам об отправке в Казань своего посла для переговоров и требует высылки отрядов в легких судах. Далее текст приказа утрачен.)

И все же никакой аппарат и никакой приказ не смог бы

заставить московских воевод — вчерашних вольных князей и их не менее вольных бояр — пунктуально и беспрекословно исполнять волю Государя, если бы за этой волей не маячил кнут палача. Недостаток внутренней организованности и дисциплинированности восполнялся страхом перед суровым наказанием за ослушание. Взявшись на исцеление страны от хаоса и безнарядья, Иван неизбежно должен был стать Грозным. Это прозвище наряду с другими было дано ему современниками (112, 3). И хотя Иван III не купался в крови, подобно своему обезумевшему внуку Ивану IV, — страх был одним из главных орудий, с помощью которых он управлял людьми…

Впечатления, произведенного демонстрацией московских сил в 1482 году, казанскому хану хватило на три года. В 1485 году Иван III за какую-то «крамолу» решил сместить Али-хана и заменить его на своего воспитанника — отрока Мухаммед-Эмина. Эту операцию (подробности которой неизвестны) успешно выполнили московские войска во главе с воеводами князем Василием Ивановичем Шихой Оболенским (сыном знаменитого Ивана Стриги Оболенского) и боярином Юрием Захарьичем Кошкиным (81, 70).

Однако правление отрока в кипящей политическими страстями Казани не могло быть устойчивым. Уже в конце 1485 — начале 1486 года он вынужден был бежать в Москву вместе со своим младшим братом Абдул-Латифом. Здесь «царевичей» радушно принял сам Иван III, который дал старшему из них «вотчину, град Коширу, другому же брату иныя грады» (26, 22).

Обострение борьбы вокруг Казани заставило Ивана III подумать об укреплении своих городов, расположенных на восточном направлении. Под 6993 годом (1 сентября 1484 — 31 августа 1485 года) летописи сообщают о постройке новой деревянной крепости во Владимире. Работами руководил московский дьяк Василий Мамырев (20, 218).

Между тем в Казани на престол вновь воссел Али-хан. При этом новый правитель решил, по восточному обыкновению, устроить резню своих недоброжелателей. Акция должна была произойти во время пира в ханском дворце, на который гостеприимный хозяин созвал всю казанскую знать. Узнав о намерениях Али-хана, приговоренные сумели бежать из города. За ними послана была погоня. Однако беглецам удалось уйти во владения Ивана III. Вскоре они уже были в Москве и докладывали великому князю обо всем происшедшем (27, 352).

Весной 1486 года московское войско отправилось на Казань. При поддержке московских воевод Мухаммед-Эмин был вновь

водворен на престол, а его соперник вынужден был бежать в степи.

Но и этот переворот не стал последним. Через несколько месяцев Али-хан вновь выбил Мухаммед-Эмина из Казани и заставил бежать в Москву.

На сей раз Иван III решил всерьез заняться казанской проблемой. Мухаммед-Эмин «назвал… великаго князя отцем», то есть признал себя вассалом Москвы. Именно этого давно ждал князь Иван: Казань спелым яблоком катилась ему под ноги.

Поддержка Мухаммед-Эмина становилась весьма актуальной и в плане международных отношений: мать незадачливого отрока, вдова Ибрагима, Нур-Султан вышла замуж за крымского хана Менгли-Гирея. Посадив Мухаммед-Эмина на казанский престол, Иван III мог рассчитывать на дружбу с крымской династией.

В четверг на Страстной неделе (12 апреля 1487 года) московское войско выступило в поход на Казань. Руководство войсками поручено было лучшим воеводам — князьям Даниле Дмитриевичу Холмскому, Семену Ивановичу Ряполовскому, Александру Васильевичу Оболенскому (младшему брату Ивана Стриги Оболенского), Семену Романовичу (30, 205). Во вторник на Фоминой неделе (24 апреля) из Москвы выехал и соискатель казанского престола Мухаммед-Эмин.

Часть московских сил («судовая рать») отправилась вниз по Волге в насадах, другая пошла на конях берегом вдоль Волги.

Казанский правитель Али-хан со своими отрядами выступил навстречу русскому войску. Решающее сражение произошло близ устья реки Свияги (правого притока Волги), в нескольких верстах от Казани. Татары потерпели сокрушительное поражение. Остатки их сил укрылись в казанской крепости.

В четверг 17 мая московские войска подошли к Казани (30, 205). Али-хан и его сторонники мужественно отражали атаки русских и сами предпринимали неожиданные вылазки. Какой-то татарский воевода по имени Алгазы блуждал с отрядом в окрестностях Казани и внезапно нападал на ратников великого князя. Спасаясь от ударов татар, русские окружили свой лагерь «острогом» (37, 96).

И все же подавляющее преимущество московской армии давало себя знать. Казань была обречена. После трех недель непрерывной осады, 9 июля, «приде на царя и на татар изнеможение, и царь Аляхам сам выиде из города неволею в руки воеводам великаго князя» (37, 96). Очевидно, на хана оказали сильное давление сторонники «русской» партии в городе.

В субботу 14 июля 1487 года, «на память святаго апостола

Акыла», на казанском престоле был посажен вассал великого князя Мухаммед-Эмин (21, 500). Конечно, князь Холмский, командовавший русским войском под Казанью, не случайно выбрал эту дату. Именно в этот день — 14 июля 1471 года — московское войско под началом того же князя Холмского разгромило новгородскую рать в битве на реке Шелони. И вот теперь в день решающей победы над Новгородом была одержана новая великая победа — «князь великий Иван Василиевич на Казани царя посадил из своеа рукы… Махмеделеима (Мухаммед-Эмина. — *Н. Б.*); да с ним посадил наместника своего и боярина Дмитреа Василиевича Шеина» (21,500).

Радостная весть о восшествии на казанский престол Мухаммед-Эмина прилетела в Москву 20 июля, когда горожане праздновали Ильин день (20, 218). О необычайном значении этого события свидетельствовал тот факт, что в роли гонца выступил один из воевод — князь Федор Семенович Хрипун Ряполовский, который в этом походе был вторым воеводой передового полка (82, 40). (Возглавлял передовой полк его отец, князь Семен Иванович Хрипун Ряполовский. Вероятно, он-то и выпросил для сына это почетное поручение, которое сулило государеву милость.)

«Князь же великий рад быв и посла к митрополиту повеле молебная свершати: митрополит же повеле звонити во вся колоколы, и по всему граду повелением великого князя молебная свершиша и хвалу Богу воздаша» (18, 238).

Исполняя повеление Ивана III, воеводы взяли в плен самого казанского хана, его родню (мать, двух жен, двух братьев и сестру), а также много знатных и множество простых татар. Все они были отведены в Москву, где государь решал их судьбу. В четверг 9 августа 1487 года вся Москва высыпала на улицы поглазеть на необычное зрелище: прибытие в столицу пленного казанского хана Али вместе со всем его семейством. Нам трудно даже представить, сколь отрадным было это зрелище для людей, выросших в страхе перед «злым татарином».

Хорошо понимавший воспитательное значение всякого рода многолюдных действ, князь Иван, по-видимому, устроил 9 августа 1487 года нечто вроде триумфа для себя и своих воевод. Пленных потомков Тохтамыша везли (или вели) вослед за победоносным Государем и его доблестными полководцами.

Кажется, никогда еще в Москве с таким размахом не праздновали победу, как спелым летом 1487 года. Награды сыпались золотым дождем. «И князь великий воевод своих изъжаловал, и бояр, и детей боярских, хто чего достоен» (37, 96). Трезвонили без перерыва кремлевские колокола. Повсюду витал

густой хмельной дух. Пили и плясали до упаду в княжеском дворце, в боярских теремах, в черных избах простонародья. А высоко над Москвой откуда-то с юга плыли легкие, веселые облака…

Знатные пленники были помещены в Кремле на дворе у князя Данилы Александровича Пенко Ярославского (18, 238). Вскоре князь Иван, посоветовавшись с боярами, решил их судьбу. «А царя Аляхама посадил на Вологде за сторожи и с материю (вдовой Ибрагима ханшей Фатимой. — *Н. Б.*), и со царицею, а князей и княгин, и татар розъсажал по посельским, а иных привел к роте (клятве. — *Н. Б.*), что им государю хотеть великому князю добра, и отпустил их в Казань», — сообщает внимательный к казанским делам Устюжский летописец (37, 96). Выражение «розъсажал по посельским» следует, очевидно, понимать так, что пленные татары были переданы в распоряжение «посельских» — управляющих в великокняжеских вотчинах. Там пленным предстояло превратиться в работников (в сущности — рабов), исполнявших любую работу по приказанию управляющего.

Устюжский летописец рисует несколько смягченную картину последствий взятия Казани. На деле кары были более суровыми. В других летописях есть сообщения о том, что Иван III «коромолных князей и уланов казанских смертью казнил и иных коромолников» (30, 205). Да и в самом деле: какой же средневековый триумф обходился без показательных казней, веселивших народ?

В Вологде был помещен только сам Али-хан с женами. Его мать, братья Худай-Кул (Кудалгу) и Мелик-Тагир (Малекдар, Менлодар), а также сестра были отправлены значительно дальше — «в заточение на Белоозеро, в Карго л ом» (30, 205). Северная тюрьма быстро сделала свое дело: «Тамо же в заточении умре царь, и мати его, и брат царев, Менлодар царевич» (26, 22). Самым стойким оказался «царевич» Худай-Кул. Проведя несколько лет на севере, он был помилован и возвращен в Москву. В 1505 году Худай-Кул принял крещение и стал носить имя Петр. Великий князь Василий III хотел сделать Петра Ибрагимовича крупной фигурой в московской политической игре. С этой целью он в 1506 году выдал за него замуж свою сестру Евдокию. Однако «царевич Петр» умер в 1509 (или 1523) году, так и не оставив заметного следа в истории Москвы.

Из северного заточения удалось выбраться и одной из жен Али-хана. Согласно «Казанской истории», хан Мухаммед-Эмин упросил Ивана III отпустить из Вологды к нему в Казань старшую жену своего умершего в ссылке брата: «…люба ему бысть велми братня жена» (14, 330). Однако гордая ханша не забыла

вологодского унижения. Рассказывали, что именно она позднее уговорила Мухаммед-Эмина поднять восстание против власти Москвы и перебить всех русских в Казани…

Посадив на казанский престол пока еще послушного Москве Мухаммед-Эмина и приставив к нему в качестве надзирателя (своего рода баскака!) московского наместника Д. В. Шеина, Иван III добился многого. На восточных границах Руси на 17 лет установилась тишина. (Именно так и определил итог казанского визита один современный летописец: «…и бысть тишина велиа в тех странах от татар» (29, 162). Это евангельское выражение — «тишина велия» — использовалось только в особо важных случаях. Так характеризовали, например, прочный мир, установленный на Руси Иваном Калитой.)

Полагают, что в ознаменование своей победы над Казанью Иван III распорядился на новгородском монетном дворе начать чеканку монет, на которых его имя было написано не только по-русски, но и по-татарски, арабскими буквами. Эти двуязычные монеты предназначались прежде всего для хождения на территории Казанского ханства, которое таким образом втягивалось в сферу действия московской денежной системы (87, 115).

Достигнутая стабильность оказалась настолько прочной, что ее не смогла нарушить и смена лиц на казанском престоле. С 1496 по 1502 год место Мухаммед-Эмина, вновь бежавшего в Москву, занимал его брат Абдул-Латиф. Но в 1502 году Иван III опять перетасовал карты. Абдул-Латиф отправился в ссылку на Белоозеро, а Мухаммед-Эмин занял престол, на котором и оставался до своей кончины в 1518 году.

Конечно, союз Казани с Москвой был вынужденным. Недруги Ивана III со всех сторон пытались расстроить этот дуумвират. Да и сам казанский хан в глубине души ненавидел Россию. Прямой потомок Тохтамыша, мог ли он забыть о тех временах, когда сожженная Москва дымилась под копытами татарских коней? Воспитанник московского двора, мог ли он простить те унижения, которым ежечасно подвергался, оказавшись в иноязычной и более культурной среде? Осенью 1505 года, когда великий князь Иван был прикован к постели предсмертным недугом, Мухаммед-Эмин восстал против власти Москвы, учинил небывалую резню русских в Казани и даже попытался захватить Нижний Новгород.

Кончина Ивана Великого пагубно сказалась на московско-казанских отношениях. Весной 1506 года татарам удалось разбить московское войско, во главе с родным братом молодого великого князя Василия III Дмитрием, подступившее к Казани. Лишь несколько лет спустя хан успокоился и вновь изъявил

покорность Москве.

Усмирение Казани еще не означало ее покорения. Потребуется еще немало лет и походов, прежде чем Иван IV в 1552 году поставит точку в этом долгом историческом споре. И все же усмирение Казани в 1487 году было огромным успехом Ивана III, которым он гордился даже больше, чем отражением хана Ахмата на Угре в 1480 году. Оно развязывало руки великому князю для наступательных действий на других направлениях: от окончательного покорения Вятки (1489) до наступления на Литву и Прибалтику. Оно способствовало выпрямлению национального самосознания, придавленного двумя столетиями татаро-монгольского ига. Оно наглядно показывало ту высоту, на которую незаметно, шаг за шагом поднялась безжалостно понукаемая кнутом Государя Московская Русь.

ГЛАВА 11 Большая Орда

Каждый ощущает, как смердит господство варваров.

Никколо Макиавелли

Большая Орда (иногда называемая также Волжской Ордой) являлась прямой наследницей распавшейся в середине XV века единой Золотой Орды. Ее столицей был Сарай — некогда богатая и многолюдная столица всего «Улуса Джучи», располагавшаяся в низовьях Волги между современными Волгоградом и Астраханью. Правители Большой Орды более чем кто-либо имели основания считать себя преемниками золотоордынских ханов. Они требовали от Руси выплаты прежней дани и традиционного признания верховной власти «вольного царя».

Война с татарами из Большой Орды летом 1459 года стала первым «боевым крещением» молодого Ивана III. Посланный отцом с полками на южную границу, он сумел остановить отряды степняков у «Берега». Кажется, именно из этого успешного противостояния Иван и вывел свою будущую стратегию борьбы со степняками: не ходить навстречу им в Степь (как это делал Дмитрий Донской), но и не подпускать к Москве (подобно Василию Темному), а останавливать на рубеже Оки.

В августе 1460 года сам правитель Большой Орды хан Махмуд (1459–1465) (в русских летописях — Ахмут) приходил к Переяславлю Рязанскому и почти неделю осаждал город. Осада закончилась безрезультатно. Следующий правитель, Ахмед-хан (1465–1481) (в русских летописях — Ахмат), сумел со временем консолидировать Орду и пресечь внутренние распри.

Однако, к несчастью для Ахмата, среди татар, как и среди русских, ненависть к соплеменникам была зачастую сильнее, чем к внешним врагам. Главным врагом Большой Орды стало другое татарское государство — Крымское ханство. Правивший там хан Хаджи-Гирей в 1465 году напал на орду Ахмата в тот самый момент, когда последний уже собрался в поход на Русь. Затяжная война между Чингизидами увела грозу от русских границ далеко в степь.

Московская разведка внимательно отслеживала намерения Ахмата. В случае его приближения к московским рубежам Иван III сам выходил с полками к Оке. Обычно его ставка на южном театре военных действий располагалась в Коломне. Через этот город проходила торная дорога из Москвы на юго-восток, к

низовьям Волги. В Коломне был построен большой мост через Оку (2, 225). Прикрытие этого стратегически важного моста являлось одной из главных задач московских войск, выдвинутых к Оке против татар.

В Коломне Иван III стоял в ожидании татарского набега и летом 1470 года (20, 124). Однако тогда хан так и не пришел на Русь. Вероятно, он также через свою разведку получал данные о движении Ивана III и не хотел нападать на изготовившегося к обороне противника.

Логика геополитических отношений подталкивала Волжскую Орду к союзу с Великим княжеством Литовским. Литва, в свою очередь, искала среди татарских ханов союзников для войны с Москвой. В результате в 1471 году по инициативе короля Казимира IV между Вильно и Сараем начались переговоры о совместных действиях против Ивана III. Одновременно король искал пути сближения с крымскими татарами. Казимир надеялся, что нашествие татар отвлечет Ивана от завоевания Новгорода. Однако хан Ахмат собрался в поход только на следующий год, когда московское войско в полном составе встретило его на Оке возле Алексина и заставило отступить ни с чем. Сам король на эту войну не явился.

Отражение войск хана Ахмата под Алексином летом 1472 года, по-видимому, позволило Ивану III отказаться от выплаты ордынской дани. Точных данных по этому вопросу нет. Сведения источников туманны, а мнения историков противоречивы (90, 76).

Успешное противостояние Большой Орде и Литве становилось возможным для Ивана III лишь при условии союза с Крымом. На это и были направлены усилия московской дипломатии. С помощью щедрых подарков Иван привлек на свою сторону нескольких влиятельных крымских «князей». Они побудили к сближению с Москвой и самого хана Менгли-Гирея — одного из десяти сыновей умершего в 1466 году первого крымского хана Хаджи-Гирея.

Крымское ханство по многим причинам склонно было к почти непрерывной войне с Литвой и, соответственно, к союзным отношениям с Москвой. Для крымских татар, основная масса которых занималась кочевым скотоводством, набеги на земли соседних земледельческих христианских государств были основным источником обогащения. Главной добычей становились пленные. Их татары затем продавали через торговые города крымского побережья, прежде всего Кафу (современную Феодосию), о которой один литовский автор середины XVI века говорил, что это «не город, а поглотитель крови нашей» (8, 73).

Южная часть Великого княжества Литовского (а также Молдавия) являлась ближайшей к Крыму территорией, где имелось многочисленное и к тому же довольно слабо защищенное сельское население. Сюда в течение нескольких столетий и были нацелены опустошительные рейды крымской конницы. Что касается владений великого князя Московского, то они, во-первых, находились гораздо дальше от Крыма, чем литовские земли, а во-вторых, были прикрыты сильной оборонительной линией вдоль Оки, над усовершенствованием которой работали все московские правители начиная с Ивана III. В результате набеги крымских татар на Московию случались довольно редко и еще реже завершались полным успехом. (В XVI столетии, например, им лишь трижды удавалось прорваться во внутренние районы страны — в 1521, 1571 и 1591 годах. Позднее таких прорывов вообще не случалось.)

Зимой 1473/74 года «прииде посол к великому князю от царя Крымъского Менли Гирея Ачигереева сына (Хаджи-Гиреева. — *Н. Б.*) именем Азибаба, а прислал к великому князю с любовью и з братьством. Князь великы почтив того посла и отпусти его тако же с любовью к его ему государю, а с ним же вместе отпустил своего посла ко царю Менли Герею Микиту Беклемишева, тако же с любовью и з братьством, марта 31» (31, 301).

Миссия Ази-Бабы носила характер дипломатического зондажа. Он имел при себе лишь верительную грамоту от хана, а все прочее излагал устно. Такой подход настораживал Ивана: при необходимости Менгли-Гирей всегда мог сослаться на то, что посол в том или ином вопросе исказил ханские слова. Впрочем, помимо заверений Ази-Бабы Иван получил и сообщения от дружественно настроенных по отношению к Москве крымских «князей» Именека и Авдула. Они уверяли великого князя в том, что хан действительно хочет иметь с ним прочный союз. И все же Москва предпочитала иметь с Крымом полноценный письменный договор о дружбе и взаимопомощи, скрепленный «шертью» — мусульманской клятвой. С этой целью и был отправлен к Менгли-Гирею опытный в восточных делах московский дипломат Никита Беклемишев.

Отъезд Беклемишева (вместе с Ази-Бабой) в Крым состоялся 31 марта 1474 года. Государь придавал огромное значение миссии Беклемишева. Дружба с крымским ханом открывала перед Москвой далекие горизонты. Имея такого союзника, можно было дерзать на многое.

31 марта в Москве вспоминали «прародителя» — князя Ивана Даниловича Калиту, умершего 31 марта 1340 года. Теперь Ивану III нужна была вся мудрость и вся хитрость знаменитого предка,

чтобы закрепить наметившийся союз с одними татарами против других. Добиваясь прочного союза с Менгли-Гиреем, великий князь при этом хотел уклониться от обязательства выплачивать Крыму регулярную дань в виде «поминков» (подарков) хану и его вельможам. Кроме того, Иван не хотел, чтобы его союз с Менгли-Гиреем имел откровенно враждебный характер по отношению к Большой Орде и Литве. Москва искала таких дипломатических формул, которые оставляли бы ей определенную свободу маневра. Учитывая сложность поставленных задач и их чрезвычайную важность для будущего Москвы, Иван в инструкции послу Беклемишеву подробно оговаривает все возможные «подводные камни» на переговорах. Послу велено быть уступчивым, не жалеть соболей для «поминков» влиятельным людям при ханском дворе, но при этом добиваться утверждения ханом того текста договора, который был подготовлен в Москве. На случай осложнений были составлены три варианта договора с разной степенью конкретности формулировок. Однако в каждом из них московский князь именуется «братом» крымского хана, то есть равным ему по статусу, независимым правителем. Впрочем, в интересах дела (а может быть, и в силу двухвековой традиции) Иван использовал в обращении к хану несколько приниженные выражения. Он «бьет челом» крымскому правителю, благодарит его за его «царево жалование», а себя скромно именует «великим князем Иваном» (10, 1). Лишь со временем Иван сумел взять более твердый тон в заочном разговоре с Менгли-Гиреем, стал называть его уже не «вольным царем» (как величали ханов Золотой Орды), а «вольным человеком».

Помимо собственно крымских дел Беклемишев должен был, пользуясь случаем, решить некоторые вопросы в отношениях Москвы с Кафой. Тамошние купцы ограбили московских купцов в отместку за разграбление татарами касимовского «царевича» Даньяра (служившего Ивану III) их торгового каравана в Диком поле. Иван требовал вернуть отнятые у москвичей товары, ссылаясь на то, что грабеж в степи был произведен какими-то не подвластными ему «казаками».

Наконец, Беклемишев должен был объясниться с неким богачом-иудеем из Кафы по имени Кокос (10, 50). Тот способствовал освобождению из татарского плена семи московских служилых людей, но за эту услугу требовал от Ивана уплаты какой-то фантастической суммы, которую якобы выложил за пленников их хозяину. Иван через посла передал Кокосу, что он лично выяснял у бывших пленников все обстоятельства дела и установил, что никаких денег за них уплачено не было. Помимо этого Беклемишеву также предписано было передать Кокосу одно

специфическое указание. «Молвити ему Кокосу от великого князя о том: коли будет ему к великому князю грамота послати о каких делех, и он бы жидовским письмом грамот не писал, а писал бы грамоты русским письмом, или бесерменским» (10, 8). (Денежные домогательства Кокоса не испортили его доверительных отношений с Иваном III. Год спустя великий князь поручил ему выступать в роли посредника на переговорах о женитьбе своего сына Ивана на дочери мангуптского князя Исайки. А в 1484 году Иван поручил все тому же Кокосу приобрести для него «лалы да яхонты да зерна жемчюжные великие» (10, 12).)

Уже отпустив Беклемишева, Иван продолжал размышлять над крымской темой. Спустя день-два он послал вслед посольскому каравану гонца с какими-то дополнительными указаниями (10, 4).

Переговоры с Крымом продолжались и в 1475 году. В ответ на посольство Беклемишева Менгли-Гирей прислал в Москву с текстом союзного договора своего посла мурзу Довлетека. Иван III не был вполне удовлетворен тем вариантом договора, который привел мурза. В нем хан декларировал союз с Москвой против Волжской Орды, но уклонялся от «дружбы» против Литвы. Между тем условие это было для Ивана не менее важным, чем первое. Для достижения желательной схемы договора переговоры следовало продолжить. В четверг 23 марта в Крым отправилось из Москвы новое посольство во главе с боярином Алексеем Ивановичем Старковым (10, 9).

Московско-крымские переговоры были прерваны большой войной между Ахматом и Менгли-Гиреем. Потерпев поражение, Менгли-Гирей вынужден был бежать в Турцию. Одновременно турки начали свою экспансию в Крым. В июне 1475 года они захватили Кафу и перебили всех живших там христиан.

В конце 1478 или в начале 1479 года Менгли-Гирею удалось с помощью турецкого султана Мухаммеда II Завоевателя (1451–1481) вернуть себе крымский престол (55, 116). Союзнические отношения с Москвой были немедленно возобновлены. Крымский хан прислал в Москву своих послов с извещением о возвращении на престол. В пятницу 30 апреля 1479 года из Москвы в Крым отправилось ответное посольство Иванчи Белого. Иван III приносил хану поздравления по случаю возвращения на престол и извинялся за то, что не смог прислать своих послов ранее: «Хотел есми послати своего доброво человека твое здоровье ведети с добрыми поминками; ино на Литву проезда нет, а полем (степью. — *Н. Б.*) пути истомны (опасны. — *Н. Б.*)» (10, 15).

В 1479 году ответная крымская делегация посетила Москву. Среди прочего Менгли-Гирей просил Ивана III переманить в свои

владения живших в Киеве под покровительством короля Казимира двух его братьев — Нур-Даулета и Айдара. Великий князь исполнил эту просьбу. Осенью 1479 года оба «царевича», к вящей досаде короля Казимира, покинули Киев, прельщенные переданными им через московских агентов обещаниями щедрой милости от Ивана III. Об этом примечательном событии сообщает и московская летопись: в конце 1479 года, когда великий князь был в новгородском походе, в Москву приехали из Степи два родных брата Менгли-Гирея — «Мердоулат царь с сыном Бердоулатом, да и брат его Аидар» (31, 326).

В Московской земле жил и другой соперник Менгли-Гирея — «царевич» Джанибек, родственник Ахмата. В 1477 году он занимал ханский престол в Крыму (55, 113). И хотя князь Иван жаловался на сильную «истому» от содержания «царевичей», такого рода игры с потенциальными претендентами на крымский и казанский престол были обычным приемом московской (равно как и литовской) дипломатии. Даже и сам Менгли-Гирей получил утвердительный ответ на вопрос о том, сможет ли Иван предоставить ему убежище в своих землях в случае нового переворота в Крыму.

В воскресенье 16 апреля 1480 года московский посол князь Иван Иванович Звенец выехал в Крым. Собирая в путь посла, Иван уже знал о намерении Ахмата этим летом двинуться войной на Русь. Звенцу велено было в случае получения верного известия о начале похода Ахмата на Москву просить Менгли-Гирея тотчас выступить с войском на Большую Орду или же, по крайней мере, на Литву (10, 20).

Итак, в результате активных действий московской дипломатии весной 1480 года между Менгли-Гиреем и Иваном III уже существовал договор, согласно которому стороны обязывались помогать друг другу в борьбе с Большой Ордой и Литвой. И хотя до совместных действий московских и крымских войск дело так и не дошло, договор обеспечил Москве дружественный нейтралитет Крыма в период решающего столкновения с Ахматом осенью 1480 года.

«Крымский фактор» стал сдерживающим моментом и для короля Казимира, уклонившегося в 1480 году от войны с Москвой на стороне Большой Орды.

Великие события, которым суждено войти в историю народов, зачастую зарождаются из мелочей. Конечно, эти мелочи играют роль искры, случайно упавшей на бочку с порохом. Не будь этой бочки — ничего, разумеется, не произошло бы. Однако и без искры порох мог пролежать сколь угодно долго, тихо отсыреть и

прийти в полную негодность.

Окончательное освобождение Руси от двухсотлетнего монголо-татарского ига, знаменитое «стояние на Угре» зародилось… из семейной ссоры. Особое значение этому столь обычному явлению придавало лишь то обстоятельство, что ссора вспыхнула в московском княжеском семействе. Своего рода бунт устроили два брата Ивана III — 33-летний Андрей Васильевич Углицкий (по прозвищу Большой или Горяй) и 30-летний Борис Васильевич Волоцкий. Оба они уже давно копили злобу на великого князя, который, вопреки давней традиции, не стал делиться с братьями своими крупными приобретениями — выморочным уделом умершего в 1472 году Юрия Васильевича Дмитровского и новгородской добычей 1478 года. Ясно было и то, что трофеи нового новгородского похода, который начался осенью 1479 года, так же пойдут прямиком в казну великого князя. А между тем братья исправно ходили с Иваном во все походы и не давали ему никаких поводов для притеснений.

Чашу терпения удельных братьев переполнило вызывающее поведение Ивана III в истории с опальным князем Иваном Владимировичем Лыко Оболенским. Летописи позволяют увидеть лишь общие контуры этого примечательного эпизода. Двоюродный брат знаменитого воеводы Ивана Стриги Оболенского, Лыко занимал прибыльную должность великокняжеского наместника в Великих Луках. Местные жители, страдая от его произвола и мздоимства, отправили жалобу великому князю. Тот — обычно глухой к жалобам на своих наместников — на сей раз по непонятной причине сразу принял сторону истцов и присудил Оболенскому выплатить им значительные суммы. (Возможно, сыграло свою роль пограничное положение города. А может быть, у Ивана были какие-то свои личные счеты с Оболенским.) Оскорбленный таким поворотом дела, Оболенский перешел на службу к удельному князю Борису Волоцкому, но при этом, очевидно, не выплатил тех денег, которые с него причитались согласно великокняжескому суду.

Задетый таким поведением Оболенского, Иван III послал своего боярина Юрия Шестака к Борису Волоцкому с приказанием арестовать Оболенского и доставить в Москву. Удельный князь воспринял миссию московского порученца как грубое нарушение своих прав и суверенитета. Он силой отнял схваченного беглеца у стражников. Узнав о происшедшем, Иван отправил к брату для переговоров своего старого боярина Андрея Михайловича Плещеева. Однако Борис и на сей раз отказался выдать Оболенского, предложив вынести дело на общий суд. В этом случае Иван III мог проиграть дело: в договорных грамотах братья

неизменно признавали право свободного переезда бояр от одного двора к другому. В реальности это была «игра в одни ворота»: знать охотно переезжала из удельных дворов в великокняжеский, но никогда — в обратном направлении. И все же в случае с Оболенским великий князь формально не имел никаких законных прав требовать назад своего бывшего боярина.

Иван III прекрасно понимал, что допускает несправедливость. Однако он решил любыми средствами добиться своего. Трудно сказать, был ли это вопрос принципа, «государственный подход», — или же обычное слепое упрямство. Но, так или иначе, великий князь, отправляясь в Новгород в октябре 1479 года, велел своему боровскому наместнику Василию Федоровичу Образцу устроить засаду в располагавшемся недалеко от Боровска селе князя Оболенского. Хитрость оказалась удачной: опальный боярин вскоре поехал навестить свою вотчину, был там схвачен и в оковах привезен в Москву.

И тогда Борис Волоцкий не стерпел. Он отправил к своему старшему брату Андрею Углицкому кипящее яростью послание, в котором перечислял все несправедливости и обиды, причиненные им обоим Иваном III. Завершалось оно сетованиями по поводу последних событий: «А нынеча и зде силу чинит, кто отъедет от него к ним (удельным князьям. — *Н. Б.*)и тех безсудно емлет (берет под стражу без суда. — Н.Б), уже ни за бояре почел братью свою; а духовные (завещания. — *Н. Б.*) отца своего забыл, как написал по чему им жити, ни докончания (договоры. — *Н. Б.*), что на чем кончали после отца своего» (18, 222).

Андрей Углицкий вполне разделял возмущение Бориса. Оба решили, что необходимо немедленно предпринять какие-то решительные шаги, чтобы заставить высокомерного Ивана считаться с собой. Сговорившись, Борис и Андрей от слов перешли к делу. Для начала Борис отправил свою жену и детей в относительно безопасное место — входивший в состав его удела город Ржев, неподалеку от литовской границы. (Судя по этой предосторожности, он допускал, что Иван может предпринять стремительный удар на Волок.) После этого, во вторник 1 февраля 1480 года, он вместе со своим двором отправился в Углич, к Андрею Большому (98, 286). Туда он прибыл в хорошее время — «на масленой недели», то есть между 7 и 13 февраля (18, 222). Конечно, братья не преминули опрокинуть по этому случаю добрую чару. Однако обычного масленичного веселья на этот раз не получилось: дело, которое затеяли младшие Васильевичи, было слишком серьезным. Ни один из них не родился мятежником. Ненависть к мятежу они впитали с молоком матери. И вот теперь судьба толкала их на эту скользкую дорогу… Так и

сидели они, должно быть, вдвоем, подперши локтями тугие головы, толкуя так и этак о своем туманном будущем. И черные птицы беды снова кружили над заклятым городом Угличем.

Весть о возмущении братьев мгновенно долетела до Москвы и вызвала здесь всеобщий переполох. Многие еще хорошо помнили стремительные броски из Углича на Москву мятежного Дмитрия Шемяки. И все это всплыло именно тогда, когда сам Иван III и его лучшие войска были в Новгороде…

Загоняя коней, князь Иван примчался в столицу в Прощеное воскресенье, 13 февраля. И ему было в эту Масленицу не до пиров.

Разведка донесла, что Борис и Андрей покинули Углич и со своими многолюдными дворами отправились через Тверские земли вдоль Волги в сторону Ржева. При этом Андрей взял с собой свою семью. Михаил Борисович Тверской не препятствовал их передвижению.

Необходимо было срочно гасить скандал путем переговоров. Иван отправил к братьям во Ржев боярина Андрея Михайловича Плещеева, который незадолго перед тем ездил к Борису по делу об аресте Оболенского. Однако и на сей раз старика ожидала неудача. Братья отказались смириться с Иваном. Но и сидеть во Ржеве, ожидая нападения великокняжеского войска, было бессмысленно. Поразмыслив, мятежники «поидоша изо Ржевы со княинями и с детми, и бояре их и дети боярские лучшие и с женами и с детми и с людьми, вверх по Волзе к новгородским волостем» (18, 222).

Удивительное зрелище представлял этот странный караван, далеко растянувшийся по льду Волги. Словно целый народ поднялся со своих насиженных мест и, ведомый новым Моисеем, отправился на поиски Земли Обетованной. Какую землю они искали? Ту, где царит справедливость, где сильный не притесняет слабого, где заветы отцов почитаются превыше всего?.. Бедные странники! Если и вправду задумали они найти такую землю, — им пришлось бы до конца дней своих скитаться под этим холодным зимним небом…

В Москве между тем решили обратиться за помощью к испытанному миротворцу — Церкви. Князь Иван не захотел просить о помощи митрополита Геронтия, с которым у него уже давно сложились весьма неприязненные отношения. Миротворческая миссия поручена была ростовскому архиепископу Вассиану — авторитетному иерарху, искусному царедворцу, но при всем том — умному и мужественному человеку с проповедническим жаром в душе. Тот не заставил долго себя упрашивать.

Возок, уносивший ростовского миротворца, запрыгал по ухабам заснеженных проселков. Неделя лихой гоньбы от яма к яму — и вот уже Вассиан нагоняет печальный караван в погосте Молвятицы, за Селигером, в Новгородской земле. Братья выслушали увещания Вассиана и согласились вступить в переговоры с Иваном. Вместе с владыкой в Москву отправились их послы: князья Василий Никитич Оболенский — от Андрея Углицкого, и его младший брат Петр Никитич Оболенский — от Бориса Волоцкого.

Послы отбыли, а караван двинулся своей дорогой все дальше и дальше от Московских земель. От Селигера через южные районы Новгородской земли братья направились в Великие Луки. Этот большой и богатый город издавна входил в состав Новгородской земли. При этом отсюда было рукой подать и до литовского рубежа. Мятежники, кажется, уже поняли, что на сломленный при их же участии Новгород особых надежд возлагать не приходится и потому им не обойтись без помощи короля Казимира IV. Из Великих Лук братья направили послов к королю с просьбой о помощи или хотя бы о посредничестве в споре с Иваном. Ответ Казимира, судя по всему, был достаточно неопределенным. Известно только, что король любезно предоставил женам мятежников убежище в Витебске.

В Москве тем временем продолжали кипеть страсти.

Князь Иван сильно досадовал на мать, старую княгиню Марию Ярославну, полагая, что это она подтолкнула младших сыновей к мятежу. При дворе хорошо знали, что Андрей Большой был любимцем матери. Несомненно, она не раз пеняла Ивану на несправедливость по отношению к братьям. Не исключается и то, что действия Бориса и Андрея были каким-то образом согласованы со старой княгиней. Во всяком случае, Иван настоял на том, чтобы она написала и отправила в Великие Луки увещевательное послание.

На Страстной неделе (с 27 марта по 1 апреля 1480 года) в Москву вернулся наконец владыка Вассиан в сопровождении послов от Бориса и Андрея. Выслушав претензии братьев, Иван отпустил послов. Обдумав сложившееся положение, он решил пойти навстречу удельным князьям. Через своих послов (бояр Василия Федоровича Образца и Василия Борисовича Тучкова), отправленных в Великие Луки вместе с владыкой Вассианом (чей дар убеждения Иван ценил очень высоко), великий князь ответил братьям следующее: «Пойдите опять на свою отчину, а яз вас во всем хочу жаловати» (18, 223). Переходя от общего к частному, Иван обещал Андрею прибавить к его уделу два города на Оке — Калугу и Алексин. Борису предлагалось и того менее: несколько

сел.

Великокняжеские послы отправились в путь в четверг 27 апреля. Из-за весенней распутицы («бе бо весна и путь истомен велми») путешествие затянулось, и в Великие Луки они прибыли только к Троице (22 мая) (18, 223). Изложив мятежникам мирные предложения Государя, послы стали ждать. Вскоре братья вышли с ответом. Условия примирения, предложенные Иваном, их не устраивали. Они ожидали большего («высоко мыслиша», по выражению официального московского летописца) (31, 326). Владыка Вассиан и московские бояре с пустыми руками пустились в обратный путь.

Братья требовали от Ивана более серьезных уступок. Однако теперь «нашла коса на камень». Великий князь счел, что он уже прошел свою часть пути к примирению, и от дальнейших шагов воздержался. Опыт подсказывал ему, что умение держать паузу — сильное оружие при любом торге. Кроме того, Иван, по-видимому, убедился в том, что его мятежные братья, по существу, оказались в изоляции. Их «сидение» в Великих Луках не имело серьезного резонанса внутри страны, хотя и вызвало пристальный интерес за ее пределами.

Между тем с юга пришли тревожные вести. Там назревал очередной набег степняков. Своевременно извещенный своей разведкой, Иван отправил «к берегу на Оку» своего сына Ивана Молодого, младшего брата Андрея Меньшого Вологодского и князя Василия Михайловича Верейского. Убедившись в надежном прикрытии московских рубежей, татары ушли, разграбив лишь одну пограничную волость. Однако это была «разведка боем».

В ссоре с братьями время работало на князя Ивана. Содержание нескольких тысяч человек, ушедших вместе с ними в Великие Луки, требовало немалых средств. А между тем удельные князья были бедны и даже в лучшие времена постоянно одалживались у московских богачей, у матери или у самого Ивана III. Испытывая непривычные лишения, не имея ни ясных целей, ни обнадеживающих перспектив, оба удельных двора находились в состоянии тоскливого брожения. Затянувшееся молчание Ивана только усиливало панические настроения. Наконец, братья решили отправить новых послов в Москву. На сей раз они уже не требовали, а просили. К их челобитию присоединилась и мать, княгиня Мария Ярославна. «Князь же Ондрей да князь Борис прислаша бити челом великому князю диаков своих, мати же их великая княини печаловашеся о них сыну своему великому князю, князь же велики отмолви (отказал. — *Н. Б.*) им и не прият челобитья их» (18, 223). Тягостная пауза продолжалась…

В то время как добровольные изгнанники вкушали в Великих Луках прелести неограниченного досуга, жизнь в Москве шла своим чередом. В марте случилась резня между жившими в городе татарами. Потом у великого князя родился очередной ребенок — сын, нареченный Георгием; потом явился в Москву редкий гость — брат Софьи Палеолог Андрей Фомич; потом схватили бежавшего из Крыма «царевича» Айдара, прижившегося в Москве, и, чтобы угодить крымскому хану, сослали беднягу в далекую Вологду; потом разобрали старую и начали строить новую церковь Богоявления на подворье Троице-Сергиева монастыря в московском Кремле… Но над всем этим московским коловращением неприметно собиралась гроза. На юге, в степях, опять гудела земля и клубилась пыль под копытами десятков тысяч коней. Медленно, но неотвратимо Орда подкатывалась к русским границам. Приближалось знаменитое «стояние на Угре»…

Официальная московская летопись прямо связывает нашествие Ахмата с мятежом Андрея Углицкого и Бориса Волоцкого. Более того, братья представляются в ней главными виновниками всего происшедшего. «Того же лета злоименитыи царь Ахмат Болшия орды по совету братьи великого князя, князя Андрея и Бориса, поиде на православное христьяньство, на Русь…» (31, 327).

Это, конечно, явное преувеличение. Трудно поверить, что братья призывали Ахмата на Москву ради мести Ивану III. Во-первых, это было бы ужасное злодеяние, на которое они едва ли могли решиться. А во-вторых, еще хитроумный Иван Калита завещал каждому из своих сыновей определенную долю в доходах, собираемых с Москвы. Наследники свято хранили этот порядок, заставлявший всех братьев быть кровно заинтересованными в процветании города. Разорение Москвы стало бы, кроме всего прочего, и тяжелым ударом по их удельной казне.

Итак, братья не звали на Москву ни татар, ни литовцев. Но в то же время вполне естественно, что раскол в московском княжеском семействе подавал новые надежды и Казимиру, и Ахмату. Переговоры между ханом и королем оживились, и вскоре было достигнуто соглашение об их совместном ударе на Москву. В июне 1480 года хан Ахмат вместе со своими шестью сыновьями и племянником Кайсымом выступил в поход. Они вели на Русь «бесчисленое множество татар» (31, 327).

Хан вел свою орду медленно, ожидая подхода войск Казимира IV. Вероятно, он и сам еще не знал, какой сценарий

войны признать наилучшим. Собирая вести со всех сторон, Ахмат вынашивал окончательное решение. Главная опасность состояла в том, что за его спиной в любой момент мог появиться со своей ордой крымский хан Менгли-Гирей. В конце концов Ахмат решил выйти к московской границе в районе Калуги, совсем рядом с границей с Литвой. Оттуда вот-вот должен был зазвучать боевой клич идущих на соединение с татарами литовцев…

В Москве, разумеется, не имели ясного представления о планах Ахмата. Трудно было поверить в то, что татары, уже испытавшие на себе лукавство короля Казимира в 1472 году, вновь захотят связать с ним свои действия. Иван III поначалу ожидал прямого удара татар на одном из участков окского оборонительного рубежа. Для предотвращения прорыва он принял примерно те же меры, что и летом 1472 года. «Князь же великыи Иван Васильевич слышав то начат отпускати к Оце на брег своих воевод с силою, а брата своего князя Андрея Васильевича Меньшого отпустил в его отчину в Торусу противу же им, и по том сына своего великого князя Ивана отпустил ко Оце же на берег в Серпухов месяца июня в 8 день, и с ним многы воеводы и воиньство бесчисленое» (31, 327).

Основные силы московского войска под командованием 22-летнего Ивана Молодого выступили в поход в четверг, 8 июня 1480 года. В этот день церковь вспоминала знаменитого святого воина Феодора Стратилата.

Все понимали, что разгоравшаяся война с Ахматом будет иметь решающее значение. «Стояние на Оке» в 1472 году закончилось отходом татар, что позволило Ивану III прекратить (или свести к минимуму) выплату традиционного «выхода». Теперь же, в случае нового успеха, москвичи могли окончательно сбросить двухвековое чужеземное иго. Но в случае поражения войск Ивана III татары, конечно, постарались бы устроить русским кровавую баню и восстановить иго в полном объеме.

Драматизм ситуации усугублялся противостоянием между великим князем и митрополитом Геронтием, свежим поводом для которого стал спор о ритуале освящения Успенского собора московского Кремля в августе 1479 года, а глубинной причиной — недовольство церковных верхов внутренней политикой Ивана III. Впрочем, Геронтий не менее других был заинтересован в благополучном исходе войны с Ахматом. Но ключ к победе он искал не на земле, а на небесах. В пятницу, 23 июня (накануне большого церковного праздника — Рождества Иоанна Предтечи) в Москву была принесена чудотворная икона Владимирской Божией Матери. Знаменитый палладиум Северо-Восточной Руси, икона уже посещала Москву в августе 1395 года, когда столица

жила в тревожном ожидании нашествия грозного азиатского завоевателя Тимура. Тогда, согласно легенде, чудесная сила обратила Тимура в бегство в тот самый день, когда икона была внесена в Москву. В память об этом чуде митрополитом Киприаном был установлен особый праздник — Сретение иконы Владимирской Божией Матери (26 августа). С иконы была сделана точная копия, помещенная в Успенском соборе московского Кремля, а сам оригинал отправили обратно во Владимир (73, 332). Теперь Божия Матерь вновь пришла на помощь Москве.

В середине июля в Москву прилетела весть о том, что хан с ордой появился в верховьях Дона — в районе современной Тулы. Это было повторение сценария кампании 1472 года. Ответный ход Ивана также был вполне традиционным. 23 июля, в воскресенье, он поехал из Москвы в Коломну, где и расположил свою ставку. «И тамо стояше до Покрова (1 октября. — *Н. Б.*)», — замечает летописец (31, 327). (Некоторые летописи, а вслед за ними и историки, датируют отъезд Ивана III 23 июня. Однако это была пятница, тогда как 23 июля — «неделя», воскресенье. К тому же трудно представить, что Иван мог покинуть столицу в день торжественной встречи иконы Владимирской Божией Матери.)

Коломенская позиция давала Ивану значительные стратегические преимущества. Находясь здесь, он закрывал татарам путь на Москву по торной коломенской дороге. Отсюда он грозил правому флангу ханского войска в случае, если бы хан пошел на прорыв в районе Серпухова, и мог быстро передвинуть силы в сторону Рязани, если бы хан двинулся туда.

Опасаясь попасть под двойной удар (Ивана-сына с фронта и Ивана-отца с фланга или с тыла), Ахмат повел орду на запад, в сторону Калуги, «хотя обойти чрес Угру» (31, 327). Татарам трудно было скрыть следы своего передвижения: там, где прошла орда, степь превращалась в пыльный шлях. Узнав о калужском маневре Ахмата, великий князь приказал сыну также двинуться в сторону Калуги по левому берегу Оки, не давая возможности татарам совершить переправу. Туда же был отправлен и удельный князь Андрей Меньшой. Все эти маневры напоминали тот медленный, завораживающий танец, который исполняют бойцы перед смертельным поединком. Каждый внимательно всматривается в глаза другого, словно испытывая твердость его духа. Оба медлят, надеясь, что у противника сдадут нервы и он опрометчиво бросится вперед — на любезно подставленный меч…

Правитель Большой Орды не хотел рисковать. Он понимал,

что поражение может стоить ему жизни, ибо Степь не простит столь явной неудачи. В сущности, Ахмат оказался заложником геополитической ситуации. Для сохранения своей власти над Ордой ему необходимы были военные успехи. А воевать он мог только с Московской Русью. Крымское ханство стало неприступным для Ахмата, перейдя под покровительство Османской империи. Напасть на Казань — значило бы окончательно подтолкнуть ее к союзу с Москвой. Литва — единственный потенциальный союзник Большой Орды в регионе. Ссориться с ней было бы безумием. Война с бродячей Ногайской Ордой была рискованным и к тому же бесперспективным занятием: тамошние татары были такими же нищими, как и подданные Ахмата. К тому же ногайцы в эти годы были дружны с Ахматом и, по некоторым сведениям, даже принимали участие в его походе на Угру (10, 181).

Желание победы подогревалось жаждой мести. Ахмат хотел свести счеты с Иваном III за свои прежние неудачи. Вероятно, он чувствовал себя лично оскорбленным великим князем Московским. Здесь уместно будет вспомнить тот знаменитый эпизод, о котором рассказывает неизвестный автор «Казанской истории», — публичное надругательство Ивана III над знаками ханской власти. Приводим полностью этот колоритный рассказ.

«Царь же Ахмат восприят царство Златыя Орды по отце своем Зелетисалтане царе и посла к великому князю Ивану к Москве послы своя, по старому обычаю отец своих, с *басмою* (курсив наш. — *Н. Б.*), просити дани и оброков за прошлая лета.

Великий же князь ни мало убояся страха царева, но, приим басму, лице его, и плевав на ню, и излама ея, на землю поверже и потопта ногама своима, а гордых послов его избита всех повеле, пришедших к нему дерзостно; единого же отпусти жива, носяще весть ко царю, глаголя: „да яко же сотворих послом твоим, тако же имам тобе сотворити“…

Царь же, слышав сие, и великою яростию воспалився о сем, и гневом дыша и прещением, аки огнем, и рече князем своим: „видите ли, что творит нам раб наш, и как смеет противитца велицеи державе нашей безумник сей?“

И собра в Велицеи Орде всю свою силу Срацынскую… и приде на Русь…» (26, 200).

Ключевое слово всего рассказа — басма. Это русская передача монгольского слова «пайцза». Так называлась небольшая продолговатая пластина с надписью, предписывавшей всем подданным хана выполнять распоряжения предъявителя пайцзы. Такие «мандаты» выдавались в ханской канцелярии лицам, посланным с какой-то миссией в отдаленные края. В зависимости

от значимости исполнителя и от важности дела пайцза могла быть золотой, серебряной или деревянной. Насколько известно, пайцзы не имели изображения ханского лица. Они лишь символизировали власть верховного правителя Орды и имели грозную надпись, требовавшую повиновения.

Рассказ о том, как Иван III топтал ногами ханскую «басму», носит ярко выраженный фольклорный характер. Едва ли он мог позволить себе такой вызов, последствием которого неизбежно должна была стать большая война с Ахматом. Известно, что Иван еще летом 1474 года установил дипломатические отношения с Ахматом, прерванные после войны 1472 года. Он принял в Москве его посла Кучюка и в ответ отправил в Большую Орду своего посла Дмитрия Лазарева. Занятый новгородскими проблемами, Иван в 1470-е годы менее всего был склонен идти на обострение отношений с татарами. Вероятно, он надеялся, что «стояние на Оке» в 1472 году достаточно убедительно показало Ахмату возможности московской боевой силы. Более того, во имя сохранения мира Иван, вероятно, готов был продолжить выплату дани, хотя и в сильно урезанных размерах.

Однако Ахмат, воодушевленный известием о мятеже братьев Ивана III, подстрекаемый обещаниями короля Казимира, видимо, решил, что более удобный случай для восстановления в полном объеме власти Орды над Русью ему вряд ли представится.

Итак, в действительности нашествие Ахмата было внезапным и неспровоцированным. Никаких театральных жестов, наподобие тех, что описаны в «Казанской истории», князь Иван, скорее всего, не делал. Однако логика мифа отличается от логики трезвого политического расчета. Для народного сознания необходимо было, чтобы долгий и тяжелый период татарского ига закончился каким-то ярким, знаковым событием. Государь должен был самым наглядным и общепонятным способом выразить свое презрение к некогда всесильному правителю Золотой Орды. Так родился миф о растоптанной «басме».

В этой странной летней кампании 1480 года все происходило в каком-то нарочито медленном, вязком темпе. Кажется, обе стороны решили, что им выгодно тянуть время. Действительно, время могло принести неожиданную удачу Ахмату: подход королевского войска. Время сулило благие перемены и Ивану III: примирение с братьями и их вступление в войну против татар.

Иван Молодой, выполняя приказ отца, пришел с полками в район Калуги, к устью реки Угры — левого притока Оки. Впрочем, Иван Молодой во всем этом деле играл роль скорее живого символа власти, нежели ее подлинного обладателя. За

спиной 22-летнего наследника московского престола стоял знаменитый полководец князь Данила Дмитриевич Холмский. Именно он был фактическим руководителем всех московских войск, преграждавших дорогу Ахмату. По существу, Иван III доверил Холмскому судьбу всей кампании. И князь Данила с честью выполнил возложенную на него задачу. Татары не нашли ни одной бреши в развернутой им системе обороны «берега».

Можно только удивляться тому, как безупречно держал себя этот выдающийся человек, которому Иван III был обязан большинством своих громких побед. Вокруг него под топором великокняжеского гнева падали целые семейства. А Холмский оставался у престола и прибавлял к своим прежним победам все новые и новые. Лишь один раз, в 1474 году, полководец попал в опалу и сумел избежать темницы только благодаря поручительству нескольких знатнейших московских бояр. Во время летней кампании 1480 года Холмский вновь оказался в сложном положении: его дочь Ульяна с 1471 года была замужем за удельным князем Борисом Волоцким — одним из мятежных братьев Ивана III. Старший брат Данилы Холмского — князь Михаил Дмитриевич Холмский — вместе с князем Иосифом Андреевичем Дорогобужским возглавлял тверское войско, присланное на помощь Ивану III тверским князем Михаилом Борисовичем. Князю Даниле необходимо было заставить амбициозного старшего брата выполнять свои распоряжения. И все же Холмский сумел решить стоявшие перед ним сложные военные задачи: не допустить возникновения «бреши» в обороне «берега»; лесными дорогами перебросить московские полки к Угре раньше, чем туда дошла пылившая по степи татарская орда. Вероятно, Холмский догадывался, что у Ахмата есть проводники, хорошо знающие местность («знахари»), которые ведут его прямо к бродам через Оку иУгру (30, 199).

Угра служила границей между владениями Ивана III и территориями мелких «верховских» (то есть расположенных в верхнем течении Оки) княжеств, правители которых (князья Воротынские, Одоевские, Мезецкие, Мосальские) признавали над собой верховную власть короля. Очевидно, хан переправился на левый, литовский берег Оки, где-то в нескольких верстах выше устья Угры. Теперь ему предстояло физически более легкое предприятие: форсирование сравнительно небольшой реки Угры. Однако на переправах через Угру уже стояли опередившие татар войска князя Холмского. Узкие полосы бродов были взяты под прицел московскими пушками. Каждое ядро, попадавшее в плотную толпу всадников на переправе, сметало целую дюжину степняков.

Отправив армию к Угре, Иван III покинул Коломну и поспешил в Москву. В субботу 30 сентября он уже был в столице.

Летописи по-разному изображают поведение Ивана III в ту страшную осень. Официальные летописцы, рассказывая о его возвращении из Коломны, сохраняют величавое спокойствие, сквозь которое все же прорываются отголоски только что пережитого страха. К тому же в «мед» придворных хроник позднейшие редакторы и переписчики подмешали изрядное количество «дегтя» из сочинений враждебных Ивану III авторов.

«А сам князь великый еха с Коломны на Москву… на совет и думу к своему отцу к митрополиту Геронтию и к своей матери, великой княгине Марфе (монашеское имя княгини Марии Борисовны. — Я. £), и к своему дяде, князю Михаилу Андреевичу, и к духовному своему отцу, архиепископу Ростовьскому Васияну, и ко всем своим бояром, вси бо тогда быша в осаде на Москве, и молиша его великим молением, чтобы стоял крепко за православное хрестьяньство противу бесерменовству» (30, 199).

Иначе представляет дело летописец, труд которого сохранила Софийская II летопись. Великий князь изображен здесь растерявшимся и подавленным. Его панические настроения разжигают бояре Иван Васильевич Ощера и Григорий Андреевич Мамон. Они пугают его напоминанием о том, как Василий Темный попал в плен к татарам в битве под Суздалем. Они соблазняют его примером Дмитрия Донского, который бежал от нашествия Тохтамыша в Кострому. Под влиянием этих предателей христианства (злой нрав которых летописец не без наблюдательности объясняет их богатством) великий князь «оставя всю силу у Оки на березе, а городок Коширу сам велел сжечи, и побежа на Москву…» (18, 230).

В Москве царит тревожное ожидание. «Война нервов», которую вот уже десять недель ведут Иван и Ахмат, тяжелее всего сказывается на горожанах. Отвыкшие за три десятка лет спокойной жизни от угрозы татарского набега, они взволнованы до крайности. Москву будоражат самые противоречивые слухи о намерениях великого князя. Наиболее осведомленные обыватели даже называют имена бояр, которые продались хану и склоняют Ивана к бегству. Все вспоминают разгром Москвы Тохтамышем — и потихоньку перебираются с наиболее ценным имуществом в переполненный беженцами Кремль, где все же есть надежда пережить осаду. Правительство, как всегда, хранит таинственное молчание. Да и кто может сказать что-то определенное о планах Государя, когда и сам он, кажется, не знает, что предпринять…

В этой обстановке (столь верно переданной Независимым

летописцем) неожиданное появление Ивана III в Моекве вызывает у горожан всплеск эмоций, напоминающий массовую истерику. Толпа бросается ему навстречу. Одни проклинают князя за скупость: так объясняют его отказ платить привычную дань Орде; другие бранят за робость: так понимают его отъезд из Коломны и намерение бежать с семьей за Волгу. Третьи припоминают Ивану прежние грехи, за которые теперь Господь наказывает его, а заодно и весь народ, нашествием «поганых». Но при этом горожане умоляют князя не бросать их на растерзание татарам. Наученные горьким опытом смуты, москвичи уже твердо усвоили, что плохой государь все же лучше, чем никакой.

«И яко бысть на посаде у града Москвы, ту же гражане ношахуся в град в осаду, узреша князя великаго и стужиша, начаша князю великому, обестужився (потеряв стыд. — *Н. Б.*) глаголати и изветы класти, ркуще: „егда ты государь князь велики над нами княжишь в кротости и в тихости, тогды нас много в безлепице (несправедливо. — *Н. Б.*) продаешь; а нынеча разгневив царя сам, выхода ему не платив, нас выдаешь царю и татаром“» (18, 230).

Что отвечал Иван на вопли обезумевшего народа? Как пробился со своим небольшим отрядом через запрудившую узкие улочки Посада разъяренную толпу? Ответа на эти вопросы источники не дают. Однако запомним эту красочную картину: стиснутый толпой, утративший свою обычную высокомерную выправку чернобородый великан, ссутулившись, глядит затравленным зверем на плещущую у самого стремени городскую чернь. Редкий случай, когда на исторической сцене появляется народ — появляется, чтобы выкрикнуть свой страх и свою боль, а потом снова исчезнуть в сумерках повседневности.

Пробившись наконец, в Кремль, Иван был встречен здесь митрополитом Геронтием и ростовским архиепископом Вассианом. Оба они явно разделяли тревогу горожан. На правах великокняжеского духовника Вассиан стал упрекать Ивана за то, что он в такое трудное время бросил войско и приехал в Москву. «Нача же владыка Васиан зле глаголати князю великому, бегуном его называя, сице глаголаше: „вся кровь на тебе падет хрестьянская, что ты выдав их бежишь прочь, а бою не поставя с татары и не бився с ними; а чему боишися смерти? Не безсмертен еси человек, смертен; а без року (часа. — *Н. Б.*) смерти нету ни человеку, ни птице, ни зверю; а дай семо вой в руку мою, коли аз старый утулю лице против татар“ — и много сице глаголаше ему, а гражане роптаху на великого князя» (18, 231).

«Можно думать, — замечает Л.В.Черепнин, — что настроение московских горожан в 1480 году было примерно такое же, как и в

1382 году, когда московские посадские люди не хотели выпускать из осажденного Тохтамышем города жену Дмитрия Донского, считая, что она должна вместе с народом выдерживать все тягости осады» (164, 877). К этому верному наблюдению можно добавить лишь то, что и сам Иван III, судя по всему, предполагал последовать примеру Дмитрия Донского и уехать куда-нибудь за Волгу, поручив оборону города своим воеводам.

Впрочем, великий князь знал и более свежие примеры спасительного бегства из осажденной столицы. Мог ли он забыть, что именно так поступил его отец, Василий Темный летом 1451 года, когда татары «царевича» Мазовши из той же самой Большой Орды, прорвав оборону «берега», устремились к Москве? Поначалу Василий II кинулся тогда навстречу врагу, в Коломну, но с полпути вернулся назад и вместе с наследником престола отправился на север, за Волгу. Свою жену с младшими детьми он отправил в Углич, а в Москве оставил престарелую мать, княгиню Софью Витовтовну, со вторым сыном Юрием. В осаде сидели и митрополит Иона с ростовским архиепископом Ефремом (31, 271). Вся эта история окончилась тогда более или менее благополучно: предав огню московские посады и едва не спалив Кремль, татары ушли так же внезапно, как и появились.

Судя по действиям Ивана III в эти дни и по тому возмущению, которое открыто выражали москвичи, его замысел был именно таков. Можно думать, что близкие ему люди (Иван Юрьевич Патрикеев, архиепископ Вассиан, митрополит Геронтий, мать и жена) были извещены заранее о намерении великого князя. Кто-то из них (владыка Вассиан?) пустил эту весть в народ и подготовил ту манифестацию, которая встретила Ивана при его въезде в город. Соответствующие речи были заготовлены и на Боровицком холме. «Патриотическая» партия прилагала все силы для того, чтобы отклонить Ивана от мысли о бегстве на север.

Однако великий князь был не из тех, кто легко меняет свои намерения и поддается давлению окружающих. Несомненно, бегство от татар было его собственным, долго созревавшим решением. Ссылки на «злых советников» — лишь трогательная попытка спасти доброе имя великого князя, пожертвовав для этого двумя, быть может, вполне искренними его доброхотами. Узнав о том, что Ахмат двинулся через литовские владения в сторону Калуги, Иван пришел к выводу, что тот имеет самые серьезные намерения.

Надежда остановить хана на Угре была весьма слабой. А вот возможность подхода к Угре королевского войска казалась вполне реальной. Исходя из всего этого, великий князь и принял решение перейти ко второму, худшему сценарию развития событий —

сценарию 1451 года.

Единственное, чего князь Иван не сумел по достоинству оценить своим холодным умом, был фактор героизма…

Убедившись в том, что москвичи до крайности возбуждены и даже готовы взять его в заложники, великий князь почел за лучшее переехать из Кремля в свою загородную резиденцию в Красном селе (в районе современной Красносельской улицы). Оттуда он продолжил исполнение своего «заволжского» замысла. К Ивану Молодому на Угру был отправлен скорый гонец с приказом немедленно оставить армию и вернуться в Москву. Однако 22-летний наследник престола «мужество показа, брань прия от отца, а не еха от берега, а хрестьянства не выда» (18, 231). Понятно, что отъезд Ивана Молодого в эти критические дни пагубно сказался бы на боевом духе войск и, напротив, придал бы уверенности татарам. Ослушавшись приказания своего грозного отца, Иван рисковал очень многим. Но, кажется, этот юноша, чей бледный силуэт вскоре пополнит галерею печальных теней русской истории, был не лишен характера. Да и сама атмосфера, царившая тогда в московском войске, была отмечена каким-то особым, почти мистическим воодушевлением. Все понимали, что от них зависит судьба России. Даже голубую ленту реки Угры, отделявшую русских воинов от темневшей на другом берегу орды, один восторженный летописец сравнивал тогда со знаменитой древней святыней — Поясом Пречистой Богородицы, спасающим христиан от нашествия поганых (26, 201).

Убедившись в том, что Иван Молодой не намерен исполнять его приказ, великий князь прибегнул к хитрости. Он послал распоряжение князю Холмскому силой привести наследника в Москву. «Князь же Данило того не сотвори, а глаголаше ему, чтобы поехал ко отцу, он же рече: „леть (лучше. — *Н. Б.*) ми зде умрети, нежели ко отцу ехати“» (18, 231). Храбрый Холмский совершил тогда, быть может, самый главный свой подвиг: он, в сущности, отказался исполнить губительный для страны приказ государя. Легко понять, что за это его могла постигнуть тяжкая опала. Душеспасительная беседа, которую старый воевода для видимости провел со строптивым наследником, конечно, не могла послужить ему серьезным оправданием перед разгневанным государем.

Отказ наследника поставил Ивана III в сложное положение. Уехать одному, оставив сына на Угре, было бы слишком позорно. Лично встать во главе полков — значило бы исполнить требования «патриотической» партии (и тем самым уступить чужому давлению), а в случае поражения подвергнуть смертельному риску все московское дело. Так и просидел Иван в

своем красносельском тереме две недели, рассылая гонцов во все стороны.

(Некоторые летописи сообщают, будто великий князь пробыл в Москве всего четыре дня: с 30 сентября по 3 октября (31, 327). Однако это явная ошибка. Одни только пересылки с Иваном Молодым и Холмским заняли не менее четырех дней каждая. Таким образом, следует принять сообщения тех источников, в которых говорится о том, что 3 октября на Угру пришел не сам Иван III, а его сын Иван Иванович вместе с удельным князем Андреем Меньшим Вологодским (98, 286). Что же касается самого великого князя, то он, возможно, и в самом деле 3 октября уехал из Москвы, но не на Угру, а в Красное село.)

Одни гонцы неслись на юго-запад, в сторону Калуги, другие — на северо-запад, во Псков и Новгород, третьи — в подмосковные города, которые Иван спешно готовил к возможному нашествию татар. Двое воевод (Полуект Бутурлин и Иван Кика) отправлены были в Дмитров с приказанием перевести местных жителей в Переяславль-Залесский, где имелась мощная крепость. А в покинутый жителями Дмитров спешно посланы были строители для приведения в порядок тамошних оборонительных сооружений (18, 231). Тогда же князь Иван Юрьевич Патрикеев, назначенный руководителем обороны Москвы, по приказу государя сжег посады вокруг Кремля — крайняя мера, обычно предпринимавшаяся в ожидании неминуемой и скорой осады.

И все же главное, что сумел сделать Иван за эти две недели, было окончательное примирение с братьями.

Просидев все лето в забытых Богом Великих Луках, Андрей Углицкий и Борис Волоцкий утратили свой первоначальный мятежный пыл. Уходить в Литву и там просить у короля какое-нибудь кормление им явно не хотелось. В этом случае они сжигали последние мосты и навсегда обрекали себя на горький хлеб чужбины. Но и вернуться домой они также не могли: великий князь еще весной прервал с братьями всякие переговоры. Томясь бездельем и промышляя грабежом окрестных волостей, Васильевичи жадно ловили новости, долетавшие к ним с разных сторон. Ведь каждая из них могла сулить перемены в их незавидной судьбе.

Летом 1480 года Ливонский орден начал новое наступление на Псков. Несомненно, рыцарей воодушевило отсутствие в регионе московских войск, занятых войной с Ахматом. Захватив и разорив несколько небольших псковских крепостей, немцы почувствовали себя настолько уверенно, что в середине августа

осадили Изборск, а затем двинулись на Псков. 28 августа они появились у стен города. Вскоре к рыцарям присоединилась «судовая рать», присланная им на помощь из Юрьева (Дерпта) тамошним епископом. Завоеватели расположились в Завеличье и приступили к осаде крепости. Над городом клубился дым сожженного посада, грохотали не умолкая немецкие осадные орудия.

Попавшие в беду псковичи взывали о помощи к Ивану III: «А гонцы многи гоняху ото Пскова к великому князю Ивану Васильевичю со многою печалью и тугою, а в то время притужно время было вельми» (40, 78). Однако государь, занятый войной с Ахматом, не мог оказать им никакой помощи. Этой ситуацией и воспользовались мятежные удельные князья, искавшие предлога для примирения. Они обратились к Ивану III с предложением, суть которого летопись передает так: «Уже ли исправишся (проявишь справедливость. — *Н. Б.*) к нам, а силы над нами не почнешь чинити и держати нас (будешь. — *Н. Б.*) как братью свою, и мы ти приидем на помощь» (18, 231). Великий князь согласился и даже, по выражению летописца, «во всю волю их даяся» (18, 231). Последнее — конечно, преувеличение: Иван всего лишь заключил с братьями какое-то соглашение, предусматривавшее расширение их владений.

Поладив со старшим братом, Васильевичи во исполнение его распоряжений готовы были выступить на помощь Пскову. Великий князь надеялся, что одного их приближения будет достаточно для того, чтобы заставить немцев прекратить войну и уйти восвояси. И расчет этот оказался правильным.

Выполняя указание Ивана III, псковичи отправили гонца к братьям — «чтобы помогли псковичам на немцы» (40, 78). Андрей и Борис Васильевичи не заставили себя долго упрашивать. В воскресенье 3 сентября они торжественно въехали во Псков. Ничто не омрачало их шествия: за день или два до прибытия братьев немцы, узнав об их приближении, прекратили осаду и ушли восвояси.

Удельное воинство простояло во Пскове десять дней. Псковская летопись по обыкновению полна сетований по поводу бесчинств и насилий, творимых в городе москвичами. «И псковичам быша много проторей (убытков. — *Н. Б.*)… И псковичи биша челом, чтобы они шли на немцы своим войском и со псковичи, и они не поидоша в немцы да прочь поехаша изо Пскова, и не учинив ничего же добра, и почаша волости грабити; и князь псковской Василей Васильевич (великокняжеский наместник Василий Васильевич Шуйский. — *Н. Б.*) с посадники псковскими послаше им 5 рублев, околицы (сельские округа. — *Н.*

Б.) 15 рублев, и они поехаша за рубеж в Новгородцкую землю» (40, 78).

Отказ удельных братьев выступить вместе с псковичами против немцев объяснялся не ленью и не опасностью этого предприятия. Великий князь настойчиво звал Андрея Большого и Бориса с войсками на южную границу. Отогнав немцев от Пскова, они должны были спешить на войну с Ахматом.

(Рассказы источников о событиях 1480 года напоминают темный бабушкин чулан. Словно отчаявшись разложить по порядку целую гору красноречивых рассуждений, противоречивых мнений и колючих фактов, летописцы без всякого порядка высыпали все это в два огромных сундука, на крышке одного из которых красовалась надпись — «В лето 6988…», а другого — «В лето 6989…». Разбирая этот хаос, покрытый пылью пяти веков, историки внимательно разглядывают обломки, прилаживают один к другому. Из этих кропотливых упражнений постепенно возникают зыбкие очертания давно отшумевших событий.)

Переговоры Ивана с братьями тянулись все лето и первую половину осени 1480 года, то оживляясь, то затихая. Псковский поход Васильевичей явился лишь промежуточным результатом ожесточенного торга. За участие в войне с Ахматом они, по-видимому, запросили значительно более высокую цену, чем за Псков. Во время пребывания Ивана в Красном селе к нему прибыли послы от Андрея и Бориса с какими-то предложениями. Похоже, что поначалу великий князь отказался удовлетворить их новые пожелания. Но тут в дело вмешались митрополит Геронтий, владыка Вассиан, княгиня-мать и даже уважаемый Иваном за подвижническую жизнь игумен Троице-Сергиева монастыря Паисий Ярославов. Все вместе они стали уговаривать как Ивана, так и его братьев пойти навстречу друг другу. Особенно веским было, конечно, слово матери — инокини Марфы.

«…Князь же великий послушав моления их и повеле матери своей великой княине послати по них, а рекся (обещал. — *Н. Б.*) их пожаловати. Княиня же великая посла к ним, а веля им прямо идти к великому князю на помочь вборзе» (18, 224).

Источники не сообщают о том, что именно посулил Иван братьям за их повиновение. Если это то, что они получили после завершения всех тревог, весной 1481 года, — значит, Андрею Углицкому был обещан Можайск со всеми окрестными волостями, а Борису Волоцкому — лишь кое-какие села. В таком своеобразном разделе угадывается свойственный Ивану точный психологический расчет, не лишенный некоторого цинизма.

Зачинщиком мятежа был Борис Волоцкий. Однако Иван понимал, что роль лидера в этом дуумвирате с самого начала играл Андрей Углицкий. Любимец матери, которая родила его в самые тяжелые дни своей жизни, когда углицкая темница, казалось, навсегда поглотила ее вместе с ее изуродованным мужем, — Андрей Большой был, судя по всему, человеком незаурядным. После смерти Юрия Дмитровского в 1472 году он по самому своему положению старшего среди удельных князей оказался главным соперником Ивана III. Похоже, это был человек чести, способный привлекать к себе людей. Бояре любили его за смелость и прямоту, а великий князь, кажется, несколько побаивался. Впоследствии, вскоре после кончины матери, Иван обманом заманил Андрея в Москву, велел схватить его и бросить в темницу.

Что же касается Бориса, то этот любимец двух бабушек (великой княгини Софьи Витовтовны и Марии Федоровны Голтяевой) был человеком набожным, добрым и слабовольным. В одиночку он не способен был на решительные действия. Примечательно, что, расправившись в 1491 году с Андреем Углицким, великий князь не тронул Бориса, лишь смертельно напугав его внезапным вызовом в Москву…

Итак, ценой переданного Андрею Большому Можайска мир в семье был восстановлен. Нахлестывая лошадей, гонцы помчались обратно в Великие Луки. Через несколько дней караван изгнанников потянулся обратно на юг сквозь осыпанные осенним золотом селигерские леса, вдоль подернутой хмурым октябрьским туманом Волги — назад, к родным очагам. Старики, женщины и дети вернулись по домам, а сами удельные братья со своими дружинами погнали коней на юг, к благословенной речке Угре, которая, словно Пояс Пречистой Богородицы, охраняла Русскую землю от нашествия варваров.

Дальнейшие действия и передвижения великого князя зависели теперь только от развития событий на Угре. Ясно было, что хан, опоздав к переправам, попытается пойти на прорыв. Иван III, фактически утративший власть над войском, мог либо очертя голову броситься туда, где решалась судьба войны, либо, оставаясь в Москве, смотреть, как другие вершат историю России. В каждом из этих вариантов были свои плюсы и минусы, подсчетом которых Иван, надо полагать, занимался с утра и до позднего вечера.

Между тем хан Ахмат, обосновавшись в районе Калуги, все еще терпеливо ждал своего неверного союзника, короля Казимира IV. Но тот, расточая обещания, на деле и не думал о войне. Вся

история его отношений с Москвой свидетельствует о том, что мир на восточной границе был одним из главных принципов внешней политики этого осторожного короля. Серьезным аргументом в пользу мира с Иваном III была и крымская угроза. В начале осени 1480 года крымский хан Менгли-Гирей послал своих мурз в набег на Подолию. «Тогда бо воева Минли Гирей царь Крымскыи королеву землю Подольскую, служа великому князю», — сообщает московский летописец (31, 328). Набег крымских татар на Литву, судя по всему, не отличался большим размахом (90, 109). В Москве ему не придали серьезного значения и, кажется, даже поначалу не связывали с обязательствами хана помогать Ивану III против короля Казимира (98, 286). Однако этот военный эпизод дал королю хороший повод уклониться от сотрудничества с ханом Ахматом, «сохранив лицо».

Отчаявшись дождаться короля и, вероятно, получив от него соответствующее сообщение, Ахмат решил наконец действовать самостоятельно. В октябре на Угре закипело сражение. Татары в разных местах пытались нащупать слабину в расположении московских войск. С 8 по 11 октября Ахмат проводил интенсивную разведку боем (51, 106). Однако повсеместно ордынцы встречали отпор. «Ахмат же ирииде к Угре со всеми силами, хотя перейти реку; и приидоша татарове, начаша стреляти на наших, а наши на них… А наши стрелами и пищалми многих побиша, а их стрелы межи наших падаху и никого же уязвляху; и отбиша их от берегу. И по многи дни приступаху, бьющеся, и не возмогоша, и стояше, ждуще, егда река станет» (20, 201).

Несколько дней боевых действий на фронте, протяженностью в несколько десятков километров вверх от устья Угры, убедительно показали хану, что русское войско не уступает татарам ни по численности, ни по маневренности. Что же касается вооружения, то здесь преимущество, несомненно, было на стороне русских. Московские кузнецы поработали на славу. Едва ли не каждый всадник в армии Холмского имел железные доспехи: шлем, латы, поручи. У многих были кольчуги. При таком облачении татарские стрелы почти не могли уязвить русских воинов. Имелись у них и особые доспехи, защищавшие коней. Вероятно, не было недостатка и в стрелах с острыми наконечниками, которыми москвичи осыпали кое-как прикрытых своими кожаными доспехами и деревянными щитами ордынцев. «Оружием устрашения» служили пушки и примитивные ружья («пищали»). Они не могли нанести сильный урон рассеянным по полю татарским всадникам, однако были очень эффективным средством прикрытия узких бродов.

Итак, воинское искусство князя Холмского в сочетании с многочисленностью и хорошей экипировкой армии (результат многолетней административно-хозяйственной деятельности Ивана III) сделали свое дело. Татары были отброшены обратно на правый берег Угры. Переходить реку вслед за ними Холмский не хотел: это сразу лишило бы русскую армию ее позиционных преимуществ. Теперь все должна была решить «война нервов». Вновь началось изнурительное ожидание.

Узнав о том, что хан не смог с ходу переправиться через Угру и теперь в раздумье стоит за рекой, Иван III сделал свой ход. В середине октября он наконец покинул Москву и отправился на юго-запад, в сторону Калуги.

(Реальная хронология событий подтверждает известие Софийской II летописи о том, что, вернувшись в столицу 30 сентября, великий князь пробыл в Красном селе около двух недель (18, 231). Последний день боев за переправы на Угре — 11 октября (51, 106). Весть о том, что татары отражены на переправах, вероятно, была послана в Москву в тот же день и достигла столицы 13 октября. Получив это известие, Иван тотчас отправился к Угре. Несомненно, он заранее продумал свои действия на случай того или иного исхода сражения на Угре. Дата 3 октября в Московском летописном своде конца XV века и некоторых других летописях могла появиться как испорченная правильная дата отъезда Ивана из Москвы — 13 октября.)

Верный своему принципу руководить войсками из ставки, расположенной в глубоком тылу, князь Иван не поехал прямо на место противостояния. Он обосновался в абсолютно безвестном и до и после того городке Кременце (ныне рабочий поселок Кременск), на левом берегу речки Лужи (правый приток Протвы), верстах в шестидесяти к северу от устья Угры. Историки находят в выборе этой позиции выдающийся стратегический замысел: отсюда Иван мог при необходимости быстро двинуться на север и перекрыть дорогу литовцам, в случае, если те вздумали бы ударить от Вязьмы на Москву (52, 131). Однако следует заметить, что при том множестве неизвестных, которое составляет длинную свиту любого деяния нашего героя, всему можно найти глубокомысленное истолкование. В жизни все могло быть куда проще и банальнее.

В Кременце Иван III, по свидетельству летописи, стоял «с малыми людми, а людей всех отпусти на Угру к сыну своему великому князю Ивану» (31, 327). Сюда же к нему явились со своими дружинами умиротворенные удельные братья Андрей Углицкий и Борис Волоцкий. Однако, насколько можно понять из летописей, Иван до самого отступления Ахмата держал их при

себе в Кременце. Пускать вчерашних мятежников на передний край в той шаткой ситуации было бы неблагоразумно.

По всей видимости, Иван III действительно был «скорее дипломатом, чем военачальником» (115, 194). Из Кременца он начал какие-то странные переговоры с Ахматом. «А ко царю князь велики послал Ивана Товаркова с челобитьем и с дары, прося жалования, чтобы отступил прочь, а улусу бы своего не велел воевати. Он же рече: „жалую его добре, чтобы сам приехал бил челом, как отци его к нашим отцем ездили в Орду“» (18, 231).

Великий князь обращался к хану как провинившийся вассал, готовый верной службой искупить свою вину. Трудно было понять, чего больше в этом подобострастном тоне: вкрадчивой восточной хитрости или наследственного страха перед степняками. Как бы там ни было, хан принял игру и отвечал в тон Ивану: приходи сам с повинной головой, тогда можешь надеяться на прощение. Именно так говорил когда-то хан Узбек своему опальному вассалу князю Александру Михайловичу Тверскому. Тот поехал в Орду с покаянием, был торжественно прощен Узбеком — а через два года без лишнего шума вновь вызван в Орду и казнен. Тело его палачи разрубили на части и бросили на растерзание бродячим псам…

Князь Иван, конечно, и не подумал ехать к хану. Кажется, он просто тянул время. Московская разведка через «своих поганых» внимательно следила за положением дел во вражеском стане. Известно было, что татары, выступившие в поход в разгар лета, измотаны, а главное — не готовы к зиме. «…Бяху бо татарове наги и босы, ободралися» (18, 231). Первые же морозы должны были стать для многих из них последними. До этих пор и следовало затягивать переговоры, усыпляя бдительность хана мнимой приниженностью.

Дни шли за днями. 26 октября православные праздновали память святого великомученика Дмитрия Солунского, издавна считавшегося на Руси небесным покровителем воинов. В Москве к святому Дмитрию относились с особым почтением. В Успенском соборе московского Кремля еще во времена Ивана Калиты был устроен придел во имя святого Дмитрия. Новый всплеск культа святого относится ко временам Дмитрия Донского и Василия I, когда святой Дмитрий вместе со святым Георгием Победоносцем вошли в состав «деисусного чина» — второго ряда иконостаса, в котором помещаются изображения самых почитаемых святых. Иван III украсил Фроловские (Спасские) ворота Кремля парными резными изображениями святого Георгия и святого Дмитрия. В день памяти святого Дмитрия в 1479 году Иван III отправился в очередной поход на Новгород. Согласно житию небесного воина,

святой Дмитрий много раз спасал христиан от нашествия варваров. И кому, как не ему, должен был с особым усердием молиться князь Иван в эти тревожные дни в Богом забытом Кременце?

И словно услышав молитвы великого князя, небеса в этот день дохнули зимним холодом. «С Дмитреева же дни стала зима» (18, 231). Теперь для Ахмата удачное завершение переговоров становилось единственной возможностью окончить кампанию, «сохранив лицо». Он отправил к Ивану посла с предложением поручить переговоры сыну (Ивану Молодому) или любому из братьев. Иван ответил высокомерным молчанием. Тогда загнанный в угол хан предложил Ивану направить для переговоров хотя бы московского боярина Никифора Федоровича Басенкова, известного татарам по прежним дипломатическим поручениям. «Князь же велики того не сотвори» (18, 231).

В ханской ставке попытались начать свою «психологическую войну» с Иваном. Татары разными способами передавали русским слова Ахмата: «Даст Бог зиму на вас и реки все станут, ино много дорог будет на Русь» (18, 231). Слухи о «зимнем наступлении» татар должны были посеять страх в рядах московского воинства. Для князя Ивана, обладавшего подробными сведениями о тяжелом положении дел в орде Ахмата, эти угрозы стоили немногого. Однако и в армии, и в Москве подобные слухи производили тягостное впечатление. Многих взволновали и переговоры Ивана с Ахматом. Опасались, что великий князь может согласиться на выплату дани и вновь склонит голову под иго Орды. Особенно возмущался ростовский архиепископ Вассиан. На правах великокняжеского духовника он счел своим долгом отправить Ивану наставительное послание, в котором призывал твердо стоять за православную веру и Русскую землю против «поганых». Проникнутое патриотическим жаром, это знаменитое «Послание на Угру» Вассиана Рыло стало украшением древнерусской литературы. С ободряющим посланием к великому князю обращался тогда и митрополит Геронтий (45, 275–277). Настоятель Троице-Сергиева монастыря Паисий Ярославов отправил грамоту своему духовному сыну великому князю Ивану Молодому, также призывая его «стать крепко… за свое отечьство» (45, 269–271).

Морозы, наступившие после Дмитриева дня, крепко взялись за дело. «…И реки все стали, и мрази (морозы. — *Н. Б.*) велики, яко не мощи зрети» (18, 231).

Скованная льдом Угра больше не являлась препятствием для татар. Удерживать этот рубеж становилось неразумным по ряду причин. Во-первых, присутствие русского войска мешало татарам

спокойно уйти восвояси; во-вторых, отчаявшийся Ахмат мог решиться на внезапный прорыв с неясными последствиями для русских. Осознав это, Иван III приказал Холмскому отвести войска к северу, в район Кременца.

Этот отход был, по-видимому, вполне оправданным, но весьма трудным делом. Русским воинам, привыкшим стоять лицом к лицу с врагом, было горько «показывать спину». Многие пугливо оглядывались. Им чудился позади нарастающий вой татарской конницы. Вместе с тем отход с «берега» вызвал взрыв эмоций в Москве. Великого князя вновь упрекали в трусости, в намерении бросить своих людей на растерзание татарам и бежать за Волгу.

Вероятно, и сам великий князь чувствовал тогда сильное волнение: возможность того, что Ахмат погонит своих обмороженных всадников прямо на Москву была ничтожна, однако не исключена полностью. Татары вообще были большие мастера такого рода импровизаций.

Смятение москвичей еще больше усилилось, когда по городу пронеслась весть об отъезде на Белое озеро великой княгини Софьи с детьми и о вывозе в том же направлении великокняжеской казны. Независимый летописец с плохо скрытым сарказмом представляет это решение князя Ивана: «А свою великую княгиню Римлянку и казну с нею посла на Белоозеро; а мати же его великая княгини не захоте бежати, но изволи в осаде седети; а с нею (Софьей. — Я. і>.) и с казною послал Василья Борисовича, и Андрея Михайловича Плещеева, и диака Василья Долматова, а мысля: будеть Божие разгневание, царь перелезеть на сю страну Окы и Москву возметь, — и им бежати и к Окияну морю» (27, 339).

Обороной Москвы от возможного нападения Иван III поручил руководить князю Ивану Юрьевичу Патрикееву. В помощь ему был дан искусный в постройке оборонительных сооружений великокняжеский дьяк Василий Мамырев. О том, как предполагал действовать сам Иван III в случае, если татары Ахмата все же устремятся к Москве, летописи умалчивают. Само расположение великокняжеской ставки к северу от тех районов, по которым татары могли пойти к Москве, дает некоторый намек на возможное бегство в направлении Можайска, Волоколамска и Верхней Волги.

Однако все эти страхи, предосторожности и укоризны были стерты, словно надпись на песке, одной стремительной вестью: в четверг 9 ноября Орда поднялась и стала отходить обратно в степи. В субботу 11 ноября ушел наконец и сам хан Ахмат (52, 133).

Отходя от Угры, татары пошли «по Литовъскои земле по королеве державе, воюя его землю за его измену» (31, 328). Разорением владений «верховских» князей, находившихся под верховной властью короля Казимира, Ахмат хотел не только отомстить королю, но и прикрыть очередной провал своего похода на Русь. Очевидно, хан предчувствовал недоброе. Неудачи в войнах с Москвой и Крымом расшатывали его авторитет в степях, приближали тот час, когда воинам надоест служить неудачнику. И такой час был уже совсем близок…

Иван III с большой осторожностью воспринял известие об уходе Ахмата с Угры. Логика событий говорила о том, что это конец кампании. И все же дальнейшие действия хана могли быть самыми неожиданными. Так, например, он мог попытаться разграбить русские земли по левому берегу Оки или даже ударить внезапным набегом на Москву. Учитывая фактор непредсказуемости степного мышления, Иван не спешил распускать войско. Он перенес свою ставку верст на сорок к востоку от Кременца — в Боровск. Оттуда, следуя вдоль Протвы, Иван мог быстро вывести войска к Оке в том случае, если хан попытается совершить внезапный рейд. Московские разъезды шли по пятам за Ахматом, посылая вести о его движении. Вероятно, русская разведка имела своих людей и среди ханских приближенных. По некоторым сведениям, ведущую роль в присмотре за уходящей Ордой Иван отвел своим мятежным братьям Андрею Углицкому и Борису Волоцкому (37, 49). Это сообщение вполне правдоподобно: братья только что прибыли на театр военных действий и должны были хоть как-то проявить свое усердие. Сомнительно лишь то, что Иван позволил Андрею и Борису действовать сообща…

Один из сыновей Ахмата испросил у отца дозволение напасть на самую беззащитную часть московских владений — малонаселенные волости по правому берегу Оки. Иван своевременно узнал об этом и послал навстречу грабителям Андрея Углицкого и Андрея Меньшого Вологодского. Услышав о приближении русских сил, «царевич» увел свой отряд обратно в степь.

Досада ханских вельмож на русских, по-видимому, усугублялась вестью о том, что в отсутствие Ахмата его столица подверглась нападению. Посланный Иваном III большой русско-татарский отряд под началом воеводы князя Василия Ивановича Ноздроватого Звенигородского и служилого «царевича» Нур-Довлата Городецкого спустился «в ладьях» вниз по Волге и напал на столицу Большой Орды. «И обретоша ю (ее. — *Н. Б.*) пусту, без

людей, токмо в ней женеск пол и стар и млад; и тако ея поплениша, жен и детей варварских и скот весь; овех (одних. — *Н. Б.*) в полон взяша, овех же мечю и огню и воде предаша» (26,202). Это уникальное сообщение Казанского летописца звучит правдоподобно: с военной точки зрения, удар в тыл неприятеля был вполне оправдан. Подходящим кандидатом на роль руководителя этого похода был и воевода Василий Звенигородский. Вместе с братом Иваном он часто привлекался Иваном III к разного рода «восточным» делам (82, 56).

Однако неизвестный автор «Казанской истории» явно преувеличивает значение этого рейда, называя его главной причиной отхода хана Ахмата с Угры. «И прибегоша вестницы ко царю Ахмату, яко Русь орду его розплениша. И скоро, в том часе царь от реки Угры назад обратися бежати, никоея же пакости нашей земли учинив…» (26, 203). Здесь, как и во многих других сюжетах этого летописца, законы мифотворчества преобладают над законами исторического повествования. На деле Ахмат уходил с Угры отнюдь не стремглав. Его отряды на обратном пути успели пограбить верховские княжества и московские волости по правому берегу Оки.

Великий князь все еще опасался, что татары Ахмата могут нанести неожиданный удар на другом направлении. Он долго не решался отпустить воинов по домам. Очевидно, решено было держать собственно московское войско в готовности близ южной границы до праздника Рождества Христова — 25 декабря. Часть армии (отряды из других городов) была распущена раньше. Когда истек и последний срок, Иван велел поворачивать коней. Расстояние от Боровска до Москвы (около 100 км по прямой) он преодолел за два дня. Во вторник 28 декабря государь вернулся в столицу. «…И возрадовашася и возвеселишася вси людие радостью велиею зело» (31, 328).

Примечательно, что Иван III не стал приурочивать своего возвращения в Москву не только к одному из больших церковных праздников этого времени (память митрополита Петра — 21 декабря; Рождество Христово — 25 декабря; собор Пресвятой Богородицы — 26 декабря; память Василия Великого — 1 января), но даже и просто к воскресному дню. Прежние московские князья часто соединяли свои триумфы с церковными праздниками, подчеркивая тем самым роль небесных сил в даровании победы. Но князь Иван, кажется, не захотел, чтобы сияние его победы померкло в небесном сиянии вифлиемской звезды.

Отражение Ахмата на Угре было воспринято современниками как провиденциальное событие. Иного и быть не могло: если нашествие татар и установление ига были проявлением гнева

Божьего, то избавление от власти «поганых» стало возможным только по милости Божией к многострадальной Русской земле. Именно так, через призму провиденциальных представлений, и рассматривали летописцы драматические события лета и осени 1480 года. При этом действия исторических лиц, и прежде всего самого Ивана III, подгонялись под определенные библейские прообразы. Этот возвышенный, «библейский» взгляд на события не противоречил обычному, житейскому, а сосуществовал с ним. Человек той эпохи не ощущал четкой грани между земным и небесным. Видимый глазом ход событий с его «злобой дня» и кипением человеческих страстей причудливо сочетался в летописях с невидимой работой таинственного механизма осуществления Божьего промысла.

Подобный взгляд, равно как и порождавшее его мироощущение, совершенно недоступен современным историкам, воспитанным на высокомерно-ироничном отношении ко всему «небесному». Лишь в самое последнее время обозначились попытки по-новому взглянуть на сам характер летописной работы, на те цели, которые ставил перед собой летописец (77, 187).

Поведение Ивана III осенью 1480 года отличалось, конечно, от поведения Дмитрия Донского накануне Куликовской битвы. В его действиях можно было с равным успехом увидеть и мудрые военно-стратегические расчеты, и обычную робость, боязнь повторить трагические ошибки отца. Но второе объяснение более соответствовало «библейскому» осмыслению событий в духе ветхозаветной книги пророка Ионы. И робость Ивана перед лицом грозного «царя» Ахмата, и его попытки уклониться от сражения, бежать вслед за женой и детьми в отдаленные безопасные места, — все это органично вписывалось в провиденциальную трактовку свержения чужеземного ига. Великий князь должен был исполнить предназначенное ему свыше благое дело вопреки всем препятствиям и вопреки собственному малодушию.

Бог вразумляет правителей устами пророков. В этой роли в 1480 году выступил ростовский владыка Вассиан. И не случайно почти все летописцы поместили в своих сводах его вдохновенное «Послание на Угру». Оно — необходимый элемент всей провиденциальной концепции освобождения от власти «поганых». Эта концепция наиболее отчетливо была выражена в летописях, происходящих из церковной среды. Однако в силу ее универсальности для той эпохи она оказалась уместной и в великокняжеских сводах. Ни сам Иван III, ни его наследники не могли уклониться от признания решающей роли Божьего промысла в таких судьбоносных событиях, как «стояние на Угре».

Особенно примечательна своим возвышенно-провиденциальным взглядом на события 1480 года Типографская летопись, в основе которой лежит Ростовский владычный свод.

«В лето 6989 прииде великый князь на Москву из Боровска и похвали Бога и пречистую Богородицу и святых чюдо-творец, избавлеших от поганых, и возрадовашася и возвеселишася вси людие и похвалиша Бога и пречистую Матерь, глаголаше: „Ни аггел, ни человек спасе нас, но сам Господь, Пречистые и всех святых моленми. Аминь“» (30, 201).

Тема малодушия Ивана III, столь часто звучащая при описании летописцами кампании 1480 года, получает в Ростовском своде новое развитие. Несколькими строками нарисована картина панического бегства на Белоозеро великой княгини Софьи Палеолог.

«Тое же зимы прииде великая княгини Софья из бегов, бе бо бегала на Белоозеро от татар, а не гонял никто, и по которым странам ходили, тем пуще стало татар и от боярьских холопов, от кровопивцев крестьяньских. Воздай же им, Господи, по делом их и по лукавству начинаниа их, по делом руку их дай же им. Быша бо их и жены тамо, възлюбиша бо паче жены, неже православную хрестьяньскую веру и святыя церкви, в них же просветившяся и породившася банею святаго крещениа, съгласившася предати хрестьянству, ослепе бо злоба их. Но премилостивый Бог не презри създаниа руку своею, слез крестьяньских, помилова своим милосердием, и молитвами пречистыя его Матери и всех святых. Аминь» (30, 201).

Не великий князь Иван, а Бог и Божия Матерь избавили Русскую землю от врагов. Памятуя о заповеди монашеского смирения, летописец оправдывает свои упреки столь важным особам соображениями благочестия и желанием воздать хвалу истинным творцам победы — Богу и Божией Матери. При этом он считает нужным выразить свое уважение «добрым и мужественным» воинам, защитникам Руси от «бесерменства».

«Сие же писахом не укаряющи их, но да не похвалятся несмыслении во своем безумии, глаголюще: „Мы своим оружием избавихом Рускую землю“, но дадуть славу Богу и пречистой Матери Богородици, той бо спасе нас, и престануть от таковаго безумна, а добри и мужествении, слышавше си а, притяжуть брань к брани и мужество к мужеству за православное хрестьяньство противу бесерменству, да въсприимуть в сем житии от Бога милость, от государя жалование великого князя, а от всех людей честь и похвала, а во оном веце (в другой жизни. — *Н. Б.*) венци нетленными от вседръжителя Бога увязутся (увенчаются. — *Н. Б.*) и царство небесное наследять. Буди же сие получити и нам

грешным молитвами Богородица. Аминь» (30, 201).

Далее следует заключительная часть этого замечательного рассуждения, исполненная благородной патетики, хотя не лишенная некоторого высокомерия по отношению к разным народам (и прежде всего — грекам), не сумевшим защитить свою землю от врагов и готовым ради спасения скитаться по чужим странам. Это — явный выпад в сторону тех скитальцев-греков, которые хлынули в Москву вслед за Софьей Палеолог. Столь непохожие на москвичей своим обликом, манерами и привычками, они вызывали у многих раздражение, а у некоторых — жгучую ненависть. Их влиянием (равно как и влиянием самой Софьи) объясняли дурные поступки государя. (Эту точку зрения высказывал позднее боярин Берсень Беклемишев в своих беседах с Максимом Греком (80, 283).) Да и чему хорошему могли научить люди, бросившие свою страждущую родину в поисках лучшего места под солнцем?!

«О храбри мужествении сынове Рустии! Подщистеся схранити свое отечьство, Рускую землю, от поганых, не пощадите своих глав, да не узрять очи ваши распленениа и разграбленииа домов ваших и убиенна чад ваших и поруганна над женами и над дщерми вашими, якоже пострадаша и инии велици и славнии земли от турков, еже глаголю: блъгаре и сръби и греци и Трапизон и Аморея и арбанасы и хръваты и Босна и Манкуп и Кафа, инии мнози земли, иже не стяжа мужествене и погибоша и отечьство изгубиша и землю и осподарьство и скитаются по чюжим странам бедне и воистинну и странне и много плача и слез достойно, укоряеми и поношаеми, оплеваеми, яко немужествени, и иже збегоша котории с именми многыми и з женами и з детми в чюжие страны, вкупе с златом и душа и телеса своя загубишя и ублажають тех, иже тогда умерших, неже скитатися по чюжим странам, яко бездомком. Тако ми Бога, видех своима очима грешныма великых государьи, избегших от турков с имением и скитающихся, яко странных, и смерти у Бога просящих, яко мздовъздаяниа. От таковыя беды пощади, Господи, нас православных хрестьян молитвами Богородица и всех святых. Аминь» (30, 202).

Зимой 1480/81 года митрополит установил новый церковный праздник — 23 июня, день второго Сретения иконы Владимирской Божией Матери. Тем самым подчеркивалась решающая роль небесных сил, и в особенности Божией Матери, в победе над Ахматом. «В граде же богоспасаемом Москве от того времени уставиша праздник праздновати пречистой Богородицы и хожение со кресты, июниа 23» (20, 212). Однако, судя по весьма ограниченному количеству древнерусских месяцесловов,

содержащих этот праздник, он не получил большого распространения (139, 189). Вероятно, это объяснялось его «вторичностью» по отношению к первому «сретению» иконы в 1395 году.

В числе тех, кто пытался в критические минуты наставлять Ивана III «на путь истинный», первым был великокняжеский духовник ростовский владыка Вассиан. Зная его проповеднический темперамент, столь ярко запечатленный «Посланием на Угру», можно думать, что проживи он еще лет десять, Вассиан имел бы все шансы стать героем и мучеником. Однако судьба распорядилась по-иному. 23 марта 1481 года Вассиан скончался. Теперь в Москве остался, кажется, только один человек, с мнением которого Иван привык считаться, — его мать, инокиня Марфа.

Влияние матери угадывается в некоторых событиях той памятной зимы. В пятницу 2 февраля 1481 года (в самый праздник Сретения) Иван III заключил договоры со своими братьями Андреем Углицким и Борисом Волоцким. Оба получили кое-какие прибавления к своим владениям, но за это поклялись верой и правдой служить великому князю. Так закончилась длившаяся ровно год удельная фронда.

Примечательно, что в оба договора была включена и статья о долевом участии братьев в разного рода расходах, связанных с татарами, которые по-прежнему именовали «выходом». Андрею Углицкому следовало заплатить «в тысячу рублев сто рублев и тритцать алтын и три денги» (6, 267). Доля Бориса Волоцкого была значительно скромнее: «…в тысячю рублев шестьдесят рублев с рублем да десять алтын с денгою» (6, 274). Выплата дани самим великим князем (а значит и его братьями) была давно приостановлена. Однако Иван понимал, что «стояние на Угре» отнюдь не подвело черту под проблемой отношений со степняками. Зная, что для обеспечения безопасности необходимо содержать на Руси служилых татарских «царевичей», щедрыми «поминками» привлекать на свою сторону Крым и Ногайскую орду, он хотел заранее оговорить с братьями эти немалые расходы.

Возвращаясь с Угры в Сарай, Ахмат с ужасом узнал о том, что за время похода его владения были опустошены не только войском князя Василия Звенигородского, но и дикими татарами из так называемой Ногайской Орды. Это странное кочевое сообщество, не имевшее ни городов, ни постоянных районов обитания, подобно Агасферу вечно скиталось по степям от Иртыша до Волги. Оставаясь верными памяти своего

родоначальника — мятежного темника Ногая, павшего в бою в 1300 году, ногайские вожди держались особняком среди Чингизидов. При случае ногайцы равнодушно уничтожали какого-нибудь ослабевшего «царя» или неосторожно перешедшего им дорогу «царевича». Эта участь суждена была и вернувшемуся с Угры Ахмату. Не спасло его и родство с ногайской знатью по линии жены.

Русские летописи тщательно отмечают факт гибели Ахмата. «Егда же прибежа (Ахмат. — *Н. Б.*) в Орду, тогда прииде на него царь Ивак Нагаискыи и Орду взя, а самого царя Ахмута уби шурин его ногаискыи мурза Ямгурчии» (31, 328). Это была необходимая концовка той провиденциальной драмы, которая разыгралась в 1480 году. «Боже отмщений, Господи, Боже отмщений, яви Себя!» (Пс. 93, 1).

Более подробный, уникальный рассказ о гибели Ахмата содержит «Казанская история». Согласно этому рассказу, ногаи нагрянули в разоренную ставку Ахмата в низовьях Волги вскоре после ухода отсюда отряда князя Василия Ноздреватого. Их привлек запах свежей крови и вкус легкой добычи. Довершив начатое русскими, ногаи двинулись навстречу Ахмату. Очевидно, они знали, что его войско сильно ослаблено изнурительным «стоянием на Угре». В кровопролитном сражении армия Ахмата была разгромлена, а сам несостоявшийся покоритель Руси погиб.

«И приидоша нагаи, иже реченныя мангиты, по московском воинстве и тии тако же остатки ординския погубиша и юрт царев разориша и цариц его побиша, и самому въ стречю Ахмату царю поидоша; и преплыша Волгу, и сошедшася с ним на поле чисте внезапу, много бившеся с ним, и одолеша. И падоша ту воя его вся. Ту же и самого царя доехав уби шурин его Янъгурчеи мурза. И на костех вострубиша.

И тако скончашася царие Ординстии, и таковым Божиим промыслом погибе царство и власть великия орды Златыя…» (26, 203–204).

После гибели Ахмата власть в Большой Орде перешла к его детям Муртозе и Махмуту. От них можно было ожидать новых атак на Крым или Москву. В четверг, 26 апреля 1481 года, из Москвы в Крым поехало новое посольство во главе с боярином Тимофеем Игнатьевичем Скрябой. В наказе послу Иван ни единым словом не выдает своей досады по поводу отсутствия эффективной помощи со стороны Менгли-Гирея во время войны с Ахматом. О самой этой войне он сообщает хану с удивительным смирением и лаконизмом. «Ахмат пакъ (частица, указывающая на связь данной фразы с предшествующими. — *Н. Б.*) царь приходил

на меня, ино Бог милосердный как хотел, так нас от него помиловал… Нынеча пакъ ко мне весть пришла, что Ахмата царя в животе не стало… А нынеча хто будет на том юрте (владении. — *Н. Б.*) на Ахматове месте царь, а покочюет к моей земле, и ты бы пожаловал, на него пошел. А яз челом бью» (10, 25).

Дети хана Ахмата втянулись в затяжную войну с Крымским ханством, во главе которого до 1514 года стоял давний союзник Ивана III хан Менгли-Гирей. В 1485 году братья Ахматовичи сумели захватить Крым. По признанию самого Менгли-Гирея, «в ту пору пришла на нас скорбь велика, и мы тогды… свои есмя животы пометали; а и мати ся моя в ту пору утеряла, а нам было тогды до своих голов…» (10, 51). Однако вновь, как и в середине 70-х годов XV века, на помощь крымским татарам пришла Оттоманская империя. Султан Баязид II (1481–1512) прислал в Крым свои войска. Одновременно он натравил на Ахматовичей Ногайскую Орду. В итоге те вынуждены были очистить Крым. Однако степи между Волгой и Днепром по-прежнему оставались главным образом под их контролем. Проезд московских послов в Крым был связан с большим риском. Война Большой Орды с Крымом продолжалась два десятилетия, то затихая, то вновь разгораясь (90, 116).

Москва старалась убедить Менгли-Гирея в том, что она оказывает ему значительную военную помощь. Каждую весну в Крым отправлялось очередное посольство с подарками и дружескими заверениями. По-видимому, московский посол проводил в Бахчисарае все лето, наблюдая за действиями хана и пытаясь направить их в нужном Москве направлении.

Время от времени для оказания поддержки Менгли-Гирею конные отряды московских «детей боярских» вместе со служилыми татарскими «царевичами» совершали рейды в глубь степей. Трудно сказать, сколь серьезными были последствия этих набегов для Волжской Орды. Однако в каждом случае Иван спешил известить крымского «царя» о проделанной работе. Добрые отношения с Крымом являлись краеугольным камнем всей внешней политики великого князя.

Занятая борьбой с Крымом, Волжская Орда после 1480 года почти не трогала московские земли. Лишь изредка небольшие отряды каких-то бродяг («ордынских казаков») совершали налеты на пограничные волости. Московские воеводы без особого труда отгоняли их обратно в степи.

На рубеже XV–XVI веков борьба Волжской Орды с Крымом вновь резко обостряется. Сын Ахмата Ших-Ахмед попытался вытеснить крымчаков с благодатных приморских пастбищ. Не

сумев прорваться в Крым, он осенью 1501 года двинулся на Северскую Украину. Опустошив эти земли и захватив Новгород-Северский, хан попытался договориться с Иваном III о союзе. Однако тот сохранял молчание. Между тем крымские татары вышли из-за Перекопа и развернули решительные действия против Ших-Ахмеда. Его надежды на литовскую помощь не оправдались.

Летом 1502 года где-то около устья реки Сулы (левый приток Днепра) крымские татары нанесли решающее поражение Волжской Орде. Хан Ших-Ахмет бежал, а все его оставшиеся в живых подданные перешли под власть Менгли-Гирея. Большая (Волжская) Орда как самостоятельное государственное образование закончила свое историческое бытие.

Два других сильных наследника Золотой Орды — Казанское ханство и Крымское ханство — еще долго оставались «головной болью» московских правителей. С Казанью как потенциально (а зачастую и реально) враждебной России силой сумел покончить в 1552 году Иван Грозный. Вслед за Казанским ханством он присоединил к Московскому государству Астраханское ханство (1556 год). В конце правления Грозного русские проникают за Урал и начинают теснить еще одно татарское государство — Сибирское ханство. Вскоре и оно становится историческим воспоминанием.

Гораздо тяжелее складывались отношения с Крымским ханством. Уже по своему географическому положению оно представляло «крепкий орешек» для любого завоевателя. Кроме того, за спиной крымских ханов стояла Османская империя. Уже с 1475 года хан являлся вассалом турецкого султана. В случае необходимости султан высылал на помощь хану свои войска. (Только в 1783 году Российская империя сумеет наконец окончательно решить крымскую проблему.)

Для Ивана III вассальные отношения Крыма и Турции создавали весьма сложную дипломатическую ситуацию. В частности, русские купцы в Кафе часто жаловались на произвол управлявшего городом турецкого паши, который подчинялся не крымскому хану, а только самому султану. Крымский хан, не желавший вмешиваться в русско-турецкие торговые конфликты, готов был посодействовать в установлении прямых дипломатических отношений между Москвой и Стамбулом.

Обычной причиной этих конфликтов был вопрос о таможенных сборах в Тане (Азове) и Кафе. Существовало общепринятое правило, согласно которому без досмотра и беспошлинно провозились товары, принадлежавшие членам посольской делегации. Эти товары предназначались для подарков

крымскому хану и его вельможам, а также для собственных нужд послов. Известно, что Василий III не любил оплачивать расходы своих послов, которым зачастую приходилось платить за «государево дело» из собственного кармана (4, 72). Очевидно, так поступал и его отец Иван III. Это заставляло послов надеяться только «на свой кошт» и пускаться в разные коммерческие предприятия. Посольский багаж непомерно увеличивался и по другой причине. Русские купцы в интересах безопасности часто следовали вместе с посольствами. Их груз подлежал досмотру и таможенным платежам. Однако купцы, подкупая послов, стремились выдать себя за членов посольства либо заявить свой груз как посольский. Другой причиной конфликтов бывало недостойное поведение русских купцов. В 1501 году правитель Кафы паша Мухаммед, сын султана Баязида II, жаловался Ивану, что русские купцы «пьют да ся упивают, один одного ножом колют, и турки промежю собою побивают» (10, 393).

Наряду с этим в Азове и Кафе случались и явные притеснения местных властей по отношению к русским купцам. Их заставляли выполнять всякого рода повинности, которыми обложено было местное население (например, таскать камни на строительство городской крепости). Их товары порой захватывались местными властями под разными надуманными предлогами. В ответ на это Иван III весной 1492 года вообще запретил своим купцам ехать в Азов и Кафу, что нанесло турецкой казне серьезный убыток (10, 155). Кафинский паша послал жалобу в Стамбул на Менгли-Гирея, который якобы подучил русских предпринять такую акцию. Перепуганный хан стал просить Ивана срочно написать султану грамоту с опровержением этой клеветы.

Обстоятельства требовали скорейшего установления дипломатических отношений с Турцией. Однако Иван III долго тянул с этим назревшим решением, опасаясь вконец испортить отношения со своим союзником в борьбе против Польши и Литвы молдавским господарем Стефаном, враждовавшим с турками. Лишь в сентябре 1496 года первый русский посол Михаил Андреевич Плещеев отправился ко двору султана Баязида П. В инструкциях, которые Иван III дал Плещееву перед отъездом, особое внимание уделялось вопросам сохранения достоинства перед лицом самого султана Баязида и его сына Мухаммеда: «Первое, пришед, поклон правити стоя, а на колени не садитися. Иоанъ, Божьею милостию государь всея Русии и великий князь, велел тебе поклонитися. А опосле поклона поминки (дары. — *Н. Б.*) явити…» (10, 232).

Посол Плещеев столь ревностно исполнял наставления великого князя, что даже вызвал возмущение турецких властей

своим высокомерием. Менгли-Гирей жаловался потом князю Ивану, что, прибыв в Стамбул, Плещеев отказался, как это было принято при дворе, сначала встретиться с вельможами («пашами»), а уж потом идти на прием к самому султану. Он упрямо требовал отвести его прямо к султану, а до того не желал ни с кем разговаривать. «И Михайло молвил: мне с пашами речи нет; яз пашино платье не вздеваю и даных денег их не хочю, с салтаном мне говорити…» (10, 265).

И все же миссия Плещеева в целом прошла благополучно. С ответом в Москву был отправлен первый турецкий посол. Торговые конфликты были отчасти улажены. С этого времени дипломатические отношения между Россией и Турцией приобретают регулярный характер.

Подведем, однако, некоторые итоги. «Стояние на Угре» принадлежит к числу тех событий, которые требуют не только верного изображения, но и глубокого осмысления. Оно положило конец тому унизительному положению, в котором находились русские княжества и земли со времен Батыева нашествия. После «стояния на Угре», по словам неизвестного автора «Казанской истории», «великая наша Руская земля освободися от ярема и покорения бесерменъска, и начат обновлятися, яко от зимы на тихую весну прелагатися…» (26, 204). Однако то, что казалось таким очевидным для древнерусского книжника, порою вызывает сомнения у его скептических потомков.

Среди историков нет единомыслия по целому ряду вопросов, связанных со «стоянием на Угре». Во-первых, существуют различные оценки самого этого события и роли в нем Ивана III. Если свести всю пестроту мнений к двум крайним тезисам, то они будут звучать примерно так. По мнению одних, «стояние на Угре» — великое историческое событие, грандиозная победа Москвы, главным организатором которой был великий князь Иван Васильевич. По мнению других, в 1480 году произошла лишь заурядная стычка русских с татарами, в ходе которой князь Иван проявил слабость и малодушие. Русь давно уже не испытывала никакого «ига» и только время от времени подвергалась нападению кочевых орд.

Приведем, например, суждения Л. Н. Гумилева: «…Нет никаких оснований считать, будто стояние на Угре ознаменовало собой „свержение ордынского ига“. Как мы видим, с Ордой практически перестал считаться еще отец Ивана III — Василий Темный, который включал этнические осколки Золотой Орды в состав своего великого княжества. Да и современники воспринимали войну с Ахматом не как свержение ига, а как войну

за веру с нечестивым противником, врагом православия. Представляется, что применительно к событиям 1480 года стоит говорить не о „крушении ига“, которого попросту не было, а о создании системы противостоящих друг другу политических союзов между государствами, возникшими на развалинах Золотой Орды: Великим княжеством Московским, Крымским и Казанским ханствами, Ногайской ордой» (75, 193).)

Не станем утомлять читателя подробностями ученых споров. Отметим лишь главные моменты, которые находят подтверждение в источниках и представляются нам очевидными.

«Стояние на Угре» было звеном в длинной цепи тех успешных оборонительных сражений с татарами, которые начались еще во времена Василия Темного. Распад единой Золотой Орды на несколько относительно небольших ханств сделал оборону южных и восточных границ единственной целесообразной формой вооруженной борьбы за независимость. Грандиозные, поражающие воображение сражения «в чистом поле», подобные Куликовской битве или битве на реке Ворскле (1399 год), безвозвратно уходят в прошлое. Действия Ивана III и его войск осенью 1480 года носили сугубо оборонительный характер и не отличались внешним блеском. Однако это была именно та стратегия, которая позволяла прийти к цели кратчайшим путем и с наименьшими потерями. Что касается внешнего драматизма, то он проявлялся уже не в поединках богатырей или самоотверженности предводителей, а в геркулесовой работе по ломке старых и созданию новых военно-административных, социальных и политических структур, — тех структур, которые и позволили Москве построить незримую «Великую китайскую стену», прикрывшую русские земли от степного ужаса.

«Стояние на Угре» принадлежит к тем событиям, историческое значение которых в полной мере проявилось лишь со временем. Это было последнее нашествие кочевников на русские земли, целью которого было их всестороннее порабощение. (После 1480 года можно говорить лишь о более или менее удачных грабительских набегах, полностью прекратившихся лишь тогда, когда все без исключения осколки Золотой Орды вошли в состав Российского государства.) Однако этот факт стал очевидным лишь несколько десятилетий спустя.

Вопрос о войне с Ахматом рассматривался Иваном III в тесной связи с целым рядом других сложнейших военно-политических проблем. Сохранение вассальных отношений с Большой Ордой имело в его глазах не только свои минусы, но и свои плюсы. Примиренческие настроения великого князя осенью 1480 года вначале существовали как факт, а уже потом стали

необходимым элементом «библейской» трактовки событий в летописях. Они объяснялись не столько его личным малодушием, сколько пугающей необходимостью отказаться от привычных, освященных опытом предков политических установок. Как справедливо отмечает современный исследователь, «политика компромиссов с ханом — традиционная политика отца Ивана III Василия Темного; она восходила и к более давним московским традициям» (115, 193). Да и опыт московско-крымских отношений свидетельствовал о том, что прирученный дракон лучше мертвого. В споре с Ахматом риск разом потерять плоды многолетних трудов был очень велик. А рисковать в столь серьезных делах князь Иван не любил. Ведь помимо всего прочего он испытывал чувство ответственности перед Богом за порученный ему народ.

Многие подробности поведения Ивана III во время войны с Ахматом трудно понять до конца из-за крайней скудности наших знаний о реальном положении дел в Москве и на Угре. Однако совершенно ясно, что опасность прорыва татар к Москве великий князь оценивал как вполне реальную. Подобно своему отцу, деду и прадеду, Иван не считал позорным в случае крайней опасности бежать от врага в отдаленные края, предоставив защиту Москвы всемогущей судьбе и своим доблестным воеводам. Такое поведение давало повод упрекать великого князя в трусости. Однако не забудем, что речь вдет не о рядовом воине, обратившемся в бегство при виде врага, а о человеке, символизировавшем собою само государство. При тогдашней неразвитости аппарата государственной власти, при слабости внутренних связей, при доминирующем значении личностных отношений великий князь был одновременно мозгом и сердцем всего государственного организма. В эту роль он входил годами. Его опытность, знание людей и дел, широта кругозора, наконец — отшлифованное миллионами языков имя стоили не меньше, чем десяток опустошенных татарами волостей. Иван III имел гораздо больше оснований, нежели король Людовик XIV, для горделивого афоризма: «Государство — это я». И спасая себя, он одновременно спасал и государство.

ГЛАВА 12 Литва

Человек не может заставить себя свернуть с пути, на котором он до того времени неизменно преуспевал.

Никколо Макиавелли

Ивана III историки обычно называют человеком осторожным и неторопливым. Однако эти качества, основанные как на горьком опыте отца, так и на глубоком понимании человеческой природы, удивительным образом сочетались в нем со способностью заглядывать далеко за горизонт и ставить такие задачи, решение которых становилось возможным для Москвы лишь два или три века спустя. Одна из таких задач — собирание в единое государство всех восточнославянских земель…

Рассыпавшаяся в 30-е годы XII века на полтора десятка осколков Киевская Русь через сто лет стала легкой добычей для варваров. Однако степень зависимости отдельных княжеств и земель от ордынских ханов была различной. В Северо-Восточной Руси воздействие ига было глубоким и всеобъемлющим. Новгород отделался регулярной выплатой «черного бора» и периодическими всплесками паники, вызванными слухами о возможном нашествии татар, которое так никогда и не произошло. Галицко-Волынское княжество, ослабленное внутренними конфликтами, стало своего рода мягкой «буферной зоной» между Золотой Ордой и независимыми государствами Восточной Европы (Польшей, Венгрией, Великим княжеством Литовским). Западная Русь (Полоцкое, Витебское, Минское, Смоленское княжества) осталась в состоянии политической летаргии и шаткой независимости. Полному опустошению и запустению подверглись в середине XIII века Киевское и Черниговское княжества, которые оказались на самой границе со Степью, где кочевали татарские орды.

Рыхлая политическая структура этих обширных пространств (современная Белоруссия, Западная Украина и Северская Украина) создавала благоприятные условия для возникновения и быстрого роста сильного молодого государства — Великого княжества Литовского. Уже во второй половине XIII века оно расширяется главным образом за счет западнорусских земель. Экспансия Литвы была особенно успешной в период правления Гедимина (1316–1341). В 1320-е годы он подчиняет своей власти

Волынь и Киевское княжество. Поначалу там существовала какая-то сложная система паритетного управления местных князей Рюриковичей, татарских баскаков и Литвы. Однако власть Орды постепенно отступала перед властью Литвы, которая была не столь тягостной для местного населения. Сыновья и внуки Гедимина вытесняют не только татар, но и Рюриковичей — потомков Романа Мстиславича Галицкого или Михаила Всеволодовича Черниговского. Наконец, в борьбу вступает и Польша, которая стремится установить свой контроль над Галицкой Русью.

В 1362 году сын Гедимина великий князь Литовский Ольгерд (1345–1377) разгромил татар в битве под Синими Водами и распространил свою власть на Подольскую землю (территорию между Днестром, Днепром, притоком Днепра рекой Росью и Черным морем) (165, 43).

Почти непрерывная борьба с татарами на юге и Тевтонским орденом на севере заставляла правителей Литвы избегать столкновений с восточным соседом — политической системой Великого княжения Владимирского. Со своей стороны владимирские князья (с 1328 года — московские) также не хотели войны с Литвой. И хотя время от времени мир нарушался (главным образом, по инициативе литовцев), в отношениях Москвы и Вильно преобладали все же сдержанность и стремление решать проблемы дипломатическими средствами.

Помимо внешнеполитических факторов, на характер литовско-московских отношений сдерживающее влияние оказывала сложная этническая и конфессиональная ситуация в Великом княжестве Литовском. «Коренные земли Литвы (Аукштайтия и Жемайтия) составляли лишь около 1/10 в сравнении с попавшими под ее власть восточнославянскими землями Белоруссии, Украины, Великороссии» (126, 27). Восточные славяне, составлявшие подавляющее большинство населения Великого княжества Литовского, еще со времен Киевской Руси исповедовали православие. Таким образом, возникали серьезные предпосылки для политического и культурного сотрудничества Литвы с Великорусским государством. Тяготение славянской части населения Литвы к Москве усиливалось по мере того, как московские князья освобождались от ордынского контроля и подчиняли себе соседние земли и княжества.

Находясь между католической Польшей и православной Московской Русью, Литва должна была особенно осторожно подходить к выбору государственной религии. В этом — причина длительного сохранения язычества в собственно литовских

землях (до конца XIV — начала XV века). Гедимин и его ближайшие потомки легко переходили от одной веры к другой в зависимости от изменений политической ситуации, оставаясь в душе язычниками. Однако логика борьбы все же заставила Литву окончательно определиться в религиозном вопросе. После кончины Ольгерда в мае 1377 года его сын и преемник князь Ягайло в тяжелой борьбе со своим дядей Кейстутом и двоюродным братом Витовтом сумел получить верховную власть. В 1385 году он заключил знаменитую Кревскую унию с Польшей, условием которой стало принятие литовцами католичества и отказ от языческих традиций. Женившись на польской королеве Ядвиге, Ягайло стал польским королем под именем Владислава П. Для установления действенного контроля над Литвой ему необходимо было уничтожить Витовта. Однако тот при поддержке Ордена и доброжелательном нейтралитете Москвы оказал энергичное сопротивление. Война продолжалась с переменным успехом до августа 1392 года, когда братья заключили соглашение в Острове. Признав верховную власть Ягайло, Витовт получил престол Великого княжества Литовского и право вести практически самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику (74, 201). Энергичный и властный правитель, Витовт укреплял свою власть с помощью таких мер, которые в Московской Руси сумел осуществить лишь Иван III. «Правителям уделов было предложено отказаться от статуса наследственных правителей и перейти в ранг пожизненных наместников, хотя и с очень широкими правами» (70, 575).

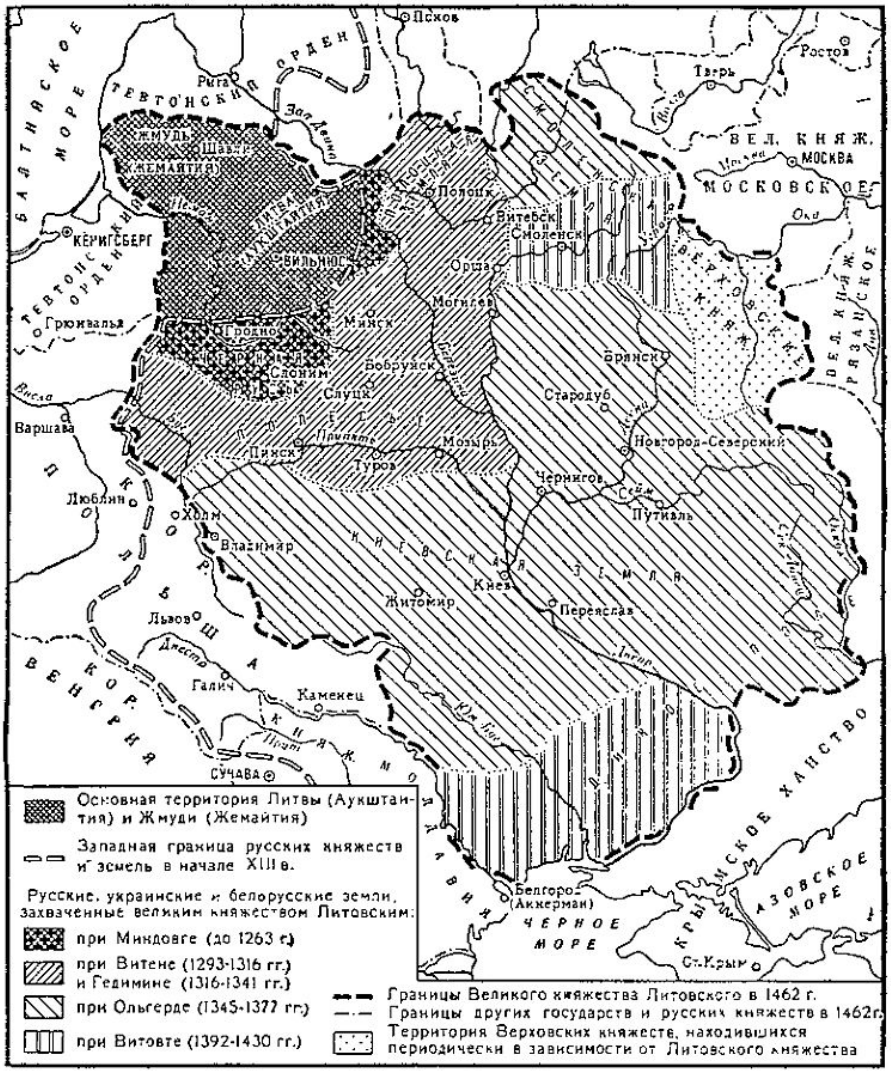
Собрав под своей властью к концу XIV столетия едва ли не половину Киевской Руси, правители Литвы столь же обоснованно, как и московские Даниловичи, могли претендовать на роль «собирателей Русской земли». На это указывало и официальное название государства: Великое княжество Литовское и Русское. По мнению некоторых историков, в конце XIV — первой четверти XV века существовала реальная возможность превращения Вильно в столицу будущего единого Русского государства. Разумеется, и московские князья, и ханы Золотой Орды всеми средствами старались предотвратить такой поворот событий.

Кревская уния и принятие литовцами католичества проложили глубокую межу между Великим княжеством Литовским и политической системой Великого княжения Владимирского. Однако Витовт, судя по всему, не терял надежды на воссоединение всей Русской земли под его державой. Для этого необходимо было прежде всего разгромить Золотую Орду, могущество которой сильно ослабело в результате неудачных войн хана Тохтамыша с Тимуром. Вынужденный бежать из степи

от преследования ставленников Тимура, Тохтамыш нашел приют в Литве. Результатом содружества Тохтамыша с Витовтом стал замысел, который историки не без основания называют «колоссальной авантюрой» (70, 577). Литовский князь обещал вернуть Тохтамышу престол Золотой Орды, а в награду требовал передачи ему верховной власти над Северо-Восточной Русью.

Собрав в кулак все свои боевые силы, присоединив к ним польские и немецкие отряды, а также Тохтамыша с его татарами, Витовт в августе 1399 года дал новому правителю Золотой Орды хану Тимур-Кутлугу решающее сражение на реке Ворскле, близ Полтавы. Однако удача на сей раз изменила знаменитому воителю. Он явно недооценил военный потенциал Золотой Орды. На помощь Тимур-Кутлугу подоспел с большими силами темник Едигей. Русско-литовское войско Витовта было окружено и разгромлено, а сам он с небольшим отрядом едва успел бежать с поля боя.

Поражение на Ворскле оставило Витовта без армии. Он вынужден был искать спасения в более тесном сближении с Польшей. 18 января 1401 года в Вильно было подписано польско-литовское соглашение, по существу превращавшее Витовта в вассала короля Ягайло (74, 245). Отныне литовская экспансия на восток становилась одновременно и польско-католической. Это коренным образом меняло отношение к ней со стороны местного населения и князей Рюриковичей. Вместе с тем новое сближение с Польшей усилило военно-политический потенциал Литвы. Московский великий князь Василий I (1389–1425), женатый на единственной дочери Витовта Софье, вынужден был примириться с захватом Литвой Смоленского княжества в 1404 году и едва сумел отстоять от литовских посягательств Новгород и Псков. К счастью для Москвы, соединенные боевые силы Польши и Литвы развернулись не на восток, а на север. 15 июля 1410 года польско-литовско-русское войско нанесло сокрушительное поражение Тевтонскому ордену в Грюнвальдской битве.

Великое княжество Литовское в XIII–XV вв.

Обстоятельства требовали от Витовта дальнейшего укрепления отношений с Польшей. 2 октября 1413 года в Городло, во время личной встречи Витовта с королем Ягайло, был заключен ряд соглашений, известных в истории под названием «Городельской унии». «В этих документах подтверждалось объединение обоих государств, предполагавшее как проведение ими общей внешней политики, так и дальнейшую „унификацию“ их внутриполитической жизни, а вместе с тем и дальнейшее подчинение великого княжества Литовского феодальной Польше… Согласно этим грамотам, лишь те литовские феодалы могли занимать должности и прочно удерживать в своих руках

владения в княжестве, которые являлись католиками, имели отношение к польским гербам и находились в браке с католичками (браки с православными запрещались)» (74, 286). Эти решения способствовали постепенной полонизации Литвы. Вместе с тем они обостряли отношения между католиками и православными, которые оказывались в унизительном положении. В итоге усиливалось тяготение православной знати Великого княжества Литовского к Москве.

Относительно спокойные отношения Вильно с Москвой сохранялись до самой кончины Витовта в 1430 году. На то были свои причины: высокий военный потенциал Москвы; существование в самой Литве своего рода «пятой колонны» — православной части литовско-русского боярства; возможность новой литовско-татарской войны, вызванной нападением Витовта на «русский улус» Золотой Орды; миротворческие усилия митрополитов Киприана (1390–1406) и Фотия (1408–1431), а также княгини Софьи Витовтовны; наконец, сдержанностью и уступчивостью московского великого князя Василия Дмитриевича, явно не желавшего войны с Литвой. Помимо всего этого, Витовт, несомненно, использовал свои родственные и дружественные отношения с Москвой в качестве козыря в дипломатической игре с Краковом.

Убедившись в том, что завоевание Московской Руси более не является стратегической целью великого князя Литовского, Василий I в своем завещании называет Витовта первым среди гарантов прав своего малолетнего наследника Василия II — внука Витовта. «А приказываю (поручаю. — *Н. Б.*) сына своего, князя Василья, и свою княгиню, и свои дети своему брату (в смысле равному по статусу государю. — *Н. Б.*) и тестю, великому князю Витовту, как ми рекл (обещал. — *Н. Б.*), на Бозе и на нем, как ся имет печаловати, и своей братье молодшеи, князю Ондрею Дмитриевичю, и князю Петру Дмитриевичю, и князю Семену Володимеровичю, и князю Ярославу Володимеровичю, и их братье, по их докончанью, как ми рекли» (6, 62). Полагают, что именно могущественное покровительство Витовта спасло Василия II от серьезных покушений на его власть со стороны Юрия Звенигородского. После кончины Витовта удельный князь заметно усилил свою активность.

Со смертью Витовта в Литве началась затяжная борьба за власть, главными участниками которой стали сын Ольгерда Свидригайло и брат Витовта Сигизмунд. Положение осложнилось кончиной польского короля Ягайло в 1434 году. Его сын и наследник Владислав III занимал польский престол в 1434–1444 годах. В марте 1440 года великий князь Литовский Сигизмунд

был убит в результате заговора аристократии. При поддержке Владислава III Литовский престол занял младший брат Казимир. После того как польский король погиб в битве с турками под Варной (1444 год), польский Сейм избрал Казимира и новым королем Польши. Этот престол он занимал в 1446–1492 годах, то есть до конца своей долгой жизни. Понятно, что каждая новая ступень в восхождении Казимира стоила ему новых уступок по отношению к польской и литовской аристократии. За поддержку он вынужден был щедро платить деньгами, землей и властью. Все это в конечном счете ослабляло Литовское государство, разрушало те хрупкие основы для его централизации, которые возведены были Витовтом.

«…Польский Сейм выбрал Казимира королем. Литовцы, однако, не хотели позволять Казимиру принять польскую корону, опасаясь, что это приведет к подчинению Литвы Польше. Они пошли на это только после того, как Казимир подписал обязательство сохранить для Литвы отдельную администрацию. Хотя поляки отказались утверждать эти гарантии, Казимир издал новый указ, подтверждающий права и привилегии и литовских, и русских земель. Этот его привилей (1447 год) стал краеугольным камнем конституционного правительства Великого княжества. Вскоре в Кракове Казимира короновали королем Польши. Таким образом, союз Польши и Литвы был восстановлен при одном правителе для обеих наций, но Литва фактически осталась отдельным государством» (66, 321).

Отношения Казимира IV с Василием Темным были настолько дружественными, насколько это вообще возможно между суверенными правителями соседних государств. Казимир не прочь был направить татар на русские земли, чтобы отвести их от своих владений. Однако он избегал открытых военных столкновений с Москвой. В условиях резкого ослабления могущества московских Даниловичей, вызванного феодальной войной второй четверти XV века, Казимир удержался от соблазна интервенции. Впрочем, это не мешало ему привлекать на свою сторону русских князей-изгоев щедрыми пожалованиями и обещаниями поддержки в борьбе с Василием Темным. Сохранилась крестоцеловальная грамота (5 февраля 1448 года) князей Федора Львовича Воротынского и его зятя Ивана Андреевича Можайского, в которой последний обещал Казимиру свою верность и некоторые территориальные уступки в случае, если король посадит его на великом княжении Московском (6, 149).

Однако Казимир не стал вмешиваться в московские дела в период династической смуты. Более того, в воскресенье 31

августа 1449 года между Василием Темным и Казимиром было заключено «перемирье вечное великое». В нем князья в самых трогательных выражениях обязывались хранить взаимную дружбу и союз, не вмешиваться во внутренние дела и даже помогать друг другу при необходимости (6, 160–163). В случае кончины одного из правителей другой обещал защищать законные права его наследников.

Это перемирие оказалось на редкость прочным и сохраняло свою силу почти до самой кончины короля Казимира.

Удивительное долголетие договора 1449 года объяснялось тем, что он отвечал интересам обеих сторон. Москва была поглощена своими внутренними проблемами. Король Казимир многие годы (1454–1466) был занят так называемой «Тринадцатилетней войной» с Тевтонским орденом. Ему удалось заручиться поддержкой папского престола и выиграть давний спор с рыцарями. «В результате Торуньского мира, заключенного в 1466 году, к Польскому королевству отошли западные владения Ордена — Гданьское поморье, земли Хелминьская и Михаловская, Мальборк, Эльблонг и епископство Вармия. Орден, столицей которого после потери Мальборка (Мариенбурга) стал Кенигсберг, признал себя вассалом польского короля» (128, 71).

Мудрую сдержанность Казимира в Москве ценили очень высоко. В завещании Василия Темного польский король и великий князь Литовский назван гарантом исполнения данного документа. «А приказываю свою княгиню, и своего сына Ивана, и Юрья, и свои меншие дети брату своему, королю польскому и великому князю литовскому Казимиру, по докончалнои нашей грамоте (то есть по договору 1449 года. — Я. £.), на Бозе и на нем, на моем брате, как ся учнет печаловати моею княгинею, и моим сыном Иваном, и моими детми» (6, 197). Очевидно, Василий Темный полагал, что аналогичный жест доверия, сделанный перед кончиной его отцом Василием I по отношению к Витовту, сыграл положительную роль. Распоряжения, сделанные у порога вечности, имели особое, сакральное значение. Между могущественным соседом-опекуном и молодым наследником московского престола рукою умиравшего отца протягивалась незримая нить духовной связи. При благоприятном развитии московско-литовских отношений это обстоятельство давало Казимиру повод отказаться от войны с молодым московским правителем, а Ивану — искать помощи Казимира в случае крайней опасности.

В первой половине великого княжения Ивана III король Казимир проявлял удивительное спокойствие по отношению к московской экспансии в Новгороде и Пскове, которая, впрочем, не

выходила за рамки, очерченные договором 1449 года. Там прямо признавалось московское преобладание в этом регионе. «Таке жъ в Новгород Великий, и во Псков, и во вся Новгородская и во Пъсковская места тобе, королю и великому князю, не вступатисе, а и не обидети их. А имут ти се новгородцы и пъсковичи давати, и тобе их не прыимати, королю» (6, 162).

Конечно, позицию Казимира по отношению к Москве в 70-е годы XV века едва ли можно определить как доброжелательный нейтралитет. Ходили слухи, что в 1471–1472 годах он подстрекал хана Ахмата к нападению на московские земли. Однако при этом сам король не пришел на подмогу Ахмату. В 1471, 1475 и 1478 годах Казимир оставил без ответа отчаянные призывы новгородцев, сдавленных железным обручем московских полков. В 1480 году он предоставил Ахмату самому выяснять отношения с пушками Фиораванти.

Сдержанность Казимира историки традиционно объясняют объективными причинами: «Казимир возбуждал против Москвы Ахмата, Иоанн возбуждал против Польши Менгли-Гирея; но открытой войны не было; Казимир не имел для этого средств и времени, Иоанн не любил предприятий, войн, не обещавших верного успеха» (146, 91). Не отрицая роли обстоятельств, напомним, однако, что в средневековых политических отношениях субъективный фактор (характер правителя, его симпатии и антипатии) играл несравненно большую роль, нежели в современных. Признавая это для Ивана III, будем объективны и к королю Казимиру. Даже русские летописцы называли его «справедливым» и «добрым» (93, 553). Историки отмечают, что по крайней мере в первой половине своего великого княжения «Казимир IV был другом русских и любил больше Литву, чем Польшу» (93, 544).

Как бы там ни было, нельзя не признать, что именно сдержанность Казимира (за которую соотечественники бранили его и при жизни, и после смерти) позволила Ивану III успешно завершить покорение Новгорода.

Однако тот, кто ждет благодарности, обыкновенно награждается неблагодарностью. Следуя неумолимой логике геополитических интересов, Иван III не замедлил отплатить своему опекуну черной неблагодарностью. Покончив с Новгородом и отбившись от хана Ахмата, московский великий князь выдвигает программу воссоединения русских земель в объеме Древнерусского государства под эгидой Москвы.

Лаконичной формулой этой головокружительной идеи стал принятый Иваном новый титул — «государь всея Руси».

(История этого титула прослеживается лишь пунктирно.

Подобно другому знаменитому титулу — «царь» — он уже задолго до Ивана III применялся по отношению к сильнейшим князьям как риторическая формула особого почтения. Так, например, на некоторых печатях Семена Гордого и Дмитрия Донского присутствуют слова «князь великий… всея Руси» (144, 148). Василий Темный начиная с 1450 года приказывал чеканить на своих монетах надпись «государь всея Руси». Его примеру последовал и Иван III. Во внутреннем делопроизводстве Московского государства титул «государь всея Руси» постепенно утверждается в период с 1479 по 1487 год (110, 29). К этому подталкивали москвичей впечатляющие успехи, достигнутые Иваном III. Вскоре Иван стал требовать признания своего нового титула и от великого князя Литовского. Там хорошо понимали «притязательный» (по выражению В. О. Ключевского) характер добавления «всея Руси» и выражали решительный протест. Однако под энергичным давлением московской дипломатии литовцы вынуждены были уступить и включить желанный титул в текст договора 1494 года. Впрочем, вопрос о титуле Ивана III крайне запутан. Документы великокняжеской канцелярии свидетельствуют о том, что титул изменялся не только со временем, но и в зависимости от лица или государства, для которого предназначался данный документ. Титул мог варьироваться и по прихоти (или оплошности) того чиновника, который готовил документ (109, 8—15). Наконец, не следует ожидать от делопроизводства конца XV века того механического единообразия, которое характерно для российских канцелярий более позднего времени).

Только теперь в Литве и Польше осознали, какая угроза исподволь созрела на восточных рубежах. Появились панические слухи о том, что Иван якобы просил папу дать ему корону «всей Русской нации» (161, 85). На всякий случай Казимир даже отправил папе прошение не соглашаться на возможные просьбы московского правителя.

Благоприятное для Москвы завершение «стояния на Угре» в 1480 году наглядно продемонстрировало ее военный потенциал и, соответственно, реальную возможность наступления Ивана III на литовские земли. Кажется, король Казимир не был вполне уверен в том, как ему следует отозваться на эти действия, и долго колебался. Так, например, одни считают, что в 80-е годы XV века в Литве началось гонение на православие, другие — что король, наоборот, решил заручиться поддержкой своих православных подданных перед лицом московской угрозы (161, 86). Заслуживает внимания истолкование этой ситуации известным историком Русской Церкви А. В. Карташевым: «Казимир,

изменивший свою первоначальную политику, начинает усиленно строить на русских землях латинские костелы. В 1483 году издает указ, воспрещающий русским строить новые церкви и починять старые в духе полузабытого Городельского постановления 1413 года. Но такой запретительный указ мог быть беспрепятственно проводим только на землях лично королевских, княжеских и панов латинских. Паны русские в своих владениях оставались еще полноправными „патронами“ своих церквей и строили новые и починяли старые пока еще свободно» (93, 544).

Воодушевленная успехами Москвы, православная знать русского и литовского происхождения в 1482 году предприняла попытку возвести на литовский престол князя Михаила Олельковича. Однако многоопытный Казимир успел опередить заговорщиков. Одни из них были казнены, другие бежали в Москву.

«Ахиллесовой пятой» Литовского государства была его невысокая, по сравнению с Московской Русью, внутренняя консолидация. Великий князь не имел сильной власти и принужден был делить ее с крупной аристократией, городскими верхами и другими общественными силами. Материальные ресурсы, которыми он располагал, были достаточно скромными.

Наглядным проявлением недостатков внутреннего устройства Великого княжества Литовского, с точки зрения стоявших перед его правителями задач, стали события 1484 года, когда крымский хан Менгли-Гирей по совету Ивана III совершил поход на Киев. Для борьбы с татарами к Киеву пришли со своими отрядами «князья Одоевский, Вяземский, Можайский, Трубецкой, Воротнынский, Козельский, „вся земля“ Смоленская, Витебская, Полоцкая, Волынская, Подольская, Брестская и т. д.» (126, 142). Однако дружного отпора татарам не получилось. Киев был взят и страшно разорен татарами. Невольно напрашивалось сравнение с успешной обороной Иваном III московских рубежей в 1472 и 1480 годах. Крепнущая московская деспотия сумела защитить своих людей от нашествия варваров гораздо успешнее, чем гордившаяся своими древними вольностями Литва.

Постепенно в Литве выработали публицистический аргумент против московского тезиса о воссоединении «всея Руси» под скипетром Ивана III. Государство Даниловичей здесь стали называть «Московией» — неким побочным продуктом исторического развития древнерусской народности. Великое княжество Литовское и Русское объявлялось единственным прямым наследником Киевской Руси (126, 137).

И все же исход событий решали, конечно, не слова и громкие титулы, а реальные возможности государств. Новый титул Ивана

III — «это целая политическая программа, характеризующая не столько действительное, сколько искомое положение» (102, 115). И достичь этого искомого положения можно было только на путях войны.

Старый король Казимир уже хорошо понимал, к чему идет дело. Молодое московское самодержавие расправляло плечи. Оно по многим причинам нуждалось в наступательной войне. Одной из этих причин было то, что именно победоносная война наилучшим образом оправдывает диктатуру и произвол. А наиболее перспективным направлением московской экспансии в те годы была Смоленская земля и Северская Украина. Таким образом, избежать конфликта оказалось почти невозможно.

В середине 80-х годов король предпринял попытку отвлечь Ивана от войны с Литвой и переключить его внимание на южные проблемы. В Северном Причерноморье стремительно расширялась турецкая агрессия. В 1484 году турки захватили города Килию и Белгород, располагавшиеся соответственно в устье Дуная и Днестра. Опасность турецкого порабощения нависла над Молдавией, где правил тесть Ивана Молодого, Стефан Великий. Как сам Стефан, так и король Казимир надеялись на то, что под давлением сына и снохи московский государь не удержится и придет на помощь своему родственнику. В таком случае мог разом рухнуть столь важный для Москвы союз с крымским ханом — вассалом турецкого султана. Однако эти надежды оказались тщетными. Иван, менее чем кто бы то ни было, способен был действовать в политике под влиянием дружеских или родственных чувств. Дружба с Молдавией, скрепленная браком Ивана Молодого и дочери Стефана Елены в 1483 году, нужна была ему лишь в контексте московско-литовского противостояния. Еще в 70-е годы он стремился наладить добрые отношения со всеми соседями польско-литовского государства, которых можно было рассматривать как потенциальных союзников Москвы в будущей войне с королем Казимиром. Эта работа стала приносить плоды уже в первой половине 80-х годов, когда Московское государство стало полноправным участником различных политических комбинаций в Восточной Европе. В 1482 году Москва установила дипломатические отношения с Венгрией, которая в ту пору также враждовала с Польшей. С 1486 года начинают налаживаться контакты со Священной Римской империей. Современные исследователи полагают, что именно оттуда, с эмблемы воинственных Габсбургов (а вовсе не из Византии), «перелетел» в Россию знаменитый двуглавый орел, изображение которого появляется на печатях Ивана III в 90-е годы XV века (109, 18).

Вся эта дипломатическая активность Москвы была подчинена главной задаче — борьбе с польско-литовским государством. Причем борьбу эту предпочтительно было вести чужими руками. Никакой филантропии здесь не допускалось. И ввязываться в более чем сомнительную войну с Турцией из-за Молдавии Иван, разумеется, не стал, сославшись для приличия на то, что его земли отделяет от владений Стефана слишком большое расстояние. В итоге Стефан Великий в 1485 году признал себя вассалом Казимира IV. Однако и тот не сумел (или не захотел) всерьез воевать с Турцией из-за Молдавии. Тогда оставленный всеми Стефан с 1487 года вынужден был начать уплату дани султану Баязиду II (161, 94). А через два года молдавский господарь сменил бесполезное польско-литовское покровительство на союз с врагом Казимира — венгерским королем Матвеем Корвином.

Первая московско-литовская война, носившая со стороны Москвы наступательный характер, началась в 1487 году и продолжалась до 1494 года. Предметом спора в этой, по выражению А. А. Зимина, «странной войне» были пограничные области с неопределенным или двойственным политическим статусом.

Конфликт вызревал постепенно. Издавна великий князь Литовский имел некоторые статьи доходов с новгородских владений, располагавшихся у границы с Литвой. Так, ему платили дань жители Великих Лук, Торопца и Ржева. Окончательно присоединив Новгородскую землю к Московскому государству в 1478 году, Иван III распорядился впредь не давать королю каких-либо платежей с этих территорий (81,95).

Пограничные споры в западных областях получили новый импульс после ликвидации независимости Тверского княжества. Границы московских владений вплотную подошли теперь к вотчинам подвластных Литве князей Вяземских — представителей смоленской ветви династии Рюриковичей. Это создавало почву для конфликтов. Подливало масла в огонь и то обстоятельство, что значительная часть московско-литовской границы оказалась в руках двух амбициозных распорядителей — посаженного на тверской стол в 1485 году князя Ивана Ивановича Молодого и награжденного можайским уделом в 1481 году князя Андрея Васильевича Большого. Поощряя их наступательный пыл, Иван III сам оставался в тени и всегда мог сослаться на свою неосведомленность.

Но наиболее острое столкновение интересов Ивана III и короля Казимира было связано с так называемыми «верховскими

княжествами» — располагавшимися в бассейне верхней Оки владениями потомков святого князя-мученика Михаила Всеволодовича Черниговского, казненного татарами в 1246 году.

Земли князей Воротынских, Белевских, Одоевских, Новосильских, Трубецких, Мосальских, Мезецких находились на стыке территорий трех соперничавших государств — Литвы, Московской Руси и Золотой Орды. «Верховские князья» должны были проявлять чудеса изворотливости, чтобы не оказаться раздавленными этими страшными жерновами. В начале XV столетия они признают над собой верховную власть великого князя Литовского Витовта. Однако их статус мог изменяться в зависимости от политической обстановки. Иногда они ухитрялись служить одновременно и Литве, и Москве. Случалось, что один брат служил королю Казимиру, а другой — Василию П. Москва дальновидно выступала в роли защитницы интересов «верховских князей» перед королем. В свой договор с Казимиром, заключенный в 1449 году, Василий Темный включил и соответствующий пункт: «А верховъстии князи, што будуть издавна давали в Литву, то им и нынечы давати, а болшы того не примышляти» (6, 162).

Скудность источников не позволяет восстановить сколько-нибудь целостной картины политической борьбы в «верховских княжествах». И все же ясно, что главной заботой для местных правителей было сохранение своих владений от опустошительных нашествий степняков. В то время как Москва сумела создать надежную систему обороны своих южных границ, достоинства которой наглядно проявились во время походов хана Ахмата в 1472 и 1480 годах, великий князь Литовский не мог обеспечить своим «верховским» вассалам даже относительной безопасности. Разгром Киева в 1484 году крымскими татарами подтолкнул некоторых потомков Михаила Черниговского к окончательному переходу на сторону Москвы.

Первыми потянулись к Москве князья Одоевские и Воротынские. Эти две знаменитые в истории России фамилии были тесно связаны родственными узами. Их общим гнездом был городок Новосиль (ныне районный центр Орловской области), расположенный в верховьях реки Зуши, правого притока Оки. В середине XIV века новосильский князь Роман переселился «от насилья татарского» подальше на север, в Одоев (82, 131). Он стал основателем Одоевского удельного княжества и родоначальником всего семейства князей Одоевских. Сын Романа Василий, получив во владение Белев, стал первым князем Белевским. Другой сын Романа, Юрий Черный Новосильский, был отцом первого из князей Воротынских — Федора. Основав в 15

верстах к юго-западу от Калуги, в нижнем течении речки Высса (левый приток Оки) городок Воротынец (Воротынск), князь Федор получил прозвище Воротынский.

Именно Воротынские и зажгли тусклое пламя «странной войны». В 1487 году князь Иван Михайлович Воротынский (внук основателя фамилии) вместе с целой компанией своих сородичей, князей Одоевских, напал на Мезецк. Тамошние князья Мезецкие сохраняли верность королю Казимиру. Нападавшие находились уже на московской службе и, очевидно, выполняли указания своего нового государя.

В октябре 1487 года в Москву прибыло литовское посольство с жалобами на действия Воротынского. Началась оживленная дипломатическая перебранка, в которой каждая из сторон обвиняла в бесчинствах другую (9, 5). Москва также категорически отказывалась признать права Казимира на традиционные дани со Ржева и Великих Лук. «…И король бы в наши волости в Луки Великие и во Ржову и в иные места в новогородцкие в нашу отчину не вступался» (9, 38). Вообще Иван III вел себя в этом разгоравшемся споре с характерной для него в беспроигрышных ситуациях хамоватой самоуверенностью, слегка прикрытой холодной дипломатической вежливостью.

Замысел всей кампании 1487–1494 годов состоял в том, чтобы (используя опыт новгородских походов) достичь успеха незаметно, без лишнего шума. Иван III не хотел начинать большую войну с Литвой и отправлять в «верховские княжества» крупные боевые силы. Во-первых, это могло вызвать аналогичные действия со стороны Литвы, Польши и «Ахматовых детей» из Волжской Орды. Во-вторых, открытая военная угроза со стороны Москвы могла сплотить «верховских князей» и толкнуть их в объятия Казимира.

Ставка была сделана на разжигание междоусобной вражды внутри многочисленного и сварливого семейства «верховских князей». Их давние личные счеты переплетались со сложными имущественными отношениями. Зачастую несколько князей совместно владели каким-нибудь крохотным городком, получая долю от приносимых им скромных доходов.

Те, кто переходил на московскую службу, немедленно получали уже в качестве пожалования свои прежние владения, а вместе с ними и те, которыми перебежчики не владели, но на которые могли претендовать по семейному положению. (Обычной схемой раздора были извечные споры между дядьями и племянниками.) Для защиты «правды» и восстановления «законных прав» своих новых подданных Иван III отправлял в регион военные силы, численность которых, впрочем, была

невелика. Оно и понятно: эти отряды предназначались не для большой войны, а для «точечных ударов» по локальным целям. При этом поначалу в Москве все же несколько недооценили боевитость выросших под звон сабель «верховских князей».

Весной 1489 года Иван III отправил на Воротынск (очевидно, для поддержки одной части клана Воротынских против другой) войско под предводительством молодого московского воеводы князя Василия Ивановича Косого («Кривого») Патрикеева, сына Ивана Юрьевича Патрикеева. Поначалу дело шло удачно, но на обратном пути москвичи подверглись нападению королевских войск и были разбиты. «Тое же весны посылал князь велики князя Василья Кривого княжа Ивана сына Юрьевича Воротынского воевати, и иных порубежных городов литовских, он же много повоева и возвратися; и приела король на него со многою силою своих воевод, и приидоша изгоном и победиша князя Василья, многих побиша и в полон поведоша» (18, 239).

Летописи довольно сбивчиво излагают историю перехода черниговских князей на московскую службу в 1487–1493 годах. Случается, что один и тот же эпизод повторяется дважды, под разными годами. Все же можно понять, что в конце 1489 года (вероятно, после новых наступательных движений со стороны Москвы) на службу к Ивану III двинулась целая когорта «верховских князей»: Дмитрий Федорович Воротынский, его племянник Иван Михайлович Воротынский (отец знаменитого полководца времен Ивана Грозного Михаила Ивановича Воротынского), братья Иван, Андрей и Василий Васильевичи Белевские (20, 221; 81, 96). Все они передавали Москве свои вотчины, которые потом, как правило, получали назад уже в качестве великокняжеских пожалований. Вместе с землями Москва получала и новые боевые единицы: каждый из князей Воротынских, например, ходил на войну под знаменами Ивана III, но со своим полком. В местнической иерархии московской аристократии «служилые князья» черниговского дома получили весьма почетные места. «Они по своему положению занимали как бы промежуточное положение между удельными князьями и князьями Северо-Восточной Руси, потерявшими к концу XV — началу XVI века суверенные права на старые княжения» (82, 143). Конечно, со временем московские государи станут целенаправленно «сбивать спесь» с «верховских князей», а Иван IV первым пропустит их через мясорубку опричнины. Но «кто скажет человеку, что будет после него под солнцем?» (Еккл.6:12).

Король Казимир через своих послов энергично протестовал против организованной москвичами «утечки» черниговских князей и их вотчин из-под его власти. Иван III в ответ выдвигал

разного рода сомнительные оправдания, главным из которых была ссылка на «старину», на давнюю (и едва ли действительную) зависимость черниговских князей от Москвы. Равнодушно отбрасывая все упреки Казимира, Иван знал, что ему это ничем не грозит. Король не имел тогда возможности всерьез заниматься «верховскими княжествами», так как все его внимание было поглощено событиями на юге. После кончины 6 апреля 1490 года венгерского короля Матвея Корвина претендентами на опустевший престол выступили сразу трое соискателей: сын покойного, сын и соправитель (с 1486 года) императора Священной Римской империи Фридриха III Максимилиан Габсбург и сын польского короля Казимира IV Владислав Ягеллон, занимавший с 1471 года чешский трон. Открывалась перспектива большой войны в Центральной и Восточной Европе. Император Фридрих III и король Максимилиан почувствовали вдруг живой интерес к союзу с заклятым врагом Казимира — московским государем Иваном. Без особых усилий со своей стороны Иван стал быстро превращаться в крупную фигуру на европейской политической сцене. Он многозначительно намекал имперским послам на возможность своего участия в войне с Казимиром и под эти пустые обещания уже всерьез начинал рассуждать о возможном браке своей дочери с Максимилианом Габсбургом. Впрочем, вся эта словесная паутина стоила немногого. Борьба между Максимилианом и сыном Казимира вскоре завершилась победой Владислава, женившегося на вдове Матвея Корвина. 7 ноября 1491 года был заключен Пресбургский мир, по которому Владислав получал венгерский трон, а Максимилиан — «австрийские земли, контрибуцию в 100 тысяч венгерских гульденов и право наследовать Венгрию в случае отсутствия мужских потомков Владислава» (161, 98). Теперь Максимилиану оставалось только поблагодарить московита за моральную поддержку и надолго забыть о его существовании…

Торжество Владислава существенно упрочивало позиции Казимира IV, который мог не думать более об опасности со стороны Венгрии. Возможно, теперь он мог бы всей своей мощью повернуться к Москве. Однако старый Казимир уже приближался к той черте, за которой ему не нужно будет думать ни о Венгрии, ни о коварной Москве, ни о чем-либо другом. В июне 1492 года король Польский и великий князь Литовский скончался (31, 333; 55, 297).

Для Ивана III смерть Казимира в сложившихся обстоятельствах была подарком судьбы. Летом 1492 года сыновья Казимира разделили отцовское наследство. Ян Ольбрахт получил польскую корону, а Александр Казимирович — литовский

престол. Это значительно ослабляло общий военный потенциал главного соперника Москвы. Полагая, что Литва все еще охвачена волнениями, связанными с кончиной Казимира, Иван решил не терять времени даром и под шумок захватить как можно больше «верховских» земель. «Того же лета, августа, посылал князь великый Иван Васильевич воеводу своего князя Федора Васильевича Телепня Оболенского с силою на город Мъченеск (Мценск. — *Н. Б.*) за их неправду; и град Мченеск взяша, и землю повоеваша, и воеводу их Бориса Семенова сына Александрова поимаша, и иных многых, приведоша их на Москву» (27, 357).

Великий мастер политической демагогии, Иван вел эту войну с Литвой, так же как и войну с Новгородом, — незаметно. «По заявлению московских дипломатов, войны не было; происходило только возвращение под старую власть московского великого князя тех его служебных князей, которые либо временно отпали от него в смутные годы при Василии Васильевиче, либо и прежде служили „на обе стороны“» (55, 305).

Стремясь не упустить благоприятного момента для полного вытеснения Литвы из «верховских» земель, Иван поторапливал и своего союзника крымского хана Менгли-Гирея с набегом на владения «наших недругов, Королевых детей» (10, 158). В четверг 30 августа 1492 года из Москвы в Крым отправилось посольство боярина Константина Григорьевича Заболоцкого. Он должен был передать хану настойчивую просьбу Ивана III: немедленно «всесть на конь» против Литвы. Хан был тогда увлечен строительством крепости Очаков в устье Днепра, которая, как он сообщал Ивану, должна была стать главной опорой крымцев в войне против короля. Иван весьма скептически относился к этой затее, для исполнения которой Менгли-Гирей к тому же требовал от него каких-то немыслимых денежных субсидий. «А что город делаешь на Днепре, и нам сказывали, что тот город далече от Литовские земли, близко деи устья Днепрьского; и ты бы ныне од но лично (непременно. — *Н. Б.*) то дело пооставил, а сам бы еси на конь всел и ратью пошол на Литовскую землю…» (10, 158).

Однако настойчивость Ивана III (доходившая до резкости) не принесла желаемого результата. Хан по-прежнему уклонялся от войны с Литвой и занимался своим любимым детищем — новой крепостью (55, 303). Лишь зимой 1492/93 года он отправил свое войско в набег на земли между Киевом и Черниговом. Этот рейд не имел серьезного значения. Московский посол Константин Заболоцкий уговаривал хана идти в глубь Литовской земли. Однако тот отказался, ссылаясь на нехватку людей (10, 182).

Уклончивость Менгли-Гирея понятна: он вел свою собственную игру и не намеревался быть исполнителем воли

Ивана III. Москвичам в войне с Литвой приходилось рассчитывать главным образом на собственные силы и на своих доброхотов в литовских землях.

Еще летом и осенью 1492 года перешедшие на службу к Ивану III князья Семен Федорович и его племянник Иван Михайлович Воротынские совершили захват литовских городов Серпейска и Мезецка, расположенных в нескольких десятках верст западнее Калуги. Но вскоре их выбил оттуда явившийся с войском смоленский воевода пан Юрий Глебович, которому помогал и сын беглого можайского князя Ивана Андреевича, Семен. На подмогу Воротынским Иван III зимой 1492/93 года двинул более значительные силы: московское войско под началом князей Михаила Ивановича Колышка и Александра Васильевича Оболенского, а также войска послушных ему рязанских князей Ивана и Федора Васильевичей. (Их мать, княгиня Анна, доводилась Ивану III родной сестрой.) Теперь настало время бежать воеводам великого князя Литовского. Оставив в городах своих порученцев, они «побегоша к Смоленску» (20, 234). После ожесточенного сопротивления города Серпейск и Опаков были взяты москвичами. Захваченных там литовских воевод и ратников, а также местных «градских болших людей» привезли в Москву. «И князь великий послал их в заточение по своим градом» (20, 235). Некоторые летописи называют точное количество литовских пленников — 530 человек (30, 210).

Неизвестно, как действовали в этой войне князья Мезецкие, чья вотчина оказалась в центре событий. Однако летопись сообщает, что в том же году один из них — князь Михаил Романович Мезецкий — выехал на службу к Ивану III, прихватив с собой в качестве доказательства своей верности двух плененных братьев — Семена и Петра. Очевидно, те упрямо держали сторону Литвы. «И князь великий послал их в заточение в Ярославль, а князя Михаила пожаловал его же вотчиною и велел ему себе служити» (20, 235). Так ценой голов своих родных братьев покупалось расположение «государя всея Руси».

Используя князей Воротынских в качестве ударной силы, Иван сумел прибрать к рукам и Мосальск. Его захват осуществили в августе 1492 года братья Дмитрий и Семен Воротынские (19, 225).

В те же годы вступил в решающую стадию и вялотекущий пограничный конфликт москвичей с вяземскими князьями. В 1492 году на это направление был поставлен известный московский воевода Даниил Васильевич Щеня, прославившийся в 1489 году стремительным покорением Вятки. Вместе со Щеней был послан к Вязьме и его двоюродный брат, князь Василий Иванович Кривой

Патрикеев (19, 226). Не теряя времени, они неожиданным набегом захватили Вязьму, привели горожан к присяге на верность Ивану III, а вяземских князей и «панов» вывезли в Москву, где их судьбу должен был решать сам государь. Вердикт Ивана III на сей раз был милостивым. «И князь великий их пожаловал их же вотчиною Вязмою и повеле им себе служити» (20, 235). Как и «верховские князья», Вяземские были приняты под московское знамя с тем же статусом и теми же землями. Лишь несколько лет спустя их заставят оставить свои приграничные владения и перейти на новые, расположенные в глубине страны.

Энергичная московская экспансия вызывала серьезное беспокойство сначала старого короля Казимира, а затем и его молодого наследника Александра Казимировича. Однако на решительный военный отпор Ивану III у Вильно не было ни сил, ни средств. Вместо этого в Москву одно за другим отправлялись посольства с изъявлением возмущения и протеста. Московские бояре с несокрушимым упрямством отводили все литовские жалобы. Почти анекдотический характер этой дискуссии ярко изображает в своей «Истории России» С. М. Соловьев. На жалобы литовского посла (ноябрь 1492 года) «великий князь отвечал через казначея своего Дмитрия Владимировича, что Литва обижает Москву, а не наоборот, что жители Мценска и Любутска беспрестанно нападали на московские области и на сторожей, что наши, не могши более терпеть этого, ходили на Мценск и Любутск за своими женами, детьми и имением, что Хлепень (владение вяземских князей, захваченное москвичами. — *Н. Б.*) в старых договорах приписан к Московскому княжеству, а Рогачев исстари принадлежит Твери, что о сожжении Мосальска в Москве еще не получено известия» (146, 97).

Убедившись в том, что никакие укоризны не действуют на Ивана III, великий князь Литовский Александр решил предпринять неожиданный ход. Через своих доверенных лиц он стал просить у московского правителя руки одной из его дочерей. Условием начала официальных переговоров на сей счет ставилось возвращение всех вяземских и «верховских» земель, тем или иным путем перешедших под власть Москвы в последние годы.

В Москве поначалу отнеслись к этому проекту равнодушно. Однако поразмыслив, Иван III увидел в нем нечто привлекательное и велел своим боярам продолжать контакты с литовскими представителями. При этом Москва ставила вопрос по-своему: брак станет возможным только в случае признания литовцами московского подданства «верховских» и вяземских князей. Началась новая череда затяжных переговоров. Одновременно Иван, не теряя времени даром, продолжал

прибирать к рукам западные и юго-западные пограничные волости. Наступление шло и на дипломатическом поприще. В январе 1493 года московский посол, дворянин Загряжский доставил в Вильно очередное послание Ивана III, в котором тот именовал себя новым титулом: «Иоанн, Божиею милостию государь всеа Русии, и великий князь Володимерскы, и Московскы, и Ноугородскы, и Псковскы, и Тферскы, и Югорскы, и Пръмскы, и Болъгарскый, и иных…» (9, 81). Превращение простонародного написания имени «Иван» в звучащее по-церковному «Иоанн» отражало общее возвышение титула московского правителя. Длинный перечень принадлежащих ему территорий — дань обычной для тогдашней Европы традиции витиеватого титулования государей. Но самое существенное — введение в титул знаменитой краткой формулы «Государь всея Руси». По отношению к великому князю Литовскому Александру это звучало почти как оскорбление: именно он и был владетелем большей части той самой Руси, на которую нацеливался Иван III. В ответном послании Александр осторожно обошел этот вопрос молчанием, но его вельможи в особом обращении к тогдашнему руководителю московского дипломатического ведомства Ивану Юрьевичу Патрикееву возмущались тем, что «осподарь ваш… в листе своем к нашему государю написал себе имя свое высоко, не по старине…» (9, 105).

Весь 1493 год прошел в переговорах относительно условий мирного договора между Москвой и Литвой. Одновременно обсуждались и перспективы брачного союза старшей дочери Ивана III 18-летней Елены с великим князем Литовским Александром. Мало-помалу литовцы вынуждены были принять все условия Ивана III, среди которых главными были признание новых московских границ, нового титула московского великого князя и обязательство не принуждать невесту к отказу от православной веры. Последний пункт был особенно важен для Ивана. Он хотел, чтобы юная великая княгиня стала опорой для всей православной литовской знати. Со временем это должно было привести к торжеству православия в Литве и даже полной (или хотя бы частичной) интеграции Литвы в состав Московской Руси. В Литве брак великого князя Александра с дочерью Ивана III, напротив, рассматривали как средство для налаживания добрососедских отношений с Москвой и ее союзниками (Крымом, Молдавией), что позволило бы Литве обеспечить мир на ее восточных и южных границах.

Наконец в среду 5 февраля 1494 года долгожданный мир был заключен. На другой день литовские послы были приняты

великой княгиней Софьей. Там же они смогли впервые увидеть невесту. Ее внешность не вызвала у них никаких нареканий, и в тот же день было совершено заочное обручение Елены с литовским великим князем Александром.

Мир с Александром можно считать важнейшим военным и дипломатическим успехом Ивана III. «Значение мирного договора для России было велико, — отмечает А. А. Зимин. — Граница с Литовским княжеством на западе значительно отодвигалась. Создавалось два плацдарма для дальнейшей борьбы за русские земли: один был нацелен на Смоленск, а другой вклинивался в толщу северских земель. Александр, ратифицируя договор, мог обольщаться мыслью о крупном дипломатическом успехе. Территориальные потери были для него не столь уж значительными, ибо касались прежде всего земель „служебных князей“, являвшихся очагом беспрерывных мятежей и беспорядков. Зато благодаря своему браку Александр, видимо, рассчитывал приобрести союзника на Востоке, который поможет справиться с опустошительными татарскими вторжениями. Если подобные надежды у литовского князя были, то уже ближайшее будущее показало, что он глубоко заблуждался» (81, 103).

Еще почти год продолжались переговоры, связанные с подготовкой к свадьбе Елены и Александра. В январе 1495 года в Москву прибыли за невестой литовские послы. Во вторник 13 января Елена выехала из Москвы. Проведя еще два дня в пригородном селе Дорогомилове, где отец и мать дали ей последние наставления, она навсегда покинула родную Московскую землю. В воскресенье 15 февраля невеста торжественно въехала в Вильно и в тот же день была обвенчана с великим князем Александром. Обряд венчания совершали в костеле святого Станислава виленский епископ Войтех Табор и сопровождавший невесту православный священник Фома.

Как и следовало ожидать, этот «брак по расчету» оказался тяжелым и для Александра, и для Елены. (Делу не могло помочь даже и то обстоятельство, что «супруги взаимно любили друг друга и жили в мире» (93, 555).) Над Еленой постоянно довлела деспотическая воля ее могущественного отца, который через своих доверенных лиц настойчиво руководил поведением дочери. Очевидно, она искренне прониклась значимостью своей миссии для московского дела и старательно исполняла указания Ивана III. В послании к родителям в ноябре 1497 года Елена клянется: «Нолны (не раньше, чем. — *Н. Б.*) меня в животе (в живых. — *Н. Б.*) не будет, тожъ отца своего наказ забуду» (9, 241). Понятно, что непреклонность Елены и ее явная связь с московским двором вызывали раздражение папского престола и полонизированной

части литовской знати. Сопровождавшие ее бояре и духовенство были вскоре отосланы назад в Москву, а обещанная ей особая православная церковь во дворце так и не была построена. Княгиню настойчиво убеждали принять католичество. Ситуация усугублялась тем, что отношения между Москвой и Вильно по-прежнему оставались крайне напряженными. Вопреки обещаниям, данным в период сватовства, Иван III не собирался оказывать помощь Литве против крымских татар и молдавского правителя Стефана. Вместо этого «государь всея Руси» продолжал захватывать под тем или иным предлогом все новые и новые пограничные волости. В ответ на это литовцы притесняли русских купцов и не пропускали едущих в Москву из других стран послов.

Узнав о том, что Елену склоняют к перемене веры, Иван тайно передал ей, чтобы она ни в коем случае не соглашалась на это и даже готова была бы, если придется, принять мученический венец. Одновременно он принялся грозить Литве войной в защиту своей дочери.

Трудно сказать, сколь искренен был князь Иван в роли адепта православия и непримиримого бойца с «латинством». Собеседник Фиораванти и покровитель новгородских еретиков, друг крымского хана и притеснитель московских митрополитов — он, несомненно, был умным, трезвым и довольно циничным человеком. Только такой человек мог приоткрыть двери в Московию для всякого рода полезных иностранцев. Однако, приоткрыв заветную дверь, он тут же подставил ногу, дабы она не распахнулась слишком широко.

Вместе с тем вся его деятельность как «собирателя Руси» требовала того особого рода вдохновения, которое может дать только вера в высшее значение поставленной цели. Очевидно, князь Иван был человеком религиозным, однако достаточно свободным во всем том, что касается формальной стороны дела. При этом он чтил обряды, знал таинственную магию ритуала. Он блестяще умел разыгрывать действо «священной войны», пробуждавшее в людях великую силу религиозного энтузиазма. В этом действе великий князь был циничен как режиссер и почти искренен как исполнитель одной из главных ролей.

Человек дела, Иван постоянно помнил о том, что своим благочестием должен подавать надлежащий пример окружающим. Помимо этого, его многочисленные военные предприятия при всей их тщательной подготовке всегда таили в себе значительную долю риска. Государю постоянно нужна была надежда на благоволение Всевышнего. Отсюда то суеверное внимание к мелочам — датам, совпадениям, знамениям, — которое легко заметить в поведении нашего героя.

Литва не хотела войны с Москвой, как когда-то Москва всеми силами избегала войны с Литвой. Однако великий князь Александр во второй половине 90-х годов сделал целый ряд опрометчивых шагов, способствовавших обострению ситуации и в конце концов — началу военных действий. 24 июля 1499 года между Литвой и Польшей была подписана новая уния (так же как и уния 1413 года — в местечке Городло), устанавливавшая «вечный союз» двух государств. Усиливается натиск католической церкви на православную часть населения. Этому содействовали и нестроения среди самих православных. Весной 1497 года всецело преданный православию киевский митрополит Макарий был захвачен отрядом разбойничавших в Киевской земле крымских татар и убит где-то возле Мозыря. В результате сложной интриги католиков его преемником на киевской кафедре (с постоянным местопребыванием в Вильно) стал Иосиф I Болгаринович — тайный, а вскоре и явный поборник церковной унии. В 1500 году он открыто известил папу Александра VI о своей готовности принять Флорентийскую унию (93, 559). Среди причин, подтолкнувших митрополита Иосифа к этому рискованному шагу, едва ли не главной было ущемление прав православной части населения Великого княжества Литовского. Вступив в унию, православные иерархи и их паства надеялись избавиться от притеснений со стороны католиков.

Однако намерения митрополита Иосифа встретили отпор не только со стороны ревнителей православия, но также — как ни странно! — со стороны католических прелатов Литвы и Польши. Последние считали, что условия Флорентийской унии, позволявшие православным сохранять свои традиционные обряды, были слишком либеральными. Они требовали от православных, по существу, полного перехода в католичество. Позиция великого князя Литовского Александра по отношению к инициативе митрополита Иосифа отличалась двуличием: формально поддерживая обращение православных в унию, Александр вместе с тем тайно убеждал папу Александра VI не соглашаться на просьбу митрополита Иосифа (158, 79). В обоснование этого великий князь ссылался на враждебность «схизматиков» по отношению к католикам и на неправильность в совершении ими важнейших церковных обрядов. В итоге папа изъявил готовность возобновить унию в Литве, но на таких условиях, которые были абсолютно неприемлемы для православных. Идея митрополита Иосифа — а вместе с нею и надежда на «мягкую» интеграцию православных в состав польско-литовского государства — потерпела неудачу. Потребовалось еще целое столетие, наполненное громом Реформации, для того чтобы

Рим умерил свои амбиции и проявил готовность возродить унию в западнорусских землях на приемлемых для православных условиях…

Вязкие и неопределенные отношения между Москвой и Вильно, установившиеся во второй половине 90-х годов XV века, могли бы сохраняться достаточно долго. Перейти к решительным действиям заставила новая волна выездов литовской православной знати на московскую службу весной 1500 года. Все перебежчики, разумеется, объясняли свой поступок невозможностью выносить притеснения католиков. Однако за этой благочестивой риторикой угадывался и трезвый расчет. Иван III через своих агентов уже давно вел с литовскими православными князьями тайные переговоры, обещая в случае согласия дружбу и покровительство, а в случае отказа — войну и потерю княжения. Принимая во внимание беспомощность великого князя Литовского, князья поневоле вступали в опасную «дружбу» с московским деспотом.

В воскресенье 12 апреля 1500 года в Москву торжественно въехал бывший вассал Казимира и Александра князь Семен Иванович Вельский — родной брат князя Федора Ивановича Вельского, бежавшего в Москву в 1482 году (64, 51). Он «бил челом» Ивану III о том, «чтобы его князь великий пожаловал, взял в службу и с вотчиною» (20, 251). Возмущенный утратой Вельского княжества (ныне город Белый на юго-западе Тверской области), великий князь Александр отправил в Москву своих послов с протестом. Одним из условий московско-литовского договора 1494 года был запрет на переход знати вместе с вотчинами с одной службы на другую. Принимая Семена Вельского, Иван III явным образом нарушал договор. Однако на справедливые жалобы послов он ответил в своей манере: грубовато и самоуверенно. Согласно летописному пересказу этого ответа, великий князь заявил, «что взял князя Семена и с вотчиною тое для нужи, что их нудит приступити к римскому закону. А приказал (передал. — *Н. Б.*) к нему (Александру. — *Н. Б.*) с его послы съ Станиславом и съ Федком, чтобы дщери его Елены, а своеа великиа княгини, не нудили от греческаго закона к римскому закону, да и всей бы Руси, которые ему служат, к римскому закону не нудил, да и о всем бы ему направил (исполнил. — *Н. Б.*) по докончанию и по крестному целованию: „а учнешь нудити, а от тое нужи поедут к нам, и нам их приимати и с вотчинами и стояти за них, сколко нам Бог поможете“» (20, 251).

Едва успели на Боровицком холме отпраздновать приезд

Семена Вельского, как в том же апреле 1500 года изъявили желание перейти под знамена Ивана III потомки изгнанников времен Василия Темного — внук Дмитрия Шемяки, князь Василий Иванович Шемячич, владевший огромным Новгород-Северским княжеством (город Новгород-Северский в 240 км к югу от Брянска), и сын Ивана Андреевича Можайского, князь Семен Иванович Стародубский (город Старо дуб в 200 км к юго-западу от Брянска). Во владения Семена Стародубского (ностальгически предпочитавшего именоваться «Можайским»), полученные его отцом от короля Казимира IV, входили, помимо Стародуба, такие значительные города, как Гомель, Чернигов, Карачев, Хотимль. Не медля ни дня, Иван III отправил к ним на помощь своих воевод с полками, а в Вильно послал краткое известие о том, что принимает князей с их вотчинами под свое покровительство и объявляет войну Литве.

Общая расстановка сил, принятая Иваном III в этой войне, четко обрисована в записках любознательного австрийского дипломата барона Сигизмунда Герберштейна, дважды посещавшего Москву в правление Василия III и тщательно собиравшего всякого рода примечательные сведения из русской истории. По его мнению, непосредственным поводом к войне стали притеснения, чинимые в Литве в отношении дочери Ивана княгини Елены. «…Тесть (Иван III. — *Н. Б.*) воспользовался этим обстоятельством как поводом к войне с Александром и, составив три отряда, выступил против него. Первый отряд он направил к югу против Северской области, второй — на запад против Торопца и Белой, третий поместил посредине против Дорогобужа и Смоленска. Кроме того, он сохранил часть войска в запасе, чтобы она могла скорее прийти на помощь тому отряду, против которого двинутся литовцы» (4, 66). Такая схема наступления на широком фронте несколькими самостоятельными армиями при наличии в тылу общего командования и стратегического резерва была отработана в войнах, которые Иван III вел против Казани, Волжской Орды и Новгорода.

Князь Иван более всего опасался, что Литва успеет разгромить или перетянуть обратно обоих мятежников, прежде, чем он возьмет их под свою опеку. В Северскую землю срочно был отправлен с полками опытный московский воевода и администратор Яков Захарьич Кошкин, известный своей свирепостью в качестве новгородского наместника. В воскресенье 3 мая 1500 года рать боярина Кошкина вышла из Москвы и двинулась через Калугу в сторону Брянска. На войну с Литвой послан был со своими татарами и временно проживавший тогда в Москве бывший казанский «царь» Мухаммед-Эмин. Для

присмотра за ним Иван отправил двух своих воевод — князей Федора и Ивана Палецких. Вскоре Брянск был взят москвичами и татарами, а сидевший здесь литовский наместник вместе с брянским владыкой послан в Москву на суд к Ивану III. После этого Яков Захарьич, не теряя времени, двинулся на соединение с Василием Шемячичем и Семеном Стародубским. Приняв у них присягу на верность «государю всея Руси», боярин присоединил войско новых подданных Ивана III к своему и поспешил к Путивлю. В самый праздник Спаса Преображения, 6 августа 1500 года, Кошкин взял Путивль. Местный воевода князь Богдан Глинский стал пленником москвичей.

Краткий рассказ о событиях на Северской Украине содержит Типографская летопись. Опуская начало, приводим его главную часть: «…Они же, шедше, многие грады и власти (волости. — И. Б.) и села попленишa, а людей многых мечю и огневи предашa и иных в плен поведошa. Се имена тем градом, которые взяты: Брянеск, Почяп, Радогощ, Путивль, Любець и иные грады…» (30, 214). Ход северской войны известен лишь в самых общих чертах. «Очевидно, в это же время были заняты города: Мценск, Серпейск, Стародуб, Гомель, Любич, Новгород-Северский, Рыльск. По-видимому, к этому же времени относится переход к Москве князей Трубецких и Мосальских с городами и волостями» (55, 451).

Одновременно с действиями Якова Захарьича на юго-западе его брат Юрий Захарьич был послан Иваном через Вязьму в сторону Дорогобужа — крепости, находившейся в 80 верстах восточнее Смоленска, примерно на полпути между Смоленском и Вязьмой. «Они же, шедше, град Дорогобуж взяли» (30, 214).

Со взятием Дорогобужа перед москвичами открывалась прямая дорога на Смоленск. Этот древнейший русский город, упомянутый в «Повести временных лет» под 882 годом, всегда занимал ключевое положение в регионе. Смоленских князей можно было встретить и на киевском «золотом столе», и на почетном новгородском княжении. Чудом избежавший разгрома во время Батыева нашествия, Смоленск в XIII–XIV веках как бы уходит в тень. Местные князья пытаются распространить свою власть на чернигов-скобрянские земли, где сталкиваются с измельчавшими потомками святого Михаила Черниговского. Оказавшись во второй половине XIV века между литовским молотом и московской наковальней, Смоленск не смог сохранить самостоятельность. В 1404 году он перешел под власть Литвы. Отнять его у Гедиминовичей было заветной мечтой московских великих князей. Однако Иван III по своему обыкновению не спешил и хотел действовать наверняка. Из Твери, где весной 1500

года находилась в ожидании приказаний сильная резервная группировка московских войск, уже шел к Дорогобужу покоритель Вятки Даниил Васильевич Щеня. На северо-западе, в Великих Луках, размещалось еще одно готовое к действию сильное войско — новгородцы, псковичи, князья Федор Борисович Волоцкий и Иван Борисович Рузский, а также великокняжеские воеводы А. Ф. Челяднин и А. В. Оболенский.

Наконец московские полки были собраны воедино и готовы к выступлению. Но тут неожиданно взбунтовался Юрий Захарьич. Он был назначен воеводой в сторожевой полк, тогда как Даниил Щеня — в большой. Боярин усмотрел в этом унижение своей родовой чести и послал жалобу самому Ивану III. Несомненно, Кошкин держал в уме и то, что за год до начала литовской войны боярский клан Патрикеевых, представителем которого являлся и Даниил Щеня, попал в немилость к государю. Кое-кто сложил голову на плахе, а глава фамилии Иван Юрьевич Патрикеев вместе со своим сыном Василием Косым принужден был постричься в монахи. Вероятно, именно падение могущественных Патрикеевых и побудило Кошкина схватиться с Даниилом Щеней. Этот конфликт — первый в московской истории местнический спор. В XVI и XVII веках такого рода столкновения станут постоянной докукой российских самодержцев. Служебное положение того или иного лица, даже его место за царским столом должны были строго соответствовать заслугам и службам его предков. Аристократическое понятие о чести причудливо перемешивалось здесь с обычным карьеризмом.

В споре с Даниилом Щеней Юрий Захарьич проиграл. Иван III хорошо разбирался в людях и знал каждому истинную цену. И такими полководцами, как Щеня, он попусту не разбрасывался. В ответ на жалобу Кошкина государь прислал ему гневное послание, в котором требовал беспрекословно выполнять приказ. Обиженный воевода поскакал к своему сторожевому полку, памятуя грозные слова государевой грамоты: «Тебе стеречь не князя Даниила; стеречь тебе меня и моего дела. Каковы воеводы в большом полку, таковы чинят и в сторожевом; ино не сором быть тебе в сторожевом полку» (121, 27).

(Заметим, что это многозначительное выражение — «мое дело» — не раз встречается в распоряжениях Ивана III. За ним угадывается сокровенная тайна возвышения Москвы. Еще со времен Ивана Калиты московские Даниловичи ощущали себя избранниками высшей силы, исполнителями некоего провиденциального замысла. Их передававшееся от поколения к поколению «дело» — «собирание Руси», соблюдение чистоты православия.)

Между тем весть о падении Брянска и Дорогобужа заставила великого князя Литовского Александра принять срочные меры. Против «московитов» был послан с большим войском один из лучших полководцев — литовский гетман князь Константин Иванович Острожский. Узнав о том, что русская рать во главе с Юрием Захарьичем стоит где-то между Дорогобужем и Ельней, он устремился туда. Храброго гетмана не остановила и весть о подходе новых русских сил — полков Даниила Щени и изменивших великому князю Александру северских князей.

Два войска встретились на берегах речки Ведроши — неподалеку от современного села Алексин Дорогобужского района Смоленской области. Стремительной атакой Острожский опрокинул передовой отряд москвичей. Однако, увидев перед собой многочисленное основное войско, гетман остановился в нерешительности. Несколько дней обе рати простояли без движения. Их разделяла речка Троена (Роена, Рясна), к бассейну которой принадлежала Ведрошь.

Наконец гетман отдал приказ наступать. Во вторник 14 июля 1500 года его войско перешло через Тросну и напало на русских. От тяжкого топота могучих боевых коней задрожала земля. Заглушая страх пронзительным кличем атаки, помчались вперед обреченные всадники. Направляемые твердой рукой, сверкнули острия копий, выбирая место для смертоносного удара. Началось одно из крупнейших сражений в истории средневековой Руси…

Не мудрствуя лукаво доблестный Острожский повел свое войско в лобовую атаку. Именно этого терпеливо ждал Даниил Щеня. Предугадав действия литовцев, он использовал прием, с помощью которого за 120 лет перед тем Дмитрий Донской разгромил Мамая: скрытое расположение засадного полка.

Ожесточенная сеча длилась шесть часов. Ее исход решило внезапное появление засадного полка. Застоявшиеся в томительном ожидании воины ринулись на врага с удвоенной яростью. Их внезапное появление внесло смятение в ряды литовцев. Они дрогнули и начали отступать.

Предусмотрительный Щеня распорядился разрушить мост через Тросну. Многие литовцы не успели уйти на другой берег. Русские воины ловили их поодиночке, стараясь захватить живыми. Пленные, взятые в бою, считались в ту пору едва ли не самой ценной добычей. За тех, кто побогаче, можно было получить хороший выкуп от родственников, а неимущих — продать в рабство татарам. Разгром литовского войска был сокрушительным. Неподалеку от места основного сражения — «Митькова поля» — был взят в плен и сам Острожский.

Летописцы по достоинству оценили битву на Ведроши и

посвятили ей подробные сообщения: «Того же лета, месяца июля в 14 день, на память святаго апостола Акилы, великого князя Александра Литовского воеводы многые съ многыми людми пришли на великого князя воевод, на Юрья Захарьина и на иных воевод, и Божиею милостию прииде в ту пору князь Данило Васильевич Щеня со всею тверскою силою. И бысть им бой велик с Литвою на реце на Ведроше близ Елны. И поможе Бог великого князя воеводам: побиша Литвы бесчислено и многых воевод живых поймали и на Москву послали к великому князю: князя Костянтина Острожскаго, пана Григорья Остиковичя, пана Лютавора и пана Николаевых детей, воеводы Виленскаго, да Друцских князей и Мосальских князей, да Николая, Юрьева сына, Зиновьевича и иных многых» (30, 214).

Эта победа украсила не только боевую биографию Даниила Щени и его соратников, но и всю русскую военную историю. Масштабы сражения были для того времени весьма впечатляющими. С каждой стороны участвовало примерно по 40 тысяч воинов (55,454). Дикая сеча продолжалась около шести часов и под конец поле боя было сплошь покрыто телами павших. «И ступишася обои полцы на бою, и бишась до шти часов обои полцы, имающеся за руки, сечяхуся; и по удолиям кровь яко река лияся, в трупии конь не скочит…» (37, 99).

Сигизмунд Герберштейн в своей книге о России перечисляет важнейшие события ее истории. Среди них он упоминает и битву при Ведроши. При всей схематичности и неточности в деталях его рассказ об этом событии представляет большую историческую ценность, так как основан на воспоминаниях очевидцев.

«Когда оба войска подошли к некоей реке Ведроши, то литовцы, бывшие под предводительством Константина Острожского, окруженного огромным количеством вельмож и знати, разузнали от некоторых пленных о численности врагов и их вождях и возымели от этого крепкую надежду разбить врага. Далее, так как речка мешала столкновению, то с той и другой стороны стали искать переправы или брода. Раньше всего на противоположный берег переправились несколько московитов, вызывая литовцев на бой. Те, нимало не оробев, оказывают сопротивление, преследуют их, обращают в бегство и прогоняют за речку. Вслед за этим оба войска вступают в бой, и завязывается ожесточенное сражение. Во время этого сражения, которое с обеих сторон велось с равным воодушевлением и силой, помещенное в засаде войско, о существовании которого знали лишь немногие из русских, ударило с фланга в середину врагов. Пораженные страхом, литовцы разбегаются, их предводитель с большей частью свиты попадает в плен, прочие же в страхе

оставляют врагу лагерь и, сдавшись сами, сдают также крепости Дорогобуж, Торопец и Белую…

С упомянутыми литовскими пленными московит (Иван III. — *Н. Б.*) обошелся весьма жестоко, содержа их в самых тяжелых оковах, а с герцогом Константином (Острожским. — *Н. Б.*) повел переговоры, чтобы тот оставил своего природного господина и поступил на службу к нему. Так как у того не было иной надежды на освобождение, то он принял условие и был освобожден, связав себя самой страшной клятвой. Хотя ему затем были выделены соответственные его достоинству поместья и владения, однако его не удалось ни умилостивить, ни удержать ими, и при первом удобном случае он через непроходимые леса вернулся домой. Александр, король Польский и великий князь Литовский, всегда находивший более удовольствия в мире, чем в войне, оставил все области и крепости, занятые московитом, и довольствуясь освобождением своих, заключил с тестем мир» (4, 67).

Гонец, принесший весть о победе при Ведроши, примчался в Москву уже через три дня после сражения — в пятницу 17 июля 1500 года. Обрадованный князь Иван приказал устроить всенародное празднество. Многие обратили внимание и на знаменательное совпадение: литовцы были разбиты на Ведроши 14 июля — в тот самый день, когда москвичи разгромили новгородцев в битве на реке Шелони в 1471 году и покорили Казань в 1487 году. В ту эпоху такое совпадение могло быть истолковано как явное свидетельство богоугодное™ московского дела.

Довольный действиями своих воевод, Иван III изъявил им особую милость: прислал одного из бояр с наказом «спросить воевод о здоровье». Примечательно, что «первое слово» посланцу велено было обратить к возглавлявшему большой полк Даниилу Щене. Именно его государь считал главным героем битвы.

Сражение на Ведроши было главным, но далеко не единственным успехом Ивана III в летней кампании 1500 года. Выше уже говорилось об успешных действиях московских воевод в Северской земле. Помимо этого, наступление шло и на северо-западном направлении. 9 августа 1500 года отряд новгородцев и псковичей под началом тогдашнего моековского наместника во Пскове, известного полководца князя Александра Владимировича Ростовского, изгнал литовцев из Торопца — города-крепости на древнем порубежье новгородских, смоленских и полоцких земель. Псковская 3-я летопись, кратко сообщая об этом сражении, называет московского великого князя тем именем, с которым он по праву должен войти в историю, — Иван Великий: «Того же лета Торопець взял литовской князь Иоан Великий» (41, 224).

Подробный рассказ о сборе войск по приказу Ивана III и об участии псковичей в литовской войне сохранила Псковская 1-я летопись: «Тое же зиме (зима 1499/1500 года. — *Н. Б.*) прислал князь великий посла своего во Псков Микиту Аньгелова: чтобы отчина моя мне послужила на зятя своего на великого князя Александра короля, а *называли его милостивым* (курсив наш. — *Н. Б.*), на литовского. И псковичи не ослушалися великих князей Ивана Васильевича и Василья Ивановича (наследник был в 1499 году объявлен великим князем Новгорода и Пскова. — *Н. Б.*): князь псковской Александр Володимерович и посадники псковский и бояре и весь Псков порубившися (обязавшись. — *Н. Б.*) с десяти сох конь, а с сорока рублев конь и человек в доспехе, а бобыли пеши люди, и поехаша конная рать, человек на кони в доспехе на Литву князем великим у пособие.

В лето 7009-е. Приехал князь псковской Александр Володимеровичь и посадники псковский и псковичи, а были на государьскои службе в Литовской земли, и Торопец городок взяли; а приехали на Покров святей Богородицы вси здорови; а были там 11 недель» (40, 84).

В целом летняя кампания 1500 года принесла Ивану III большие успехи. Враг оказался бессилен перед небывалым могуществом Москвы. Летом и осенью этого года великий князь Литовский Александр «Милостивый» находился со своим двором в треугольнике Борисов — Витебск — Полоцк, на расстоянии двух-трех сотен верст от районов боевых действий. Однако он не решился лично повести войска на московитов. Ожидания подхода свежих сил оказались напрасными: польские и литовские войска были в это время заняты на юге борьбой с крымскими татарами. Заботливо взлелеянный Иваном III союз с «басурманином» Менгли-Гиреем вновь принес свои плоды…

Князь Иван хотел развить достигнутый успех. Зимой 1500/01 года он предполагал двинуть свои войска на Смоленск. Крымскому хану предложено было нанести отвлекающий удар по южным областям Литвы и Польши. Однако суровая зима и обильные снегопады не позволили осуществить задуманное.

Между тем Литва предпринимала все меры для борьбы с натиском московитов. Недостаток военных средств великий князь Александр не без успеха старался восполнить дипломатической активностью. Осенью 1500 года он направил в Крым к Менгли-Гирею своего посла с предложением заключить союз против Москвы. Александр убеждал хана в том, что его союз с Иваном III может плохо кончиться, так как нельзя ожидать искренней дружбы от того, чьи предки были холопами у предков Менгли-

Гирея. «А хто перед тым твоим предком холопом ся писывал, тот ныне тобе вже братом ся называет!» — язвительно замечает литовский князь (55, 461). Одновременно он предлагал выплачивать хану ежегодную дань с южных районов Великого княжества Литовского. Однако Менгли-Гирей не прислушался к литовским речам и сохранил верность союзу с Москвой.

В начале 1501 года Москву посетили послы польского короля Яна Ольбрахта и венгерского короля Владислава Ягеллона (родных братьев великого князя Литовского Александра). Оба короля решительно требовали от Ивана III прекращения войны с Литвой. Одновременно Александр старался натравить на Москву и Крым своих союзников — Большую Орду, Ногайскую орду и Ливонский орден. Еще летом 1500 года ногайцы атаковали Казань. Большая Орда весной 1501 года напала на владения крымского хана Менгли-Гирея. Летом 1501 года Менгли-Гирей развернул свои силы на восток, против «Ахматовых детей», а Иван вынужден был бросить часть своих полков на помощь союзнику. Тогда же московские войска были отправлены и на северо-запад, где резко обострились отношения с Ливонским орденом. Между тем 17 июня 1501 года умер польский король Ян Ольбрахт, и Александр Казимирович осенью того же года унаследовал корону брата. Можно было ожидать, что теперь военный потенциал Литвы будет усилен польскими полками.

В этой неопределенной и тревожной ситуации Иван III решил не спешить. Боевые действия в отношении Литвы летом 1501 года почти не велись. Лишь поздней осенью Иван погнал своих новых «служилых князей» Василия Шемячича и Семена Можайского в поход на Мстиславль. Этот древний город, расположенный в 90 км к югу от Смоленска, мог послужить отличным плацдармом для задуманного великим князем наступления на Смоленск.

Усиленная московскими полками с воеводами князем Александром Владимировичем Ростовским (только что отозванным из Пскова), Семеном Ивановичем Воронцовым и Григорием Федоровичем Давыдовым, рать Василия Шемячича выступила в поход. 4 ноября 1501 года под стенами Мстиславля произошло кровопролитное сражение. Большое литовское войско, которым командовали князь Михаиле Ижеславский (отец князя Федора Мстиславского, выехавшего в 1526 году на московскую службу и ставшего родоначальником знаменитого в российской истории XVI–XVII веков семейства князей Мстиславских) и воевода Остафий Дашкович, потерпело поражение. «…И Божиею милостию одолеша полци великого князя Ивана Васильевича Московстии, и многих Литвы изсекоша, тысяч с семь, а иных многих поимаша, и знамена их поимаша, а князь Михайло едва

утече в град; и воеводы великого князя поидоша, постояв у града, землю чиниша пусту, и възвратишася к Москве съ многим пленом» (19, 241). Бодрый тон летописца не может скрыть того факта, что, увлекшись грабежом беззащитных волостей, воеводы так и не сумели овладеть самим городом Мстиславлем. Южный плацдарм для наступления на Смоленск создать не удалось. (Отчасти это объяснялось тем, что значительная часть московских боевых сил была брошена в это время под Псков для отражения ливонцев, заключивших союз с Литвой.)

Новая вспышка московско-литовского противостояния произошла летом 1502 года. Крымский хан окончательно разгромил своего давнего врага хана Большой Орды Ших-Ахмеда и после этого совершил опустошительный набег на Правобережную Украину и некоторые районы Польши. Молдавский господарь Стефан также воспользовался ситуацией и отнял у Польши и Литвы ряд городов на Днестре. В этих условиях Иван III решил, что настало время взять Смоленск.

Этот город имел огромное стратегическое значение. Отсюда открывались торные дороги на юг (в Среднее Поднепровье) и на запад (к Орше, Витебску, Могилеву и далее — к Минску и Вильно). Учитывая ключевое значение Смоленска, литовцы тщательно укрепили его и держали здесь сильный гарнизон.

В июле 1502 года из Москвы на Смоленск двинулась большая армия во главе которой Иван III поставил своего третьего сына от Софьи Палеолог Дмитрия Жилку. Это неожиданное решение, очевидно, было продиктовано крайне сложными семейными отношениями московского великого князя. Он не вполне доверял своему старшему сыну Василию, но вместе с тем опасался соперничества между ним и вторым сыном — Юрием. Дмитрию Жилке тогда было 20 лет. Ни в этом походе, ни в других он не отличился полководческими дарованиями. Под начало ему отец дал своих опытных воевод — князя Василия Даниловича Холмского (сына покорителя Новгорода), Якова Захарьича Кошкина «и иных воевод своих и многое множество воиньства, да и посошные (пехота. — *Н. Б.*) с ними были» (30, 214). Войска начали движение к Смоленску в субботу, 2 июля (30, 214). Это был праздник Положения ризы Пресвятой Богородицы во Влахерне. Богородица издавна считалась небесной покровительницей Москвы. Празднику Положения ризы была посвящена домовая церковь московских митрополитов.

Сам главнокомандующий, как обычно, выехал из Москвы с последним эшелоном уходящих войск. Это произошло в четверг, 14 июля, — день, памятный победой на Шелони в 1471 году, взятием Казани в 1487 году и победой на Ведроши в 1500 году

(19, 242). Выстраивая собственную цепь знаменательных дат, москвичи словно старались пересилить те дурные предзнаменования в природе, которыми изобиловали лето и осень 1502 года. «Того же лета лето все непогоже: бури великие, и хоромы рвало, и древне ис кореніа рвало, и дожди шли великие. И осень была вся непогожа же: и хлебу был нерод и ржем и ярем (озимым и яровым посевам. — *Н. Б.*), многые люди и семен не собрашя, а то непогодие стояло и до Николина дни (6 декабря. — *Н. Б.*)».

Осада Смоленска началась в конце июля и продолжалась до Воздвижения (14 сентября). Под стены крепости (по-видимому, каменные) были стянуты огромные силы, включая полки северских князей Василия Шемячича и Семена Можайского, отряды из Рязани и Волоцкого удела. Однако все оказалось напрасным. «А граду учиниша зла много и людей под градом побиша много, а волости и села повоеваша и пограбиша и пожгоша и полону выведоша множество бесчислено и поидоша прочь, а града не взяша» (30, 214). Отход московского войска несколько напоминал бегство: с запада к Смоленску подходило большое литовское войско, усиленное иностранными наемниками (81, 192).

Обратный путь московской рати от Смоленска по раскисшим от непрерывных дождей осенним дорогам был труден и долог. Дмитрий Жилка вернулся в Москву лишь через месяц и неделю после прекращения осады — 23 октября 1502 года. Судя по тому, что для его въезда был избран воекресный день, Иван III старался придать встрече должную торжественность и убедить народ в успехе смоленской кампании. Однако это было лишь «хорошей миной при плохой игре»…

Итак, первая попытка московских князей овладеть Смоленском закончилась неудачей. Это была одна из самых крупных военных неудач за все время пребывания Ивана III на московском престоле. Избалованный длинной чередой побед, он тяжело переживал случившееся. Очевидно, Иван винил прежде всего самого себя: он не сделал необходимых выводов из неудачной осады Мстиславля осенью 1501 года. Полевые сражения вообще удавались москвичам гораздо лучше, нежели требовавшая сильной артиллерии и четкого взаимодействия всех полков осада крепостей.

В смоленской «конфузии» отчетливо дала о себе знать и слабая дисциплина московских воинов. Добравшись до богатой и многолюдной литовской земли, они, вместо того чтобы идти на штурм мощной крепости, рассыпались по окрестностям и

принялись за грабежи. Надо полагать, что дурной пример подавали северские князья, чувствовавшие себя весьма независимо по отношению к московским воеводам. В этой ситуации воеводы не смогли унять своих ратников и, кажется, махнув рукой, также предались увлекательной охоте за пленными. Всю эту вакханалию грабежа и самоуправства могла остановить только железная рука главнокомандующего. Однако Дмитрий Жилка явно не годился на роль диктатора. Все, что он смог сделать, — это нажаловаться отцу по возвращении в Москву. «Приидоша же на Москву, и пожаловася отцу своему: многые дети боярские подступали под град и в волости отъежщаа грабили без его ведома, а его не послушашя». Запоздалые свирепые кары обрушились на головы ослушников. «За то князь великый въсполеся (разгневался. — *Н. Б.*) на тех детей боярских и многых велел поимати да велел и казнити, по торгу водя, велел кнутьем бити, а многых велел в тюрму пометати» (30, 215). Примечательно, что ни один из воевод наказан не был.

Необычная для Ивана мягкость в отношении провинившихся воевод имела свои причины. Великий князь уже чувствовал, что его жизненный путь близится к концу. Наступало время старости и немощи. Он лихорадочно искал наилучшего решения сложного вопроса о престолонаследии. При дворе шла глухая борьба боярских кланов. В воздухе запахло новой династической смутой. В эти сумеречные времена Иван не хотел портить отношения со своим «генералитетом»…

Зима 1502/03 года стала столь же горячим временем для дипломатов, как минувшее лето — для воинов. 29 декабря 1502 года в Москву пожаловал посол от венгерского короля Владислава Ягеллона Сигизмунд Сантай. От имени своего короля, а также от имени римского папы Александра VI он призвал князя Ивана к миру с Литвой и вступлению в антитурецкую коалицию. Не получив определенного ответа, венгерский посол остался ждать прибытия литовской делегации. Жизнь его в Москве была, надо сказать, нелегкой. Согласно местному обычаю, он должен был бражничать с боярами, которым предписано было спаивать посла и выведывать у него всякие полезные сведения. Для непривычного к московскому гостеприимству венгра дело кончилось тем, что после одного из таких застолий он на другое утро не смог даже явиться на прием во дворец. «И ел (посол. — *Н. Б.*) того дни у великого князя; а после стола князь велики посылал его пойти Михаила Андреева сына Плещеева да с ним Третьяка Долматова. И посол тое ночи пьян розшибся, да за немочью, с Королевыми речами не был, а был у великого князя с Королевыми речми толмач королев Юрьи…» (9, 346).

В марте на Боровицкий холм въехало и долгожданное посольство великого князя Александра Казимировича, вместе с которым прибыли и представители Ливонского ордена. На все требования литовцев о возвращении захваченных москвичами территорий Иван III через своих бояр отвечал несокрушимым аргументом: вся Русская земля является его наследственной вотчиной. Литовские послы привезли Ивану и послание от дочери. Несчастная Елена Ивановна (теперь уже не только великая княгиня Литовская, но и королева Польская), именуя себя перед отцом «служебница и девка твоа», умоляла Ивана прекратить войну с Литвой. При польском дворе был пущен слух, что именно из-за ее жалоб «государь всея Руси» начал военные действия с Литвой. Королеву окружала всеобщая ненависть. «И о том до тебе государя и отца моего широко челом биючи, у своей грамоте писала есми, с великих своих слез и тяжкое жалости, видячи гнев и нежитие промежку тебя государя и отца моего и межи государя и мужа моего, а наиболей слышачи, чтожъ со всех сторон тые слова говорят, будто тое крово-пролитье ни ким ся не деет, толко мною: мило деи отцу дитя; коли бы деи она не хотела, николи бы того не было» (9, 368). Великий князь был не из тех, кого могли свернуть с пути женские слезы, даже если это были слезы его родной дочери. Однако и без этого дело явно шло к миру с Литвой.

Обеим странам нужен был мир для решения внутренних проблем.

Отчаявшись выторговать у Ивана хоть что-нибудь, литовские послы вышли из тупика с помощью дипломатической казуистики. В марте 1503 года между Москвой и Вильно было заключено перемирие сроком на шесть лет — «от Благовещениева дни (25 марта 1503 года. — *Н. Б.*) до Благовещениева дни (25 марта 1509 года. — *Н. Б.*)» (19, 243). Вопрос о принадлежности захваченных Иваном земель, площадь которых составляла около трети всей территории Великого княжества Литовского, оставался открытым. Литва продолжала считать их своими. Однако фактически они оставались в составе Московского государства.

Формальным завершением переговоров было клятвенное утверждение текста договора государем 2 апреля 1503 года. Эту церемонию так описывает С. М. Соловьев: «…По написании двух грамот с обеих сторон и привешении к ним печатей бояре отнесли литовскую грамоту к великому князю, который, осмотревши посольские печати у нее, велел послам быть у себя; когда послы пришли, то он велел им сесть и послал за крестом; крест принесли на блюде с пеленою. Тогда великий князь встал, велел одному из бояр держать крест и в то же время приказал

читать перемирные грамоты. Когда грамоты прочли и положили под крест, Иоанн, обратясь к послам, сказал: „Паны! Мы с братом своим и зятем Александром, королем и великим князем, заключили перемирье на шесть лет и грамоты перемирные написали, и печати свои к своей грамоте привесили, а вы к королевскому слову, к той грамоте, которой у вас быть, печати свои привесили. Мы на этих грамотах крест целуем, что хотим править так, как в грамотах писано. А вы на этих грамотах целуйте крест, что как будут у нашего брата наши бояре, то брат наш и зять к своей грамоте печать свою привесит и крест поцелует пред нашими боярами, отдаст им перемирную грамоту и будет править по ней; а не станет нам править, то Бог нас с ним рассудит“. Великий князь и послы поцеловали крест» (146, 201; 9, 405).

«Благовещенское» перемирие с Литвой стало новым впечатляющим успехом внешней политики «государя всея Руси». «Под власть Ивана III (формально на „перемирные лета“) на юго-западе переходили Стародубское и Новгород-Северское княжества, земли князей Мосальских и Трубецких и ряд городов (в их числе — Брянск и Мценск). На центральном участке порубежья Россия приобретала Дорогобуж, а на северо-западе — Торопец и Белый» (81, 195). Помимо этого король Александр вновь, как и в договоре 1494 года, называл князя Ивана «государем всея Руси»…

Иван III смотрел на перемирие с Литвой как на краткую передышку, необходимую Москве для прочного освоения захваченных территорий и подготовки к новому прыжку. Об этом он с холодным цинизмом говорил в своем наказе московскому послу, отправлявшемуся в 1503 году к крымскому хану Менгли-Гирею: «Если Менгли-Гирей захочет идти на Литовскую землю, то не отговаривать, только нейти самому (послу. — *Н. Б.*) с татарским войском. Если приедут литовские послы в Крым за перемирием, то говорить Менгли-Гирею, чтобы он не мирился, а если он скажет, что великий князь перемирье взял, то отвечать: „Великому князю с литовским прочного миру нет; литовский хочет у великого князя тех городов и земель, что у него взяты, а князь великий хочет у него своей отчины, всей Русской земли; взял же с ним теперь перемирье для того, чтобы люди поотдохнули да чтоб взятые города за собою укрепить: которые были пожжены, те он снова оградил, иные детям своим отдал, в других воевод посажал, а которые люди были недобры, тех он вывел да все города насадил своими людьми… С кем Александру стоять? Ведома нам литовская сила!“» (146, 122).

Московская экспансия в западном и юго-западном

направлении возобновилась через пять лет после заключения «Благовещенского» перемирия. Однако эту задачу пришлось решать уже наследнику Ивана Великого, Василию III. Все главные действующие лица предшествующего акта московско-литовского противостояния один за другим сошли в могилу. В апреле 1505 года умерла Софья Палеолог, а в октябре того же года за ней последовал и сам великий князь Иван Васильевич. В августе следующего года скончался великий князь Литовский Александр Казимирович, оставив оба престола своему брату Сигизмунду I Старшему (1506–1548). Несчастная православная королева Елена Ивановна, чья жизнь и счастье стали разменной монетой в большой политической игре, после кончины мужа прожила в Вильно еще шесть лет. В 1512 году она предприняла неудачную попытку бежать в Москву. После этого король Сигизмунд I приказал заточить ее в темницу, где она и умерла 20 января 1513 года в возрасте 36 лет.

Новое поколение правителей вступило на историческую сцену. Василий III следовал заветам отца. В 1514 году московские войска штурмом взяли Смоленск. Продвинуться дальше, на территорию современной Белоруссии, им не удалось из-за сильного сопротивления литовско-польских войск. Граница установилась немного западнее Смоленска. Такой она оставалась до Смутного времени. Утратив Смоленскую землю в 1610 году, Россия сумела вернуть ее лишь по Андрусовскому миру с Речью Посполитой в 1667 году. Что же касается Белоруссии и собственно Литвы, то они вошли в состав Российской империи только в царствование Екатерины II (1762–1796).

Долго не удавалось преемникам Ивана III и дальнейшее продвижение на Украину. Киев перешел под власть Москвы (с некоторыми оговорками) лишь по Андрусовскому миру 1667 года. Правобережная Украина, как и Белоруссия, была включена в состав России в ходе трех разделов Польши (1772, 1793 и 1795 годов) при Екатерине И.

Таким образом, Иван Великий отодвинул границу России на запад и юго-запад так значительно, как ни один из носителей российской короны вплоть до Екатерины Великой. Однако в этой «бочке меда» была своя «ложка дегтя». Московская экспансия консолидировала ее геополитических соперников. Ненависть к «московитам» становилась общим местом во внешней политике и общественном мнении западных соседей России. Для самой Москвы каждый новый шаг навстречу Европе был связан с угрозой «тлетворного влияния Запада». Основанная на азиатских по сути своей принципах, московская монархия была несовместима с западноевропейской системой ценностей. Не следует понимать

это бесспорное положение как охуление нашего Отечества. Речь идет о типологически ином пути развития российского общества — пути, единственно возможном и по-своему продуктивном. Однако добровольная культурная изоляция России, позволявшая ей сохранять свою целостность и самобытность, постоянно наталкивалась на искушение заглянуть за «железный занавес», вкусить запретного плода европейской цивилизации. Последствия такого любопытства обычно бывали тяжелыми для смельчака.

Российское правительство издавна смотрело на Запад с опаской, интуитивно угадывая в нем врага. И дело заключалось не только в военной тяжбе. Запад коварно предлагал России свою систему ценностей, сознавая ее губительность для великой евразийской монархии. В тех случаях, когда насущная необходимость заставляла российское правительство пользоваться материальными достижениями Запада, оно ревниво следило за тем, чтобы «вместе с водой не зачерпнуть и жабу».

Русские в глубине души всегда считали себя народом, избранным Богом, и с этой верой одерживали великие победы. Однако бремя исторического одиночества порой становилось невыносимым. Попытки сближения с Западом были для России столь же естественными, сколь и необходимыми. Российское «западничество», несмотря на его внешнюю нелепость и беспочвенность, по существу, совершенно необходимо для нормального роста общественного организма. Оно является важным компонентом той уникальной смеси противоречий, которую со времен Ивана III стали называть Россией.

Иван Великий преподал нации весьма полезный урок. Несомненно, он много размышлял над тем, что есть Россия. Он научил своих соотечественников не бояться ни Востока, ни Запада. Но он же оставил недоумевающую Россию на вечном распутье между Европой и Азией.

ГЛАВА 13 Прибалтика

Никто не считает, что он надежно владеет тем, что у него есть, не приобретая большего.

Никколо Макиавелли

В последние десять лет своей жизни Иван Великий начинает наступление в Прибалтике. К этому вела внутренняя логика его достижений и замыслов. Взяв под свою опеку Псков (1460 год) и овладев Новгородом, московские великие князья неизбежно втягивались в тот сложный расклад военно-политических и торговых интересов, который существовал в регионе.

Интерес к балтийским делам подогревался и фискальными соображениями. Постоянные войны, которые вело Московское государство при Иване III, а также работы по строительству новых крепостей и вооружению армии огнестрельным оружием, требовали огромных средств. Великому князю, при всех его многократно возросших доходах, вечно не хватало денег. Одним из главных источников пополнения казны являлась балтийская торговля. (Торговля с Литвой была тогда довольно вялой, так как товары, предлагаемые к продаже той и другой стороной, были примерно одинаковыми. Немногим лучше шла и южная торговля, сдерживаемая риском степных транзитов и бедностью кочевников.) Однако доходы эти существенно ограничивались теми унизительными условиями, в которые были поставлены русские купцы. Не имея собственного морского флота (создание которого стало возможным для России только во времена Петра Великого), русские вынуждены были продавать свои товары за бесценок иноземным купцам на новгородском или псковском торге. Более того, русское купечество оказалось в тягостной зависимости от перекупщиков — предприимчивых торговых людей из Ревеля, Дерпта и Нарвы. Заручившись поддержкой Ганзы — могущественного союза торговых городов Балтийского моря, — они не позволяли никому покупать товары непосредственно у новгородских или псковских купцов. Русские вынуждены были продавать свои товары главным образом через Ливонию, неся при этом огромные убытки.

Даже объединив свои усилия (что само по себе было весьма проблематично), Новгород и Псков не могли добиться пересмотра тягостных условий принудительного ливонского посредничества. За спиной перекупщиков стояла не только Ганза, но и всегда

готовые к войне рыцари Ливонского ордена. Союзницей Ордена в борьбе с Москвой могла выступить Литва. Появления русских на балтийских морских путях не желала и Швеция. Довольно противоречивую позицию (как показали события) занимала Дания, искавшая союзников для борьбы со Швецией, но при этом также не заинтересованная в русском присутствии на Балтике. Таким образом, решение нарвской проблемы могло быть достигнуто лишь в результате существенного роста военного потенциала Московского государства, а также его успешного сотрудничества с теми или иными участниками балтийского сообщества.

Балтийская политика Ивана III может быть правильно понята только с помощью некоторого экскурса в историю вопроса.

Территория современной Латвии и Эстонии, населенная местными племенами ливов и эстов, в конце XII века привлекла внимание немецкого купечества и католического духовенства. Пришельцы построили здесь каменные замки и призвали местное население к обращению в христианство. В устье Западной Двины в 1201 году был основан город Рига. Он быстро становится крупным торговым центром и одновременно местопребыванием епископов Ливонии. Для силовой поддержки католической экспансии в 1202 году с благословения папы Иннокентия III был создан рыцарский Орден меченосцев. (Примером для нового ордена мог послужить созданный в конце XII века тем же Иннокентием III Тевтонский рыцарский орден, развернувший с 1226 года активную деятельность в польском Поморье и Пруссии.) Члены Ордена меченосцев имели особую униформу — плащи с изображением красного меча и креста. Во главе Ордена стоял избиравшийся «братьями» магистр. Сами «братья» — высший слой орденского сообщества — должны были непременно иметь рыцарское звание не менее чем во втором поколении. При вступлении в Орден рыцари давали три монашеских обета — нестяжания, послушания и целомудрия. Единственной целью их жизни провозглашалась борьба с врагами христианства.

Для более энергичного освоения Ливонии рижский епископ пригласил датчан. Датский король Вальдемар II Победоносный (1202–1241) покорил племена, населявшие современную северную Эстонию, ив 1219 году построил крепость — историческое ядро современного города Таллина. (Русские называли этот город Колывань, а немцы — Ревель.

Название Таллин по-эстонски означает «датский город».) В 1227 году Ревель захватывают рыцари Ордена меченосцев, которые спешат поставить на холме каменный замок. Через три года у подножия замковой горы появляются около двухсот

немецких переселенцев с острова Готланд. Они строят здесь церковь святого Николая — покровителя купцов и путешественников. В 1238 году Ревель вновь переходит под власть датчан, а через десять лет как значительный торговый центр вступает в Ганзейскую лигу. Помимо немцев, шведов и датчан, в городе особой слободкой проживали и русские купцы. В 1265 году начинается строительство каменной стены вокруг Нижнего города — торгово-ремесленной части Ревеля.

Помимо Ревеля, датчане выстроили на севере Ливонии еще несколько каменных замков, среди которых выделялся Раковор (современный город Раквере) и Нарва.

Устав от борьбы с рыцарями за власть над северной Эстонией, Дания в 1346 году продает Тевтонскому ордену эти территории за несколько сотен килограммов серебра. Отныне хозяином положения в регионе становится Тевтонский орден, в состав которого в 1237 году вошел и Орден меченосцев. (Впрочем, объединение тевтонских «братьев» на территории современной Латвии и Эстонии вскоре стало вполне автономным и потому получило в литературе особое название — Ливонский орден.) Власть в Ливонии Орден делил с католическими епископами (дерптским, рижским, курляндским и эзельским), а также с магистратами крупнейших торговых городов.

Из Риги рыцари и католические прелаты начинают экспансию на северо-восток. В 1211 году было учреждено особое эстонское епископство. Его центром поначалу была крепость Оденпе (современный город Отепя на юго-востоке Эстонии). Однако в 1223 году меченосцы взяли штурмом древний русский город Юрьев (современный Тарту, немецкое название — Дерпт), основанный еще Ярославом Мудрым в 1030 году. Сюда, к самым границам русских земель, в 1234 году была перенесена резиденция эстонского епископа.

Увлекшись относительно быстрым продвижением на восток, крестоносцы попытались завладеть Псковом. Однако здесь они столкнулись с сильным сопротивлением Новгорода и стоявших за ним великих князей Владимирских. Поражение на льду Чудского озера в апреле 1242 года убедило рыцарей в том, что они достигли пределов возможного. Отныне граница между русскими землями и завоевателями на несколько веков установилась по реке Нарве, Чудскому озеру и далее верст на двести к югу вдоль линии, продолжающей линию западного берега Чудского озера.

Отношение русских к датско-немецкой агрессии в Прибалтике определялось целым рядом обстоятельств.

Русская экспансия в земли эстов и ливов началась, кажется, еще во времена Ярослава Мудрого. Однако она носила довольно

вялый характер. Речь шла главным образом о том, чтобы заставить местных жителей платить дань новгородским или полоцким князьям, а также не препятствовать русским купцам свободно выходить к Балтийскому морю по Западной Двине и речным путям современной Эстонии. Для контроля над регионом русские строят здесь несколько крепостей. Этого было достаточно для того, чтобы держать в повиновении ливов и эстов. Однако, столкнувшись в начале XIII века с методичной и всесторонне продуманной крестоносной агрессией, русские князья вынуждены были отступить обратно на восток.

Ни Новгород, ни Псков, ни Полоцк (до его захвата литовцами в 1307 году) не имели достаточного военного потенциала для изгнания из Ливонии крестоносцев. Даже в том случае, когда русским удавалось выиграть у рыцарей полевое сражение (а таких примеров немало), они не могли закрепиться в Ливонии, так как для этого требовалось возведение мощных каменных укреплений и хозяйственное освоение территории. Поэтому все русские походы в Ливонию в XIII–XV веках носили характер обычных набегов с целью грабежа и захвата пленных. А это, в свою очередь, определяло отношение к русским местного населения.

Опорными точками датско-немецкого присутствия в регионе служили мощные каменные замки. Русские вплоть до XVI столетия не имели достаточных сил и средств для их взятия.

Наконец, сама идея завоевания Ливонии и изгнания оттуда пришельцев весьма неоднозначно расценивалась боярскими кланами Новгорода и Пскова. Война с Орденом неизменно сопровождалась большими убытками для русского купечества. Налаженные торговые связи обрывались. Товары оставались нераспроданными. Русские купцы в прибалтийских городах подвергались репрессиям со стороны местных властей. Даже завоевав Ливонию, русские в ту пору едва ли смогли бы наладить в ее портах морскую торговлю так, как это умели делать немцы, датчане и шведы. Ответом на русскую экспансию мог стать торговый бойкот. С другой стороны, Орден очень быстро становится необходимым элементом разного рода военно-политических союзов, заключавшихся Новгородом и Псковом. С его помощью боярские республики сдерживали натиск Литвы, а иногда и мстили друг другу. В итоге до Ивана Грозного никто не ставил всерьез задачи полной ликвидации этого своеобразного государственно-политического образования. Однако разграбить его мечтали все.

Маленькая Ливония, с ее богатыми городами, сытыми крестьянами и гордыми рыцарями, пять веков была вожделенной добычей для «русского медведя». Однако добыть ее он смог

только тогда, когда отчасти утратил свой медвежий облик и менталитет. Сокровенная сила Ливонии состояла в том, что она была как бы вершиной айсберга, имя которому — европейская цивилизация.

«Ливонский вопрос» тесно переплетался с давними проблемами русско-литовских, русско-польских и русско-шведских отношений. Владения Тевтонского ордена широкой полосой тянулись вдоль южного и восточного побережья Балтийского моря. «Братья» оттеснили от моря не только русских, но также литовцев и поляков. Их экспансия на юг приводила к постоянным войнам с Польшей и особенно — с Великим княжеством Литовским. Объединение сил этих двух государств (Кревская уния 1385 года) позволило нанести Ордену тяжелое поражение в битве под Грюнвальдом (1410 год). Новое противостояние Ордена с Польшей имело место в середине XV столетия. Согласно условиям Торунского мира (1466 год), завершившего так называемую Тринадцатилетнюю войну (1454–1466), Орден признавал себя вассалом польского короля и передавал Польше все свои западные владения. Столица его перемещалась из Мариенбурга (Мальборка) в Кенигсберг. Польша «вернула себе непосредственный доступ к Балтийскому морю и получила благодаря этому широкие возможности для ведения экспортной и импортной торговли со странами Западной и Северной Европы. Висла на всем ее протяжении стала польской рекой. По ней и ее притокам сплавлялась продукция со всех концов Польши в Гданьск, откуда морем она шла в порты Западной Европы» (84, 156).

Условия Торунского мира позволяли Польше и Литве выступить в роли законных наследников владений Ливонского ордена в случае его кончины. Иными словами, отныне большая война с Орденом означала бы для Москвы и войну с польско-литовским государством.

Ситуация вокруг Ливонии еще более усложнялась «шведским фактором». В XII столетии шведы захватывают и осваивают Финляндию. В начале XIII века они уже выходят к Ладожскому озеру и Карельскому перешейку. Опасность нависает над устьем Невы. В случае его захвата шведами Новгород терял свой главный выход к морю. Отсюда — необыкновенно решительное сопротивление новгородцев шведской экспансии, наиболее ярким эпизодом которого стала знаменитая битва на Неве в 1240 году. Успехи Александра Невского приостановили натиск шведов и вдохновили новгородцев на смелые контрудары. Для борьбы с набегами русских шведы построили в 1293 году мощную каменную крепость Выборг. «С постройкой Выборгского замка

шведы закрепились в основном стратегическом центре западной части Карелии у выхода к морю важнейшего для всей Карелии вуоксинского водного пути; в результате вуоксинский путь (связывавший Ладожское озеро с Финским заливом. — *Н. Б.*) попал под шведский контроль» (166,229). Новгородцы тщетно пытались выбить шведов из Выборга. Даже грандиозный поход 1322 года, во главе которого стоял великий князь Владимирский Юрий Данилович, не принес успеха. Каменная твердыня оставалась неприступной. Однако столь же безуспешными были и попытки шведов продвинуться дальше на юг и поставить свою крепость прямо в устье Невы, на месте современного Петербурга. Дело окончилось заключением в 1323 году Ореховецкого договора. Устье Невы оставалось за Новгородом, который брал на себя обязательство обеспечивать безопасность иностранных купцов, направлявшихся в город как по суше, так и водным путем. Эта граница русских земель со Швецией соответствовала реальному соотношению сил и потому сохранялась неизменной несколько веков.

Во второй половине XIV — первой половине XV века отношения Новгорода и Пскова с западными соседями становятся более спокойными. Довольно частые пограничные стычки не могут изменить общей картины: стороны пришли к некоему устойчивому равновесию, нарушать которое просто не имело смысла. Это равновесие исчезло только тогда, когда оправившаяся после династической смуты Москва начинает быстро увеличивать свое военно-политическое присутствие в регионе.

Уже в 1463 году, ощутив за спиной Пскова мощную поддержку Москвы, Орден заключил с русскими перемирие на девять лет. Одним из его условий было возобновление уплаты дерптским епископом особой символической дани великому князю Владимирскому — напоминания о прежней принадлежности города к Древнерусскому государству.

В 1469 году немцы, нарушив перемирие, возобновили войну со Псковом. В 1471 году магистр Ордена перенес свою резиденцию из Риги в замок Феллин (в русских летописях — Вельяд, на современной карте Эстонии — город Вильянди), от которого насчитывалось не более 120 верст до русской границы. Псковичи вновь обратились за помощью к Москве. Иван III отправил им на подмогу своего лучшего полководца князя Данилу Дмитриевича Холмского с большим войском. Устрашенные перспективой опустошительного нашествия, немцы в 1474 году поспешили заключить мир со Псковом на тридцать лет, уступив при этом все спорные территории.

В 1480–1482 годах вновь шли военные действия между немцами и Псковом. На помощь псковичам Иван III в 1481 году посылал своих воевод Ярослава Васильевича Оболенского и Ивана Булгака, а также новгородскую рать. Общая численность собранных сил превышала 20 тысяч человек. Около месяца русские войска разоряли Ливонию, захватив при этом два города: Феллин (но не сам замок) и Тарваст. В итоге дерптский епископ и Орден прислали в Новгород своих представителей, которые и заключили новый мир с Иваном III сроком на десять лет. Нарушать этот мир немцы уже не отважились, и он действовал до истечения срока договора.

В отношениях с Орденом и дерптским епископом князь Иван предусмотрительно сохранил старый порядок, согласно которому немцы по всем вопросам обращались не прямо к великому князю в Москву, а к его новгородским наместникам. Этот рудимент прежней новгородской самостоятельности нужен был Ивану для того, чтобы понизить статус ливонских послов на переговорах. Когда немцы весной 1503 года попытались напрямую предъявить государю свои требования и с этой целью прибыли в Москву, Иван поначалу просто отказался с ними разговаривать. Желая любой ценой сохранить мир с московским самодержцем, немцы согласились даже называть его в официальных документах «царем». Вероятно, они знали, какое большое значение князь Иван придает своему титулу. В отличие от короля Казимира IV и его сыновей, ливонцы не придавали этому сюжету особого значения и, кажется, готовы были назвать московита как угодно, лишь бы избежать его гнева.

В начале 90-х годов в северо-западной политике Ивана III определяются новые задачи. От защиты новгородских и псковских земель и контрударов по ливонским землям он переходит к гораздо более сложному вопросу: избавлению русской торговли на Балтике от непрошеного и дорогостоящего посредничества со стороны Ганзейского союза. Воодушевленный своими успехами в деле объединения русских земель, избавленный от необходимости постоянной оглядки на татар, Иван берется за дело, которое требовало широкого кругозора, хорошего знания всех тонкостей политических отношений на севере Европы. Несомненно, здесь сказалась и некоторая самоуверенность, с возрастом приобретенная московским государем.

Подходил к концу 1491 год. В следующем году истекал срок десятилетнего перемирия, заключенного Иваном с ливонцами. Немцы явно хотели продлить мир. Однако на всякий случай великий князь выстроил в Новгороде новую каменную крепость. (Ее строительство завершилось осенью 1491 года.) Продолжалась

война с Литвой, уже принесшая Ивану немалые успехи. Летом 1492 года в Москве узнали о кончине короля Казимира. В связи с этим Иван питал надежды на ослабление польско-литовского союза и начало смут в самой Литве.

Именно в это благоприятное для Москвы время великий князь начал едва ли не самое амбициозное из своих предприятий — строительство первого русского города-порта на Балтийском море.

Под 7000-м годом от Сотворения мира (1 сентября 1491 — 31 августа 1492 года) московские летописцы среди прочих новостей помещают и следующее известие: «Тое же весны повелением великого князя Ивана Васильевича заложиша град на немецком рубеже на реце на Нарове против Ругодева немецкого города (Нарвы. — *Н. Б.*) на Девичье горе на Слуде четвероуголено, и нарече ему имя Иваньград во свое имя» (31, 333).

Понятно, что приготовления к строительству начались еще зимой 1491/92 года. Только «по зимнему пути», на санях можно было перевозить к месту закладки крепости тяжелые камни и бревна. Очевидно, к Нарве были посланы те самые мастера, которые осенью 1491 года закончили строительство крепости в Новгороде.

Ивангород был поставлен на русской земле. Немцы не имели никаких формальных оснований для протеста. Однако они, конечно, хорошо понимали, какие плачевные последствия может иметь для них московский проект. Ревель и Дерпт, крупнейшие города Ливонии, были членами Ганзейского союза. Нарва формально не входила в лигу. Однако благосостояние всех этих городов зиждилось на перепродаже русских товаров. Прямая торговля русских с иностранными купцами через Ивангород означала бы крах всего ливонского купечества.

В 1493 году перемирие с немцами было продлено еще на десять лет. Однако постройка Ивангорода вызвала в ливонских городах взрыв ненависти к русским. Жертвами ее стали оказавшиеся там русские купцы и дипломаты. Московские летописи рассказывают, что в эти годы местные власти «на Колывани (Ревеле. — *Н. Б.*) гостем великого князя новгородцом многи обиды чиниша и поруганна самовольне, а иных великого князя людей живых в котлех вариша без обсылки (извещения. — *Н. Б.*) великого князя и без обыску (расследования. — *Н. Б.*); тако же и послом великого князя от них наругание бысть, которые послы ходили от великого князя в Рим, и в Фрязску землю, и в Неметцкую; да и старым гостем великого князя новгородцем от них многа неисправлениа и обида бысть и разбой на море» (27, 361).

Очень скоро Иван III убедился, что само по себе существование русского порта не меняет общей ситуации. Ганзейский союз не позволял своим членам торговать с Русью через Ивангород. Нарушителей ожидали строгие кары. Их суда грабили каперы — морские пираты, находившиеся на содержании у некоторых участников лиги.

(Великий князь предвидел, что прибалтийские государства ответят на русскую экспансию не только войной, но и торговым бойкотом. А между тем именно с запада Россия получала столь необходимые ей железо и цветные металлы. В этих условиях Иван решил начать поиски собственных природных ресурсов. 26 марта 1491 года, на следующий день после праздника Благовещения, «князь великий послал на Печеру Ивана да Виктора руды искати серебряные, а с ними послал Ондрюка Петрова да Василья Иванова сына Болтина» (32, 286). Экспедиция увенчалась успехом. 20 октября того же года посланцы вернулись с вестью о том, что «немцы» Иван и Виктор «руду нашли серебряную и медяную в великого князя вотчине на реце на Цылме, не доходя Космы реки за полднища, а от Печеры реки за семь днищ. А места того, где нашли, на десяти верстах, а от Москвы до того места, где руду нашли, полчетверты тысячи верст. А нашли руду лета 6999, августа в 8» (32, 287). Устройство рудника за три с половиной тысячи верст от Москвы, в глухих лесах нижней Печоры, было, конечно, крайне сложной задачей. Однако государь уже умел перемещать сотни и тысячи людей туда, куда ему было нужно. Ранней весной 1492 года начался новый этап печорской эпопеи. «Марта в 2 отпустил князь великий Иван Васильевич всеа Русии Мануила Илариева сына Грека да с ним своих детей боярских, Василья Иванова сына Болтина да Ивана Брюха Кузьмина сына Коробьина, да Ондрюшку Петрова, с мастеры с фрязы серебра делати и меди на реце на Цылме, а делавцов (работников. — *Н. Б.*) с ними, кому руду копати, с Устюга 60 человек, с Двины сто человек, с Пенеги 80 человек, а пермич и вымич, и вечегжан, и усолич сто человек, тем корм провадити в судех до места, а не делати» (32, 288). Дальнейшая судьба печорского рудника неизвестна. Однако вся эта история наглядно свидетельствует об уровне задач, которые ставил перед страной «государь всея Руси».)

Единственный способ борьбы с ганзейским бойкотом в условиях отсутствия у Руси своего морского флота князь Иван видел в прямой войне с лигой и покровительствовавшими ей государствами. Главным из них была Швеция, находившаяся в союзнических отношениях с Ливонией.

Ганза не имела собственных войск и в военном отношении не

представляла опасности. Иное дело Швеция. Война с ней была рискованным предприятием, решиться на которое московский князь сумел лишь после того, как заручился поддержкой сильного балтийского государства — Дании, а также в известной степени и Тевтонского ордена, искавшего случая свести счеты с Литвой и Польшей.

Дипломатические отношения между Русью и Данией были установлены в 1493 году. Тогда же между странами был заключен договор о дружбе и взаимопомощи. Столь необычный альянс, разумеется, породил множество самых фантастических слухов и предположений. Ливонцы полагали, что альянс направлен в первую очередь против них. В Стокгольме толковали о том, что московский великий князь собирается выдать дочь за наследника датского престола и при помощи датчан отнять у шведов Финляндию. Впрочем, реальностью было лишь то, что датчане начали продавать Ивану III столь необходимое ему высококачественное огнестрельное оружие (161, 142).

Русско-датский союз, как и все союзы Московии с государствами Центральной и Северной Европы, носил довольно призрачный характер. Слишком велика была разница «союзников» во всем, начиная от менталитета и кончая геополитическими замыслами. Впрочем, у двух стран были и некоторые общие интересы. Правивший тогда в Дании король Ганс (1481–1513) имел враждебные отношения с правителем Швеции Стеном Стуре. К тому же датчане издавна сильно конфликтовали с Ганзой. «Политика датских королей по отношению к Ганзе заключалась в том, чтобы, избегая с ней открытого разрыва, в то же время содействовать ее ослаблению при помощи других государств» (55, 381). Всего этого казалось Ивану III достаточно для перспективного русско-датского союза. Опыт сотрудничества со Священной Римской империей в борьбе против Польши и Литвы учил его и на европейской политической сцене искать друзей среди врагов своих врагов.

Воодушевленный союзом с Данией, заключенным в 1493 году, князь Иван в марте 1494 года приступил к решительному наступлению на Ганзу. Он приказал отменить все привилегии, которыми пользовались в Новгороде ганзейские купцы. «Ганзейцы лишались права „колупать“ (пробовать) приобретаемый воск и требовать наддачу к мехам, которые они покупали у новгородцев» (81, 105). Обиженные негоцианты отправили к Ивану III двух своих представителей (обоих из Ливонии), которые и явились в Москву в сентябре 1494 года. Переговоры шли по обычной для тупиковых ситуаций схеме: ганзейские послы жаловались на притеснения новгородских наместников, а в ответ слышали от

бояр упреки в нарушении прав русских купцов и дипломатов в Ливонии. Убедившись в бесполезности дискуссии, послы уехали обратно в Новгород. Однако уже на подъезде к городу оба были арестованы.

Причиной столь необычного обращения с послами стал громкий скандал, вспыхнувший осенью 1494 года и вконец испортивший отношения Ивана с ливонцами. В Москве стало известно о расправе с двумя русскими купцами в Ревеле. Первого из них местные власти обвинили в содомском грехе и сожгли на костре; второго объявили фальшивомонетчиком и заживо сварили в котле. В первом случае в ответ на протесты живших в городе русских ревельские старейшины ответили дерзостью: «Мы сожгли бы вашего князя, если бы он у нас сделал то же». Эти слова дошли до государя, и он потребовал от Ордена выдачи на расправу всего ревельского магистрата (146, 127). Ходили также слухи, что, узнав о дерзости ливонцев, Иван в ярости изломал свой посох и швырнул его на землю (55, 382). В выдаче обидчиков ему, разумеется, было отказано.

Ссора с ревельцами дала Ивану повод для разгрома всего Ганзейского двора в Новгороде. В ноябре 1494 года великий князь, по сообщению летописей, «послал… в Новъгород к наместником диака Василия Жука да Данила Мамырева и велел поимати в Новегороде гостей немецких колыванцев, да и товар их, переписав, привести на Москву за их неисправление…». Далее следует описание обид, нанесенных ревельцами великому князю: «И за то князь великий Иван Василиевич опалу свою на них положил, и гостей их велел в тюрмы посажати, и товары их спровадити к Москве, и дворы их гостиные в Новегороде старые и божницу велел отнята» (20, 239).

Под предлогом сведения счетов с ревельцами были схвачены и ограблены все немецкие купцы, бывшие тогда в Новгороде: 40 человек из 13 городов (146, 127). Только в апреле 1496 года по ходатайству великого князя Литовского Александра, а также «по челобитию магистрову и седмидесят городов заморских и всеа земли Ливонскиа» Иван велел отпустить томившихся в новгородских тюрьмах ганзейских купцов (20, 239). О возвращении их имущества никто, конечно, и не думал.

В ответ на московскую акцию (напоминавшую периодические разгромы русской купеческой колонии в Казани) Ливония могла бы объявить Ивану войну. Однако такой поворот событий показался Ордену в этот момент слишком рискованным. Более того, ливонцы сильно опасались, что за разгромом Ганзейского двора последует вторжение русских войск в Ливонию, и искали защиты у соседних государей. Вместе с тем пострадавшие решили

ответить на московский произвол широкой торговой блокадой Руси. Литва объявила запрет на ввоз во владения Ивана III серебра и даже перестала пропускать через свою территорию московских послов (161,143). Ливония перестала продавать русским цветные металлы (медь, свинец, олово), столь необходимые в военном деле. (Такое положение сохранялось около двадцати лет.) Ганзейский союз по-прежнему бойкотировал Ивангород. Одна лишь Дания все еще сохраняла с Русью кое-какие торговые отношения.

Разгром Ганзейского двора в Новгороде относится к числу сомнительных предприятий Ивана III. Одни историки считают это решение ошибочным и объясняют его слишком ревностным исполнением пожеланий датского короля Ганса. Другие видят здесь обычную прозорливость «государя всея Руси» и полагают, что тем самым он нанес сокрушительной удар ганзейской монополии на Балтике, а также окончательно добил строптивое новгородское купечество. За недостатком источников трудно уверенно поддержать ту или другую точку зрения. Заметим лишь, что не следует лишать московского князя права на ошибки и представлять его своего рода машиной для принятия наилучших решений. Давно сложившийся в исторической литературе образ Ивана III как человека медлительного, осторожного, расчетливого, но при этом настойчивого и неизменно достигающего своих целей, грешит явным схематизмом. Ивану не раз случалось испытывать «головокружение от успехов». Он бросал одно предприятие и поспешно хватался за другое, поманившее его призраком небывалой удачи. При всей его опытности и проницательности, он был еще и человеком страстным, подверженным приступам ярости или восторга.

Вслед за сомнительной акцией против ганзейцев Иван затеял столь же сомнительную по своей целесообразности войну со Швецией. Русско-шведская граница оставалась неизменной с 1323 года, и у Москвы, в сущности, не было никаких оснований требовать ее пересмотра. Однако «государь всея Руси» почему-то решил, что настало время потеснить шведов. Возможно, он был увлечен теми далеко идущими замыслами, которые развивал перед русскими послами датский король Ганс.

Весной 1495 года московские дипломаты вели переговоры с представителями шведского правителя Стена Стуре об урегулировании пограничных споров. Переговоры закончились безрезультатно. В воздухе запахло войной. Стен Стуре обратился за помощью против русских к Литве и Ордену. Между тем уже в июне 1495 года в Карелии появился небольшой русский отряд — предвестник наступавшей большой войны.

В четверг 6 августа 1495 года из Москвы выступил передовой полк московской рати под командованием Даниила Васильевича Щени. 10 августа из столицы ушел и отряд, во главе которого стоял новгородский наместник, известный полководец боярин Яков Захарьич Кошкин (32, 289). Главной целью похода стал Выборг — оплот шведского господства в западных районах Карельского перешейка. Этот неприступный замок, окруженный водой, был построен шведами в 1293 году. Некоторые его части сохранились до наших дней, поражая своей суровой мощью. Особые надежды московские воеводы возлагали на артиллерию. В день Рождества Богородицы, 8 сентября 1495 года, Даниил Щеня приступил к осаде Выборга. Более трех месяцев грохотали орудия. Вновь и вновь шли на приступ русские воины. Однако и на сей раз шведская каменная твердыня устояла. Лишь ее окрестности и пригороды по обычаю того времени были разорены дотла.

Московские летописи весьма лаконично описывают эту бесплодную кампанию против «свеиских немцев» (шведов): «В лето 7004 (1 сентября 1495 — 31 августа 1496 года). Послал князь великый Иван Васильевич всеа Русии воевод своих Данила Васильевичя Щеня, да Якова Захарьичя, да князя Василья Федоровичя Шуйского съ пьсковичи ратью и на немцы Свеискую землю под город Выбор. Они же землю Немецкую попленища и пожгоша, Выбора града не взяша. Тогда же под Выбором Ивана Андреевичя убиша ис пищали Суботу Плещеева» (38, 169). (Иван Андреевич Субота Плещеев — представитель московского боярского рода Плещеевых. Известно, что в 1494 году Су бота ездил с посольством в Валахию и на обратном пути был ограблен в степях какими-то «ордынскими казаками». Под Выборгом бедняге не повезло еще больше…)

В некоторых летописях сохранился перечень воевод по полкам. Здесь в основном Кошкины и Оболенские. «Послал князь великий Иван Василиевич всея Руси воевод своих с Москвы ратию на немцы, на Свийскую землю, под город Выбор: в большом полку князь Данило Василиевич Щеня, а в передовом полку князь Петр Никитич Оболеньской, а в правой руке Петр да Василей Борисовичи. А из Новагорода из Великаго послал князь великий воевод своих под Выбор же: в болшом полку Якова Захариича, а в правой руке Федор Костянтинович Беззубцов (Кошкин. — *Н. Б.*), а в левой руке князь Тимофей Александрович Тростенской (Оболенский. — *Н. Б.*). А изо Пскова послал князь великий Василиа Федоровичя Шуйскаго со псковичи…» (20, 240).

Более детальную картину этой войны, хотя и «со своей колокольни», рисует щедрая на бытовые подробности псковская

летопись. «Того же лета прислал князь великий Иван Васильевич гонца своего, сына боярского во Псков: чтобы отчина моя псковичи послужили бы мне на свею на немцы, а яз отпустил своих воевод Якова Захарьина с новгородцкою силою, месяца августа в Богородицькое говение (Успенский пост, с 1 по 14 августа. — *Н. Б.*), да князя Данила Щеня с московским войском. И князь псковской Василей Федорович, и посадники псковский, и сынове посадничьи, и бояре, и весь Псков отчина государьская ялися в помощь великому князю Ивану Васильевичю. И псковичи срубилися (обязались. — *Н. Б.*) с десяти сох (условная единица древнерусского налогообложения. — *Н. Б.*) человек конны, да и священников и священнодьяконов почали рубити (облагать этой повинностью. — *Н. Б.*); и священники нашли в правилех святых отец в Манакануне (Номоканон, сборник церковных узаконений. — *Н. Б.*), что написано, яко не подобает с церковной земли рубитися; и посадники псковский и со псковичи… учали сильно деяти (творить насилие. — *Н. Б.*) над священники, и лазили многажды на сени и в вечьи и опять у вечье влезли и хотели попов кнутом избесчествовати, Ивана священника рожественьского и Андрея, и в одных рубахах стояли на вечи, а иных всех попов и дьяконов изсоромотиша».

(Несколько слов о месте, на котором разворачивался весь этот скандал. Дело происходило в Детинце, как ласково называли псковичи свой Кремль. Здесь, на высоком мысу у впадения Псковы в Великую, красовался опоясанный могучими каменными стенами Троицкий собор — главная святыня города. «Псковское вече… сделало Детинец центром вечевого управления, местом вершения важнейших государственных дел и связанных с ними обрядов. Вблизи Троицкого собора помещались сени, где заседал псковский правительственный совет, были канцелярия и архив веча, велось летописание, хранилась государственная казна, печати, грамоты, государственные договоры и копии частных документов» (147, 28). Впрочем, продолжим далее текст древнего летописца.)

«…Поехал князь псковской Василеи Федорович и с посадники псковскими с Левонтьем Тимофеевичем и со иными посадники и со псковичи на немцы на свею, а ехали на Запсковье месяца сентября в 6 недельный под обед (воскресенье, 6 сентября 1495 года. — *Н. Б.*); а были у свей 15 недель…» (40, 81). Другая псковская летопись уточняет срок пребывания русских войск под Выборгом: «Под городом стояли до Рожества Христова» (41, 251).

Скандал с псковскими попами, которых вопреки традиции хотели заставить выставлять ратников с церковных земель, по-видимому, объяснялся тем, что для шведской войны Иван III

потребовал от Пскова очень большого числа воинов. Возможно, была даже названа какая-то конкретная цифра, для исполнения которой местные власти вынуждены были пойти на крайние меры. Согласно шведским источникам, численность армии, осаждавшей Выборг, составляла 60 тысяч человек (161, 145). Для того времени это была небывалая сила.

Иван III придавал огромное значение осаде Выборга. В случае успеха он мог рассчитывать на сговорчивость шведов в вопросе о снятии ганзейской блокады с Ивангорода. В сущности, под стенами Выборга решалась судьба всего балтийского проекта — любимого детища московского государя. Все это заставило 55-летнего Ивана лично сесть в седло и по скверным осенним дорогам отправиться в Новгород — поближе к месту основных событий.

Во вторник, 20 октября 1495 года, князь Иван выехал из Москвы. Одна из летописей (Вологодско-Пермская) сохранила удивительно подробное описание того, как великий князь отправлялся в этот поход. Несмотря на будний день, он совершил торжественный и пышный ритуал, начавшийся богослужением в Успенском соборе и завершившийся пешим прохождением государя через весь Кремль к Троицким воротам.

«Того же месяца в 20 день, во вторник, на память великого мученика Артемия, на исходе седьмаго часа (около 3 часов по полудни. — *Н. Б.*), после обедни поехал князь великии Иван Васильевич к Новугороду, а с ним князь Юрьи, сын его, да внук его князь Дмитреи. А из церкви соборныя Пречистыя князь великий шел пешь из города подле полату свою болшую, мимо митрополич двор да в ворота за Конюшенной дворец. И шел чрез стену и всел на конь за Неглинною противу Богоявленские стрельницы у Троецкого двора. И хлеба ел тогда у князя у Ивана у Юрьевича (Патрикеева. — *Н. Б.*) на Любохорине, в Третьякове селе Володимерова. То первой стан его от Москвы, а осмои стан его во Тфери» (32, 290).

Официально великий князь ехал в Новгород всего лишь «посмотрити своея отчины». Вероятно, именно так объясняли суть дела и московские дипломаты, отвечая на вопросы иностранных дворов. Здесь вновь проявилась столь характерная для Ивана установка: достигать своих целей незаметно, всегда оставлять возможность для преуменьшения значения происходящего, истолкования большой войны как незначительного порубежного конфликта, захвата целых областей — как возвращения когда-то ненароком утерянной вотчины. На первый взгляд такая игра кажется наивной и бесполезной. Однако не забудем, что с этой своей замоскворецкой хитростью князь Иван действительно сумел

незаметно создать крупнейшее в Европе государство.

Государя сопровождали в новгородском походе его второй сын от Софьи Палеолог Юрий и внук Дмитрий (сын умершего в 1490 году Ивана Молодого), которому незадолго перед тем исполнилось 12 лет. В Москве осталась княгиня Софья и ее старший сын Василий с братьями.

Путешествие оказалось долгим. В Новгород Иван въехал лишь через месяц — во вторник 17 ноября. Примечательно, что в те же сроки Иван ездил в Новгород и осенью 1475 года. Но тогда он въехал в город во вторник 21 ноября, «на Веденьев день» (30, 195). В тот же праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы Иван явился под Новгород и в 1478 году. Вероятно, тут сказывалась старая привычка русских князей: летом заниматься южными делами, а зимой — северными.

Новгородский владыка Геннадий со своим духовенством, московские наместники в Новгороде князья Даниил Александрович Пенко и Семен Романович, вся новгородская знать встречали государя далеко за чертой города. По обычаю он начал свое пребывание на Волхове с литургии в Софийском соборе и торжественного обеда в палатах владыки. «И бысть тогда в Великом Новегороде радость велика о приезде государя великого князя», — сообщает официальный московский летописец (38, 170). (Если это не обязательная этикетная фраза, — то перед нами еще одна старинная русская привычка: со страхом и надеждой ждать приезда «барина».)

Но ни прибытие великого князя в Новгород, ни какие-то меры, предпринятые им для поддержки своих войск под Выборгом, не смогли изменить положения. Осада окончилась неудачей. Отступив от крепости в конце декабря, воеводы в январе 1496 года вернулись в Новгород.

Усталые и замерзшие (зима 1495/96 года отличалась свирепостью) участники выборгского похода надеялись отдохнуть на зимних квартирах. Однако великий князь рассудил по-иному. Уже 17 января, в воскресенье, он отправил их в новый поход — на южную Финляндию. На сей раз во главе войска (большого полка) Иван поставил старого сослуживца и двоюродного брата Даниила Щени — князя Василия Ивановича Косого (Патрикеева). Вместе с будущим вождем нестяжателей в поход был послан (вторым воеводой большого полка) боярин Андрей Федорович Челяднин. Вновь летописец дает полную роспись воевод по полкам: «В передовом полку князь Александр Володимерович Ростовской да князь Иван Михаилович Репня (Оболенский. — *Н. Б.*), а в правой руке Дмитрей Василиевич Шеин да Григорей Федорович Давидовича, а в левой руке Семен Карпович да Ондрей Иванович

Коробов» (20, 242). Здесь уже не те воеводы, которые штурмовали Выборг. Очевидно, это свежие люди, прибывшие в Новгород вместе с Иваном III уже после начала выборгского похода. Впрочем, дело было не только в этом. Несомненно, государь следил за тем, чтобы среди его полководцев не появлялось незаменимых. К тому же постоянная ротация кадров поддерживала в среде воевод дух состязательности.

Основательно опустошив южную Финляндию, московские полководцы уклонились от сражения с посланной против них большой шведской армией и в воскресенье 6 марта 1496 года, благополучно вернулись в Новгород. Главной добычей этого набега стали тысячи пленных.

Весной 1496 года Иван III послал рать на «каянских немцев», как называли русские жителей центральных районов Финляндии. На сей раз удар был нанесен морем с севера по Лапландии. Выйдя из устья Северной Двины, «судовая рать» доплыла до восточного берега Кольского полуострова и далее реками — до шведских владений. Во главе войска, собранного из ополченцев северных волостей и городов, были поставлены братья Ушатые — князья Иван и Петр Федоровичи (из дома ярославских князей). Воины шли на судах по разлившимся в половодье рекам и сумели глубоко проникнуть в земли северной и центральной Финляндии. «Тое же весны послал князь великыи князя Ивана Федоровича да брата его князя Петра Ушатых на Каяньскую землю, на десять рек, а с ними рать беаше устюжане, двиняне, онежане, важане. А рекам имена коих воеваша 8: Кемь, Торма, Колокол, Овлуи, Сиговая, Снежна, Гавка, Путаш. А кои живут на Лименги реке, и те биша челом за великого князя и с воеводами приехаша на Москву, и князь великы их пожаловал отпустил…» (38, 170). Русские ратники хозяйничали в Каянской земле несколько месяцев. По домам они возвратились с богатой добычей в октябре 1496 года (32, 290).

По-видимому, князь Иван собирался продолжить наступление на шведов летом 1496 года. Есть сведения, что в воскресенье 24 апреля 1496 года, из Новгорода под Выборг вновь пошла русская рать во главе с князем Василием Ивановичем Косым Патрикеевым (81, 107). Однако сам государь вынужден был не мешкая покинуть Новгород. Весной 1496 года он получил известие о резком обострении ситуации в Казани, где закачался трон под московским ставленником Мухаммед-Эмином. Вероятно, именно эти вести и заставили Ивана вернуться в Москву. В четверг 10 марта он выехал из Новгорода и ровно через две недели прибыл в столицу.

Казанские дела потребовали пристального внимания

великого князя. Для спасения преданного Москве казанского хана он собрал войско и отправил его под Казань. Однако сохранить трон для Мухаммед-Эмина в конце концов не удалось. По соглашению с казанской знатью Иван прислал ему на смену другого своего «царевича» — брата Мухаммед-Эмина Абдул-Латифа, жившего тогда в Москве.

Татарские распри отвлекли государя от Ивангорода и всех связанных с ним проблем. Расплата за неосмотрительность не заставила себя ждать. Летом 1496 года шведы нанесли Ивану неожиданный ответный удар.

Стен Стуре хорошо понимал, в чем заключаются глубинные причины внезапной воинственности «московитов». Не связывая себя сложными и рискованными сухопутными операциями на Карельском перешейке (на что, по-видимому, был настроен московский «генеральный штаб»), шведский стратег нашел иное решение вопроса, позволявшее использовать главное преимущество шведов над русскими — морской флот.

19 августа 1496 года немногочисленные обитатели Ивангорода с ужасом наблюдали за тем, как с моря вверх по реке Нарове плывет целая армада — 70 шведских кораблей, битком набитых облаченными в железо воинами. Цель их похода не вызывала сомнений: шведы пришли штурмовать Ивангород…

Разгром шведами Ивангорода — символа «русской мечты» на Балтике — едва ли не самая печальная страница отечественной военной истории времен Ивана III. Летописцы рассказывают об этом с горечью и сарказмом. Здесь в полном цвете проявились те пороки, которыми страдала русская армия, — равнодушие далекого «центра», беспечность и трусость местных военачальников, их неумение и нежелание действовать сообща, исходя из интересов дела.

«В лето 7004 (1 сентября 1495 — 31 августа 1496 года) августа 19 в пяток приидоша немци из-за мориа из Стеколна (Стокгольма. — *Н. Б.*) Свеискаго государьства князь Стефан Кстура (Стен Стуре. — *Н. Б.*), вскоре разбоем, семдесят бус (небольшое морское судно. — *Н. Б.*), в Нарову реку, под Иваньгород, и начяша къ граду вборзе приступати с пушками и с пищальми, и дворы в граде зажгоша огнем стреляя, понеже бо не бысть им супротивника. Воевода (в некоторых летописях „удалой воевода“. — *Н. Б.*) и наместник иванегородцкии, именем князь Юрьи Бабич (из князей Друцких. — *Н. Б.*), наполнився духа ратна и храбра, ни-мала супротивится супостатом, ни граждан окрепив (укрепив, воодушевив. — *Н. Б.*), но въскоре устрашився и побеже из града. В граде же не бысть воеводы и людей бе мало, и запасу ратного не бысть въ граде. А князь Иван Брюхо (из ростовских

князей. — *Н. Б.*) и князь Иван Гундор (из князей Стародубских. — *Н. Б.*) стоаху с людми близ града и видяще граду пленусше от немец, и ко граду в помощь не поидоша. Немци же град плениша, и не обретоша в нем противящегося им, вскоре немилостивно пограбиша животы (имущество. — *Н. Б.*) и товар безчислено, а людей секоша, а иных с собою в плен ведоша. И тако въскоре възвратишася и побегоша из града в море» (38, 171).

С особым сарказмом летописцы изображают позорное поведение ивангородского воеводы. Очевидно, он был примерно наказан государем. Примечателен в этом отношении краткий рассказ Вологодско-Пермской летописи. «Того же лета пришедши немцы с моря в бусах, взяша Ивангород пищальми огнеными. А воевода был тогда великого князя в том граде князь Юрьи Бабич, и убеже из града чрез стену, а княгиню свою наперед выпровадил, и наималися (награбили. — *Н. Б.*) безчислено» (32, 290).

Поспешный уход шведов из захваченного Ивангорода объяснялся просто: со стороны Пскова на них уже шло войско под началом нового псковского наместника князя Александра Владимировича Ростовского. Рассказывая об этом походе, псковские летописи приводят некоторые подробности ивангородского дела. Шведы взяли крепость 26 августа, то есть через неделю после начала осады. Расправа с защитниками и мирными жителями была свирепой: «людей мужей и жен и детей мечю предаша, а во граде хоромы и животы огневи предаша» (40, 82). Гонец с вестью о нападении шведов на Ивангород, примчался во Псков 22 или 23 августа. (Расстояние от Ивангорода до Пскова — около 200 км. Не слезая с седла и меняя лошадей на ямах, этот путь можно было преодолеть за два дня.) Псковский наместник князь Александр Ростовский выступил в поход на третий день после падения Ивангорода — в воскресенье 28 августа. А четыре дня спустя, 1 сентября, из Пскова в сторону Гдова (расположенного на полпути к Ивангороду) выступило и псковское ополчение во главе с посадниками. Поражает медлительность псковичей: они смогли выступить на помощь осажденному Ивангороду только спустя пять дней после получения тревожного известия. (Очевидно, князь Александр Ростовский более других опасался наказания за промедление и потому вышел четырьмя днями ранее основных сил.) Относительно долгие сборы псковичей объясняются прежде всего тем, что приход шведов стал для них полной неожиданностью. Помимо этого они, вероятно, понадеялись на то, что крепость способна выдержать длительную осаду. В сущности, и здесь, во Пскове, наблюдается та же картина, что и в Ивангороде: беспечность, своекорыстие, низкая мобилизационная готовность.

Псковское войско вернулось домой на Николин день — 6 декабря 1496 года. Никаких потерь псковичи не понесли, так как шведы (число которых едва ли превышало 5 тысяч человек) уплыли обратно в море. Столкновение с многочисленным псковским войском явно не входило в их планы. Напоследок шведы предложили передать завоеванный Иван-город магистру Ливонского ордена. Однако тот благоразумно отказался от опасного «подарка» (161, 146).

Разгром Ивангорода был яркой, но, в сущности, бесплодной победой шведского оружия. Удержать город они не могли. Повторный набег уже не обещал такого легкого успеха. Русские восстановили город и усилили меры предосторожности. Идти в глубь русских земель, на Псков или Новгород, шведы не решались. Продолжение войны казалось вредным и бесперспективным. А между тем русские рати опустошали Финляндию.

Выход был найден в Дании. Король Ганс по просьбе шведской знати, обещавшей ему шведский престол, обратился к Ивану III с просьбой заключить перемирие. В Москве лелеяли мечту о браке княжича Василия (или Дмитрия-внука) с датской принцессой и потому были весьма отзывчивы к любым пожеланиям Ганса. Некоторые историки полагают также, что Ганс обещал увлеченному его смелыми планами московиту передать ему со временем, после своего восшествия на шведский трон, некоторые пограничные волости.

3 марта 1497 года в Новгороде было заключено перемирие между Русью и Швецией на 6 лет. А 26 ноября того же года король Ганс, захватив Стокгольм, стал королем Швеции. До августа 1501 года он удерживал на своей хитроумной голове сразу три короны — Дании, Норвегии и Швеции.

В Москве победа «друга Ганса» породила большие надежды, которые сменились вскоре горьким разочарованием. Датчанин не собирался делать Ивану III каких-либо территориальных уступок в южной Финляндии или Карелии. Раздосадованный Иван велел возобновить боевые действия на шведской границе. Но особых успехов здесь не достигли. Тогда Иван в 1499 году решил без обиняков высказать свою сокровенную мечту и послал сватов к датско-норвежско-шведскому королю (161, 148). Одновременно жених — княжич Василий — получил в управление Новгородскую и Псковскую земли. Теперь будущий тесть король Ганс имел все основания подарить Василию в качестве приданого за дочерью вожделенные карельские волости и погосты.

Все эти матримониальные планы Ивана III имели ряд существенных изъянов. Во-первых, перспектива породниться с

«московитами» не вызывало энтузиазма у европейских монархов. Они продолжали смотреть на Русь как на варварское полугосударство, состоящее в непонятных отношениях с татарами и к тому же приверженное греческой «схизме» — неправильному вероучению. Брак с московским жецихом требовал от невесты перехода в православие, что также казалось своего рода унижением. Во-вторых, история с неудачным штурмом Выборга и захват шведами Ивангорода показали, что при всей своей многочисленности московская армия не умеет захватывать сильные каменные крепости европейского типа, а сама Россия с моря вообще не прикрыта каким-либо флотом. Наконец, власть самого короля Ганса в Швеции была относительно слабой и далеко не походила на ту деспотическую власть, которую выковал для себя московский государь. Его поступки зависели от мнения шведской аристократии, которая в массе своей не хотела и слышать о каких-либо территориальных уступках по отношению к Руси. Ганс был избран королем именно с тем расчетом, что он будет управлять страной «заочно», из Дании, и не станет стеснять полновластия аристократии (173, 117).

(В 1501 году Ганс был свергнут со шведского престола, и к власти вновь пришел Стен Стуре (1501–1503). Вернувшись в Данию, король Ганс принялся энергично строить корабли и прославился как создатель первого в Европе государственного военно-морского флота (173, 121). Однако вернуться на шведский трон и восстановить Скандинавскую унию ему так и не удалось.)

Иван III, кажется, несколько переоценил свои возможности. Сватовство княжича Василия было отвергнуто королем Гансом в 1499 году. Равным образом отвергнуты были и русские требования о возвращении некоторых приграничных волостей, высказанные русскими послами в Стокгольме в 1501 году. В дальнейшем отношения Руси со Швецией приняли прохладно-миролюбивый характер. Шведы обещали не вмешиваться в конфликты Новгорода и Пскова с Ливонией, а Москва отказалась от попыток военной силой пошатнуть власть шведов в южной Финляндии и на Карельском перешейке.

Разрыв отношений с Ганзейским союзом, предпринятый Иваном III в 1494 году в контексте его датско-шведских проектов, сохранялся до 1514 года, когда Василий III восстановил Немецкий двор в Новгороде. Все возвратилось на круги своя. Трудно подсчитать убытки, которые понесло русское купечество и казна от затянувшегося спора с Ганзой. Трудно подсчитать и то, скольких пушек и пищалей не получила русская армия из-за ганзейских запретов на продажу Руси цветных металлов и ввоз в страну серебра.

Затяжной конфликт с Ганзой объяснялся не только дружбой Ивана III с датским королем Гансом, который со временем начал морскую войну с лигой. Ситуация усложнялась позицией Ливонского ордена, который выступил на стороне Великого княжества Литовского во время московско-литовской войны 1500–1503 годов. Орден начал войну с Московским государством летом 1501 года, когда некоторые важные события (завоевание русскими Северской Украины, битва при Ведроши) были уже позади. В летнюю кампанию 1501 года можно было ожидать наступления русских на Смоленск. А между тем великий князь Литовский Александр был занят борьбой за польский престол, освободившийся после кончины короля Яна Ольбрахта 17 июня 1501 года. В этих условиях вступление Ордена в войну с Русью могло стать неоценимой услугой для Александра. Магистр Ордена Вальтер фон Плеттенберг решил оказать соседу эту услугу.

Действия Ордена в этой войне отличались стремительностью и натиском. Кажется, рыцари решили показать все, на что они были способны. Да и сам их магистр был, несомненно, одаренным полководцем.

Конфликт начался весной 1501 года достаточно традиционно — репрессиями против русских купцов в Ливонии. «Тое же весны немци в Юрьеве поимаша гостей князя великого новогородцкых и пьсковскых болши двоюсот человек и товар их пограбиша, и послаша их по городом в заточенье» (38, 174). Эта акция словно повторяла аналогичную акцию, предпринятую Иваном III по отношению к ганзейским купцам в Новгороде осенью 1494 года. Тогда ливонцы не стали браться за оружие и добились освобождения купцов средствами дипломатии. Теперь они решили наконец отомстить Ивану III тем же способом. Перспектива войны их уже не только не пугала, но даже радовала. Однако на сей раз войны не хотели русские. Ивану вовсе не нужен был «второй фронт» на пороге тяжелой смоленской кампании. Это понимали и псковичи, которые только недавно (в октябре 1500 года) вернулись из похода на Литву. Поэтому псковичи в этом деле поначалу проявили невиданное смирение и терпение. Они послали в Юрьев своего посла «Олексея судью» с требованием отпустить купцов. Немцы ответили отказом. Тогда из Пскова был послан другой посол. Немцы оставили его в Дерпте в качестве заложника, а в ответ прислали своего посла к псковскому вече с требованием вернуть те католические святыни, которые псковичи захватили в одной из предшествующих русско-ливонских войн. Тогда псковичи отправили в Дерпт третьего посла с какими-то предложениями. Они были отклонены, а посол

остайлен в городе как пленник. Задержан был и посол, отправленный к немцам по тому же вопросу из Новгорода.

Дальнейшие попытки закончить дело миром становились бессмысленными. Теперь послов нужно было посылать не в Дерпт, а в Москву, «ко князем великим Ивану Васильевичи) и Василью Ивановичу» (40, 85). Первый псковский посол, некий «боярский сын» Созонт, получил от Ивана III заверения в том, что великий князь готов защищать свою «вотчину». Однако псковичи нуждались не в заверениях, а в войске. В Москву помчался новый гонец — некий Василий Опимахович. На сей раз Иван отдал необходимые распоряжения. Из Новгорода пошел во Псков с войсками наместник князь Василий Васильевич Шуйский «и со князи и с помещики с новгородцкими и с людьми своими и со всею ратною приправою» (40, 85). Через неделю вслед за ним пришел во Псков князь Даниил Александрович Пенко (из дома ярославских князей) «и с тверици и со всею силою своею» (40, 85). Среди участников похода источники упоминают и выдающегося московского полководца Даниила Щеню. (При этом в изложении хода боевых действий князя Даниила Васильевича Щеню псковские летописцы иногда путали с князем Даниилом Александровичем Пенко. Хронология этой войны в летописях вообще довольно сбивчива.)

Присланное великим князем войско три недели (с 1 по 22 августа 1501 года) простояло во Пскове. Псковский летописец, как обычно, жалуется на большие расходы, связанные с обеспечением воинов всем необходимым, и даже называет точную цифру — 25 рублей в день (40, 85). Однако Иван III не велел воеводам начинать кампанию без особого приказа. Вероятно, он надеялся, что появление во Пскове большого великокняжеского войска, как это не раз бывало, заставит ливонцев спешно идти на уступки. Эта игра нервов была особенно тяжкой для псковичей, страдавших от длительного пребывания в городе множества ратников. Желая поторопить Ивана, псковичи шлют в Москву нового гонца, а вслед за ним и еще одного. Этот последний, некий Моисей Волосов, сумел преодолеть весь путь от Пскова до Москвы (около 700 км) и обратно с невероятной быстротой — за 10 дней (40, 85). Таким образом, он мчался, меняя лошадей и не слезая с седла, со скоростью примерно 140–150 км в день.

Оба посла везли Ивану III весть о том, «что немцы жгут и грабят и головы секут и живых ведут в свою землю» (40, 85).

Моисей Волосов привез из Москвы долгожданное распоряжение воеводам: начать вторжение в Ливонию.

В воскресенье, 22 августа 1501 года из Пскова на запад выступил «первый стяг с воеводами». Псковскую рать возглавлял

московский наместник князь Иван Иванович Горбатый Суздальский, новгородскую — князь Василий Васильевич Немой Шуйский, тверскую — воеводы Иван и Петр Борисович Бороздины (московские бояре тверского происхождения). Собственно московское войско вел князь Даниил Александрович Пенко (40, 85). Кроме основных сил, псковичи собрали отряд добровольцев для нападения на ливонские владения по водным путям — в ладьях и легких судах «ушкуях».

Московско-псковско-новгородская рать миновала Изборск и 27 августа столкнулась с немецким войском на берегу речки Серицы. Источники сообщают, что рыцарями командовал сам магистр Ливонского ордена Вальтер фон Плеттенберг (40, 86). Первыми в битву вступили псковичи. За ними двинулись и остальные русские силы. Ход сражения летописи изображают довольно туманно. Можно понять так, что ливонцы употребили против русских какое-то неизвестное прежде оружие, обратившее их в паническое бегство. «…И напустиша буртальники немецкий ветр на псковскую силу и на московскую силу, и пыль ис пушек и ис пищалей… И побегоша первое псковичи, и они погании навернуша на московскую силу пушками и пищальми, и бысть туча велика, грозна и страшна от стуку пушечного и пищального; и по том москвичи побегоша, и бежачи пометаша свои быта (имущество. — *Н. Б.*)» (40, 86). Кто такие «буртальники» и что за «ветер» и «пыль» они напустили на русские полки — неизвестно. С. М. Соловьев предлагал следующее объяснение загадочного сообщения: «Из этого рассказа ясно видно, что дело было решено немецкою артиллериею, с которой тогдашний русский наряд не мог соперничать» (146, 128).

Московские летописи добавляют некоторые подробности этого поражения: «Тоя же осени, октября, послал князь великий воевод своих князя Данила Александровича Пенка и иных своих воевод. И встретиша их немцы многие люди безвестно на Сирице, и потопташа их немцы, не поспели воеводы великаго князя въоружитися. И на том бою убили воеводу Ивана Борисовича Бороздина, убиша ис пушки; и князь Данил о отъиде и ста во Пскове» (20, 254). В этом сообщении спутаны даты отправления во Псков первой московской рати во главе с Даниилом Пенко (июль 1501 года) и второй, во главе с Даниилом Щеней (октябрь 1501 года). Однако при этом более ясно, чем в туманном сообщении псковской летописи, названа причина разгрома. Вальтер фон Плеттенберг сумел напасть на московских воевод внезапно. Вероятно, он приготовил засаду в какой-то лесистой долине и почти в упор расстрелял передовые походные колонны залпами из пушек и пищалей. Хорошими мишенями для

прицельного огня стали ехавшие впереди командиры — московский воевода Бороздин и псковский посадник Иван Теншин…

Остатки разбитого русского войска бежали под защиту псковских стен, бросая по дороге тяжелое имущество и экипировку. Немцы даже не преследовали побежденных.

Очевидно, они боялись, что русские, опамятовавшись, повернут назад. Однако те, кто вырвался из адской западни, мчались так стремительно, словно за ними гнался сам сатана.

Не растерялись лишь привычные ко всему жители Изборска. Узнав о происходящем, они выбежали из крепости и бросились собирать имущество, брошенное бегущими ко Пскову ратниками…

Во Пскове весть о битве на речке Серице и ее плачевном исходе вызвала «плач и рыдание» (40, 86). Среди погибших был и псковский посадник Иван Теншин, сложивший голову в самом начале сражения. Вероятно, он, как и Бороздин, был убит метким выстрелом из пищали.

На другой день после битвы на Серице Плеттенберг подошел к Изборску. Этот западный форпост псковской обороны еще в первой половине XIV века был окружен каменными стенами. От его стойкости во многом зависела теперь судьба Пскова. Жители городка сами подожгли деревянные постройки посада, чтобы не дать немцам возможности использовать их для штурма крепости. Ливонцы постояли под стенами Изборска всего лишь сутки, подвергая крепость непрерывному обстрелу из пушек. Однако «городок Бог ублюде (сохранил. — *Н. Б.*) и святыи Никола» (40, 86). (Главный храм Изборска был посвящен Николаю Чудотворцу.) Магистр решил не терять времени на долгую осаду маленькой крепости и поспешил ко Пскову. Вероятно, он знал о том, что в августе 1480 года немцы уже пытались взять Изборск, но, потеряв два дня на штурм, вынуждены были отступить ни с чем (40, 78).

Псковская крепость и основная часть посада располагались на правом берегу реки Великой. Немцы знали, что переправляться через Великую возле Пскова им будет крайне сложно как из-за широкого разлива реки близ устья, так и из-за сопротивления псковичей. Поэтому они решили найти безопасный брод где-нибудь южнее, а уже потом идти к Пскову по правому берегу Великой. От Изборска рыцари двинулись на юго-восток и, выйдя к Великой, стали продвигаться на юг вдоль берега в поисках брода. Между тем псковичи, узнав о движениях врага, провели в городе новую мобилизацию. Пополнив войско свежими силами, они перекрыли все броды на Великой. Попытки немцев начать

переправу наталкивались на их решительный отпор. Таким образом, Плеттенберг дошел до расположенного в 50 верстах выше по течению Великой городка Остров. Эта крепость, прикрывавшая подступы к Пскову с юга, располагалась на острове между главным руслом реки Великой и ее боковой протокой. Она впервые упоминается в документах под 1341 годом. В кольце каменных стен и башен, сложенных из серого колотого известняка, высился древний Никольский собор (77, 281).

7 сентября 1501 года немцы «начаша бити пушками городок Остров и огненые стрелы пущати» (40, 86). Что за «огненные стрелы» использовал магистр против Острова — неизвестно. Однако известен результат: немцы «плениша дом святого Николы, и городок взяше и огнем выжгоша, и людей плениша, иных мечю предаша, а иных огнем сожгоша, и жен и детей, в нощ на 8 день на Рожество святей Богородицы, и того дни прочь отъидоша» (40, 86). При взятии Острова погибли 4 тысячи «душ» — вероятно, почти все население города-крепости (41, 253).

Штурм Острова в ночь с 7 на 8 сентября происходил почти на глазах у перепуганных псковских ополченцев, которые стояли на расстоянии трех верст от города и с ужасом глядели на невиданные «огненные стрелы», которыми немцы выжигали обреченную крепость. «А псковские воеводы и псковичи только смотреша», — укоризненно восклицает летописец (40, 86).

Овладев Островом, магистр не стал переправляться на правый берег Великой, где стояли псковские полки, а предпочел повернуть назад к Изборску. Под стенами крепости немцы стали лагерем и провели ночь. Наутро они свернули лагерь и ушли прочь. Однако Плеттенбрег, заприметив еще после битвы на Серице жадность изборян до всякого брошенного войсками добра, решил воспользоваться этой слабостью неприятеля. В покинутом лагере он оставил засаду. Когда жители Изборска, полагая, что немцы ушли, кинулись обшаривать опустевший стан, рыцари внезапно выскочили из засады и принялись рубить оторопевших любителей легкой поживы. «…И гнашася за ними до самыя стены и всех изсекоша, а иных руками яша, 130 человек, а все то за умножение грех ради наших» (40, 86).

Победа под Изборском, остроумная и блестящая, как и все действия магистра в этой войне, могла воодушевить немцев на новые атаки. «Но Плеттенберг не мог воспользоваться этою удачею, — пишет С. М. Соловьев. — Он поспешил назад, потому что в полках его открылся кровавый понос, от которого занемог и сам магистр. Сильно загоревали ливонцы, когда узнали о возвращении больного магистра с больною ратью: они боялись мести от Москвы, и не напрасно» (146, 128).

Обогащенные добычей, немцы до поры ушли в свои владения. А между тем с юга им на помощь спешила припозднившаяся литовская рать, во главе которой стоял некий «пан Черняк». Узнав о том, что рыцари уже взяли Остров, а потом мимо Изборска вернулись в Ливонию, литовцы решили ограничиться захватом стоявшей на их пути псковской крепости Опочки, расположенной в 70 верстах южнее Острова на реке Великой. Судьба Опочки висела на волоске. «…А литва мало не взяли Опочки, святыи Спас ублюде (сохранил. — *Н. Б.*)» (40, 86).

Успехи бравого Плеттенберга вызвали серьезную озабоченность у Ивана III. В октябре 1501 года он отправил из Москвы во Псков новую рать. Ее командующие, князь Даниил Васильевич Щеня и князь Александр Васильевич Оболенский, выехали из Москвы последними, в понедельник 18 октября (20, 254). С войском шли и служилые татары под началом какого-то «царя тотарского», вероятно, низложенного казанского хана Мухаммед-Эмина, жившего тогда в Москве (40, 86). В походе, разумеется, приняли участие и псковичи.

Вступив на территорию Ливонии, московские воеводы принялись «землю Немецкую воевать» (40, 86). Собственно московские полки шли на правом фланге, а псковичи — на левом. Между ними образовался многокилометровый разрыв. Этим решили воспользоваться ливонцы. Возле замка Гельмед близ Дерпта московская часть войска 24 ноября 1501 года подверглась нападению немецкого войска. В схватке был убит один из больших московских воевод — князь Александр Васильевич Оболенский. Итог сражения псковский летописец изображает в самых обидных для немцев выражениях. «И биша поганых немец на 10 верстах, и не оставиша их ни вестноши (вестника. — *Н. Б.*); а не саблями светлыми секоша их, но биша их москвичи и тотарове, аки свиней, шестоперы» (40, 87).

Московские летописи вновь более реалистично, чем псковские, изображают ход сражения. Немцы напали на русский лагерь внезапно, в третьем часу ночи. Их войско было оснащено пушками и пищалями. Русские все же сумели отбиться и даже обратили немцев в бегство. Однако «много их утече» (19, 241).

После битвы Даниил Щеня повел себя довольно неожиданно. Московское войско быстро двинулось на север, «мимо Юрьев и Ругодива к Иванюгороду» (40, 87). Воевода не захотел даже подождать псковичей, которые грабили ливонские волости где-то поблизости и лишь через три дня, наехав на множество непогребенных тел, узнали о битве под Гельмедом. Все это можно объяснить только одним: вероятно, в эти дни Даниил Щеня получил от Ивана III грозное распоряжение: бросить все и

немедленно идти к Ивангороду. Именно к этому предположению ведет и хронологическое сопоставление событий.

Иван III внимательно следил за новостями из Швеции. В августе 1501 года король Ганс уехал из Стокгольма в Данию, оставив там вместо себя свою жену королеву Кристину. Однако уже в сентябре произошел переворот и власть в стране захватил соперник Ганса Стен Стуре. (Королева Кристина до мая 1502 года мужественно обороняла замок при помощи своих гвардейцев, надеясь на возвращение Ганса. Однако тот явился слишком поздно и так и не сумел восстановить свою власть в Швеции.)

В Москве узнали о перевороте в Стокгольме именно в конце осени 1501 года, когда войско Даниила Щени уже ушло в Ливонию. Теперь, когда к власти в Швеции вновь пришел Стен Стуре, великий князь мог ожидать новой атаки шведов на Ивангород. Вероятно, именно по этой причине Иван и послал распоряжение Даниилу Щене спешно (даже не дожидаясь затерявшихся где-то в ливонских угодьях псковичей!) идти к Ивангороду. Расстояние от Дерпта до Ивангорода не превышало 150 км, и московское войско при скором марше могло преодолеть его за три дня. Псковичам велено было идти туда же вслед за московской ратью. (Впрочем, возможно и другое объяснение: Даниил Щеня узнал о намерении ливонцев напасть на Ивангород и, зная о том, сколь дорога эта крепость для Ивана III, поспешил на ее защиту.)

Вопреки ожиданиям, зима 1501/02 года прошла спокойно. Нападения на Ивангород не произошло (или оно было вовремя предотвращено Даниилом Щеней), и потому московские воеводы предприняли из района Нарвы дерзкий набег на Ревель (Колывань), о котором сообщают некоторые летописи: «И ходиша воеводы близ Калывани и выидоша на Иванъгород, а землю Немецкую учиниша пусту» (38, 175). Взять мощную ревельскую крепость Даниил Щеня, кажется, и не пытался. Однако сельские волости, особенно беззащитные зимой, были разорены полностью. Весь этот набег производился «с оглядкой» на Ивангород. Расстояние от него до Ревеля составляет всего около 180 км. Конное войско походным маршем могло преодолеть его за три-четыре дня.

Понятно, что долго держать большое московское войско во главе с лучшими воеводами в Ивангороде было накладно.

Иван III вскоре отозвал воевод в Москву. Ушли и татары со своим «царем», которого государь зимой 1501/02 года вновь посадил на казанский трон. Прикрытие Ивангорода поручено было новгородскому наместнику Ивану Андреевичу Лобану Колычеву (деду знаменитого митрополита Филиппа Колычева)

(82,176). Такое поручение было вполне естественным: крепость находилась на землях, издавна принадлежавших Великому Новгороду. Кроме того, в распоряжении Колычева находилось новгородское войско, которое он при необходимости мог использовать для защиты Ивангорода.

Колычев отнесся к этому делу очень серьезно. Он даже сам поселился в Ивангороде. Здесь его и застали нагрянувшие на Ивангород 9 марта 1502 года немцы. О дальнейшем кратко сообщают летописи: «Тоя же зимы, марта в 9 день, приходиша немцы на Иванъгород. Тогда Лобана Колычева убиша и иных 20 человек да Михаила Смолка Иванова сына Слизнева, понеже Лобан стоял на Иванегороде в заставе не со многими людми, а немцы пришли многие» (20,255). Вместе с Иваном Колычевым смертную чашу испил Михаил Иванович Смолка Слизнев — скромный представитель многолюдного московского аристократического рода Ратшичей, получивший незадолго перед тем поместье в Новгородской земле (82, 205).

Гибель воевод, похоже, была не напрасной. О захвате немцами крепости не сообщается. Очевидно, на этот раз Ивангород устоял.

Почти одновременно с набегом на Ивангород немцы предприняли наступление на южном участке псковско-ливонской границы. «Того же лета, месяца марта в 17 день, пришедши немцы к Красному городку (современный поселок Красногородское в 110 км к югу от Пскова. — Н. Б1.) и в Коровьи бору волость взяше и голов посекоша много, а иных поведоша с собою; а в городке вельми притужно было, хотеша дом пленити святого Спаса Преображение Господа нашего Иисуса Христа; а людей Бог ублюде и святыи Спас; и завещаша церковь поставите святую Пятницу» (40, 87).

Продолжение рассказа представляет собой причудливую смесь мистической приподнятости с обычной для провинциалов обидой на равнодушие к их бедам «столичных» властей. «А немцом виделось за Синею рекою на горе от часовне святого Георгиа сила велика, и нападе на них страх и трепет, и побегоша прочь, устраши бо их Бог и святая Пятница; и поставиша красногородцы церковь святую Пятницу. И приидоша псковская сила к Красному городку, а они погании побегоша прочь, а псковские воеводы и псковичи не пособиша им ничем же и поехаша ко Пскову» (40, 87).

Летом и в начале осени 1502 года Иван III предпринял первую попытку овладеть Смоленском. Туда были брошены лучшие силы русской армии. Великий князь хорошо понимал, что такая ситуация может побудить к нападению на русские земли

ливонских рыцарей и шведов. Для прикрытия северо-западных рубежей в Новгороде была сосредоточена сильная группировка войск. Командование ею государь возложил на князя Даниила Васильевича Щеню и князя Василия Васильевича Немого Шуйского. Оба были пожалованы званием новгородского наместника. Из Новгорода в случае необходимости московские полки могли относительно быстро выдвинуться и к Пскову, и к Ивангороду и к Великим Лукам. Ход событий показал дальновидность московского правителя. В начале сентября 1502 года — в самый разгар сражения за Смоленск — Ливонский орден, выполняя свой союзнический долг по отношению к Литве, предпринял новое крупное наступление на руские земли.

«Прииде местер (магистр Ордена. — *Н. Б.*), отметник (враг. — *Н. Б.*) правыя веры, ко Изборску городку ратью со всем замышлением, и лезоша к городку усердно, месяца сентября в 2 день; и городок Бог ублюде и святыи Никола, и отъидоша прочь, не учинивши ничего же, а стояли под городком одну нощь» (40, 87). Вновь повторилась прошлогодняя история: немцы тщетно пытались взять сходу изборскую крепость и, потерпев неудачу, отправились дальше на восток. Разница состояла лишь в том, что в начале сентября 1501 года магистр от Изборска повернул на юг и пошел к Острову. Теперь он двинулся прямо на Псков.

«Да поидоша подо Псков, хупучися (похваляясь. — *Н. Б.*), со всем замышлением и с пушками, того же месяца в 6 день, а пришли во утре во втором часу на Завеличье (район Пскова на противоположном от Кремля левом берегу реки Великой. — *Н. Б.*). И почаше погании пушками бити на дом святая Троица, и псковичи помолившеся святей Троицы и вышли противу их на Завеличье со жолныри (пехотинцы, вооруженные огнестрельным оружием. — *Н. Б.*), и почаша с ними битися псковичи и жолныри с пищальми, и много пушками били на город на Кром (местное название псковского Кремля. — *Н. Б.*); а детинца Бог ублюде и святая Троица» (40, 87).

Простояв в Завеличье один день и убедившись в твердости псковской обороны на этом участке, магистр повел свое войско к Выбутам—древнему погосту, находившемуся в 12 км выше Пскова на левом берегу Великой. Возле Выбутов был брод через реку, которым не раз пытались воспользоваться приходившие на Псков ливонские рыцари (171, 120).

В 1407 и 1480 годах немцам не удалось сломить здесь оборону псковичей. Но бравый Плеттенберг и на этот раз оказался победителем. После ожесточенного сражения он отбросил псковичей от брода и перешел на правый берег Великой. Вскоре немцы уже атаковали псковскую крепость с наименее

защищенной, юго-восточной стороны. Здесь, со стороны Поля («на Полонище»), стены дополнял широкий ров, наполненный водой. Стремясь не дать немцам материалов для штурма стен или поджога города, псковичи сами выжгли все деревянные строения вокруг крепости. Среди всеобщего смятения не терял голову один лишь московский наместник князь Иван Иванович Горбатый Суздальский. Он распорядился выстроить на некоторых участках обороны дополнительные деревянные стены, которые, по мнению псковского летописца, спасли город от пожара (40, 88).

Интенсивные атаки немцев продолжались два дня. На третий день Плеттенберг увел своих воинов «тем же путем» (40, 87). Магистр узнал, что со стороны Новгорода вот-вот могут подойти великокняжеские полки. Опытный полководец, он не желал оказаться между ними и осажденными псковичами. К тому же сила немцев была значительно меньше той, которой располагали Даниил Щеня и Василий Шуйский. Уход немцев псковский летописец, как обычно, объясняет небесной помощью: «…А псковичь Бог ублюде и святая Троица» (40, 87).

Московско-новгородская рать подошла к Пскову вскоре после ухода врага. Не теряя времени, воеводы вместе с псковским ополчением двинулись в погоню за Плеттенбергом. Магистр успел, отходя к Выбутовскому броду, сжечь за собой мосты через реку Череху (правый приток Великой) и Многу. Однако погоня продолжалась. «И погнашася воеводы великих князей и псковичи, и нагнаша их в Озеровах на могильнике, и немцы кошь (обоз. — *Н. Б.*) свои поставиша опричь (отдельно. — *Н. Б.*) и молвиша: толке де и Русь ударитца на кош, и мы де и выйдем изо Псковской земли; а толке же де и на нас, ино туто нам головы покласти своя» (40, 88). Для задержки русских в брошенном обозе немцы оставили и свою челядь из числа местного населения. Вероятно, рыцари пообещали этим несчастным, что скоро вернутся для их спасения…

Отдадим должное Вальтеру фон Плеттенбергу: он прекрасно знал своего противника и умел пользоваться его слабостями. При виде брошенного немцами обоза русских обуяла жажда легкой наживы. Первыми кинулись грабить чужое (а частью и захваченное у них же) добро псковичи.

Вслед за ними подоспели и москвичи с новгородцами. «И начата межи собя дратися о быте (добре. — *Н. Б.*) немецком, а чюдь кошевую (эстонцев и латышей, брошенных рыцарями на растерзание русским в оставленном обозе. — *Н. Б.*) всю присекоша» (40, 88).

Дело едва не закончилось катастрофой. Немцы внезапно остановились и ударили на русских ратников. Псковский князь

Иван Иванович Горбатый в отчаянии носился среди развороченных телег, пытаясь урезонить добытчиков и вернуть их в строй. Но в ответ на его призывы слышались одни лишь бранные слова.

Московским воеводам удалось все же навести кое-какой порядок и дать отпор немцам. Однако это беспорядочное столкновение с отходившим рыцарским войском стоило москвичам ощутимых потерь. Подробности сообщает Типографская летопись. «Немци же убояшася, отступиша от града за тридесять поприщ, въеводы же великого князя обоидоша их от града Изборска и сретошася с немци на озере на Смолине (ныне озеро Городищенское близ Изборска. — *Н. Б.*), и учинишася им бой, месяца сентября 13 день, и бишася и разидошася обои. И на том бою убиша князя Федора Кропотича, да Григорья, Дмитреева сына Давыдовича, да Юрья, Тимофеева сына Юрлова, и иных многих детей боярских, а немец падоша бесчислено. И оттоле немци отъидоша въсвояси, а воеводы великого князя разыдошася и с своим воинством к собе» (30, 215).

Картину боя уточняет Воскресенская летопись. Когда московские воеводы уже почти догнали Плеттенберга возле Изборска, разведка сообщила, что немцы обратились в паническое бегство. Дух охотничьего азарта и наживы оказался сильнее всякой дисциплины. «И люди великого князя многие ис полков погониша (бросились в погоню. — *Н. Б.*), а полки изрушалй, и кошевных людей немецких многых побили, и пришли на немецкие полки, а немци стоят полки въоружены, и великого князя людей не многых избиша, которые пришли изрывкою (в одиночку. — *Н. Б.*), а сами ся отстояли, потому что у великого князя въевод плъки ся изрушалй; на том бою убиены бысть князь Андрей Александрович Кропоткин да Юрий Юрлов сын Плещеев» (19, 242).

Итог стычки при озере Смолине обычно сильно преувеличивают. Немцы называли этот эпизод своей большой победой (81, 192). Русские же источники оценивали его как «ничью». С. М. Соловьев выражался столь же патетически, сколь и уклончиво: «…битва была одна из самых кровопролитных и ожесточенных: небольшой в сравнении с русскими войсками отряд немцев бился отчаянно и устоял на месте» (146, 129).

Впрочем, оплошавшие московские воеводы, упустившие магистра из-под самых рук, могли отчитаться перед Иваном III захваченным немецким обозом. В свою очередь, Плеттенберг мог похвалиться перед «братьями» тем, что благополучно вывел войско из Псковской земли и на прощанье перебил нескольких наиболее азартных московских витязей.

Дерзкие рейды Вальтера фон Плеттенберга отчасти напоминали набеги казанских или ногайских татар. Опасные своей внезапностью и жестокостью, они не могли, однако, изменить общий расклад сил в регионе. Приближение многочисленного великокняжеского войска заставляло грабителей поспешно отступить восвояси. Да и ливонское купечество нуждалось в мирных отношениях с Русью для развития своей торговли. Военные предприятия соскучившихся крестоносцев интересовали ливонских горожан лишь постольку, поскольку они обеспечивали их торговые интересы и личную безопасность.

В начале 1503 года ливонские представители вместе с послами великого князя Литовского Александра прибыли в Москву для переговоров о мире. Слегка покуражившись перед ливонцами, князь Иван заключил с ними перемирие сроком на шесть лет. Стороны возвращались к тем границам и отношениям, которые существовали между ними до войны 1501–1502 годов. В 1509 году перемирие было продлено еще на четырнадцать лет, причем ливонцы приняли на себя обязательство не помогать Литве в случае ее конфликта с Москвой. Торговля Руси с Ливонией возобновилась. Однако ливонцы (а вместе с ними и вся Ганзейская лига) по-прежнему не желали продавать русским серебро и металлы, необходимые для военного производства. Русские со своей стороны еще в 90-е годы XV века решили прекратить покупку соли — самого ходового товара, шедшего из Ливонии (161, 154).

Подводя итоги действиям Ивана III в Прибалтике, следует признать, что он сумел лишь громко заявить о своих интересах в регионе, но не сумел отстоять их перед лицом стран, давно и прочно освоившихся здесь. Поиски «выхода к морю», а затем и проблема укрепления позиций России на этом важнейшем мировом перекрестке, станут «головной болью» для многих поколений наших правителей. У истоков этой непрекращающейся исторической борьбы стоит «государь всея Руси» Иван Васильевич. Он никогда не видел чарующей бесконечности моря, не вдыхал его незабываемого запаха. Но именно он начал строить Великую Россию, которую невозможно представить без морей. И потому, подобно Петру Великому, Иван вполне заслуживает памятника где-нибудь на скале над холодным Варяжским морем.

Часть 5
ГОСУДАРЬ

ГЛАВА 14 Строитель

Иные колесницами, иные конями, а мы именем Господа Бога нашего хвалимся: они поколебались и пали, а мы встали и стоим прямо.

(Псалтирь.19:8)

Возведение величественных каменных зданий есть тайная страсть всякого правителя. Они наглядно свидетельствуют о его могуществе как перед собственными подданными, так и перед чужестранцами. Они воплощают порядок и побеждают толпу, страх перед которой терзает правителя не меньше, чем страх перед клинком или ядом. Они создают иллюзию бессмертия не только великого дела, которое ставит целью своей жизни всякий уважающий себя правитель, но отчасти и его самого. Наконец, эти каменные громады являются важным элементом тех сложных отношений, которые возникают у правителя с Богом.

Таковы основные причины любви диктаторов к архитектуре. Мы говорим — диктаторов, поскольку именно диктатура (во всех ее исторических формах, включая и московское самодержавие) наиболее благоприятствует сооружению величественных зданий. Такого рода проекты требуют огромных средств и жесткого контроля за исполнением. Учитывая практическую бесполезность подавляющего большинства величественных зданий, легко понять, что только диктатор (или диктатура овладевшей обществом идеи) могут подвигнуть людей тратить колоссальные деньги и непомерные силы на символы.

Связь архитектуры с диктатурой таит в себе одну опасность. Художественные достоинства возводимых сооружений находятся в прямой зависимости от культурного уровня диктатора. Если это человек воспитанный и образованный, действующий в рамках определенной культурной традиции, умеющий прислушиваться к мнению художников, — результатом будет Тадж-Махал или Версаль. Если же невежественный диктатор вздумает диктовать художнику свои собственные представления о том, каким должно быть задуманное сооружение, — оно станет вечным обвинением против него.

Любовь диктаторов к архитектуре во все времена порождала разного рода амбициозные проекты. Однако существует и целый ряд поводов, необходимых для материализации этого чувства. Среди них — военные победы, преодоление кризисных ситуаций,

разного рода проявления Божьей милости к данному народу или царствующему дому.

Иван Великий был диктатором, а его правление изобиловало такого рода поводами. Следовательно, есть все основания ожидать от него большого интереса к архитектуре. И эти ожидания вполне оправдываются. Иван построил много величественных каменных зданий. Да и можно ли ожидать иного от победителя Золотой Орды, покорителя Новгорода и Твери, создателя единого Российского государства, наконец, от монарха, управлявшего огромной страной в течение 43 лет? Этот строительный азарт передался и потомкам Ивана III. И его сын Василий III (1505–1533), и его внук Иван IV Грозный (1547–1584), имея гораздо меньше достижений, построили никак не меньше памятников этим достижениям.

Можно только удивляться, как князю Ивану хватало денег для всех его многочисленных построек. (Впрочем, некоторые из них — великокняжеский дворец, Архангельский собор — он так и не успел закончить.) Конечно, доходы его в это время многократно возросли за счет регулярного опустошения новгородских кладовых, прекращения платежей в Орду и захвата новых земель. Но при этом сильно возросли и расходы. И все же бережливый до скупости князь Иван умел не жалеть средств, когда того требовали интересы московского дела. Он понимал великую воспитательную силу архитектуры. Наконец, он был человеком своего времени, помнил о своих грехах и считал необходимым воздавать благодарность Всевышнему за Его долготерпение.

Все постройки Ивана III, о которых сообщают источники, отвечают той или иной насущной потребности и несут в себе определенный «воспитательный» заряд.

Читатель помнит, что, взойдя на престол в марте 1462 года, князь Иван прежде всего довел до конца строительные начинания своего отца. Летом 1462 года была «поновлена» часть кремлевской стены от Свибловой башни до Боровицких ворот.

27 июля 1462 года, во вторник, была освящена церковь святого Афанасия с приделом во имя святого Пантелеймона «во Фроловьских воротех» (29, 157). Неясно, выступал ли заказчиком при строительстве этого храма сам великий князь или же кто-то из знатных москвичей. Второе более вероятно: летописец обычно оговаривал участие великого князя в строительстве. Рассуждая о возможных заказчиках, следует вспомнить о великой княгине Марии Ярославне, вдове Василия Темного. Это была энергичная, властная и к тому же достаточно богатая для такого рода заказов особа. Несколько лет спустя она на свои средства заново

отстроила при участии того же Василия Ермолина старый собор Вознесенского женского монастыря в московском Кремле. У княгини-вдовы были достаточные основания заботиться о церкви святого Афанасия. Ее отец, серпуховской князь Ярослав Владимирович, родился 18 января 1388 года — в день памяти святого Афанасия Александрийского. Поэтому его церковным именем было имя Афанасий (168, 307). Учитывая это обстоятельство, можно полагать, что Ярослав-Афанасий был ктитором или донатором кремлевского Афанасьевского монастыря. Подобно двум своим братьям, Ивану и Семену, князьям серпуховского дома, Афанасий скончался во время сильного морового поветрия осенью 1426 года. Возможно, именно тогда, устрашенный гибельной болезнью, Афанасий распорядился устроить в храме Афанасьевского монастыря придел во имя великомученика Пантелеймона, «безмездного целителя». Княжне Марии в 1426 году было, судя по всему, около 10 лет.

После кончины Василия Темного 17 марта 1462 года княгиня Мария Ярославна получила приличное состояние и право самостоятельно им распоряжаться. Она не ушла немедленно в монастырь, как это часто бывало с княгинями-вдовами, а до своего пострига в 1478 году вела одинокую жизнь в своих кремлевских покоях. Вполне естественным в ее положении было желание воздать дань уважения памяти отца, построив каменный храм в его любимом монастыре и освятив его в престольный праздник обетного придела. Это намерение должна была разделить с Марией Ярославной ее родная сестра, княгиня Елена Ярославна — жена удельного князя Михаила Андреевича Верейско-Белозерского.

К этим тонким нитям можно прибавить и еще одну. Известно, что Афанасьевский монастырь около середины XVI века был подворьем Кирилло-Белозерского монастыря. Есть основания полагать, что духовная связь между ними возникла гораздо ранее (79, 195). А между тем особые отношения с Кирилловым монастырем существовали и у обеих дочерей Ярослава Серпуховского. Мария Ярославна не могла забыть той неоценимой помощи, которую оказал Василию Темному кирилловский игумен Трифон в 1446 году. Решив принять иноческий постриг, княгиня-вдова в 1478 году поручила совершить этот обряд кирилловскому игумену Нифонту, который, очевидно, был ее духовником (50, 64). Елена Ярославна имела тесные связи с Кирилловым монастырем уже потому, что он находился в уделе ее мужа — князя Михаила Андреевича Верейско-Белозерского. Князь считал монастырь своим и активно вмешивался в его внутреннюю жизнь, что и стало причиной его

конфликта с ростовским владыкой Вассианом в 1478 году.

Первым заказом, так или иначе связанным с молодым великим князем, стало украшение Фроловской башни двумя каменными скульптурами — святого Георгия Победоносца с внешней стороны и святого Дмитрия Солунского с внутренней. «Того же лета (6972. — *Н. Б.*) месяца июля 15, поставлен бысть святыи великий мученик Георгии на воротех на Фроловьских, резан на камени, а нарядом Васильевым, Дмитреева сына Ермолина» (29, 158).

В воскресенье, 15 июля 1464 года состоялось открытие первой скульптуры — Георгия Победоносца. (Пройдя сквозь века, она частично сохранилась до наших дней.) Выбор воскресного дня свидетельствует о том, что торжество сопровождалось каким-то церковным обрядом и произошло при большом стечении народа. Вместе с тем и само число — 15 июля — было глубоко символичным. В этот день церковь вспоминала равноапостольного князя Владимира — крестителя Руси, основателя могущественного православного Киевского государства. В этот день родился и был именинником князь Владимир Андреевич Серпуховской — герой Куликова поля, дед княгини Марии Ярославны.

Рассуждая о символическом значении каменных скульптур, следует иметь в виду и чисто семейный аспект. Двух своих сыновей — Юрия Старшего, умершего в возрасте двух с половиной лет в январе 1440 года, и Юрия Младшего (1441–1472) — Василий Темный и Мария Ярославна назвали именем небесного воина.

Через два года Фроловские ворота были украшены с внутренней стороны каменным изображением святого Дмитрия Солунского. «Поставлен бысть святыи великий мученик Дмитреи на Фроловьских воротех изнутри града, а резан в камени, а повелением Василья Дмитреева сына Ермолина», — сообщает Ермолинская летопись (29, 158). По мнению исследователей, эта скульптура, не сохранившаяся до наших дней, также представляла святого в виде всадника с копьем (71, 145). Обращает на себя внимание разрыв во времени между первой и второй фигурами. Очевидно, это была работа одного мастера, который, получив заказ в 1462 году, работал два года над первой скульптурой, а затем еще два — над второй.

В 1467 году в московском Кремле шла работа по достройке собора женского Вознесенского монастыря. Заказчицей выступала княгиня Мария Ярославна, а исполнителем — Василий Ермолин. Ни о каком участии в строительстве великого князя Ивана сведений нет. Храм был торжественно освящен митрополитом

Филиппом во вторник 3 ноября 1467 года (101, 385). Это был один из дней, когда Церковь вспоминала святого великомученика Георгия (139, 343). В церемонии участвовал весь цвет московского духовенства во главе с Вассианом Рыло, занимавшим тогда пост архимандрита придворного Спасского монастыря.

Прославившийся успешной реставрацией собора Вознесенского монастыря, зодчий Василий Ермолин вскоре получил заказ на выполнение еще двух работ такого же характера: «обновление» церкви Воздвижения на Торгу и Положения ризы Божией Матери на Золотых воротах во Владимире (29, 159). Источники не сообщают, кто был заказчиком этих работ. Уникальное известие о них содержится в Ермолинской летописи под 6977 годом (1 сентября 1468 — 31 августа 1469 года). Известно, что Владимир в эти годы неоднократно посещал сам Иван III, руководивший отсюда московскими войсками, развернутыми против Казанского ханства. Можно полагать, что обветшавший вид древних зданий вызвал недовольство великого князя. Весной 1468 года Иван даже не счел возможным принять во Владимире польских послов. Он велел им ехать в Переяславль-Залесский, куда отправился и сам из Владимира через Юрьев-Польской (31, 280). Запустевшую древнюю столицу следовало срочно привести в пристойный вид. Тут-то и пригодилось умение Василия Ермолина обновлять состарившиеся здания.

Помимо Владимира, внимание государя привлек и Юрьев Польской. По дороге из Владимира в Переяславль он проезжал через этот некогда стольный, а теперь захолустный городок. Городской собор во имя святого Георгия, был выстроен перед самым Батыевым нашествием (в 1230–1234 годах) юрьевским князем Святославом Всеволодовичем. Теперь его белокаменные стены, сверху до низу покрытые тонкой резьбой, представляли собой груду развалин. Иван повелел все тому же Ермолину позаботиться о восстановлении древнего храма. Под 6879 годом (1 сентября 1470 — 31 августа 1471 года) Ермолинская летопись сообщает: «Того же лета во граде Юрьеве в Полском бывала церковь камена святыи Георгии, а придел святая Троица, а резаны на камени вси, и розвалилися вси до земли; повелением князя великого Василей Дмитреевь (Ермолин. — *Н. Б.*) те церкви собрал вси изнова и поставил, как и прежде» (29, 159).

(Троицкий собор в Юрьеве Польском сохранился до наших дней. Его резные композиции, изрядно перепутанные Ермолиным при реставрации, стали одной из самых сложных загадок в истории древнерусского искусства.)

Четыре летних сезона (1468–1471 годов) ушли на

восстановление трех названных выше памятников Владимирской земли. В 1472 году Ермолин был уже в Москве и безуспешно пытался получить подряд на строительство митрополичьего Успенского собора в московском Кремле.

Восстановление древних храмов во Владимире и Юрьеве-Польском символизировало уважение молодого великого князя к деяниям и славе предков. Более того. В этих работах уже угадывалось столь ярко проявившееся впоследствии стремление Ивана III выступить в роли законного наследника всех прав и владений владимирских и киевских великих князей.

В ознаменование своих успехов Иван III строил мемориальные храмы. Следуя традиции, восходящей к Киеву и Константинополю, так поступали многие князья. Вся история Московского княжества может быть представлена в виде длинной череды мемориальных храмов. Храмам-памятникам их создатели стремились придать особую архитектурную выразительность. Здесь следует немного рассказать о том, что представляла собой московская архитектура той поры.

Все значительные постройки времен Ивана III можно разделить на светские и культовые. И те и другие были как деревянными, так и каменными. Деревянные постройки второй половины XV века до наших дней практически не сохранились. (Единственное исключение — чудом уцелевшая Ризоположенская церковь из погоста Бородавы на реке Шексне (1485 год). Она являет собой пример скромного сельского храма, в основе композиции которого лежит прямоугольный бревенчатый сруб под двускатной крышей.) Иное дело каменные сооружения. Из каменных построек светского назначения можно назвать две крепости (московский и новгородский Кремль) и два фрагмента дворцов (Грановитая палата в московском Кремле и тронный зал дворца Андрея Большого в Угличе). В этих сооружениях примечательно соединение собственно русских строительных традиций с высоким профессионализмом и артистизмом итальянских зодчих.

Большого размаха достигает при Иване III и каменное культовое строительство. Каменные храмы строят в Москве и Подмосковье, в крупных монастырях и удельных столицах. За исключением Успенского собора московского Кремля, а также новгородских и псковских церквей, все эти храмы принадлежат к одному архитектурному типу. Это сравнительно небольшой одноглавый или трехглавый храм, своды которого опираются на четыре столпа. Иногда основной объем поднят на высокий подклет и окружен с трех сторон открытой галереей-гульбищем. Верхняя часть храма решена в виде нескольких ярусов

полуциркульных или заостренных «кокошников», создающих красивый, динамичный переход от основного четверика к высокому барабану и куполу. На основе этого универсального типа безымянные русские мастера создавали множество вариаций, отличающихся пропорциями и декором. Стройные, пирамидальные очертания этих храмов легко струились ввысь, словно дым из кадила или пламя горящей свечи.

Мысль о том, что вся его деятельность является исполнением некоего провиденциального замысла, а сам он избран Богом и пользуется его милостью, с годами все более укреплялась в сознании Ивана III. И с каждой новой удачей в душе великого князя крепло чувство любви и благодарности к Всевышнему, к тем святым, которые более других покровительствовали ему.

В 1468 году по случаю удачной борьбы Ивана III с пожаром, охватившим Москву, была поставлена обетная деревянная церковь Симеона Дивногорца (31, 281). Полагают, что она находилась в урочище «Сады» (в полутора верстах к востоку от Кремля), где располагался загородный двор великого князя (71, 68).

В память о победе над новгородцами в битве на реке Шелони 14 июля 1471 года (в воскресенье, в день памяти апостола Акилы) великий князь и его воеводы устроили два придела при Архангельском соборе московского Кремля — апостола Акилы и Воскресения. Оба придела сгорели во время сильного пожара в Кремле в 1475 году. Однако 8 сентября 1481 года (в годовщину Куликовской битвы!) они были заложены уже как каменные. Воскресенский придел был освящен в воскресенье 13 октября 1482 года, а придел апостола Акилы — в воскресенье 27 октября (20, 214).

Исполнением обета, данного Иваном III перед первым походом на Новгород, стала и постройка им в 1472 году деревянного храма Успения Божией Матери на посаде (позднее — церковь Гребневской Богоматери) (71, 70). Никаких подробностей ее создания источники не сообщают.

Отражением тех же благодарственных настроений стала и закладка в воскресенье 11 июля 1479 года обетной церкви Иоанна Златоуста в Ивановском монастыре (20, 192). Этот небольшой монастырь издавна существовал в версте к востоку от Кремля, между позднейшими улицами Мясницкая и Маросейка. Иван III дал новую жизнь оскудевшей обители. Вот что рассказывает об этом летопись: «Того же лета (6987), июля месяца, заложил церковь Иоанна Златаустаго великий князь Иван Васильевич камену, а преже бывшую древяную разобрав; бе же та изначала церковь гостей московских строение, да уже и оскудевати начят

монастырь той; князь же великий учини игумена тоя церкви выше всех соборных попов и игуменов града Москвы и заградских попов еще за лето преже сего, егда обет свой положи, понеже бо имя его наречено бысть егда бывает праздник принесение Иоана Златаустаго, генуариа 27; а в застенке тоя церкви повеле церковь другую учинити, того же месяца 22, Тимофея апостола, в той день родися; а ту разбраную церковь древяную повеле поставити в своем монастыре у Покрова в Садех, еже и бысть, первую малую розобрав» (19, 201).

Суть обета, исполнением которого стала постройка каменного храма во имя Иоанна Златоуста, вполне понятна. В январе 1478 года, когда князь Иван заставил новгородцев принять все его условия и присягнуть на верность, он на радостях обещал выстроить каменный храм во имя своего ангела — Иоанна Златоуста и сделать одноименный монастырь первым среди московских монастырей. Гонец, принесший в Москву весть о покорении Новгорода, прибыл в столицу 27 января — в праздник Перенесения мощей святителя Иоанна Златоуста (31, 322). Несомненно, князь Иван, отправляя гонца загодя, 20 января, велел ему въехать в столицу именно в день своих именин. Это должно было показать москвичам чудесную силу небесного покровителя великого князя. (Похоже действовал Иван III и в 1480 году. Гонец, принесший весть о победе над Ахматом, прибыл в столицу 13 ноября — в день памяти святителя Иоанна Златоуста. Теперь ни у кого не оставалось сомнений в том, что князь Иван пользуется могущественным покровительством своего патронального святого.)

Храм во имя Иоанна Златоуста в одноименном монастыре был выстроен быстро. Однако его освящение затянулось из-за острого конфликта между великим князем и митрополитом Геронтием, вспыхнувшего осенью 1479 года. Стороны спорили о том, как правильно следовало совершать крестный ход при освящении нового Успенского собора: по солнцу или против солнца. Одни исследователи считают, что вопрос этот был лишь поводом для открытого столкновения светской и духовной властей, которое давно назревало в Москве. Другие полагают, что князь Иван находился под сильным влиянием языческих представлений, согласно которым движения крестного хода «против солнца» расценивались им «как магические, „нечистые“, разрушавшие сакральность храма, обесценившие все усилия великого князя в его строительстве и обустройстве» (101, 374). Устрашенный очередным московским пожаром, случившимся месяц спустя (!) после «неправильного» освящения собора, великий князь поднял спор с митрополитом и отказался освящать

свои храмы согласно той традиции, которая была принята при освящении Успенского собора. «Много бо церквей князь велики своих, Ивана Златоустаго на посаде каменнаго с год не велел свящати, и Рожества (Богородицы. — *Н. Б.*) в городе, и Онуфрея святаго придела его и иных многих…» (18, 233).

Митрополит Геронтий, как и его предшественник митрополит Филипп, умел твердо стоять на том, что считал истиной. 24 августа 1481 года он демонстративно покинул митрополичий двор и уехал жить в Симонов монастырь, «посох свой остави в церкви, толико ризницу взя» (18, 233; 101, 365). Все текущие церковные дела остановились. Отсутствие архиерея, не передавшего свои полномочия какому-либо другому иерарху, создавало тупиковую ситуацию. На это и рассчитывал Геронтий, добивавшийся покаяния великого князя.

В конце концов Иван III, затаив досаду, вынужден был публично признать правоту митрополита в споре о крестном ходе. Он лично явился в Симонов монастырь и «бил челом» Геронтию, умоляя его вернуться на кафедру. Не позднее января 1482 года митрополит возвратился в Кремль и приступил к исполнению своих обязанностей (73, 556). Таким образом, выражение летописца «с год не велел свящати» означает период времени с конца 1480 до конца 1481 года. Можно полагать, что Ивановский собор окончили где-то осенью 1480 года, и он ждал освящения до конца 1481 — начала 1482 года. Только тогда этот храм-памятник, поставленный Иваном Великим отчасти Богу, отчасти самому себе, наполнился запахом ладана и голосами певчих.

Помимо собора Ивановского монастыря Иван III в 1481–1482 годах заложил в камне и собор древнего Сретенского монастыря, основанного великим князем Василием I и митрополитом Киприаном в 1395 году. «Того же (6990-го. — *Н. Б.*) лета заложи церковь камену князь велики, Сретение святыя Богородицы на Поле» (18, 233). Сретенский монастырь носил ярко выраженный мемориальный характер: он возник на том месте, где москвичи 26 августа 1395 года встречали чудотворную икону Владимирской Божией Матери. Ее переносили из Владимира в Москву в связи с ожидавшимся нашествием грозного среднеазиатского завоевателя Тамерлана (Тимура). Разорив Золотую Орду, Тимур шел к границам Руси. Однако внезапно он прекратил поход и ушел обратно в степи. Молва приписала спасение Москвы чудесному вмешательству самой Богородицы.

«Стояние на Угре» вновь вызвало всплеск горячего поклонения Божией Матери. 23 июня 1480 года в Москву вновь (и на сей раз окончательно) была перенесена икона Владимирской

Божией Матери, возвращенная во Владимир после событий 1395 года (76, 53; 73, 333). Летописные рассказы о событиях 1480 года полны чудесных знамений и благочестивых рассуждений. Это возбуждение, создаваемое драматизмом ситуации, всячески поддерживало и духовенство во главе с митрополитом Геронтием.

30 сентября 1480 года «в суботу, в самую заутреню, мнози слышали, что колоколы московские на площади (соборной площади в Кремле. — *Н. Б.*) зучали о себе, тако как коли после звону зучат; а которые люди в дворех то слышали, ино слышелося им как бы симановских (Симонова монастыря. — *Н. Б.*) колоколов звон зучит. А месяца ноября 11, с четверга на пяток, нощи, опять зучали; а слышал то Гридя митрополичь ключник, а митрополиту сказывал в пятницу ту порану дворецкой его Сухан, а туто был Володимер да сын его Голова, да протопоп Феодор Благовещенской туто-же тогда был…» (19, 205).

Оба известия помещены в летописи под 6988 годом (1 сентября 1479 — 31 августа 1480 года). Однако знаменательные даты мистических событий указывают на осень 1480 года. 30 сентября (в 1480 году это действительно была суббота) Иван III неожиданно вернулся в Москву из Коломны. Коломенская дорога проходила мимо Симонова монастыря, где великого князя встретили колокольным звоном, донесшимся в утренней тишине и до Кремля. Значимой датой было и 11 ноября 1480 года — в этот день в стане великого князя стало известно об отступлении Ахмата (90, 13). Согласно некоторым летописям, именно 11 ноября 1480 года хан Ахмат «побежал с Угры» (30, 201).)

В октябре 1480 года, в самые критические дни противостояния, «вожжеся свеща о себе в храме пресвятыа Богородици у гроба чюдотворца Петра на Москве; митрополит же Геронтей молебнаа пев пресвятей пречистей Богородици и чюдотворцу Петру, и воду святил, и вощаницу оноа свещи, нарядив, послал к великому князю на Угру» (20, 201).

В эти годы уже вполне отчетливо очерчивается круг тех святых, которых принято было считать небесными покровителями Московского государства и его правителей. 13 ноября 1480 года митрополит Геронтий от имени всего русского духовенства обратился к Ивану III с посланием, в котором призывал твердо стоять за веру против «поганого царя» Ахмата. Он обещает государю небесную помощь «молитвами великых святителей и чюдотворец Николы и Петра, и Алексея, и Леонтия, и преподобных святых чюдотворец Сергия и Варлама, и Кирила, и сродника вашего, святого старца князя Александра Невъскаго, и святых Христовых страстотерпец Дмитрея и Георгия, и Андрея, и Федора Стратилата, и благочестивых по плоти сродник ваших,

равнаго апостолом великаго князя Владимера и сынов его Бориса и Глеба…» (45, 277). Этот своего рода «литературный иконостас» венчают образы «всемилостивого Бога», Пречистой Богоматери и архистратига Михаила. Те же святые (с добавлением Иоанна Златоуста и исключением Александра Невского) названы покровителями московского воинства и в «Словесах избранных» — обширном панегирике, посвященном походу Ивана III на Новгород в 1471 году и написанном вскоре после события каким-то неизвестным книжником, близким к митрополичьему дому (115, 128).

Многочисленные московские пожары второй половины XV столетия быстро разрушали старые каменные здания в Кремле, которые выглядели весьма непритязательно. Их убожество становилось особенно заметным на фоне нового Успенского собора, выстроенного Аристотелем Фиораванти в 1475–1479 годах. Иван III постоянно заботился о приведении «города» в надлежащий вид. Но как человек бережливый он старался заставить раскошелиться и других состоятельных обитателей Кремля.

Второй после самого великого князя фигурой на Боровицком холме был митрополит. Некогда Иван Калита, желая привлечь святителей в Москву, на свои средства построил митрополичий дворец. Теперь времена изменились. Митрополиту некуда было уйти из Москвы. И потому он сам должен был заботиться об украшении своей резиденции. Даже строительство Успенского собора великий князь не прочь был поначалу возложить на плечи святителя Филиппа. Лишь после катастрофы 20 мая 1474 года (а может быть, и раньше, после страшного пожара 4 апреля 1473 года, уничтожившего митрополичий двор со всеми его кладовыми и сокровищницами) Иван вынужден был взять это дело в свои руки. Однако другие здания митрополичьей резиденции, разрушенной пожаром, были отстроены самим митрополитом Геронтием. Летом 1473 года он «поставил у двора своего на Москве врата кирпичем кладены ожиганым, да и полату заложил на своем дворе» (19, 178). Сложенный из обожженного кирпича «на четырех подклетех каменых», митрополичий дворец мог устоять в случае нового пожара в Кремле. Осенью 1474 года строительство было закончено. Торжественное переселение митрополита в новую палату состоялось в воскресенье 13 ноября 1474 года — в день именин великого князя Ивана Васильевича. Несомненно, со стороны Геронтия это был жест уважения по отношению к Ивану III. Очевидно, в эти годы между ними еще не существовало той напряженности, которая появится позднее. Впрочем, и в худшие для себя времена, когда великий князь его

явно не жаловал, Геронтий нашел возможность выстроить при своем дворе сохранившуюся до наших дней небольшую Ризоположенскую церковь (1484–1485). Известно, что ее создателями были псковские мастера, имен которых источники не сохранили.

В условиях постоянных пожаров в Кремле каменное строительство оказалось вполне оправданным. Преемник Геронтия митрополит Зосима после пожара 1493 года, нанесшего сильный ущерб митрополичьей резиденции, выстроил «три келий камены с подклеты на своем дворе» (19, 227).

Большой участок внутри Кремля (в районе современной Троицкой башни) принадлежал Троице-Сергиеву монастырю. Обитель была достаточно богата, чтобы вести собственное каменное строительство. В самом монастыре в 1469 году Василий Ермолин выстроил каменную трапезную палату (29, 158). В 1476–1477 годах псковские мастера возвели на Маковце Троицкую церковь «иже под колоколы», позднее переименованную в Духовскую. Не забывали троицкие старцы и о своем подворье в московском Кремле. Еще в 1460 году там была поставлена каменная церковь Богоявления. Однако уже лет через двадцать она настолько обветшала («бе бо трухла велми»), что ее пришлось заменить на новую (19, 205). Это строительство источники датируют по-разному, но в пределах 1479–1482 годов.

Другой богатый монастырь — кремлевский Чудов — также сам заботился о своем благоустройстве. Еще в 50-е годы XV века здесь была поставлена каменная трапезная палата. В 1474–1476 годах в монастыре по повелению Ивана III (а значит, и на его средства) была возведена каменная церковь во имя святого митрополита Алексея (71, 111). Она сильно пострадала во время пожара 1477 года, и в 1483–1485 годах чудовский архимандрит Геннадий выстроил на ее месте новую трапезную палату с приделом во имя митрополита Алексея (19, 215; 71, 111).

От Троицкого и Чудова монастырей не отставал и Симонов. Эта древняя московская обитель была основана племянником преподобного Сергия Радонежского Феодором. Она считалась одной из самых богатых и привилегированных. Выходцами из Симонова монастыря были митрополиты Иона, Геронтий и Зосима. Монастырь имел свое подворье в Кремле. Оно находилось недалеко от Никольских ворот. Там еще в 1458 году была выстроена каменная Введенская церковь. В 1491 году ее разобрали и на том же месте начали строить каменную трапезную. Окончили работу уже осенью 1492 года. Введенская церковь при трапезной палате была освящена во вторник 13 ноября, в день памяти святителя Иоанна Златоуста — небесного

покровителя «государя всея Руси» (19, 223).

(Каменные соборы возводились тогда и во многих других крупных русских обителях. В 1466 году был построен собор Рождества Богородицы в Пафнутьево-Боровском монастре, в 1481 году — Спасо-Преображенский собор Спасо-Каменного монастыря на Кубенском озере, в 1484 году — Успенский собор Иосифо-Волоколамского монастыря, в 1490 году — собор Рождества Богородицы в Ферапонтовом монастыре, в 1497 году — Успенский собор Кирилло-Белозерского монастыря. Это оживление каменного строительства служит наглядным свидетельством улучшения экономической ситуации в стране в правление Ивана III.)

Стараясь по возможности уменьшить финансовое бремя кремлевского строительства, князь Иван все же вынужден был время от времени раскрывать и свою казну. В 1480 году рухнула церковь Рождества Богородицы, построенная еще в 1393 году вдовой Дмитрия Донского княгиней Евдокией. При этом храме помимо придела святого Лазаря находилось и хранилище великокняжеской казны. «А на Москве у Рожества Пречистые иже у Лазаря святаго врът падеся, напрасно некако и страшно в нощи, и иконы поби и множество в казне великого князя судов поби» (19, 205). Работы по восстановлению церкви велись на средства самого великого князя. Вероятно, они были закончены уже на другой год. Однако Рождественская церковь была заново освящена после перестройки лишь в конце 1481 или начале 1482 года, после примирения великого князя с митрополитом Геронтием (18, 233).

На протяжении почти всей своей жизни Иван не проявлял особого рвения в области монастырского строительства. Однако в последние пять лет жизни великий князь, переживший ряд семейных драм и сам ощутивший близкое дыхание вечности, стал на удивление щедр по отношению к некоторым московским обителям. В 1500 году «повелением великого князя Ивана Василиевича, розобраша старую церковь на Москве Архаггела Михаила Чюдо, иже бе заложил и съвершил святый митрополит Алексей чюдотворец» (19, 240). Строительство нового собора Чудова монастыря, несомненно, велось на средства великого князя и было окончено к осени 1503 года. 6 сентября, в день престольного праздника, Чуда Архистратига Михаила иже в Хонех, митрополит Симон в сослужении новгородского архиепископа Геннадия и других владык освятил новый храм (19, 243).

К этому же циклу работ по украшению Чудова монастыря, вероятно, относится и перестройка в 1504 году каменной церкви

Козьмы и Демьяна, располагавшейся рядом с обителью. Время постройки этого храма источники не сообщают. Известно лишь, что в рассказе о пожаре 1475 года церковь уже названа каменной. Последующими московскими пожарами здание было приведено в полную непригодность, и великий князь принялся за его отстройку. «Того же лета, повелением великого князя Ивана Василиевича всеа Руси, розобраша церковь старую Козма и Дамьян против Михайлова Чюда въ городе и новую заложиша» (19, 244). Возможно, забота о храме во имя «безмездных врачей» была связана с теми болезнями, которые стали одолевать Ивана III под старость.

Летом 1504 года государь обратил свое внимание на московский Андроников монастырь, основанный преподобным Сергием Радонежским в 1360 году. «Того же лета, на Възнесениев день (16 мая. — *Н. Б.*), повелением великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, архимандрит Митрофан в Ондроникове монастыри заложи трапезу кирпичну» (19, 244). Щедрости великого князя в данном случае способствовало и то, что архимандрит Митрофан был его духовником (6, 364).

Особое место в строительных предприятиях Ивана III занимало надлежащее устройство его собственного дома — великокняжеского дворца со всеми относящимися к нему постройками. Этот обширный комплекс современники кратко называли «государев двор». Примечательно, что обновление «двора» Иван III начал не с собственных покоев, а с придворной церкви.

История строительства Благовещенского собора — домовой церкви московских великих князей — полна загадок. Можно полагать, что первый каменный храм во имя Благовещения был построен в конце XIV века. В создании его внутреннего убранства в 1405 году участвовали Андрей Рублев и Феофан Грек. Через 11 лет летописи вновь сообщают о придворном соборе: «Того же лета создана бысть церковь камена, на великого князя дворе, Благовещенье, месяца июля 18 день» (18, 140). Это сообщение вызывает много вопросов. Зачем понадобилось так скоро перестраивать недавно оконченный собор, расписанный лучшими художниками своего времени? Почему завершение работ, а значит, и освящение нового храма состоялись в столь неурочное время: в разгар строительного сезона, в субботу, вне связи с каким-либо праздничным или памятным днем? Одни историки сомневаются в подлинности этого летописного известия, другие считают его вполне достоверным (107, 294; 100, 11).

Как и все храмы XIV столетия, Благовещенский собор при Иване III выглядел весьма непритязательно. После Новгорода и

Угры такое положение уже становилось нетерпимым. Под 6990 годом (1 сентября 1481 — 31 августа 1482 года) в летописях сообщается о начале строительных работ: «Того же лета почаша рушити церковь на площади Благовещение, верх сняша и лубьем накрыша» (18, 234). Очевидно, служба продолжалась и в таком полуразрушенном храме. Так же, напомним, поступали и при строительстве Успенского собора.

Сложность перестройки Благовещенского собора состояла в том, что он, как и Рождественская церковь, по совместительству исполнял функции великокняжеской казны. Можно полагать, что именно его мощный белокаменный подклет, частично сохранившийся до наших дней, укрывал под своими низкими сводами сокровища московских Даниловичей. Теперь разбогатевший Иван III хотел иметь особый Казенный двор и надежную каменную палату для хранения сокровищ. По традиции все это должно было стоять рядом с Благовещенским собором и служить органической частью соборного комплекса. Под 6991 годом (1 сентября 1482 — 31 августа 1483 года) летописи вновь возвращаются к Благовещенскому собору: «Того же лета разруши князь велики Благовещенье на своем дворе, подписаную толко по казну и по подклет, и заложи казну около того подклета и полату кирпичну с казнами» (18, 235). Это сообщение следует понимать так, что Иван III распорядился оставить нижнюю часть старого Благовещенского собора («подклет») и включить ее в состав нового здания.

В 1484 году великий князь занялся наконец строительством самого Благовещенского собора. «Тое же весны, маиа в 6 день, князь велики Иван Василиевич всеа Русии заложил церковь камену Благовещение пресвятыя Богородица, на своем дворе, разрушив первое основание, еже бе създал дед его князь велики Василей Дмитреевич; а за церковию полату заложил» (19, 215). Строили собор мастера-псковичи. Строительство затянулось и было окончено лишь в 1489 году. «Того же лета, августа в 9 день, на память святаго апостола Матфеа, священна бысть церковь Благовещение пресвятыа Богородица, на великого князя дворе, на сенех. Того же месяца в 20, на память святаго пророка Самоила, священа бысть церковь Василей Кесарейский, придел у Благовещениа» (19, 218).

Летописи сохранили точные даты строительства Благовещенского собора. Однако их сокровенный смысл не вполне понятен. 6 мая 1484 года — четверг. Известно, что Иван III часто избирал этот день для своих начинаний. В Древней Руси четверг вообще считался счастливым днем. По пасхальному циклу это была Неделя Жен-Мироносиц. По месяцеслову в этот

день вспоминали праведного Иова, который своими страданиями дал прообраз невинных страданий Иисуса Христа. Возможно, этот день был связан с какими-то неизвестными нам семейными событиями в жизни великого князя.Более ясен день освящения Благовещенского собора. 9 августа 1489 года — воскресенье. Этот праздничный день недели часто выбирали для торжеств, предполагавших большое стечение народа. Что же касается дня освящения Васильевского придела (20 августа 1489 года), то это четверг, день памяти пророка Самуила. Ни о каких памятных событиях в истории Москвы, связанных с этим днем, не известно.

Придворный храм был предметом особой любви и гордости Государя. Выполняя волю своего державного заказчика, мастера создали сооружение, воплотившее в себе традиции владимиро-суздальской и московской школы, обогащенные элементами псковской архитектуры (72, 24). В отделке использовались и некоторые приемы, характерные для итальянского зодчества. В основе своей Благовещенский собор 1489 года — это четырехстолпный храм на высоком подклете и с высокими апсидами. Его внешний вид существенно отличался от нынешнего. Своды венчались тремя главами, причем центральная глава была поставлена на повышенные подпружные арки и декорирована ярусами кокошников. Основной четверик окружали открытые галереи-паперти с арочными оконными проемами. Все элементы храма имели устремленные ввысь пропорции. Размеры Благовещенского собора казались весьма скромными по сравнению с Успенским собором, величие которого приобретало, таким образом, особую наглядность.

Новый Благовещенский собор являлся архитектурной доминантой для целого комплекса окруживших его разнохарактерных сооружений. «Этот комплекс включал в себя Казенный двор с Казенной палатой, жилые покои государева духовника и две церемониальные лестницы: одну — Благовещенскую — „на Площадь“, другую — через Казенный двор „к Архангелу“. Дата постройки покоев духовника неизвестна, Казенная же палата была возведена перед алтарями собора одновременно с ним. Вся эта обстройка погибла во второй половине XVIII в.» (85, 30). Казенная палата, в которой отныне стали храниться сокровища московских государей, представляла собой прямоугольное в плане двухэтажное здание под высокой четырехскатной кровлей. Ее своды опирались на поставленный в центре помещения массивный каменный столп. Проникнуть в палату можно было лишь через южную паперть Благовещенского собора.

Обновление всего комплекса великокняжеского дворца,

начавшееся с перестройки Благовещенского собора, продолжилось в 1487 году постройкой обширной каменной палаты. «Того же лета повелением великого князя Ивана Васильевичя всеа Русии основал полату велику Марко Фрязин на великого князя дворе, где терем стоял» (38, 164). По мнению исследователя старой Москвы И. Е. Забелина, здесь идет речь о так называемой Набережной палате, располагавшейся к западу от Благовещенского собора, на самой бровке Кремлевского холма (79, 148). Однако ныне возобладала иная точка зрения, согласно которой это известие относится к началу строительства знаменитой Грановитой палаты, которую современники называли просто — Большая палата.

Под 6999 годом (1 сентября 1490 — 31 августа 1491 года) летописи сообщают о завершении Грановитой палаты, входившей в комплекс государева двора: «Того же лета Марко да Петр Антонеи архитектон фрязове съвершили болшую полату князя великого на площади» (38, 165). Таким образом, над созданием Грановитой палаты трудились два итальянских мастера: сначала это был Марко Фрязин, а затем к нему присоединился прибывший в Москву в 1490 году Пьетро Антонио Солари.

Грановитая палата — место торжественных приемов, пышных пиров, а позднее и земских соборов. Не чуждый провинциального тщеславия, князь Иван распорядился украсить парадный фасад Грановитой палаты, обращенный к Соборной площади, каким-нибудь изысканным западноевропейским декоративным мотивом. Для выполнения этого пожелания заказчика мастера воспользовались так называемым «бриллиантовым» рустом, что и дало палате ее историческое название. Великий князь вообще любил примешивать к русской архитектуре иноземные элементы. Эта тенденция особенно ярко проявилась в отделке Архангельского собора, законченного уже после его кончины. Однако ее можно проследить и во всех других постройках Кремля, выполненных по его заказу. Вероятно, этим Иван хотел как бы вскользь подчеркнуть свое равенство с европейскими государями.

Дальнейшая реконструкция великокняжеского двора затруднялась теснотой кремлевской застройки. Для освобождения места Иван III пошел на такой неординарный шаг, как «выселение» из Кремля древнего Спасского монастыря, основанного при княжеском дворе еще Иваном Калитой. Для обители было выделено новое место — в урочище Крутицы на левом берегу Москвы-реки, в трех верстах ниже Кремля. Там в 1491 году был заложен каменный собор Новоспасского монастыря. «Тое же весны, повелением великого князя,

архимандрит Спаскый Афонасей заложил церковь камену на Новом Преображение Господа нашего Исус Христа» (19, 221). Об окончании этого строительства летопись сообщает пятью годами позже, под 1496 годом: «Тое же осени, сентября 18, в неделю, священна бысть церковь каменнаа Преображение Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа в монастыри на Новом, пресвященным Симаном митрополитом всеа Русии, при архимандритьстве Афонасиа Щедраго» (19, 233).

Расчистив место для нового строительства, Иван весной 1492 года приступил к возведению своего дворца («двора»). На время работ он перебрался со всем семейством в новый дом князя Ивана Юрьевича Патрикеева, находившийся неподалеку от Боровицких ворот. (Патрикеев взамен получил под застройку обширный пустовавший участок возле церкви Рождества Богородицы.) «Тое же весны априля в 5 в четверг вышел князь великы из своего двора из старого въ княжо Иванов двор Юрьевича в новой, и с великою княгинею Софьею и с детми, и с невесткою с великою княгинею с Оленою и со князем Дмитреем со внуком, а старой свой двор деревянои повеле разобрати того ради, что бы ставити новой двор камен» (31, 333). Однако не исключено, что все это — лишь позднейшее осмысление событий, а первоначально князь Иван планировал лишь отстройку нового деревянного дворца. Только к концу 90-х годов он «созрел» для строительства каменных жилых покоев.

Новый деревянный дворец был отстроен в короткий срок, за один летний сезон. Он занял и часть той территории восточнее Архангельского собора, которая раньше принадлежала опальному князю Василию Ярославичу Серпуховскому. «Того же лета поставиша великому князю двор древян за Архаггелом на Ярославичском месте» (19, 225). (Возможно, это был временный деревянный дворец, где Иван III предполагал жить до тех пор, пока не будет выстроен новый, каменный.) У нового деревянного дворца поначалу оказалась счастливая судьба. Уже весной 1493 года пожар вновь испепелил все деревянные сооружения в Кремле, однако дворец чудом (или старанием княжеских слуг) уцелел. «Тоя же весны, апреля 16, на Радуници, погоре град Москва нутрь весь, разве остася двор великого князя новой за Архаггелом, и у Чюда в монастыре казна (казначейская палата. — *Н. Б.*) выгоре» (19, 226).

Для борьбы с бесконечными пожарами Иван III в 1493 году предпринял решительные меры: лепившиеся по правому берегу Неглинки, под стенами Кремля, деревянные постройки были снесены, а на их месте возникла своего рода «полоса отчуждения» — барьер для огня. «Того же лета, повелением великого князя

Ивана Васильевича, церкви сносиша и дворы за Неглимною; и постави меру от стены до дворов сто сажен да девять» (19, 226). (Обычная древнерусская сажень равнялась 216 см.) В эти же годы Неглинка была перекрыта плотиной близ самого устья. Ее воды широко разлились под стеной Кремля, создавая естественное препятствие и для огня, и для возможного неприятеля.

Эта мера была необходимой и эффективной. Однако огонь обманул людей и пришел оттуда, откуда его не ожидали. 28 июля 1493 года Москву вновь охватил страшный пожар, сопровождавшийся сильным ветром. Буря перебросила горящие головни через Москву-реку из пылавшего Замоскворечья. «А из Заречиа в граде загореся князя великого двор и великие княгини, и оттоле на Подоле житници загорешася, и двор князя великого новой за Архаггелом выгоре, и митрополич двор выгоре, а у Пречистые олтарь огоре под немецким железом, и въ граде все лачюги выгореша, понеже бо не поспеша ставляти хором после вешняго пожара, и церковь Иоанъ святый Предтеча у Боровитцких ворот выгоре, и Боровитцкая стрелница выгоре, и градная кровля вся огоре, и новая стена вся древянаа у Николскых ворот згоре… И многа бо тогда людем скорбь бысть, болши двою сот человек згоре людей, а животов бесчислено выгоре у людей; а все то погоре единого полудни до ночи. А летописец и старые люди сказывают, как Москва стала, таков пожар на Москве не бывал» (19, 227).

Трудно представить, сколь тягостно действовали на людей эти внезапные набеги огня, разом уносившие плоды долгих и тяжких трудов. В ревущем пламени бесчисленных пожаров выковывался тот несокрушимый русский фатализм, который один только и мог спасти человека от психического надрыва. Сознание полного бессилия перед стихией огня умножалось тем же горьким бессилием перед суровой и капризной северной природой, способной в одночасье перечеркнуть все труды земледельца, перед деспотической властью, не ведавшей уважения к личности и правам простого человека. «Подлинной религией русского крестьянства был фатализм», — полагает современный американский исследователь русской истории (124, 212). С этим тезисом до некоторой степени соглашаются и отечественные историки: «Отсутствие значимой корреляции между мерой трудовых затрат и мерой получаемого урожая в течение многих столетий не могло не создать настроений определенного скепсиса к собственным усилиям, хотя они затрагивали лишь часть населения. Немалая доля крестьян была в этих условиях подвержена чувству обреченности и становилась от этого отнюдь не проворной и трудолюбивой, проявляя безразличное отношение

к собственной судьбе» (120, 570).

Великий князь Иван Васильевич умел выдерживать удары судьбы. Вероятно, ему помогал в этом не только наш национальный фатализм, но и сознание того, что люди в первую очередь смотрят на государя, ищут в его мужестве опору для себя. Отгоревав на пепелище, Иван принялся строить себе новый деревянный двор. 10 ноября 1493 года, за три дня до своих именин, великий князь вновь обзавелся собственным домом. Три с лишним месяца после пожара ему пришлось прожить на восточной окраине города в каких-то чудом уцелевших убогих дворах. «Того же месяца (ноября. — *Н. Б.*) в 10 день, в неделю, вшел князь велики в город в новый двор жити, а стоял тогды после пожара у Николы у Подкопаева под Конюшнею в хрестианских дворех» (19, 227).

Горький опыт июльского пожара 1493 года заставил Ивана продолжить работы по созданию вокруг Кремля своего рода «зоны пожарной безопасности». В 1494–1495 годах «князь велики повеле сносити церкви и дворы за рекою Москвою против города, и повеле на тех местех чинити сад» (19, 230). Именно оттуда, из Замоскворечья, «красный петух» и перелетел в Кремль в июле 1493 года. Летопись не сообщает, как вознаграждал (и вознаграждал ли вообще) князь Иван тех владельцев, чьи постройки шли под снос. Однако из других источников известно, что эта меры вызвала сильное недовольство среди духовенства: разрушение церквей и перенесение на новое место прилегавших к ним кладбищ было расценено как кощунство (79, 140).

Построенные наспех деревянные хоромы 1493 года не устраивали Ивана. Вероятно, они были тесны и неуютны. Их внешний вид не соответствовал новому облику Соборной площади и Боровицкого холма. К тому же любой пожар мог вновь превратить «государя всея Руси» в бездомного квартиранта. И потому спустя 6 лет, весной 1499 года, Иван приступил наконец к строительству каменного дворца. «Тое же весны майя князь велики велел заложите двор свой, полаты каменные и кырпичные, а под ними погребы и ледники на старом дворе у Благовещенья, да и стену каменну от двора своего до Боровицкые стрелницы, а мастер Алевиз Фрязин от града Медиолама» (38, 172).

(В литературе высказывалось мнение о том, что строительство каменного дворца началось не в 1499 году, а несколькими годами ранее (119, 51;79, 149; 71, 24). Основание для такого суждения дают некоторые летописные тексты. Существует также сообщение Устюжской летописи под 7016 годом о завершении строительства дворца: «Того же лета князя великаго двор каменной свершили, а ставили его 12 лет» (37,

100). Если оно достоверно, то начало строительства относится к 1496 году. Впрочем, все эти разночтения можно объяснить и расширительным пониманием слова «дворец» — включая сюда все новые гражданские постройки государева «двора».)

Великокняжеский каменный дворец (собственно жилые покои) представлял собой величественное здание с богатой внешней и внутренней отделкой. На его возведение ушло девять лет. Сам Иван Великий умер, так и не дождавшись завершения работ. И лишь его сын и наследник Василий III стал счастливым обладателем новых каменных палат. Это произошло весной 1508 года. «Тоя же весны, маиа в 7, в неделю вторую по Пасце, вшол князь велики Василей Иванович всеа Русии в новый двор в кирпичной жити, иже заложил отец его князь велики Иван Васильевич всеа Руси на старом месте у Благовещениа» (19, 249).

Дворец Ивана III не сохранился до нашего времени. Сейчас на его месте стоит Большой Кремлевский дворец, построенный в 1838–1849 годах по проекту архитектора К. А. Тона. Однако источники все же позволяют составить о нем некоторое представление. «Черты регулярности и пространственной замкнутости проявились в композиции всего нового великокняжеского дворца… Объединяющим началом дворцового комплекса послужил П-образный в плане подклет, обрамленный как с внешней, так и с внутренней стороны монументальной аркадой. Посреди внутреннего двора располагалась церковь Спаса на Бору, оставшаяся от великокняжеского монастыря, перенесенного в 1492 году за город, ниже по течению Москвы-реки. С западной стороны, откуда через Боровицкие ворота осуществлялся подъезд к великокняжеской резиденции, двор был ограничен каменной стеной с Золотыми (Гербовыми) воротами. Дворцовый комплекс в целом был дополнительно защищен с юга стеной, прошедшей по бровке холма от Боровицких ворот (заложена в 1499 году). Относительно регулярное взаимное расположение новых крупномасштабных палат на общей площадке подклета придавало большую величественность и цельность великокняжеской резиденции. Вместе с тем по своей функциональной организации дворец был вполне традиционен» (60, 312).

Естественным продолжением работ на Соборной площади стало возведение нового Архангельского собора. Древняя усыпальница московских князей, возведенная еще Иваном Калитой в 1333 году, Архангельский собор почему-то долго не привлекал внимания Ивана III. Лишь весной 1505 года, за полгода до своей кончины, великий князь приступил к его перестройке. «Тое же весны, маиа 21, повелением великого князя Ивана

Васильевича всеа Руси, в граде Моекве на площади разобраша старую церковь, ветхости ради, святаго великого Архаггела Михаила… На том же месте заложиша новую церковь святаго Архаггела Михаила, и тогды выняша мощи великих князей и уделных. Тогда же и другую церковь разобраша, Иван святый Лествичник иже под колоколы, созданную от великого князя Ивана Даниловича в лето 6837, и заложиша новую церковь Иван святый на старом месте» (19, 244). Летопись явно объединяет два строительных действия (разборка старых зданий и закладка на их месте новых) в одно. Разборка старого Архангельского собора (которой предшествовало перенесение на новое место останков захороненных в соборе князей московского дома) и столпообразной церкви-колокольни Иоанна Лествичника началась значительно раньше. Впрочем, памятуя о том, что Аристотель Фиораванти разрушил старый Успенский собор всего за неделю, можно полагать, что и на сей раз эту проблему итальянские мастера решили достаточно быстро.

21 мая 1505 года, в день памяти святого равноапостольного царя Константина и матери его Елены, состоялась закладка нового Архангельского собора и новой церкви Иоанна Лествичника — исторического ядра современной колокольни Ивана Великого. Возможно, день для торжества был подсказан летописью: 21 мая 1329 года была заложена первая каменная церковь Иоанна Лествичника (25, 91). Впрочем, в этот день на Руси вообще часто начинали строительство храмов: Константин Великий был создателем главного храма христианского мира — храма Воскресения над Гробом Господним в Иерусалиме. Придворные книжники любили сравнивать Ивана III с Константином — «благоверный же и христолюбивый истинный православию поборник, якоже вторый благочестивый царь Констянтин, великий князь Иван Василиевич государь всея Русии и иных многих самодержец…» (20, 226).

Необходимым условием успешной защиты Московского государства от внешних врагов было строительство мощных укреплений в стратегически важных городах. Источники особо упоминают о постройке Иваном III деревянных укреплений во Владимире-на-Клязьме (1492) и Великих Луках (1493), а также каменных в Новгороде Великом (1484–1492) и Ивангороде (1492–1499). Новгородская крепость сохранилась до наших дней и поражает своей суровой мощью. Но все же главным достижением князя Ивана в этой области, несомненно, стала новая московская цитадель.

Прежняя белокаменная московская крепость, возведенная Дмитрием Донским и митрополитом Алексеем в 1367–1368 годах,

сильно обветшала от времени, штурмов и пожаров. Ее стены казались деревянными от множества бревенчатых подпорок и «заплаток». Для столицы могущественного и независимого государства такая цитадель была уже явным анахронизмом.

Построенная итальянскими мастерами по заказу Ивана III новая московская крепость принципиально отличалась по своему устройству от каменных русских крепостей предшествующего периода и была рассчитана на активную оборону, на боевые действия с применением огнестрельного оружия (106, 24). Следует подчеркнуть, что это была именно крепость («город»), способная в случае необходимости укрыть в своих стенах многие тысячи человек. Ее нельзя сопоставлять с западноевропейскими замками — каменными гнездами феодала и его приближенных. Внутри крепости не было отдельного неприступного убежища для правителя. Дворец великого князя был встроен в плотную застройку Кремля — своеобразного «города в городе». Из этого можно сделать вывод о том, что, в отличие от западных правителей, Иван III не боялся восстания собственных подданных и не отгораживался от них многометровыми стенами и рвами. Напротив, он объединялся с ними в общей беде — нападении внешнего врага.

Существовал ли у Ивана III какой-то заранее принятый подробный план строительства? Высказывалось мнение, что такой план был и что автором его являлся Аристотель Фиораванти. Однако в процессе реставрационных работ последних десятилетий были сделаны наблюдения, опровергающие данное мнение. Выяснилось, что «по мере возведения облик Кремля претерпевал серьезную трансформацию, причем завершенная крепость оказалась более могущественной и монументальной, чем можно было бы заключить по начальному периоду строительства» (69, 55).

Каждый из итальянских мастеров, работавших над постройкой той или иной башни, имел свои излюбленные приемы и детали. Однако при этом сохранялась и целостность общего впечатления. «Отличающие кремлевскую крепость грандиозный размах и величественную суровость она приобрела в период, когда работы возглавлял Пьетро Антонио Солари, особая роль которого отмечается также письменными источниками. Прослеживаемая индивидуальность художественного почерка отдельных частей Московского Кремля сглаживается общей ориентацией на вполне определенный тип североитальянских крепостей» (69, 55).

Строительство новых кремлевских стен началось 19 июля 1485 года, во вторник. «Того же лета, июля в 19 день, заложена

бысть на Москве на реке стрелница (башня. — *Н. Б.*), а под стрелницею выведен тайник; а поставил ее Онтон Фрязин» (19, 216). Речь идет о проездной Тайницкой башне, расположенной посредине длинной стены, тянущейся вдоль Москвы-реки. Свое название она получила от «тайника» — подземного хода к реке, через который москвичи в случае осады могли пополнять запасы воды.

Дата начала такого важного дела, на первый взгляд, вызывает недоумение своей бесцветностью. Это был будний день, не связанный с памятью какого-либо особо почитаемого святого или воспоминанием о важном историческом событии. Единственная его примета состояла в том, что это был канун Ильина дня. Однако рассматривая эту дату в историческом контексте, легко убедиться в ее естественности. Во-первых, великий князь не мог устраивать по случаю закладки башни никаких торжеств: еще не окончился 40-дневный траур по его матери, княгине Марии Ярославне, умершей 4 июля 1485 года. Во-вторых, названная дата имела сугубо «производственное» значение. Тайник, естественно, строился до начала строительства самой башни. Срок окончания этой кропотливой работы, вероятно, был назначен «к Ильину дню» (20 июля). Управившись с тайником, мастера немедленно приступили к закладке «стрельницы». Они торопились, так как должны были закончить башню до конца строительного сезона. Поторапливал и великий князь: назревала война с Тверью, за которой могла последовать война с Литвой.

Сложность перестройки Кремля заключалась в том, что замену белокаменных стен и башен на новые, кирпичные, следовало производить так, чтобы при этом ни на день не ослабить оборонительного потенциала крепости. Москва в военном отношении уже стояла прочно. Но все же превратности военного счастья и угрозу внезапного набега степняков нельзя было сбрасывать со счета. Поэтому работы велись поэтапно, переходя от одного участка к другому.

Вслед за Тайницкой башней Марк Фрязин и Антон, Фрязин поставили Беклемишевскую (1487) и Свиблову (1488). Между ними протянулись высокие зубчатые стены. Таким образом, была завершена южная, обращенная к Москве-реке часть крепости. В 1490 году в Москву прибыл опытный мастер Пьетро Антонио Солари из Милана. В знак особого уважения летописцы называют его «Архитектоном» (Архитектором). Он быстро включился в работу по перестройке Кремля. В 1491–1492 годах Солари совместно с Марком Фрязином возвел две проездные башни — Фроловскую (Спасскую) и Никольскую, соединив их стенами между собой и с соседними «стрельницами». В 1495 году

приступили, наконец, к строительству северной линии кремлевских стен, тянущейся вдоль реки Неглинки.

Строительство новой московской крепости завершилось уже после кончины Ивана III. В 1508 году Алевиз Фрязин выкопал глубокий (около 8,5 метров) и широкий (около 37 метров) ров вдоль восточной стены Кремля, соединивший Москву-реку с Неглинкой. В результате Кремль превратился в окруженный водой неприступный остров.

Любимое детище Ивана III, московский Кремль стал одной из лучших цитаделей тогдашней Европы. Он и сегодня производит незабываемое впечатление не только неприступностью высоких стен и башен, но и стройностью, изяществом их пропорций.

Конечно, Кремль уже не тот, что был при Иване Великом. Изменились его башни. Первоначально они были покрыты низкими деревянными крышами. В XVII столетии эти крыши заменили высокими каменными шатрами. Давно засыпан «Алевизов ров», да и сама крепость за свой долгий век повидала многое. Ее не раз чинили, порой перекладывая заново целые прясла. И все же эта драгоценная оправа нашей исторической святыни, московского Кремля, все так же радует глаз и волнует душу. Подобно Успенскому собору, Грановитой палате и другим постройкам итальянских мастеров, старая крепость давно «обрусела», глубоко вросла в русскую жизнь и русскую историю. Она стала гражданским символом Российского государства.

Все, что известно о строительной деятельности Ивана III, позволяет сделать один простой, но важный вывод. Наш герой любил и умел строить. Он не жалел для этого ни сил, ни средств. Здесь проявилась коренная черта его характера. Многое в своей жизни разрушив, он разрушал лишь во имя созидания. На развалинах старого он неизменно строил нечто новое и, как ему казалось, более совершенное.

ГЛАВА 15 Судья

Ничто так не прославляет государя, как введение новых законов и установлений.

Никколо Макиавелли

В конце своей жизни Иван III распорядился подготовить свод законов, обязательных к исполнению на всей территории Московского государства, — так называемый Судебник 1497 года. Это было поистине историческое начинание. С началом феодальной раздробленности юридические нормы приобрели сугубо местный, региональный характер. Их разнобой был существенным препятствием на пути политической централизации и развития экономических связей между областями. Впервые со времен Русской Правды — свода законов Ярослава Мудрого (1019–1054) и его сыновей — Иван III устанавливал единые для всех русских земель юридические нормы. Такое начинание мог позволить себе только независимый правитель, собравший под своей властью огромную территорию.

Создание общерусского законодательства было не только ответом на практические потребности жизни, но и заготовкой на будущее. Здесь, как и во многом другом, князь Иван явно «забегал вперед», словно не доверяя своим наследникам и желая загодя указать им правильное направление движения. «…Далеко не все его (Судебника 1497 года. — *Н. Б.*) статьи осуществлялись на практике. Часть их оставалась программой, пожеланием, для реализации которой требовалось время. Именно поэтому Судебник 1497 года был положен в основу царского судебника 1550 года, а отдельные его положения и принципы получили дальнейшее развитие и в последующем законодательстве» (167, 49).

Как и многие другие важные события той эпохи, создание Судебника 1497 года очень скупо отражено в источниках. Да и сам документ сохранился лишь в одном-единственном списке, который стал достоянием историков в начале XIX века. Мы не знаем ни имен тех людей, которые готовили проект документа, ни обстоятельств, при которых они работали. Нет ясности и относительно круга источников, которыми они пользовались. По наблюдению исследователей, «40 статей, то есть около 3/5 всего состава Судебника, не имеют какой-либо связи с дошедшими до нас памятниками. Они либо извлечены из несохранившихся

законодательных актов Ивана III, либо принадлежат самому составителю Судебника…» (167, 49).

Всемогущее Время, словно потешаясь над усилиями историков, бросает им жалкие объедки со своего стола. Под 7006 годом (1 сентября 1497 — 31 августа 1498 года) в одной из летописей сохранилось сбивчивое, с явными утратами некоторых слов, сообщение: «Того же лета князь великый Иван Васильевич и околничим и всем судьям, а уложил суд судити бояром по судебнику, Володимера Гусева писати» (30, 213). Полагают, что имя несчастного «сына боярского» Владимира Елизаровича Гусева (казненного по приказу Ивана III весной 1498 года за участие в заговоре в пользу его сына Василия, которого отец хотел лишить прав наследника) попало в сообщение Типографской летописи о Судебнике по ошибке ее переписчиков. Требует уточнения и названная в летописи дата. На деле Судебник был уже готов к сентябрю 1497 года. Об этом свидетельствует и само его по-старинному длинное заглавие: «Лета 7006-го месяца септемврия уложил князь великий Иван Васильевич всея Руси с детми своими и с бояры о суде, как судити бояром и околничим» (48, 54). Очевидно, работа над кодексом велась несколько месяцев, а сроком ее окончания было определено 1 сентября 1497 года — начало нового, 7006 года от Сотворения мира. Вся процедура делилась на два этапа. На первом разработчики (полагают, что их главой был боярин Иван Юрьевич Патрикеев, под началом которого трудились дьяки Василий Долматов, Василий Жук и Федор Курицын) собрали из различных источников те положения, которые следовало утвердить в общерусском законодательстве. В числе этих источников были Русская Правда, уставные грамоты московским наместникам в разных областях (из них сохранились только Двинская и Белозерская), указы самого Ивана III, а также неписаные нормы традиционного права. На втором этапе началось постатейное рассмотрение и утверждение проекта Судебника в Боярской думе с участием самого Ивана III, его внука Дмитрия и старших сыновей от Софьи Палеолог. Вероятно, здесь-то и произошло внесение в текст тех неведомых ранее положений, которые можно отнести к законотворчеству самого государя. Пройдя через это «чистилище», кодекс был окончательно утвержден Иваном III в сентябре 1497 года.

Историки давно и охотно комментируют Судебник 1497 года как в целом, так и по отдельным его статьям. Разумеется, при этом высказываются самые различные точки зрения. Стратиграфия этих историографических отложений уже сама по себе стала предметом исследования. Отметим лишь несколько бесспорных положений, которые помогут читателю уяснить суть

дела.

Во-первых, следует подчеркнуть, что Судебник 1497 года, в отличие от современных кодексов, заключает в себе лишь малую часть всего списка возможных конфликтных ситуаций. Большинство же разрешалось на основе обычного права, церковных правил, областных актов и прочих действовавших тогда правовых инструментов. Законодатели не пытались создать универсальный эталон правосудия. Они всего лишь хотели более четко очертить происхождение, права и обязанности судьи — главной фигуры всего тогдашнего «правового поля». По существу, судья был уменьшенной копией царя. Соответственно и сам суд был «библейским», безапелляционным, основанным на мнении одного человека. Причем человек этот не являлся профессиональным судьей. Это был администратор, полководец и судья в одном лице. К тому же он и в качестве судьи оставался подданным своего государя со всеми вытекающими отсюда последствиями…

Со времен Ивана III начинается тщательный учет продвижения «служилых людей», их успехов и неудач. Они были внесены в своего роде «номенклатурный список», исключение из которого за просчеты на одном из этих поприщ означало крах всех личных и семейных надежд. Таким просчетом могло быть и неправильное, с точки зрения интересов «государя всея Руси», отправление обязанностей судьи. В итоге решения судьи представляли собой как бы вектор нескольких направленных в разные стороны сил: страха Божьего — и корыстолюбия, чувства справедливости — и личных пристрастий, совести — и страха опалы за невыполнение определенных негласных предписаний верховной власти.

Во-вторых, необходимо отметить, что время Ивана III, отмеченное серьезными переменами в отношениях власти и собственности, предрасполагало к возникновению множества больших и малых конфликтов. Дух произвола боролся с духом закона, причем оба они гнездились на вершинах власти. Множество людей было сбито со своих привычных орбит социально-политическими катаклизмами последней трети XV столетия. Присоединение новых территорий к Московскому княжеству обычно сопровождалось «перебором людишек» и массовыми высылками потенциальных противников новой власти. Формирование дворянства шло как за счет неудачников, соскользнувших вниз из более высокого общественного слоя — крупной аристократии, так и за счет карабкавшихся вверх энергичных простолюдинов. Усложнение и драматизация социальных отношений шли рука об руку с обострением

имущественных и прежде всего поземельных споров. В итоге судьи оказались нужны обществу, как никогда ранее. Они были выше головы завалены делами.

Правильно понять содержание Судебника 1497 года — а вместе с ним и роль Ивана III как законодателя — можно лишь представив себе хотя бы в общих чертах то общество, для которого он готовил свои законы. К сожалению, русские летописи очень скудно освещают повседневную жизнь людей, их поведение в тех или иных житейских ситуациях. Все то, что казалось обыденным, исключалось из поля зрения летописца. Некоторое восполнение этого колоссального пробела в наших знаниях о прошлом дают записки иностранцев, посещавших Москву во времена Ивана III или несколько лет спустя после его кончины. К первым относится итальянский дипломат Амброджио Контарини, ко вторым — австрийский посол Сигизмунд Герберштейн, посещавший Москву в 1517 и 1526 годах. Оба они оставили потомству отчет об увиденном в далекой Московии. «Записки о Московии» С. Герберштейна гораздо обширнее и полнее, чем труд Контарини. Последний писал свое «Путешествие в Персию» прежде всего как отчет о посольстве на Восток. Продолжавшееся несколько месяцев вынужденное пребывание Контарини в Москве (с 25 сентября 1476-го по 21 января 1477 года) было для него всего лишь случайным и малоприятным эпизодом, о котором он не очень-то и хотел вспоминать. Однако для нас беглые заметки венецианца имеют исключительную ценность уже потому, что он видел тогдашнюю Западную и Северо-Восточную Русь своими глазами. Контарини был представлен самому Ивану III и имел с ним несколько встреч. Он видел Москву такой, какой она была до перестройки в последней четверти XV столетия.

Кое-какие любопытные подробности сообщает и другой итальянский путешественник середины XV века — Иосафат Барбаро. Он хорошо знал жизнь Крыма и степей, но о Москве писал только по слухам и чужим рассказам. Частицы ценной информации о русской жизни можно отыскать и в сочинениях некоторых других иностранных авторов той эпохи. Понятно, что любой взгляд; «со стороны» всегда пристрастен и преломляет действительность через призму системы ценностей самого наблюдателя. Однако сопоставление известий разных авторов, их критический анализ позволяют увидеть немало интересного.

Русское общество времен Ивана III, каким виделось оно иностранным наблюдателям, — это довольно шаткая конструкция, стянутая для прочности железным обручем диктатуры. Бесконечные лесистые равнины, где лишь изредка можно увидеть затерянную в снегах убогую деревушку, — такой

предстает перед ними Московская Русь. Этот образ страны примерно одинаков у всех названных авторов. Здесь им не было никакого смысла фантазировать. Несомненно, именно такой и была Московия в те далекие времена. Огромная территория в сочетании с относительно небольшим количеством жителей создавала важнейший негативный фактор отечественной истории — крайне низкую среднюю плотность населения. В средневековой Руси она была в 5–7 раз ниже, чем в государствах Западной Европы. В результате очень усложнялись многие государственные задачи: эффективное управление и сбор налогов, торговля и распространение всякого рода усовершенствований. Все это определенным образом сказывалось как на характере законодательства, так и на его практическом исполнении.

«Весь тот день, 29 апреля (1474 года. — *Н. Б.*), мы двигались по лесам, причем очень опасным, так как там бродят разные подозрительные люди. Вечером, не найдя убежища, мы расположились на ночлег тут же в лесу, не имея никакой пищи; мне пришлось целую ночь быть настороже…» (2, 210).

«Уехав отсюда (из Рязани в сторону Коломны. — *Н. Б.*), мы двигались непрерывно по огромнейшим лесам и только к вечеру нашли русскую деревню, где и остановились; тут мы несколько отдохнули, потому что нам показалось, что это место было, с Божьей помощью, безопасно…» (2, 225).

«Вокруг города (Москвы. — *Н. Б.*) большие леса, их ведь вообще очень много в стране…» (2, 227).

«Вечером (на пути из Москвы в Смоленск. — *Н. Б.*) мы все расположились в очень ветхой деревеньке, тем не менее, хотя я и знал, что придется терпеть всевозможные неудобства и трудности из-за холодов и снегов, обычных в этих местах, и что придется ехать все время по лесам, — всякое неудобство казалось мне удобством, и я решительно ничего не боялся, настолько велико было мое стремление оказаться за пределами этих стран и избавиться от здешних обычаев. По этой причине я ни о чем другом не думал, как только о том, чтобы ехать и ехать, днем и ночью.

22 января мы покинули ту деревню и ехали непрерывными лесами в сильнейшем холоде с указанного дня до 27 января, когда прибыли в городок, называемый Вязьма…» (2, 231).

«Следует отметить, что с 21 января, когда мы выехали из Москвы, вплоть до 12 февраля (1477 года. — *Н. Б.*), когда мы прибыли в Троки (резиденция великого князя Литовского близ Вильно. — Н. Б), мы все время продвигались по лесам; это была равнина, кое-где с небольшими холмами. Иногда нам попадались деревни, где мы отдыхали, однако большинство ночей

приходилось проводить в лесу. В середине дня мы останавливались для еды в таких местах, где можно было отыскать костер, брошенный людьми, проехавшими незадолго до нас днем или вечером предыдущего дня» (2, 232).

(Впрочем, лесной пейзаж Московии постепенно менялся. Уже Герберштейн отмечает массовые вырубки лесов вокруг Москвы. «По пням больших деревьев, видным и поныне, ясно, что вся страна еще не так давно была очень лесистой» (4, 130). Вероятно, подмосковные леса сильно поредели в 90-е годы XV века, когда несколько опустошительных пожаров Москвы и последовавшее за ними интенсивное строительство взвинтили спрос на строевой лес. Сказывался и быстрый рост населения столицы в результате успехов объединительного процесса и благоприятной демографической ситуации в правление Ивана III.)

Обитатели этих безбрежных русских лесов, разумеется, отделены от путешествующего иностранца незримой стеной отчуждения. Для них он — словно редкостное животное, каким-то чудом оказавшееся в здешних лесах. Они для него — предмет холодного и зачастую поверхностного любопытства. Он отмечает то, что бросается в глаза. А это прежде всего внешние, навязчивые черты. К ним в первую очередь относится поголовное и беспробудное пьянство. «Медовуха» гуляет по просторам Руси от запада и до востока как истинная повелительница и госпожа.

Русский «мед» завоевал и татарскую степь. В Астрахани Контарини провел в страхе целую ночь из-за буйства пьяных татар. «Затем еще много раз приходили разные татары; они являлись ночью в пьяном состоянии (от употребления того напитка, который они приготовляют из меда) и кричали, чтобы им выдали франков…» (2, 220).

Настоящее виноградное вино было достаточно редким и дорогим продуктом для кочевников. Его привозили в города Нижнего Поволжья из Северного ПричерноморьН.Барбаро рассказывает, как один знатный татарин, гостивший у него в Тане (современный Азов), упился вином, приговаривал: «Дай же мне напиться, где я еще смогу это добыть!» (2, 145).

Понемногу начинает пить хмельной русский «мед» и сам Контарини. О своем прибытии из татарских степей в русскую Рязань он рассказывает так: «Здесь мы нашли и хлеб, и мясо в изобилии, и даже русский напиток из меда; всем этим мы хорошо подкрепились…» (2, 225). Однако самому сильному искушению хмелем Контарини подвергался в Москве. Свои воспоминания об этом он выразил в следующих словах.

«Они (русские. — *Н. Б.*) величайшие пьяницы и весьма этим похваляются, презирая непьющих. У них нет никаких вин, но они

употребляют напиток из меда, который они приготовляют с листьями хмеля. Этот напиток вовсе не плох, особенно если он старый. Однако их государь не допускает, чтобы каждый мог свободно его приготовлять, потому что если бы они пользовались подобной свободой, то ежедневно были бы пьяны и убивали бы друг друга как звери.

Их жизнь протекает следующим образом: утром они стоят на базарах примерно до полудня, потом отправляются в таверны есть и пить; после этого времени уже невозможно привлечь их к какому-либо делу…» (2, 228).

(Контарини, как и другие иностранные авторы той эпохи, объясняют вмешательство государства в «питейный» вопрос заботой об общественной нравственности. Вероятно, так говорили наивным чужеземцам приставленные к ним русские бояре. Однако на деле речь идет о строгом соблюдении государственной монополии на производство хмельного «пития», которая обогащала казну. Иван III, судя по всему, был первым из московских правителей, кто сумел суровыми мерами наладить эту систему.)

У Контарини, прожившего в Москве около четырех месяцев, было время оценить своеобразие русского гостеприимства. Свои впечатления об этом он выразил одной многозначительной фразой: «С уверенностью могу сказать, что у всех я встречал хороший прием» (2, 229). Но, пожалуй, самое тяжкое испытание по части хмельного застолья ожидало итальянца на последнем приеме во дворце перед отъездом домой. «Здесь мне была поднесена большая серебряная чаша, полная медового напитка, и было сказано, что государь приказывает мне осушить ее всю и дарует мне эту чашу. Такой обычай соблюдается только в тех случаях, когда хотят оказать высшую честь либо послу, либо кому-нибудь другому. Однако для меня оказалось затруднительным выпить такое количество — ведь там было очень много напитка! Насколько я помню, я выпил только четвертую часть, а его высочество, заметив, что я не в состоянии выпить больше, и заранее зная к тому же об этом моем свойстве, велел взять у меня чашу, которую опорожнили и пустую отдали мне. Я поцеловал руку его высочества и ушел с добрыми напутствиями…» (2, 231).

О тягостных хмельных застольях Ивана III рассказывает и С. Герберштейн. «Во время обедов он (Иван. — *Н. Б.*) по большей части предавался такому пьянству, что его одолевал сон, причем все приглашенные меж тем сидели пораженные страхом и молчали. По пробуждении он обыкновенно протирал глаза и тогда только начинал шутить и проявлять веселость по

отношению к гостям» (4, 68). Порок неумеренного винопития государь вполне разделял со своими подданными. «Насколько они воздержанны в пище, настолько же неумеренно предаются пьянству повсюду, где только представится случай» (4, 121).

Всему этому можно было бы и не верить, ссылаясь на извечную склонность иностранцев изображать русских в виде грубых варваров. Однако примерно то же самое говорят и русские писатели времен Ивана III. Будущий московский митрополит, а в то время ростовский архиепископ Феодосии Бывальцев (1454–1461) в послании к священникам своей епархии больше всего сокрушается по поводу их пьянства. «Паче всего хранися от пьянства, оскверняет бо молитвы твоя и помрачает ти ум», — восклицает Феодосии (45, 321). Известный церковный деятель игумен Иосиф Волоцкий (ум. 1515), составляя устав для основанного им монастыря, категорически воспрещал держать в обители хмельное питие. Однако так поступали далеко не все монастырские власти. Зная, что вино допускалось тогда (в небольших количествах и разбавленное водой) за трапезой в греческих монастырях, Иосиф замечает, что на Руси подобное умеренное употребление вина невозможно. «О Рустей же земле ин обычей и ин закон: и аще убо имеем питие пианьственое, не можем воз-держатися, но пиемь до пианьства» (39, 318). Жизнь подтверждала прозорливость волоцкого игумена. В тех обителях, где иноки имели доступ к «питию», хмель справлял свое торжество. «А на Сторожех (древний Саввино-Сторожевский монастырь в подмосковном Звенигороде. — *Н. Б.*) до чего допили? Тово и затворити монастыря некому, по трапезе трава ростет», — саркастически восклицал Иван Грозный в послании к монахам Кирилло-Белозерского монастыря (15, 164).

Неистовое пьянство сопровождало тяжкие бедствия, которыми так обильна была тогдашняя русская жизнь. По воспоминаниям учителя Иосифа Волоцкого, игумена Пафнутия Боровского, во время «великого мора» 1427 года одни постригались в монахи, а другие, напротив, «питию прилежаху, зане множество меду пометнуто и презираемо бе». Дикое пиршество в заброшенных домах порою прерывалось тем, что «един от пиющих внезапу пад умираше; они же, ногами под лавку впхав, паки прилежаху питию» (7, 17).

Не менее тяжким нравственным и социальным пороком, чем пьянство, было холопство.

Это емкое понятие включает в себя определенное состояние как тела, так и души. В юридическом смысле холопство времен Ивана III — это узаконенная полная зависимость одного человека от другого, вызванная определенными обстоятельствами. «До

конца XV в., — отмечает В. О. Ключевский, — на Руси существовало только холопство обельное, или полное, как оно стало называться позднее. Оно создавалось различными способами: 1) пленом, 2) добровольной или по воле родителей продажей свободного лица в холопство, 3) некоторыми преступлениями, за которые свободное лицо обращалось в холопство по распоряжению власти, 4) рождением от холопа, 5) долговой несостоятельностью купца по собственной вине, 6) добровольным вступлением свободного лица в личное дворовое услужение к другому без договора, обеспечивающего свободу слуги, и 7) женитьбой на рабе без такового же договора. Полный холоп не только сам зависел от своего государя, как назывался владелец холопа в древней Руси, и от его наследников, но передавал свою зависимость и своим детям. Право на полного холопа наследственно, неволя полного холопа потомственна. Существенной юридическою чертою холопства, отличавшею его от других, некрепостных видов частной зависимости, была непрекращаемость его по воле холопа: холоп мог выйти из неволи только по воле своего государя» (103, 154).

Тяжелейшие условия тогдашней русской жизни зачастую заставляли людей продаваться в холопы (то есть, по существу, в рабство), чтобы спасти себя и своих близких от голодной смерти. Владелец холопа («государь»), распоряжаясь им по своему усмотрению, мог даже безнаказанно убить его. Однако такие случаи, вероятно, были редкими. Убивая холопа, хозяин наносил себе материальный ущерб и подвергался церковной епитимье, так как холоп-соотечественник при всем прочем был единоверцем. Лишая холопа самостоятельности, хозяин должен был заботиться о его пропитании, оказывать ему в той или иной форме свое покровительство. Все это порой создавало особого рода добродушно-патриархальные отношения между холопами и господами. И все же гораздо чаще рабская суть холопства отзывалась самодурством и жестокостью одних, униженностью и полным бесправием других. (Этот нюанс тонко почувствовали новгородцы, возмутившиеся, когда Иван III вдруг стал называть себя их «государем».)

Психология рабовладельца и психология раба в своих основах близки. Рабовладельцы по отношению к своим холопам, московские великие князья (до Ивана III) были в то же самое время холопами по отношению к «вольному царю» — хану Золотой Орды.

Иван III перестал гнуть спину перед Ордой. (При этом он еще долго разговаривал с татарскими ханами с привычными интонациями самоуничижения.) Однако изменить прежние

стереотипы поведения по схеме «раб — господин» он не мог, да и не считал нужным. «Государь всея Руси» попросту присвоил себе все то деспотическое понимание верховной власти, которое присуще было степному сообществу.

Причины такой метаморфозы заключались не только (и, может быть, не столько) в его личном властолюбии, но и в объективных потребностях общественного развития. Московское государство сложилось в XIV–XV веках под сильным давлением внешнего фактора — необходимости борьбы с ненавистной для всех слоев общества властью чужеземцев. Внешняя угроза способствовала ускоренной консолидации русских земель под эгидой Москвы, которая сумела делом доказать свою решимость освободить страну от «насилия бесерменского». Однако социально-экономическая основа Московского государства была весьма слабой. Практически отсутствовали такие устои политического единения, как сильные города с многочисленным торгово-ремесленным населением и развитое дворянское сословие — надежная опора центральной власти в ее борьбе со своеволием крупной аристократии. Поддержка церкви — не всегда последовательная и далеко не бескорыстная — не могла компенсировать эту слабость московской политической системы. В условиях господства натурального хозяйства и абсолютного преобладания вотчинной формы землевладения достигнутое московскими Даниловичами политическое объединение страны было весьма хрупким и эфемерным. Феодальная война второй четверти XV века наглядно показала, сколь сильно зависит московское процветание от всякого рода исторических случайностей: малолетства наследника престола, неудачной войны с татарами, неосмотрительно составленного великокняжеского завещания.

Успешное завершение двухвековой борьбы за независимость в 1480 году вполне могло стать «лебединой песней» Москвы. Отныне то, во имя чего русское общество вынуждено было так или иначе мириться с диктатурой Даниловичей, стало вчерашним днем. Стремление освободиться от этой тяжелой власти неизбежно должно было возрасти. В этих условиях «на первый план резко выдвинулись задачи упрочения, цементирования нового политического формирования, в котором по-прежнему общество оставалось внутренне рыхлым, непрочным…» (120, 559).

Иван Великий искал новые скрепы для наспех сколоченного Московского государства. В области социально-экономических отношений такими скрепами призваны были стать горожане, о благополучии которых Иван неизменно проявлял заботу, и

дворянство, которое он, по сути дела, создал из праха. Насильственно превращая вотчины среднерусских князей и бояр в поместья, раздавая конфискованные латифундии новгородской знати своим новоиспеченным дворянам, Иван ткал множество невидимых нитей, притягивавших провинции к Москве. Дворяне-помещики беспрекословно подчинялись своему государю, способному в любую минуту отобрать поместье, а значит — оставить их без средств к существованию. Полагают, что в экономическом отношении дворянское поместье было менее эффективной формой организации крестьянского труда, нежели боярская или монастырская вотчина (120, 481). Однако здесь, как это часто бывало в истории России, экономика была принесена в жертву политическим целям.

В области политических отношений распаду Московской Руси на составные части должен был помешать свирепый деспотизм. Любое сопротивление державной воле государя отныне рассматривалось как государственное преступление и влекло за собой суровое наказание. Укреплению московского самодержавия способствовали и почти непрерывные войны, которые Иван III вел с Литвой, Большой Ордой, Ливонским орденом и Швецией. Война создавала ощущение того, что внешняя угроза (а стало быть, и необходимость жертвовать внутренней свободой во имя независимости) отнюдь не исчезла. Авторитарная манера управления страной, необходимая для победы над врагом, постепенно становилась привычной. Чувство собственного достоинства притуплялось беспрекословностью военной дисциплины.

Разумеется, любая война должна была вестись во имя «великой цели». Там, где речь шла о защите московских земель от вражеских нападений, особых теорий не требовалось. Однако большинство войн Ивана III были уже не оборонительными, а наступательными. Для их освящения требовались краткие, понятные самым незатейливым умам религиозно-политические идеи. Религиозной составляющей новой «великой цели» стала война за веру, против «бесермен», «еретиков» или «вероотступников». Другая, «мирская» составляющая сводилась к требованию возвращения московскому государю всей его наследственной исторической «вотчины», частью которой он в принципе мог объявить все, что когда-либо находилось под властью князей из династии Рюриковичей. С полной отчетливостью Иван сформулировал этот тезис во время переговоров с Литвой в 1503–1504 годах (126, 172).

(Справедливость требований о возврате того, что два или три века назад принадлежало чьему-то прапрадедушке, а после его

банкротства «пошло по рукам», с точки зрения здравого смысла вызывает большие сомнения. Понятно, что историческая мифология, поставленная на службу политике, не терпит вмешательства здравого смысла. Но как забавно бывает слушать иных современных историков, с серьезным видом повторяющих эти рассуждения! В публичной политике справедливостью обычно называют целесообразность. Война соответствовала целям Ивана III, главной из которых было укрепление Московского государства, неприметно переросшего в единое Российское государство. Само по себе это государство нельзя назвать «справедливым» или «несправедливым». Оно, как всякое великое государство, росло органически, подобно дереву или кусту. Его ветки тянулись в том направлении, где было пространство, солнце и тепло. Наталкиваясь на препятствие, оно либо преодолевало его, либо меняло направление своего развития.)

Глядя из будущего, можно спорить о том, какие «плюсы» и «минусы» принесло тем или иным регионам включение их в состав Московского государства. Однако такого рода вопросы, конечно, менее всего волновали самого государя. Он делал свое дело: строил государство из того материала, который был под руками. Это был его жребий, его предназначение, определенное свыше. И сам себя он судил как добросовестный мастеровой: по результатам своей работы. При этом он был уверен, что Бог внимательно и одобрительно следит за его работой. В его ушах звучали грозные слова пророка Иеремии: «Проклят, кто дело Господне делает небрежно» (Иер. 48, 10).

Но вернемся к вопросу об утраченной свободе. Холопство великого князя перед ханом сменилось холопством всех перед великим князем. (При этом допускалась и такая ситуация, при которой знатный человек волею обстоятельств превращался в холопа в прямом смысле. Только в 1550 году было запрещено обращать в холопов «детей боярских», то есть дворян.) «Холопами» по отношению к государю стали именовать себя все подданные «государя всея Руси» сверху и до самого низа общественной лестницы. В обращении к Ивану III его придворные именовали себя «холопами» и писали свое имя в уменьшительно-уничижительной форме. Один из ранних примеров такого рода — грамота муромского наместника князя Федора Хованского (осень 1489 года). Гедиминович, близкий родственник фаворитов государя князей Патрикеевых, Хованский обращается к Ивану III так: «Государю великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии холоп твой, государь, Феодорец Хованский челом бьет» (10, 81). Два года спустя встречаем ту же фразу в грамоте к Ивану III князя Василия Ромодановского: «А яз тебе своему государю холоп твой

челом бью…» (10, 114). Вскоре такое обращение становится нормой.

«Все они называют себя холопами, то есть рабами государя, — свидетельствует С. Герберштейн. — Те, кто познатнее, имеют рабов, чаще всего купленных или взятых в плен. Те же свободные, которых они содержат в услужении, не могут свободно уйти, когда им угодно. Если кто-нибудь уходит против воли своего господина, то его никто не принимает. Если господин обходится нехорошо с хорошим и умелым слугой, то он начинает пользоваться дурной славой у других и не может после этого достать других слуг.

Этот народ находит больше удовольствия в рабстве, чем в свободе. Ведь по большей части господа перед смертью отпускают иных своих рабов на волю, но эти последние тотчас отдают себя за деньги в рабство другим господам…» (4, 112).

Эту новую «холопскую» систему отношений — как полагают, вполне оправданную и исторически неизбежную — пришлось создавать на костях недовольных. Ее строительство заняло несколько десятилетий. Но уже Иван Грозный, окончив дело, изобразил его в своей чеканной формуле: «А жаловати есмя своих холопей волны, а и казнити волны же есми были» (15, 40). Иными словами, жизнь и свобода каждого — собственность государя. Он волен распоряжаться ими по своему усмотрению.

Холопство как сложная и многогранная система выросло на русской почве и было порождено главным образом общей бедностью страны, слабым развитием городской жизни, тяжелыми природно-климатическими условиями. Однако не обошлось и без дурного примера Орды. Татарские ханы вынуждены были решать задачи, во многом сходные с теми, которые стояли перед строителями Московского государства. Соответственно и системы общественных отношений оказались в значительной мере «совместимыми».

Наши летописи деликатно умалчивают о том, как вели себя в ханской ставке прибывавшие туда со всех концов вассалы. Однако описания иностранных послов, побывавших в Орде, позволяют составить об этом некоторое представление.

Бродившая по вольным степям Орда была проникнута духом раболепия. Вот, например, что увидел Иосафат Барбаро в ставке одного из татарских правителей — хана Кичик-Мехмеда (1435–1465): «Мы отправились к ставке царевича, которого нашли под шатром и в окружении бесчисленных людей. Те, которые стремились получить аудиенцию, стояли на коленях, каждый в отдалении от другого; свое оружие они складывали вдалеке от царевича, на расстоянии брошенного камня. Каждому, к кому

царевич обращался со словами, спрашивая, чего он хочет, он неизменно делал знак рукой, чтобы тот поднялся. Тогда проситель вставал с колен и продвигался вперед, однако на расстояние не менее восьми шагов от царевича, и снова падал на колени и просил того, чего хотел. Так продолжалось все время, пока длился прием» (2, 144).

Записывая еще свежие воспоминания о временах Ивана Великого (именно так он называет, согласно московской традиции, Ивана III), С. Герберштейн замечает: «Впрочем, как он ни был могуществен, а все же вынужден был повиноваться татарам. Когда прибывали татарские послы, он выходил к ним за город навстречу и стоя выслушивал их сидящих. Его гречанка-супруга так негодовала на это, что повторяла ежедневно, что вышла замуж за раба татар, а потому, чтобы оставить когда-нибудь этот рабский обычай, она уговорила мужа притворяться при прибытии татар больным…» (4, 68).

Об унижении московских князей перед татарами рассказывает и писатель середины XVI века Михалон Литвин: «Прежде москвитяне были в таком рабстве у заволжских татар, что князь их наряду с прочим раболепием выходил навстречу любому послу императора и ежегодно приходящему в Московию сборщику налогов за стены города и, взяв его коня под уздцы, пеший отводил всадника ко двору. И посол сидел на княжеском троне, а он сам коленопреклоненно слушал послов. Так что и сегодня заволжские и происшедшие от них перекопские татары называют князя москвитян своим холопом, то есть мужиком. Но без основания. Ведь себя и своих людей избавил от этого господства Иван, дед того Ивана сына Василия (Ивана IV Грозного. — *Н. Б.*), который ныне держит в руках кормило власти…» (8, 77).

В Судебнике 1497 года холопам посвящен целый ряд статей. Главная из них — статья 66. Она перечисляет основные источники холопства: «О ПОЛНОЙ ГРАМОТЕ. По полной грамоте холоп. („Полная грамота“ — документ о покупке холопа, соответствующим образом засвидетельствованный местными властями. — *Н. Б.*). По тиунъству и по ключю по сельскому холоп з докладом и без докладу, и с женою и с детьми, которые у одного государя; а которые его дети у иного (хозяина. — *Н. Б.*) или себе (особо. — *Н. Б.*) учнут жити, то не холопи; а по городцкому ключю не холоп; по робе холоп, по холопе роба, приданой холоп, по духовной холоп» (48, 62).

Понятие «сельский ключ» и «городской ключ» означало службу в качестве ключника в вотчинном хозяйстве или на городском дворе. Поскольку обладание ключом давало доступ к

тем или иным материальным ценностям, то возникал и соблазн их хищения. Остановить вороватого ключника должен был страх наказания. Превращая ключника в холопа, закон тем самым отдавал его в полную власть своему господину. Соответственно, господин сам мог определять меру наказания в случае воровства. Кроме того, сам характер отношений между господином и холопом, зачастую весьма доверительных и патриархальных, должен был воспрепятствовать злоупотреблениям обладателя заветного ключа.

Эти нормы известны были еще со времен Киевской Руси. Судебник Ивана III освобождает городского ключника от обязательного превращения в холопа.

«Это показательно — и на Руси, как и в Европе, развивались городские отношения, складывался новый облик горожанина — свободного (разумеется, в феодальном смысле) человека» (52, 195). Данное новшество можно, конечно, истолковать и как свидетельство подъема городов. Однако в целом распоряжения Судебника относительно холопов явственно обнаруживают иную тенденцию: стремление хотя бы отчасти ограничить рост числа холопов, которые в фискальном отношении были для государства «потерянными людьми». Они не несли главной государственной повинности — «государева тягла».

Иван III обещает свободу холопам, попавшим в плен к татарам и сумевшим бежать обратно на Русь. Он требует строгого соблюдения установленной процедуры при покупке холопа. Ее нарушение влечет за собой признание всей сделки недействительной. Круг административных лиц, имеющих право на регистрацию подобных сделок, существенно сужается. Здесь, как и во всех остальных статьях Судебника, интересы государства поставлены во главу угла.

Судебник тщательно регламентирует всякого рода судебные пошлины и запрещает судьям брать взятки («посулы»), получение которых прежде считалось обычным явлением, естественным вознаграждением судьи за его труд. (Статья 67. «Да велети прокликатъ по торгом на Москве и во всех городех Московские земли и Новогородцкие земли и по всем волостем заповедати, чтобы ищея fистец. — *Н. Б.*) и ответчик судиам и приставом посулу не сулили в суду, а послухом (свидетелям. — *Н. Б.*) не видев не послушествовати, а видевши сказати правду. А послушествует послух лживо не видев, а обыщется то опосле, ино на том послухе гибель (стоимость проигранного в суде имущества. — *Н. Б.*) исцева вся и с убыткы (судебные пошлины. — *Н. Б.*)») (48, 62).

Борьба с мздоимством была, конечно, делом крайне

сложным. С. Герберштейн применительно ко времени Василия III делает на сей счет следующее замечание: «Хотя государь очень строг, тем не менее всякое правосудие продажно, причем почти открыто. Я слышал, как некий советник, начальствовавший над судами, был уличен в том, что он в одном деле взял дары и с той, и с другой стороны и решил в пользу того, кто дал больше. Этого поступка он не отрицал и перед государем, объяснив, что тот, в чью пользу он решил, человек богатый, с высоким положением, а потому более достоин доверия, чем другой, бедный и презренный. В конце концов государь хотя и отменил приговор, но только посмеялся и отпустил советника, не наказав его. Возможно, причиной столь сильного корыстолюбия и бесчестности является сама бедность, и государь, зная, что его подданные угнетены ею, закрывает глаза на их проступки и бесчестье как на не подлежащие наказанию. У бедняков нет доступа к государю, а только к его советникам, да и то с большим трудом» (4, 120).

Таково было положение дел в правление Василия III. Вряд ли оно сильно отличалось от того, которое существовало при Иване Великом.

В Судебнике Иван III обязывает своих бояр не уклоняться от исполнения зачастую хлопотных и отнимающих много времени обязанностей судьи. Но при этом к участию в суде он требует привлекать и представителей местного самоуправления. (Статья 38. «А бояром или детем боярским, за которыми кормления с судом с боярским, имутъ судити, а на суде у них быти дворъскому, и старосте и лутчимъ людем. А без дворского, и без старосты, и без лутчих людей суда наместником и волостелем не судити…») В этом новшестве открывалась далекая перспектива: в XVI столетии расширение прав местного самоуправления становится действенным оружием монархии в ее борьбе с произволом бояр-наместников — этих всесильных и своекорыстных «губернаторов» Московской Руси.

В Судебнике 1497 года причудливо переплетаются самые противоречивые тенденции. Однако их общим знаменателем являются порою глубоко скрытые интересы и настроения самого государя. Упорядочивая систему суда, Иван III в то же время делает ее более жестокой. Судебник вводит в процесс дознания пытки особо опасных преступников. (Статья 34. «А которому дадут татя (грабителя. — *Н. Б.*), а велят его пытати, и ему пытати татя безхитростно, а на кого тать что взговорит, и ему то сказати великому князю или судии, которой ему татя дасть, а клепати (оклеветать. — *Н. Б.*) ему татю не велети никого…»)

Судебник не раскрывает характера этих пыток. Однако об

этом подробно рассказывает С. Герберштейн: «Они строго применяют меры правосудия против разбойников. Поймав их, они первым делом разбивают им пятки, потом оставляют их на два-три дня в покое, чтобы пятки распухли, а затем разбитые и распухшие пятки велят терзать снова. Чтобы заставить преступников сознаться в грабеже и указать сообщников злодеяний, они не применяют никакого иного рода пыток. Если призванный к допросу окажется достойным казни, то его вешают. Другие казни применяются ими к преступникам редко, разве что они совершили что-нибудь слишком ужасное.

Воровство редко карается смертью, даже за убийство казнят редко, если только оно не совершается с целью разбоя. Если же кто поймает вора с поличным и убьет его, то остается безнаказанным, но только при том условии, что он доставит убитого на государев двор и изложит дело, как оно было…

Немногие из начальников имеют власть приговаривать к смертной казни. Из подданных никто не смеет пытать кого-либо. Большинство злодеев отвозится в Москву или другие главные города. Карают же виновных по большей части в зимнее время, ибо в летнее этому мешают дела военные» (4, 118).

Для закоренелых преступников («ведомых лихих людей») устанавливается смертная казнь. Та же участь уготована «государскому убойце (холопу, убившему своего господина. — *Н. Б.*) и коромолнику (государственному преступнику, мятежнику. — *Н. Б.*), церковному татю (похитителю церковного имущества. — *Н. Б.*), и головному (похитителю людей. — *Н. Б.*), и подымщику (зачинщику мятежа. — *Н. Б.*), и зажигалнику (поджигателю. — *Н. Б.*)» (статья 9). Вор, впервые пойманный на краже, приговаривается к «торговой казни» — публичному битью кнутом на торговой площади.

В этом ожесточении законодателя угадывается ответная реакция на рост преступности и особенно — тяжких ее форм. Не случайно именно Иван III вынужден был для прекращения грабежей установить на улицах Москвы решетки, которые в ночное время запирались и охранялись крепкими караулами (4, 132).

Судебник Ивана III подтверждает правомерность весьма архаического института «Божьего суда». Его конкретной формой признается судебный поединок — так называемое «поле». Истец и ответчик в присутствии официальных лиц вступают в боевую схватку. Им разрешается использовать любые виды оружия, кроме лука и пищали. Победитель признается правым и в судебной тяжбе. В случае невозможности для одной из сторон лично участвовать в поединке (женщина, старик, инвалид,

несовершеннолетний) закон разрешает нанимать профессионального бойца. В таком случае и другая сторона обычно обращалась к услугам профессионалов. Судебный поединок постепенно превращался в схватку двух наемных гладиаторов. (Церковь осуждала судебные поединки. Известно, что митрополит Фотий (1408–1431) запрещал священникам давать причастие тем, кто собирался вступить в такой поединок. За убийство, совершенное во время поединка, полагалось отлучение от церкви. Убитого на «поле» не разрешалось хоронить как христианина (46,518).)

Судебник 1497 года подтверждает старинное правило, согласно которому проступки церковных людей должен судить их епископ. (Статья 59. «А попа, и диакона, и чернъца, и черницу, и строя, и вдову, которые питаются от церкви Божиа, то судить святитель или его судия. А будет простой человек с церковным, ино суд вопчей…») Однако на деле великий князь и его наместники нередко нарушали это положение. Говоря о лице духовного звания, С. Герберштейн замечает: «Если же его обвиняют в краже или пьянстве или если он впадает в какой-нибудь иной порок такого рода, то подвергается каре суда мирского, как они выражаются. Мы видели, как в Москве пьяных священников всенародно подвергали бичеванию; при этом они жаловались только на то, что их бьют рабы, а не боярин.

Несколько лет назад один наместник государев велел повесить священника, уличенного в краже. Митрополит пришел по этому поводу в негодование и доложил дело государю. Призвали наместника, и он ответил государю, что по древнему отечественному обычаю он повесил вора, а не священника. И после этого наместника отпустили безнаказанным…» (4, 90).

Вмешательство великого князя в юрсдикцию церковных властей, жестокие кары духовных лиц стали обычным явлением уже при Иване III. Под 6996 годом (1 сентября 1487 — 31 августа 1488 года) летопись сообщает: «Тое же зимы бита попов новугородских по торгу кнутьем, приела бо их из Новагорода к великому князю владыка Генадей, что пьяни поругалися святым иконам; и посла их опять ко владыце. Тое же зимы архимандрита Чюдовского били в торгу кнутьем, и Ухтомского князя, и Хомутова, про то, что сделали грамоту на землю после княжи Ондреевы смерти Васильевича Вологодского, рекши: дал к монастырю на Каменое къ Спасу» (18, 238). Подделка грамоты удельного князя Андрея Васильевича Вологодского стала основанием для торговой казни даже не рядового попа, а настоятеля придворного Чудова монастыря. А между тем по тогдашнему закону светский суд был полномочен в отношении

духовных лиц только в случае, если они замешаны в разбое или «душегубстве». Но в этом-то и специфика любого законодательства в условиях самовластия: оно действует до тех пор, пока не вступает в противоречие с интересами верховной власти. «Государь всея Руси» одной рукой писал законы, а другой сам же их нарушал…

Самая знаменитая статья Судебника 1497 года — «О ХРИСТИАНСКОМ ОТКАЗЕ». Во всех изданиях памятника она помещена под номером 57. С этой 57-й статьи берет свое начало общерусская система крепостного права.

Текст статьи краток: «А христианом (крестьянам. — *Н. Б.*) отказыватися из волости, ис села в село, один срок в году, за неделю до Юрьева дни осеннего и неделю после Юрьева дни осеннего. Дворы пожилые платят в полех за двор рубль, а в лесех полтина. А которой христианин поживет за ким год, да пойдет прочь, и он платит четверть двора, а два года поживет да пойдешь прочь, и он полдвора платит; а три годы поживет, а пойдет прочь, и он платит три четверти двора; а четыре года поживет, и он весь двор платит» (48, 61).

Итак, право крестьян «отказываться», то есть законным образом уходить от землевладельца, на земле которого они живут, ограничивается двумя неделями: с 19 ноября по 3 декабря. Перед уходом они должны уплатить прежнему владельцу определенную фиксированную сумму — «пожилое». Временем перехода назван известный церковный праздник — осенний «Георгиев (Юрьев) день». Этот срок избран был с глубоким смыслом. Он имел хозяйственную целесообразность, так как именно к середине ноября завершались все летние и осенние дела крестьянина. В это время крестьянин, заполнив закрома, был более чем когда-либо доволен жизнью и, соответственно, не склонен к ее перемене.

Введение Юрьева дня как единственного времени для перехода крестьян от одного землевладельца к другому многие историки считают важным моментом в истории крепостного права. Следовательно, Иван III может претендовать на роль кузнеца, сковавшего первое звено той «цепи великой», на которой вплоть до 1861 года самодержавное государство держало большую часть русского крестьянства. Впрочем, некоторые историки видят в решении Ивана III лишь упорядочение уже существовавших в русских землях различных временных ограничений для крестьянского перехода: «„Новизна“ Судебника только в том, что вместо разных сроков в разных местностях… он устанавливал единый срок для всей Русской земли. Это не усиление закрепощения. Это еще одно подтверждение

достигнутого политического единства страны» (52, 195).

Примечательно, что Судебник ничего не говорит о том, кто и как должен наказывать крестьянина, если он все же решится уйти от своего землевладельца, не уплатив «пожилое» или нарушив установленный срок. Очевидно, государство отдавало все это на откуп самому землевладельцу, который должен был решать вопрос методом полюбовного соглашения с нарушителем. Разыскать его не составляло особого труда: переходы совершались как правило в пределах одной округи. Лишь сто лет спустя государство сочло возможным взять на себя розыск беглых, а срок давности по этому преступлению был установлен в 5 лет.

И все же 57-я статья Судебника свидетельствует о могуществе Ивана III не менее, чем его громкие военные успехи. Об ограничении права крестьянского перехода определенными сроками до появления Судебника известно лишь для некоторых регионов. Теперь эта практика становилась общерусской. Иван счел себя вправе и в силе распоряжаться целым сословием в пределах всей своей «вотчины». Такого рода узаконение было исторически значимым и неизбежно потребовало для своего выполнения развития действенного аппарата власти.

Установленный Иваном III общерусский «Юрьев день» продержался почти целое столетие и был отменен лишь под давлением чрезвычайных обстоятельств — тяжелого социально-экономического кризиса, охватившего страну в конце XVI века. Он играл роль естественного регулятора норм эксплуатации в частновладельческих землях. Не желая лишиться своих крестьян, помещики вынуждены были соизмерять свои притязания с их возможностями. Однако и крестьяне должны были хорошенько подумать, прежде чем, раскошелившись на изрядную сумму «пожилого», пуститься в странствие по унылым и безлюдным ноябрьским дорогам. В системе Юрьева дня Иван III нашел устойчивый баланс интересов земледельцев и землевладельцев. Нарушение этого баланса не могло остаться безнаказанным. Отмена «Юрьева дня» Иваном Грозным (или его сыном царем Федором Ивановичем) стала глубинной причиной социально-политических катаклизмов Смутного времени.

Сам Иван III, кажется, очень гордился своим законодательством. Это и понятно. Ведь согласно Библии, установление хороших законов является главной обязанностью царя. «Вот, Царь будет царствовать по правде, и князья будут править по закону; и каждый из них будет как защита от ветра и покров от непогоды…» (Исайя, 32:1). Этим занимались все великие правители древности от — Моисея до Соломона и от Константина Великого до Юстиниана.

Поднаторевшие в искусстве тонкой лести, восточные правители тут же воспользовались этими настроениями государя. В послании к Ивану III, написанном летом 1498 года, крымский хан Менгли-Гирей от имени Ахмета, одного из сыновей султана Баязида, просит вернуть имущество, конфискованное за какую-то вину у турецкого купца Кортемира в Москве. По уверениям хана, купец был осужден несправедливо. Хан передает Ивану слова Ахмета: «Того великого князя Иваново доброе имя слышим, правосудом его зовут» (10, 269). А три года спустя правитель Кафы Мухаммед в послании к Ивану III так передает отзыв о нем своего отца султана Баязида: «Ино отец мой Баазит хан рек: для моего приятеля, для князя Иоана великого, абы есте узяли с них (русских купцов. — *Н. Б.*) половину мыта…» (10, 392).

Величая Ивана III «Правосудом», Менгли-Гирей, несомненно, намекал на только что завершенный великим князем труд — Судебник 1497 года. Называя его «великим», султан Баязид подразумевал уже не титул «великий князь», а историческое величие деяний московского государя.

ГЛАВА 16 Палач

Государь, если он желает удержать в повиновении подданных, не должен считаться с обвинениями в жестокости. Учинив несколько расправ, он проявит больше милосердия, чем те, кто по избытку его потворствуют беспорядку.

Никколо Макиавелли

Знаменитый изгнанник XVI столетия князь Андрей Михайлович Курбский в своих сочинениях не жалеет сарказма для Ивана Грозного, а заодно и для его ближайших предков — Василия III и Ивана III. Всю московскую правящую семью он называет «издавна кровопивственным родом» (15, 92). В этом есть, конечно, большая доля преувеличения. Патологическая жестокость Ивана Грозного была явным отклонением от семейной нормы, которую в целом можно определить как «политически целесообразную».

Московских князей XIV столетия трудно упрекнуть в какой-то особой жестокости. Сведение счетов с соперниками при помощи интриг в Орде для того времени не было чем-то из ряда вон выходящим. Равным образом и жестокости военного времени — опустошение вражеской территории, угон пленных — также относятся к ряду обычных, традиционных явлений. Дмитрий Донской публично казнил одного своего боярина, уличенного в измене и наведении на Москву татар. Летопись отметила это как чрезвычайное происшествие. Отсюда можно сделать вывод, что других подобных экзекуций в Москве в ту пору не случалось. Тихо, без кровопролития, правил и сын Донского Василий I (1389–1425).

Добродушие первых московских правителей было не столько чертой их характера, сколько элементом московской политической стратегии. Москва привлекала к себе переселенцев из других русских земель прежде всего «тишиной» — безопасностью от татар и литовцев, отсутствием грубого произвола со стороны местных правителей. К тому же и сама система отношений между различными слоями общества и внутри них на протяжении XIV столетия оставалась практически неизменной. Существовали ясные «правила игры», менять которые никто не пытался. Право свободного переезда знати от

одного княжеского двора к другому заставляло правителей быть обходительными со своими боярами. Равным образом и право свободного перехода крестьян сглаживало социальные противоречия в деревне.

В середине XV столетия на смену патриархальному добродушию приходит невиданная ранее свирепость. Эта перемена была ускорена московской усобицей времени Василия Темного. Однако она случилась бы и без нее, хотя несколько позже. Жестокость — необходимый инструмент правителей переломной эпохи. Прибегнуть к нему заставляет острое сопротивление приверженцев старой системы.

(В нравственном отношении жестокость «консерваторов» абсолютно равнозначна жестокости «новаторов». Но при этом последние, выиграв дело, имеют шанс укрыться от суда человеческого за принципом «победителей не судят». Всегда найдутся и продажные перья, готовые оправдать преступления пришедших к власти победителей всякого рода софизмами.)

Примечательно, что Василий Темный ожесточился уже в самом конце своего правления, когда победа была достигнута. Именно тогда начались гонения на князя Василия Ярославича Серпуховского и его сторонников. Прежде его свирепость была избирательной, направленной против главных виновников смуты — боярина Всеволожского, Василия Косого, Дмитрия Шемяки. О массовых репрессиях против их сторонников источники не сообщают. Очевидно, проявлять беспощадность по отношению ко многим Василий Темный решился только тогда, когда почувствовал прочность своих позиций. Ранее такая политика была бы попросту безрассудной. В условиях неопределенности политических перспектив она могла лишь оттолкнуть от него людей и к тому же бумерангом вернуться обратно.

Прошедший суровую школу своего отца, Иван Великий был внутренне готов ко многому. «…Не будучи тираном подобно своему внуку, Иоанну Василиевичу Второму, — замечает Н. М. Карамзин, — он, без сомнения, имел природную жестокость во нраве, умеряемую в нем силою разума. Редко основатели монархии славятся нежною чувствительностию, и твердость, необходимая для великих дел государственных, граничит с суровостию» (89, 317).

Уже в начале своего самостоятельного княжения Иван «показал когти», распорядившись ослепить за какую-то провинность знаменитого воеводу Федора Басенка. Казнь была совершена 27 августа 1463 года. Через 10 лет Иван вновь вспомнил про Басенка и велел сослать его на заточение в Кирилло-Белозерский монастырь.

Однако Иван Великий не имел той патологической склонности к «мучительству», которой отличался его внук Иван Грозный. Он не испытывал потребности убивать ради самого убийства как способа ощутить абсолютную власть над живым существом. Жестокость Ивана III всегда имела вполне определенные политические цели. Он должен был держать своих подданных в состоянии вечного страха и вместе с тем — глубокого, искреннего преклонения перед своей особой. Эта роль была не из легких. Но Иван освоил ее в совершенстве. С годами он научился внушать страх не только своими словами и делами, но и одним только взглядом, суровым выражением лица. Именно так следует понимать одно замечание С. Герберштейна. Рассуждая об Иване Великом, австрийский посол говорит: «По отношению к женщинам он был до такой степени грозен, что если какая из них случайно попадалась ему на глаза, по при виде его только что не лишалась жизни» (4, 68).

К сожалению, до наших дней не сохранилось ни одного портрета Державного. Есть лишь два его изображения, о сходстве которых с оригиналом можно спорить. Первое из них — на немецкой гравюре середины XVI столетия. Иван III изображен здесь по пояс, со скрещенными на груди руками. Общие пропорции фигуры указывают на высокий рост. Государь облачен в какой-то странный, обшитый косматым мехом кафтан. Левой рукой он придерживает рукоятку меча со слегка изогнутым лезвием. Голова увенчана высокой островерхой шапкой-короной. Из-под нее выбиваются пряди густых волос. Лицо изображено в профиль и наделено запоминающимися чертами: большим продолговатым носом, волнистой бородой и усами, в которых таится саркастическая усмешка. В целом образ старого монарха исполнен величия, но при этом в энергичном повороте фигуры ощущаются сила и решимость. Трудно сказать, был ли Иван таким в действительности. Однако то, что он мог быть таким, сомнений не вызывает.

Второе изображение Ивана III находим на так называемой Пелене Елены Волошанки, выполненной предположительно в 1498 году. Тонкими золотыми, серебряными и шелковыми нитями на пелене вышито изображение многолюдной церковной процессии с иконой Богоматери Одигитрии. Среди сопровождающих икону лиц особо выделены три фигуры в коронах: седобородый старец, «средовек» с небольшой черной бородкой и круглолицый юноша с выбивающимися из-под короны пышными кудрями. По-видимому, это Иван III, его сын Василий и Дмитрий-внук. Небольшие размеры изображения и условность самой техники лицевого шитья не позволяли отчетливо передать

черты лица Ивана. Угадывается лишь величавая осанка да старческая сутулость плеч, окутанных темно-коричневой мантией.

Существует и весьма общий словесный портрет государя, сделанный итальянцем Контарини под впечатлением встреч с Иваном осенью 1476 года: «Упомянутому государю от роду лет 35; он высок, но худощав; вообще он очень красивый человек…» (2, 229). С возрастом Иван стал сильно сутулиться, что послужило основанием для его прозвища, сохранившегося в летописях, — Горбатый (112, 3). Его необычайно высокий рост, длинные руки, «горбатая» спина, гордо откинутая голова, наконец — грозный, пронзительный взгляд, свидетельствовали о какой-то особой внутренней силе. В источниках есть и еще одно прозвище Ивана III — Грозный (112, 3). Увидев хоть раз этого человека, его уже невозможно было забыть.

После битвы на Шелони 14 июля 1471 года Иван приказал отрубить головы попавшим в плен к москвичам предводителям «литовской партии» в Новгороде. Это был акт устрашения. Прежде пленные бояре в конце концов получали свободу за выкуп. Теперь московскому князю нужен был не выкуп, а страх. Равенство в страхе — такова была его «социальная программа».

Казнями новгородских бояр в июле 1471 года Иван хотел припугнуть правящий класс. Однако дело не ограничивалось только этим. Помимо устрашения, великий князь хотел ясно показать, что отныне всякое неповиновение ему рассматривается как «измена».

В процессе покорения Новгорода Иван вырабатывает невиданный прежде метод усмирения — массовые принудительные переселения. Чего стоит одно только сообщение летописей о событиях зимы 1487/88 года: «Тое же зимы послал князь велики и привели из Новагорода боле семи тысячь житьих людей на Москву, понеже хотели убити наместника великого князя Якова Захарьича; иных же думцов (заговорщиков. — *Н. Б.*) много Яков пересек и перевешал» (18, 238). Тот же метод (с поправкой на иную численность населения) Иван применил по отношению к вятчанам и, вероятно, тверичам. В переселенческие потоки были вовлечены и татары, волей или неволей попадавшие на Русь. Несомненно, эти принудительные переселения затрагивали и другие этногеографические общности. Государь хотел ослабить или совсем уничтожить представление о Руси как совокупности самодостаточных, замкнутых в своей независимости областей. Словно в огромном котле, он перемешивает племена и землячества. Отныне их отечеством должна была стать вся Московская Русь. Древние межи и рубежи

быстро зарастали травой забвения.

В той же новгородской эпопее Иван впервые начал широко использовать пытки и казни своих недоброжелателей из местного населения. Не привыкший к такому обращению, новгородский люд трепетал перед свирепостью московских наместников, выполнявших указания своего государя.

От свирепости Иванова суда страдали не только безымянные «заговорщики» и «спецпереселенцы». Страх гулял и по дворам московской знати, забираясь в самые высокие кремлевские терема. И чем ближе к трону стоял человек, тем чаще видел он во сне охапку соломы в сумраке подземелья…

Жертвами Ивановых репрессий становились прежде всего те московские бояре, которые осмеливались словом или делом сопротивляться его политике. На протяжении всего своего долгого княжения Иван неуклонно стремился к ограничению привилегий крупной аристократии и усилению своей личной власти. И на каждом этапе этой борьбы он имел те или иные конкретные причины для столкновений со знатью. В первые годы после смерти Василия Темного молодой правитель стремился «поставить на место» тех, кто ожидал его благодарности или пытался обходиться с ним без должного почтения. Позднее, в 70-е годы, Иван начинает наступление на традиционные права аристократии, важнейшим из которых было право свободного переезда от одного суверенного правителя к другому.

Первым отразившимся в источниках проявлением этой тенденции стала опала на Данилу Дмитриевича Холмского в 1474 году. Знаменитый полководец «уличен был в какой-то неизвестной вине (быть может, в покушении отъехать), отдан под стражу, потом прощен и принужден дать на себя крестоцеловальную запись вроде проклятых грамот, которые давались князьями во времена Темного. „Я, Данило Димитриевич Холмской, — говорится в записи, — бил челом своему господину и господарю, великому князю Ивану Васильевичу, за свою вину через своего господина Геронтия, митрополита всея Руси, и его детей и сослужебников-епископов (следуют имена). Господарь мой меня, своего слугу, пожаловал, нелюбье свое отдал. А мне, князю Данилу, своему господарю и его детям служить до смерти, не отъехать ни к кому другому. Добра мне ему и его детям хотеть везде во всем, а лиха не мыслить, не хотеть никакого. А где от кого услышу о добре или о лихе государя своего и его детей, и мне то сказать вправду, по этой укрепленной грамоте, бесхитростно. А в том во всем взялся (поручился) по мне господин мой, Геронтий-митрополит, с своими детьми и сослужебниками. А стану я что думать и начинать вопреки этой

моей грамоте или явится какое мое лихо перед моим господарем великим князем и перед его детьми, то не будь на мне милости Божией, Пречистой Его Матери и св. чудотворцев Петра-митрополита и Леонтия, епископа Ростовского, и всех святых, также господина моего, Геронтия-митрополита, и его детей, владык и архимандритов тех, которые за меня били челом, не будь на мне их благословения ни в сей век, ни в будущий, а господарь мой и его дети надо мною по моей вине в казни вольны. А для крепости я целовал крест и дал на себя эту грамоту за подписью и печатью господина своего, Геронтия, митрополита всея Руси“. Но одних духовных обязательств и ручательств было недостаточно; Иван Никитич Воронцов обязался: если князь Данило отъедет или сбежит за его порукою, то он платит 250 рублей; пять свидетелей стояли при этом поручительстве; когда поручная кабала была написана и запечатана печатью Ивана Никитича, то последний, ставши перед князем Иваном Юрьевичем Патрикеевым, объявил ему об этом, и Патрикеев приложил к кабале свою печать» (146, 151).

Князь Холмский не нарушил клятвы и оставался на московской службе до кониа своих дней. Однако опала на героя Шелони оказалась лишь первой ласточкой. У московской аристократии со временем становилось все больше причин для столкновений с Державным. «Летописные источники замалчивали эти столкновения и следовавшие за ними опалы, о некоторых мы узнаем лишь по косвенным данным — по послужильцам распущенных боярских дворов, испомещенным на новгородской территории. На основании этих материалов устанавливается, что опалам подверглись: Василий Образец, Иван Васильевич Ощеря, Иван Дмитриевич Руно, Михаил Яковлевич Русалка, Иван Иванович Салтык-Травин, Андрей Константинович Шеремет, князь Александр Шемяка-Шаховской» (55, 358). Изучая послужные списки пострадавших бояр, можно заметить, что «все известные опалы относятся к одному периоду — 80—90-м годам XV века… Очевидно, в годы решительной перестройки государственной системы Иван III разошелся с радом приближенных к нему людей» (55, 360).

В одном ряду с названными выше именами можно поставить и пострадавших осенью 1484 года братьев Василия и Ивана Борисовичей Тучко Морозовых. Об этом под 6993 сентябрьским годом (1 сентября 1484 — 31 августа 1485 года) сообщает известная своими уникальными известиями Ермолинская летопись: «Тое же осени поймал князь велики своих двоих бояринов, Василия да Ивана Тучков» (29, 162).

Оба брата происходили из старинного московского боярского

рода Морозовых. Уже в 60-е годы они занимают видные посты при дворе, а в 70-е и начале 80-х деятельно участвуют в событиях, связанных с покорением Новгорода и «стоянием на Угре». В это время братья «занимали ключевые позиции и в Думе, и во дворце: Василий Тучко был конюшим, а Иван Тучко — дворецким» (82, 239). «Около 1483 года Иван III распустил боярские дворы, среди них и дворы братьев Тучковых» (82, 239). Вероятно, это вызвало общее недовольство, выразителями которого стали предводители московской знати братья Тучковы. Соответственно, они и были избраны жертвами показательной экзекуции.

Расправы со старыми боярами, разумеется, совершались не в одночасье, а волнами, по методу Аристотелева тарана. Падение одного боярского семейства не угрожало всему сообществу и лишь вызывало злорадство среди других. Но через некоторое время наставал черед и для этих.

В начале 80-х годов, после Новгорода и Угры, Иван III приходит к выводу о необходимости произвести «перебор людишек». Бояре, верой и правдой служившие еще Василию Темному, а затем и его молодому наследнику, были воспитаны в старых традициях. Они не могли понять и принять новую систему отношений внутри господствующего класса, которая сложилась к этому времени. Старая система, основанная на уважении к личности и имущественным правам знати, уступила место новой, построенной на всеобщем холопстве и относительности любых имущественных прав. В соответствии с этим и «старая гвардия», на плечах которой Иван взошел на трон, должна была уступить место новому поколению. На смену соратникам шли придворные, а за ними уже вставали серые ряды приказной бюрократии.

Смена поколений в московских верхах, усугубленная сменой менталитета, сопровождалась драматическими коллизиями. Ветераны, стоявшие уже одной ногой в могиле, порой не стеснялись говорить Державному все, что они о нем думали. Иван Грозный в послании к князю Курбскому стремится доказать, что и предки последнего были врагами московских государей. «Но понеже убо извыкосте (привыкли. — *Н. Б.*) от прародителей своих измену учинити: яко же дед твой, князь Михайло Карамыш, со князем Андреем Углецким на деда нашего, великого государя Иванна, умышлял изменныи обычаи… тако же и матери твоей деды, Василеи да Иван Тучки, многая поносная (оскорбительные. — *Н. Б.*) и укоризненная словеса деду нашему, великому государю Ивану, износили…» (15, 38).

Стремясь держать московскую аристократию в узде, Иван в то же время не хотел озлоблять ее ненужной жестокостью. Братья Тучко, судя по всему, отделались некоторым сроком тюремного

заключения. Во всяком случае, сын старшего из них, Михаил Васильевич Тучков, сделал неплохую карьеру при Василии III (82, 240).

По традиции за опальных придворных заступался митрополит. Проповедь милосердия считалась его пастырским долгом. Понимая это, правители терпимо относились к такого рода вмешательству в их дела. Однако результаты «печалования» зависели, конечно, от многих обстоятельств и прежде всего — от способности главы Церкви твердо настоять на своем перед лицом государя. Чем отличились на этом поприще митрополиты Феодосии и Филипп — неизвестно. Митрополит Геронтий, поначалу много споривший с государем по разным вопросам, в конце концов был сломлен. Современники упрекали его в том, что он «бояшеся Дръжавнаго» (86, 471).

Под тяжкий молот московского «правосудия» попадали и те литовские князья русского происхождения, которые не успели (или не захотели) вовремя перебежать к Ивану III и оказались в его руках уже в качестве пленников. Так случилось, например, с одним из князей Вяземских, владения которых были захвачены московскими войсками в 1493 году. «И взяша Вязьму, и Дорогобуж, и Мченеск, и много панов привели служивых. И князь великий розослал по городом в засаду, а князь Михаила Вяземскаго послал на Двину, и там умре в железех» (37, 98). Захваченных в битве при Ведроши (14 июля 1500 года) литовских пленных также (за редким исключением) постигла тяжелая судьба. «Князь же великий розосла всех князей литовских и панов по городом в заточение, а князя Коньстяньтина Острожскаго, оковав, посла в заточение на Вологду. И велел его не нужно (не сурово. — *Н. Б.*) держати, и пойти, и кормити доволно, а иным воеводам и князем и паном кормили по полу денге на день, а князю Констянтину Острожскому кормили по 4 алтына на день» (37, 99).

Свирепость Ивана III в некоторых случаях объяснялась не только общей жестокостью нравов того времени (ведь наш герой был современником легендарного злодея валашского воеводы Дракулы!), но и инстинктом самосохранения. Как внешние, так и внутренние враги искали возможности уничтожить грозного государя при помощи яда или кинжала. Можно только догадываться о том, какие строгие меры безопасности он должен был принимать, чтобы не доставить своим врагам столь легкой победы. Ведь в случае его внезапной кончины Московское государство могло надолго погрузиться в династическую смуту.

В начале 1493 года Москву всполошила весть о раскрытии заговора, нити которого тянулись в Литву. Целью заговорщиков

было убийство великого князя. Ненависть литовцев к Ивану объяснялась уже тем, что в ходе длительной московско-литовской войны, начавшейся в 1487 году, великокняжеские воеводы одерживали одну победу за другой. «Успехи русских войск были столь значительны, что в начале 1493 года Александр (великий князь Литовский. — *Н. Б.*) ожидал их дальнейшего продвижения в глубь Литовского княжества и отдал распоряжение Юрию Глебовичу готовить Смоленск к обороне» (81, 100). Смерть Ивана могла бы избавить Литву от многих неприятностей.

Летописцы рассказывают о литовском заговоре ретроспективно: начиная с конца и постепенно возвращаясь к началу. «Тоя же зимы, генваря 31, князь великий казнил князя Ивана Лукомского да Матиаса Ляха толмача латынскаго, сожгоша их на реке на Москве пониже мосту в клетке; да казнил дву братов смолнян, Богдана да Олехна Селевиных, торговою казнию, — и Богдан умре от торговыа казни, а Олехну головы ссекли, — про то, что они посылали з грамотами и с вестми человека своего Волынцова к князю великому Александру Литовскому. А князя Ивана Лукомскаго послал к великому князю служити король полский Казимир (умер в 1492 году. — *Н. Б.*), а привел его к целованию на том, что ему великого князя убити или зелием окормити, да и зелие свое с ним послал, и то зелие у него выняли. Да сказал князь Иван Лукомской на князя Федора на Белского, что он хотел бежати от великого князя в Литву; и князь великий за то велел князя Феодора изымати да послал его в заточение в Галич…» (20, 235).

Из текста этого «официального сообщения», почти без изменений повторенного всеми летописцами, можно понять, что в Москве была раскрыта целая сеть литовской агентуры, занимавшейся как сбором интересовавших короля сведений, так и подготовкой убийства Державного. Вероятно, расследование началось за несколько месяцев до казни. Отъезды на московскую службу многих представителей литовской знати русского происхождения и православного вероисповедания открывали возможность для засылки в Москву и мнимых «перебежчиков», выполнявших тайные поручения короля Казимира или его сына Александра. Среди этих поручений могли быть и поджоги. Случайно ли, что Москва в 90-е годы непрерывно страдала от страшных пожаров?

О том, как иногда начинались такие пожары, рассказывает Псковская 1-я летопись. Весной 1496 года «посла Бог казнь за умножение грех ради наших: загорелося на Крому (Кремле. — *Н. Б.*) в Кутнего костра (башни. — *Н. Б.*), и клетей много погорело, и ржи много и платья; милостию Божиею и святыя Троица угасиша

огнь; и много чхоты (зла. — *Н. Б.*) учинило, а рожь горелую сыпали в малые воротца на Пскову реку; а зажег Чюхно, закратчися (закравшись. — *Н. Б.*), а послаша его немцы зажечь и посулиша ему дару много, и поспешением святыя Троица изымаша его на Крому и сожгоша его огнем, месяца апреля в 12 день…» (40, 82).

Следует отметить, что русские люди того времени с большим предубеждением относились к иностранцам. В них видели заклятых врагов Руси и православия. Иван в этом отношении был, конечно, на голову выше своего окружения. Однако, зазывая в Москву всякого рода полезных людей с Запада, великий князь тщательно следил за тем, чтобы они не проявляли излишней самостоятельности и не сплачивались в самостоятельную корпорацию.

В этом отношении примечательна история, которую рассказывает венецианец Амброджио Контарини, приехавший в Москву из Персии осенью 1476 года. Человек живой и общительный, Контарини поселился поначалу в доме у знаменитого Аристотеля Фиораванти, находившемся рядом с княжеским дворцом. Однако Ивану, судя по всему, не понравилось сближение его главного мастера с подозрительным венецианцем. Возможно, он получил какие-то доносы от тех, кому поручено было присматривать за Контарини. Выводы последовали незамедлительно. «Но через несколько дней (и откуда это пришло — не пойму!) мне было приказано от имени государя, чтобы я выехал из этого дома. С большим трудом для меня был найден дом вне замка; он имел две комнаты, в одной из которых расположился я сам, а в другой — мои слуги. Там я и оставался вплоть до моего отъезда» (2, 227).

Чем больше иностранцев появлялось в Москве, тем строже становилось отношение к ним великого князя. В начале 1483 года Ивану представился хороший повод, чтобы «нагнать страху» на самоуверенных европейцев и наглядно показать им меру их ответственности. Питая слабость к врачам-иностранцам, великий князь держал при дворе лекаря — немца по имени Антон. (Иван вообще был очень внимателен к своему здоровью и однажды едва не поссорился с крымским ханом, отказавшись допустить к себе его послов, так как по дороге один из участников посольства «утерялся поветрием». Опасаясь распространения болезни, Иван посадил всю крымскую делегацию на карантин в какую-то глухую волость (10, 120).) Услугами немца-лекаря пользовались и другие представители московской знати. Из-за этого и случился скандал, о котором сообщают летописи.

«Того же лета врач некий немчин Онтон приеха к великому

князю, егоже в велицей чести держа князь велики его, врачева же князя Каракучю царевичева Даньярова да умори его смертным зелием за посмех; князь же велики выда его сыну Каракучеву, он же мучив его хоте дати на окуп (выкуп. — *Н. Б.*) князь же велики не повеле, но веле его убити; они же сведше его на реку на Москву под мост, зиме, да зарезаша его ножем как овцу. Тогда же Аристотель, бояся того же, почал проситися у великого князя в свою землю; князь же велики пойма его и ограбив посади на Онтонове дворе за Лазорем святым…» (18, 235).

Эта бесстрастно изложенная Независимым летописцем история потрясает холодным цинизмом, проявленным Иваном по отношению к своим верным слугам. Понятно, что врач Антон не сумел вылечить «князя Каракучу» и тот отправился к праотцам. Родственники умершего заподозрили в этом злой умысел Антона, имевшего перед тем какое-то неприятное столкновение со своим пациентом. Никаких доказательств своих подозрений они, разумеется, не привели. Однако великий князь безоговорочно принял сторону обвинителей. Ему явно хотелось угодить касимовскому царевичу Даньяру. Помимо этого, Иван и сам хотел избавиться от услуг врача, на которого пала даже слабая тень подозрения во «вредительстве». И наконец, великий князь хотел наглядно показать московским мастерам западного происхождения, что ждет их в случае недобросовестного исполнения своих обязанностей.

Между тем московские иностранцы (самым авторитетным среди которых был Фиораванти) согласились уплатить татарам немалый выкуп за своего попавшего в беду собрата. Кажется, они поняли, что на месте Антона завтра может оказаться любой из них. Простодушные и вместе алчные сородичи «князя Каракучи» готовы были принять солидный выкуп и тем закрыть дело. Однако Державный распорядился иначе. Он попросту отобрал у Фиораванти собранные для выкупа деньги, а самого старого мастера (которому он был обязан очень многим) приказал посадить под стражу в доме зарезанного татарами несчастного лекаря. Назидательный характер этого распоряжения очевиден: в случае малейшего неповиновения или попытки к бегству Фиораванти мог разделить участь того, кого он хотел спасти.

Наиболее знатными жертвами Державного стали его собственные братья. Опасаясь развития удельной системы и превращения удельных княжеств в наследственные, Иван, по-видимому, не разрешал братьям вступать в брак. Князь Юрий Васильевич Дмитровский умер осенью 1472 года в возрасте 31 года. Он не был женат, не имел детей и потому его удел был тотчас присоединен к великокняжеским владениям. Та же судьба

постигла и Андрея Васильевича Меньшого Вологодского. Он умер холостым в возрасте около 29 лет и его владения были взяты Иваном III. Еще один брат, Андрей Углицкий, женился в возрасте без малого 24 лет — весьма поздний срок, по тогдашним понятиям. И лишь один из братьев — Борис Васильевич Волоцкий — устроил свою семейную жизнь достаточно традиционно: женился в возрасте около 22 лет. Для сравнения следует вспомнить, что сам Иван женился в 1452 году в возрасте 12 лет, а в 18 уже имел сына-наследника.

Пренебрегая интересами своих удельных братьев как в семейных (женитьба), так и в имущественных (раздел выморочных уделов и новоприобретенных территорий) вопросах, Иван тем самым подталкивал их к сопротивлению. Открытый мятеж двух Васильевичей — Андрея Большого и Бориса Волоцкого — вспыхнул весной 1480 года и завершился примирением лишь год спустя. Воспоминания об этом не давали покоя великому князю. Оба мятежника казались ему потенциально опасными. Зная злопамятный нрав своего старшего брата, опасались расправы и подозреваемые. Их тревога усилилась после кончины матери, великой княгини Марии Ярославны, 4 июля 1485 года. Властная и умная старая княгиня не позволила бы Ивану расправиться с Андреем Углицким и Борисом. (Два других брата, Юрий Дмитровский и Андрей Вологодский, к этому времени уже лежали в могиле.) К тому же все знали, что Андрей Большой был любимцем матери…

Настроения князей передавались и их придворным. Нервы у всех были натянуты, и в любую минуту можно было ожидать новой ссоры. Она едва не вспыхнула в 1488 году из-за болтливости княжеских придворных.

«В лето 6996. Скоромоли (солгали. — *Н. Б.*) князю Ондрею Васильевичю Углецкому на великого князя Ивана Васильевича княже Ондреев же боярин Образец, яко хощет князь великий князя Ондрея поимати. Князь же Ондрей хоте с Москвы тайно бежати и едва мысль его отвратися, и посла ко князю Ивану к Юрьевичю (Патрикееву. — *Н. Б.*), веля явити то князю великому, о чем се хощет князь великий над ним створити; князь Иван же отрече́ся (отказался. — *Н. Б.*), и он же сам иде, исповеда великому князю. Князь же великий клятся ему небом и землею и Богом силным Творцем всея твари, что ни в мысли у него того не бывало, и обыска от кого слышал: ажио князя великого сын боярский Мунт Татищев сплоха пришед пошутил, и он вправду поворотил, хотя князю Ондрею примолвитися, понеже бо преже того князь Ондрей в нелюбках его держал. Мунту же князь велики повеле дати торговую казнь (битье кнутом на торговой площади

— *Н. Б.*), и хотя ему язык вырезати; митрополит же отпечалова его» (18, 238).

Мрачная шутка раздосадованного чем-то «боярского сына» Мунта Татищева, едва не стоившая шутнику языка, могла стать искрой, от которой полыхнет новая московская усобица. Прикрыв скандал и запечатав его своей довольно странной для православного христианина клятвой «небом и землей», великий князь с этих пор стал пуще прежнего приглядывать за братом. Между тем Андрей, кажется, уже не верил никаким клятвам Ивана и ясно понимал, чем должно закончиться его противостояние со старшим братом. Однако этот храбрый человек не собирался сдаваться без боя. Летом 1491 года он не исполнил требование Ивана III послать свой полк на войну с «Ахматовыми детьми», которые собирались напасть на владения союзника Москвы — крымского хана Менгли-Гирея (19, 223). Несомненно, Андрей опасался, что, оставшись без войска, он станет легкой добычей для Державного. Свой отказ он мог объяснить довольно странным характером похода: русские воины должны были сражаться за интересы татарского хана, люди которого не раз опустошали южные области Руси.

Другой брат, Борис, не решился на прямую конфронтацию с Иваном и послал свое войско в явно бесцельный поход в Степь. Это смирение спасло Борису жизнь и свободу…

Отказ Андрея от участия в войне с татарами был равносилен разрыву договора с Иваном. Теперь ход был за Державным. Проще всего было отправить на Углич войско и разгромить этот давний оплот сепаратизма. Однако идти войной на Андрея Иван по многим соображениям не хотел. На помощь мятежнику мог по старой дружбе выступить Борис Волоцкий. Кроме того, такой поход вызвал бы недовольство московского боярства. Наконец, в случае явной опасности Андрей всегда мог уйти в Литву под прикрытием своих войск.

Но там, где нежелательно было использовать военную силу, вполне можно было прибегнуть к коварству. В сентябре 1491 года Иван пригласил Андрея Большого в Москву для переговоров. Можно только догадываться о том, какие крепкие клятвы и поручительства должен был получить Андрей, чтобы добровольно сунуть голову в петлю. Вероятно, здесь не обошлось без гарантий духовных лиц и прежде всего — митрополита Зосимы. Наконец, поверивший клятвам Андрей прибыл в Москву. Обрадованный Иван устроил в честь брата пир во дворце, а на следующее утро велел схватить его и заточить в темницу…

Все московские летописи поместили стандартное по форме и одиозное по содержанию «официальное сообщение» об аресте

Андрея Углицкого.

«В лето 7000-ное. Сентября в 20 князь великы Иван Васильевич всея Руси сложив с себя крестное целование брату своему князю Ондрею Васильевичю за его измену, что он изменил крестное целование, думал на великого князя Ивана Васильевича на брата своего старейшего з братьею, со князем Юрьем и со князем Борисом и съ князем Андреем, да к целованью приведе на то, что им на великого князя на брата своего старейшего стояти с одного, да грамоты свои посылал в Литву к королю Казимеру, одиначяся (сговариваясь. — *Н. Б.*) с ним на великого князя, да и сам з братом своим со князем Борисом отъежжал от великого князя, да посылал грамоты свои к царю Ахмату Болшие орды, приводя его на великого князя на Русьскую землю ратью, да с великого князя силою на Ординьского царя воеводы своего с силою не послал (имеется в виду поход 1491 года. — *Н. Б.*), а все то чиня измену перед великым князем перед братом своим старейшим, а преступая крестное целование. И того ради повеле его князь великы изымати и посади его на казенном дворе на Москве, а по детей по его, по князя Ивана да по князя Дмитрея, послал на Углеч того же дни князя Василья княжо Иванова сына Юрьевича, да с ним многых детей боярьскых, и повеле их изымати и посадити в Переславле; они же сътвориша тако» (31, 333).

От этого раннего и потому еще очень неуклюжего образца официальной кремлевской лжи даже у самых доверчивых читателей оставалась оскомина. Здесь все перевернуто с ног на голову. Иван III, обманом захвативший брата, нарушил тем самым крестное целование. Однако эта тяжкая вина перекладывается с Ивана на самого Андрея, которому припоминаются давно отпущенные старые грехи, умноженные домыслами и клеветой. Совершенно по-иному, с горечью и сочувствием к жертве, описывает эту историю один провинциальный, но хорошо осведомленный летописец:

«В лето 7000. Приехал на Москву князь Андрей Углецкии. И князь великий его почте (почтил. — *Н. Б.*) велми, а назавтрее его поймал. А великому князю брат родной. А велел его поймать князю Семену Ряполовскому со многими князьми. И ево бояр и князей поимаша, и приведе в западню (палату. — Н. Б.) ко князю Андрею Васильевичю, и ста пред ним слезен, не могии ясно слово молвити. И рече слово слезно князю Андрею: „Пойман еси Богом да государем нашим князем Иваном Васильевичем всеа Русии, братом твоим старейшим“. И князь Андреи рече: „Волен Бог да брат мои, князь великий Иван Васильевич, и суд мне с ним на втором пришествие пред Богом“» (37, 51).

Третий вариант этого рассказа, соединяющий холодность первого с подробностью второго, содержит богатая оригинальными известиями Вологодско-Пермская летопись: «В лето 7000. Месяца сентября в 20 на Еустафьев день Плакидин, в вторник, в час дни, князь великий Иван Васильевич поймал брата своего князя Ондрея Васильевича Углетцкого на Москве, у себя на своем дворе, и посади его на Казенном дворе, а по детей по княж Ондреевых послал того же часу князя Василья княж Иванова сына Юрьевича да с им многих детей боярьских, велел их поимати и посадити в Переславле, и на Москву не водя. А бояр княж Ондреевых, хто с ним приехал, да и диаков, и казначея, и детей боярьских, от болших и до меньших, всех велел переимати. А на Углечь послал своего наместника Ивана Васильевича Шадру Веньяминова. А в Можаеск послал князя Ивана Стародубского Телеляша. А по князи по Бориса по Васильевича, по брата своего, на Волок послал князь великий того же часу боярина своего Данила Иванова, а велел ему у себя быти. И князь Борис к великому князю приезжал в велице тузе (печали. — Н. Б.) октября в 7, а в 10 октября князь Борис с Москвы и съехал на Волок с радостию великою» (32, 287).

Арест Андрея Углицкого, несомненно, вызвал много пересудов в среде московской знати. Одни осуждали Ивана за вероломство, другие оправдывали его поведение. В этой ситуации Иван должен был как-то объясниться со своими боярами, многие из которых проявляли сочувствие к Андрею. Уникальный рассказ об этом объяснении сохранился в «Истории Российской» В. Н. Татищева. Вероятно, историк пользовался какими-то не дошедшими до нас источниками.

«Тогда собравшеся мнозии князи и бояре, начата просити митрополита Зосима, чтобы печаловался со властьми о князе Андрее, и митрополит ниединова проси, тоже князи сроднии. Князь же великий отрече, молвя: „Жаль ми добре брата моего и не хосчу изгубити его, а на себе порока положити, а свободити не могу про то, что ниединою зло на мя замышлял и братию свободил, а потом каялся. И ныне паки начал зло замышляти и люди моя к себе притягати. Да то бы и ничто, а когда я умру, то ему доставати великое княжение. А внук мой, кому великим князем быти, и он, коли собою того не достанет, то смутит дети моя, и будут воеватися межи собою, и татара, пришед, видя в нестроении, будут землю Рускую губить, жечи, и пленить, и дань возложат паки, и кровь христианская будет литися, яко бе прежде. А что аз толико потрудися, и то будет все ни во что, и вы будите раби татаром“. Сие слышавше, вси умолкоша, не смеюсче что ресчи» (50, 79).

«Излишне говорить, сколь похвальна в государе верность данному слову, прямодушие и неуклонная честность. Однако мы знаем по опыту, что в наше время великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдержать данное слово и умел, кого нужно, обвести вокруг пальца; такие государи в конечном счете преуспели куда больше, чем те, кто ставил на честность» (117, 95). Эти слова Макиавелли — словно пояснение к некоторым деяниям «государя всея Руси».

Арестовав Андрея Углицкого и его сыновей, Иван III нарушил клятвы, но в итоге устранил потенциального мятежника. Возможно, его подтолкнуло к действию не только открытое неповиновение брата в вопросе о войне с татарами, но и династическая ситуация, сильно усложнившаяся после смерти наследника престола — Ивана Ивановича Молодого 7 марта 1490 года. Теперь в случае внезапной кончины самого Ивана III на престол могли претендовать сын Ивана Молодого Дмитрий (родился 10 октября 1483 года) и старший сын Ивана III от Софьи — Василий (родился 25 марта 1479 года). Первому из них в момент ареста Андрея Углицкого (20 сентября 1491 года) не исполнилось и восьми лет, второму было полных двенадцать. В этой ситуации Андрей Большой мог сыграть на противоречиях обоих семейств и хитростью (либо просто силой) захватить верховную власть. Московское боярство, судя по всему, неплохо относилось к Андрею и могло поддержать его выступление.

Помимо этого, с арестом Андрея Иван III взял под свой контроль боевые силы обширного углицко-можайского удела. В условиях, когда война с Литвой вступала в решающую стадию и москвичи готовились начать наступление на Вязьму (а может быть, и далее, на Дорогобуж и Смоленск), это обстоятельство приобретало важнейшее значение.

Наконец, Ивану нужны были и сами земли, которыми на правах удельного князя владел Андрей Углицкий. Они могли быть использованы для раздачи в поместья великокняжеским слугам. Примечательно, что едва за Андреем захлопнулась дверь темницы, как в его владения были посланы московские порученцы. «А на Углеч и в Можаеск послал великий князь своих наместников, тогда бо бысть Можаеск за князем Андреем» (20, 231). Это распоряжение вновь приоткрывает для нас важнейшее направление внутренней политики Ивана III — борьбу за ликвидацию удельной системы.

Уделы являлись характерной чертой внутреннего устройства русских княжеств в период феодальной раздробленности. Они содействовали собиранию власти в руках правящей династии. Уделы «не были „территориальными княжествами“ в собственном

смысле слова. Они не противостояли домену (собственно великокняжеским владениям. — *Н. Б.*) ни как независимые государственные образования, ни как этнически чуждые единицы. Хотя система уделов и обуславливалась в конечном счете экономической раздробленностью страны, уделы не являлись территориями с принципиально разными уровнями экономического развития.

Существование системы уделов на Руси способствовало развитию феодализма вглубь и вширь. Оно стимулировало выработку норм вассалитета-сюзеренитета, договорного феодального права в целом. Вместе с тем система таила в себе определенный консерватизм, тенденцию сохранения феодальной раздробленности. Особенно опасной для центральной власти была тенденция превращения уделов в „территориальные княжества“. Стремление удельных князей к созданию наследственных уделов, переходящих от отца к сыну (первым образцом такого удела было Серпуховско-Боровское княжество), вызвало борьбу великих князей с принципом наследования уделов» (95, 49).

(В отношении Серпуховско-Боровского княжества эта борьба выглядела достаточно просто. Улучив подходящий момент, Василий Темный в 1456 году на всю оставшуюся жизнь упрятал в темницу князя Василия Ярославича Серпуховского, в руках которого были сосредоточены тогда все части семейного удела. За ним последовали в заточение и его малолетние дети. Единственный взрослый сын удельного князя бежал в Литву, где и окончил свои дни изгнанником. Удел был включен в состав великокняжеских владений.)

В Московском княжестве уделы известны со времен Ивана Калиты. «Пока уделы в составе Московского княжества в целом отвечали задаче сплочения московских князей в борьбе против самостоятельных государственных образований типа Новгорода, Твери или Рязани, система уделов сохранялась. Однако в период после присоединения этих образований к Москве уделы стали главным фактором децентрализации власти московских государей. Великие князья уже в XV, а особенно в XVI в. стремились не выполнять в полном объеме распоряжения духовных о распределении земель в уделы. Часто самые младшие князья оставались на практике без уделов» (95, 49).

Ради захвата серпуховского удела Василий Темный пошел на неправедную расправу со своим шурином и его семейством. (Можно только догадываться, сколько слез пролила по этому поводу сестра приговоренного и жена палача — княгиня Мария Ярославна.) Следуя примеру отца, Иван III в 1491 году таким же

сокрушительным и коварным ударом уничтожил разом весь углицко-можайский удел. Владения Андрея Большого присоединились к далеко раскинувшейся «вотчине» «государя всея Руси», в которой несколькими годами ранее растворились уделы Юрия Дмитровского и Андрея Вологодского.

В конце жизни Иван III своим завещанием вновь воссоздаст удельную систему. Однако новые уделы его сыновей будут уже несравненно меньше прежних. Да и сам объем власти удельных князей Иван сведет почти к нулю…

Расправа с Андреем Большим грозной тучей пронеслась над головой другого брата, в прошлом также мятежника — Бориса Волоцкого. Он остался на свободе и на уделе, очевидно, лишь благодаря собственной ограниченности. «Брата же своего князя Бориса Василиевичя Волотцскаго и детей его неухыщреннаго их ради нрава не вреди ничим же» (20, 231). Но и простаку Борису оставалось жить на белом свете всего лишь три года. Умер он у себя на Волоке, в своей постели, 26 мая 1494 года, немного не дожив до сорока пяти лет. Смерть последнего из четырех удельных братьев, сыновей Василия Темного, стала знаменательным событием. Многие с сочувствием вспоминали тогда об их печальных судьбах и ранних смертях. «Дуну бо внезапу завистным ветром и погаси четверосветлый и чюдный он светилник весь до конца, и тмы и дыма и горести исполни всю Росию», — писал по поводу кончины последнего из младших Васильевичей преподобный Иосиф Волоцкий (39, 155). С кончиной Бориса стареющий Иван III остался в каком-то зловещем одиночестве.

Удел Бориса Волоцкого наследовали его сыновья Федор и Иван. Оба они при жизни сильно страдали от бедности и влезали в долги. Федор прославился тем, что в своих владениях бесцеремонно грабил всякого, кто имел деньги, не исключая и монастыри. Оба брата умерли бездетными, причем младший таинственно и скоропостижно скончался на свадьбе у старшего. Владения их перешли к великому князю Василию III.

Волоцкий княжеский род угас без славы, но и без особых драм. Судьба углицкого семейства оказалась более трагичной. Первым, гремя цепями, ушел в мир иной его глава — князь Андрей Большой. Иван явно хотел поскорее избавиться от него. Условия содержания удельного князя в каменной темнице Казенного двора (близ Благовещенского собора) были столь тяжелы, что уже через два года (6 ноября 1493 года) 47-летний Андрей Углицкий умер. Летописи сообщают об этом кратко, но с каким-то особым вниманием к хронологии: «Тое же осени, ноября 6, преставися князь Андрей Василиевич Болшей, а сидел в тюрме

на Москве на Казеном дворе великого князя два года и 47 дни; и положиша его в церкви Архаггела Михаила на Москве у северных дверей» (19, 227). Смерть уравнивала первых и последних. Даже самые ненавистные великим князьям члены московского семейства по кончине получали место в общей семейной усыпальнице — Архангельском соборе. Там, под грозным взором архистратига Михаила, смолкали все земные вопли и наступала великая тишина вечности.

Спустя 4 года (в конце октября — начале ноября 1497 года) Иван III предпринял странную, на первый взгляд, акцию — публичное покаяния в тяжком грехе братоубийства (81, 146). «Того же лета Симону митрополиту… (пропуск в тексте летописи. — Н. Б.), веля ему быти у себя на дворе съ архиепископом и с епископы. И приидоша к нему. Князь же великый, встав пред своим отцем митрополитом и архиепископом и епископы, начата бита челом пред ними с умилением и с великими слезами, а прося у них прощениа о своем брате князе Андрее Васильевиче, что своим грехом, несторожею (неосторожностью. — Н. Б.), его уморил, в нужи (скорби. — Н. Б.) стоя перед ними долго время. Митрополит же и архиепископ и епископи с испытанием и с великым наказанием и понудиша (увещевали. — Н. Б.) ѝ (его. — Н. Б.) долго время и едва простиша ѝ (его. — Н. Б.) и понаказаша его впредь и как бы ему своя душа исправите пред Богом» (30, 213).

Надо полагать, что за этим покаянием и в самом деле стоял страх Божьего суда, охвативший уже клонившегося к закату государя. Иван понимал, что по существу правы были те, кто называли гибель Андрея убийством и упрекали его в повторении «древнего Каинова зла» (39, 155). Впрочем, раскаяние Державного нельзя было назвать полным. Ведь в темнице продолжали томиться ни в чем не повинные сыновья Андрея Большого — Иван и Дмитрий. Первому в момент ареста было 14 лет, второму — не более семи. Им обоим суждена была страшная участь: пожизненное тюремное заключение. Однако есть сведения, что условия содержания младшего брата были достаточно мягкими: князя обслуживала всякого рода челядь, ему разрешали под строгим надзором выезжать «из тюрьмы ис тына» в городские церкви. Очевидно, после покаяния об Андрее Иван III приказал смягчить режим содержания его сыновей. Старший из Андреевичей умер в 1522 году, младший — после 1540 года, когда, уже незадолго до кончины, он был выпущен на волю после 49 лет заточения. Похоронили обоих братьев в вологодском Спасо-Прилуцком монастыре. (Справедливости ради следует заметить, что Иван III не тронул женскую половину углицкого

семейства. Две дочери князя Андрея Большого к 1491 году были замужем. Их семей гонение, насколько известно, не коснулось.)

Расправа с углицкими князьями осталась в памяти московской знати как пример «кровопийства» Ивана III. Другим столь же ярким свидетельством его жестокости стало 27-летнее заточение князя Василия Ярославича Серпуховского (с 1456 по 1483 год), вместе с которым были арестованы и его малолетние дети от второго брака Иван, Андрей и Василий. Они много лет находились в заточении в Костроме и умерли в 1480-е годы. Их общей усыпальницей стал костромской Богоявленский монастырь (152, 122).

Князь Андрей Курбский в третьем послании к Ивану Грозному, вспоминая прежние злодеяния московских государей, восклицал: «Что Углецким учинено, и Ерославичом (потомкам Ярослава Владимировича Серпуховского. — Н. Б.), и прочим единые крови? И како их всеродне (всем родом. — Н. Б.) заглаженно и потребленно? Еже ко слышанию тяжко, ужасно!» (15, 92). К этой теме Курбский возвращается и в своей «Истории о великом князе Московском». Он упрекает Ивана III в том, что тот «брата едина-утробного, Андрея Углецкого, мужа зело разумного и мудраго, тяжкими веригами в темнице за малыя дни удавил, и двух сынов ево… многолетним заключением темничным нещадно поморил!» (15, 322). Называя и другие невинные жертвы, Курбский приходит к печальному выводу: «…Обычай есть московским князем издавна желати братей своих крови и губити их убогих ради и окояных отчизн (вотчин. — Н. Б.), несытства (корыстолюбия. — *Н. Б.*) ради своего…» (15, 372).

Не щадя ради «окаянных вотчин» даже своих родных братьев, Иван III тем менее склонен был щадить двоюродных и троюродных. Уже в 80-е годы он «положил глаз» на обширный удел потомков младшего брата великого князя Василия I — Андрея Можайского. Половина этого удела, принадлежавшая союзнику Дмитрия Шемяки, Ивану Андреевичу Можайскому, была захвачена еще Василием Темным в 1454 году. Сам Иван и его семейство бежали в Литву. Другая половина (подмосковная Верея и далекое Белоозеро) осталась у смиренного князя Михаила Андреевича. Ни Василий Темный, ни Иван III не проявляли открытой враждебности по отношению к нему. Однако с каждым новым договором размер его владений уменьшался, а права урезались. В 1479 году Иван при помощи послушных ему иерархов отнял у Михаила Андреевича традиционное право опеки над Кирилло-Белозерским монастырем, находившимся в его уделе. Дело явно шло к тому, что Михаил Андреевич будет вынужден завещать свой удел великому князю. Единственным

препятствием оставался старший сын Михаила — князь Василий Михайлович Удалой. (Младший сын Михаила Иван умер бездетным между 1476 и 1483 годами.) Это был крепкий боец, отличившийся в целом ряде московских походов. К тому же он был женат на племяннице Софьи Палеолог, Марии. Найти повод для расправы с ним было не так легко. Однако осенью 1483 года Иван III сумел избавиться от Удалого. Поводом для опалы послужила история с пропавшими драгоценностями первой жены великого князя Марии Тверитянки. Государь передал их Софье Палеолог, но после рождения внука Дмитрия решил подарить кое-что из этого собрания своей снохе Елене Волошанке — матери новорожденного. Тут и выяснилось, что многих драгоценностей уже нет в заветном ларце, Софья раздарила их своим родственникам и в частности отдала в виде приданого своей племяннице Марии — жене князя Василия Михайловича Верейского. Гнев Державного обрушился не столько на Софью, сколько на верейское семейство, вина которого состояла лишь в том, что оно приняло роковые подарки от великой княгини. Понятно, что здесь трудно найти явную логику. Но тайная логика этой опалы вполне понятна. Обвинив Василия и его жену в «хищении» ценностей из великокняжеской казны, Иван нашел убедительный повод для того, чтобы избавиться именно от младшего поколения верейско-белозерского дома.

«Того же году восхоте князь великы дарити сноху первой своей великой княгине Тверьской сажением (драгоценностями. — *Н. Б.*) и просил у той второй княгини великой Римлянки. Она же не дасть, понеже много истеряла казне великого князя: кое брату давала, кое племянницу давала за княжа за Михайлова сына, за Верейскаго, за князя Василия, и много давала. Посла же князь великый, взя у него все приданое, еще и со княгинею его хоте поимати. Он же бежа в Литву и с княгинею к королю. И посылал князь великы князя Бориса Турену за ним в погоню, и мало его не яша. Тогды же Фрязина имал и мастеров серебряных…» (30, 202).

Старый же князь Михаил Андреевич был выведен из-под удара. Он тихо доживал свои тоскливые дни и перед кончиной (12 апреля 1486 года) законным образом завещал все свои владения великому князю.

Трудно сказать, в какой степени вся эта история была обычным семейным скандалом, а в какой — тщательно сплетенной интригой. Несомненно, в ней было и то и другое. Мог ли Иван не поинтересоваться тем, какие вещи Софья дает в приданое своей племяннице? Едва ли. Мог ли он забыть о том, как выглядят украшения его первой жены?

Конечно, нет. Известно, что Иван вообще был очень

неравнодушен ко всякого рода красивым вещам и драгоценностям. Как истинный тиран, он любил прекрасное и знал в нем толк. Итальянец Контарини в своих записках рассказывает о том, как великий князь долго и с удовольствием показывал ему «свои одежды из золотой парчи, подбитые прекраснейшими соболями» (2, 230). Иван любил и красивые восточные ковры (146, 143). Но особую слабость Иван питал к драгоценным камням. Любитель всякой мистики, он остро чувствовал их волшебную магию. Загадка драгоценного камня была сродни загадке царской власти. И то и другое в глубинной сути своей было тайной. И не случайно эти камни издавна служили неизменным атрибутом верховной власти, предметом вожделений всех монархов мира. Переходя из рук в руки, они дарили обладателю свою древнюю таинственную силу.

В посланиях Ивана к крымскому хану часто содержатся просьбы прислать драгоценные камни или какую-то невиданную жемчужину, принадлежавшую еще хану Тохтамышу (10, 80). Особенно часто упоминаются почему-то камни красного и розового цвета — «лал» (драгоценный камень, по цвету напоминающий рубин, но уступающий ему по твердости и блеску) и «яхонт» (рубин). Чем привораживали Ивана эти мерцающие кровавыми отсветами грани? О чем думал он, взвешивая их на ладони, сжимая в кулаке, рассматривая при трепетном свете свечи?

Понятно, что такой ценитель драгоценностей, как Иван, тотчас опознал бы украшения Марии Тверитянки среди тех вещей, которые Софья давала своим родичам. Понимая это, княгиня привлекала к делу московских серебряников, которые придавали старым вещам новый облик. Узнав об обмане, Иван пришел в неподдельную ярость. Вероятно, задеты были его личные чувства: воспоминания об умершей жене, жалость к рано оставшемуся без матери старшему сыну. Но дело было не только в этом…

«В наши дни лишь те совершили великие дела, кто прослыл скупым…» — утверждал Макиавелли (117, 91). Иван, как это ни парадоксально, при всей своей любви к роскоши, был одновременно бережлив до скупости. (Возможно, это была наследственная черта московских князей, придавленных вечной бедностью и страхом оказаться в должниках у беспощадной Орды.) Он экономил на всем, не брезгуя и явным обманом, примером чему может служить история с выплатой денег венецианскому послу Тревизану. Посылая баранов для прокорма чужеземных послов, он настойчиво требовал шкуры вернуть назад (10, 81). Поручая своим боярам дипломатическую миссию, он не

давал им ни копейки «командировочных» и даже норовил отобрать у них подарки, полученные за рубежом. Все это удивительным образом напоминает ту крайнюю бережливость в расходовании казенных денег, которой отличался и Петр Великий…

Выросшая в совершенно другой обстановке, Софья Палеолог, напротив, стремилась блистать и проявлять щедрость. Этого требовало ее честолюбие византийской принцессы, племянницы последнего императора. К тому же щедрость всегда была хорошим способом приобрести друзей. «Римлянка» хотела переломить то подозрительное отношение к себе московской знати, которое сильно задевало ее, а в будущем могло перекрыть ее сыновьям дорогу к спасительному престолу.

(Забавный пример такой не всегда уместной щедрости великой княгини можно найти в рассказе о смерти Пафнутия Боровского (1 мая 1477 года), написанном его учеником и келейником Иннокентием. Узнав о скорой кончине высоко чтимого в Москве боровского игумена, вся знать спешит получить от него последнее благословение. Однако старец, погруженный в размышления о бренности всего сущего, уже не хочет отягощать себя мирской суетой. Он даже отказывается принять гонца с грамотой от великого князя Ивана, чем повергает в ужас своего келейника. (Иннокентий молит старца: «…Бога ради нам полезное сотвори, понеже хощет князь великий; о сем оскръбитися, не разгневи его!») Вскоре прибывает гонец и от Софьи. «Таже и от великие княгини Софьи грекини приспе посланый с посланием, еще же и деньги златые приносит. Мне же старьцу возвестившу, старец же никако от принесеных взяти повеле, паче же оскорбися…» (12, 492).)

Итак, Софья постоянно нуждалась в деньгах и страдала от скупости супруга. Она не хотела смириться с тем, что переданные ей драгоценности, в сущности, не принадлежат ей, а являются неотчуждаемыми семейными реликвиями. Ими можно пользоваться, но нельзя распоряжаться. К сладкому чувству обладания подмешивалась горечь разочарования. Этой пытки тщеславная деспина выдержать не смогла…

Отняв у Василия Удалого драгоценности из приданого его княгини-гречанки (под предлогом того, что эти вещи украдены из великокняжеской казны), Иван поступил точно так же, как в свое время поступила его бабка Софья Битовтовна, приказавшая на свадьбе Василия II снять с Василия Косого драгоценный пояс, якобы украденный когда-то из московской казны. Результат нетрудно было предсказать. Оскорбленный до глубины души, удельный князь мог либо начать войну с Москвой (так поступил

Василий Косой), либо бежать в Литву. Не имея сил для первого пути, Удалой предпочел второй.

Московская разведка внимательно следила за Василием, Пойманный при попытке к бегству в Литву, он, конечно, окончил бы свои дни в темнице. Однако верейский князь недаром получил свое громкое прозвище. Московским ловчим досталась только пыль из-под копыт его коня.

ГЛАВА 17 Возмездие

Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию.

(Рим. 12:19)

Должно быть, Небо услышало стоны и проклятия тех, кто был раздавлен тяжелой колесницей московского самодержавия. Возмездие Ивану за его свирепость оказалось поистине страшным. Ему предназначено было, содрогаясь от боли и ужаса, выбирать: отправить во мрак и смрад темницы либо свою жену и сына, либо сноху и внука…

Начало этой драмы, достойной Шекспира, восходит к тому далекому дню 22 апреля 1467 года, когда «смиренная и кроткая» Мария Тверитянка по воле Провидения покинула этот мир. Спустя некоторое время молодой вдовец, естественно, стал думать о новом браке. И как уже знает читатель, плодом долгих размышлений и приготовлений стала женитьба Ивана на Софье Палеолог. Уже одно то, что невеста согласилась поехать искать счастья из Рима в далекую и неведомую Москву, свидетельствует о том, что это была смелая, энергичная и склонная к авантюрам женщина. В Москве ее ожидали не только почести, оказываемые великой княгине, но также враждебность местного духовенства и наследника престола. На каждом шагу ей приходилось отстаивать свои права. Вероятно, она многое делала для того, чтобы найти поддержку и сочувствие в тогдашнем московском обществе. Но лучшим способом утвердить себя было, конечно, деторождение. И как монарх, и как отец великий князь хотел иметь сыновей. Желала этого и сама Софья. Однако, на радость недоброжелателям, частые роды принесли Ивану подряд трех дочерей — Елену (18 апреля 1474 года), Феодосию (28 мая 1475 года) и опять Елену (19 мая 1476 года). Встревоженная Софья молила Бога и всех святых о даровании сына.

Наконец ее прошение было исполнено. В ночь с 25 на 26 марта 1479 года на свет появился мальчик, нареченный в честь деда Василием. (Для матери он всегда оставался Гавриилом — в честь архангела Гавриила, память которого праздновалась 26 марта.) Счастливые родители связали рождение сына с прошлогодним богомольем и усердной молитвой у гроба преподобного Сергия Радонежского в Троицком монастыре. Софья рассказывала, что при подходе к монастырю ей явился сам

великий старец, держащий на руках младенца мужского пола, «его же напрасно (внезапно. — *Н. Б.*) вверже в недра великой княине и абие (тотчас. — *Н. Б.*) невидим бысть» (20, 191). 4 апреля, в Вербное воскресенье, младенец был окрещен в соборе Троицкого монастыря ростовским архиепископом Вассианом и троицким игуменом Паисием Ярославовым.

Первая мечта княгини Софьи сбылась. Вслед за Василием у нее родились еще два сына (Юрий и Дмитрий), затем две дочери (Елена и Феодосия), потом еще три сына (Семен, Андрей и Борис) и последней, в 1492 году, — дочь Евдокия. Но теперь неизбежно возникал вопрос о будущей участи Василия и его братьев. Наследником престола оставался Иван Молодой, у которого 10 октября 1483 года в браке с Еленой Волошанкой родился сын Дмитрий. В случае кончины Ивана III он не замедлил бы тем или иным способом избавиться от Софьи и ее семейства. Лучшее, на что они могли надеяться, — ссылка или изгнание. При мысли об этом честолюбивую гречанку охватывали ярость и бессильное отчаяние.

Но тут сама судьба (или кто-то, взявший на себя ее функции) вновь зажгла для нее луч надежды.

Зимой 1489/90 года в Москву приехал из Рима родной брат Софьи, Андрей Палеолог. Вместе с ним вернулись московские послы, ездившие в Италию. Они привезли в Кремль множество всякого рода умельцев: «архитихтон, именем Петр Антоний (Пьетро Антонио Солари. — *Н. Б.*), да ученик его Замантоний, мастеры стенные и полатные, да пушеснаго мастера Якова с женою, да серебряных мастеров Христофора с двема ученикома от Рима, да Олъберта Немчинина из Любка, да Карла с учеником из Медиоланя, да Петра Райка, грека из Венеции, да каплана белых черньцов Аугустинова закона Ивана Спасителя, арганнаго игреца, да лекаря жидовина мистро (магистра. — *Н. Б.*) Леона из Венецеи» (30, 206).

Вскоре приезжий лекарь Леон обратил внимание на то, что князь Иван Иванович Молодой страдает болезнью ног («камчюгом в ногах») и ходит с трудом. «…И видев лекарь жидовин мистр Леон похваляся рече великому князю Ивану Васильевичю, отцю его: „Яз излечю сына твоего великого князя Ивана от тоя болезни; а не излечю яз, и ты мене вели казнити смертною казнью“. И князь великий няв тому веру, веле ему лечити сына своего великого князя Ивана, лекарь же дасть ему зелие пити и жещи нача стькляницами по телу, вливая горячюю воду; и от того ему бысть тяжчае и умре. И того лекаря мистра Леона велел князь велики поимати, и после сорочин (сорокадневного траура. — *Н. Б.*) сына своего великаго князя Ивана повеле его казнити

смертною казнью, головы ссещи; они же ссекоша ему голову на Болвановке, апреля 22» (18, 239).

Итак, 7 марта 1490 года в возрасте 32 лет Иван Молодой скончался. В четверг 22 апреля 1490 года был казнен и Леон Жидовин. Бедного магистра сгубило честолюбие и корыстолюбие. Он хотел прославиться и разбогатеть, исцелив самого наследника московского престола. Едва ли Леон был «врачом-вредителем». Предложив государю в качестве залога свою собственную голову, Леон, конечно, не склонен был к рискованным медицинским экспериментам. Однако несчастный лекарь, похоже, стал пешкой в чужой игре. В то время как он ставил княжичу банки и давал свои микстуры (от которых тот едва ли мог умереть), кто-то невидимый добавил в эти микстуры нечто такое, что и отправило наследника в лучший мир.

Вся эта история породила, разумеется, множество толков в Москве и по всей Руси. Общеизвестны были неприязненные отношения между Иваном Молодым и Софьей Палеолог. Даже итальянец Контарини, проживший в Москве всего четыре месяца (конец 1476 — начало 1477 года) и ни слова не знавший по-русски, отметил в своих записках: «У него (Ивана III. — *Н. Б.*) есть два брата и мать, которая еще жива; есть у него и сын от первой жены, но он в немилости у отца, так как нехорошо ведет себя с деспиной…» (2, 229).

Софья не пользовалась любовью москвичей. В летописях можно найти немало выпадов в ее адрес. Вполне понятно, что молва приписала ей и убийство Ивана Молодого. Эту молву, приправленную личной ненавистью к московским тиранам, передал в своей «Истории о великом князе Московском» князь Курбский. Он обличает Ивана Грозного в том, что тот своими злодействами переполняет «меру кровопицев — отца своего и матери твое и деда (Ивана III. — *Н. Б.*). Яко отец твой и мати, — иже всем ведомо, колико погубили. Такоже и дед твой со гречкою (гречанкой. — *Н. Б.*), бабою твоею, сына предобраго Иоанна от первые жены своея, от тверские княжны, святые Марии рожденна, наимужественнешего и преславного в богатырских исправлениях, и от него рожденнаго боговенчанного внука своего, царя Димитрия с материю его святою Еленою, ового (первого. — *Н. Б.*) смертоносным ядом, а того (второго. — *Н. Б.*) многолетным заключением темничным, последи же удавлением погубиша, отрекшись и забывши любови и сродства» (15, 322).

Курбский прямо обвинял Ивана III в отравлении собственного сына Ивана Молодого. В это трудно поверить. И дело не только в человечности, без некоторого присутствия коей не обходится никто. Такой поворот событий, открывавший путь к престолу

детям Софьи, был и в самом деле выгоден деспине. Однако самого Державного он ставил в крайне сложное положение. Вероятно, в этой интриге Иван III, приказавший сыну воспользоваться услугами тщеславного лекаря, оказался лишь слепым орудием в руках хитроумной гречанки.

Кончина Ивана Молодого обострила вопрос о наследнике престола. Назревало противостояние между сыном Ивана Молодого — Дмитрием и старшим сыном Ивана III и Софьи Палеолог — Василием. И тот и другой в принципе имели право на престол. Речь шла уже не просто о споре между дядей и племянником (как это было во времена Василия II и Юрия Звенигородского), а о споре двух наследников по прямой линии. Притязания Дмитрия-внука подкреплялись тем, что его отец был официально провозглашенным великим князем — соправителем Ивана III и наследником престола.

Вопрос следовало однозначно решить до кончины Ивана III. В противном случае страна могла быть ввергнута в новую династическую смуту, подобную той, что началась после смерти Василия I. Московская знать уже начала делиться на партии и готовиться к борьбе за власть.

Настал час, когда вся невинная кровь, пролитая Иваном, словно пала ему на голову. Он оказался перед мучительным выбором. Назначив наследником и своим соправителем Дмитрия-внука, он фактически обрекал на гибель Софью и ее детей. Торжество Василия означало бы неминуемую расправу с Дмитрием-внуком и Еленой Волошанкой сразу же после кончины Ивана III. Убийство соперника во все времена было обычной ценой верховной власти.

Понимая, какие последствия будет иметь его решение, Иван долго тянул с роковым приговором. Наконец, осенью 1497 года Державный принял сторону Дмитрия. Он распорядился подготовить для внука невиданный прежде обряд — торжественное «венчание на царство». Узнав об этом, сторонники Софьи и княжича Василия составили заговор. Они намеревались действовать сразу по нескольким направлениям. Предполагалось физическое устранение Дмитрия, а также бегство княжича Василия на Белоозеро (откуда перед ним открывалась прямая дорога в Новгород), захват хранившейся в Вологде и на Белоозере великокняжеской казны. Однако все это так и осталось замыслами. В декабре 1497 года Иван узнал о заговоре и арестовал всех его участников, включая и самого Василия. Расправа с рядовыми заговорщиками была свирепой. «…И казниша их на Москве на реце по низ мосту шестерых, Афонасу Яропкину руки да ноги отсекли и голову ссекоша, а Поярку

Рунову брату руки отсекше и голову ссекоша, а дьяку Федору Стромилову, да Володимеру Елизарову (Гусеву. — Я. 2>.), да князю Ивану Палецкому Хрулю, да Щевью Скрябина сына Стравина, тем четырем главы ссекоша, декабря 27; и иных многих детей боярских велел князь велики в тюрму пометати» (18, 279).

Историки давно спорят о том, интересы какой части тогдашнего московского общества (боярства, дворянства, удельных князей) представляли конспираторы. Неясны и причины, по которым Иван решил объявить наследником Дмитрия-внука (94, 79–89). Однако в тусклом свете немногих сохранившихся источников совершенно невозможно разглядеть скрытый механизм этой драмы. Возможно, эти незнатные и небогатые люди были просто увлечены возможностью в случае успеха сделать стремительную карьеру.

В ходе расследования выяснилась причастность к заговору Софьи Палеолог. Вероятно, именно она и была «душой» всего отчаянного предприятия. Софья брала на себя самую важную часть дела — уничтожение Дмитрия-внука. С этой целью она добыла яд и искала случая пустить его в ход. «И в то время опалу положил князь великий на жену свою, на великую княиню Софию, о том, что к ней приходиша бабы с зелием; обыскав тех баб лихих князь великий велел их казнити, потопити в Москве реке нощию, а с нею с тех мест нача жити в брежении» (18, 279). Последнее замечание весьма многозначительно. Очевидно, Иван решил каким-то образом «поберечься» на тот случай, если Софья вздумает использовать «зелие» и против него самого…

Покатились на лед Москвы-реки отрубленные головы заговорщиков. Уплыли вниз по течению утопленные в проруби «лихие бабы». Захлопнулись двери темниц за обреченными узниками. А телега жизни, лишь слегка подпрыгнув на ухабе, покатилась дальше…

В воскресенье 4 февраля 1498 года 14-летний Дмитрий Иванович был торжественно объявлен наследником престола в Успенском соборе московского Кремля. Это было первое в русской истории «венчание на царство». Митрополит Симон в сослужении нескольких епископов возложил на голову Дмитрия знаменитую «шапку Мономаха» — древний символ власти московских князей. Иван III передал внуку все древние семейные реликвии, предназначавшиеся старшему сыну — наследнику престола. В торжественной речи он советовал наследнику: «… люби правду и милость и суд праведен» (19, 236).

Во время церемонии митрополит обращался к деду так: «Православный царю Иоане, великий князь всеа Русии самодержец», а к внуку: «Великий князь всея Русии». Титул

«самодержец», который соответствует греческому слову «монарх», Иван стал использовать только в 90-е годы (81, 149). Так открывалась четырехсотлетняя история российской монархии, более известной под именем «самодержавия».

Софья Палеолог и ее сын Василий на коронации Дмитрия-внука отсутствовали. Казалось, их дело окончательно проиграно. Придворные бросились угождать Елене Стефановне и ее коронованному сыну. Однако вскоре толпа льстецов отступила в недоумении. Державный так и не дал Дмитрию реальной власти, удерживая все нити в своих руках. Он продолжал мучительно искать выхода из династического тупика. Дмитрию были даны в управление лишь некоторые северные уезды (94, 91).

В январе 1499 года Иван III внезапно обрушил гнев на своих давних фаворитов князей Патрикеевых. Глава дома, Иван Юрьевич Патрикеев, был приговорен к смертной казни, которую в последний момент заменили пострижением в монахи и ссылкой в Троице-Сергиевом монастыре. Его сын Василий Косой (будущий вождь нестяжателей Вассиан Патрикеев) также изведал страх смерти, но в итоге отделался пострижением и ссылкой в Кирилло-Белозерский монастырь. На плаху отправился лишь зять Ивана Патрикеева — князь Семен Иванович Ряполовский. Казнь была совершена во вторник 5 февраля на льду Москвы-реки, «пониже мосту», — на том самом месте, где годом ранее казнили участников заговора в пользу Василия и Софьи (18, 243).

Через два месяца Иван арестовал еще двух представителей московской знати — князя Василия Ромодановского и Андрея Коробова Тверитина (32, 291). Вероятно, эти двое имели какое-то отношение к делу Патрикеевых.

Опала на Патрикеевых, несомненно, была прямо связана с вопросом о престолонаследии. Заглядывая вперед, легко было предвидеть жестокую борьбу, которую предстояло выдержать 14-летнему Дмитрию в случае кончины деда. Иван загодя подготовил для внука опору — могучий клан князей Патрикеевых во главе с многоопытным Иваном Юрьевичем Патрикеевым, фактическим руководителем московского правительства в 90-е годы.

Построив всю эту конструкцию, Державный, вопреки своим ожиданиям, не умер, а продолжал жить. И как это часто бывает, первоначальный замысел уже не казался ему столь удачным. И если прежде он страдал от укоров совести относительно судьбы своей первой семьи, — то теперь Ивана стали терзать сожаления о второй. Бессонными ночами он уже видел своих юных сыновей Василия, Юрия, Дмитрия Жилку, Семена, Андрея в тяжких оковах, на тюремной соломе. Он слышал во сне (а может быть, и наяву)

душераздирающие вопли своей княгини Софьи, с которой он хорошо ли, плохо ли, но прожил вместе 25 лет… Он думал об опасности для московского дела того мятежа, знаменем которого неизбежно станут сыновья Софьи. Предотвратить этот мятеж можно было только двумя способами: либо немедленно уничтожить свою вторую семью, либо завещать престол Василию и уничтожить семью Ивана Молодого. Первое было выше его меры. Но и второе требовало невероятного насилия над собственной совестью. И все же второе решение перевесило…

Разгром клана Патрикеевых в январе 1499 года означал ликвидацию того правительства, которое должно было обеспечить воцарение Дмитрия. (Вероятно, старый князь Патрикеев был искренне предан семейству Ивана Молодого и отказался перейти на сторону Василия.) Дальнейшие шаги государя стали естественным продолжением этого мучительного решения. В четверг 21 марта 1499 года (за десять дней до Пасхи) Иван III «пожаловал… сына своего князя Василь Ивановичя, нарекл его государем великим князем, дал ему Великыи Новъгород и Пьсков в великое княженье» (38, 172). В итоге на Руси появились сразу три великих князя: отец, сын и внук. Такого ко многому привыкшая страна еще не видала…

(Столь неожиданное решение всполошило псковичей, увидевших в нем умаление своего статуса «вотчины» самого великого князя Ивана. Они отправили в Москву делегацию с просьбой отменить распоряжение. Результат этого посольства псковский летописец изображает в сумеречных тонах: «…И великий князь Иван Васильевич на наших посадников и бояр опалился (разгневался. — *Н. Б.*): чи не волен яз в своем внуке и в своих детех; ино кому хочю, тому дам княженство; да дал княженство сыну своему Василью Новгород и Псков…» (40, 83). Для острастки Иван приказал бросить двух псковских бояр в темницу, а прочих отправить назад без обычного поклона всему Пскову. Лишь год спустя псковичам удалось упросить Ивана сменить гнев на милость.)

Впрочем, Иван III, кажется, все еще колебался в своем роковом выборе. 2 апреля 1499 года он отправил своих послов к датскому королю Гансу с одной целью — «велел просити дочь его за внука своего Димитрия» (50, 92). Сватовство закончилось ничем. Однако само это предприятие означало, что у Дмитрия весной 1499 года еще оставались политические перспективы.

В четверг 13 февраля 1500 года в Москве сыграли пышную свадьбу. Иван III выдал свою 14-летнюю дочь Феодосию замуж за князя Василия Даниловича Холмского — сына знаменитого полководца и предводителя тверского «землячества» в Москве.

Тем самым была протянута еще одна связующая нить между детьми Софьи Палеолог и верхушкой московской знати. (Этот брак, имевший явно политическую подоплеку, закончился трагически. Ровно через год (19 февраля 1501 года) Феодосия умерла. Вероятно, это был результат слишком раннего замужества.)

Летом 1500 года, когда Василий Иванович принимал участие в сражении с литовцами в районе Дорогобужа, «на Свинском поле», произошел загадочный эпизод, о котором довольно сбивчиво сообщает один поздний летописец. Суть дела одни историки понимают так, что Василий изменил отцу и перешел на сторону Литвы, но затем вернулся, получив от Ивана обещание стать наследником престола. Другие полагают, что речь идет всего лишь о мелком боевом эпизоде: полк Василия был обращен в бегство литовским войском, и княжич укрылся от неприятеля в Вязьме (81, 186). Если принять первую версию, то это означает, что призрак новой династической смуты стоял тогда у самых ворот московского Кремля.

Развязка затянувшейся семейной драмы наступила лишь через два года. «Тое же весны (1502 года) князь велики апреля 11 в понедельник положил опалу на внука своего великого князя Дмитрея и на его матерь на великую княиню Елену, и от того дни не велел их поминати в ектеньях и литиах, ни нарицати великым князем, и посади их за приставы» (38, 175). Причина и даже повод для расправы остаются неизвестными. Некоторые летописи глухо сообщают, что мать и сын были арестованы «за некое их прегрешение» (32, 295). Через три дня Державный «пожаловал сына своего Василия, благословил и посадил на великое княженье Володимерьское и Московское и всеа Руси самодеръжцем, по благословению Симона, митрополита всеа Руси» (38, 175).

Царственным узникам были определены самые жестокие (по существу — убийственные) условия содержания. Устюжская летопись сообщает: «Того же лета (дата ошибочная. — *Н. Б.*) князь великий Иван Васильевич посадил сына своего Василья Ивановича на великое княжение, а внука своего князя Дмитрея Ивановича посадил в камень (каменную темницу. — *Н. Б.*) и железа (цепи. — *Н. Б.*) на него положил» (37, 51). Вероятно, столь же тяжким было и заточение Елены Волошанки.

(Кажется, после ареста внука и снохи Ивану стало невмоготу жить в Кремле, поблизости от их темницы. В четверг 9 июня 1502 года он со всей семьей уехал в свою загородную резиденцию в Воронцово и пробыл там «до чюдотворцовы памяти Петровы», то есть до 21 декабря (32, 295).)

Ровно через год после этих событий, 7 апреля 1503 года,

умерла Софья Палеолог. Летописи не сообщают каких-либо подробностей ее кончины, за исключением того, что тело великой княгини было погребено в соборе кремлевского Вознесенского монастыря (38, 175). Ее похоронили рядом с могилой первой жены Ивана III — тверской княгини Марии Борисовны (125, 102).

Под сентябрьским 7011 годом (1 сентября 1502 — 31 августа 1503 года) летописи сообщают и об ухудшении здоровья самого князя Ивана: «Того же лета, месяца июля в 28… князь великий Иван Василиевич всеа Русии начят изнемогати…» Далее летописец назидательно добавляет: «Его же бо Господь любит, наказует» (20, 257).

Недомогание не помешало Ивану III в августе-сентябре 1503 года провести знаменитый церковный собор, на котором великий князь при поддержке некоторой части духовенства (так называемых «нестяжателей») поставил вопрос о секуляризации церковных земель. Новгородский опыт наглядно показал Ивану, что, завладев монастырскими и владычными землями, он может разместить на них сотни и тысячи своих верных слуг дворян. Это способствовало бы укреплению армии и государства. Однако иерархи на соборе дружно воспротивились намерениям государя, и он вынужден был отступить.

В четверг 21 сентября 1503 года Иван III вместе с наследником престола Василием и младшими сыновьями отправился на богомолье по северным монастырям. 25 сентября, в день памяти преподобного Сергия Радонежского, Иван молился в Троице. Казалось, он замыкал круг своей жизни, начало которой связано было с этой обителью. Затем он поехал дальше, в Переяславль, Ростов и Ярославль. Молебны сопровождались щедрыми вкладами «по себе и по своих родителех». В Москву Державный вернулся в четверг 9 ноября 1503 года.

Однако святые угодники уже не склонны были помогать кающемуся государю. Вскоре по возвращении с богомолья Ивана разбил паралич: «…отняло у него руку и ногу и глаз» (56, 352). Казалось, что смерть неотступно встала у его изголовья. Вновь, как и в 1497 году, Ивану захотелось сделать что-то такое, что Всевышний зачел бы ему как доброе дело. Но добро так трудно дается обладателю верховной власти! Прилив покаянных настроений Державного едва не смыл всю его вторую семью, а их отлив унес с собой первую. Новый прилив государева раскаяния оказался гибельным для пестрого и многочисленного сообщества людей, объединенных общим именем — еретики…

История так называемой «новгородско-московской ереси» (в старой историографии обычно называемой «ересью жидовствующих») обросла огромной литературой. Однако то

немногое, что достоверно известно о еретиках, можно уместить на страничке из школьной тетради. Ересь возникла в 70-е годы XV века в Новгороде, где в силу самого образа жизни горожан, а также из-за близости Запада издавна царил дух религиозного вольномыслия. Еще одной предпосылкой для распространения ереси стало всеобщее смятение, которое царило в Новгороде в последние годы его независимости. Горькое ощущение того, что Всевышний оставил Новгород, подталкивало ко всякого рода крайним взглядам. Еретики отвергали христианские догматы, отрицали святость икон и других ритуальных предметов. Враги обвиняли их в склонности к иудаизму («жидовству»), что и дало ереси ее историческое название.

В Москву эту ересь в 1480 году занесли переселенцы из Новгорода. Они тщательно скрывали свои неортодоксальные взгляды. Благодаря тому, что еретики были, как правило, людьми духовного звания и к тому же хорошо образованными, они получили высокие места в московской иерархии. Один из них, Денис, стал протопопом Успенского собора московского Кремля, другой, Алексей, получил ту же должность в Архангельском соборе. Тайным еретикам покровительствовал сам Иван III, который ценил их за смелость, ум и ненависть к чванливым иерархам. Возможно, Державный прикрывал еретиков и для того, чтобы шантажировать ими официальную иерархию, часто вставшую на его пути (63, 176). Он вообще был мастером интриг и пользовался для их плетения любой полезной нитью. Что же касается религиозных принципов, то здесь Иван отнюдь не являлся строгим «ревнителем благочестия». В этом, как и во многом другом, он был близок своему историческому наследнику Петру Великому.

Еретические умствования широко распространились среди московской знати. Ходил слух, что даже сам митрополит Зосима (1490–1494) являлся тайным еретиком. Иерархи во главе с новгородским архиепископом Геннадием и волоцким игуменом Иосифом Саниным начали борьбу с «жидовствующими». Созванный в 1490 году церковный собор осудил некоторых еретиков, но не смог решительно покончить с ересью. В этой духовной борьбе великий князь долго занимал уклончивую позицию. Не желая открыто поддерживать еретиков, он в то же время по возможности сдерживал гонения против них. И лишь осенью 1503 года Иван III отступился от своих прежних собеседников и пообещал Иосифу Волоцкому, что скоро начнет «обыскивати еретиков» (39, 176). Помедлив еще с год, Иван отдал наконец соответствующие распоряжения. Возможно, на его решение повлияло и то обстоятельство, что еретики пользовались

сочувствием опальной теперь Елены Волошанки (39, 176).

Зимой 1504/05 года для еретиков настали черные времена. Прежний покровитель обратился к ним жутким обликом палача. «Тоя же зимы князь велики Иван Васильевич и сын его князь велики Василеи Иванович всеа Русии со отцем своим с Симоном митрополитом и с епископы и съ всем собором обыскаша еретиков и повелеша лихих смертною казнью казнити. И сожгоша в клетке диака Волка Курицина да Митю Коноплева, да Ивашка Максимова декабря 27, а Некрасу Рукавову повелеша языка урезати и в Новегороде в Великом сожгоша его. И тое же зимы анхиманьдрита Касиана Юрьевъского сожгоша и его брата, и иных многих еретиков сожгоша, а иных в заточенье заслаша, а иных по манастырем» (38, 176).

Огненное крещение еретиков странным образом совпало с темной кончиной заточенной в темницу в 1502 году великой княгини Елены Стефановны. «Тое же зимы генваря 18 (1505 года. — *Н. Б.*) в суботу преставися великая княини Елена Волошенка великого князя Ивана Ивановичя, и положиша ея в церкви у Вознесения на Москве» (38, 176). В день смерти Елены церковь праздновала память святителя Афанасия Александрийского — знаменитого борца с еретиками…

Осиротевший Дмитрий-внук продолжал томиться в московской темнице. Иван, вероятно, приказал тюремщикам беречь его. Однако дед был уже плох, а с его кончиной Дмитрий оказывался в полной власти своего главного врага — Василия. Шансов на успех и даже на жизнь у бывшего «самодержца» почти не оставалось. В четверг 4 сентября 1505 года наследник престола 26-летний Василий Иванович женился на дочери московского боярина Юрия Сабурова Соломонии. (Иван долго тянул с женитьбой сына отчасти из-за династического конфликта, отчасти из-за упорного желания найти ему знатную невесту где-нибудь за рубежом.) Вскоре можно было ожидать появления еще одного державного внука…

И тут судьба напоследок еще раз улыбнулась несчастному Дмитрию. Умиравший великий князь почувствовал потребность в его прощении. По-видимому, это произошло за день до кончины Державного, 26 октября 1505 года. В этот день церковь праздновала память великомученика Дмитрия Солунского — небесного покровителя Дмитрия-внука. Иван велел привести узника и, обещая ему власть и свободу, получил от него желанное прощение. Вероятно, все присутствовавшие заливались слезами умиления.

Однако эта трогательная сцена была сыграна по партитуре самого сатаны. Вот что рассказывает об этом знаток московских

тайн Сигизмунд Герберштейн: «Говорят, Софья была очень хитра, и по ее наущению князь (Иван III. — *Н. Б.*) делал многое. Рассказывают, что, между прочим, она убедила мужа лишить монархии внука Димитрия и поставить на его место Гавриила (второе имя Василия III, родившегося накануне Собора архангела Гавриила. — *Н. Б.*). По настоянию жены князь заключил Димитрия в тюрьму и держал его там. Только перед смертью он призвал к себе Димитрия и сказал ему: „Дорогой внук, я согрешил перед Богом и тобою, заключив тебя в темницу и лишив законного наследства. Поэтому молю тебя, отпусти мне обиду, причиненную тебе, будь свободен и пользуйся своими правами“. Растроганный этой речью, Димитрий охотно простил деду его вину. Но когда он вышел от него, то был схвачен по приказу дяди Гавриила и брошен в темницу. Одни полагают, что он погиб от голода и холода, другие — что он задохнулся от дыма» (4, 66).

Условия содержания державного узника после кончины Ивана стали предельно суровыми. Дмитрию назначена была тесная камера, в которой он сидел в железных оковах. Там, во мраке и отчаянии, он и скончался 14 февраля 1509 года в возрасте 25 лет (37, 100). Его поспешно погребли в Архангельском соборе московского Кремля. Мало кто присутствовал на отпевании несчастного узника. Ни родных, ни друзей на этом свете он уже не имел. К тому же шла «масляная» неделя, и вся Москва, сидя по кабакам, усердно гнала тоску хмельным весельем…

История последних лет жизни Ивана Великого представляет собой вариацию на вечную тему: власть и мораль. И для многих тысяч людей, и даже для своей собственной семьи он вынужден был стать беспощадным палачом. Таково было бремя власти, которую он получил в наследство и приумножил, словно верный раб из евангельской притчи. Несомненно, он считал это исполнением своего долга перед Богом и людьми. Но люди, которых он уничтожил, конечно, не менее, чем он сам, имели право на жизнь. И все они, подобно уморенному голодом Андрею Углицкому или отданному на заклание татарам лекарю Антону, предстанут пред ним на последнем, Страшном суде. И станет ли бедному Ивану тогда хоть малым оправданием то, что был он жесток и страшен ровно настолько, насколько этого требовала волею Провидения выпавшая ему роль «государя всея Руси»?

ГЛАВА 18 Тень

Нет дела, коего устройство было бы труднее, ведение опаснее, а успех сомнительнее, нежели замена старых порядков новыми.

Никколо Макиавелли

Решив наконец проблему престолонаследия в пользу Василия, Иван III счел необходимым закрепить это распоряжение соответствующим образом составленным завещанием — «духовной грамотой». К этому подталкивали и старческие недуги, тяжесть которых великий князь особенно сильно стал ощущать в последние годы жизни. В итоге не позднее 16 июня 1504 года (крайняя дата устанавливается по упоминанию «духовной» в точно датированном договоре сыновей Ивана — Василия и Юрия) Иван составил подробное распоряжение относительно раздела земель и власти после его кончины.

Начало «духовной» дышит сознанием важности момента и смирением перед необходимостью покинуть этот мир:

«Во имя святыя и жывоначялныя Троица, Отца и Сына и Святаго Духа, и по благословению отца нашего Симона митрополита всеа Русии, се аз, многогрешный и худыи раб Божий Иван, при своем жывоте (жизни. — *Н. Б.*), в своем смысле, пишу сию грамоту душевную. Даю ряд своим сыном, сыну своему Василью и меншим своим детем, Юрью, Дмитрею, Семену, Андрею» (6, 353).

Далее великий князь пунктуально перечисляет владения, права и обязанности каждого сына. (Дмитрий-внук, естественно, не упомянут.) Содержание духовной грамоты Ивана III существенно отличается от завещаний его отца и деда. В ней много принципиально новых положений. Вот что говорил об этом В. О. Ключевский:

«Иоанн в своей духовной дал старшему своему наследнику великому князю Василию важные политические преимущества над младшими удельными братьями. В этом отношении духовная Иоанна есть первый акт в истории нашего государственного права. Политические преимущества старшего сына были таковы: 1) до сих пор все князья сонаследники совместно по участкам владели городом Москвой; Иоанн III предоставил финансовое управление всей столицей, сбор доходов с нее одному великому князю, равно как ему же принадлежал и суд по важнейшим

уголовным делам во всем городе Москве и в подмосковных селах, доставшихся в удел его младшим братьям; 2) до сих пор все князья, великий и удельные, били свою монету; по духовной Иоанна III право чеканить монету предоставлено было одному великому князю московскому; 3) до сих пор удельные князья могли располагать своими вотчинами в завещаниях по личному усмотрению; по духовной Иоанна III удельный князь, умирая безсыновним, не мог никому завещать свой удел, который в таком случае переходил к великому князю; наконец 4) по договорным грамотам со своими удельными братьями Иоанн III присвоил одному себе право вести сношение с иноземными государствами; удельный князь мог сноситься с чужими государями только с ведома и согласия своего великого князя. Так московский князь, превосходивший прежде удельных князей только размерами своих владений, теперь сосредоточивал в своем лице и наибольшее количество политических прав. Преемник Иоанна III великий князь Василий был в истории Московского государства первым государем в настоящем политическом смысле этого слова» (104, 88).

Политическая смерть Ивана Великого произошла, по-видимому, несколько раньше, чем его смерть физическая. Последние месяцы жизни Державного были омрачены не только старческими недугами, но и мучительным ощущением утраты той всеобъемлющей власти, над созиданием которой он трудился всю свою жизнь. Придворные спешили занять места вокруг трона молодого «самодержца» — 26-летнего Василия Ивановича. Много натерпевшись за последние годы, тот желал насладиться жизнью. Его долгожданная свадьба в сентябре 1505 года привлекла всеобщее внимание и запомнилась небывалым масштабом приготовлений. Махнув рукой на все хитроумные отцовские планы женить его на иностранной невесте, Василий решил эту проблему «в свое удовольствие». Он устроил грандиозные смотрины невест, на которые было собрано полторы тысячи красавиц со всей Руси. В итоге жених остановил свой выбор на дочери одного из московских бояр — Соломонии Сабуровой. Судя по всему, это было уже вполне самостоятельное решение нового государя.

Московская свадьба беззаботно шумела как раз в то самое время, когда на востоке страны кипело иное, кровавое пиршество.

Казанский хан Мухаммед-Эмин, доселе послушный вассал Ивана Великого, узнав о смертельном недуге своего грозного сюзерена, дал волю давно копившейся в его темной душе ненависти к русским. Он учинил страшную резню живших в Казани русских купцов, а уцелевших продал в рабство диким

ногайцам. После этого мятежник поднял знамя войны и, соединившись с Ногайской ордой, в сентябре 1505 года осадил Нижний Новгород.

История казанской войны 1505–1506 годов могла бы послужить отличной иллюстрацией к одному саркастическому замечанию наблюдательного С. Герберштейна: «Таков неизменный обычай московитов — держать все под спудом и ничего не приготовлять заранее, но если приступит нужда, тогда только делают все впопыхах» (4, 173). Нижегородская крепость, уже 17 лет не знавшая ратных тревог, оказалась плохо подготовленной к внезапному нападению. Ее гарнизон состоял из толпы каких-то оборванцев. Посланные из Москвы воеводы (во главе которых стоял князь Василий Холмский, сын знаменитого полководца Данилы Холмского и шурин молодого великого князя Василия), зная о тяжелой болезни старого великого князя, не спешили выполнять его приказание (82, 112). Дойдя до Мурома, они остановились, ожидая вестей о развитии событий не столько из Нижнего Новгорода, сколько из Москвы. Досадуя на то, что им не удалось погулять на княжеской свадьбе, воеводы решили утешиться в Мурому. «…И ту пияху и веселяхуся, а татарове, от Нижняго (Новгорода. — *Н. Б.*) ездясче до Мурома, волости пленяху и воеводам тем ругахуся» (50, 100). Кажется, Холмский уже не боялся сурового наказания за свою неторопливость. (Впрочем, эта самонадеянность в конце концов и сгубила весельчака. Осенью 1508 года он чем-то разгневал Василия III и был заточен в темницу на Белоозере, из которой уже не вышел (82, 113).)

Между тем татары осадили Нижний Новгород. Город спасло лишь то, что местный воевода Иван Васильевич Хабар Симский догадался выпустить из тюрьмы сидевших там с 1500 года литовских пленников, взятых Даниилом Щеней в битве при Ведроши. Из пятисот пленников-воинов тюремная сырость съела уже двухсот. Оставшиеся триста поклялись верно защищать Нижний Новгород. Симский рискнул выдать им оружие. Литовцы (то есть, в сущности, те же русские) повели дело так храбро и умело, что вскоре татары вынуждены были прекратить осаду и уйти восвояси. За эту заслугу литовцы по ходатайству Симского и по указу великого князя были отпущены на свободу (50, 99). «Они же радостни поидоша восвояси, свободишася горкие смертные темницы» (14, 334).

Ответом на казанский мятеж должен был стать большой поход московских войск на Казань. Однако заниматься этим (причем без особого успеха) пришлось весною следующего, 1506 года уже сыновьям Ивана III. Сам он подступил к той черте, за

которой остается все земное…

Кончина Ивана Великого 27 октября 1505 года описана в летописях на удивление кратко и сухо: «Тоя же осени октября 27 с понеделника на вторник в 1 час нощи преставися благоверный и христолюбивый князь великий Иван Васильевич, государь всея Русии, быв на государьстве великом княженьи после отца своего великого князя Василиа Васильевичя лет 43 и 7 месяць, а всех лет живота его 65 и 9 месяц. И положиша тело его в церкви новой святого и великого архангела Михаила, ея же заложи при своем животе иде же прародители его лежат» (38, 177).

Нет ни упоминания о всеобщем горе, ни похвального слова Ивану Васильевичу. А между тем речь идет о великом князе, которого по справедливости стоило бы почтить приличным некрологом. Ведь «для областей, доставшихся Иоанну в наследство от отца, его правление было самым спокойным, самым счастливым временем: татарские нападения касались только границ; но этих нападений было очень немного, вред, ими причиненный, очень незначителен; восстание братьев великокняжеских только напугало народ; остальные войны были наступательные со стороны Москвы: враг не показывался в пределах постоянно торжествующего государства» (146, 169).

В этом равнодушии к памяти Ивана, возможно, сказалась все та же тайная неприязнь к «государю всея Руси», которой отмечены некоторые летописи. Не склонен был прославлять своего грозного отца и новый великий князь Василий III, успевший в последние годы жизни Ивана отведать тюремных сухарей. Кажется, все вздохнули с облегчением: разжалась взнуздавшая Русь железная рука, закрылся грозный взгляд, заставлявший трепетать всех и каждого.

В «Истории» В. Н. Татищева есть описание последних часов жизни Державного. Не исключается, что оно (как и другие уникальные известия Татищева) заимствовано из какой-то не сохранившейся до нашего времени летописи, которой пользовался первый российский историк. Однако нельзя не видеть в этом описании и некоторых признаков риторического красноречия XVIII столетия:

«Великий же князь Иван Васильевич нача тогда вельми изнемогати и призва преосвясченного Симона митрополита, и отца своего духовнаго протопопа Иеремия, и чада своя, проси, да сотворят над ним соборование елеем. Митрополит же нача его увесчевати, да восприимет святый ангельский чин (предсмертное пострижение в монахи для снискания Божьей милости — древний обычай, которому следовали многие великие князья. — *Н. Б.*). Он же рече: „Что мне пользует пострижение влас, их же множицею

стригох, и ростяху паки; или что пользует черная одежда, юже и преж носих; асче не будут дела моя Господу Богу приятна, и ныне уже не имам время благо что сотворити, но едино есть, еже каятися о гресех своих и смиритися, их же неправедне ведением и неведением оскорбих“. И повеле духовную (грамоту. — *Н. Б.*) читати всем во услышание. Повеле же всех заключенных в темницах за его вины (обвиненных им. — *Н. Б.*) свободити и должных (должников. — *Н. Б.*) откупити из казны своея. Раздели же чада своя: великое княжение поручи большому своему сыну князю Василью Ивановичу, Георгию даде Дмитров, Димитрию Углеч, Семиону Калугу, Андрею Старицу; и заповедав им во всем повиноватися старейшему брату. Потом призвав вся князи и бояры своя, наказа их, како служити и пребыти великому князю и всей Руской земле, и старатися соединити всю Русь воедино, а бесурманы покорити. И приим от всех просчение, причастися святых и животворясчих тайн, отъиде ко Господу…

Сий блаженный и достохвальный великий князь Иоан Великий, Тимофей преже нареченный, многий княжения к великому князю присовокупи и силу умножи, варварскую же нечестивую власть опроверже и всю Рускую землю данничества и пленения избави, и многи от Орды данники себе учини, многа ремесла введе, их же прежде не знахом, со многими дальними государи любовь и дружбу и братство сведе, всю Рускую землю прослави; во всем же том помогаше ему благочестивая супруга его великая княгиня София; и да будет им вечная память во безконечныя веки» (50, 100).

Уйдя из жизни, Иван Великий продолжал жить в своих делах. Его потомки придерживались основных направлений разработанной им политики, решали задачи, которые он поставил. Для того чтобы выполнить составленную им программу, стране потребовались целых три столетия.

Во внутренней политике основной целью Ивана III было укрепление Российского государства. (Примечательно, что и само название «Россия» входит в употребление со времен Ивана III.) Наилучшей его формой он считал монархию. История знает различные виды монархии: сословно-представительная, абсолютная, конституционная. России суждено было за несколько веков износить первые два вида и примерить третий. Монархия Ивана Великого не принадлежала ни к одному из этих видов. Она была, так сказать, «наброском монархии», ее эмбрионом. В ней было много и от «удельного строя» предшествующего периода, и от жестокой, но внутренне хрупкой восточной деспотии в духе Золотой Орды. Однако даже в таком, «сыром» состоянии новая система оказалась весьма эффективной и позволила Ивану

достичь многого.

«Внутри государства он не только учредил единовластие — до времени оставив права князей владетельных одним украинским или бывшим литовским, чтобы сдержать слово и не дать им повода к измене, — но был и первым истинным самодержцем России, заставив благоговеть перед собою вельмож и народ, восхищая милостию, ужасая гневом, отменив частные права, несогласные с полновластием венценосца» (89, 316).

Для укрепления своей монархии Иван нашел несколько методов. Первый и главный состоял в развитии поместного землевладения, которое способствовало политической централизации страны, росту ее военного могущества. В экономическом отношении оно было не столь производительным, как вотчинное. Однако с этим неудобством пришлось смириться. Наследники Ивана Великого продолжали раздавать населенные крестьянами земли в поместья и тем увеличивать численность дворянства. Вскоре они столкнулись с проблемой нехватки пригодных для этой цели земель. (Иван Великий еще не испытывал недостатка в земле. Однако он прозорливо предвидел эту проблему и даже попытался в 1503 году на церковном соборе убедить иерархов отказаться от их огромных вотчин в пользу государства. Сопротивление церковных верхов оказалось столь сильным, что эту задачу в полной мере сумела решить только Екатерина II в 1764 году.) Неспособность государства выполнять в полной мере свои обязательства перед дворянством (порождавшая острое недовольство этого слоя общества) была, как полагают, главной причиной ужесточения политического режима в эпоху Ивана Грозного (143, 523). В поисках новых земель, пригодных для раздачи в поместья быстрорастущему дворянскому сословию, правительство усиливает внешнюю экспансию. В конечном счете той же цели служили и периодические конфискации обширных вотчин у тех представителей крупной аристократии, которые оказывались подлинными (или мнимыми) изменниками. Система поместного землевладения стала социально-экономической основой Российского государства. Она предопределила многие особенности внутренней и внешней политики его правителей.

Другим методом укрепления государства стало строительство аппарата центральной и местной власти. О том, чего достиг Иван Великий на этом пути, можно скорее догадываться, чем говорить наверняка. «Думают, что относительно управления при Иоанне III последовал переход от прежнего управления посредством только известных лиц к управлению посредством известных присутственных мест, или

приказов; думают, что при Иоанне несомненно должны были существовать приказы: Разрядный, Холопий, Житный, Новгородский. Но ни в одном памятнике, дошедшем до нас от княжения Иоанна III, не упоминается о приказах; и если некоторые приказы должны были явиться непременно при Иоанне III, то не понимаем, почему некоторые из них не могли явиться ранее, если уже не хотим обращать внимания на молчание источников», — уклончиво рассуждал по этому поводу С. М. Соловьев (146, 157).

Историк, разумеется, был прав в своем профессиональном скептицизме. И все же заметим: Иван Великий, как никто другой, был создан для строительства государственного аппарата. Это был человек системы. И страстью всей его жизни было конструирование эффективных систем управления.

Важнейшим условием своевременного исполнения распоряжений центральной власти было наличие развитой сети дорог. Возможность быстрого и безопасного передвижения по дорогам — один из главных признаков сильного государства. Этого же требуют и интересы торговли. При Иване Великом в Московском государстве имелась четко действовавшая система ямской гоньбы, заимствованная русскими у Золотой Орды. (Само слово «ям» происходит от монгольского «дзям» — дорога.) В завещании Иван велит сыновьям сохранять ее: «А сын мой Василеи на своем великом княженье дръжыт ямы и подводы на дорогах по тем местом, где были ямы и подводы на дорогах при мне. А дети мои, Юрьи з братьею, по своим отчинам дръжат ямы и подводы на дорогах по тем местом, где были ямы и подводы по дорогам при мне» (6, 362). Ямская служба, несомненно, существовала на Руси и до Ивана. Однако судя по тому, как настойчиво он требует от сыновей поддерживать ее именно в том виде, в каком она была при нем, он внес в систему какие-то свои усовершенствования, которыми очень дорожил (67, 53). Наследники Ивана Великого не только сохранили ямскую службу, но и постепенно совершенствовали ее, устраивая новые ямы, обеспечивая ямщиков землей, присматривая за состоянием дорог.

Действенным средством усиления авторитета центральной власти были жестокие расправы с теми, кто так или иначе становился на ее пути. Этот метод Иван применял столь же энергично, сколь и расчетливо. Тем же путем шли и его наследники, неуклонно ужесточавшие свой политический режим. (Эту сторону дела довел до абсурда Иван Грозный, во многом представлявший собой карикатуру на Ивана Великого, которому он стремился подражать.)

Деспотический характер власти московских князей отчетливо

проявился уже при Василии III. Теперь времена Ивана III казались почти либеральными. В 1525 году несколько московских вольнодумцев оказались под следствием за непригожие разговоры о великом князе. Один из них, знаменитый книжник Максим Грек, так пересказывал дознавателям слова своего приятеля боярина И. Н. Берсеня Беклемишева: «Добр-деи был отец великого князя Васильев князь великий Иван и до людей ласков… а нынешний государь не по тому, людей мало жалует; а как пришли сюда грекове (греки во главе с Софьей Палеолог. — *Н. Б.*), ино и земля наша замешалася; а дотоле земля наша Русскаа жила в тишине и миру…» В другом разговоре Берсень еще резче высказывался о Василии III: «Государь-деи упрям и въстречи (возражений. — *Н. Б.*) против собя не любит, кто ему въстречю говорит, и он на того опалается (налагает опалу. — *Н. Б.*); а отец его князь велики против собе стречю любил и тех жаловал, которые против его говаривали» (80, 283–284).

(Последнее замечание Берсеня, вероятно, отражает главным образом его личные отношения с обоими правителями. Однако в нем есть и зерно исторической истины. Конечно, Иван III, как и любой монарх, не любил возражений. Однако он умел выслушивать их из уст тех людей, с чьим мнением считалсН.Быть может, именно поэтому вокруг его трона было немало выдающихся личностей.)

Атмосферу всеобщего холопства, лжи и произвола, которая воцарилась при дворе Василия III, ярко изображает в своих «Записках» С. Герберштейн: «Хотя государь Василий был очень несчастлив в войне, его подданные всегда хвалят его, как будто он вел дело со всяческой удачей. И пусть домой иногда возвращалась едва ли не половина воинов, однако московиты делают вид, будто в сражении не потеряно ни одного. Властью, которую он имеет над своими подданными, он далеко превосходит всех монархов целого мира. Он довел до конца также и то, что начал его отец, именно: отнял у всех князей и у прочей знати все крепости и замки. Даже своим родным братьям он не поручает крепостей, не доверяя им. Всех одинаково гнетет он жестоким рабством…» (4, 72).

Василий III почти завершил начатую его отцом борьбу с удельной традицией, противоречившей новым принципам государственного устройства. Методы борьбы использовались примерно те же самые. Василий внимательно следил за действиями четырех своих братьев. Он не разрешал им жениться. Старший из них, Юрий (1480–1536), в 1510 году поссорился с Василием; ссора была улажена при посредничестве Иосифа Волоцкого (152, 130). При жизни Василия Юрий ничем более не

проявлял своих амбиций. Однако уже через неделю после кончины великого князя, последовавшей 3 декабря 1533 года, новое правительство во главе с княгиней-вдовой Еленой Глинской решило на всякий случай упрятать Юрия в темницу. Его арестовали в Москве и поместили в тот же самый каменный мешок, где прежде сидел Дмитрий-внук. 3 августа 1536 года Юрий Углицкий скончался (19, 292). Женат он не был и потому наследников не оставил. Его удел отошел к великому князю — младенцу Ивану IV.

Следующий по старшинству брат, Дмитрий Иванович Углицкий по прозвищу Жилка (1481–1521), также не был женат, и его выморочный удел перешел к великому князю. Около 1520 года он имел какое-то столкновение со своим старшим братом, однако дело завершилось мирно (152, 131).

Четвертый сын Ивана Великого, Семен (1487–1518), владел небольшим калужским уделом. В 1511 году он пытался бежать в Литву, затем был лишен своего удела. Счастливо избегнув тюрьмы, он умер в Москве 26 июня 1518 году. Семен также не был женат, и его удел был взят Василием III.

Последний брат, Андрей Иванович (1490–1537), полной мерой хлебнул из чаши унижения. Василий отпустил его на удел лишь в 1519 году, причем сильно сократил размеры удела по отношению к тем, которые названы были в завещании Ивана III. В январе 1533 года великий князь позволил Андрею жениться на дочери князя Андрея Хованского Евфросинии. После кончины Василия III Андрей потребовал увеличить свой удел, но получил отказ. Весной 1537 года он попытался бежать в Литву, но был перехвачен московскими войсками, обманом привезен в Москву и здесь арестован. Князь был помещен в ту же придворную тюрьму («Набережную палату»), где содержались и другие знатные узники. На него надели тяжкие оковы и даже какую-то «шляпу железную». Не выдержав всего этого, Андрей через несколько месяцев скончался. Его вдова вышла на свободу года через два после смерти мужа. Вместе с сыном Владимиром (1535–1569), которому в 1541 году был возвращен Старицкий удел, она через 30 лет пала жертвой опричного террора Ивана Грозного.

Таким образом, сыновья Ивана III стали главными жертвами той политики искоренения уделов, которой придерживался их отец.

Сама судьба помогла московским государям покончить с удельной системой. Василий III имел всего лишь двух сыновей — Ивана (1530–1584) и глухонемого Юрия (1532–1562). Уничтожив Владимира Андреевича Старицкого в 1569 году, Грозный положил конец удельной системе. Сам он к концу жизни имел

двух сыновей — Федора и Дмитрия. Первый из них занял трон после кончины отца, а второй со всей родней по линии матери, Марии Нагой, отправился в ссылку в Углич. (Поистине, этому тихому и красивому верхневолжскому городу выпала какая-то зловещая роль в русской истории!) Положение, которое занимал в Угличе отрок Дмитрий, представляло собой нечто среднее между положением удельного князя и бесправного ссыльного. После загадочной гибели царевича Дмитрия 15 мая 1591 года, в которой многие винили правителя Бориса Годунова, удельная система окончательно становится историческим воспоминанием.

Но зло имеет свойство возвращаться к тому, кто его сотворил. Угличская трагедия стала искрой, долго тлевшей под спудом и много лет спустя вдруг полыхнувшей пожаром самозванства. Теперь Борису Годунову, а вместе с ним и всей стране, приходилось платить за все и по самой высокой цене. Так страшное дело братоубийства, начатое Иваном Великим во имя созидания могущественного Российского государства, нашло свое искупление в кровавых драмах Смутного времени.

Заветы Ивана Великого жили не только во внутренней, но и во внешней политике Московского государства. Его любимая идея собирания под одним скипетром «всея Руси» оказалась необычайно продуктивной. Как и положено великим идеям, она поначалу казалась почти безумной. Но в погоне за этим «почти» наследники Ивана зашли так далеко, что однажды и вправду проснулись хозяевами всех владений Ярослава Мудрого…

Иван начал борьбу за Прибалтику. Он хотел видеть русских полноправными участниками балтийской торговли, способными на равных разговаривать с другими народами региона. Но добиться этого он так и не смог. Слишком сильным было дружное сопротивление европейских государств, не желавших допускать Россию в свой тесный круг. Исполнение балтийского замысла оказалось не по плечу и Ивану Грозному, потратившему 25 лет на бесплодную Ливонскую войну (1558–1583). Тщетно бились над этим царь Федор Иванович, Борис Годунов и первые Романовы. Однако настойчивость, сопряженная с умением, рано или поздно вознаграждается. Со времен Петра Великого мечта Ивана становится политической реальностью.

Иван начал «прибирать к рукам» беспокойное наследство Золотой Орды. Он первым очертил то, что позднее назовут «национальной политикой» России. В своих отношениях с надменными татарскими ханами Иван соединял силу «кнута» со сладостью «пряника». Он умел говорить с Востоком на его языке. Он понял, что великая Россия без Востока так же немыслима, как и без Запада, и начал понемногу расширять свои владения на

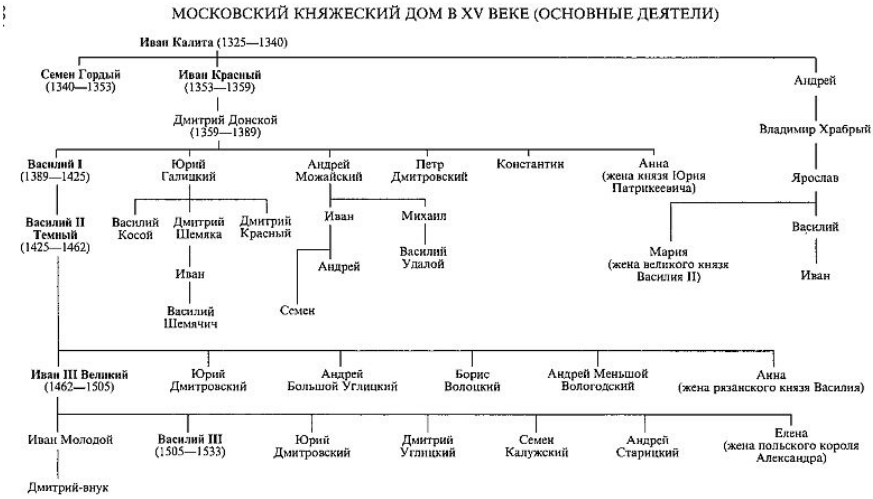
восток. Тем самым было положено начало трехвековому движению русских к Тихому океану.

Иван «прикармливал» Крым и присматривался к Турции. Но при этом он всегда держал в уме и весь сложный расклад политических интересов в Восточной Европе. Это был правитель, обладавший стратегическим мышлением. Он заглядывал в будущее не только на дни и месяцы, но на годы и десятилетия. Стремясь вывести Россию из ее византийского одиночества, Иван готов был вступать в любые союзы и коалиции. Впрочем, при этом он никогда не терял здравого смысла и доброй доли цинизма, присущего выдающимся политикам всех времен.

Люди, подобные Ивану Великому, всегда вызывают у потомков сложное чувство. Их оценка столь же противоречива, как противоречива и сама природа российской верховной власти, объединяющей — но и подавляющей. Во времена Ивана Великого Россия выходила из политического распада и нравственного унижения через диктатуру. По происхождению, воспитанию и в силу обстоятельств ему суждено было стать первым российским диктатором («самодержцем»). Как правитель он был, несомненно, первоклассным мастером своего дела. И в этом отношении он заслуживает нашего восхищения. Что же касается нравственного (или, скорее, безнравственного) аспекта его деятельности, — то здесь мы вступаем в ту область, где каждый сам составляет свою калькуляцию…

Создатель самодержавия — системы, которая принесла России так много славы и так много бесчестья — Иван Великий все так же возвышается на дальнем горизонте нашей истории. В низких лучах заходящего солнца империи его высокая, сутулая фигура отбрасывает огромную тень, вплотную подступающую к нашим ногам.

МОСКОВСКИЙ КНЯЖЕСКИЙ ДОМ В XV ВЕКА (ОСНОВНЫЕ ДЕЯТЕЛИ)

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией). Т. 1. СПб., 1841.

2. Барбаро и Контарини о России. Л., 1971.

3. Волоколамский патерик (По рукописи Московской Синодальной библиотеки № 927). Сергиев Посад, 1915.

4. Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. М., 1988.

5. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

6. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.

7. Житие Пафнутия Боровского. — В приложении к статье: Кадлубовский А.П. Житие преподобного Пафнутия Боровского, написанное Вассианом Саниным // Сборник Историко-филологического общества при Институте князя Безбородко в Нежине. Т. 2. Нежин, 1899.

8. Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994.

9. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 1. СПб., 1882 // Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1882.

10. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией. Т. 1. СПб., 1884 // Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884.

11. Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М., 1981.

12. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М., 1982.

13. Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984.

14. Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М.,1985.

15. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986.

16. Полное собрание русских летописей. Т. IV. Новгородская четвертая летопись. Вып. 1. Пг., 1915. Вып. 2. Л., 1925.

17. Полное собрание русских летописей. Т.V. Софийская первая летопись. СПб., 1851.

18. Полное собрание русских летописей. Т. VI. Софийская вторая летопись. СПб., 1853.

19. Полное собрание русских летописей. Т. VIII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859.

20. Полное собрание русских летописей. Т. XII. Никоновская летопись. СПб., 1901.

21. Полное собрание русских летописей. Т. XV. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб., 1863.

22. Полное собрание русских летописей. Т. XV. Вып. 1. Рогожский летописец. М., 1965.

23. Полное собрание русских летописей. Т. XVI. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. СПб., 1889.

24. Полное собрание русских летописей. Т. XVII. Западнорусские летописи. СПб., 1907.

25. Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. Симеоновская летопись. СПб., 1913.

26. Полное собрание русских летописей. Т. XIX. История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб., 1903.

27. Полное собрание русских летописей. Т. XX. Львовская летопись. Ч. 1. СПб., 1910.

28. Полное собрание русских летописей. Т. XXI. Степенная книга. СПб., 1909.

29. Полное собрание русских летописей. Т. XXIII. Ермолинская летопись. СПб., 1910.

30. Полное собрание русских летописей. Т. XXIV. Типографская летопись. Пг., 1921.

31. Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949.

32. Полное собрание русских летописей. Т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1959.

33. Полное собрание русских летописей. Т. XXVII. Никаноровская летопись. М.; Л., 1962.

34. Полное собрание русских летописей. Т. XXVIII. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. Уваровская летопись. М.; Л., 1963.

35. Полное собрание русских летописей. Т. XXX. Владимирский летописец. М., 1965.

36. Полное собрание русских летописей. Т. XXXI. Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968.

37. Полное собрание русских летописей. Т. XXXVII. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982.

38. Полное собрание русских летописей. Т. XXXIX. Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского. М., 1994.

39. Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959.

40. Псковские летописи. Выпуск 1. М.; Л., 1941.
41. Псковские летописи. Выпуск 2. М., 1955.
42. Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997.
43. Русская историческая библиотека. Т. 6. СПб., 1908.
44. Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. Вып. 1. М., 1986.
45. Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. Вып. 2. М., 1987.
46. Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. Вып. 3. М., 1987.
47. Святитель Иоанн Златоуст. Избранные беседы о повседневных вопросах христианской жизни. М., 1999.
48. Судебник 1497 года. Текст // Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. М., 1985.
49. Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. V. История Российская. Ч. 3. М., 1996.
50. Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. VI. История Российская. Ч. 4. М., 1996.

ЛИТЕРАТУРА

51. Алексеев Ю.Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989.
52. Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991.
53. Алексеев Ю.Г. «К Москве хотим»: Закат боярской республики в Новгороде. Л., 1991.
54. Алексеев Ю.Г. Под знаменами Москвы. М., 1992.
55. Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952.
56. Бегунов Ю.К. «Слово иное» — новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви // ТОДРЛ. Т. XX. М.; Л., 1964.
57. Бегунов Ю.К. Секуляризация в Европе и собор 1503 г. в России // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972.
58. Белякова Е.В. К истории учреждения автокефалии русской церкви // Россия на путях централизации. М., 1982.
59. Бондаренко И.А. Благовещенский собор в ансамбле Московского Кремля // Уникальному памятнику русской культуры Благовещенскому собору Московского Кремля 500 лет. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции (13–15

ноября 1989 года). М., 1989.

60. Бондаренко И.А. Москва в конце XV–XVI вв. // Древнерусское градостроительство X–XV веков. М., 1993.

61. Борисов Н.С. Отечественная историография о влиянии татаро-монгольского нашествия на русскую культуру // Проблемы истории СССР. М., 1976.

62. Борисов Н.С. К изучению датированных летописных известий XIV–XV веков // История СССР. 1983. № 4.

63. Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе XIV–XV веков. М., 1986.

64. Борисов Н.С. Политика московских князей (конец XIII — первая половина XIV века). М., 1999.

65. Вернадский Г.В. Россия в средние века. Тверь; Москва. 1997.

66. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь; Москва.1997.

67. Вигилев А.Н. История отечественной почты. Ч. 1. М., 1977.

68. Викторов А.М., Звягинцев Л.И. Белый камень. М., 1981.

69. Воробьев А.В., Подъяпольский С. С. Беклемишевская башня Московского Кремля по данным реставрационных наблюдений // Стенам и башням Московского Кремля 500 лет. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции (12–14 ноября 1985 года). М., 1985.

70. Всемирная история в 24 томах. Т. 9. Минск, 1998.

71. Вы голов В.П. Архитектура Московской Руси середины XV века. М., 1988.

72. Вы голов В. П. Архитектурные особенности Благовещенского собора и его место в развитии русского зодчества XV века // Уникальному памятнику русской культуры Благовещенскому собору Московского Кремля 500 лет. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции (13–15 ноября 1989 года). М., 1989.

73. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 2. Первая половина тома. М., 1997.

74. Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975.

75. Гумилев Л.Н. От Руси к России. М., 1992.

76. Гусева Э.К. Иконы «Донская» и «Владимирская» в копиях конца XIV—начала XV в. // Древнерусское искусство. XIV–XV вв. М., 1984.

77. Данилевский И.Н. Эсхатологические мотивы в Повести временных лет // У источника. Сборник статей в честь члена-корреспондента Российской Академии наук Сергея Михайловича Каштанова. Ч. 1–2. М., 1997.

78. Елисеев С. А. Рождение собора // Встречи с историей. М.,

1988.

79. Забелин И.Е. История города Москвы. М., 1990.

80. Зимин А. А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.) М., 1972.

81. Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М., 1982.

82. Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988.

83. Зимин А. А. Витязь на распутье. Феодальная война в России XV в. М., 1991.

84. История Польши. Т. 1. М., 1956.

85. Кавельмахер В.В. Некоторые вопросы изучения архитектуры Благовещенского собора // Уникальному памятнику русской культуры Благовещенскому собору Московского Кремля 500 лет. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции (13–15 ноября 1989 года). М., 1989.

86. Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси (XIV— начало XVI века). М.; Л., 1955.

87. Калинин В. А. Монеты Ивана III с русско-татарскими легендами // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXI. Л., 1981.

88. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991.

89. Карамзин Н.М. История Государства Российского. Тома V–VIII. Калуга, 1995.

90. Каргалов В.В. Конец ордынского ига. М., 1980.
91.Карлейль Томас. Исторические и критические опыты. М., 1878.

92. Карлейль Томас. Французская революция. М., 1991.

93. Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 1. М., 1991.

94. Каштанов СМ. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI века. М., 1967.

95. Каштанов СМ. Русский «удел» XIV–XVI вв. как социально-политическое явление (Правовые основы и практика) // Общество, государство, право России и других стран Европы. Норма и действительность. Ранний и развитой феодализм. Чтения, посвященные памяти академиков С Д. Сказкина и Л. В. Черепнина. Тезисы докладов и сообщений. Москва. 25–27 октября 1983 г. М., 1983.

96. Каштанов СМ. Церковная юрисдикция в конце XIV — начале XVI в. // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990.

97. Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980.

98. Клосс Б.М., Назаров В.Д. Рассказы о ликвидации

ордынского ига на Руси в летописании конца XV в. // Древнерусское искусство. XIV–XV вв. М., 1984.

99. Клосс Б.М., Назаров В.Д. Русские летописи о возведении Московского Кремля в конце XV — начале XVI вв. // Стенам и башням Московского Кремля 500 лет. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции (12–14 ноября 1985 года). М., 1985.

100. Клосс Б.М., Назаров В.Д. Благовещенский собор и письменьше источники XV–XVI веков // Уникальному памятнику русской культуры Благовещенскому собору Московского Кремля 500 лет. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции (13–15 ноября 1989 года). М., 1989.

101. Клосс Б.М., Назаров В. Д. Полемическое сочинение 1481 г. о хождении «посолонь» // Московская Русь (1359–1584): культура и историческое самосознание. М., 1997.

102. Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. 2. М., 1988.

103. Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. 3. М., 1988.

104. Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории. М., 1992.

105. Московский Кремль в системе городовых сооружений XIV–XVII вв. // Стенам и башням Московского Кремля 500 лет. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции (12–14 ноября 1985 года). М., 1985.

106. Костю хин а Л.М. Записи XIII–XVIII вв. на рукописях Воскресенского монастыря // Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1962.

107. Кучкин В.А. К истории каменного строительства в московском Кремле в XV в. // Средневековая Русь. М., 1976.

108. Кучкин В.А. Казна московских великих князей и Благовещенский собор // Уникальному памятнику русской культуры Благовещенскому собору Московского Кремля 500 лет. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции (13–15 ноября 1989 года). М., 1989.

109. Кучкин В.А. Происхождение русского двуглавого орла. М., 1999.

110. Лаушкин А.В. К вопросу о формировании великокняжеского титула во второй половине XV в. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1995. № 6.

111. Лекомцев М.Г. Место встречи великого князя Ивана III с митрополитом Филиппом 1 сентября 1471 г. и некоторые вопросы топографии древней Москвы // Сакральная топография средневекового города. Известия Института христианской

культуры средневековья. Т. 1. М., 1998.

112. Лихачев Н.П. Прозвища великого князя Ивана III-го. СПб., 1897.

113. Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. М.; Л., 1960.

114. Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976.

115. Лурье Я.С. Две истории Руси XV века. СПб., 1994.

116. Мавродин В.В. Образование единого Русского государства. Л., 1951.

117. Макиавелли Никколо. Государь. М.; Харьков. 1998.

118. Малинов А.А. Закономерности пропорционального построения плана оборонительных сооружений Московского Кремля // Стенам и башням Московского Кремля 500 лет. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции (12–14 ноября 1985 года). М., 1985.

119. Малиновский А.Ф. Обозрение Москвы. М., 1992.

120. Мил о в Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

121. Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга (официальной редакции) (по 1565 г.). М., 1901.

122. Николаева Т.В. Икона-складень XV в. и поход Ивана III на Новгород // Культура средневековой Руси. Л., 1974.

123. Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988.

124. Пайпс Ричард. Россия при старом режиме. М., 1993.

125. Панова Т.Д. О захоронении Софьи Палеолог в Московском Кремле // Россия и христианский Восток. Вып. 1. М., 1997.

126. Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982.

127. Петров П.Н. История родов русского дворянства. Книга первая. М., 1991.

128. Печников Б. А. Тевтонский орден: вчера и сегодня // Встречи с историей. М., 1988.

129. Подъяпольский С.С. К вопросу о своеобразии архитектуры московского Успенского собора // Успенский собор Московского Кремля. Материалы и исследования. М., 1985. С. 24–51.

130. Попов А.И. Следы минувших времен. Л., 1981.

131. Потин В.М. Венгерский золотой Ивана III // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972.

132. Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918.

133. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с

вандалами. Тайная история. М., 1993.

134. Развитие русского права в XV — первой половине XVII в. М., 1986.

135. Ренан Эрнест. Жизнь Иисуса. СПб., 1906.

136. Ренан Эрнест. Антихрист. СПб., 1907.

137. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М., 1993.

138. Семенченко Г.В. О хронологии некоторых грамот, упоминающих «великого князя» Ивана III Васильевича // Археографический ежегодник за 1983 год. М., 1985.

139. Сергий (Спасский). Полный месяцеслов Востока. Т. 2. М., 1997.

140. Сергий (Спасский). Полный месяцеслов Востока. Т. 3. М., 1997.

141. Синицы на Н.В. Автокефалия Русской Церкви и учреждение Московского патриархата (1448–1589 гг.) // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990.

142. Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв. Новосибирск, 1991.

143. Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992.

144. Соболева Н.А. Русские печати. М., 1991.

145. Соловьев СМ. Сочинения в 18 книгах. Кн. II. Т. 3–4. М., 1988.

146. Соловьев СМ. Сочинения в 18 книгах. Кн. III. Т. 5–6. М., 1989.

147. Спегальский Ю.П. Псков. Л., 1978.

148. Тихомиров М.Н. Средневековая Москва вXIV–XV вв. М., 1957.

149. Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков. М., 1973.

150. Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М., 1975.

151. Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979.

152. Ткаченко В. А. История России XIII–XVI вв. Московские великие и удельные князья и цари. М., 1998.

153. Федоров В.И. Успенский собор: исследование и проблемы сохранения памятника // Успенский собор Московского Кремля. Материалы и исследования. М., 1985.

154. Флоренский П.А. Иконостас. М., 1994.

155. Флоря Б.Н. О «Летописце Быховца» // Источники и историография славянского Средневековья. Сборник статей и материалов. М., 1967.

156. Флоря Б.Н. Эволюция иммунитета светских феодалов в период образования единых Польского и Русского государств // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом

развитии Руси и Польши XII–XIV вв. М., 1974.

157. Флоря Б.Н. О путях политической централизации Русского государства (на примере Тверской земли) // Общество и государство феодальной России. М., 1975.

158. Флоря Б.Н. Попытки заключения церковной унии в Великом княжестве Литовском в конце XV в. и Брестская уния // Католицизм в России и Православие в Польше (XI–XX вв.). М., 1997.

159. Хейзинга Й. Осень Средневековья. М., 1988.

160. Хорошев А.С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980.

161. Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980.

162. Хорошкевич А.Л. Католики в представлениях русских летописцев XIV–XV вв. // Католицизм в России и Православие в Польше (XI–XX вв.). М., 1997.

163. Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 2.М.; Л., 1951.

164. Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960.

165. Шабульдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987.

166. Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978.

167. Штамм СИ. Введение к разделу «Судебники» в книге: Российское законодательство X–XX веков. М., 1985.

168. Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 2. СПб., 1891.

169. Янин В.Л. Некрополь новгородского Софийского собора. М., 1988.

170. Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991.

171. Янин В.Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998.

172. Fennell J.L.I. Ivan The Great of Moscow. London, 1961.

173. Lauring Palle. A History of Denmark. Copenhagen, 1995.

174. Mor by John E. The Wordsworth Handbook of Kings and Queens. Wordsworth Reference, 1989.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИВАНА ВЕЛИКОГО

1440, 22 января — рождение Ивана Великого.

1445, 7 июля — Василий II пленен татарами в битве под Суздалем.

1446, 13 февраля — Василий II схвачен в Троицком монастыре.

1447, 17 февраля — ослепление Василия Темного в Москву.

1448, март — княжич Иван послан с войсками во Владимир.

1451, 2 июля — набег татар «царевича» Мазовши на Москву.

1452, январь-февраль — князь Иван послан с войском на Устюг.

4 июня — брак князя Ивана с Марией Тверской.

1453, 18 июля — смерть Дмитрия Шемяки в Новгороде. 1454 — поход князя Ивана с войсками на Оку против татар. 1458, 15 февраля — родился сын князя Ивана — Иван Молодой. 1459 — поход князя Ивана с войсками на Оку против татар.

1462, 17 марта — умер великий князь Василий Васильевич Темный. 1467, 22 апреля — кончина великой княгини Марии Борисовны. Сентябрь — начало войны с Казанским ханством.

1471, 20 июня — начало первого похода на Новгород.

14 июля — разгром новгородцев в битве на реке Шелони.

1472, 30 апреля — закладка нового Успенского собора в Москве.

Лето — отражение нашествия хана Ахмата на Оке.

12 ноября — брак Ивана III с Софьей Палеолог. 1475, 26 марта — в Москву приехал Аристотель Фиораванти.

22 октября — отъезд Ивана III в Новгород для суда. 1477, 9 октября — начало второго похода на Новгород.

1479, 25 марта — рождение княжича Василия (будущего Василия III).

12 августа — освящение нового Успенского собора.

1480, февраль — начало мятежа Андрея Углицкого и Бориса Волоцкого.

Осень — «стояние на Угре». Конец ордынского ига над Русью. 1483, январь — брак Ивана Молодого с Еленой Волошанкой. 10 октября — родился сын Ивана Молодого Дмитрий.

1485, 19 июля — начало строительства нового московского Кремля.

75 сентября — падение Тверского княжества.

1486, апрель — ликвидация верейско-белозерского удела.

1487, 9 июля — взятие Казани войсками Д. Д. Холмского.

1489, август — покорение Вятской земли войсками Д. В. Щени.

1490, 7 марта — кончина Ивана Ивановича Молодого.

1491, сентябрь — арест князя Андрея Углицкого в Москве.

1492, весна — закладка крепости Ивангород.

1494, 5 февраля — конец «странной войны» с Литвой (1487–1494).

Осень — начало борьбы с Ганзейским союзом.

1495, 15 февраля — брак Александра Литовского с княжной Еленой.

20 октября — отъезд Ивана III в Новгород. 1496 — установление дипломатических отношений с Турцией.

1497, сентябрь — принятие Судебника.

1498, 4 февраля — венчание Дмитрия-внука на великое княжение. 1500, 14 июля — разгром литовцев в битве на реке Ведроши. 1502, апрель — князь Василий объявлен наследником.

1505, 27 октября — кончина Ивана Великого.

СПИСОК КАРТ

Образование Русского централизованного государства (1462–1533 гг.).

Новгородская феодальная республика в XII–XV вв.

Великое княжество Литовское в XIII–XV вв.

Все карты воспроизведены из книги: Муравьев А. В., Самаркин В. В. Историческая география эпохи феодализма (Западная Европа и Россия в V–XVII вв.). М., 1973.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Великий князь Василий Васильевич. Миниатюра из «Титулярника». 1672

Печать великого князя Василия Васильевича на его духовных грамотах. 1462 г

Ослепление великого князя Василия Васильевича Темного. Миниатюра Лицевого летописного свода. XVIв.

Троице-Сергиев монастырь. Троицкий собор и Духовская церковь в конце XV в. Реконструкиия В. И. Балдина.

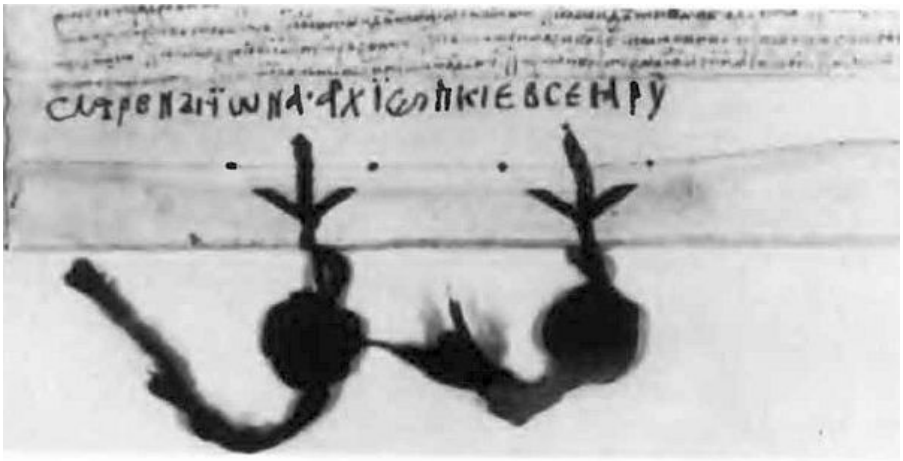
Митрополит Иона. Покров. Вклад царицы Анастасии Романовны. 1553 г. Фрагмент.

Галич Мерьский. Вид города с запада. Реконструкция М. П. Кудрявцева.

Начало княжения великого князя Ивана III. Миниатюра Лицевого летописного свода.

Автограф митрополита Ионы.

Святой Георгий. Мастерская В. Д. Ермолина. 1464 г

Автограф и печать митрополита Феодосия.

Молящиеся новгородцы. Икона. 1467 г.

Увоз вечевого колокол из Новгорода в Москву.
Миниатюра Лицевого летописного свода.

Новгород. Софийский собор

Андрей Палеолог, брат великой княгини Софьи Палеолог. С фрески Пинтуриккьо во Дворце Борджиа в Ватикане.

Венчание великого князя Ивана [I] с Софьей Палеолог. Миниатюра Лицевого летописного свода.

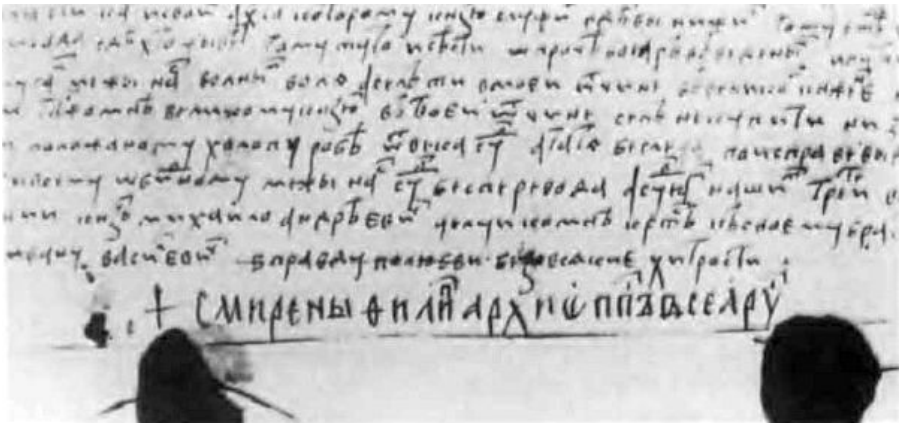
Софья Палеолог. Реконструкция С А. Никитина.

Псков. Панорама центра города из-за реки Великой в XV–XVI вв. Рисунок Г. Я. Моксева.

Погребение митрополита Филиппа Миниатюра Лииевого летописного свода.

Автограф митрополита Филиппа.

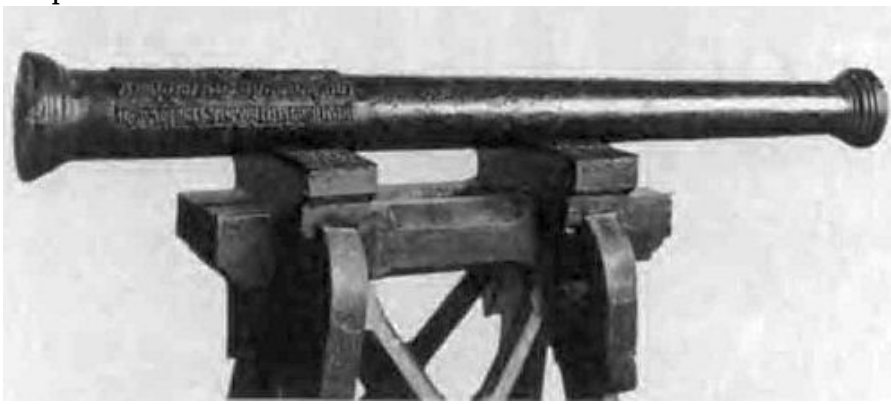
Успенский собор московского Кремля.

Пир после освящения Успенского собора. Миниатюра Лицевого летописного свода. Фрагмент.

Иван III топчет ханскую басму. Миниатюра «Казанской истории». XVII в.

Пищаль конца XV в. На задней части орудия надпись: «По велению благовернаго и христолюбиваго великаго князя Ивана Васильевича государя всея Руси зделана бысть сия пищаль в лето

6993 (1485) месяца сентября, 30 лето господаре! ва его, а делал Яков».

Нъ помнѧ̀ше дни прѣжде бывшаѧ̀, и не позмогоша. Не тоѧ̀ше ждуще ѥ̀гда рѣка станетъ. Бѣ ша̀ма разноѧ̀зычьно. Гда рѣка же начѧ̀ста ѥ̀ма. Бѣ же тогда нашѣ ѥ̀диноу другꙋ боѧ̀хоуса.

Стояние на Угре. Миниатюра Лицевого летописного свода.

Дионисий. Икона Божией Матери Одигитрии. 1482 г.

Дионисий. Святитель Николай, архиепископ Мир Ликийских. Фреска из собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря.

Церковь Положения Риз Пресвятой Богородицы. 1485 г. Построена по указанию архиепископа Ростовского Иоасафа на земле, принадлежавшей Ферапонтову монастырю Рисунок В. Ф. Соколовой.

Скульптурная группа Иван III. Фрагмент памятника «Тысячелетие России» в Новгороде. М. О. Микешин.

Великий князь Иоанн Васильевич. Портрет из «Титулярника» 1672 г.

Шитая пелена великой княгини Елены Волошанки. Конец XV в. Общий вид.

Печать великого князя Ивана III. 1504 г

Изображение семьи великого князя Ивана III на шитой пелене великой княгини Елены Волошанки.

Благовещенский собор московского Кремля.

Церковь Ризоположения московского Кремля.

Грановитая палата

Тронное кресло московских государей. XV–XVI вв.

Деталь трона — спинка с геральдическими изображениями орла, единорога и грифа.

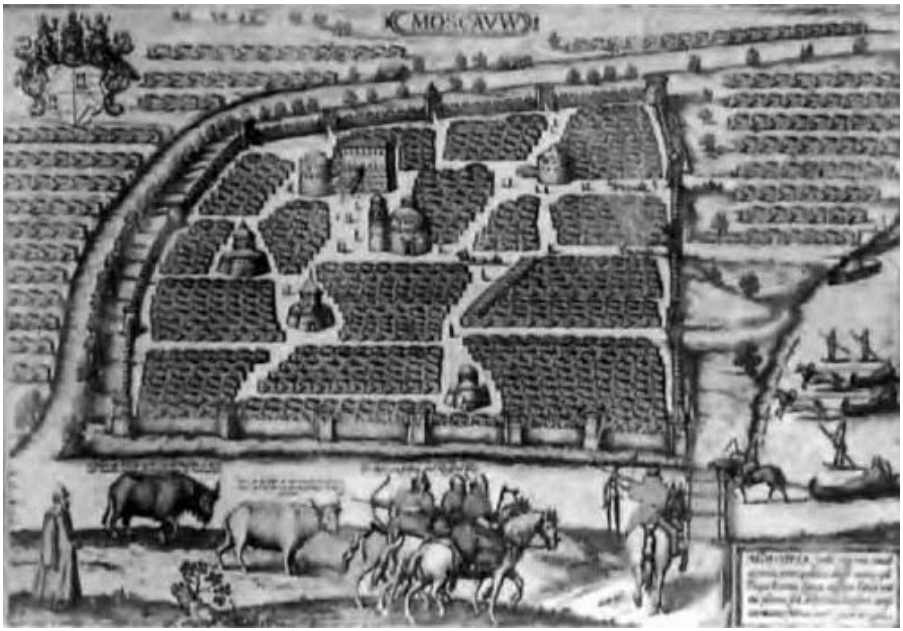
Святители. Роспись Успенского собора. XVII–XIX вв.

Заложение стрельницы Антонием Фрязином. Миниатюра Лицевого летописного свода.

Пушка, отлитая в Москве Павлином Фрязином в 1488 г. Миниатюра Лицевого летописного свода.

Вид Кремля с изображением главнейших соборов Гравюра из книги С. Герберштейна.

Московский Кремль при Иване III. Акварель А. М. Васнецова.

Иван III. Гравюра из «Космографии» А. Теве. 1575 г.

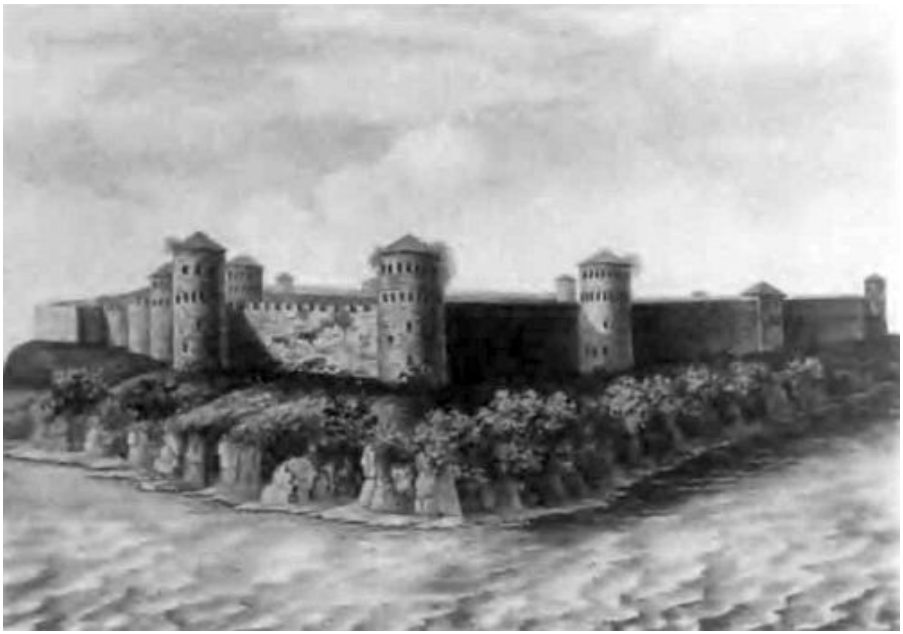
Закладка церкви Спаса на Новом. Миниатюра Лицевого летописного свода.

Новоспасский монастырь. Старинная гравюра.

Русский всадник. Гравюра из книги С. Герберштейна.

Вид Иван городской крепости. Из «Атласа к материалам для статистики Российской империи»

Венчание Дмитрия-«внука» в 1498] Миниатюра Лицевого летописного свода. Прорись.

Шапка Мономаха.

Опала на великого князя Василия Ивановича и казни бояр. Миниатюра Лицевого летописного свода

Преставление великого князя Ивана III. Миниатюра Лицевого летописного свода.

Архангельский собор московского Кремля.

Гробница великих князей Московских Василия II Васильевича, Ивана III Васильевича и Василия III Ивановича в Архангельском соборе московского Кремля.

notes

Примечания

1

Первая цифра в скобках означает номер издания в списке источников и литературы, помещенном в конце книги. Вторая цифра — номер страницы.